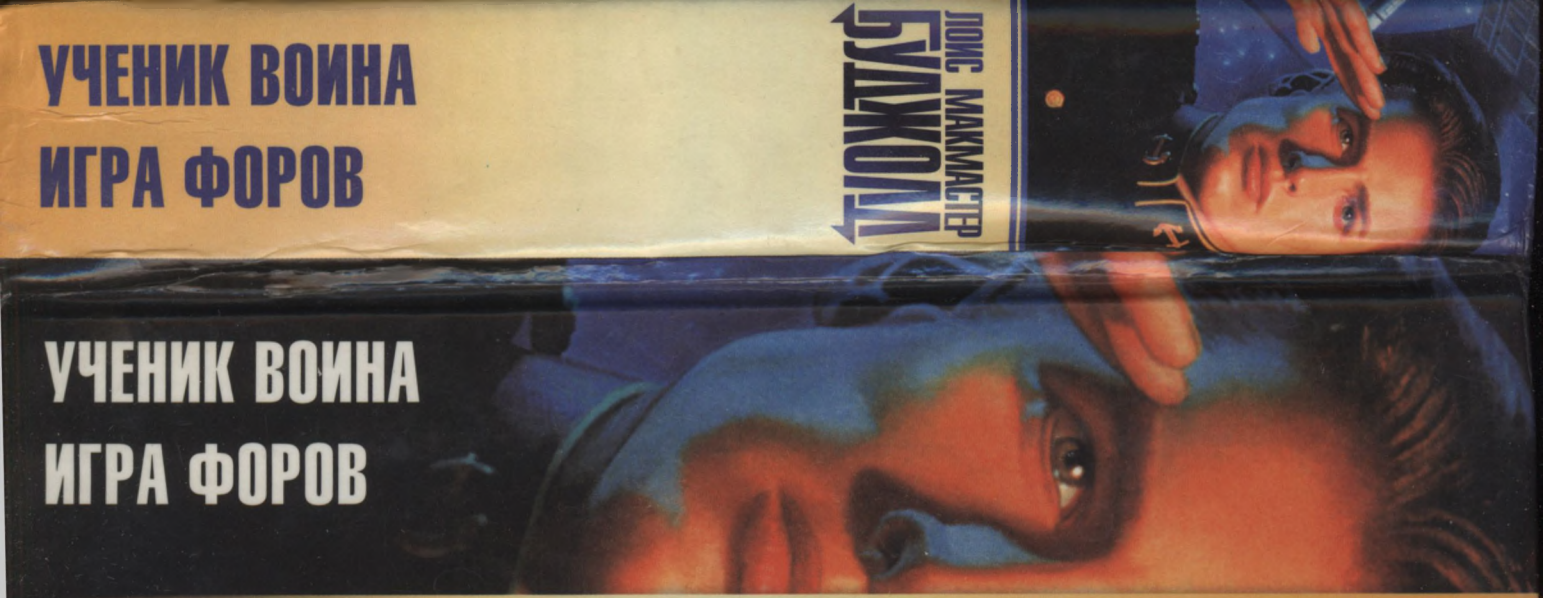
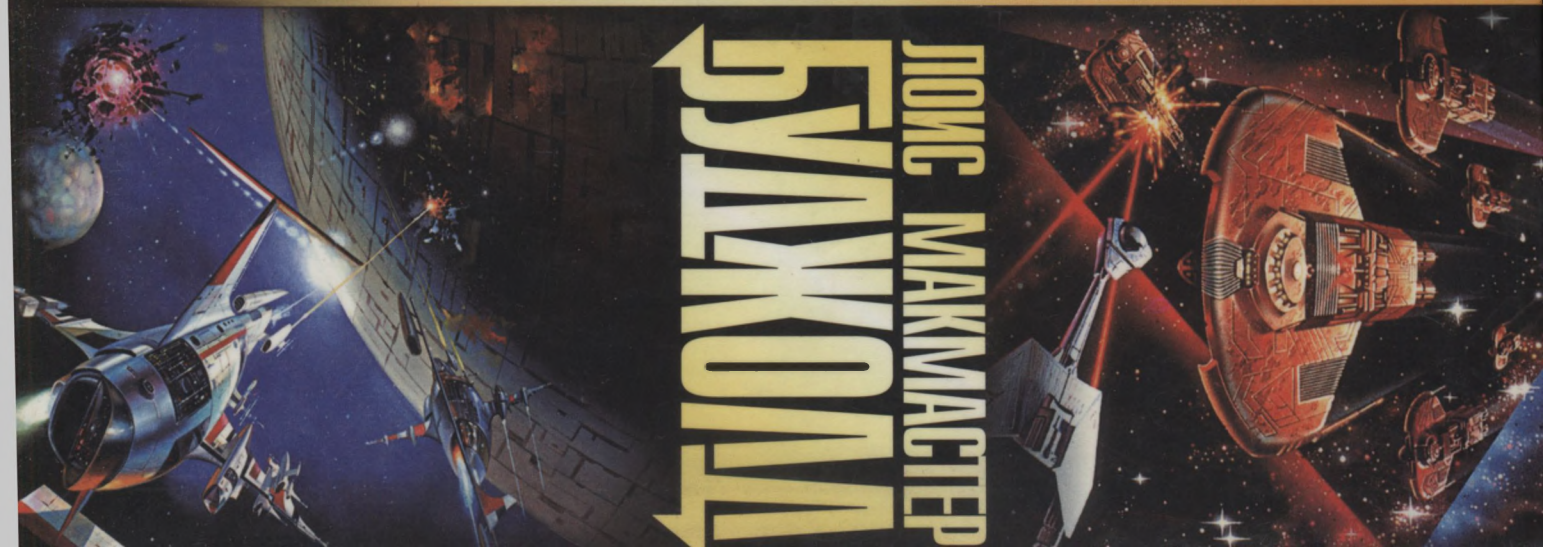
УЧЕНИК ВОИНА
ИГРА ФОРОВ

ЛОИС МАКМАСТЕР БУДЖОЛД



УЧЕНИК ВОИНА
ИГРА ФОРОВ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ



ЛОИС МАКМАСТЕР БУДЖОЛД

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

LOIS McMASTER

BUJOLD

THE WARRIOR'S APPRENTICE

THE VOR GAME

ЛОИС МАКМАСТЕР

БУДЖОЛД

УЧЕНИК ВОИНА

ИГРА ФОРОВ

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
1999

ББК 84 (7США)
Б90

Серия основана в 1999 году

*Перевод с английского С. Роя, С. Курдюкова ("Ученик воина")
и И. Дернова ("Игра форов")*

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента Spectrum Literary Agency

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Буджолд Л.М.

Б90 Ученик воина. Игра форов: Романы / Пер. с англ. –
М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999. – 720 с. –
(Золотая библиотека фантастики).

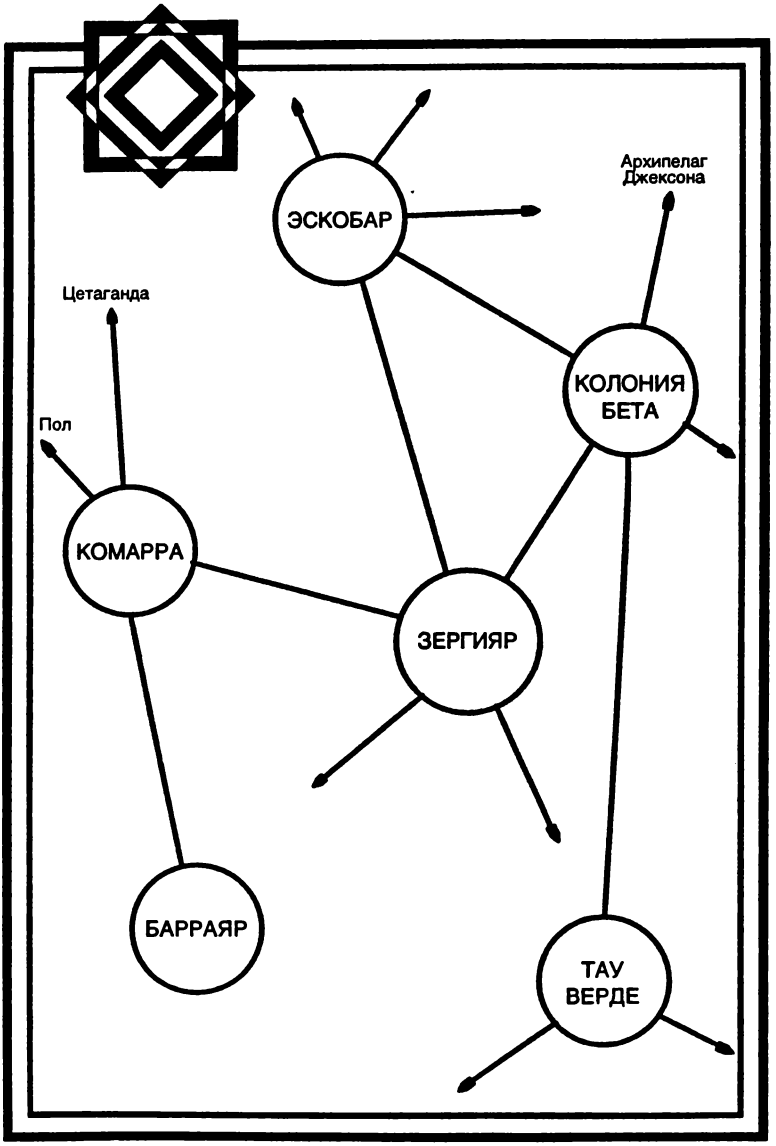
ISBN 5-237-02668-0

Вселенная Лоис Макмастер Буджолд – это Вселенная могущественных супердержав и долгих, жестоких войн. Вселенная тонкой политической игры и изощренных придворных интриг. И, конечно же, самое главное – это Вселенная одного из самых запоминающихся персонажей научной фантастики – Майлза Форкосигана, полководца, путешественника, дипломата, придворного и, наконец, просто героя.

Читайте романы "Ученик воина" и "Игра форов", по праву вошедшие в золотую библиотеку мировой фантастики.

© Lois McMaster Bujold, 1986, 1990
© ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999

УЧЕНИК ВОИНА


ЭСКОБАР
Архипелаг Джексона
КОЛОНИЯ БЕТА
Цетаганда
Пол
КОМАРРА
ЗЕРГИЯР
БАРРАЯР
ТАУ ВЕРДЕ

Лилиан Стюарт Карл посвящается

ГЛАВА 1

Высокий, хмурый старшина в парадном мундире императорской армии выглядел очень величественно, и даже коммуникатор у него в руке казался чем-то вроде маршальского жезла. Старшина рассеянно похлопывал им себя по бедру; глаза его с нескрываемой иронией прошлись по строю молодых людей.

«Ну что ж, так в эти игры и играют», — подумал Майлз. Он стоял на свежем, даже очень свежем осеннем ветру в трусах и кроссовках и старался не дрожать. Трудно сохранять спокойствие и ясность духа, когда стоишь вот так, почти голый, перед людьми, одетыми, как на смотре у императора Грегора. Хотя, если разобраться, большинство здесь щеголяло в том же наряде, что и он. А вот старшина, надзиравший за испытаниями, был один, но казалось, что он вездесущ — умел человек себя поставить. Майлз присмотрелся к нему: интересно, каким образом ему удается производить такое впечатление. Тут можно кое-чему поучиться...

— Бежать будете парами, — наставлял старшина. Он вроде и говорит-то негромко, а слышно в обоих концах строя. Это напомнило Майлзу отцовскую привычку понижать голос до шепота в минуты ярости. Попробуй тогда его не послушать. — Как только закончите бег с препятствиями, пойдет отсчет времени бега на пять километров. Запомнили? — И старшина начал вызывать пары.

Конкурсные испытания для поступающих в Императорскую Военную Академию длились уже целую неделю.

За спиной у Майлза было пять изнурительных дней — устные и письменные экзамены. Кругом уже вздыхали с облегчением, готовясь расслабиться. Кое-где слышался смех и, как всегда, когда худшее позади, — преувеличенные жалобы на недосып, коварство экзаменаторов... Но все эти сетования значили одно — можно лишний раз поздравить себя: они все-таки выдержали, уцелели, выжили. Для абитуриентов Императорской Военной Академии экзамены по физической подготовке будут игрой, временем отдыха. Самое трудное действительно позади — для всех, кроме Майлза.

Юноша вытянулся, словно пытаясь усилием воли распрямить свой искривленный позвоночник. Он слегка вздернул подбородок, чтобы удержать в равновесии слишком большую голову — она была бы впору человеку ростом за метр восемьдесят, а в нем всего-то полтора метра, — и внимательно осмотрел полосу препятствий. Начиналась она пятиметровой бетонной стеной с острыми металлическими штырями наверху. Взобраться на нее — не проблема, мышцы у него в порядке, а вот спуск... Кости, его окаянные хрупкие кости...

— Косиган, Костолиц, — выкрикнул старшина, проходя мимо. Майлз нахмурился и вскинул гневные глаза на старшину, но тут же овладел собою. Старшина опустил почтительную приставку перед его именем, но это вовсе не было оскорблением. В нынешние времена на императорской службе все классы равны, и это правильная политика. Одобренная, кстати, его собственным отцом.

Дедушка из-за этого ругался, но он старик, его уже не переделаешь. Он начинал карьеру еще в те времена, когда главным родом войск была кавалерия, а каждый командир сам обучал своих солдат. В те дни обратиться к нему без приставки «фор», значило нарваться на дуэль, если не хуже. А теперь вот внук генерала Форкосигана пытается поступить в военную академию, такую же, как на других планетах; там его обучат премудростям использования космического оружия, стремительными бросками сквозь пространственно-временные

туннели и тактике обороны планет. И стоит он плечом к плечу с мальчишками, которым прежде не разрешили бы чистить его меч.

Ну, не совсем плечом к плечу, иронически поправил себя Майлз, искоса поглядывая на кандидатов в кадеты по обе стороны от себя. Его напарник по преодолению препятствий Костолиц столкнулся с ним взглядом. В глазах его было откровенное любопытство. А глаза Майлза находились как раз на уровне здоровенного бицепса Костолица. Тут старшина дал команду «Разойдись!» — для тех, кто вступал в соревнования попозже, и Майлз с напарником сели на землю.

— Я уже неделю все к тебе приглядываюсь, — начал Костолиц. — Что это за хреновина у тебя на ноге?

Майлз легко подавил раздражение — чему-чему, а этому он научился. Такой, как у него, практикой не всякий похвалиться. Видит Бог, он действительно бросается в глаза в любой толпе, а тем более в такой. По крайней мере Костолиц при виде его не отмахивается и не заклинает нечистую силу, как одна дряхлая старуха у них в Форкосиган-Сюрло. В иных отсталых районах Барраяра — например, в глубине Дендарийских гор, в местности, принадлежащей Форкосиганам, — младенцев до сих пор убивают из-за любого врожденного дефекта, вплоть до заячьей губы, хотя власти и пытаются бороться с этим варварством. Майлз глянул на пару блестящих металлических стержней на своей левой голени, — до сегодняшнего дня их скрывали брюки.

— Накладки, — ответил он суховато.

Костолиц смотрел на стержни, как завороженный.

— А зачем это?

— Временно. У меня там пара хрупких костей. Накладки предохраняют их от поломок, пока хирург не убедится, что я больше не расту. А потом их заменят чем-то синтетическим.

— Ничего себе... Это болезнь такая или что? — Парень поменял позу и при этом еле заметно отодвинулся от Майлза.

Господи, с болью и яростью подумал Майлз, может, нацепить колокольчик, как прокаженные? Нужно сказать этому типу, что я заразный: мол, в прошлом году во мне было два метра... Он вздохнул и отогнал соблазн.

— Когда мать была мной беременна, ее пытались отравить ядовитым газом. Она в конце концов оправилась, но с костями у меня теперь неполадки.

— А-а. Тебя лечили?

— Еще как. В инквизиции и то так не лечат. Поэтому я и хожу на своих двоих, а то носили бы меня в ведре.

На лице у Костолица теперь читалось легкое отвращение, зато он прекратил свои незаметные маневры.

— А как ты прорвался через медосмотр? Тут же есть какое-то правило насчет минимального роста.

— На это закрыли глаза — пока не станут известны результаты экзаменов.

Мысли Майлза снова обратились к предстоящему испытанию. Им придется преодолевать часть дистанции по-пластунски, под лазерным огнем, и он сможет отыграть какие-то секунды; это ему очень пригодится на пятикилометровой дистанции. Там он подзадержится, с его-то ростом и хромотой, — он уже не помнил, сколько раз ломал ноги, и теперь его левая на четыре сантиметра короче правой. Но тут ничего не поделаешь. А завтра должно быть полегче — завтра испытания на выносливость. Конечно, поначалу это стадо длинноногих парней обойдет его, как миленького. На первых двадцати пяти километрах он будет в хвосте, да и на пятидесятом километре тоже, а вот после семидесяти пяти они почувствуют, почем фунт лиха. Там уже начнется настоящая боль. Я профессионал в этой науке, Костолиц, мысленно обратился он к своему сопернику. Завтра, где-то на сотом километре, мы продолжим разговор, задавай тогда свои дурацкие вопросы — если дыхалки у тебя хватит...

А-а, черт, надо думать о деле, а не об этом придурке. Прыжок с пяти метров... Пожалуй, лучше обойти стенку, заработать минус на этом. Но тогда средний балл будет паршивый. Ужасно не хочется жертвовать хоть

одним очком, да еще в самом начале. Каждое очко для него — на вес золота. Если пропустить стенку, в резерве ничего не останется...

— Ты и вправду собираешься справиться со всем этим? — спросил Костолиц, оглядываясь. — Набрать больше пятидесяти процентов?

— Нет.

Костолиц тупо посмотрел на него.

— Тогда какого хрена тебе здесь надо?

— А мне и не надо набирать пятьдесят процентов. Так, что-нибудь более или менее приличное...

Брови Костолица полезли вверх.

— Интересно, чью задницу тебе приходится лизать за такой блат? Может, самого Грегора Форбарры?

В его голосе звучали зависть и подозрительность. Майлз стиснул челюсти. Только не надо вспоминать про родителей...

— Ну а все-таки: как это ты собираешься поступить с такими оценками? — настойчиво допытывался Костолиц. — Глаза его сузились, а ноздри раздувались: не иначе как уловил запах привилегий.

Будь политиком, приказал себе Майлз. Это должно быть у тебя в крови, как и страсть к военному делу.

— Я подал прошение, — терпеливо объяснил он, — чтобы мне вывели средний балл, а не рассматривали все предметы по отдельности. Надеюсь, отметки за письменные компенсируют завал на физподготовке.

— Да ведь тебе придется набрать там почти сто процентов!

— Вот именно, — отрезал Майлз.

— Косиган, Костолиц, — выкликнул их имена другой старшина, в парадной форме.

Они пошли к старту.

— Мне из-за тебя придется туго, — недовольно заметил Костолиц.

— Почему? Ты к этому не имеешь никакого отношения. Это мои проблемы, — спокойно отозвался Майлз.

— Мы бежим в паре, чтобы задавать друг другу темп. А подстраиваться к тебе — невелика радость...

— А ты не слишком за мной гонись, — промурлыкал Майлз.

Костолиц нахмурился.

Их поставили на черту. Майлз глянул через плац, туда, где стояла группа людей — несколько военных, у которых поступали родственники, и челядь графских сынков, присутствовавших здесь сегодня. Он различил пару суровых слуг в ливреях Форпатрилов; должно быть, его кузен Айвен где-то недалеко.

А вон и Ботари, высокий и тощий, как лезвие ножа. На нем серебристо-коричневая ливрея Форкосиганов.

Майлз приподнял подбородок, незаметно приветствуя отставного сержанта. Ботари уловил его жест на расстоянии ста метров; до этого он стоял по команде «вольно», а тут вытянул руки по швам.

Пара офицеров-экзаменаторов, старшина и двое инспекторов, судивших на дистанции, сошлись в отдалении и о чем-то заспорили. Майлз заметил, как они жестикулируют и поглядывают на него. Спор быстро закончился, инспектора вернулись по местам, и один из офицеров дал старт следующей паре ребят. Старшина подошел к Майлзу и его напарнику; вид у него сейчас был уже не столь самоуверенный. Майлз изобразил на лице внимание и готовность.

— Косиган, — произнес старшина старательно-равнодушным тоном. — Тебе придется снять накладки с ноги. Во время экзаменов какие-либо искусственные вспомогательные средства не разрешаются.

Майлзу мгновенно пришла в голову целая дюжина контрдоводов, но он сдержался. Старшина был в некотором смысле его командиром, а Майлз знал, что сегодня оцениваются не только физические способности поступающих, но и кое-что еще, поважнее.

— Слушаюсь, сэр. Разрешите передать их моему слуге? — Во взгляде, который он бросил на старшину, была скрытая угроза: попробуй не разреши, я их суну тебе, и будешь таскаться с ними целый день...

— О, разумеется, сэр. — Это «сэр» вырвалось невольно; конечно, старшина знал кто он такой. По гу-

бам Майлза скользнула еле заметная усмешка и тут же исчезла. Он махнул Ботари, и телохранитель подбежал к нему.

— Разговаривать с домашними запрещено, — предупредил старшина.

— Слушаюсь, сэр, — отозвался Майлз, сел на землю и отстегнул ненавистный аппарат. Ну и хорошо; на целый килограмм меньше тащить на себе. Он кинул стержни Ботари — тот поймал их на лету. Потом Майлз неловким движением поднялся на ноги. Ботари не подал ему руки, чтобы помочь, — и правильно сделал.

Сейчас, видя их рядом, Майлз понял, что все познается в сравнении. Старшина оказался не таким уж высоким, довольно молодым и, в общем, вполне безобидным типом. Ботари был выше, старше и намного уродливее. Его действительно можно было испугаться. Но, конечно, Ботари уже носил погоны, когда этот парень еще пешком под стол ходил.

Узкая нижняя челюсть, хищно изогнутый нос, близко посаженные глаза непонятного цвета... Майлз глянул на слугу с любовной гордостью. Потом он смерил взглядом полосу препятствий, покосился на Ботари. Тот взглянул туда же, сжал губы, поправил накладки под мышкой и слегка качнул головой. Майлз в ответ чуть дернул уголком рта. Ботари вздохнул и трусцой отправился туда, где ждали остальные.

Значит, старина Ботари советует быть осторожнее. Ну что ж, это его работа: он должен следить, чтобы Майлз был цел и невредим. А карьера Майлза его не касается. Нет, ты несправедлив, тут же упрекнул себя юноша. Когда шла подготовка к этой сумасшедшей неделе, не было человека полезнее Ботари. Он тренировал Майлза долгими часами, выжимая из него все, на что способно его тело, выказывая неослабное рвение. Мой первый подчиненный, подумал Майлз. Моя личная армия.

Костолиц, вытаращив глаза, смотрел вслед Ботари. Похоже, он наконец-то узнал родовые цвета Форкосиганов.

— Ах, вот ты кто, — проговорил он со смесью зависти и почтительности. — Теперь ясно, почему тебе разрешили сдавать экзамены...

Майлз только напряженно улыбнулся, услыхав новое оскорбление. Он попытался придумать ответ поуничижительнее, но их уже вызывали на старт.

Как видно, творческая мысль Костолица продолжала работать, потому как он язвительно добавил:

— Так значит, вот почему лорд-регент не стал добиваться трона!

— На старт! — между тем крикнул инспектор. — Внимание! Марш!

Разумеется, Костолиц сразу же вырвался далеко вперед. Беги, беги, безмозглый ублюдок. Если догоню, я тебя тут же и пришибу, — бесился Майлз, чувствуя себя хромой коровой на скачках чистокровных лошадей.

Эта стена, эта чертова стена... Костолиц уже пыхтел где-то посередине, когда Майлз коснулся каменной кладки. Ну, по крайней мере сейчас он покажет этому мужлану, как лазать. Он взлетел вверх, словно крохотные опоры для пальцев рук и ног были широкими ступенями. Мышцы работали как бешеные, подстегиваемые яростью. Оказавшись на гребне раньше Костолица, Майлз глянул вниз — и остановился, неуверенно присев между штырями.

Инспектор внимательно наблюдал за ними. Раскрасневшийся напарник уже догнал Майлза.

— Ну что, фор? Испугался высоты? — выдохнул Костолиц, ухмыляясь через плечо. Он спрыгнул, ловко приземлился и помчался дальше.

Если спускаться осторожно, как какая-нибудь старая дама с артритом, будут потеряны драгоценные секунды... Может, удастся после приземления уйти в перекат? — Инспектор все смотрит, а Костолиц уже добрался до следующего препятствия... И Майлз прыгнул.

Время словно бы растянулось в бесконечность, пока он камнем летел к земле, — растянулось специально для того, чтобы он полностью, до тошноты, прочув-

ствовал свою ошибку. Майлз ударился о песок со знакомым треском ломающихся костей.

Он не вскрикнул, а только моргнул от боли. Равнодушный наблюдатель где-то в глубине души отметил, что сегодня его не спасли бы никакие накладки...

Сломанные ноги начали быстро опухать, покрываясь багровыми кровоподтеками. Майлз чуть отодвинулся назад, чтобы выпрямить их, а потом быстрым, непроизвольным движением уткнулся головой в колени. И только тут он позволил себе закричать. Это был бесконечный, отчаянный, безмолвный вопль раненого в самое сердце. Даже ругаться он не мог — никакое проклятие не дало бы сейчас облегчения.

До инспектора наконец дошло, что парень не собирается вставать. Майлз задом, опираясь на руки, отполз от стены, чтобы не мешать следующей паре, и терпеливо ждал Ботари.

Торопиться ему теперь было решительно некуда.

— Сколько себя помню, ты все собираешь приданое Элен. Но такие вещи давным-давно вышли из моды, — вместе с кавалерией, неужели ты не понимаешь? Даже форы теперь женятся без всякого приданого. Нынче не период Изоляции. — Майлз говорил насмешливо, но насмешка была мягкой, тщательно соразмеренной с одержимостью собеседника.

— Я хочу, чтобы все у нее было, как у людей.

— Да ты уже наверняка насобирал столько, что можешь купить ей Грегора Форбарру, — ухмыльнулся Майлз. Все знали, что его телохранитель годами урезал себя во всем ради приданого дочери.

— Об императорах не шутят. — Ботари пресек эти кощунственные остроты со всей твердостью, какой они заслуживали. Майлз вздохнул и начал осторожно взбираться по ступенькам, неуклюже двигая ногами, зажатыми в пластиковые шины.

Болеутоляющие, которыми его накачали перед уходом из госпиталя, уже перестали действовать, и он чувствовал безмерную усталость. Ночь он провел без

сна, под местным наркозом, обмениваясь шутками с хирургом, который трудился несколько часов, складывая в единое целое крохотные кусочки его переломанных костей. «А ты держался совсем неплохо», — подбадривал себя Майлз; но единственное, чего ему хотелось, — убраться со сцены и рухнуть где-нибудь в уголке. Оставалось доиграть еще два акта.

— А какого жениха ты ей хочешь подобрать? — весело поинтересовался Майлз, останавливаясь, чтобы передохнуть.

— Офицера, — твердо произнес Ботари.

Улыбка Майлза слегка поблекла. Значит, офицерское звание — предел твоих желаний, дорогой сержант?

— Надеюсь, ты еще не завтра потащишь ее под венец...

Ботари фыркнул.

— Конечно, нет. Ей же всего... — Он помолчал. Складка на лбу сержанта обозначилась еще сильнее. — Время идет... — пробормотал он и умолк окончательно.

Майлз преодолел последнюю ступеньку и вошел в дом Форкосиганов, мысленно готовясь к встрече с родными. Похоже, первой будет мама; тут без проблем. Она действительно появилась в парадном холле, как только слуга-телохранитель открыл дверь. Леди Форкосиган была уже в летах, ее огненно-рыжие волосы поседели, высокий рост скрадывал полноту. Она тяжело дышала: скорее всего сбежала вниз, увидев их в окно. Мать и сын молча обнялись. Глаза матери смотрели серьезно и понимающе.

— Отец дома? — спросил Майлз.

— Нет. Он сегодня с министром Квинтиллианом в императорской ставке, сражается с генштабом по поводу бюджета. Отец велел передать тебе привет и сказал, что попытается вернуться к обеду.

— Он... он ничего не говорил деду насчет вчерашнего, а?

— Нет, но мне кажется, чем скорее ты это сделаешь, тем лучше.

— Я думаю. — Он посмотрел вверх, туда, где кончалась длиннющая парадная лестница особняка Форкосиганов. Что ж, начнем с самого трудного...

— Дед наверху?

— Да, в своих апартаментах. Хотя, рада тебе сообщить, утром он даже прогулялся в саду.

— А-а... — И Майлз двинулся к лестнице.

— В лифт, — односложно скомандовал Ботари.

— Пустяки, тут всего один пролет.

— Хирург сказал, что вам надо избегать любых нагрузок.

Леди Форкосиган наградила Ботари одобрительной улыбкой; в ответ он вежливо пробормотал: «Миледи...» Майлз недовольно передернул плечами и направился вглубь дома.

— Майлз, — проговорила мать, когда он ковылял мимо. — Дед очень стар и не очень здоров, и уже много лет ему ни с кем не приходилось спорить, так что принимай его таким, каков он есть, ладно?

— Ты же знаешь, я так и делаю. — Он скорчил почтительную гримасу, демонстрируя готовность ко всяческой дипломатии. Мать рассмеялась, но ее глаза остались серьезными.

Добравшись до покоев деда, Майлз встретил Элен Ботари — она как раз выходила оттуда. Сержант приветствовал дочь молчаливым кивком, получив в ответ прелестную улыбку.

В тысячный раз Майлз задавался вопросом: как мог этот урод породить такую красавицу? Все его черты по отдельности отражались в лице Элен, но в преображенном виде. В свои восемнадцать лет она была очень высокой — метр восемьдесят, совсем как отец, с его метром девяносто пять; но Ботари был худ как щепка и вечно напряжен и озабочен, а она — изящна и полна жизни. У него нос изогнут клювом, а у Элен очень милый носик с легкой горбинкой. Его лицо кажется слишком узким, а у дочери — идеальный овал, красота, в которой безошибочно чувствуется порода. Глаза — темные, светящиеся, внимательные, без отцовской подозрительности и въедливости. Словом, отец и дочь походили друг на друга, словно два изваяния, высе-

ченных одним и тем же скульптором, — василиск и святая, застывшие над входом в старинный собор.

Майлз встряхнулся и обменялся коротким взглядом с очаровательной девушкой на голову выше себя. Надеюсь, ты еще не завтра выдашь ее замуж, сержант...

— Вот здорово. Я так рада, что ты здесь, — обратилась она к нему. — Сегодня с утра прямо беда с ним.

— Что, капризничает?

— Нет, напротив. Он очень бодр. Играл со мной в страто, не обращая на меня никакого внимания. Знаешь, я чуть у него не выиграла. А потом рассказывал про войну и все вспоминал о тебе. Будь у него карта, он бы втыкал флажки по дистанции, пока ты ее преодолевал... Может, мне остаться?

— Нет, что ты.

Элен сочувственно и с облегчением улыбнулась и пошла по коридору.

Майлз, глубоко вздохнув, толкнул дверь в комнату генерала графа Петера Форкосигана.

ГЛАВА 2

Старик был чисто выбрит и одет во все свежее. Он сидел в кресле, задумчиво глядя в сад за окном. Нахмурившись, граф оглянулся на того, кто прервал его размышления, увидел внука и широко улыбнулся.

— А-а, это ты, малыш. Садись. — Он указал на другое кресло, в котором, наверное, только что сидела Элен. Улыбка старика стала несколько озадаченной. — Черт, неужели я обсчитался на день? Мне казалось, сегодня ты должен трусить по горе Сенселе — вверх-вниз, вверх-вниз... И так сто километров.

— Нет, сэр, вы вовсе не потеряли этот день. — Майлз опустился в кресло. Ботари поставил перед ним стул и показал пальцем на его ноги — не нужно ли помочь, но Майлз, отрицательно покачав головой, попытался справиться с ними сам. Боль обожгла его, как огонь. —

Ладно, подними-ка их, сержант, — устало согласился он, и Ботари помог ему задрать вверх злосчастные конечности, утвердив их под медицински правильным углом. Потом сержант ретировался — хороший тактический ход, подумал Майлз, — и замер у двери по стойке смирно. Когда до старого графа дошел смысл всей этой пантомимы, его глаза расширились.

— Что ты натворил, малыш?

Надо проделать все быстро и безболезненно, как отрубают голову, например, раз — и все кончено.

— Спрыгнул со стенки и сломал обе ноги. Вчера, на полосе препятствий. В общем, провалился на физподготовке. Остальное... Впрочем, теперь это неважно.

— И вот ты вернулся домой.

— И вот я вернулся домой.

— Так. — Дед забарабанил изуродованными пальцами по подлокотнику. — Так. — Он неловко поерзал в кресле и сжал губы, не глядя на Майлза. Пальцы его снова застучали по подлокотнику. — А все из-за этой дурацкой ползучей демократии, — не выдержав, сварливо начал он. — Из-за убогого инопланетного вздора! Твой отец поощрял эти глупости — думал, что послужит тем Барраяру, ан нет. У него была прекрасная возможность искоренить все это в бытность его регентом, и он упустил ее, просто упустил... — Старик замолк. — Влюбился в женщину с другой планеты, в идеи с других планет, — продолжал граф, но уже без прежнего пыла. — Это все твоя мать виновата. С ее вечным бредом про равенство и братство...

— Ну брось, дед, — возразил Майлз, немного уязвленный. — Мама совершенно не интересуется политикой. Покойники, и те, наверно, интересуются больше.

— И слава Богу. Иначе она бы уже давно правила Барраяром. Я ни разу не слыхал, чтобы твой отец ей хоть в чем-то перечил. Ну ладно, могло быть и хуже...

Майлз лежал в кресле, не пытаясь больше защищать ни себя, ни мать. Беспокоиться было не о чем: престарелый генерал скоро начнет обсуждать проблему с разных сторон и сам себя переспорит.

— Может быть, нам всем надо меняться со временем? Может быть. Вот, скажем, сыновья лавочников — видит Бог, из них получаются великолепные солдаты. У меня под началом было порядком этих ребят. Я тебе никогда не рассказывал про одного молодца? Мы дрались с цетагандийцами в Дендарийских горах за Форкосиган-Сюрло. Лучший лейтенант, какого я помню. Мне тогда было не больше лет, чем сейчас тебе. В тот год он убил больше цетагандийцев, чем... А отец у него был портной. В те времена все кроили и шили вручную... — Старик вздохнул по безвозвратно ушедшей молодости. — Как же его звали...

— Тесслев, — подсказал Майлз. Он внимательно рассматривал свои ноги. Что ж, он может стать портным — благо теперь они такая же вымирающая порода, как и графы.

— Да-да, Тесслев. Погиб он, правда, при страшных обстоятельствах. Пошел на разведку, и их всех захватили в плен. Храбрый был до чертиков, ничего не боялся... — Наступило молчание.

Внезапно старый граф узрел спасительную соломинку и ухватился за нее.

— А соревнования проводили честно? Сейчас ни в чем нельзя быть уверенным. Какой-нибудь плебей-карьерист...

Майлз решительно покачал головой, торопясь пресечь эти фантазии, прежде чем они укоренятся в голове старика.

— Все было честно. Я сам во всем виноват. Задергался, не сумел вовремя собраться... Словом, я провалился, потому что слаб.

Дед яростно фыркнул. Он сжал кулак, но через мгновение рука его безнадежно разжалась.

— В мое время никто бы не посмел сомневаться в твоем праве...

— В твое время за мою неумелость заплатили бы жизнями другие. Теперь все устроено более справедливо, я в этом уверен. — Майлз старался говорить как можно спокойнее.

— Ну что ж... — Старик смотрел в окно, ничего не видя. — Времена и вправду меняются. Барраяр изменился. Он страшно изменился, уже когда мне исполнилось двадцать — в сравнении с тем, чем был при моем рождении. А потом, между двадцатью и сорока, произошла еще одна такая же перемена. Все изменилось, все, ничего прежнего не осталось... Потом еще одна перемена, от моих сорока до теперешних восьмидесяти. Все твои сверстники — слабое, выродившееся поколение... Даже грехи у нынешних людишек какие-то разжиженные. Старые пираты времен моего отца могли бы съесть их на завтрак и переварить косточки до обеда... Ты знаешь, я ведь буду первым графом Форкосиганом за все девять поколений, которому суждено умереть в постели... — Старик умолк, вглядываясь во что-то невидимое, а потом прошептал, словно обращаясь к самому себе: — Бог мой, как я устал от перемен...

— Сэр, — мягко прервал его Майлз.

Старик живо поднял на него глаза.

— Ты не виноват, малыш. Ни в чем не виноват. Просто ты попал в колеса судьбы, как и все мы. Это же случайность, что убийца, покушавшийся на твоего отца, выбрал именно такой яд. Он ведь не целился в твою мать. А ты всегда был молодцом. Наверное, мы хотели от тебя чересчур многого. Но никто не скажет, что ты ничего не добился!

— Благодарю вас, сэр.

Молчание становилось гнетущим; в комнате было слишком жарко. Голова у Майлза болела, его подташнивало от голода и лекарств. Он неловко поднялся.

— Если позволите, сэр...

Старик махнул рукой, отпуская его.

— Да, у тебя, наверное, дела... — Он снова помолчал, потом как-то растерянно глянул на Майлза: — Что же ты собираешься делать? Все так странно... Мы всегда были форы, воины, даже когда военное искусство изменилось вместе со всем остальным...

Дед казался таким маленьким, сидя в своем глубоком кресле. Майлз из последних сил постарался улыбнуться:

— Ну, зато я могу заняться еще одним излюбленным делом аристократов. Стану светским львом. Буду знаменитым эпикурейцем и женолюбом. Наверное, это веселее, чем военная служба.

К его удивлению, дедушка поддержал шутливый тон.

— Да, я всегда завидовал этим ребятам. Так что давай, малыш... — Он улыбнулся, но Майлз почувствовал, что эта улыбка была такая же вымученная, как и его собственная. Да и могло ли быть иначе — «бездельник» всегда было в устах старика страшнейшим из ругательств. Майлз вышел. Ботари последовал за ним.

Майлз сидел сгорбившись в потрепанном кресле в маленькой гостиной их огромного старинного дома. Он положил ноги на стул и закрыл глаза. В комнату эту редко кто заходил; можно было надеяться, что здесь его оставят в покое, наедине с невеселыми мыслями. Никогда прежде он не чувствовал себя в таком тупике. Столько сил потрачено зря, а впереди пустота — и все из-за мимолетного приступа глупости и злости, малодушного страха выглядеть смешным...

Кто-то кашлянул за его спиной, и робкий голос позвал:

— Майлз...

Глаза его широко раскрылись:

— Элен! Значит, вы с мамой приехали в Форкосиган-Сюрло! Входи, входи.

Девушка присела на подлокотник другого кресла.

— Да, миледи знает, как я люблю эти поездки в столицу. И всегда берет меня с собой. Она мне как мать...

— Скажи ей об этом. Ей понравится.

— Ты так думаешь? — застенчиво спросила Элен.

— Конечно. — Как всегда, ее присутствие оживило Майлза. Возможно, не такое уж пустое будущее ему предстоит...

Она задумчиво покусывала нижнюю губу; большие глаза, не отрываясь, смотрели ему в лицо.

— Ты выглядишь совсем разбитым.

Э нет, жалость нам не требуется. Майлз откинулся на спинку кресла и ухмыльнулся:

— Вот именно. В буквальном смысле. Ничего, пройдет. Ты, наверно, уже слышала про мое фиаско.

— Да. Как у тебя... со старым графом? Обошлось?

— Конечно. Я ведь его единственный внук. Положение у меня беспроигрышное — могу вытворять, что хочу.

— Он не говорил с тобой насчет перемены имени?

Майлз воззрился на Элен, на сей раз с непритворным изумлением:

— Что?

— Ну, насчет того, чтобы ты смог наследовать титул. Он говорил, что это надо будет сделать, когда ты... — Девушка вдруг замолчала, но Майлз без труда понял, о чем речь.

— Ах, вот оно что. Когда я стану офицером... Значит, дед собирался пойти на попятный и позволить мне носить имя, подобающее наследнику? Очень мило с его стороны. С опозданием на семнадцать лет...

— Я никогда не могла понять, в чем тут проблема.

— Ну как же. Меня зовут Майлз Нейсмит, по отцу моей матери, а не Петер Майлз, как следует — по отцу отца и отцу матери. Все это из-за скандала при моем рождении. Когда родители поправились после отравления газом, стало ясно, что зародыш пострадал и дед настаивал на аборте. Разумеется, мне этого знать не положено. Была жуткая ссора с родителями — точнее, с мамой, а отец попал под перекрестный огонь. Когда он поддержал мать и заставил деда отступить, тот обиделся и объявил, что я не должен носит его имя. Потом он, правда, успокоился, когда узнал, что я не такой уж уродец, как ожидалось. — Майлз побарабанил пальцами по подлокотнику. — Значит, он собирается взять свое проклятие обратно? Пожалуй, хорошо, что я срезался, а то бы он мог им подавиться. — Тут Майлз замолчал: не стоит говорить так про деда. Ни к чему выглядеть перед Элен более безобразным, чем он есть на самом деле.

— Я-то знаю, как ты готовился. Ужасно жаль, что так случилось.

Он снова попробовал отделаться шуткой.

— А уж мне-то как жаль... Вот бы тебе выступить вместо меня на испытаниях по физподготовке! Из нас двоих получился бы великолепный офицер.

— Да, но по законам Барраяра мне стать офицером еще труднее, чем тебе, — простодушно ответила Элен. — Я ведь женщина. Мне бы даже не разрешили подать прошение о сдаче экзаменов.

— Я знаю. Нелепость дикая. Отец тебя всему обучил. Тебе только пройти курс по тяжелому вооружению, и ты бы задавила девять десятых из тех ребят, что я там видел. Так что хорошенько подумай об этом, сержант Элен Ботари.

— А теперь ты меня дразнишь, — огорченно заметила девушка.

— Да нет, я говорю с тобой, как один штафирка с другим штафиркой, — спохватился Майлз.

Она грустно покачала головой, потом оживилась, что-то вспомнив:

— Да, ведь твоя матушка послала меня привести тебя к столу.

— А-а. — Со свистом втянув воздух (какая боль!), он встал. — Вот этого офицера все слушаются. Капитан адмирала.

Элен улыбнулась.

— Да. Она же была офицером у бетанцев, и никто не считает ее странной, когда она нарушает обычаи.

— Что верно, то верно. Никому и в голову не приходит применять к матери наши правила. Она просто делает, что ей нравится.

— Хотелось бы и мне быть бетанкой, — мечтательно протянула Элен.

— Ты не очень-то обольщайся — мать и на взгляд бетанцев весьма странная особа. Хотя Колония Бета тебе бы понравилась, я думаю. Местами, конечно.

— Никогда я не выберусь с этой планеты, — невесело сказала Элен.

Майлз вопросительно посмотрел на нее.

— Почему? На тебя что-то давит? Что?

Девушка пожала плечами.

— Ну, ты же знаешь отца. Он страшно консервативен. Ему бы родиться лет двести назад. Ты единственный, кто не считает его чокнутым. Он такой подозрительный.

— Знаю. Но для телохранителя это необходимое качество. Его патологическая подозрительность дважды спасла мне жизнь.

— Тебе бы тоже не мешало родиться лет двести назад.

— Ну, спасибо. Меня бы пристукнули прямо при рождении.

— Видимо, да, — рассеянно согласилась Элен. — В общем, сегодня утром он ни с того ни с сего затеял разговор о моем замужестве.

Замерев на месте, Майлз поглядел на нее снизу вверх.

— Ах вот как. И что же он сказал?

— Не так уж и много. — Она пожала плечами. — Просто произнес это слово. Жаль, что у меня нет матери...

— Но ты же можешь поговорить с моей! Или... Или со мной, если уж на то пошло. Ты же можешь быть со мной откровенна, разве нет?

Элен благодарно улыбнулась.

— Спасибо. — Они подошли к лестнице и остановились.

— Он теперь никогда не упоминает о моей матери... — пожаловалась Элен. — С тех пор, как мне исполнилось двенадцать. А раньше рассказывал про нее длинные истории. Ну, для него длинные. Не знаю — может, он начинает забывать ее?

— Вряд ли. Я с ним больше времени провожу, чем ты. Он в жизни не посмотрел на другую женщину, — уверенно возразил Майлз.

Они начали спускаться по ступенькам. Ноги болели и не слушались; ему приходилось переваливаться на манер пингвина. Он искоса глянул на Элен и крепче ухватился за перила.

— Разве тебе не велено пользоваться лифтом? — строго спросила она, заметив его мучения.

— Ну вот, теперь и ты обращаешься со мной, как с калекой... — Майлз глянул на уходящую вниз длинную

вереницу ступенек. — Мне велели как можно меньше быть на ногах. Только не объяснили, как это делать... — Майлз вдруг вскочил на перила и подмигнул Элен через плечо.

На лице девушки отразилась смесь веселья и ужаса.

— Майлз, псих несчастный! Если ты свалишься оттуда, ты переломаешь все свои чертовы кости...

Но он уже скользил вниз, быстро набирая скорость. Элен, смеясь, побежала за ним. Крутой поворот — и победная улыбка Майлза исчезла. «О-о, ч-черт...» Затормозить не удастся — скорость слишком велика.

— Какого...

— Берегись!

Он слетел с перил и отчаянно уцепился за плотного седого человека в адмиральском мундире. Оба повалились на мозаичный паркет и поднялись на ноги, как раз к тому моменту, когда Элен сбежала с лестницы. Майлз чувствовал, как краснеет — мучительно, до корней волос. Плотный мужчина тоже был ошарашен. Второй офицер — с капитанскими нашивками на воротнике — наблюдавший эту сцену, опираясь на трость, не мог удержаться от смеха.

Майлз быстро опомнился и, насколько мог, встал по стойке «смирно».

— Добрый день, отец, — звонко произнес юноша. Он слегка задрал подбородок, — пусть кто-нибудь попробует критиковать его способ передвижения.

Адмирал лорд Эйрел Форкосиган, премьер-министр Барраяра, в прошлом — лорд-регент императора Грегора Форбарры, поправил свой парадный мундир.

— Добрый день, сынок. — Глаза его смеялись. — Я... э-э... рад, что твои травмы оказались не столь серьезными.

Майлз пожал плечами, втайне радуясь, что его не донимают жалостными замечаниями при посторонних.

— Как обычно.

— Ты извини, я сейчас занят. А-а, это ты. Добрый день, Элен... Итак, Куделка, что ты думаешь об этих цифрах — о стоимости кораблей адмирала Хессмана?

— По-моему, тут что-то не то. Все это было преподнесено как-то скомканно.

— Значит, ты тоже заметил...

— Вы полагаете, он что-то туда запрятал?

— Возможно. Но что? Бюджет своей партии? Или подрядчик — его зять? Или это просто легкомысленное отношение к бюджету? Казнокрадство или всего лишь расхлябанность? Я попрошу Иллиана заняться первой из гипотез, а вам придется проработать вторую. Прижмите-ка их насчет этих цифр.

— Ох и заверещат они. Уже сегодня поднялся крик.

— Не обращай внимания. Я сам составлял подобные сметы, когда был в генштабе, и прекрасно знаю, сколько балласта туда можно засунуть. Пока у них голос не поднимется октавы на две, дави смело — им еще не больно.

Капитан Куделка широко улыбнулся, отдал честь и вышел, коротко кивнув Майлзу и Элен.

Сын с отцом стояли, глядя друг на друга, — никому не хотелось начинать неизбежный разговор. Наконец лорд Форкосиган произнес:

— Я, наверное, опаздываю к обеду...

— Только что звали, сэр, насколько мне известно, — церемонно произнес Майлз.

— Тогда пойдем... — Лорд сделал движение, словно желая помочь сыну, но потом тактично сложил руки за спиной. Они медленно, бок о бок, направились в столовую.

Через несколько часов Майлз, одетый, лежал на высоко взбитых подушках, вытянув ноги по всем медицинским правилам. Он с отвращением поглядывал на свои непокорные конечности. Мятежные провинции — вот они кто. Бунтовщики. Предатели-диверсанты... Надо бы встать, умыться, переодеться на ночь, но это требовало героических усилий. А он не герой. Он вспомнил про одного неудачливого вояку, о котором ему рассказывал дед: тот случайно застрелил под собой коня во время кавалерийской атаки, пересел на другого — и тут же застрелил и этого.

Значит, он сам натолкнул сержанта Ботари на мысль, которой больше всего боялся. Перед внутренним взором Майлза возник образ Элен — тонкий орлиный профиль, огромные темные глаза, сильные длинные ноги, влекущие бедра... Просто принцесса из старинной сказки. Или трагедии. Эх, если бы ему удалось дать ей эту роль в действительности... Но какой из него принц!

Конечно, в пьесе он мог бы сыграть аристократа. На Барраяре злодеи-интриганы во всех драмах были уродами и калеками. Если ему не суждено стать солдатом, возможно, у него есть будущее в качестве злодея.

— Я умыкну девчонку, — пророкотал Майлз зловещим басом, пытаясь испробовать непривычное амплуа, — и запру ее в своей темнице.

Потом с сожалением вздохнул, и проговорил обычным голосом:

— Вот только темницы у меня нет. Пришлось бы запереть ее в чулане. Дед прав, мы — убогое поколение. В любом случае мои соперники просто наняли бы какого-нибудь героя спасти ее. Какого-нибудь мускулистого верзилу, вроде Костолица. Известно, чем кончаются подобные затеи...

Майлз встал и принял боевую позицию: итак, меч Костолица против его... скажем, кинжала. Кинжал — самое подходящее оружие для злодея. С ним-то уж точно можно расчистить вокруг себя пространство. Но вот его пронзают мечом, и он умирает на руках Элен, а она падает в обморок... Все вздор, она попадает в объятья Костолица и теряет сознание от радости.

Взгляд Майлза упал на старинное зеркало в резной раме.

— Карлик-попрыгунчик, — проворчал он, с отвращением разглядывая свое изображение. Ему вдруг захотелось разнести стекло вдребезги, чтобы во все стороны брызнули окровавленные осколки. Но на шум сейчас же примчится караульный из холла, потом толпа родственников, и надо будет что-то объяснять. Майлз рывком повернул зеркало к стене и снова плюхнулся в кровать.

Откинувшись на подушки, он попытался представить себе, как является к отцу и просит, чтобы тот пошел к сержанту Ботари и по всем правилам посватался. Ужас. Он вздохнул и поерзал, безуспешно стараясь отыскать более удобную позу. Ему всего семнадцать, это слишком рано для брака даже по обычаям Барраяра. К тому же — никаких перспектив в смысле карьеры и положения в обществе... Пройдут, скорее всего, годы, прежде чем он сможет просить руки Элен при поддержке родителей. Конечно же, кто-нибудь подцепит ее задолго до этого.

А сама Элен... Зачем он ей? Тоже мне, удовольствие, — муж-карлик, уродливый, весь покореженный. Ведь в их мире давно ликвидированы даже самые легкие физические недостатки, — благодаря традициям спартанского воспитания и инопланетной медицине. Да еще такой забавный контраст. Конечно, все будут пялиться на них, и еще как. Разве может титул и связанные с ним привилегии компенсировать его мерзкую внешность? Да и титул с каждым годом все больше становится анахронизмом, а уж вне Барраяра он и вовсе пустой звук. Его родная мать прожила здесь восемнадцать лет и до сих пор считает институт форов чем-то вроде коллективного помешательства.

В дверь дважды постучали — властно и вежливо. Майлз криво улыбнулся, вздохнул и сел в постели.

— Заходи, отец.

Лорд Форкосиган приоткрыл дверь и просунул туда голову.

— Ты еще не разделся? Уже поздно. Тебе бы надо отдохнуть.

Вопреки сказанному, он вошел в комнату, взял стул от письменного стола, повернул его и уселся верхом, удобно сложив руки на спинке. Майлз заметил, что отец до сих пор не переоделся — он был в мундире, в который облачался каждый день, отправляясь на службу. Теперь лорд Форкосиган исполнял обязанности премьер-министра, а не регента, то есть он уже не был главнокомандующим и, может быть, не имел права

носить свою старую адмиральскую форму. Или она к нему приросла?

— Ты знаешь, я... — начал лорд и остановился. Тихонько откашлявшись, он продолжал: — Мне интересно, что ты думаешь насчет своего будущего. Насчет каких-нибудь запасных вариантов.

Майлз передернул плечами.

— Да нет никаких запасных вариантов. У меня был единственный план: добиться успеха. Глупо, конечно.

Лорд Форкосиган нахмурился, не соглашаясь.

— Если тебя это утешит, ты был очень близок к победе. Я сегодня разговаривал с председателем экзаменационной комиссии. Хочешь узнать результаты своих письменных экзаменов?

Майлз покачал головой.

— Не надо. Теперь это неважно. С самого начала не было надежды. Я просто слишком упрям, чтобы признаться в этом.

— Извини, это не так. Мы все понимали, что будет трудно. Но я ни за что не позволил бы тебе так выкладываться из-за того, что считаю невозможным.

— Наверное, я унаследовал от тебя любовь к риску.

Отец усмехнулся и кивнул:

— Ну, не от матери же.

— Она как... не очень расстроилась?

— Да нет... Ты же знаешь, мама без энтузиазма относится к военной службе и к военным. Когда-то она назвала нас наемными убийцами. Едва ли не самое первое, что я от нее услышал. — При этом воспоминании лицо отца посветлело.

Майлз невольно улыбнулся:

— Прямо так и сказала?

— Вот именно, слово в слово. Но все-таки вышла за меня замуж, так что я допускаю, что она говорила не вполне искренне. — Он посерьезнел. — А вообще-то она права. Если я в чем-то и сомневался насчет твоей пригодности к военному делу...

Майлз внутренне сжался.

— ...так это в твоей способности убивать. Когда убиваешь человека, надо сперва стереть его лицо. Это такой психологический трюк. Солдату он необходим. Я не уверен, что ты сумел бы достичь нужного тупоумия. Ты поневоле все видишь объемно. В этом смысле ты очень похож на маму: не упускаешь из виду собственный затылок.

— Но и у вас я никогда не замечал особой узости взглядов, сэр.

— Да, я тоже разучился владеть этим приемом. Потому и пошел в политику. — Лорд Форкосиган улыбнулся, но улыбка быстро погасла. — Боюсь, из-за этого и ты пострадал.

Последняя фраза заставила Майлза вспомнить реплику Костолица.

— Сэр... — неуверенно начал он, — вы действительно... Вы из-за меня не претендовали на императорскую власть? Ведь все этого от вас ждали. Только потому, что ваш наследник... — Он неловко коснулся пальцем груди, не решаясь употребить запретный термин «калека».

Лорд Форкосиган нахмурился. Голос его упал почти до шепота — так резко, что сын вздрогнул.

— Кто это сказал?

— Да никто, — испуганно ответил юноша.

Отец вскочил и несколько раз прошелся по комнате.

— Никогда и никому не позволяй так говорить, — отчеканил он. — Это оскорбление чести — твоей и моей. Я поклялся императору Эзару Форбарре, когда он лежал на смертном одре, что буду верно служить его внуку, и я выполнил клятву. И точка.

— Да я и не спорю, — поспешно заверил сын.

Лорд Форкосиган поглядел на него и рассмеялся.

— Извини. Ты просто попал на больное место. Ты тут ни при чем, малыш. — Он снова сел, уже вполне владея собой. — Ты знаешь, что я думаю о верховной власти. Ведьмин подарок, будь он трижды проклят... Но вот попробуй объясни это им.... — Он помотал головой.

— Но ведь Грегор никак не может подозревать тебя в честолюбии. Ты сделал для него больше, чем кто бы

то ни было — и во времена бунта Фордариана, и в третью цетагандийскую войну, и при подавлении восстания Комарры... Да без тебя его давно бы скинули с трона.

Лорд Форкосиган поморщился.

— Сейчас Грегор способен на любую глупость. Он только что вкусил власти, — а власти у него очень много, можешь мне поверить, — и теперь у него руки чешутся выяснить, как далеко она простирается. У меня вовсе нет желания делать из себя мишень.

— Ну что ты, папа! Грегора не назовешь вероломным.

— Нет, конечно нет, но теперь на него давят со всех сторон, а я не могу защитить его... — Лорд оборвал себя, сжав кулаки. — Ладно. Поговорим о другом. Я хотел бы обсудить с тобой твои планы.

Майлз устало потер лицо.

— Не знаю, сэр...

— Например, ты можешь подать прошение императору, — не очень уверенно предложил лорд Форкосиган.

— Как это? Засунуть меня в армию по высочайшему указу, вопреки правилам? Ты же сам всю жизнь воевал против института любимчиков. — Майлз вздохнул. — Если бы я хотел попасть в академию таким путем, это надо было делать с самого начала, до провала на испытаниях. А теперь... Нет.

— Но ты слишком талантлив и энергичен, чтобы бездельничать. Есть и другие способы послужить родине. Я бы хотел подсказать тебе одну-две идеи. Просто, чтобы ты о них подумал.

— Говори.

— Будешь ли ты офицером или нет, ты все равно когда-нибудь станешь графом Форкосиганом. — Майлз раскрыл было рот, чтобы возразить, но отец поднял руку. — Я говорю «когда-нибудь». Ты неизбежно получишь какое-то место в правительстве — если, конечно, не произойдет революции или еще какой-то социальной катастрофы. Ты будешь представлять область, доставшуюся нам от наших предков. А она сейчас в постыдном запустении. И не только потому, что твой дед болен. На меня навалилась груда другой работы, а

до этого мы оба отдали большую часть жизни военной службе...

«Говори-говори, а то я ничего этого не знаю», — устало подумал Майлз...

— В общем, получилось так, что там теперь скопилась масса дел, которыми необходимо заняться. И если тебя немного подготовить в юридическом плане...

— Юристом?! — в ужасе ахнул Майлз. — Ты хочешь, чтобы я стал юристом? Но это же ничем не лучше профессии портного...

— Что-что? — удивился лорд. — При чем тут портной?

— Да это я так... Из разговора с дедушкой.

— Вообще-то я не хотел говорить об этом твоему деду. — Лорд Форкосиган откашлялся. — Но если бы ты получил кое-какую подготовку по основам государственного управления, ты бы мог... Как бы это сказать... Ты бы мог замещать дедушку в нашем округе. Знаешь, управление не всегда исчерпывалось войной, даже в период Изоляции.

Похоже, ты давненько об этом подумываешь, с обидой отметил Майлз. Вряд ли ты взаправду верил, что я смогу поступить в академию... Все сомнения Майлза вновь вернулись к нему.

— Вы мне все говорите, сэр? Ничего не утаиваете? Ну, насчет вашего здоровья или еще чего-то?

— Нет-нет, — заверил лорд. — Хотя с моей должностью никогда не знаешь, что будет завтра.

Интересно, что происходит между Грегором и моим отцом на самом деле? У меня такое чувство, будто мне говорят процентов десять, не больше...

Лорд устало вздохнул, потом улыбнулся.

— Ладно. Я мешаю тебе отдыхать, в этом ты нуждаешься сейчас больше всего. — Он встал.

— Да мне и не хочется спать, отец.

— Принести тебе что-нибудь, чтобы скорее заснуть? — осторожно и нежно предложил лорд Форкосиган.

— Нет, получил запас снадобий в лазарете. Пара таких таблеток, и я поплыву, как в замедленной съемке. — Майлз изобразил руками ласты и закатил глаза.

Лорд Форкосиган кивнул и удалился.

Майлз откинулся на подушки и попробовал снова вызвать образ Элен. Но холод действительности, ворвавшийся вместе с отцом, не оставлял места для иллюзий. Майлз спустил ноги на пол и зашаркал в ванную за своим средством для замедленного плавания.

Две таблетки, глоток воды. А если принять все, прошептал вкрадчивый голос откуда-то из глубины сознания... Он со стуком поставил почти полную коробочку на полку. Глаза его сверкнули.

— Дед прав. Драться нужно до последнего.

Он вернулся в постель. Перед ним вновь и вновь мелькала картинка — он сидит на стене, затем совершает свой роковой прыжок. Это было похоже на замедленную съемку. Наконец к нему пришел сон, и все исчезло.

ГЛАВА 3

Майлза разбудил слуга, осторожно дотронувшийся до его плеча. Свет в комнате был тусклый, темно-серый.

— Лорд Форкосиган... Лорд Форкосиган...

Майлз, одурманенный снотворным, с великим трудом разлепил веки. Который час?.. И почему этот болван именует его отцовским титулом? Он что, новенький? Вроде нет...

Но вот сознание вернулось к нему и Майлз похолодел: до него дошел смысл сказанного. Он резко сел в постели, голова кружилась, сердце куда-то проваливалось.

— Что?

— Ваш... Ваш отец просит вас одеться и сейчас же спуститься к нему. — Слуга запинался, и это подтверждало его худшие опасения.

Рассвет еще не наступил. Когда Майлз вошел в библиотеку, там горели лампы, а окна казались тусклыми синевато-серыми прямоугольниками. Отец, полуодетый — в форменных брюках, рубашке и ночных туфлях — тихо беседовал о чем-то с двумя мужчинами.

Одного Майлз знал — это был их домашний врач; другой — адъютант в придворном мундире. Отец поднял глаза и встретился взглядом с Майлзом.

— Что-то с дедом, сэр? — тихо спросил Майлз.

Новоиспеченный граф Форкосиган кивнул головой.

— Дедушка скончался во сне, часа два тому назад. Думаю, боли он не испытывал. — Голос отца не дрожал, но лицо было старчески изможденным, хотя на нем и застыла маска профессиональной невозмутимости. Глаза отца показались Майлзу на какой-то миг глазами несчастного ребенка, и это перепугало его больше, чем новая, глубокая складка у губ.

На глаза Майлза навернулись слезы, и он сердито смахнул их тыльной стороной ладони.

— К черту! — пробормотал он прерывающимся голосом. Никогда в жизни Майлз не чувствовал себя таким маленьким.

Отец как-то странно посмотрел на него.

— Я... — начал он и осекся. — Ты ведь знаешь, он уже несколько месяцев был на волоске...

А вчера я этот волосок перерезал, подумал Майлз, чувствуя себя совершенно несчастным. Моя вина... Но вслух он сказал:

— Да, сэр.

Похороны старого графа превратились прямо-таки в событие государственной важности. Три дня пышных церемоний безмерно утомили Майлза. Соболезнования. Надгробные речи. Процессия, для которой Грегор Форбарра выделил императорский военный оркестр и отряд конной гвардии в парадных мундирах. Погребение.

Майлз думал, что его дед — последний представитель эпохи имперского величия. Теперь он убедился в своей ошибке. Из каких-то закоулков повыползали древние служаки, из которых песок сыпался, и их дамы, все в черном, как вороны, — жуткое зрелище. Мрачновежливый, Майлз терпеливо сносил шокированные и сочувствующие взгляды, когда его представляли как внука Петера Форкосигана, и выслушивал бесконеч-

ные воспоминания о людях, которые умерли задолго до его рождения и о которых он надеялся никогда больше не услышать.

Даже после того, как была брошена последняя лопата земли на могильный холм, конца нашествию не предвиделось. К вечеру дом Форкосиганов заполнила куча народа — друзья, знакомые, общественные деятели, их жены, зеваки, любители визитов и столько родственников, что Майлза пробрала дрожь.

Отец и мать стояли внизу, встречая гостей. Долг аристократа для отца всегда был связан с политическим долгом; Майлз мужественно нес вахту рядом с родителями. Но когда прибыли Форпатрилы, он не выдержал и решил удрать в последнюю крепость, еще не занятую вражескими войсками. Майлз уже слышал, что Айвен прошел в академию, и вникать в подробности этого события было ему сейчас не под силу. Стащив пару роскошных цветов с какого-то похоронного украшения, он поднялся на лифте на верхний этаж и постучал в резную дверь.

— Кто там? — донесся приглушенный голос Элен. Майлз надавил на ручку с эмалевым рисунком, дверь приоткрылась, и он просунул в щель руку с цветами. Элен радостно откликнулась: — Входи, Майлз, входи.

Он проскочил в дверь, до смешного тощий в своем траурном костюме, и вопросительно улыбнулся:

— Как ты догадалась, что это я?

— Ну, это мог быть либо ты, либо... Никто мне не протягивает цветы, стоя на коленях. — Ее взгляд невольно задержался на уровне дверной ручки, выдавая, каким образом Элен без труда догадалась, кто ее посетитель.

Майлз немедленно опустился на колени, быстро-быстро заерзал по ковру и с торжественным видом вручил ей цветы.

— Прошу! — воскликнул он, и девушка от удивления рассмеялась. Зато проклятые ноги его не выдержали такого варварства и ответили болезненной судорогой. Майлз отдышался и добавил гораздо тише: — М-м-м... Ты не поможешь мне? Эти проклятые гравитонные костыли...

— О Боже... — Элен помогла ему добраться до своей узкой постели, заставила прилечь, а сама вернулась в кресло.

Майлз покрутил головой, осматривая крохотную спальню.

— Тебе что, не могли выделить чего-нибудь посимпатичнее этого чулана?

— Мне здесь нравится. Особенно окно на улицу, — сказала Элен. — Да и комната даже больше, чем у моего отца. — Она понюхала цветы, и Майлз тотчас же пожалел, что не выбрал другие, подушистее. И вдруг Элен подняла на него недоумевающие глаза: — Майлз, где ты их взял?

Он покраснел, чувствуя себя слегка виноватым.

— Позаимствовал у деда. Можешь мне поверить, никто не заметит недостачи. Там, внизу, настоящие джунгли.

Элен беспомощно покачала головой.

— Ты неисправим.

— Ты не сердишься? — тревожно спросил он. — Мне подумалось, что ты от них получишь больше удовольствия, чем дед.

— Лишь бы никто не вообразил, будто я их стащила.

— Отсылай всех ко мне, — великодушно разрешил Майлз, вздернув подбородок и не спуская глаз с задумавшейся девушки, разглядывающей цветы. — О чем ты сейчас думаешь? Что-нибудь печальное?

— У меня, наверное, не лицо, а какое-то окно. Совершенно прозрачное.

— И вовсе нет. У тебя лицо — как... как поверхность воды. Сплошные отражения и отсветы. И никогда не знаешь, что там в глубине. — Он понизил голос, показывая, сколь таинственны эти глубины.

Элен состроила презрительную гримаску, но потом вздохнула.

— Я думала... Я-то ведь не положила ни цветочка на могилу матери...

Майлз оживился — у него сразу возник интересный проект.

— А ты хочешь? Мы могли бы выскользнуть с заднего хода... Нагрузить телегу-другую... И никто бы не заметил.

— Ну уж нет! — вознегодовала девушка. — Ты и так провинился. — Она повернула цветы к холодному дневному свету. — Я ведь даже не знаю, где ее могила.

— Да? Как странно. Сержант Ботари до того зациклен на твоей покойной матушке... Я был уверен, что он регулярно совершает паломничества к ее могиле. Впрочем, он, наверное, не любит вспоминать о ее смерти...

— Тут ты прав. Однажды я спросила — почему бы нам вместе не побывать там, где она похоронена. Но это было все равно, что разговаривать со стенкой. Ты же знаешь, как с ним бывает.

— Да, иной раз он действительно похож на стенку — ту, которая вдруг обрушивается на кого-то. — В глазах Майлза зажегся огонек: проблема заинтересовала его, хотя пока лишь теоретически. — А может он чувствует себя виноватым? Или твоя мать оказалась одной из тех женщин, что умирают при родах?.. Ведь она умерла примерно тогда же, когда ты родилась, так?

— Он говорил, что мать попала в авиакатастрофу.

— А-а.

— Но в другой раз сказал, что она утонула.

— Да? — Огонек интереса разгорелся еще ярче и упрямее. — Но если флайер упал в воду, то оба объяснения могут быть верными. Или если сам сержант катапультировался где-нибудь над рекой...

Девушка вздрогнула. Майлз заметил это и обругал себя бесчувственным болваном.

— О, я не хотел... Я сегодня в таком гнусном настроении. — Все из-за этого чертова траура. — Он взмахнул руками, изображая общипанного стервятника, и на некоторое время замолчал, размышляя о церемониях, связанных со смертью. Элен тоже приумолкла, глядя вниз, на вереницу сильных мира сего, входящих в дом или покидающих его.

— Мы могли бы разузнать, — внезапно объявил Майлз. Элен непонимающе уставилась на него.

— Что?

— Где похоронена твоя мать. И никого не пришлось бы спрашивать.

— А как?

Майлз усмехнулся и встал.

— А вот не скажу. Ты можешь испугаться, как в тот раз, когда мы исследовали пещеры за Форкосиган-Сюрло и наткнулись на позабытый партизанский склад оружия. Другого такого случая покататься на старом танке больше не представится.

Элен некоторое время отнекивалась — видимо, у нее сохранились слишком яркие воспоминания о приключении, хотя она и не попала тогда под оползень. Но в конце концов все-таки последовала за ним.

Они осторожно вошли в темную библиотеку. Майлз задержался около часового и, доверительно понизив голос, попросил:

— Ты не мог бы вроде как подергать ручку, если кто-нибудь будет подходить, а, капрал? Нам бы... м-м-м... не хотелось, чтобы нас застали врасплох.

Охранник ответил понимающей ухмылкой.

— Конечно, лорд Май... лорд Форкосиган.

— Майлз, — свирепо зашептала Элен, когда закрывшаяся дверь отсекла говор, позвякивание серебра и хрусталя и шаги, слуг в соседних комнатах, где продолжались поминки по старому графу Петеру Форкосигану. — Ты представляешь, что он может подумать?

— Всяк подозревает в меру своей испорченности, — весело бросил он через плечо. — Лишь бы не догадались вот об этом... — Майлз приложил ладонь к сенсорной пластине большого пульта, возвышавшегося перед камином резного мрамора; сюда была подведена сверхзащищенная линия связи с императорской резиденцией и генеральным штабом. Элен даже ойкнула от удивления, когда перед ними, прямо в воздухе замерцала трехмерная голографическая матрица. Несколько пассов руками, и экраны ожили.

— А я-то была уверена, что все это чертовски секретно!

— Конечно. Просто капитан Куделка давал мне кое-какие уроки, ну... раньше, когда я готовился в академию. Он иногда связывался с армейскими компьютерами, чтобы поиграть со мной в штабные игры. Я так и думал, что он забудет стереть мой допуск... — Майлз деловито набрал сложную комбинацию команд.

— А что ты делаешь сейчас? — почтительно спросила Элен.

— Ввожу код капитана Куделки. Чтобы меня подключили к военным архивам.

— Господи, Майлз!

— Не беспокойся. — Он похлопал ее по руке: — Мы же здесь всего лишь тискаемся, ты что, забыла? Никто сюда не войдет, разве что капитан Куделка, а он не будет возражать. Промаха быть не должно. Пожалуй, лучше всего начать с личного дела твоего отца. А-а, вот... — В толще матрицы соткался плоский экран, на нем стали появляться строчки текста. — Тут обязательно будет что-нибудь про твою мать, и мы это используем, чтобы получить всю информацию... — Майлз замолчал на секунду и откинулся назад, потом несколько раз нажал клавишу, переходя с экрана на экран.

— Ну что? — взволнованно спросила Элен.

— Я хотел поглядеть записи за период незадолго до твоего рождения... Кажется, он ушел из армии как раз в это время, так?

— Так.

— Он когда-либо говорил тебе, что был уволен по медицинским показаниям, против воли?

— Нет... — Она заглянула через его плечо. — Занятно. И тут не сказано, почему.

— О, здесь есть вещи еще занятнее. Его личное дело за год, предшествующий твоему рождению, закрыто, к тем файлам нет доступа. И код запрета жутко крутой. Я не могу его снять — сразу начнется перепроверка, а за этим... Да, здесь личный пароль капитана Иллиана. Вот уж с кем мне точно не хотелось бы беседовать. — Майлз

похолодел от одной только мысли, что может случайно привлечь к себе внимание главы Имперской службы безопасности. — Ладно, давай попутешествуем во времени, — продолжал он. — Назад, дальше, дальше... Похоже, твой отец не очень-то ладил с этим Форратьером.

Глаза Элен загорелась любопытством.

— Это тот адмирал Форратьер, которого убили возле Эскобара?

— М-м... Да, Джесс Форратьер. Да-а... — Оказалось, Ботари был денщиком адмирала в течение нескольких лет. Это Майлза удивило, ему с детства казалось, что Ботари нес строевую службу в частях, которыми командовал его отец. Пребывание Ботари у Форратьера закончилось целой серией выговоров, дисциплинарных взысканий и зашифрованных медицинских данных. Помня, что Элен смотрит через его плечо, Майлз быстро проскочил этот раздел. Все здесь выглядело как-то странно. Упоминались нелепые мелкие проступки, за которые Ботари был сурово наказан. Другие прегрешения, куда серьезнее — вот скажем, неужто Ботари и вправду продержал какого-то техника в уборной шестнадцать часов, наставив на него плазмотрон? Зачем, Господи, зачем? И все это погребено в медицинском отчете — никакого наказания не последовало.

Чем дальше он шел назад во времени, тем обычнее становилось дело. В возрасте от двадцати до тридцати лет Ботари участвовал во многих сражениях. Благодарности, упоминания в приказе, отметки о ранениях, снова благодарности. Отличные оценки за боевую подготовку. Запись о поступлении в армию.

— В те времена было куда проще пробиться на военную службу, — завистливо сказал Майлз.

— Ой, а мои дедушка с бабушкой тут упоминаются? — заволновалась Элен. — Он о них никогда не говорит. Насколько я поняла, его мать умерла, когда он был ребенком. Он мне так и не сказал, как ее звали.

— Мария, — промолвил Майлз, вглядываясь в нечеткий текст.

— Как мило! — обрадовалась Элен. — А как звали его отца?

Ай-ай-ай, подумал Майлз. Хотя копия фотостата и была мутной, он все же легко разобрал слово «неизвестен», внесенное крупным почерком какого-то давно забытого писаря. Майлз судорожно сглотнул, поняв наконец, почему словечко «ублюдок», вызывает у Ботари бешеную реакцию, в то время как другие, более сильные выражения, отскакивают от него, как от стенки горох, — он сносит их с терпеливым презрением.

— Может, мне удастся разобрать,— предложила Элен, ошибочно истолковав причину задержки.

Легкое движение руки, и экран погас.

— Отца звали Константин, — отчеканил Майлз, пресекая дальнейшие расспросы. — Как и его самого. Но родители умерли задолго до его поступления на службу.

— Константин Ботари-младший, — задумчиво сказала Элен. — Поня-ятно.

Майлз тупо уставился на пустой экран. Теперь между ними вбит еще один клин, еще один дурацкий предрассудок. Незаконнорожденный отец... Трудно придумать что-либо худшее, что-нибудь более непристойное с точки зрения традиционной общественной морали Барраяра. Очевидно, что происхождение Ботари не могло остаться секретом: адмирал Форкосиган определенно в курсе дела, да и еще невесть сколько народу... Так же очевидно, что Элен не догадывается ни о чем. Она по праву гордилась отцом, его службой в элитных войсках, его нынешним положением доверенного лица. Майлз знал, насколько упорно добивалась она хоть какого-то знака одобрения от этой старой каменной глыбы. Как странно — неужели Ботари боялся потерять восхищение, которое едва замечал? Ну что ж, сержант, ты можешь быть спокоен: твой воспитанник тебя не выдаст.

Майлз быстро проскочил годы службы Ботари в обратном направлении.

— О твоей матери по-прежнему ни слуху, ни духу, — сообщил он. — Она наверняка в том закрытом отделе.

Вот черт. А я-то думал, что мы с тобой все выясним за две минуты. — Он задумчиво уставился в пространство. — Давай посмотрим архивы больниц. Смерти, рождения... Ты точно родилась здесь, в Форбарр-Султане?

— Насколько мне известно, да.

После тщательного поиска Майлзу удалось обнаружить нескольких Ботари, но никто из них не приходился родней ни сержанту, ни Элен. И тут его осенило:

— Ага! Я знаю, что еще надо попробовать. Имперский госпиталь!

— Да ведь там нет акушерского отделения, — с сомнением сказала Элен.

— Но если с женщиной произошел несчастный случай? Она ведь жена солдата и все такое, — значит, ее должны были сразу отвезти в ближайшую больницу, а ею мог оказаться и имперский госпиталь... — Он склонился над клавиатурой, негромко напевая. — Ищем, ищем... Ага!

— Ты нашел меня? — возбужденно спросила Элен.

— Нет, я нашел себя. — Он просматривал документацию, страница за страницей. — Небось военным медикам пришлось попотеть, чтобы справиться с их собственным изобретением, этим чертовым газом. Мне повезло — к тому времени уже были завезены маточные репликаторы... Да, вот они... А вот и старый добрый доктор Вааген... Стало быть, он тоже когда-то занимался военными исследованиями. Похоже на правду — наверно, он у них был экспертом по газам. Жаль, я не знал об этом, когда был пацаном, а то мог бы настаивать, что у меня два дня рождения: один — когда маме сделали кесарево сечение, а второй — когда меня в конце концов вытащили из репликатора.

— А какой день выбрали твои родители?

— День кесарева сечения. Ну и правильно — так я всего на полгода моложе тебя. А иначе ты была бы почти на год старше, а меня предупреждали, что общаться с женщинами преклонного возраста опасно... — Его болтовня наконец была вознаграждена улыбкой, стоившей любых усилий, и в порыве энтузиазма Майлз быстро ввел еще один запрос.

— Странно, — пробормотал он.

— Что странно?

— Секретный военно-медицинский проект, и директор проекта — мой отец, ни больше ни меньше.

— Никогда бы не подумала, что он занимался исследованиями, — с уважением сказала Элен. — Он везде успевал, я смотрю.

— Вот это и любопытно. Он же военный, работал в генштабе и никогда не занимался никакой наукой, насколько я знаю. — Майлз ввел еще один запрос, и на экране снова появился уже знакомый шифр Имперской службы безопасности. — Черт! Еще один замок. Задаешь простой вопрос и упираешься в каменную стенку... А вот и доктор Вааген, бок о бок с папенькой. Значит, в действительности проектом руководил он. Тогда все понятно. Как бы пробиться через этот код, дьявол бы его побрал... — Майлз начал еле слышно насвистывать, рассеянно глядя перед собой.

Порыв девушки, похоже, остыл.

— Ну вот, ты опять уперся, как осел, — забеспокоилась она. — Может, лучше бросим все это? Теперь уже неважно...

— Здесь нет пароля капитана Иллиана, — пробормотал Майлз.

Элен прикусила губу.

— Послушай, это действительно... — но его пальцы уже забегали по клавиатуре. — Что ты делаешь?

— Пробую один из старых кодов отца. Вроде бы я помню его целиком, только в паре цифр не совсем уверен. Так... Гол!

На дисплей потоком хлынула информация и Майлз впился взглядом в мерцающие строчки. — Так вот откуда взялись маточные репликаторы! Их привезли с Эскобара, когда закончилась война. Трофеи, вот что это такое. Их было семнадцать, и все заряжены и в рабочем состоянии. В те времена подобные штуки наверняка казались высокими технологиями. Интересно, а наши не стащили их на Эскобаре, просто-напросто?

Элен побледнела.

— Майлз, они там ничего страшного не делали? Эксперименты на людях или что-нибудь такое... Ведь твой отец ни за что не позволил бы...

— Не знаю. Доктор Вааген иногда может и... как бы это сказать... может зациклиться на какой-то исследовательской проблеме. — В голосе его вдруг послышалось облегчение. — А-а, теперь понятно. Теперь я вижу, в чем тут дело. Смотри... — Голоэкран начал разворачивать еще одну архивную запись; Майлз указал нее пальцем. — Их всех отослали в Имперский приют для детей военнослужащих. Это, должно быть, дети солдат, погибших на Эскобаре.

— Дети погибших? А где же их матери?

Они уставились друг на друга.

— Но у нас в армии никогда не было женщин. Разве что несколько вольнонаемных медтехников... — начал Майлз.

Длинные пальцы Элен крепко сжали его плечо.

— Проверь даты.

Он нажал на клавишу, и на экране вновь замелькали столбцы текста.

— Вот, нашел. — Он остановил дисплей. — Грудная девочка. Отдана под расписку адмиралу Эйрелу Форкосигану. Ее не послали вместе с другими в приют.

— Но дата, дата, Майлз! Это же мой день рождения!

Он оторвал ее пальцы от своего плеча.

— Знаю. Ты мне ключицу сломаешь.

— Это могла быть я? Это я? — Лицо девушки исказилось отчаянием и надеждой.

— Ну... Ты же знаешь, бывают всякие совпадения, — осторожно заметил Майлз. — Но существует масса способов идентификации личности — дактилоскопия, рисунок сетчатки, группа крови... Поставь-ка ногу вот сюда.

Элен запрыгала то на одной, то на другой ноге, стаскивая туфли и чулки. Майлз помог ей прижать правую ступню к сенсорной плате компьютера. Он едва сдержался — так хотелось коснуться шелковистой кожи бедра, и провести рукой под скомканной юбкой. Он закусил губу, надеясь, что боль поможет сосредоточиться. Ох,

эти проклятые узкие штаны! Авось, она ничего не заметит...

Ему действительно пришлось сосредоточиться, чтобы запустить программу оптической лазерной съемки. По подошве прошелся мерцающий красный свет; это длилось несколько секунд. Новая команда — и компьютер приступил к расшифровке дактилоскопического узора.

— Ну, если принять во внимание разницу между грудным ребенком и взрослой девушкой... Господи, Элен, это и вправду ты! — Майлз самодовольно улыбнулся. Уж если не суждено стать солдатом, то, может, из него выйдет неплохой детектив...

— Но что это означает? — потемневший взгляд Элен пригвоздил его к месту. — Кто я, подкидыш? Или меня изготовили искусственно? — На ее глазах появились слезы, голос задрожал. — У меня что, вообще не было матери? Приемный отец, а я...

Ликование Майлза по поводу своих детективных способностей моментально испарилось. Болван! Теперь он превратил ее мечту в кошмар... Надо срочно исправлять положение.

— Да нет, нет! Что за чепуха! Конечно, ты дочь своего отца, это же каждому видно... Значит, твоя мать погибла на Эскобаре, а не здесь. Только и всего. И потом, — он вскочил и торжественно провозгласил: — теперь ясно, что ты моя сестра, которую я потерял давным-давно...

— Как?!

— А вот так! Есть один шанс из семнадцати, что мы оба вышли из одного репликатора! — И Майлз закружился вокруг нее в комическом танце. — Ты одна семнадцатая моей сестры! Близнец на одну семнадцатую! Как в четвертом акте хорошей пьесы. Так что гляди веселей — в следующей сцене придется тебе выскочить замуж за принца!

Она засмеялась сквозь слезы, и в этот миг в коридоре послышались шаги и голоса, а часовой за дверью неестественно громко произнес: «Добрый вечер, сэр!»

— Туфли! Дай мне туфли! И чулки! — паническим шепотом скомандовала Элен.

Майлз сунул ей все, выключил компьютер и, подскочив к дивану, упал на него, прижимая девушку к себе. Она смеялась и ругалась, судорожно пытаясь надеть вторую туфлю. Щеки были еще мокры от слез.

Он запустил руку в блестящие душистые волосы и пригнул ее голову ближе, к своему лицу.

— Надо, чтобы было правдоподобно. А то мне влетит по первое число... — Он неуверенно замолчал, улыбка его исчезла, взгляд посерьезнел. После секундной заминки она прильнула к его губам.

Вспыхнул свет; они отпрянули друг от друга. Майлз оглянулся через плечо и обомлел.

Капитан Куделка. Сержант Ботари. Отец.

Физиономия сержанта напоминала скалу, покрытую изморозью. Граф Форкосиган мрачнел на глазах. Капитан старался сохранить степенный и невозмутимый вид, но уголок губ предательски дергался, загибаясь кверху.

Майлз наконец нашелся.

— Хорошо, — сказал он твердым учительским тоном. — Потом, после строчки «Дай мне сию награду», ты говоришь: «От всего сердца; и как я рада видеть тебя раскаивающимся...» — Он почти нагло глянул на отца. — Добрый вечер, сэр. Мы здесь помешаем, наверно? Надо отыскать другой уголок для репетиций... Пойдем, Элен!

— Да-да, пойдем, — пискнула Элен, живо подхватывая спасительную соломинку. Майлз потащил ее к выходу; по пути она успела довольно глупо улыбнуться трем взрослым. Капитан Куделка ответил широкой ободряющей улыбкой, граф каким-то образом умудрился улыбнуться ей и угрожающе нахмуриться в адрес Майлза. Сержант демократично хмуро взирал на всех.

— Хотела бы я знать, чем ты так доволен? — свирепо зашептала Элен, когда они поднимались на пневматическом лифте.

Майлз сделал пируэт, даже не пытаясь изобразить раскаяние.

— Стратегически необходимое отступление, и притом в полном порядке. А что еще нам оставалось, когда про-

тивник превосходит нас числом, вооружением и чином? Мы всего лишь репетировали старую пьесу. Все очень мило и прилично. Кто бы стал возражать? Я гений.

— Ты идиот, — отрезала Элен. — У тебя на плече мой чулок.

— Ой. — Он повернул голову, осторожно взял двумя пальцами невесомую вещицу, и протянул ей с извиняющейся улыбкой. — Да, пожалуй, выглядело это не совсем...

Элен свирепо схватила чулок.

— Теперь отец изведет меня нотациями... Он и без того смотрит на любого, кто ко мне приближается, как на потенциального насильника. А сейчас запретит мне разговаривать с тобой. Или отошлет в деревню... — Глаза Элен наполнились слезами. — И ко всему прочему он мне солгал... солгал насчет матери...

Она кинулась в свою комнату и захлопнула за собой дверь с такой силой, что чуть не прищемила Майлзу руку. Он задергал ручку и попробовал докричаться до Элен:

— Но это же еще неизвестно! Наверняка всему есть логическое объяснение... Я попробую разобраться...

— Уходи! — донесся гневный приглушенный голос.

Майлз немного побродил по коридору, надеясь, что Элен выплачется и откроет, но из комнаты не слышалось ни звука. Часовой в конце коридора вежливо не обращал на него внимания; охрана премьер-министра славилась не только бдительностью, но и деликатностью. Майлз выругался про себя и побрел к лифту.

ГЛАВА 4

В коридоре на первом этаже он столкнулся с матерью.

— Ты не видел отца, радость моя? — спросила графиня Форкосиган.

— Видел, — пробурчал Майлз (мысленно добавив: «К несчастью»). — Он пошел в библиотеку с капитаном Куделкой и сержантом.

— Боевые друзья собрались выпить где-нибудь в уголке, — иронически констатировала мать. — Ну что ж, трудно его винить. День был ужасный. А он почти не спал. — Она внимательно посмотрела на сына. — А ты? Выспался?

Майлз пожал плечами.

— Да ничего.

— Ну-ну. Надо изловить отца, пока он не набрался как следует. После выпивки он, к несчастью, становится грубоват. А тут как раз пожаловал этот сукин сын граф Фордроза, да еще в компании с адмиралом Хессманом. Отцу предстоят нелегкие дни, если эти двое споются.

— Сомневаюсь, чтобы «ястребы» смогли заручиться достаточной поддержкой. Старые вояки безоговорочно поддерживают папин курс, — ответил Майлз.

— Да Фордроза в душе вовсе и не «ястреб». Просто его обуревает честолюбие, и он готов вскарабкаться на любого конька, лишь бы тот двинулся в нужном направлении. Он уже несколько месяцев пресмыкается вокруг Грегора... — В серых глазах графини сверкнул гнев. — Лесть, намеки, критика в папин адрес и эдакие гнусные маленькие шпильки, когда представляется удобный момент. Насмотрелась я на это. Терпеть его не могу, — решительно заключила она.

— Ну, насчет Грегора тебе уж точно не стоит волноваться, — ухмыльнулся Майлз. Его всегда забавляла привычка матери говорить об императоре так, словно он был ее приемным сыном. Впрочем, для этого имелись некоторые основания, поскольку адмирал Форкосиган в годы своего регенства был не только политическим, но и личным опекуном будущего императора.

Она недовольно нахмурилась.

— Фордроза не единственный, кто, не задумываясь, совратит глупого мальчишку. Причем совратит в любом смысле — моральном, политическом, каком угодно. А на благо страны и самого Грегора им наплевать. — Майлз тотчас же определил эти слова как цитату из собственного отца: никаких других политических авторитетов на Барраяре леди Форкосиган не призна-

вала. — Не понимаю, почему наше правительство так боится принять конституцию. Верность средневековым традициям — хорошенький способ управлять звездной державой! — А вот это уже ее собственные мысли, чисто бетанские.

— Папа уже столько лет у власти, — успокаивающе заметил Майлз. — Мне иногда кажется, что его не сдвинуть с места даже гравитонной торпедой.

— Пробовали уже, — сдержанно отозвалась мать. — Пора бы отцу всерьез подумать об отставке. Пока что нам везло... по большей части. — Она с грустью взглянула на своего покалеченного сына.

— И это вечное политиканство, — помолчав, устало продолжала мать. — Даже на похоронах... А уж эти родственнички... — тут ее голос немного оживился. — Если увидишь отца раньше, чем я, скажи ему, что его разыскивает леди Форпатрил. То-то он обрадуется... Хотя нет, не говори. А то он непременно напьется.

Майлз поднял брови.

— А что ей нужно от отца на этот раз?

— Ну, она считает, что с тех пор, как умер лорд Форпатрил, Эйрел должен быть вместо отца этому болвану Айвену; я не возражаю, но всему есть мера. Сейчас, например, проблема состоит в том, чтобы дать Айвену хорошую взбучку за то, что он... как это... спит с горничными. Я никогда не могла понять, почему бы здешней знати не стерилизовать временно своих лоботрясов, — лет этак с двенадцати, — и отпускать их на травку, пусть резвятся, раз уж им так невтерпеж. Это было бы разумно. Как их остановишь? Все равно что набросить платок на самум... — Она вздохнула и направилась к библиотеке с обычным своим резюме: — Барраярцы проклятые...

За окнами сгустился вечерний сумрак, а поминки в доме Форкосиганов все продолжались. Проходя по коридору, Майлз поглядел на свое отражение в темном стекле. То, что он увидел, его не обрадовало — взъерошенные волосы, серые глаза, бледное лицо со слиш-

ком резкими, заостренными чертами. Да, на красавца он явно не тянет.

Голод напомнил Майлзу, что он так и не пообедал сегодня. Надо тихо прокрасться в столовую, чтобы не наткнуться на какого-нибудь из этих жутких старцев, и набрать себе сандвичей. Выглянув в холл, и никого там не обнаружив, Майлз подскочил к столу и принялся без разбора сваливать в салфетку все закуски, какие подворачивались под руку.

— Только не бери вон то красное барахло, — прошептал знакомый приветливый голос. — По-моему, это какие-то водоросли. Твоя мать опять увлеклась какой-нибудь сумасшедшей диетой?

Майлз заметил своего кузена, Айвена, уже успевшего нагрузиться таким же кульком с яствами. Несмотря на добычу, открытая, раздражающе красивая физиономия молодого Форпатрила хранила тоскливое, и даже слегка затравленное выражение. Новенький, с иголочки кадетский мундир сидел на нем очень ловко, но с одного бока как-то странно оттопыривался.

— Вам что, уже разрешили носить оружие? — удивился Майлз.

— Какое к черту оружие. — Айвен воровато оглянулся — возможно, опасаясь появления леди Форпатрил, — потом распахнул мундир. — Бутылка из запасов твоего папеньки. Отобрал у слуги, прежде чем он разлил ее по этим крохотным стаканчикам. Слушай, ты не мог бы провести меня в какой-нибудь укромный уголок этого мавзолея? А то охрана не позволяет мне бродить по резиденции одному. Вино у вас приличное, еда еще лучше, за исключением этих красных штуковин, но, Бог мой, что за компания!

Майлз кивнул, соглашаясь, хотя втайне и был склонен включить братца в эту самую «компанию».

— Ладно. Раздобудь еще бутылку, — распорядился он, решив, что при достаточном возлиянии можно будет вытерпеть даже общество кадета Форпатрила. — Спрячемся в моей спальне, я как раз туда направляюсь. Встретимся у лифта.

* * *

Майлз со вздохом вытянулся на койке; Айвен разложил еду и откупорил первую бутылку. Наполнив до краев взятые из ванной пластмассовые стаканчики, он подал один из них своему калеке-кузену.

— Я видел, как старик Ботари вынес тебя с поля, — тут он сделал добрый глоток, и Майлз представил, как возмутился бы старый граф, если бы стал свидетелем такого варварского истребления благородного напитка. Сам он лишь слегка пригубил свой стакан, стараясь при этом лучше оценить букет — из почтения к памяти старика: дед иногда язвительно говаривал, что Майлз неспособен отличить хорошее вино от воды, в которой полощут чашки. — Жаль, конечно, — бодро продолжал Айвен. — Хотя вообще-то тебе повезло.

— Как это? — пробормотал Майлз, вонзая зубы в бутерброд.

— Точно тебе говорю. Завтра у нас начинается муштра...

— Да я уж слышал.

— Мне нужно явиться в казарму не позже полуночи. Я думал, хоть последнюю ночь повеселюсь как свободный человек, а вместо того застрял здесь. Это все матушка. Но скоро нас приведут к присяге — и тогда посмотрим, посмеет ли она обращаться со мной как с мальчишкой. — Он ненадолго умолк, расправляясь с бутербродом. — Так что вспомни про меня завтра на рассвете: я буду месить грязь под дождем, а ты тут будешь нежиться в теплой постельке...

— Вспомню-вспомню. — Майлз глотнул вина, потом сделал еще глоток. И еще.

— За три года там всего три увольнительных, — сокрушался Айвен, не переставая набивать рот. — Не многим лучше тюрьмы. Не зря службу называют лямкой. Хотя вернее назвать рабством. — Он одним духом осушил стакан, запивая пирожок. — А ты сам себе хозяин. Что хочешь, то и делаешь.

— Да уж, — равнодушно согласился Майлз. Его услуги не были нужны никому — ни императору, ни кому-

либо другому. Он не мог их ни продать, ни даже отдать даром...

Через некоторое время, утолив первый голод, Айвен опасливо заметил:

— А твой папаша нас не застукает?

— Ты что, боишься его? — бросил Майлз.

— Да кто же его не боится? Весь генштаб бледнеет, стоит ему открыть рот. А я какой-то зеленый кадетишка. Ты-то сам разве не боишься?

Майлз подумал.

— Нет, пожалуй. В общем, не так, как ты это представляешь. Но если ты не хочешь попадаться ему на глаза, то здесь действительно не самое лучшее место, по крайней мере, сегодня, — добавил он, припомнив недавнюю сценку в библиотеке.

— Да? — Айвен в сомнении повертел стакан. — У меня всегда было такое чувство, что дядя меня не больно жалует...

— Да нет, тебе кажется, — утешил брата Майлз. — Хотя лет до четырнадцати я думал, что тебя зовут «этот-болван-Айвен». — Он оборвал себя , вновь осознав разницу в их положении. Кто здесь болван, а кто — счастливчик? Заснуть бы поскорее и забыть обо всем...

В дверь властно постучали, и Айвен испуганно вскочил.

— О черт, уж не он ли случайно?

— Когда заходит старший офицер, младшему положено встать и отдать честь, а не лезть под кровать.

— А я и не собирался лезть под кровать, — возразил Айвен. — Я хотел спрятаться в туалете.

— Не стоит. Уверяю тебя, тут будет такая пальба, что никто не заметит, как ты удерешь. — И Майлз громко отозвался: — Войдите!

Это и вправду был граф Форкосиган. Взгляд его серых глаз был холоден, как ледник в пасмурный день.

— Майлз, — начал он без предисловия, — из-за чего эта девушка расплакалась? Что ты наде... — Тут он запнулся, заметив стоящего навытяжку Айвена, и продолжал уже обычным своим беззлобно-ворчливым тоном: — А-а, черт. Я-то надеялся, что сегодня ты мне не попа-

дешься. Думал, у тебя хватит ума найти укромное местечко и быстренько набраться. Айвен не сводил с графа испуганных глаз.

— Сэр... Дядя Эйрел... А... матушка с вами говорила, сэр?

— Да, — вздохнул граф Форкосиган, и кадет побледнел, не разглядев веселых огоньков в полуприкрытых глазах всесильного премьер-министра.

Майлз задумчиво провел пальцем по горлышку бутылки.

— Айвен зашел выразить мне сочувствие по поводу моей травмы, сэр.

Братец усиленно закивал в подтверждение.

— Понятно, — сухо сказал граф Форкосиган, и Майлз почувствовал, что отцу действительно все понятно. Граф опять вздохнул и с легкой усмешкой обратился к Айвену: — Вот служу почти пятьдесят лет, и до чего я дослужился? Мною пугают мальчишек, чтоб хорошо себя вели. Людоед, который питается непослушными детьми, вот кто я такой. — Премьер-министр угрожающе расставил руки и рявкнул: — Вот я тебя!.. Можешь считать, что экзекуция состоялась и топай отсюда. Иди, иди, малыш.

— Да, сэр. — Повеселевший Айвен отдал честь.

— И не смей козырять, — резко добавил граф. — Ты пока еще не офицер. — Казалось, он только сейчас заметил мундир племянника.

— Да, сэр. Нет, сэр. — Пунцовый от избытка ощущений Айвен выскочил из комнаты. Губы графа Форкосигана дрогнули в улыбке.

«А я-то был уверен, что мне никогда не придется благодарить моего кузена», — подумал Майлз.

— Итак, сэр?.. — подсказал он отцу.

Граф не сразу собрался с мыслями, а когда заговорил, голос его звучал гораздо спокойнее.

— Почему Элен расплакалась, сынок? Ты к ней не... приставал?

— Нет, сэр. Я знаю, что все выглядит именно таким образом, но я не трогал Элен. Могу поклясться.

— Незачем. — Граф подтянул к себе стул и уселся. — Я верю, что ты не собираешься подражать этому болвану Айвену. Но я хочу тебе напомнить, что философия твоей матери в области... э-э... секса — бетанская, скажем прямо, философия — уместна только на Колонии Бета. Возможно, когда-нибудь она приживется и здесь, но не теперь. И я хочу, чтобы ты раз и навсегда уяснил для себя, что Элен Ботари — совершенно неподходящий объект для опытов в этом направлении.

— А почему? — неожиданно спросил Майлз. Отец изумленно поднял брови, и Майлз быстро продолжил: — Я не понимаю, почему ее надо во всем ограничивать и стеснять. Ее же все время пеленают, шагу не дают ступить без провожатых. А она умная, она... она красивая, и сильная... Она могла бы меня пополам переломить, если б захотела. Так почему ей не получить, например, приличное образование? Сержант изо всех сил противится этому. Единственное, что его заботит, — это приданое. Как бы сколотить дочери приличное приданое. И он никогда не позволяет ей путешествовать... А это дало бы ей в тысячу раз больше, чем любой из родовитых девиц, каких я знаю. — Майлз умолк, задохнувшись от волнения.

Граф Форкосиган задумчиво провел рукой по спинке стула.

— Все это верно. Только... Элен значит для сержанта гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Она для него — символ... символ всех его надежд... Не знаю, как тебе объяснить... Она — залог разумности и даже необходимости его жизни. Я многим обязан ему, и я должен оберегать этот залог.

— Да-да, я понимаю, — нетерпеливо оборвал его Майлз. — Но разве справедливо, что твоя признательность сосредоточена на отце и совсем не затрагивает дочь?!

Граф, видимо растроенный, начал снова:

— Я обязан ему жизнью, Майлз. И своей, и твоей матери. Это не преувеличение: всем, что я сделал для Барраяра в последние восемнадцать лет, я обязан ему. И еще я обязан ему твоей жизнью, которую он спас

дважды, а следовательно, тем, что не сошел с ума, хотя последнее и не бесспорно, как выразилась бы твоя мать. Если Ботари захочет получить с меня этот долг, он имеет право требовать все, что угодно. — Граф задумчиво потер подбородок. — И еще: в настоящее время я бы очень хотел избежать каких-либо домашних скандалов. Мои противники высматривают любой повод, любой рычаг, чтобы опрокинуть меня. Пожалуйста, не дай им превратить тебя в этот рычаг.

«Интересно, что же все-таки творится сейчас в правительстве? — в который раз подумал Майлз. — Хотя вряд ли я дождусь объяснений... Кто я? Лорд Майлз Нейсмит Форкосиган. Профессия: бездельник и болтун. Хобби: падать со стенок, отнимать жизнь у стариков, доводить до слез девушек...» Он страстно желал, чтобы представился случай хотя бы помириться с Элен, но чем теперь рассеять ее страхи? Единственное, что приходило ему в голову, — отыскать эту чертову могилу, а она наверняка на Эскобаре, одна из шести или семи тысяч могил, оставшихся на память о той давней войне.

И тут ему в голову пришел план, да такой соблазнительный, что он забыл, о чем хотел сказать, и застыл с открытым ртом. Граф Форкосиган вежливо-вопросительно приподнял брови. В конце концов Майлз решился:

— А как дела у нашей бабушки Нейсмит?

Отец пристально посмотрел на него.

— Любопытно, что ты об этом спрашиваешь. Твоя матушка частенько вспоминает о ней в последнее время.

— Ну, это понятно. Кончина деда... Хотя бабушка — крепкая старушка. Вообще, по-моему, бетанцы рассчитывают жить лет сто двадцать, не меньше. Наверное, думают, что это одно из их гражданских прав.

Бабушка жила на Бете, в девяти скачках сквозь п-в-туннели. Путешествие туда занимало три недели, если лететь прямым путем — через Эскобар. Если подобрать подходящий рейс, то Майлз вполне сможет сделать остановку на Эскобаре. Можно будет поглядеть на местные достопримечательности, и провести небольшое расследование — тихо и незаметно, даже если Ботари

прилипнет к нему, как банный лист. Мальчик интересуется военной историей — почему бы ему не совершить экскурсию на кладбища солдат императора? Очень естественно. Он даже мог бы проделать поминальные обряды в честь павших.

— Сэр, — начал он, — как по-вашему...

Отец заговорил одновременно с ним:

— Сынок, ты не хотел бы... Прошу прощения.

— Нет, нет, говори, отец...

— Я хотел сказать, — продолжал граф, — что сейчас самый удобный момент навестить бабушку. Сколько прошло, с тех пор как ты в последний раз был на Колонии Бета? Года два, наверное?

Майлз пошевелил языком, проверяя, не онемел ли он.

— Замечательная идея! А можно... можно мне взять с собой Элен?

Отцовские брови снова взлетели вверх.

— Что?

Майлз встал и захромал взад и вперед по комнате, не в силах усидеть из-за переполнявших его чувств. Если бы только он смог увезти Элен в путешествие за пределы планеты! Бог ты мой, он стал бы для нее героем, метра два ростом, как Форталия Смелый.

— А почему бы и нет? Ботари все равно будет рядом. А кто может приглядеть за ней лучше, чем родной отец? И кто нашел бы здесь что-нибудь предосудительное?

— Сам Ботари, — без колебаний ответил граф Форкосиган. — Не могу себе представить, чтоб он одобрил идею показать дочери Колонию Бета. Он-то там бывал. А поскольку приглашение исходит от тебя, я не уверен, что оно ему покажется приличным — в данный момент.

— А-а. — Майлз дошел до угла, развернулся, сделал еще пару шагов. — Что ж, тогда я ее приглашать не буду.

— Ну вот. — Граф облегченно вздохнул. — Это, я думаю, мудрое...

— Я попрошу маму, чтобы она ее пригласила. И пусть сержант только попробует заартачиться!

От неожиданности отец рассмеялся.

— Удар ниже пояса, сынок! — Но голос у него был совсем не строгий. Майлз воспрянул духом.

— Эта идея насчет поездки пришла в голову маме, ведь так?

— В общем, да, — признался граф. — И, честно говоря, я был рад, что она сама предложила это. Мне будет легче, если ты проведешь следующие несколько месяцев на Бете. — Он встал. — Извини, я должен идти — дела. Мне еще надо побеседовать с Фордрозой, ради вящей славы империи. — Брезгливое выражение, появившееся у него на лице, говорило о многом. — Честное слово, я бы предпочел напиться с этим дурачком Айвеном. Или поболтать еще немножко с тобой. — Он с нежностью взглянул на сына.

— Я понимаю, сэр. Работа прежде всего.

Граф помолчал, потом медленно произнес, с трудом подбирая слова:

— Ничего ты не понимаешь. Моя работа... Моя работа не принесла тебе счастья. С самого начала. Мне жаль, что все так сложилось, сынок. — Отец молча кивнул и вышел.

«Опять он передо мной извиняется, — подумал Майлз, чувствуя себя вконец несчастным. — Сперва говорит, что у меня все в порядке, а потом извиняется. Непоследовательно это, отец».

Он, хромая, заметался по комнате, и жгучая боль в ногах заставила его заговорить, почти закричать, обращаясь к закрытой двери.

— Я заставлю тебя взять извинения обратно! У меня все в порядке, понял? Я начиню тебя такой гордостью за сына, что не останется места для твоей дурацкой вины! Клянусь! Даю слово Форкосигана. Клянусь тебе, отец, — голос его понизился до шепота. — Клянусь, дедушка. Я не знаю как, но я это сделаю...

Майлз еще раз прошелся по комнате. Становилось холодно, и так вдруг потянуло в постель! Повсюду крошки от сандвичей, на столе бутылки — одна пустая бутылка, другая полная... Тишина.

— Значит, разговариваем сами с собой, — прошептал он. — Скверный симптом, приятель.

Ноги страшно болели. Майлз прижал к себе полную бутылку и забрал ее с собой в постель.

ГЛАВА 5

— Так-так-так, — елейным голосом протянул толстый таможенник-бетанец. — Да это же сержант Ботари с Барраяра. Ну-с, с чем пожаловали на сей раз? Что там у вас в заднем кармане? Парочка атомных фугасов? Вы их забыли там совершенно случайно, разумеется. А что затесалось в ваш бритвенный прибор? Батарея лазерных пушек? А в ботинке — и там что-то застряло? Гравитонная ракета?

Сержант отреагировал на приветствие чем-то средним между кряхтением и рычаньем.

Майлз улыбнулся, силясь припомнить имя чиновника.

— Добрый день, господин Тиммонс. Все еще в таможне? Я думал, вы уже какая-нибудь крупная шишка в администрации.

Таможенник кивнул ему более приветливо.

— Добрый день, лорд Форкосиган. Вы же знаете, какая у нас служба. — Он перебрал их документы и вставил дискету в свой компьютер. — Ваши разрешения на ношение парализаторов в полном порядке. А теперь, пожалуйста, пройдите по одному через сканирующее устройство.

Ботари хмурился и негодующе фыркал. Майлз попытался перехватить его взгляд, но сержант внимательно рассматривал некую видимую только ему точку в пространстве. Такое поведение показалось Майлзу подозрительным, и он заявил:

— Сначала мы с Элен.

Элен прошла первой, неловко улыбаясь, как человек, которому пришлось слишком долго позировать, а

потом снова принялась вертеть головой, жадно разглядывая окружающее. Майлз надеялся, что Колония Бета как-то компенсирует разочарование, постигшее их на Эскобаре.

Они два дня копались в архивах и таскались под дождем по заброшенным военным кладбищам, изображая, ради Ботари, живейший интерес ко всем руинам. Но все усилия пропали даром — они так и не нашли ни могилы, ни обелиска с именем матери Элен. Впрочем, неудача скорее утешила, чем огорчила Элен.

— Вот видишь? — повторяла она. — Отец меня не обманывал. Просто у тебя разыгралось воображение.

Сам сержант относился к их экскурсиям с плохо скрываемой скукой, и Майлз окончательно убедился, что Элен права.

Он теперь жалел, что поддался атмосфере тайны, окружавшей прихождение Элен, и не попробовал расспросить об этом мать. По возвращении надо непременно поговорить с ней. А что-то из этого разговора, может быть, передать дочери Ботари. Мама лучше сообразит, что именно и в какой форме.

Майлз прошел через сканер вслед за Элен, предвкушая, что будет показывать ей все чудеса Колонии Бета как исполненный торжества фокусник, готовый извлечь из шляпы целую компанию кроликов.

Настала очередь Ботари. Он шагнул под арку машины, и сейчас же раздалось что вроде резкого блеяния.

Тиммонс покачал головой:

— Все не уймете, сержант?

— Простите, я перебью вас, — быстро вставил Майлз, — мы с этой молодой леди можем быть свободны? — Агент кивнул, и Майлз забрал парализаторы и документы. — Тогда я покажу ей космопорт, пока вы тут выясняете отношения. Мы будем в главном зале.

— Вам нельзя... — встревоженно начал Ботари.

— О нас не беспокойтесь, — небрежно обронил Майлз, притянул к себе локоть Элен и увлек ее к выходу.

Элен оглянулась через плечо.

— Неужели отец и вправду хотел протащить оружие?

— И подозреваю, что не один вид, — извиняющимся тоном сказал Майлз. — Я никогда не даю ему на это разрешения, и у него никогда ничего не выходит, но мне кажется, он чувствует себя просто голым, если не вооружен до зубов. Правда, нет худа без добра: раз уж бетанцы так лихо отыскивают оружие, думаю, здесь нам нечего опасаться.

Когда они вошли в главный зал, он незаметно посмотрел на Элен и губы его раздвинулись в довольной улыбке: она была просто вне себя от восторга. Их окружали тропические заросли. Мягкий золотистый свет лился из-под огромного купола, выхватывая из темной листвы яркие пятна цветов и невиданных птиц. Где-то рядом слышалось журчание фонтанов.

— Тут как в гигантском ботаническом или зоологическом саду, — прошептала Элен.

— Угу, — подтвердил Майлз. — Это все принадлежит зоопарку Силика. Что-то вроде большой открытой вольеры.

Они направились в конец зала, отведенный под магазинчики. Майлз осторожно направлял Элен, стараясь показать лишь то, что могло ей понравиться, и обходя опасные места. Например, заведение, где торгуют предметами интимного обихода, — это, наверно, чересчур для первого знакомства с планетой, хотя Элен ужасно мила, когда краснеет. А вот в магазине комнатных животных, весьма необычном, они провели несколько приятнейших минут. Элен приглянулась большая декоративная ящерица с Тау Кита, неправдоподобно многоцветная и сверкающая, и Майлзу захотелось немедленно подарить ей эту зверюгу. Но здравый смысл возобладал, и он удержался от покупки, тем более, что таукитянская рептилия была крайне разборчива в отношении кормежки и, несмотря на сказочную внешность, не отличалась чистоплотностью. Они побродили по балкону над этим огромным садом, и вместо ящерицы Майлз купил своей спутнице мороженого. Усевшись на скамейку у самых перил, юная парочка принялась уплетать лакомство.

— Тут так спокойно, свободно, — сказала Элен, облизывая пальцы и оглядываясь вокруг. Глаза у нее блестели от удовольствия. — Не то, что у нас: везде солдаты, охрана. А здесь... здесь женщина может стать кем угодно.

— Ну, смотря что понимать под свободой, — неопределенно ответил Майлз. — Между прочим, бетанцы мирятся с правилами, которых мы бы ни за что не потерпели. Ты бы видела, как они вытягиваются в струнку, когда объявляют чрезвычайную ситуацию — например, песчаную бурю, или учебную тревогу, или перебой в подаче энергии. У них здесь... не знаю, как бы получше выразиться. Нет места для одиночек.

— Зато они сами устраивают собственную жизнь.

— А ты знаешь, что на Бете нужно разрешение, чтобы завести ребенка? Первый, правда, бесплатно, но потом...

— Какая ерунда, — рассеянно заметила Элен. — Кто же может это проконтролировать? — Но, испугавшись собственного вопроса, быстро оглянулась, нет ли поблизости отца.

Майлз тоже оглянулся, потом объяснил:

— Женщинам и гермафродитам здесь имплантируют постоянные предохранительные средства. А чтобы удалить имплантат, требуется специальное разрешение. Когда девушка достигает зрелости, ей вставляют эту штуку, прокалывают уши, и... — тут Майлз обнаружил, что умеет краснеть не хуже других, и торопливо закончил: — удаляют девственную плеву. Все процедуры — за один визит к доктору. Именно так определяют девушку, с которой можно знакомиться... По ушам.

А в следующую секунду руки Элен взметнулись к серьгам, и она не просто порозовела, а покраснела до корней волос.

— Майлз! Они что, подумают, что я?..

— Да полно тебе! Если кто-то начнет приставать, а рядом не будет ни меня, ни твоего отца, вели им убираться, и все тут. Они сразу отстанут. Я все же решил, что лучше тебя предупредить. — Майлз покусал костяшки

пальцев, борясь со смехом. — Знаешь, если ты собираешься ходить все шесть недель, прикрыв уши руками...

Она торопливо опустила руки на колени и свирепо глянула на него.

— Конечно, на Бете все ужасно необычно, — извиняющимся тоном проговорил он и в этот миг отчетливо вспомнил, в каких формах проявляется здешняя необычность.

Ему было пятнадцать, когда его послали учиться на Бету. Впервые в жизни он очутился в мире, где возможности для интимных знакомств казались неограниченными. Но эта иллюзия быстро растаяла: самые очаровательные девушки, как выяснилось, были на руках. Среди остальных кандидатур преобладали добрые самаритянки, готовые одарить своими прелестями любого желающего, гермафродиты и мальчики.

Майлз вовсе не хотелось быть объектом благотворительности, а для двух последних категорий он был слишком барраярцем, хоть и достаточно свободомыслящим, чтобы не ужасаться, когда однополой любовью занимаются другие. У него был недолгий роман с одной искательницей острых ощущений, и он уже через пару недель был сыт ею по горло. Бетанку до того завораживали особенности его тела, что Майлз порою чувствовал себя настоящим монстром. Ему было еще тяжелее, чем дома, среди барраярцев, с их яростным отвращением к телесным недостаткам. Впрочем, когда эта извращенка обнаружила, что соответствующий орган у него в норме, она разочаровалась и потихоньку исчезла с горизонта.

Для Майлза эта история закончилась тяжелейшим приступом отчаяния; неделя проходила за неделей, а депрессия становилась все глубже и глубже, и однажды ночью сержанту Ботари пришлось спасать его жизнь в третий раз. Майлз дважды поранил Ботари, пока они боролись из-за ножа: сержант боялся переломать ему кости, а он просто обезумел тогда. В конце концов Ботари зажал Майлза, как клещами, и держал, пока тот не расплакался. Когда-то Ботари носил его на руках — до тех пор, пока в четыре года Майлз не научился хо-

дить; и теперь он поднял его и отнес в постель. Потом перевязал свои раны, перевязал и никогда не упоминал об этом.

Да, тот год был просто ужасным, и Майлз был полон решимости начать все с чистого листа. Он сжал перила, словно готовясь — к чему? У него не было цели, и от этого вся гостеприимная роскошь Колонии Бета показалась ему на миг скучной и бессмысленной.

Поблизости стояли четверо бетанцев, о чем-то громко споря. Майлз полуобернулся к ним, чтобы лучше видеть из-за Элен. Она была переполнена впечатлениями и болтала без умолку, но, когда Майлз приложил палец к губам, покорно затихла, с любопытством глядя на него.

— Черт бы вас всех побрал, — ругался толстяк в зеленом саронге. — Мне наплевать, каким образом вы собираетесь выкурить его. Я требую, чтобы этого психа убрали наконец с моего корабля. Вы что, не можете послать туда штурмовую группу?

Женщина в форме бетанской службы безопасности покачала головой:

— Послушайте, Кольхаун, к чему мне рисковать людьми из-за корабля, который все равно пойдет на слом? Там же нет заложников или еще чего-то в этом роде.

— Но у меня простаивает команда утилизаторов, я им плачу полуторную ставку за сверхурочные. Он сидит там уже трое суток. Должен же он когда-нибудь отлучаться в туалет, или закусывать, или еще что, — упорствовал толстый бетанец.

— Если вы правы и он действительно накачался наркотиками, штурм — верный способ заставить его взорвать корабль. Так что лучше подождать. — Женщина из службы безопасности повернулась к человеку в светло-сером комбинезоне — наверняка пилоту одной из крупных транспортных компаний. Седые волосы старого космолетчика были в тон трем серебряным кружкам на его висках и в середине лба — нейроимплантатам, благодаря которым мозг пилота может сливаться в одно це-

лое с компьютерами корабля. — Вы же знакомы, он член вашего профсоюза. Неужели никак нельзя уговорить его?

— Представьте себе, нет, — возразил пилот. — И не пытайтесь спихнуть его на меня. Он ведь ясно сказал, что не желает со мной разговаривать.

— Тем не менее в этом году именно вы — член Совета, и у вас должна быть какая-то власть над ним; пригрозите в конце концов отобрать его пилотский диплом.

— Конечно, Ард Мэйхью все еще член Братства, но он уже два года не платит взносы, его лицензия и так висит на волоске, а после этого случая ее точно отберут. Ард решился на свою дурацкую выходку потому, что, когда последние корабли серии РГ пойдут в утиль, — тут пилот кивнул в сторону зеленого саронга, — он уже не найдет работы. Медкомиссия его забраковала, новый имплантат ставить ему бесполезно, даже если бы он наскреб денег. А он не наскребет. На прошлой неделе попросил у меня взаймы несколько долларов — заплатить за квартиру. Так он по крайней мере сказал. Но скорее всего истратит их на пойло, которым заливает глаза.

— Так вы ему дали? — полюбопытствовала вторая женщина в голубой форме администрации космопорта.

— Дал, — угрюмо ответил космолетчик. — Но предупредил, что в последний раз. И вообще... — он нахмурился, глядя на свои ботинки, — я бы предпочел, чтобы он кончил жизнь в космосе, в каком-нибудь головокружительном скачке, или вспышке, чем подыхать без гроша в кармане под забором. Отлично представляю, как бы я себя чувствовал, узнав, что никогда уже не сделаю скачка...

— Все пилоты — сумасшедшие, — уверенно заявила офицер службы безопасности. — Это из-за того, что вам прокалывают мозги.

Майлз, совершенно завороженный, подслушивал их без зазрения совести. Человек, о котором шла речь, похоже, такой же изгой и неудачник, как и он, да вдобавок попавший в беду.

— Вспышка! От этой вспышки может прерваться все движение вокруг планеты, — запричитала администраторша. — Если он исполнит свою угрозу, внутренние орбиты будут забиты обломками минимум на неделю. Нам придется закрыть космопорт и чистить орбиты... — Она повернулась к мужчине в саронге и повысила голос: — И знайте, Кольхаун, что за очистку орбит будет платить кто угодно, только не мы. А счет пошлют вашей компании, даже если мне придется обратиться в Департамент юстиции.

Толстяк сперва побледнел, затем побагровел:

— Но это же ваше ведомство заварило кашу, разрешив этому чокнутому доступ к моему кораблю!

— Он заявил, что оставил на борту свои вещи, — отпарировала женщина. — Кто же знал, что у него на уме.

Майлз представил себе пилота — как он сидит там один-одинешенек, забившись в какой-нибудь отсек, словно последний защитник осажденной крепости. И тут ему на ум пришла история одного из предков, генерала Зелига Форкосигана: хитроумный вояка заставил врагов снять осаду с Форкосиган-Сюрло с армией в несколько человек... Майлз сжал кулаки.

— Подыграй мне, только не раскрывай рта! — прошептал он скороговоркой.

— Что? — удивилась Элен.

Подкрепив слова сердитым взглядом, Майлз вскочил со скамьи.

— А-а, как славно, что я отыскал вас, мисс Ботари, — громко произнес Майлз, словно они только встретились. Взяв Элен за руку, он направился с нею к четверке споривших.

Ему было известно, что посторонние часто обманываются насчет его возраста. Вначале его нередко принимали за ребенка — из-за роста. Но потом, разглядев хорошенько лицо с крупными и жесткими (вследствие многолетней привычки к физической боли) чертами, а также синеватый отлив гладко выбритых щек — встречные не знали, что и думать. И тут перед Майлзом открывался большой простор для маневров. Он мысленно

призвал на помощь дух своих знаменитых предков и улыбнулся так высокомерно, как только мог.

— Добрый день, господа, — приветствовал Майлз бетанцев. И все четверо недоуменно воззрились на него. Под этими взглядами вся его аристократическая благовоспитанность чуть не растаяла, но он выдержал. — Мне сказали, кто-то из вас знает, где найти пилота Арда Мэйхью.

— А вы кто такой? — проворчал представитель компании по утилизации, высказывая вопрос, занимающий всех.

Майлз слегка кивнул, взмахнув в мыслях воображаемым плащом.

— Лорд Майлз Форкосиган, с планеты Барраяр, к вашим услугам. Это моя сотрудница, мисс Ботари. Я случайно услышал ваш разговор и, думаю, могу помочь вам.

— Послушай, мальчик, — начала дама из администрации космопорта; Майлз нахмурился и уставился на нее из-под нависших бровей, подражая взгляду деда в те минуты, когда старик бывал не в духе. — Прежде всего, сэр, — поправилась женщина, — скажите, что вам нужно от пилота Мэйхью?

Майлз вздернул подбородок.

— Мне поручено передать ему долг.

— Кто-то должен деньги Арду? — в изумлении спросил утилизатор.

Майлз выпрямился с оскорбленным видом.

— Нет, речь идет не о деньгах, — отчеканил он с таким презрением, словно в жизни не притрагивался к подобному мусору. — Долг чести.

— Пусть так, а мне до этого какое дело? — возразил толстяк, нисколько не смущенный величественными манерами аристократа-коротышки...

— Я могу уговорить пилота Мэйхью покинуть ваш корабль, — пояснил Майлз, уже сообразивший, в какую сторону надо гнуть. — Если только вы поможете мне встретиться с ним лицом к лицу. — Элен при этих словах чуть не задохнулась, но он успокоил ее мимолетным движением бровей.

Бетанцы переглянулись, словно взглядами можно было спихнуть ответственность друг на друга. В конце концов человек с серебряными кружками на голове заявил:

— Пускай. Все равно никто ничего лучше предложить не может.

Пассажирский катер вышел на орбиту и седовласый пилот заговорил, склонившись к коммуникатору:

— Ард? Послушай, Ард, это Вэн. Ответь, пожалуйста. У меня тут человек, который хочет поговорить с тобой. Он собирается перебраться к тебе на борт. Ты не будешь делать глупостей, Ард?

Ответом было гробовое молчание.

— Он вас слышит? — спросил Майлз.

— Связь в порядке. А слышит ли — неизвестно. Может быть, он вообще отключился или заснул. А может быть, и помер — как знать...

— Да жив я, жив, — раздалось внезапное рычание из динамика. Изображения на экране не было. — А вот ты вряд ли выживешь, Вэн, если попытаешься пробраться на корабль. Предатель, сукин сын...

— И пробовать не стану, — пообещал старший пилот. — Это вот господин... простите — лорд Форкосиган хочет попытаться.

Последовала долгая пауза, нарушаемая лишь потрескиванием и шипением в аппарате.

— Он что, работает на этого кровососа Кольхуана? — подозрительно спросил невидимый собеседник.

— Ни на кого он не работает, — успокоил его Вэн.

— Тогда, значит, из Совета психического здоровья? Помни, никого с оружием я к себе не подпущу. Взорву к чертям корабль...

— Да он не бетанец. Он с Барраяра. Говорит, что ищет тебя.

Снова молчание, потом все тот же голос, сварливый и неуверенный:

— Да я вроде ничего не должен барраярцам... Я даже никого оттуда не знаю.

Заработали тормозные двигатели, потом раздался тихий щелчок с внешней стороны корпуса — они причалили к старому грузовику. Пилот поднял палец, подавая знак, и Майлз занялся переходным люком, стыкуя челнок с кораблем.

— Готово, — сказал он.

— Вы уверены, что хотите туда перебраться? — прошептал пилот.

Майлз кивнул и улыбнулся, наслаждаясь чувством невесомости. Единственное, что его сейчас тревожило — мысль об Элен, оставленной в порту урезонивать чиновников и сержанта, когда тот вырвется из цепких объятий таможни.

Майлз открыл люк. Послышалось короткое «пуф-ф» — давление воздуха в кораблях уравнялось. Он заглянул во мрак переходного туннеля.

— Фонарик есть?

— Вон там, на полке, — показал пилот.

Освещая себе путь, Майлз осторожно двинулся вперед. Тьма отступала, пряталась в поперечных коридорах и вновь смыкалась за его спиной. Майлз хотел попасть в ходовую рубку корабля, где, скорее всего, и находился космический мятежник. Идти было недалеко, но из-за абсолютной тишины и вынужденной плавности движений время тянулось бесконечно. Майлз уже начинал чувствовать то, что всегда чувствуется при нулевой силе тяжести: сожаление о своей невоздержанности. Ванильное мороженое, подумал он; черт его дернул проглотить проклятое мороженое.

Впереди показался тусклый свет, падавший в коридор из открытой двери. Майлз, громко кашлянув, придвинулся поближе. Учитывая ситуацию, лучше появиться не слишком неожиданно.

— Пилот Мэйхью? — негромко окликнул он, подтягиваясь к двери. — Меня зовут Майлз Форкосиган. Я ищу... Я ищу... — Какого дьявола, в самом деле, он ищет? Ну да ладно. Главное — не упустить инициативу. — Я ищу отчаянных людей, — с пафосом закончил он.

Мэйхью, пристегнув ремни, сидел в командирском кресле: вся его сгорбленная фигура выражала глубокое уныние. На коленях у него громоздились пилотский шлем, литровая бутыль, наполовину заполненная какой-то опалесцирующей жидкостью ядовито-зеленого цвета, и коробка с рубильником, неряшливо подсоединенная массой спутанных проводов к панели управления: Майлз, как завороженный, уставился на эту коробку — и на небольшой узкофокусный игольник. Само наличие такого оружия у частного лица являлось по законам Беты серьезным правонарушением.

Пилот Мэйхью, мигая покрасневшими веками, без всякого интереса смотрел на странного визитера, зависшего в дверном проеме. Все еще держа в руке смертоносную игрушку, пилот потер ею трехдневную щетину на подбородке.

— Да? — произнес он. Этой не слишком вразумительной репликой и ограничилась его реакция.

Игольник на некоторое время отвлек Майлза от основной задачи.

— Как вам удалось протащить эту штуку через таможню Беты? — спросил он с неподдельным восхищением. — Мне никогда не удавалось и рогатку пронести.

Мэйхью глянул на оружие в своей руке с таким недоумением, словно только что его заметил.

— Купил как-то на Архипелаге Джексона. Никогда не пробовал пронести его на планету. Если бы попробовал, у меня бы его наверняка отняли. Они вечно все отнимают, эти, которые там, внизу. — Он вздохнул.

Майлз потихоньку пролез в рубку и, скрестив ноги, уселся в воздухе в позе внимательного слушателя — во всяком случае он надеялся, что выглядит таковым.

— А как вы вообще попали в эту передрягу? — спросил он, охватывая единым взглядом обстановку корабля и то, что лежало на коленях у пилота.

— Не повезло. — Мэйхью пожал плечами. — Мне никогда не везло. Взять хоть бы ту аварию с РГ-88. Лопнула труба, вытекла жидкость, мешки с далем намокли и

проломили переборку. С этого все и началось. Заведующего погрузкой в порту и пальцем не тронули, черт бы их всех побрал... Пил я там или не пил, это же не меняет дела. Все равно труба бы лопнула. — Он шмыгнул носом и провел рукавом по глазам. Майлз перепугался — похоже, дяденька вот-вот разревется. Жуткое зрелище, особенно если плачущему за сорок. Но Мэйхью не заплакал, а глотнул из бутылки. Потом, видимо, вспомнив о правилах хорошего тона, протянул ее Майлзу.

Майлз вежливо улыбнулся. Может, воспользоваться случаем и вылить ее, чтобы Мэйхью волей-неволей протрезвел? Однако вылить жидкость в невесомости можно было только в какой-то другой сосуд, иначе ему придется все время уворачиваться от плавающих капель. Да и сделать это не так просто... В чисто научных целях Майлз приложился к горлышку.

Напиток был густой и сладкий, как сироп, с сильным запахом каких-то трав и невероятно крепкий — градусов шестьдесят, не меньше. Майлз поперхнулся и почувствовал себя чем-то вроде учебного муляжа пищеварительного тракта, в котором все части были выделены разными цветами. Почтительно вытерев горлышко рукавом, он вернул бутылку владельцу; тот кивнул и засунул ее под мышку.

— Спасибо, — просипел Майлз. — А как вы... — Он перевел дух, откашлялся и продолжал своим голосом: — Что вы собираетесь делать? Что вы хотите?

— Что я хочу? — повторил Мэйхью. — Что делать дальше? Не знаю... Я просто не позволю этому живодеру Кольхауну убить мой корабль. А дальше... Никаких «дальше» не будет. — Он покачал в руках коробку с рубильником, похожий на какую-то фантастическую разнесчастную мадонну мужского пола. — Ты когда-нибудь бывал красным?

Майлзу припомнилось что-то смутное из истории древних политических партий на Земле.

— Да нет, я вообще-то фор, — осторожно заметил он, гадая, устроит ли собеседника такой ответ и о чем вообще идет речь. Вопрос оказался риторическим.

— Красный. Красный цвет. Однажды я был чистым светом — во время скачка в какую-то дыру под названием Геспари-2. Ничего похожего на скачок в обычной жизни нет. Если ты никогда не проносился сквозь радугу в мозгу — цвета, которым и имени-то нет в человеческом языке, — представить это невозможно. Это лучше всего на свете — женщин, еды, выпивки и сна. А они нам еще платят! Бедное обманутое дурачье — у них нет под черепом ничего, кроме протоплазмы... — Он мутными глазами глянул на юношу. — Извини. О присутствующих не говорят. Просто ты не пилот. Ну, а я так больше никогда и не возил грузы на Геспари. — Он повнимательнее вгляделся в Майлза. — Послушай, парень, вид-то у тебя... аховый. С чего это?

— На себя посмотрите, — огрызнулся гордый потомок Форкосиганов, на миг забыв о дипломатии.

— Ну-ну, — пробормотал пилот и снова передал юноше бутылку.

Любопытное питье, подумал Майлз. Несмотря на крепость, нисколько не пьянит, и в сон от него не клонит. Он ощутил прилив энергии, теплую волну, прокатившуюся по всему телу до кончиков пальцев. Теперь понятно, почему Мэйхью смог продержаться три дня и не заснуть в этой всеми покинутой жестянке.

— Значит, у вас нет плана сражения, — подытожил Майлз. — Вы не потребовали миллион бетанских долларов в мелких немаркированных купюрах, не грозили протаранить космопорт, не взяли заложников... В общем, не совершили ничего выдающегося. Просто сидите здесь, хлещете это пойло и упускаете шансы. Видимо, вам не хватает решимости, или воображения, или того и другого вместе.

Мэйхью заморгал: такого он явно не ожидал.

— Черт побери, Вэн в кои-то веки сказал правду. Ты действительно не из Совета по психическому здоровью... Я бы мог взять в заложники тебя, — предложил он, направив игольник на Майлза.

— Нет-нет, только не это, — торопливо сказал Майлз. — Я сейчас не могу все объяснить, но... Там, внизу, это может вызвать чересчур сильную реакцию.

— А-а. — Ствол опустился. — Но все равно... Понимаешь, они ведь не могут дать мне того, чего я хочу. — Он постучал по своему шлему. — Я хочу летать, я хочу делать скачки — и не могу. Все кончено.

— Я так понимаю, что на этом корабле вы летать можете.

— Этот корабль пойдет в утиль, как только я засну.

— Если вы будете продолжать в том же духе, дело дрянь, — решительно заявил Майлз. — Пораскиньтека мозгами. Подумайте. Вы хотите быть скачковым пилотом, нырять сквозь п-в-туннели. Вы можете быть им только на корабле типа РГ. Значит, вам нужен этот корабль. Так берите его. Станьте пилотом-владельцем. Возите грузы. Неужели вы не видите, как это просто? Можно мне еще глоточек? — Майлз обнаружил, что очень уж быстро привык к дьявольскому напитку.

Мэйхью потряс головой, цепляясь за свое отчаяние, словно ребенок за любимую игрушку.

— Я пробовал. Я все пробовал. Вроде мне светил кредит. Но потом все поломалось, да и не мог я дать больше, чем Кольхаун.

— Ах так. — Майлз вернул бутылку пилоту и внезапно заметил, что уже висит в воздухе под углом в девяносто градусов к собеседнику. — Все равно, сдаваться нельзя, это я знаю твердо. Сдаваясь, роняешь честь форов. — Он начал потихоньку напевать знакомую с детства и слегка подзабытую балладу «Осада Серебряной Луны». Он помнил, что там был фор, какой-то лорд и еще прекрасная ведьма, которая летала в волшебной ступе; потом в этой ступе истолкли кости врагов. — Дайте-ка мне еще глотнуть. «Дай клятву мне, — лорд Фор сказал... — и будешь верный мой вассал...»

— Чего-чего? — удивился Мэйхью.

Майлз опомнился.

— Да нет, это я так. Извините. — Еще несколько минут он молча висел в воздухе, размышляя, потом воскликнул: — Просто беда с этой бетанской системой! Никто

ни за что не отвечает, всем заправляют какие-то безликие фигуры. Правительство призраков, да и только. А вам нужен сюзерен, который взял бы в руки меч и разрубил паутину волокиты. Как Форталия Смелый в Зарослях Терновника.

— Не нужен мне сюзерен. Мне нужно выпить, — мрачно заявил Мэйхью.

— Ах, извините. — Майлз вернул бутылку. Где-то в глубине его мозга зарождалась идея, пока туманная, словно галактика, только начинающая сжиматься. Еще немного, и она засияет, как протозвезда... — Нашел! — воскликнул он, выпрямляясь, и от резкого движения в невесомости его тело беспорядочно закружилось в воздухе.

Мэйхью вздрогнул, чуть не разрядив игольник в пол, и ошарашенно глянул на бутылку.

— Что нашел? Выпивка здесь, у меня.

Майлз кое-как справился с вращением.

— Лучше будет, если мы проделаем все прямо отсюда. Первый принцип стратегии: никогда не уступай выгодную позицию. Можно воспользоваться вашей связью?

— Зачем?

— Я хочу купить этот корабль, — величественно и звонко объявил Майлз. — А затем нанять вас в качестве пилота.

Мэйхью озадаченно посмотрел на юношу, потом на бутылку, снова на Майлза.

— У тебя столько денег?

— Н-ну, в общем... У меня есть кое-какие активы.

Майлз включил коммуникатор, и после нескольких минут переговоров на экране возникла физиономия представителя утилизационной компании. Если раньше Кольхаун был настроен недоверчиво, теперь его просто распирало от возмущения.

— И вы называете это компромиссом? — тут же завопил он. — По себестоимости! А гарантии? Я вам не торговец недвижимостью!

— Господин Кольхаун, — вежливо перебил его Майлз, — позвольте заметить, что выбирать вам придет-

ся не между моим векселем и этим кораблем. Выбор — между векселем и осколками, в которые вот-вот превратится ваше имущество.

— Если мне станет известно, что вы в сговоре с этим...

— В жизни его не встречал. До сегодняшнего дня, — чистосердечно признался Майлз.

— А что за землю вы мне предлагаете? Да еще на Барраяре! — подозрительно спросил присмиревший Кольхаун.

— Нечто вроде фермы... Есть лес. Сто сантиметров осадков в год. Чуть больше трехсот километров от столицы. — (Столице крупно повезло, что она с наветренной стороны, мельком подумал Майлз.) — Вся эта земля принадлежит мне. Я только что получил ее в наследство. От деда. Можете справиться в посольстве Барраяра. Посмотрите кстати данные о климате.

— Насчет осадков — они там не в один день выпадают, а?

— Нет, конечно, — с пафосом ответил Майлз. — И учтите, что это земля моих предков. Мы владеем ею уже на протяжении десяти поколений, и можете не сомневаться: я из кожи буду лезть, чтобы выкупить свой вексель и не дать родовому поместью уйти в чужие руки...

Кольхаун раздраженно потер подбородок.

— Себестоимость плюс двадцать пять процентов, — сдался он наконец.

— Десять.

— Двадцать.

— Десять, или вам придется иметь дело с пилотом Мэйхью.

— Ладно, — простонал Кольхаун. — Десять.

— Договорились.

Конечно, процедура оформления покупки на этом не закончилась, но бетанцы не зря гордились своей информационной системой. Сделка, на которую на Барраяре потребовалось бы несколько дней, была заключена меньше чем за час, и при этом не выходя из

корабельной рубки. Однако Мэйхью становился все молчаливей.

Наконец он заговорил:

— Послушай, сынок. Я ценю твое великодушие и все такое прочее, но только зря все это. Понимаешь, когда я спущусь вниз, они не угомонятся. Так не получится: посмеялись и разошлись. На посадочной площадке меня будут ждать люди из СБ, а с ними санитары из Совета психического здоровья. Ты и глазом не успеешь моргнуть, как на меня накинут сеть-парализатор. А месяца через два, может, и увидишь меня. Я буду ходить и всем улыбаться. Когда человека берет под крылышко СПЗ, он непременно в конце концов ходит и улыбается, ходит и улыбается... — Мэйхью беспомощно тряхнул головой. — Поздно, сынок.

— Пока человек дышит, ничего не поздно, — отрезал Майлз. Внизу, на планете, он зашагал бы по комнате; а здесь можно было только оттолкнуться от одной стены, проплыть в воздухе, и оттолкнуться от другой. Майлз летал по рубке, как мыльный пузырь, и напряженно думал.

— У меня идея, — сказал он наконец. — Готов поспорить, что на этом можно выиграть время. А там придумаем что-нибудь получше. Беда только, что вы не с Барраяра, вам будет трудно понять все сразу.

Мэйхью был порядком озадачен.

— О чем это ты?

— Дело вот в чем. — Хлоп, поворот, вперед, хлоп. — Если бы вы присягнули мне на верность как оруженосец своему сюзерену, — а это самое простое — я бы мог подвести вас под свой дипломатический иммунитет третьего класса. Будь вы подданным нашего императора, нечего было бы и голову ломать. Но вы гражданин Беты. Значит нам нужно прежде всего привлечь толпу юристов, и они несколько дней будут биться, выясняя, какой закон главнее. Я взял бы на себя обязательство предоставить вам жилье, еду, одежду, вооружение — наверное, корабль можно считать вооружением? — и защиту, если кто-либо вызовет вас на поединок... Ну здесь, на Бете,

это вряд ли случится... Кроме того, существует масса параграфов насчет вашей семьи. Кстати, как насчет семьи?

Пилот отрицательно помотал головой.

— Это все упрощает. — Хлоп, поворот, полет, хлоп. — Пока суд да дело, ни СБ, ни Совет вас пальцем не тронут, потому что по закону вы... как бы часть моего тела.

Мэйхью моргнул.

— Все это так странно, просто ум за разум заходит. Так где мне расписаться? И как ты это зарегистрируешь?

— Вам ничего не надо подписывать, только встать на колено, дать мне свою руку, я возьму ее в свои, и вы повторите пару предложений. Даже свидетелей не нужно, хотя по обычаю их требуется двое.

Мэйхью пожал плечами.

— Ладно. Валяй, сынок.

Хлоп, поворот, вперед, хлоп.

— «Валяй, сынок», — передразнил его Майлз. — Я так и думал, что вы ничего не поймете. То, о чем я сейчас рассказал, всего лишь небольшая часть договора, — ваши привилегии. Но там есть и ваши обязательства, и масса моих прав по отношению к вам. Вот например: если во время сражения вы откажетесь выполнить мой приказ, я имею полное право отсечь вам голову. Тут же, на месте.

У Мэйхью отвисла челюсть.

— Ты, конечно, понимаешь, что СПЗ велит накинуть сетку-парализатор и на тебя, — сказал он, придя в себя.

Майлз ухмыльнулся.

— Не выйдет. Я тут же закричу и попрошу защиты у своего сюзерена. И он меня защитит. Он довольно болезненно реагирует, когда кто-нибудь обижает его подданных. Кстати, если вы становитесь моим вассалом, то автоматически превращаетесь в вассала моего сюзерена, но уже более отдаленного.

— А заодно и сюзерена твоего сюзерена, и сюзерена сюзерена твоего сюзерена, и так далее, — обрадовался Мэйхью. — Я кое-что смыслю в субординации.

— Да нет, тут цепочка прерывается. Я принес клятву верности прямо Грегору Форбарре, как вассал секундус.

— А кто этот Грег... как его? — спросил Мэйхью.

— Император, — объяснил Майлз и для верности уточнил: — Император Барраяра.

— А-а.

Типичный бетанец, подумал Майлз; их не учат всемирной истории. Только своей собственной, бетанской, и Земли.

Когда последние формальности с покупкой РГ-132 остались позади, Мэйхью осторожно отсоединил коробку с рубильником, — Майлз в эти мгновения не дышал — и катер вернулся к кораблю, чтобы доставить их на планету. Теперь старый пилот обращался к Майлзу с несколько большим почтением.

— Я и не знал, что вы из такой богатой семьи, лорд Форкосиган. Конечно, для лорда с Барраяра космический корабль, не более чем безделушка...

— Да нет, не совсем, — сказал Майлз. — Мне придется здорово побегать, чтобы обеспечить этот вексель. Когда-то наша семья действительно была довольно состоятельной, но то было в Период Изоляции. А во время экономического кризиса, перед Первой цетагандийской войной, наши богатства практически улетучились. — Он смущенно улыбнулся. — Из-за вас, инопланетян, мы в ту пору не знали, куда деваться. Когда до нас добрались первые галактические торговцы, мой прапрадед со стороны Форкосиганов вообразил, что сорвет хороший куш на торговле драгоценностями — алмазами, рубинами и изумрудами. Чужестранцы продавали их на удивление дешево, и он вложил в это все свои деньги и половину недвижимости. Но оказалось, что камни синтетические. Они были прекраснее натуральных, но дешевле песка. Рынок лопнул, а с ним и мой прапрадед. Говорят, прапрабабка так ему этого и не простила. — Он чуть повернулся в сторону, и Мэйхью, сразу сообразив, что ему требуется, вложил ему в руку бутылку. Майлз протянул ее старшему пилоту, но тот передернулся от отвраще-

ния. И Майлз, пожав плечами, надолго припал к горлышку. Теперь уже не только пищевод и желудок, но и каждая жилка, казалось, заиграла всеми цветами радуги. У него было такое чувство, что он может обойтись без сна хоть до конца своих дней. — Беда в том, что те земли, которые мой предок сберег, лежат в окрестностях Форкосиган-Сюрло, а там довольно сухо — хотя по вашим меркам это, конечно, чуть ли не болото. Ну а проданная земля находилась в районе Форкосиган-Вашнуй, там климат получше.

— Ну и в чем же беда? — спросил Мэйхью.

— Там нам принадлежал целый город, и в нем располагалась главная резиденция, оттуда Форкосиганы управляли всеми своими поместьями. Во время войны мои предки играли м-м-м... немаловажную роль в Сопротивлении, и тогда цетагандийцы объявили наше родовое гнездо городом-заложником. В конце концов они его уничтожили. Теперь это здоровенная ямища, с краями, спекшимися в стекло. По ночам километров за двадцать видно, как небо над ней светится.

Аккуратно посадив челнок, старший пилот вырулил на стоянку.

— Погодите, — вдруг сообразил Мэйхью. — Угодья, значит, продали, а этот ваш взорванный город, Форкосиган, как его...

— Он и сейчас наш. Форкосиган-Вашнуй. Недалеко от столицы, сто сантиметров осадков в год.

— Это что, та самая земля... — Лицо пилота озарилось блаженной улыбкой. — Это та самая земля, которую вы заложили... — Двигатели смолкли и они выбрались из кабины. — Так значит, вы ее отдали в залог этому навозному жуку, Кольхауну, чтобы выкупить мой корабль?

— Как говорили римляне? Кавеат эмптор: «покупатель, будь осторожен», — нравоучительным тоном изрек Майлз. — Он проверил график влажности; но посмотреть график радиоактивности не догадался. Наверно, тоже не интересуется историей других планет.

Мэйхью привалился к стенке бокса, в котором стоял челнок, и согнулся пополам от неудержимого хохота. Смех был почти истерический — сказывались несколько суток без сна...

— Сынок, — еле вымолвил он, — выпей за мой счет...

— Разумеется, я собираюсь ему заплатить, — с достоинством объяснил Майлз. — Иначе через несколько сотен лет, когда земля остынет, эти гектары проделают ужасно неэстетичную дыру на карте владений моих отдаленных потомков. Но если он станет жадничать и хамить, требовать ввода во владение... Что ж, тогда получит то, чего заслуживает.

К ним приближались три группы людей; во главе первой почти бежал сержант Ботари. Воротник его был расстегнут, форма в беспорядке. Так-так, подумал Майлз, сержанта раздели и обыскали, так что настроение у него сейчас бешеное. За Ботари спешил полисмен и еще какой-то прихрамывающий бетанец, он размахивал руками и, судя по всему, горько жаловался. На физиономии у него красовался мертвенно-желтый синяк, один глаз заплыл. Позади всех плелась Элен; казалось, она вот-вот заплачет.

Вторым эшелоном двигались чиновники из администрации космопорта, а третьим — женщина из службы безопасности в сопровождении двух массивных агентов и четырех человек явно медицинского обличья. Мэйхью глянул на них и моментально протрезвел: в руках у агентов СБ были парализаторы.

— Ну, сынок, — пробормотал он трясущимися губами. Агенты охватывали их с флангов. Мэйхью торопливо опустился на колени. — Давай!

Ботари, отец и дочь, уже подошли к ним. Сержант наверняка собирался разразиться обвинительной речью, но Майлз, понизив голос (в отцовской манере!) оборвал его:

— Смирно, сержант. Вы нужны мне как свидетель. Пилот Мэйхью хочет принять присягу. Давай руку, Ард... вот так, между моими ладонями... и повторяй за мной. Я, Ард Мэйхью (кстати, это твое полное имя? Хорошо, будем пользоваться им), настоящим заверяю, что

я — свободный человек, доныне никому не присягавший, и что я поступаю на службу к лорду Майлзу Нейсмиту Форкосигану в качестве оруженосца... Ну-ка, повтори пока эту часть... — Мэйхью повторил, кося глазами на санитаров. — Дальше... Я буду считать его моим сюзереном и командиром до тех пор, пока его или моя смерть не освободит меня от клятвы. Потом еще раз!

Кивая головой в такт каждому слову Мэйхью, Майлз начал — скороговоркой, так как встречающие уже были рядом, — свою часть клятвы:

— Я, Майлз Нейсмит Форкосиган, вассал секундус императора Грегора Форбарры, принимаю твою клятву и клянусь защищать тебя как сюзерен и командир. Клянусь словом Форкосигана. Готово — можешь встать.

Слава Богу, подумал Майлз, что Ботари промолчал. Но молчание длилось недолго:

— Милорд! — прохрипел сержант, — Вы не можете привести к присяге бетанца!

— Но я только что сделал это, — весело ответил Майлз и даже слегка подпрыгнул на месте, до того был собой доволен.

Между тем офицер СБ из той группы, что он увидел пару часов тому назад, уже стояла рядом, а Мэйхью так и застыл коленопреклоненный, под прикрытием огня, бушевавшего у него над головой.

— Пилот Мэйхью! — крикнула дама. — Вы арестованы. Вы можете воспользоваться при аресте следующими правами...

Избитый штатский перебил ее, тыча пальцем в сторону Элен:

— К чертям пилота! Посмотрите лучше на эту женщину! Она избила меня до полусмерти! У меня свидетели, десятки свидетелей. Ее надо арестовать! Она опасна для общества!

Элен то сжимала кулаки, то прикрывала уши. Губы у нее дрожали. Майлз начал понимать, в чем дело.

— Ты ему врезала?

Она кивнула.

— Он сказал мне такое...

— Милорд, — Ботари тоже обрел дар речи, — с вашей стороны было некрасиво оставить Элен одну, среди этих...

Женщина из СБ тянула свое:

— Пилот Мэйхью, вы имеете право...

— Мне кажется, она повредила мне черепную коробку! — простонал избитый. — Я на нее в суд...

Майлз подбодрил Элен улыбкой:

— Не беспокойся, я с этим разберусь.

— У вас есть право... — не отступалась агент СБ.

— Прошу прощения, агент Браунел, — мягко перебил ее Майлз. — Пилот Мэйхью теперь мой вассал. Поскольку я его сюзерен и командир, все обвинения в его адрес адресуются мне. Именно я буду оценивать обоснованность этих обвинений и распоряжаться дальнейшей судьбой пилота. Отныне у него нет никаких прав, кроме права ответить на вызов, если речь идет о некоторых категориях клеветы, которые сейчас не время и не место обсуждать... — (Все это архаика: императорским эдиктом дуэли запрещены, но откуда бетанцам знать такое.) — Так что, если у вас нет двух пар мечей и вы не собираетесь... ну, скажем, оскорблять честь матушки пилота Мэйхью, вам придется оставить пилота на мое попечение и, прошу прощения, взять себя в руки.

Своевременный совет: Майлзу казалось, что агент СБ вот-вот взорвется. Мэйхью слабо кивнул, словно наконец-то поверил в спасение. А Ботари выпрямился, и сощуренные глаза сержанта обвели всю компанию — он подсчитывал силы и вооружение противника. Спокойно, подумал Майлз. Все идет по плану.

— Вставайте, Ард, черт...

Женщина-офицер немедленно связалась с начальством, чтобы обсудить странный способ, которым Майлз оградил пилота Мэйхью от закона. Но переговоры, как Майлз и надеялся, зашли в тупик, а точнее, увязли в болоте межпланетного права, грозившем затянуть весь персонал посольства Барраяра и бетанского госдепартамента.

С Элен было проще. Разъяренному бетанцу объяснили, что он должен лично подать жалобу в посольство Барраяра. А там закрутится такая карусель — заявления, бланки, рапорты, объяснения, — что жалобщик проклянет все на свете. Среди анкет, которые приходилось заполнять, были весьма занятные, открывавшие просмотр художественным склонностям потерпевших. И эти поэмы рассматривались только на Барраяре (что занимало на месте шесть недель), и можно было гарантировать, вдобавок, что их придется посылать туда-сюда несколько раз — для исправления неизбежных в таких случаях ошибок.

— Расслабься, — шепнул Майлз Элен. — Этого парня завалят анкетами по самую макушку, и ты его никогда уже не увидишь. С бетанцами просто: они убеждены, что доставляют тебе всем этим массу неприятностей, и чувствуют себя удовлетворенными. Только никого не убивай здесь. Боюсь, моего дипломатического иммунитета может оказаться недостаточно.

К тому времени, когда бетанцы признали поражение, совершенно вымотавшийся Мэйхью еле стоял на ногах. Чувствуя себя пиратом после удачного рейса, Майлз утащил его из космопорта.

— Два часа, — потрясенно пробормотал Ботари. — Мы пробыли в этом паскудном месте каких-то два часа, и на тебе...

ГЛАВА 6

— Майлз, дорогой. — Бабушка встретила его поцелуем в щеку, отработанным, как отдание чести. — Ты немного опаздываешь. Что, опять неприятности на таможне?

— Нет-нет, все в порядке. — Майлз переступал с носка на пятку, ему не хватало невесомости. Хотелось пробежать километров пятьдесят, или отправиться на танцы, или еще что-нибудь в таком же духе. Но сержант и Элен имели весьма бледный вид, а Мэйхью про-

сто валился с ног. Наскоро представив его бабушке, Майлз отвел пилота в свободную спальню. Там Мэйхью принял душ, начал выбирать себе пижаму (они были либо слишком малы, либо слишком велики) да так и повалился на кровать, словно его оглушили.

Бабушка покормила гостей обедом; как и рассчитывал Майлз, она сразу же полюбила Элен. Та чувствовала себя чуть скованной в присутствии матери обожаемой ею графини Форкосиган, но Майлз был уверен, что бабушка быстро справится с этим. Возможно, ей удастся передать Элен хоть толику бетанского безразличия к классовым предрассудкам, столь характерным для Барраяра. С тех пор, как они перестали быть детьми, перегородки между ним и Элен росли все стремительнее. Это из-за костюма фора на нем, иногда думал Майлз. Он казался Майлзу броней: такой же архаичной, звякающей, проржавевшей и шипастой. Ее неудобно носить, человека в ней невозможно обнять. Пусть Элен хоть однажды возьмет консервный нож и посмотрит, какой бледный, мягкий, несчастный моллюск кроется под броней — хотя и это зрелище не сахар. Мысли Майлза совсем запутались в черном водопаде волос Элен; он вздохнул, и тут только сообразил, что бабушка обращается к нему.

— О, простите!

— Я говорю, — терпеливо повторила бабушка, работая ножом и вилкой, — об одном из моих соседей. Ты его помнишь, некто Хатауэй, работает в восстановительном центре... Я помню, ты познакомился с ним, когда ходил здесь в школу...

— Да, помню. И что с ним такое?

— У него небольшая проблема, и ты мог бы помочь с ней, поскольку живешь на Барраяре. Он даже отложил ее на время — я сказала ему, что ты вот-вот прилетишь. Если ты не очень устал, вы могли бы заняться этим сегодня вечером...

— Честно говоря, я мало что могу сказать о нем, — промолвил Хатауэй, оглядывая огромную, прикрытую куполом арену, находившуюся в его ведении. (Майлз поду-

мал — непонятно только, как можно привыкнуть к этому запаху.) — Утверждает, что он барраярец. Время от времени исчезает, но всегда возвращается. Я уговаривал его отыскать какой-нибудь приют, но ему эта идея, похоже, не по вкусу. А последнее время он совершенно одичал — не дает даже подойти к нему. Поймите, он никому не причинил вреда, но кто знает, как оно обернется в будущем. Ведь он с Барраяра... Ах, извините...

Хатауэй, Майлз и Ботари осторожно пробирались по неровной, предательской поверхности. Эти мусорные кучи таили какие-то странные предметы, которые оживали, когда на них наступали, и могли запросто ударить по затылку. Осколки высокой технологии поблескивали среди куч обычного человеческого мусора, ожидая дальнейших превращений под руками бетанских умельцев.

— О-о ч-черт, — вдруг с досадой воскликнул Хатауэй. — Опять он зажег огонь! — В сотне метров от них в небо поднимались завитки серого дыма. — Надеюсь, на сей раз это не дерево. Никак не могу убедить его, что дерево слишком ценный материал... Вот мы и отыскали его.

Лощина между кучами давала иллюзию защищенного пространства. Худой темноволосый мужчина лет тридцати сидел, согнувшись над огнем, аккуратно разложенным на дне плоской параболической тарелки-антенны. Под кухонный стол был приспособлен предмет, начинавший свою жизнь как подставка для компьютера; на нем чередовались плоские куски пластика и металла, выполняющие функции тарелок и кастрюль. Тут же, поблескивая красно-золотистой чешуей, лежал готовый к жарке большой карп.

Когда они приблизились, под чьей-то неловкой ногой звякнула железка. Человек у костра мгновенно вскочил и схватился за нож, по всей видимости самодельный; блеснули черные глаза, обведенные кругами бессонницы или болезни. Майлз не мог разглядеть, из чего сделан нож, но если им разделали рыбу, значит это не просто железяка. Рука Ботари потянулась к парализатору.

— Похоже, парень действительно с Барраяра, — тихо сказал Майлз. — Смотри, как он двигается.

Сержант согласно кивнул. Человек у костра держал нож по-солдатски, прикрывая левой рукой правую, готовый отбить руку противника, а уж потом действовать ножом. Казалось, он и сам не замечал, что принял боевую стойку. Хатауэй крикнул:

— Эй, Баз! Я тут привел к тебе гостей, не возражаешь?

— Возражаю.

— Ну послушай! — Хатауэй скользнул вниз с кучи мусора: так он был уже чуточку ближе к костру. — Я ведь тебе не докучал, правда? Позволил тебе околачиваться тут целыми днями, хотя инструкция запрещает это. Слушай, ты что, жжешь дерево? Разве тебе не известно... а, ладно. Будем считать, что я ничего не заметил, но ты должен поговорить с этими людьми. Они с Барраяра.

Баз быстро глянул на пришельцев, и лицо его отразило странную смесь радости и отчаяния. Он видит только наши силуэты, подумал Майлз; надо сойти вниз, чтобы он увидел мое лицо в свете костра. Он осторожно спустился и стал рядом с Хатауэем. Баз тупо смотрел на него.

— Ты не барраярец, — сказал он наконец безжизненным голосом.

— Да. Я наполовину бетанец, — коротко ответил Майлз, не расположенный обсуждать свою родословную. — Но я вырос на Барраяре. Там моя родина.

— Родина, — одними губами повторил Баз.

— Далековато ты забрался. — Майлз поставил на попа корпус какого-то прибора или механизма, из которого торчали провода, и уселся на него, как на табуретку. Ботари устроился повыше, на куче мусора, откуда мог без труда достать любого собеседника. — Ты что, не можешь добраться домой? Тебе нужна помощь?

— Нет. — Баз отвернулся, нахмурившись. Огонь прогорел. Он пристроил металлическую решетку кондиционера на угли и положил на нее рыбу.

Хатауэй, вытаращив глаза, смотрел на эти манипуляции.

— Что ты собираешься делать с этой мертвой рыбой?

— Съесть.

На лице Хатауэя изобразилось отвращение.

— Послушай, чудак, стоит тебе обратиться в приют и получить карточку, как ты получишь сколько угодно протеина, прямо из чанов. На этой планете не едят мертвечину. Кстати, где ты нашел эту рыбу?

Баз, помедлив, ответил:

— В фонтане.

Хатауэй задохнулся от ужаса.

— Эта выставка животных принадлежит зоосаду Силика! Как это можно — есть экспонат?!

— Там их куча. Не думаю, чтобы хватились одной пропавшей рыбины. И вовсе я не воровал. Я ее поймал.

Майлз задумчиво потер подбородок и вытащил из-под куртки зеленую бутылку пилота Мэйхью, которую захватил с собой в последнюю минуту. Баз вздрогнул, но тут же успокоился, увидев, что это не оружие. Следуя барраярскому этикету, Майлз глотнул первым, на этот раз немного, потом вытер горлышко рукавом и передал бутылку Базу.

— Может, выпьешь? Как раз к обеду. Неплохое пойло. Утоляет голод и осушает слезы. На вкус конская моча с медом.

Баз нахмурился, но бутылку взял.

— Спасибо. — Он отхлебнул, потом повторил придушенным шепотом: — Спасибо!

Переложив рыбу на колпак колеса турбомашины, он сел, скрестив ноги, и принялся выбирать кости из жареного карпа.

— Не хочешь?

— Да нет, спасибо, только что от стола.

— Бог ты мой, как это можно... — простонал Хатауэй.

— Ладно, я передумал, — решился Майлз. — Кусочек съем.

Баз протянул ему нож с насаженной на него едой, и рука Ботари непроизвольно дернулась, когда Майлз

снял кусок рыбы губами, как принято у бродяг. Бездомный махнул бутылкой в сторону Ботари:

— А твой друг?..

— Ему нельзя. Он на работе.

— Телохранитель, — прошептал Баз. Он посмотрел на Майлза все с тем же странным выражением: страха и чего-то еще. — Кто ты, черт побери?

— Тебе не стоит меня бояться. Я знаю, ты в бегах, но не от таких, как я. Если хочешь, могу дать слово.

— Фор, — выдохнул Баз. — Значит, ты фор...

— Точно. А ты кто?

— Никто. — Бездомный жадно уплетал рыбу.

— Тут довольно трудно быть никем, — философски заметил Майлз. — У всех номер, какое-никакое жилище. А чтобы быть никем и спрятаться в норку, нужна большая сноровка.

— Это верно, — подтвердил Баз, дожевывая ужин. — Хуже мест я не видел. Все время петляй, меняй нору...

— Знаешь, — осторожно начал Майлз, — посольство Барраяра поможет тебе вернуться домой. Конечно, деньги придется вернуть — будь уверен, бесплатно они никого не возят, — но если у тебя и вправду крупные неприятности...

— Нет! — Баз почти выкрикнул это слово, эхом отдавшееся по всей огромной арене, потом понизил голос: — Нет, я не вернусь. Рано или поздно найдется местечко в космопорте, и я переберусь куда-нибудь, где получше. Что-нибудь да подвернется.

— Если тебе нужна работа, — с энтузиазмом включился Хатауэй, — можешь зарегистрироваться в...

— Я сам со своими делами разберусь, — резко оборвал его Баз.

Клеточки кроссворда начали заполняться, и Майлз повернулся к недоумевающему Хатауэю:

— До последнего времени я считал, что таких людей, как Баз, на Колонии Бета не существует. Он проскользнул сквозь информационную сеть незамеченным. И скорее всего, прилетев сюда, он не проходил через таможню — а это, доложу я вам, вещь почти невоз-

можная. Здешние компьютеры ничего о нем не знают: как он ест, где спит, что покупает, какими карточками пользуется. Видимо ему легче умереть, чем зарегистрироваться и получить эти самые карточки.

— Но почему, ради всего святого? — растерянно спросил Хатауэй.

— Дезертир, — коротко объяснил Ботари со своего бугорка. — Я таких навидался.

— Похоже, вы угадали, сержант, — кивнул ему Майлз.

Баз вскочил на ноги.

— Вы из армейской СБ! Ах ты, мразь вертлявая...

— Сядь, — перебил его Майлз, не повышая голоса и не пошевелившись. — Я никто, как и вы. Только вам это лучше удается — быть никем.

Он уже не получал никакого удовольствия от этого разговора и вообще от всей этой истории. Дело было серьезное, скользкое.

— Интересно... Старшина? Вряд ли. Лейтенант?

— Да, — буркнул Баз.

— Офицер. Ну конечно. — Майлз прикусил губу. Скверная история. Хуже не бывает. — Как же вас угораздило? В бою?

Баз неохотно кивнул.

— В общем, да.

— Гм-м. — Дезертир. Непостижимо: человек проиграл завидное великолепие армейского офицера в схватке с червяком страха, который, как паразит, таился в его внутренностях. А теперь что? Бежит от собственной трусости? Или от преступления? Или от какой-то жуткой, смертельной ошибки? По закону Майлз был обязан передать этого парня армейской СБ. Но разве для этого он пришел сюда?

— Не понимаю, — все еще недоумевал Хатауэй. — Он что, совершил преступление?

— Да, и чертовски серьезное. Дезертирство в боевой обстановке, — объяснил Майлз. — Если его выдадут властям Барраяра, он будет четвертован.

— Как это?

— Его разрубят на четыре куска.

Хатауэй, не веря своим ушам, вытаращил глаза.

— Но ведь это убьет его! — Он посмотрел на всех по очереди и сжался, видя на их лицах совершенно одинаковое неприступное выражение.

— Чертовы бетанцы, — с отвращением высказался Баз за всех присутствующих барраярцев. — Видеть их не могу.

Хатауэй отвернулся и пробормотал что-то вроде «кровожадные варвары».

— Если вы не из армейской СБ, можете проваливать, — проворчал дезертир, снова примащиваясь у своего костра. — Нечего тут торчать: мне вы ничем не поможете.

— К сожалению, дело обстоит не совсем так, как вы думаете, — сказал Майлз.

— Это еще почему?

— Боюсь, я оказал вам, сам того не зная, плохую услугу, господин...

— Джезек.

— Господин Джезек. Видите ли, я сам под надзором СБ. Просто вследствие факта, что я с вами встретился, ваше убежище под угрозой. Жаль, конечно...

Джезек побледнел.

— А почему армейская СБ следит за вами?

— Не армейская, в том-то все и дело. Имперская СБ.

Дезертир задохнулся, как от удара. С губ его сорвался приглушенный стон.

— Бог ты мой... — Он поднял широко раскрытые глаза на Майлза. — Что же вы наделали, а?

— Кажется, вам я такой вопрос не задавал, господин Джезек!

Дезертир пробормотал что-то вроде извинения. Нельзя позволить ему догадаться, кто я, подумал Майлз, а то он сейчас же удерет и попадет прямо в лапы к ребятам, обеспечивающим мою безопасность. Да и лейтенант Кроуи со своими орлами из СБ посольства непременно заинтересуется им, начнет копать. Они с ума сойдут, когда узнают, что он — человек-невидимка. И это случится не позже завтрашнего дня, если его

пропустят через обычные каналы проверки. Выходит, я только что самолично убил этого бедолагу... Нет!

— Что вы делали в армии? — Майлз пытался нащупать какую-то неясную мысль, выиграть время.

— Был помощником инженера.

— В какой области? Строительство? Вооружение?

Баз отвечал более уверенно:

— Корабельные скачковые аппараты. Иногда системы вооружения. Я пытался получить работу на частных грузовиках, но здесь уже давно нет техники, на которой меня готовили. Аппараты гармонических импульсов, двигатели Неклина — все это теперь редкость. Мне надо убраться куда-нибудь на окраину, подальше от столицы.

— А вы знаете что-нибудь про грузовики класса РГ?

— Конечно. Я на них работал. Двигатель Неклина. Но их давно сняли с производства.

— Не совсем так. — Майлза охватило волнение. — Один такой корабль мне доподлинно известен. Если удастся раздобыть груз и собрать команду, он может лететь хоть завтра.

Джезек уставился на него во все глаза.

— А куда? Может, туда, где не действует договор о выдаче преступников?

— Очень может быть.

— Милорд, — голос Ботари подрагивал от возмущения, — вы же не собираетесь укрывать дезертира?

— Н-ну, с формальной точки зрения нам неизвестно, дезертир ли этот человек. То, что я тут слышал, можно истолковать как угодно.

— Но он же сознался!

— Это могла быть бравада. Или некий извращенный снобизм.

— Вы намерены пойти по стопам лорда Форлопулоса? — сухо осведомился Ботари.

Майлз рассмеялся, потом вздохнул. Баз фыркнул. Бетанец Хатауэй попросил, чтобы ему объяснили, в чем соль.

— Речь об одном из законов Барраяра, — сжалился над ним Майлз. — Наши судьи не очень благосклонны

к людям, которые соблюдают букву закона и нарушают его дух. Чему пример — лорд Форлопулос и его две тысячи поваров.

— Он что, держал много ресторанов? — неуверенно предположил Хатауэй, отчаявшись что-либо понять. — Только не говорите мне, что на Барраяре это запрещено...

— Да нет. Это случилось в конце Периода Изоляции, почти столетие назад. Император Дорка Форбарра, создавая централизованное государство, боролся с самовластием вельмож, бесконтрольно правивших своими родовыми уделами. Разразилась целая гражданская война. Одним из главных достижений Дорки стала ликвидация частных армий, которые графы содержали за свой счет. Императорским указом каждому графу было позволено иметь не больше двадцати человек вооруженной свиты. Ну а лорд Форлопулос воевал со всеми соседями, и двух десятков телохранителей ему для этого явно не хватало. А посему он и нанял две тысячи поваров, как он их назвал, и послал на поле брани. Что и говорить, лорд проявил чудеса выдумки: дал им тесаки мясников вместо мечей и тому подобное. Тогда по всему Барраяру бродили безработные ветераны, готовые на все... — Глаза Майлза весело поблескивали. — Естественно, император не оценил шутки вассала. Или оценил — это как посмотреть. Он выступил в поход со своей регулярной армией — к тому времени других на Барраяре уже не существовало — и арестовал Форлопулоса за измену. Наказание же за измену — и тогда, и сейчас — позорный столб и смерть от голода. Так что человек с двумя тысячами поваров был приговорен к голодной смерти на Главной Площади в Форбарр-Султане... Подумать только — все считали, что у Дорки Форбарры не было чувства юмора.

— Как мило, — пробормотал шокированный бетанец.

— Но конец у этой истории счастливый, — добавил Майлз, и Хатауэй приободрился. — Примерно в это же время на нас напали цетагандийцы, и лорда Форлопулоса отпустили.

— Кто, цетагандийцы? Действительно, повезло...

— Да нет, сам император Дорка. Чтобы лорд мог бросить своих «поваров» на битву с внешним врагом. Видите ли, его не амнистировали, просто отложили исполнение приговора. А после окончания войны лорду все-таки пришлось бы подвергнуться наказанию. Но он пал на поле брани, так что конец, как я и обещал, счастливый.

— Вы называете смерть счастливым концом? — Хитауэй пожал плечами. — Что ж, дело вкуса...

Тут Майлз заметил, что Баз снова замолчал и ушел в себя. Решение пришло к нему мгновенно.

— Господин Джезек, я хочу сделать вам одно предложение, а вы вольны согласиться или отвергнуть его. Корабль, о котором я упомянул, — класса РГ-132. Пилота-скачковика зовут Ард Мэйхью. Если вы сможете исчезнуть, по-настоящему исчезнуть, на следующие два дня, а потом найти меня в космопорте Силика, пилот предоставит вам место на борту.

— Не понимаю... Зачем вам это, господин...

— Господин Нейсмит. На время сойдет и так. — Майлз пожал плечами. — У меня, знаете ли, хобби — давать людям шанс. Правда, дома такие вещи не одобряют.

При слове «дома» в глазах База снова зажегся огонек.

— Ну что ж... Приятно было услышать барраярскую речь. Скорее всего я приму ваше предложение... а может и нет. — Видно, он вспомнил, что никогда не следует соглашаться сразу.

Майлз кивнул, забрал назад свою бутылку, кивнул Ботари, и они отправились своей дорогой. Когда Майлз оглянулся, Джезек уже превратился в еле заметную тень, двигавшуюся к другому выходу из технопарка.

Шагавший рядом Ботари словно воды в рот набрал. Майлз поддел ногой скелет какого-то отслужившего свой срок промышленного робота. Останки мелодично звякнули.

— Ты что, хочешь, чтобы я его сдал? — повернулся он к Ботари. — Хотя ты службист до мозга костей; наверное, и вправду хочешь. И отец тоже. Он до того пре-

дан закону, что не удосуживается подумать о последствиях, какими бы страшными они ни оказались.

Ботари замедлил шаг.

— Не всегда, милорд. — Больше он ничего не сказал, но молчание его было уже не столь враждебным.

— Майлз, — прошептала Элен, завернув ночью к его комнате по дороге из ванной в спальню, которую она делила с госпожой Нейсмит. — Ты что, не собираешься ложиться? Почти утро.

— Мне что-то не хочется. — Он ввел еще один запрос в бабушкин компьютер. Майлз и вправду чувствовал себя на удивление свежим и бодрым. Это было кстати, так как он влез в коммерческую информационную сеть невероятной сложности. Успех здесь на девяносто процентов зависел от умения задать правильный вопрос, и только после нескольких часов работы Майлз начал понимать, что к чему. — Да и потом, в моей спальне Мэйхью, так что мне приходится спать на диванчике.

— Я думала, диванчик достался отцу.

— Он мне его уступил, с эдакой зловредной улыбочкой. Поскольку просто ненавидит его. Все то время, что я учился в здешней школе, твоему отцу приходилось умащиваться на нем. С тех пор он приписывает несчастному диванчику все свои хвори. Конечно же, возраст тут ни при чем — диванчик окаянный во всем виноват.

Элен тихонько засмеялась и наклонилась, вглядываясь в изображение на экране. Свет с экрана посеребрил нежный профиль девушки; от запаха ее волос у Майлза закружилась голова.

— Нашел что-нибудь? — спросила она.

Майлз ввел три неверных запроса подряд, чертыхнулся и заставил себя сосредоточиться.

— Кажется, нашел. Все оказалось не так просто, как я думал. Но вроде бы... — Он вернул изображение и ткнул в него пальцем. — Вот он, мой первый груз.

На экране развернулась длинная таблица со множеством граф.

— Сельскохозяйственное оборудование, — прочитала Элен. — Направляется на Фелицию... Где это?

— Планета в системе Тау Верде IV. Только не спрашивай, что такое Тау Верде IV. Длительность полета четыре недели. Я тут прикинул стоимость топлива, припасов, вообще всего, от запасных частей до туалетной бумаги. Но это не важно. Самое интересное, что с этим грузом я смогу окупить полет и расплатиться с Кольхауном до срока, обозначенного на векселе. — Но в голосе Майлза не слышалось обычной самоуверенности. — Только боюсь, я... как бы это выразиться... недооценил время, которое понадобится, чтобы РГ-132 окупил себя. Ох, недооценил. Эксплуатационные расходы оказались гораздо больше, когда я подсчитал все в реальных ценах. Но за доставку груза они предлагают вот эту сумму. — Майлз указал на цифру на экране. — Наличными, сразу по прибытии на Фелицию. А груз готов к отправке немедленно.

Глаза Элен округлились.

— Заплатить за весь корабль после одного рейса? Так это же великолепно! Но...

— Что «но»? — усмехнулся Майлз.

— Но почему никто до сих пор не ухватился за это сокровище? Похоже, оно уже давно лежит на складе.

— Ты умная девочка, — промурлыкал он. — Дальше.

— Тут сказано, что оплата только по доставке груза. Но это в порядке вещей, да?

— Угу. Еще что?

Она сжала губы.

— Тут какая-то хитрость.

— Вот именно. — Майлз прищурился. — Действительно, хитрость.

— Если думаешь, что я собираюсь разгадывать твою головоломку, то ошибаешься, — Элен подавила зевок. — Я пошла.

— Ну ладно. В районе Тау Верде сейчас заварушка — планетарная война. Одна из сторон заблокировала местный п-в-туннель. Сами-то они в промышленном отношении ничего из себя не представляют, и сделали

это с помощью наемного флота. Ты спрашиваешь, почему груз столько времени провалялся на складе? Потому что ни одна из транспортных компаний не хочет рисковать кораблем — ведь для рейса в зону военных действий страховка автоматически отменяется. Но поскольку я не застрахован, меня это не касается. — Майлз победоносно улыбнулся.

— А разве это так опасно — пересекать линию блокады? — усомнилась Элен. — Можно остановиться по первому требованию, подвергнуться досмотру...

— В данном случае опасность есть. Груз-то адресован другой стороне.

— И противник попытается его захватить, так? Но ведь комбайны-роботы, или что там, нельзя рассматривать как контрабанду. Даже наемники должны придерживаться межправительственных соглашений.

Майлз, сладко улыбаясь, потянулся в кресле.

— Ты почти разгадала ребус. Осталось чуть-чуть. Какой самый заметный вид экспорта на Бете?

— Ну, разумеется, высокие технологии. Оружие, системы контроля и связи... — Элен запнулась. — Ох, Майлз...

— «Сельскохозяйственное оборудование», — закончил Майлз. — Знаем мы это оборудование. К тому же здесь крутится некий фелицианин — он выдает себя за агента компании, осуществляющей закупку. Вот и недостающая часть головоломки — специальный человека для сопровождения груза... И слепому ясно, что это военный. Я постараюсь увидеть его с утра, как только проснется твой отец. Мэйхью тоже может пригодиться...

ГЛАВА 7

Прежде чем позвонить у двери гостиничного номера, Майлз осмотрел свою команду. Сержанта Ботари даже в гражданской одежде невозможно было принять за штатского: солдат — он и есть солдат. А вот у Мэй-

хью был решительно нестроевой вид. Он помылся, побрился, отдохнул, поел, облачился в новый костюм, но все же...

— Выпрямись, Ард, — посоветовал Майлз. — Ты же классный пилот, не забывай об этом. И нам позарез нужен этот груз. Я-то думал, что бетанская медицина в силах снять любое похмелье. Если ты будешь держаться за живот, это может произвести плохое впечатление на клиента.

— М-м-м, — промычал Мэйхью, но все же попытался разогнуться. — Скоро сам узнаешь, что это за штука, сынок.

— И от «сынка» тебе придется отучаться, — добавил Майлз. — Ты теперь мой оруженосец. Тебе следует называть меня «милорд».

— Неужели ты всерьез относишься ко всем этим церемониям?

— Это вроде отдания чести, — терпеливо объяснил Майлз. — Отдаешь честь мундиру, а не человеку. Когда человек — фор, это вроде невидимого мундира, который невозможно снять. Вот глянь на Ботари — он зовет меня «милорд» со дня моего рождения. Вы с ним теперь братья по оружию.

Мэйхью и сержант недоверчиво посмотрели друг на друга. Майлз подумал, что, будь Ботари способен к внешнему проявлению чувств, он бы расхохотался, услыхав, будто Мэйхью — его собрат по оружию. Видно, пилоту тоже пришла в голову эта мысль, потому что он вытянулся и отчеканил:

— Слушаюсь, милорд.

Майлз одобрительно кивнул и нажал кнопку звонка.

У человека, открывшего дверь, были темные миндалевидные глаза, высокие скулы, смуглая кожа и коротко подстриженные волосы медного цвета. Он испытующе осмотрел гостей, чуть задержав взгляд на Майлзе, которого уже видел на экране во время утреннего разговора.

— Господин Нейсмит? Я Карл Даум. Входите.

Он быстро закрыл за ними дверь и начал возиться с замком. Майлз сообразил, что они только что прошли через систему проверки на оружие, и радушный хозяин спешит взглянуть на результаты. Когда Даум обернулся, на его лице мелькнула тень беспокойства, а правая рука непроизвольно тронула боковой карман брюк. Губы Ботари дрогнули в довольной улыбке: теперь-то он знал, где находится чужой пистолет, а других сведений сержанту не требовалось. Скорее всего это разрешенный законом парализатор, подумал Майлз, но не исключены и сюрпризы.

— Не хотите ли присесть? — пригласил фелицианин. Речь его звучала мягко и необычно, непохоже ни на монотонный, слегка носовой выговор бетанцев, ни на отрывистые гортанные звуки Барраяра. Ботари отрицательно мотнул головой и занял позицию справа, за пределами бокового зрения хозяина. Майлз и Мэйхью уселись за низкий столик, а Даум поместился напротив, спиной к «окну», которое на самом деле было экраном с изображением горного пейзажа на какой-то неведомой планете. На фоне экрана фигура Даума казалась силуэтом, зато посетители были ярко освещены. Майлз не преминул отметить удачный ход хозяина.

— Итак, господин Нейсмит, — начал Даум, — расскажите мне о вашем корабле. Какова его грузоподъемность?

— Это грузовик класса РГ. На нем можно разместить в два раза больше груза, чем указано в вашей декларации, если, конечно, заявленные вами сведения верны...

Даум никак не отреагировал на предложенную наживку. Вместо этого он сказал:

— Я не очень разбираюсь в скачковых кораблях. Ваш корабль быстроходен?

— Пилот Мэйхью, — окликнул его Майлз.

— А? Что? Вы имеете в виду ускорение? Достаточно устойчивое. Мы чуть дольше разгоняемся, чем другие корабли, но на финише выравниваемся.

— А маневренность у него какая?

Мэйхью недоумевающе уставился на него.

— Господин Даум, это же грузовик.

Даум поджал губы.

— Я знаю. Вопрос в том...

— Вопрос в том, — перебил его Майлз, — сможем ли мы уйти от блокирующих вашу планету кораблей или избежать встречи с ними. Ответ на этот вопрос отрицательный. Как видите, я кое-что выяснил перед нашей встречей.

Фелицианин помрачнел.

— В таком случае мы зря теряем время... — Он сделал движение, собираясь подняться.

— А следующий вопрос заключается в том, сможем ли мы доставить ваш груз по назначению. Я думаю, сможем, — твердо сказал Майлз.

Даум снова опустился в кресло, глядя на юношу с недоверием и надеждой.

— Объяснитесь.

— А что объяснять, если вы сами использовали этот прием, когда составляли грузовую декларацию. Вы ее закамуфлировали. Я думаю, ваш груз тоже можно закамуфлировать. Но нам придется вместе поработать над этим, и в несколько более откровенном ключе, не правда ли, господин... — Майлз быстро прикинул возможный чин, принимая во внимание возраст и манеры фелицианина, — майор?

Даум дернулся. Ага, подумал Майлз, попал в яблочко с первой попытки. Он любезно улыбнулся.

— Если вы пеллианский шпион или наемник Оссера... — начал Даум. Ботари чуть опустил веки, сохраняя обманчиво-расслабленную позу.

— Я ни то, ни другое, хотя лучше бы это было так. Я бы погрузил вас и ваше оружие, а на полдороге вышвырнул бы за борт... Вам действительно надо быть осторожным.

— Какое оружие? — вскинулся Даум, делая запоздалую попытку вернуться к своей легенде.

— Какое оружие? — повторил и Мэйхью.

— Ну, не оружие, так плуги и сеялки, или что там у вас, — равнодушно произнес Майлз. — Но вообще-то я

не люблю эти дурацкие игры. Я профессионал... — Если ты и это проглотишь, подумал Майлз, тебе можно продать и кусок чудной земли на Барраяре. — Вы, очевидно, тоже, иначе бы не сделали то, что уже успели сделать.

Мэйхью широко раскрыл глаза, а Майлз, как бы поудобнее устраиваясь в кресле, предостерегающе пнул его по щиколотке. В следующий раз придется разбудить его чуть свет и растолковать все, как школьнику. Хотя сегодня утром привести пилота в более или менее нормальный вид было немногим легче, чем воскресить мертвого.

— Вы солдат удачи? — помедлив, спросил Даум.

Вообще-то Майлз хотел предстать перед ним капитаном космического корабля, но может, если он скажется наемником, фелицианину это больше понравится?

— А как вы думаете, майор? — вопросом на вопрос ответил Майлз.

Лицо Мэйхью выразило глубочайшее уныние.

— Так вот о чем вы толковали вчера, — пробормотал он. — Значит, набираете рекрутов...

Майлзу, бросившему вчера легкомысленную фразу насчет поисков отчаянных голов, и в голову такое не приходило. Однако отступать было поздно, и он небрежно заметил:

— Ну конечно. Я думал, ты все понял...

Фелицианин скептически посмотрел на Мэйхью, потом взгляд его упал на Ботари. Тот стоял по стойке «вольно», но весь его облик был настолько красноречив, что сомнения Даума явно рассеялись.

— Черт побери, — пробормотал он, — если пеллиане вербуют себе армию, почему бы и нам не сделать то же самое? — И он принялся расспрашивать Майлза: — Сколько людей в вашем подчинении? Какие у вас корабли?

О, черт, что же ему сказать... Майлз принялся импровизировать:

— Майор Даум, мне не хотелось бы вводить вас в заблуждение. — Тут Ботари облегченно вздохнул. — Я здесь с частным визитом, занимаюсь своим здоровьем, так что при мне лишь несколько ближайших помощни-

ков и один корабль из всей эскадры. Остальные члены команды заняты выполнением одного контракта, не имеющего отношения к нашей беседе. Но в моем подразделении заведено, что каждый может действовать по своему усмотрению. — (Сержант, пора выдохнуть, ну пожалуйста...) — Поскольку я пока не намерен возвращаться в отряд, у меня есть немного свободного времени. Ваша проблема заинтересовала меня с тактической точки зрения, и я готов вам помочь.

Даум медленно кивнул.

— Понятно. В каком вы чине? Как мне к вам обращаться?

Майлз чуть было не назначил себя адмиралом, но вовремя одумался. Капитан? Лейтенант? Всевозможные воинские звания закружились в его голове.

— Давайте пока что ограничимся вариантом «мистер Нейсмит», — благоразумно предложил он. — В конце концов офицер, у которого нет сотни людей, командир только на словах. А нам предстоит иметь дело с реальностью. — (Это уж точно...)

— Как называется ваше подразделение?

— Дендарийцы, — вдохновенно соврал Майлз. По крайней мере хоть звучит красиво.

Даум посмотрел на него загоревшимися глазами.

— Я торчу в этой чертовой дыре уже два месяца — все ищу человека, которому можно довериться. Дальнейшее промедление просто сведет на нет все мои планы — как и предательство. Мистер Нейсмит, я слишком долго ждал. Я готов рискнуть.

Майлз хладнокровно кивнул, словно заключал подобные сделки с самого дня своего рождения.

— В таком случае, майор Даум, я берусь доставить вас на Тау Верде IV. Даю слово. А первое, что мне понадобится, — как можно больше информации. Расскажите все, что знаете, о процедуре досмотра кораблей наемниками Оссера...

— Я считал, милорд, что груз доставит пилот Мэйхью, — сурово объявил Ботари, когда они вышли из

отеля. — Вы ничего не говорили, что собираетесь лететь.

Майлз небрежно пожал плечами.

— Тут столько неизвестных, столько поставлено на карту — я непременно должен присутствовать на корабле. Несправедливо, да и неразумно взваливать все на плечи Мэйхью. Или ты другого мнения?

Этот вопрос привел сержанта в замешательство: с одной стороны, он не одобрял затею своего сюзерена, с другой — был слишком низкого мнения о пилоте. Посему он ограничился нечленораздельным бурчанием.

Глаза Майлза заблестели.

— Кроме всего прочего, это украсит твою жизнь, сержант. Должно быть, ужасная тоска, ходить за мной по пятам целый день. Я бы умер с тоски.

— Мне нравится скучать, — сухо заметил Ботари.

Майлз усмехнулся, радуясь, что избежал нагоняя за свою выходку с «Дендарийскими наемниками».

Когда они вошли в гостиную госпожи Нейсмит, Элен вышагивала из угла в угол. Щеки ее пылали, ноздри раздувались, она что-то тихо бормотала. При виде Майлза ее возмущение вспыхнуло с новой силой:

— Какие подонки! — воскликнула она почти с отчаянием.

Кажется, гнев направлен не на него — и на том спасибо...

— В чем дело? — осторожно спросил Майлз.

Элен так и не могла успокоиться.

— Это ужасное телевидение! Как они могут...Даже говорить об этом противно!

Ах вот оно что, понял Майлз. Наткнулась на какой-нибудь порнографический канал. Что ж, когда-нибудь это должно было случиться.

— И как они только смеют распространять такую мерзость! Клеветать на адмирала Форкосигана, принца Зерга, нашу армию! Я считаю, за такое продюсера надо поставить к стенке! А заодно и актеров, и автора сценария... У нас их всех бы...

Нет, тут порнографией и не пахнет.

— Прости, а что конкретно ты видела?

Бабушка, сидевшая в своем гидравлическом кресле, отозвалась с напряженной улыбкой:

— Я уже пыталась объяснить ей, что события поданы в художественной форме, чтобы драматизировать историю...

Элен зашипела, как разъяренная кошка, и Майлз умоляюще посмотрел на бабушку.

— «Голубая черта», — лаконично пояснила госпожа Нейсмит.

— А-а, я помню, — сказал Мэйхью. — Был такой фильм.

Майлз и сам хорошо помнил эту видеодраму. Первый раз ее показывали года два назад, когда он учился в здешней школе. Она доставила ему немало грустных минут. Речь шла об эскобаро-барраярской войне. Отец Майлза, в то время офицер генерального штаба, участвовал в неудавшемся вторжении на Эскобар. После трагической гибели командующих — адмирала Форратьера и кронпринца Зерга Форбарры, он возглавил разбитый и окруженный флот. Великолепно проведенное под его руководством отступление изучали в военных академиях Барраяра как непревзойденный образец тактического мастерства. Естественно, что у бетанцев — союзников Эскобара — была своя точка зрения на события. Голубой цвет, упомянутый в названии, был цветом формы бетанского экспедиционного корпуса, в котором служила капитан Корделия Нейсмит — нынешняя графиня Форкосиган.

— Это... это... — Элен повернулась к Майлзу. — Это все вранье, правда?

— Ну как тебе сказать, — протянул Майлз, стараясь говорить спокойно и взвешенно: привычка, приобретенная им в ходе многочисленных дискуссий с бетанцами в школьные годы. — Кое-что там правда. Но мама рассказывала, что голубые мундиры они получили в самом конце войны... И еще клянется всем, чем угодно, что не она прикончила адмирала Форратьера. А кто — умалчивает. По-моему, она перебарщивает с этими своими опро-

вержениями. А отец и вовсе отказывается разговаривать на эту тему; знай лишь твердит, что Форратьер был прекрасным стратегом по части обороны. Я этого никогда не понимал: ведь Форратьер руководил наступлением. Правда, мама как-то обмолвилась, что адмирал был человеком со странностями. Ну, здесь-то удивляться нечему, ведь мама — бетанка... Что касается принца Зерга, отец служил у него в штабе и хорошо знал его, так что бетанская версия насчет принца скорее всего — чистая пропаганда.

— Принц — наша национальная гордость! — запальчиво воскликнула Элен. — Отец нашего императора... Как они смеют...

— Ну, теперь даже наши историки признают, что мы пожадничали, пытаясь захватить помимо Комарры и Зергияра еще и Эскобар.

Элен повернулась к Ботари — он-то должен знать!

— Ты же служил с графом на Эскобаре, папа. Скажи ей... — она кивнула на госпожу Нейсмит. — Скажи правду!

— Я ничего не помню про Эскобар, — с каменным лицом промолвил Ботари; голос его звучал глухо и не располагал к дальнейшим расспросам. — Это все вздор, — добавил он, махнув рукой в сторону головидео. — Не надо было тебе это смотреть.

Но Майлз заметил, как напряглись плечи сержанта, сузились его глаза. Интересно, почему? Ведь несколько лет назад он смотрел этот фильм вместе с Майлзом и не обратил на него никакого внимания.

Элен смешалась.

— Не помнишь? Но ведь ты...

Что-то щелкнуло в памяти Майлза. Возможно, здесь есть какая-то связь с увольнением из армии по медицинским показаниям?..

— Тебя, кажется, ранило на Эскобаре, сержант? — Неудивительно, что старый вояка так разнервничался.

Губы Ботари слегка пошевелились при слове «ранило».

— Да, там, — пробормотал он, избегая встречаться глазами с Майлзом и дочерью.

Майлз покусал нижнюю губу.

— А куда? В голову?

Ботари в ответ промычал что-то нечленораздельное, и его тяжелый взгляд уперся в юношу.

Пожалуй, не стоит на него давить, подумал Майлз.

Черепная травма объяснила бы многие странности в поведении сержанта, но сейчас разумнее сменить тему. А дальше посмотрим.

— Как бы там ни было, — и Майлз отвесил Элен галантный (ах, куда пропали шляпы с перьями!) поклон, — я раздобыл груз.

Элен просияла, тут же позабыв про «Голубую черту»...

— Вот здорово! А ты уже придумал, как протащить его через блокаду?

— Придумываю. Не хочешь ли пока заняться покупками? Сделать заказы можно прямо отсюда, с домашнего коммуникатора. Бабушка объяснит тебе, какие кнопки нажимать и что говорить. Нам понадобится все — еда, топливо, кислород для экстренных случаев, лекарства первой помощи. И по самым низким ценам, какие возможны. От моих денег на путешествие мало что остается, так что постарайся экономить, ладно? — Он обворожительно улыбнулся Элен, словно делал ей большой подарок, а не предлагал проскучать перед экраном два дня, пробираясь сквозь лабиринты бетанского бизнеса.

— Но я никогда еще не снаряжала корабли...

— Это нетрудно, — заверил Майлз. — Начинай, а по ходу дела во всем разберешься. Если я одолел эту науку, ты и подавно справишься. — Это довод он произнес скороговоркой: Элен не должно прийти в голову, что ему тоже не приходилось снаряжать кораблей. — Исходи из того, что в полете примут участие пилот, инженер, сержант, я и майор Даум. Длительность рейса восемь недель или чуть больше — надо помнить о финансах. Старт послезавтра.

— Хорошо... Когда?! — Излом ее бровей опять предвещал бурю. — А как же я? Ты ведь не собираешься бросить меня здесь...

С беззастенчивостью прирожденного дипломата Майлз тут же прикрылся авторитетом Ботари.

— Это должен решать твой отец. Ну, и бабушка, разумеется.

— Конечно, Элен может остаться со мной, — начала госпожа Нейсмит. — Но, Майлз, ты только что прилетел...

— Я еще погощу здесь, непременно, — успокоил ее Майлз. — Отложу возвращение на Барраяр. Ведь мне не надо торопиться в школу или еще куда-то...

Элен смотрела на отца — в глазах мольба, губы сжаты. Ботари вздохнул, перевел взгляд с дочери на госпожу Нейсмит, потом на головидео. Глаза его стали отрешенными, и он надолго замолчал, погруженный в свои мысли или воспоминания, о которых Майлз не имел никакого понятия. А Элен чуть не плакала от нетерпения.

— Майлз... Милорд... Вы же можете ему приказать...

Майлз приложил палец к губам: подожди.

А госпожа Нейсмит, взглянув на Элен, едва заметно улыбнулась.

— Вообще-то, милочка, я буду очень рада, если ты здесь задержишься. Словно дочь ко мне вернулась. Ты познакомишься с нашей молодежью, повеселишься на вечеринках. У меня есть друзья в Кварце, с которыми ты могла бы отправиться в путешествие по пустыне. Сама я старовата для таких экскурсий, но тебе это понравится...

Сержанта передернуло. В Кварце находилась крупнейшая на Бете община гермафродитов, и хотя сама госпожа Нейсмит расценивала бисексуальность как патологию, она патриотически ощетинивалась, когда Ботари говорил все, что думал по этому поводу. А что касается бетанских вечеринок, Ботари не раз приходилось тащить на себе бесчувственное тело Майлза после обильных возлияний. А гонки по пустыне вообще чуть было не стоили Майлзу жизни... Майлз, сощурив глаза, благодарно взглянул на бабушку. Она ответила ему плутовским кивком и невинно посмотрела на Ботари.

— Она полетит с нами, — наконец проворчал он. Элен чуть не захлопала в ладоши, хотя соблазны, перечисленные госпожой Нейсмит, сильно поколебали

ее решимость. Глаза Ботари между тем скользнули мимо дочери, хмуро задержались на головидео и уперлись в пряжку пояса Майлза.

— Извините, милорд. Я подежурю в холле. — И он вышел, прижав к бокам руки, огромные, костистые — сплошные сухожилия и узловатые мышцы.

«Ну и подежурь, — подумал Майлз, — и постарайся остыть. Слишком ты резко на все реагируешь. Впрочем, кому понравится, когда его водят за нос...»

— Ф-фу! — облегченно вздохнул Мэйхью, когда дверь за сержантом захлопнулась. — Какая муха его укусила?

— О Господи, — прошептала госпожа Нейсмит. — Надеюсь, я ничем его не обидела. — И тихонько добавила: — Ох уж эти мне моралисты...

— Ничего, он придет в себя, — пообещал Майлз. — Просто надо оставить его на некоторое время в покое. А сейчас за работу. Ты все поняла? Нужны припасы и снаряжение для команды из двух человек и четырех пассажиров.

Следующие двое суток превратились в сплошную суматоху. Подготовить старый корабль к восьминедельному полету за столь короткое время было невероятно трудной задачей, даже если брать с собой обычный груз. Им же предстояло спрятать основной груз, и поэтому пришлось закупить кучу ненужных вещей, чтобы в настоящую декларацию вмонтировать поддельную. Потом понадобилось оборудование, чтобы передвинуть переборки, — его впопыхах просто забросили на борт: с этим можно разобраться в полете. Самой важной и дорогой покупкой были новейшие бетанские аппараты для глушения детекторов массы — с их помощью Майлз надеялся перехитрить наемников Оссера при проверке груза. Ему пришлось сослаться на своего всемогущего отца, чтобы убедить представителя бетанской компании в своем праве закупать новое и частично секретное оборудование.

Глушители массы были доставлены в сопровождении невероятно сложной и длинной инструкции. Озадаченный Майлз попробовал читать ее, но ничего не

понял и бросил. Сможет ли Баз Джезек разобраться в этой абракадабре? Время шло, и тревога Майлза сменилась отчаянием — появится ли беглый инженер вообще? Уровень зеленой жидкости в бутылке Мэйхью, которую Майлз прибрал к рукам, неуклонно понижался, и сон совсем ушел от него.

Власти космопорта, как выяснилось, и не думали предоставлять кредит за счет портового сбора. Майлзу пришлось расстаться со всеми деньгами, выданными родителями на путешествие. На Барраяре деньги казались огромными, но из-за всех этих непредвиденных расходов улетучились мгновенно. Майлз подошел к вопросу творчески и поменял свой обратный билет в первый класс известной космической пассажирской компании на третий. Потом он проделал то же с билетами Ботари и Элен. Немного погодя все три билета были обменены на места в космолете компании, о которой никто никогда не слыхал. Наконец, Майлз сдал билеты, виновато пробормотав, что купит всем новые или использует, чтобы вернуться на Барраяр, РГ-132.

К концу вторых суток он обнаружил, что стоит, опасно шатаясь, на вершине головокружительной финансовой пирамиды, сложенной из лжи, кредита, покупок за наличные, авансов под авансы, толики шантажа, ложной рекламы и еще одной закладной на свои светящиеся в темноте сельскохозяйственные угодья.

Погрузили припасы. Затащили на борт груз Даума — множество контейнеров самой причудливой формы. Слава Богу, появился Джезек, и его сразу приставили к делу — наскоро латать разные дыры и ремонтировать жизненно важные узлы. Багаж наспех собирали и посылали наверх, к кораблю. Прощались с одними людьми и старательно избегали прощальных сцен с другими. Майлз, верный долгу, сообщил Ботари, что переговорил с лейтенантом Кроуи; не вина Майлза, что Ботари не поинтересовался, о чем именно. Наконец можно было покинуть причал №27 челночного порта Силика.

— Сбор за пользование роботами,— деловито уведомил их заведующий погрузочной частью космопорта. —

Триста десять бетанских долларов; в иностранной валюте не принимаем. — Он улыбнулся, словно вежливая акула.

Майлз нервно откашлялся; в животе у него похолодело. Он мысленно оценил свои финансовые возможности. Последние два дня исчерпали ресурсы Даума; если он правильно понял, майор собирался исчезнуть из гостиницы, не заплатив по счету. Мэйхью вложил все, что у него было, в ремонт на корабле. У бабушки Майлз уже занял. Из вежливости она назвала это «своими инвестициями в общее дело». Принимая деньги, Майлз сгорал от стыда; но на него так нажимали, что отказаться было невозможно.

Оставалось последнее. Майлз проглотил свою гордость, отвел Ботари в сторону и сказал, понизив голос:

— Я знаю, отец дал тебе на дорогу...

Ботари задумчиво покривил губы и внимательно посмотрел на него. Он может придушить его затею сейчас же, не сходя с места, и вернуться к своей скучной жизни. Отец его поддержит, тут сомнений быть не могло. Майлзу страх как не хотелось уламывать Ботари, но он все же добавил:

— Через два месяца я заплачу тебе вдвое. Это пополнит твой левый карман. Даю слово.

Ботари нахмурился.

— Вам не следует давать мне слово, милорд. За все давно заплачено. — Он посмотрел на своего сюзерена сверху вниз, вздохнул и нехотя вывернул содержимое своих карманов в руки юноши.

— Спасибо. — Майлз неловко улыбнулся, отвернулся, потом снова повернулся к нему. — Слушай... Нельзя ли, чтобы это осталось между нами? Не стоит говорить об этом отцу!

Легкое подобие улыбки промелькнуло на каменном лице сержанта.

— Можно и не говорить. Если вы вернете долг, — церемонно ответил он.

В конце концов все устроилось. Хорошо быть капитаном военного корабля, подумал Майлз: посылай счет

императору, и все дела. Они себя чувствуют, наверно, как куртизанки с открытым счетом. Не то что мы, бедные трудовые лошадки.

Он стоял в рубке собственного корабля и наблюдал за тем, как работает Ард Мэйхью — собранный и сосредоточенный; таким его Майлз еще не видел. Мэйхью заканчивал последнюю проверку перед отлетом, переговариваясь с диспетчером космопорта. На экране под ними поворачивался охряной полумесяц Беты.

— Сход с орбиты разрешаю, — послышался голос диспетчера, и Майлза охватила волна возбуждения, от которого кружилась голова. Черт побери, а ведь действительно может все удастся...

— Одну минутку, РГ-132, — спохватился диспетчер. — Для вас сообщение.

— Давайте его сюда, — сказал Майлз, поправляя наушники.

На видеоэкране появилось возбужденное лицо человека, которого Майлз сейчас меньше всего хотел видеть. Подавив чувство вины, он приготовился к борьбе.

Лейтенант Кроуи говорил напряженно и напористо:

— Милорд, сержант Ботари с вами?

— В данный момент, нет. А что? — Ботари был внизу, в трюме; вместе с Даумом они начали сносить переборки.

— А кто с вами?

— Пилот Мэйхью, больше никого. — Майлз обнаружил, что почти не дышит. Цель могла ускользнуть прямо из-под носа.

Кроуи перевел дыхание:

— Милорд, вам неоткуда было узнать, но инженер, которого вы наняли, — дезертир, сбежавший из императорской армии. Вы должны сейчас же вернуться в космопорт. Переходите на катер и заставьте его под любым соусом сопровождать вас. Обязательно возьмите с собой сержанта: этот человек опасен. У причала вас будет ждать патруль бетанской СБ. И еще. — Тут он глянул куда-то в сторону. — Что вы натворили с этим

несчастным Тэвом Кольхауном? Он примчался в посольство и вопит, что ему позарез нужен посол...

Майлз почувствовал, как его захлестывает волна паники. Сердце отчаянно заколотилось. Тахикардия, так это называется. Интересно, у семнадцатилетних бывают инфаркты?

— Лейтенант Кроуи, я вас очень плохо слышу. Вы можете повторить сообщение? — Он умоляюще посмотрел на Мэйхью. Тот ткнул пальцем в какую-то панель. Кроуи начал повторять сказанное, и вид у него при этом был весьма встревоженный. Майлз откинул панель и увидел паутину тонких проводков.

— Я вас почти не слышу, сэр, — торопливо проговорил он. — Позвольте, я сейчас... О черт. — Майлз наугад потянул за несколько волосяных проводков, и изображение на экране растворилось в лавине сверкающего снега. Голос лейтенанта оборвался на полуслове.

— Гони, Ард! — крикнул Майлз. Ему не пришлось повторять дважды. Бета уже стремительно уходила вниз.

Майлз почувствовал головокружение. Черт возьми, невесомости пока нет... Он вдруг сел на палубу — ноги не слушались его. Катастрофы удалось избежать только чудом. Впрочем, тут было еще что-то. Он перепугался — не чума ли это какая-нибудь бетанская, но потом до него дошло.

Мэйхью, перепуганный, уставился на него; но когда он сообразил, в чем дело, то иронически ухмыльнулся.

— Значит, и тебя пробрало наконец. Давно пора. — Он включил переговорное устройство. — Сержант Ботари, подойдите в рубку, пожалуйста. Ваш господин... э-э... нуждается в вас. — Он язвительно улыбнулся Майлзу, который уже раскаивался в своих шуточках насчет зеленой бутылки.

Появились сержант с дочерью. Элен на ходу делилась с Ботари:

— И все, буквально все запущено. Дверца аптечки просто отвалилась, когда я за нее взялась, а...

Ботари мгновенно подобрался, увидев съежившуюся фигурку своего сюзерена, и жестко взглянул на Мэйхью.

— Похмелье после моего пойла, — объяснил тот. — Когда оно наступает, пиши пропало, верно, сынок?

Майлз что-то пробормотал, вернее простонал. Ботари, прорычав: «Глаза бы мои не глядели», — поднял чуть живого капитана корабля и бесцеремонно перебросил через плечо.

— Ну, по крайней мере он перестанет метаться от стенки к стенке, и мы все от него отдохнем, — весело сказал Мэйхью. — В жизни не видел, чтобы так заводились от этого снадобья.

— А-а, значит, ваше пойло — стимулятор? — спросила Элен. — То-то я удивлялась, чего он не спит...

— Только сейчас догадались? — рассмеялся Мэйхью.

Майлз повернул шею, глянув в обеспокоенное, несчастное лицо Элен, и слабо улыбнулся. Потом глаза его застлала блестящая, черно-багровая пелена, сотканная из бешено вращающихся воронок, и смех Мэйхью смолк.

ГЛАВА 8

Майлз выключил сварочный аппарат и поднял на лоб защитные очки. Готово. Он с гордостью осмотрел аккуратный шов на последней из фальшивых переборок. Если мне не дано стать солдатом, подумал он, у меня определенно есть будущее в качестве помощника механика. Иногда полезно быть таким недомерком...

— Можете вытаскивать, — крикнул он через плечо.

Чьи-то руки ухватили его за щиколотки и вытащили из щели.

— Запускай свой черный ящик, Баз, — предложил Майлз, садясь и разминая затекшие мышцы. Пока инженер включал контрольную аппаратуру, Даум беспокойно заглядывал через его плечо. Джезек ходил взад и вперед вдоль переборки, делая замеры. Они проделы-

вали все это уже в седьмой раз, и наконец-то все лампочки на приборе засветились зеленым.

— Похоже, получилось, — заметил Баз. — Если верить показаниям, за переборкой ничего, кроме следующей переборки.

Майлз повернулся к Дауму.

— Я вам дал слово, что справлюсь с этим вовремя, верно?

Даум улыбнулся в ответ.

— Вам повезло, что ваш корабль тихоход.

В трюме зазвенел зуммер.

— Милорд? — То был голос Мэйхью, и что-то в нем заставило Майлза вскочить на ноги.

— В чем дело, Ард?

— Через пару часов будем в месте скачка на Тау Верде. Тут у меня кое-что есть... Думаю, вам с майором надо глянуть.

— Корабли блокады? Перед туннелем? Но это беззаконие...

— Да нет, не корабли. Что-то вроде буя. — Голос у Мэйхью был невеселый. — Если ты знал об этом, мог бы и предупредить...

— Вернусь через несколько минут, Баз, — распорядился Майлз. — Поможем тебе разместить груз в художественном беспорядке. Нужно завалить поплотнее мой первый шов.

— Да нет, сойдет, — заверил его Джезек. — Я видел и более халтурную работу, хотя делали вроде профессионалы.

Когда Майлз и Даум добрались до рубки, Мэйхью морщась рассматривал изображение на экране.

— Ну что там, Ард?

— Ничего особенного. Предупредительный буй Оссера. Им пришлось установить его, чтобы избежать недоразумений, если кто-то не знает, что творится по другую сторону. Дело не в этом. Послушайте-ка! — Он включил звук.

— Внимание. Внимание. Всем коммерческим, военным и дипломатическим кораблям, планирующим войти в пространство Тау Верде. Предупреждение. Вы входите в зону боевых действий. Все суда без исключения будут обыскиваться, любая контрабанда подлежит конфискации. Отказ сотрудничать будет рассматриваться как враждебное действие; судно будет конфисковано или уничтожено без предупреждения. Вы действуете на свой страх и риск. По входе в местное пространство Тау Верде все суда будут досмотрены специальными командами. Все пилоты — специалисты по скачкам сквозь п-в-туннели будут задержаны в данном пункте до возвращения их судов с Тау Верде в точку скачка. Пилотам будет позволено вернуться на суда по окончании досмотра, перед отправлением из местного пространства Тау Верде...

— Дошло и до этого, черт бы их побрал, — простонал Даум. — Уже берут заложников...

— И очень умно их выбирают, — добавил Майлз сквозь зубы. — В особенности, учитывая район, — ведь без пилота здесь застрянешь, как жук в бутылке. А кто будет рыпаться, тому могут и не позволить вернуться домой. Значит, вы говорите, такого еще не было?

— По крайней мере пять месяцев назад, — сказал Даум. — У меня нет вестей из дома с самого отлета. Но по крайней мере это означает, что война продолжается. — Он напряженно вглядывался в экран, словно надеялся узреть там путь домой.

Между тем текст предупреждения все звучал, перемежаясь техническими подробностями, наконец послышалось: «По приказу адмирала Юаня Оссера, командующего Свободным флотом наемников по контракту с законным правительством Пелиаса, Тау Верде IV».

— Законное правительство! — фыркнул Даум. — Пеллиане! Преступники, страдающие манией величия...

Майлз беззвучно насвистывал что-то, уставившись в пространство. «Что бы я сделал, будь я и вправду пугли-

вым предпринимателем, пытающимся избавиться от этого дерьма в трюме? — подумал он. — Оставлять здесь своего пилота — невелика радость, но и спорить с парализатором бессмысленно. Значит...»

— Будем вести себя как овечки, — строго сказал он, обращаясь ко всем сразу.

Они еще помедлили полдня перед скачком, окончательно распределяя груз в трюме и репетируя каждый свою роль. Затем Майлз отвел в сторону Мэйхью, и они имели краткую беседу в присутствии одного лишь Ботари. Майлз начал без обиняков, не сводя глаз с расстроенного лица пилота.

— Ну что, Ард? Может, хочешь выйти из игры?

— А можно? — с надеждой спросил тот.

— Я не могу приказывать тебе стать заложником. Если ты сам согласишься, я клянусь не оставлять тебя в такой ситуации. Вообще-то я и так уже связан с тобой клятвой, потому что я твой сюзерен, но ты, видимо, не знаешь об этом. Вернее, не помнишь.

— А что будет, если я откажусь? Не нравится мне эта профессия — заложник.

— После скачка в местное пространство Тау Верде мы уже не сможем идти на попятный. Поэтому нам придется прямо сейчас извиниться перед Даумом за то, что без пользы потратили его денежки, да и время, повернуть и отправиться домой. — Майлз вздохнул. — Если я правильно угадал причины появления Кольхауна в посольстве перед нашим отлетом, он скорее всего уже начал судебную тяжбу с тем, чтобы вернуть себе корабль. Думаю, все вернется на круги своя, как было в тот день, когда я увидел тебя впервые. Только денег у нас поубавится. Может быть, я и найду какой-нибудь способ вернуть Дауму то, что он потратил... — И Майлз замолчал. Вид у него был задумчивый и отсутствующий.

— А если бы... — начал пилот, с любопытством глядя на Майлза, — если бы им понадобился не я, а сержант Ботари? Что бы ты предпринял?

— То же самое. Двинул бы вперед, — не задумываясь, ответил Майлз. — Правда, Ботари — он ведь... он ведь мой вассал.

— А я? — возопил Мэйхью. — То-то обрадуется Госдепартамент, когда узнает, что я вовсе ничей не вассал!

Молчание несколько затянулось.

— Я твой сюзерен, — наконец произнес Майлз, очень серьезно. — А вот кто ты — тебе лучше знать.

Мэйхью понурился, потирая лоб; один палец при этом неосознанно поглаживал серебряный кружочек имплантата. Потом он взглянул на Майлза, и в глазах его был странный, голодный блеск, напомнивший Майлзу тоскующие глаза База Джезека.

— Я и сам не знаю, кто я и что я, — заключил Мэйхью. — Но я проделаю этот скачок. И вообще я готов ко всяким безобразиям.

Небольшая дрожь, легкое головокружение, тошнота, что-то вроде электрических помех в голове, — и через несколько секунд скачок сквозь невидимый тунель закончился. Майлз нетерпеливо ждал в рубке, когда Мэйхью освободится от аппарата, в котором была зажата его голова и который средствами биохимии растянул для него на субъективном уровне эти секунды в часы. Как всегда, Майлзу было донельзя любопытно, что испытывают пилоты, проделывая скачок. Наверняка что-то недоступное пассажирам. И куда исчезали корабли, примерно один на каждые десять тысяч, которые уходили в скачок и не возвращались? Было такое старинное ругательство: «Летел бы ты в ад», только никто никогда не слышал его из уст пилотов.

Мэйхью отвел аппарат в сторону, потянулся и вздохнул. Лицо у него было серое, постаревшее от нечеловеческого напряжения.

— Еще бы немного, и вляпались бы, — пробормотал он, ухмыльнулся и глянул на Майлза. — Ты знаешь, сынок, этот маршрут вряд ли когда-либо станет популярным. Но интересно. Решительно интересно.

Майлз пренебрег «сынком», занял пустующее кресло второго пилота и застучал по клавишам, включая экраны внешнего обзора.

— Ну и где же они? — пробормотал он через несколько минут. — Мы приготовились встречать гостей. Неужели они раздумали? Это не слишком вежливо с их стороны. А впрочем... Туда ли мы попали? — встревоженно спросил он Мэйхью.

Тот наставительно поднял брови.

— Сынок, когда ныряешь сквозь п-в-туннель, то либо попадаешь в нужную точку, либо превращаешься в ведро кварков, размазанных между Антаресом и Озом. — Но он все-таки проверил их координаты. — Похоже, все в порядке...

Прошло целых четыре часа, прежде чем к ним наконец подвалил корабль, блокирующий выход из туннеля. Нервы Майлза были на пределе. Корабль приближался медленно, и в этом была преднамеренная угроза. Наконец они установили звуковой контакт. Офицер-связист говорил с ними таким скучающим, сонным голосом, что от сердца немножко отлегло. Наверное, для наемников это и впрямь прогулка. Они неторопливо запустили катер с командой досмотра.

Майлз слонялся в коридоре у люка; в голове прокручивались сценарии возможных катастроф. Например, Даума предал какой-нибудь коллаборационист. Или война уже закончилась поражением стороны, которая должна ему заплатить. Наемники превратились в пиратов и готовятся похитить его корабль. Какой-нибудь болван уронил и разбил их детектор масс, проверяющие начнут измерять внутренние параметры корабля, и обман откроется... Это последнее соображение показалось Майлзу до того вероятным, что он просто дышать перестал, пока не увидел среди наемников техника с этим аппаратом.

Их было девять, все мужчины, все крупнее Майлза, и все вооружены до зубов. Ботари стоял позади Майлза

без оружия, что его явно угнетало, и зорко рассматривал прибывших.

В них было что-то неуловимо пестрое, разношерстное. Нельзя сказать, чтобы бело-серые униформы были поношенными, но кое-что явно нуждалось в починке, а кое-что было просто грязным. Или они слишком заняты, чтобы тратить время на второстепенные вещи, или лень их одолела, и они перестали следить за собой? По крайней мере один из наемников имел недопустимо отсутствующий вид — тот, что оперся о стену. Пьян в часы службы? Оправляется от ран? Оружие у них тоже было с бору по сосенке — парализаторы, плазменные пистолеты, игольники. Майлз попробовал оценить их боевой потенциал, как это сделал бы Ботари, но не преуспел — слишком разнокалиберной была пожаловавшая к ним компания.

— Ну ладно, — сказал здоровенного роста вояка, проходя вперед. — Кто главный на этой посудине?

Майлз шагнул вперед.

— Я, сэр. Моя фамилия Нейсмит, я владелец корабля, — сказал он изумительно вежливо. Судя по знакам различия, здоровяк был командиром.

Глаза капитана бегло осмотрели Майлза; бровь его слегка дрогнула, плечи поднялись и опустились — Майлза определенно занесли в категорию «опасности не представляет». Только этого мне и надо, строго напомнил себе Майлз. Все прекрасно.

Наемник вздохнул, явно скучая.

— Ладно, коротышка, давай кончать с этим делом побыстрее. Это и есть твоя команда? — Он махнул в сторону Мэйхью и Даума, стоявших по обе стороны от Ботари.

Майлз прикрыл глаза веками, пряча вспышку ярости.

— И еще инженер. Он на своем посту, сэр. — Майлз от души надеялся, что голос звучит достаточно смиренно.

— Обыскать их, — приказал капитан своим людям, слегка повернув голову. Тело Ботари напряглось. Майлз слегка качнул головой, встретив его раздраженный взгляд,

и сержант подчинился, хотя, пока его обшаривали, вид у него был определенно свирепый. Капитан наемников это заметил и по лицу его скользнула усмешка.

Затем он разбил команду на три поисковые группы и прошел за Майлзом и его людьми в рубку. Пара солдат, шедших с ним, принялась обшаривать все подряд; они даже разобрали кресла, потом бросили все как есть и отправились обыскивать каюты. Обыск превратился в погром. Майлз, стиснув зубы, кротко улыбнулся, когда его вещи швырнули на пол и принялись перебирать, пиная ногами.

— У этих обормотов ничего нет, капитан Осон, — разочарованно доложил один из солдат. — Хотя погодите.

Майлз застыл в ужасе от собственной небрежности: он собрал и припрятал все оружие, но забыл при этом про кинжал деда. Дело в том, что он захватил его на память о старике, а не как оружие, уложил на дно чемодана и благополучно забыл про него. По легенде, кинжал был изготовлен еще во времена графа Зелига Форкосигана; дед берег его как реликвию. Ясное дело, этим оружием трудно изменить баланс сил в войне на Тау Верде IV, но на рукоятке был герб Форкосиганов, инкрустированный эмалью, золотом и самоцветами. Майлз молил бога, чтобы инопланетяне не поняли, чей это герб.

Солдат кинул кинжал капитану; тот вытащил его из ножен (кожа ящерицы) и повернул к свету — на сверкающем лезвии проступило странное клеймо. Само лезвие еще во времена Изоляции стоило в десять раз дороже, чем рукоятка, а теперь знатоки считали его бесценным из-за качества стали и редкостной выделки.

Капитан Осон явно не был знатоком, потому что он сказал лишь: «Красивая штучка», вложил кинжал в ножны и засунул себе за пояс.

— Послушайте! — Майлз еле удержался, чтобы не кинуться на наемника. Тихо. Тихо. Он загнал внутрь свою ярость и вспомнил про бетанскую личину. — Я ведь не застраховал эту вещицу!

Капитан фыркнул.

— Не повезло тебе, коротышка. — Но взгляд его остановился на Майлзе, с любопытством и сомнением.

Сдай назад, подумал Майлз.

— Хотя бы расписку вы мне дадите? — жалобно спросил он.

Осон усмехнулся.

— Расписку! Ну, ты шутник. — Солдаты покатились со смеху.

Майлз с усилием справился с участившимся, неровным дыханием.

— Ну что ж... — сказал он хриплым и печальным голосом. — Вы хотя бы не мочите его. Он заржавеет, если его не вытирать насухо после употребления.

— Дешевый металл, из него только кастрюли делать, — проворчал наемник. Он щелкнул по клинку, и тот зазвенел, как колокол. — Может, я заменю лезвие на хорошую сталь, а красивую рукоятку оставлю.

Майлз позеленел, а Осон уже махнул Ботари.

— Открой-ка чемодан.

Сержант, как обычно, глянул на Майлза, ожидая подтверждения приказа. Капитан наемников раздраженно нахмурился.

— Перестань глядеть на коротышку. Тут я приказываю.

Ботари выпрямился и слегка приподнял бровь.

— Сэр? — сладким голосом обратился он к Майлзу.

Спокойствие, сержант, подумал Майлз и слегка сжал губы; этого было достаточно.

— Подчиняйся капитану, Ботари! — бросил Майлз.

Телохранитель усмехнулся.

— Слушаюсь, сэр. — Установив порядок старшинства так, как ему хотелось, Ботари наконец открыл чемодан оскорбительно-медленными движениями. Осон вполголоса выругался.

Через некоторое время капитан погнал всех в каюткомпанию.

— Нечего жмотничать, — подвел он черту. — Выкладывайте всю наличность. Это контрабанда.

— Что?! — в ярости вскричал Мэйхью. — С каких это пор деньги превратились в контрабанду?

— Тихо, Ард, — процедил Майлз. — Делай что тебе говорят. — Майлз понял, что Осон, по всей видимости, говорит правду. Чтобы покупать оружие и военных советников, людям Даума нужна была именно инопланетная валюта. Впрочем, грабеж это или своеобразный осмотр — не имеет значения. Судя по тому, как вели себя наемники, груз Даума они не нашли, и это главное. Майлз постарался скрыть ликование и вывернул карманы.

— И это все? — не веря своим глазам, протянул Осон, когда деньги были сложены в небольшую кучу перед ним на столе.

— У нас трудности с наличными, — объяснил Майлз. — Когда мы доберемся до Тау Верде и продадим товар, вот тогда...

— Ч-черт, — пробормотал Осон. Он сверлил Майлза глазами, но тот беспомощно пожимал плечами и глупо улыбался.

В кают-кампанию тем временем вошли еще трое, толкая перед собой База и Элен.

— Привели инженера? — хмуро поинтересовался капитан. — Наверно, у него тоже трудности с наличностью? — Он поднял глаза и увидел девушку. Выражение скуки исчезло с его лица мгновенно, и он пружинисто поднялся. — А вот это лучше. Я уже думал, что они здесь сплошь уроды да извращенцы. Однако — сначала дело, потом удовольствие. Деньги в инопланетной валюте имеются, милочка?

Элен неуверенно посмотрела на Майлза.

— Немного есть, — призналась она с удивленным видом. — А что?

— Выкладывай.

— Майлз?

Майлз еле расцепил губы; челюсти уже побаливали.

— Отдай им деньги, — тихо приказал он.

Осон яростно глянул на Майлза.

— Послушай, коротышка, ты мне не секретарь: нечего передавать мои приказы. Чтоб я тебя больше не слышал, понятно?

Майлз поспешно улыбнулся и кивнул, вытирая вспотевшую ладонь о штанину в том месте, где должна была висеть кобура, но ее там не было, не было...

Элен озадаченно выложила на стол пятьсот бетанских долларов. Ботари удивленно поднял брови.

— Откуда у тебя это? — прошептал Майлз, когда она шагнула назад.

— Графиня... Твоя матушка дала мне их, — прошептала Элен в ответ. — Она сказала, что мне понадобятся деньги на личные расходы на Бете. Я не хотела брать, но она настаивала.

Осон пересчитал деньги и повеселел.

— Значит, ты тут банкуешь, милочка? Недурно, недурно. А я уж начал думать, что вы тут со мной в прятки играете. — Он склонил голову к плечу, разглядывая девушку. — Но лучше со мной в эти игры не играть. — Деньги уже исчезли в его карманах вместе с жалким уловом чужих сувениров.

Затем Осон ознакомился с декларацией на груз.

— Все верно? — спросил он старшего в той группе, которая привела Элен и База.

— В тех ящиках, что мы вскрыли, все сошлось, — ответил солдат.

— Ой, какой погром они там устроили, — шепнула Элен на ухо Майлзу.

— Молчи. Пускай развлекаются.

Капитан наемников вздохнул и принялся просматривать их личные дела. В одном месте он усмехнулся, взглянув на Ботари, потом на Элен. Майлз покрылся потом. Но Осон быстро закончил проверку и откинулся на спинку кресла, мрачно разглядывая Мэйхью.

— Значит, ты пилот? — спросил он без всякого энтузиазма.

— Да, сэр, — ответил Мэйхью, уже натасканный Майлзом по части смирения.

— Бетанец?

— Так точно, сэр.

— А ты... Ладно, не важно. Раз ты бетанец, с тобой все ясно. Вы там все сплошные извращенцы... — Он помолчал. — Ну что ж, пошли.

Мэйхью неуверенно глянул на Майлза.

— Я тебя спрашиваю, а не коротышку, черт тебя побери! — крикнул капитан. — Думаешь мне улыбается видеть тебя за своим столом в течение нескольких недель? Заранее благодарю за несварение желудка. Улыбайся, улыбайся, мутантик, — внезапно повернулся он к Майлзу. — Небось, если б мог, давно отправил бы меня на тот свет.

Майлз, считавший, что вид у него как нельзя более приветливый, поспешно привел в порядок свою физиономию.

— Никак нет, сэр, — возразил он, кротко помаргивая. Идиотик, да и только.

Капитан несколько мгновений буравил его взглядом, потом пробормотал:

— А-а, к чертям собачьим. — Он опять посмотрел на Элен и задумчиво улыбнулся. Девушка, нахмурившись, встретила его взгляд. Осон поглядел по сторонам.

— Знаешь, что, коротышка, — вдруг доброжелательно заявил он, — можешь забирать своего пилота. Хватит с меня бетанцев, меня от них тошнит.

Мэйхью облегченно перевел дух, а Майлз замер, не смея верить такой удаче.

И тут капитан наемников махнул в сторону Элен.

— Вместо него я возьму эту ягодку. Иди укладывай вещички, красавица.

Гробовое молчание. Осон улыбался Элен плотоядной улыбкой:

— Поверь мне, ты ничего не потеряешь, не увидев Тау Верде. А будешь хорошей девочкой — денежки к тебе вернутся.

Элен взглянула на Майлза расширенными глазами.

— Милорд... — проговорила она негромко. Это не было оговоркой: она имела право просить своего сюзерена о помощи.

Майлзу стало обидно до слез, что она не назвала его по имени. Ботари окаменел: лицо его не выражало ровным счетом ничего.

Майлз шагнул к капитану; смирение его испарялось на глазах.

— Вы имеете право забрать только моего пилота, — заявил он ровным, без интонаций голосом.

Улыбка Осона превратилась в оскал.

— Я сам устанавливаю правила. Она пойдет со мной.

— Она не хочет этого. Если вам не нужен пилот, выберите любого из нас, только не ее.

— Не беспокойся о ней, коротышка. Ей у меня понравится. А на обратном пути можешь забрать ее назад — если она захочет, конечно.

— Я сказал, выбирайте другого!

Капитан хохотнул и отвернулся. Майлз схватил его за руку. Остальные наемники, наблюдавшие за представлением, даже не потянулись за оружием, а Осон прямо-таки вспыхнул от удовольствия.

Схватка была короткой: захват, рывок, звучный удар, и Майлз растянулся на полу. Рот наполнился металлическим вкусом крови. Капитан немного подумал и добавил пинок в живот. Майлз скорчился в три погибели, прижавшись щекой к покрытию, хватая воздух ртом. Слава Богу, не по грудной клетке, думал он сквозь пелену ярости, боли и тошноты. В поле его зрения оказались тупорылые ботинки, воинственно расставленные перед носом. Наверно, в носках стальные пластинки...

Подбоченившись, Осон с вызовом бросил:

— Ну?

Никто из команды Майлза не проронил ни слова. Все смотрели на Ботари, но что толку взирать с надеждой на каменное изваяние.

Осон разочарованно сплюнул — то ли от омерзения, что побил дохляка, то ли с досады, что не врезал посильнее, — и процедил:

— Черт с ней, с этой калошей. На кой ее конфисковывать — с таким хреновым коэффициентом исполь-

зования топлива... — И в полный голос скомандовал: — Загружаемся и отваливаем! Идем, милочка.

Он крепко взял Элен за руку выше локтя. Пятеро наемников, стоявшие до сих пор в ленивых позах наблюдателей, повернулись, чтобы нырнуть в выходной люк следом за капитаном.

Элен быстро оглянулась, встретила горящие яростью глаза Майлза, и ее губы беззвучно произнесли понимающее «ага».

— Сержант! — крикнул Майлз и бросился на того наемника, который только что оторвался от стены. Он вложил в движение всю ненависть, клокотавшую в нем под маской смирения.

Казалось, каюта взорвалась. Откидной стул — сержанту удалось незаметно для всех отцепить его от стены — со свистом врезался в наемника, вооруженного нейробластером. Тот не успел даже положить руку на кобуру. Даум, блеснув отменной реакцией, аккуратно разоружил другого наемника и бросил парализатор Мэйхью. Тот несколько мгновений растерянно взирал на оружие, потом, словно очнувшись, одним движением изготовил его к бою и нажал на спуск. Увы, парализатор оказался незаряженным.

Звучно щелкнул игольник. На дальней переборке сверкнула искра — мимо. Майлз с силой двинул противника локтем в живот, и тот переломился пополам, захлебываясь рвотным кашлем. Так и есть — напился. Увернувшись от потока блевотины, Майлз наконец поймал наемника на удушающий прием. Впервые в жизни он провел захват в полную силу и удивился, когда его противник, дернувшись пару раз, затих. «Сдается, что ли?» — подумал Майлз и потянул его за волосы, чтобы увидеть лицо. Наемник был без сознания.

Другой солдат, отскочив рикошетом от Ботари, ринулся на Мэйхью, который, найдя наконец применение парализатору, хряпнул беднягу рукояткой по голове. Тот со стоном осел на колени, и Мэйхью для верности добавил еще. Ботари, спешащий на выручку Дауму, на секунду задержался, с отвращением бросив: «Да не так

же!» — отобрал у Мэйхью парализатор и отключил наемника одним точным ударом.

Вдвоем с Даумом они управились с последним солдатом за секунду. Наступила тишина. И вдруг дикий вопль с последовавшим за ним глухим хрустом заставил всех обернуться к двери. Капитан наемников распластался на полу, поливая его кровью из носа, а на нем восседала Элен.

— Оставь его, дочка, — Ботари приставил нейробластер к виску наемника.

— Не смей! — крикнул Майлз. Осон затих и остекленевшими от страха глазами косился на сверкающий ствол.

— Дай я ему ноги переломаю! — злобно воскликнула Элен. — Я ему покажу «коротышку», когда от него останется метр роста!

— Погоди, у тебя еще будет такая возможность, — пообещал Ботари.

Даум нашел заряженный парализатор, и сержант с его помощью заставил Осона забыть на время о своем бедственном положении. Затем Ботари прошелся по каюте и удостоверился, что опасность миновала.

— Еще трое, милорд, — напомнил он Майлзу.

— Угу, — кивнул Майлз, с трудом поднимаясь. И не меньше одиннадцати на основном корабле, подумал он. — Рассчитываете вместе с Даумом подстеречь и парализовать их?

— Да, но... — Ботари подбросил на руке нейробластер. — Сдается мне, вернее покончить с ними сейчас, как с солдатами, в бою. Расстреливать пленников — та еще работка.

— Возможно, до этого не дойдет, — отрезал Майлз. Только сейчас он осознавал сложность ситуации. — Пока отключите их. А потом... Потом подумаем, как быть с ними.

— Соображайте побыстрее, милорд, — посоветовал Ботари и скользнул в дверь. Даум, нервно покусывая губы, последовал за ним.

— Сержант! — крикнул Майлз вдогонку. — Одного оставьте в сознании. Для меня.

— Слушаюсь, милорд.

Майлз обернулся — и чуть не упал, поскользнувшись в луже крови, натекшей из капитанского носа. С ужасом уставившись на это миниатюрное подобие бойни, он пробормотал:

— Боже, что мне теперь делать?

ГЛАВА 9

Элен и Мэйхью выжидающе смотрели на него, а он никак не мог поймать ускользающую от него мысль. Стоп! В их маленькой команде пропал человек. Баз Джезек не участвовал в схватке. Куда он делся? Что с ним? И тут Майлз увидел его: Джезек прилип к дальней переборке. Дышит, как подстреленный зверь, темно-карие глаза — словно две черные дыры на белом от ужаса лице.

— Баз, вы ранены? — с тревогой крикнул Майлз.

Инженер отрицательно покачал головой. Их взгляды встретились, и Джезек опустил глаза. Майлз скрипнул зубами. «На каждого из нас приходится по два, а то и по три наемника. Нельзя позволить сильному, знакомому с приемами боя мужику праздновать труса. Надо что-то предпринять, и немедленно».

— Элен, Ард, выйдите в коридор и не входите, пока не позову, — распорядился Майлз.

Они недоуменно переглянулись, однако послушались.

Майлз подошел к инженеру. Это все равно что делать пересадку сердца в темноте, на ощупь, да еще и без анастезии, подумал он, облизывая пересохшие губы, но сказал спокойно и твердо:

— У нас нет выбора. Надо захватить корабль наемников. Лучше всего воспользоваться их же челноком — они решат, что отряд возвращается. В запасе у нас всего несколько минут. Единственный шанс выпутаться из этой истории — взять их тепленькими. Мы с Даумом и сержантом захватим кают-компанию. А дальше самое трудное — инженерный отсек.

Джезек резко отвернулся, словно получил удар в солнечное сплетение. Но Майлз был неумолим:

— Вы и пойдете туда. В помощники возьмете... — Майлз набрал в легкие побольше воздуха, — Элен.

Джезек жалко улыбнулся.

— Н-нет, — пролепетал он.

— Мэйхью и я парализуем все, что способно двигаться. Максимум через двадцать минут все будет кончено.

Баз отчаянно замотал головой и прошептал:

— Не могу.

— Думаете, вам одному страшно? У меня самого коленки тряслись.

— Незаметно. Вы не выглядели испуганным, даже когда этот ублюдок швырнул вас на палубу. Скорее казалось, что вы напились до чертиков.

— Я просто не мог остановиться. Мне нечем гордиться — страх, он у всех один и тот же. Но если заведешься, уже некогда бояться.

Инженер снова замотал головой и выдавил сквозь стиснутые зубы:

— Не могу... Я устал.

Майлз едва сдержался, чтобы не заорать. Но страх нельзя подавить еще большим страхом.

— Я вас принимаю, — внезапно заявил он.

— Что?..

— Предъявляю на вас свои права. Конфискую вашу собственность, вашу подготовку для военных нужд. Знаю, что это не по закону, но вы все равно приговорены к смерти, так что кому какое дело? Встаньте на колени и вложите свои ладони между моими.

От неожиданности Джезек открыл рот, а потом быстро заговорил:

— Вы... Откуда у вас право... Только приближенные к императору офицеры могут принимать присягу. И я уже присягал... самому императору, когда получал первое звание, а потом отрекся... — Он внезапно затих.

— Однако присягу может принять, например, граф. Или наследник графа. То, что вы принесли Грегору офи-

церскую присягу, осложняет дело. Но ненамного. Придется внести некоторые изменения в формулировку.

— Но ведь вы... — Джезек изумленно уставился на Майлза. — Черт возьми, кто же вы?

— Не люблю распространяться на эту тему. Достаточно того, что я вассал секундус Грегора Форбарры и имею полное право сделать вас своим наемником. Прямо сейчас, потому что у нас чертовски мало времени. Детали обсудим позже.

— Вы ненормальный... Что вы затеяли? Какой от этого прок?

Будет прок, удовлетворенно подумал Майлз. Уже есть — ты, кажется, настолько увлекся, что забыл о страхе.

— Ненормальный? Может быть. Но я ненормальный фор. На колени! — скомандовал он.

Инженер, все еще не до конца веря в реальность происходящего, медленно преклонил колени. Майлз взял его ладони в свои и заговорил, отчетливо и звонко:

— Повторяй за мной. Я, Бэзил Джезек, свидетельствую, что принес воинскую присягу Грегору Форбарре, однако поступаю на службу... — Ботари взбесится, если узнает, что за клятву я состряпал, подумал Майлз, — на службу к этому ненормальному фору в качестве простого солдата и обязуюсь подчиняться ему как командиру до самой смерти или до того момента, пока он сам не освободит меня от клятвы.

Джезек, словно загипнотизированный, повторял за ним каждое слово. Теперь настал черед самого Майлза:

— Я... м-м, нет, это лучше пропустим. Я, вассал секундус императора Грегора Форбарры, принимаю твою клятву и обязуюсь нести за тебя ответственность командира. Даю в том слово чести... э-э... мое слово чести. Ну вот. Отныне ты будешь пользоваться сомнительной привилегией исполнять все мои приказы и обращаться ко мне «милорд». Только не в присутствии Ботари. Его еще надо подготовить.

«И что теперь?» — одними глазами спросил Баз.

— Теперь здесь твой дом. Хочешь верь, хочешь нет, но это так.

Джезек, слегка оглушенный, покачнувшись, поднялся с колен.

— Неужели это и есть присяга? — спросил он с недоверием.

— Ну... Вообще-то мы допустили некоторые отклонения от канонического текста. Но я знаком с барраярской историей и уверяю тебя — то, что мы сейчас произнесли, ближе к оригиналу, чем официальная версия.

Раздался громкий стук в дверь, и в каюту вошли Даум с Ботари, ведущие связанного пленника. Судя по круглым серебристым пластинкам на лбу и висках, это был пилот. Молодец Ботари, подумал Майлз — пилот наверняка знает все опознавательные коды. Однако гордо вскинутый подбородок пленника внушал сомнения в том, что их удастся получить.

— Баз, возьми с собой Элен и майора и грузи этих молодцов в четвертый трюм. — Майлз указал на бесчувственных наемников на полу каюты. — На случай, если очухаются, — заварите швы люка. Потом распломбируйте оружейный склад, возьмите парализаторы, плазменные ружья и переходите в челнок. Встретимся там через несколько минут.

Когда Элен выволокла за ноги последнего наемника — им оказался капитан, и она, конечно же, пренебрегла тем обстоятельством, что голова Осона по пути несколько раз стукнулась об пол, — Майлз закрыл дверь и направился к пленнику, стоящему между Мэйхью и Ботари.

— Знаете, я буду вам чрезвычайно признателен, если получу коды сразу, — проговорил он извиняющимся тоном. — Это и вас, и нас избавит от многих неприятностей.

Но пилот оказался не из робкого десятка:

— Насчет вас — это точно. Где же ты возьмешь все эти «пилюли правды» и прочую ерунду? Не повезло тебе, коротышка.

Рука Ботари сжалась в кулак, а в глазах мелькнул странный огонек. Майлз остановил его едва заметным жестом:

— Погодите, сержант. Вы правы, — вздохнул он, обращаясь к наемнику. — Как ни досадно, у нас действительно нет этих пилюль. А ваша помощь необходима.

— Жди-дожидайся, — с презрительным смешком процедил наемник.

— Мы не собираемся убивать ваших друзей, — добавил Майлз, все еще надеясь. — Мы только их на время парализуем...

— Рассказывай сказки. Время работает на меня. Можете пичкать меня чем угодно — я все проглочу. Можете убить — тогда уж точно не проболтаюсь.

Майлз отвел Ботари в сторону:

— Сержант, это, конечно, больше по вашей части, но мне кажется, он прав. Как вы думаете, может, и впрямь лучше причалить к кораблю вслепую, без кодов, чем использовать фальшивку, которую он нам непременно подсунет?

— Лучше получить настоящие коды. — Ботари был категоричен. — Безопаснее, надежнее.

— Да, но как?

— Вытряхнуть их из пилота не проблема. Только прикажите.

Майлзу очень не понравилось выражение лица, с которым Ботари произнес эти слова.

— Надо решать сейчас, милорд, — добавил Ботари.

Майлз подумал об Элен, Мэйхью, Дауме и Джезеке. Ведь все они оказались здесь по его милости. И он решился:

— Действуйте, сержант.

— Может быть, вам лучше подождать в коридоре?

У Майлза противно засосало под ложечкой, но он покачал головой:

— Нет. Вы исполняете мой приказ, и я обязан присутствовать.

Ботари коротко поклонился:

— Как хотите. Мне понадобится нож.

Он указал на кинжал, который Майлз отобрал у капитана наемников. Майлз с видимой неохотой вынул его из ножен и подал сержанту. Ботари залюбовался лезвием, необычайно упругим и острым, и проговорил:

— Да, теперь таких не делают.

«Что он задумал? — лихорадочно прикидывал Майлз, не осмеливаясь задать вопрос вслух. — Если он прикажет тому парню снимать штаны, я его остановлю, и пропади они пропадом, все эти коды».

Они приблизились к пленнику. Тот глядел на них с нескрываемым презрением.

— Я призываю вас, сэр, прекратить сопротивляться и помочь нам, — вновь начал Майлз.

— Не пройдет, коротышка, — осклабился пилот. — Я не из тех, кто дрожит, когда его щекочут ножиком.

«А меня вот бьет дрожь», — подумал Майлз. И, вздохнув, отступил со словами:

— Он ваш, сержант.

— Тогда держите его, чтобы не дергался, — процедил Ботари.

Майлз схватил пленника за правую руку, Мэйхью — после секундного замешательства — за левую.

Как только наемник встретил взгляд Ботари, выражение насмешливого вызова сбежало его лица. Майлзу еще не приходилось видеть у сержанта этой жуткой, кривой усмешки. Пленный проглотил комок в горле.

Ботари медленно поднес кинжал к серебристой пластинке на правом виске пилота и поддел ее край лезвием. Глаза наемника раскрылись так широко, что казалось, вот-вот вылезут из орбит.

— Вы не посмеете... — прошептал он.

Из-под кружочка выступили капли крови. Наемник жадно схватил воздух ртом и крикнул:

— Не надо!

Но Ботари уже ухватил пластинку двумя пальцами и рванул на себя. Страшный крик вырвался из горла наемника, и он рухнул на колени, стряхнув с себя Майлза. Гримаса нестерпимой боли застыла на его лице. Ботари поднес удаленный имплантат к невидящим гла-

зам несчастного. С серебристого кружочка, словно лапки мертвого паука, свисали проводки не толще человеческого волоса. Сверкающее чудо микрохирургии и сверхточной биоэлектроники в одно мгновение превратилось в мусор.

При виде столь невероятного акта вандализма Мэйхью тихо застонал, посерев, как свежесваренная овсянка. Он поспешно отвернулся, неверными шагами двинулся в угол каюты, и через мгновение его вывернуло наизнанку.

Зачем я оставил его, а не Даума, укорял себя Майлз. Зачем...

Ботари опустился на корточки — так, чтобы его глаза оказались на одном уровне с глазами жертвы, — и вновь начал поднимать кинжал. Наемник отшатнулся, вжался спиной в стену и медленно сполз на пол.

Ботари прицелился острием ножа в самый центр пластины на лбу пилота и произнес хриплым шепотом:

— Ну, начинай... Я-то знаю — дело не в боли.

Охваченного ужасом пленника словно околдовали — он принялся взахлеб сыпать сверхценной информацией. По тому, каким потоком хлынули из него цифры и факты, можно было с уверенностью заключить, что это не фальшивка.

Майлз отчаянным усилием воли унял дрожь и заставил себя слушать, чтобы не упустить чего-нибудь важного. Невыносимо думать, что жертва могла быть напрасной.

Когда пленник начал повторяться, Ботари рывком поднял его, съежившегося от страха, и потащил к шлюзовому отсеку катера. Команда Майлза проводила его взглядами, не в силах оторваться от зияющей раны на виске, из которой, пульсируя, вытекала струйка крови.

Ботари грубо толкнул пилота в кресло, пристегнул ремнями, и тот, уронив голову на грудь, затрясся от рыданий. Остальные заняли места подальше от злосчастного наемника. Мэйхью сел перед приборной доской и стал разминать отчего-то вдруг затекшие пальцы. Майлз устроился рядом с пилотом.

— Сможете управлять аппаратом? — спросил он.

— Да, милорд.

Майлз посмотрел в искаженное ужасом лицо.

— Даже в таком состоянии?

— Д-да, милорд.

Двигатели катера ожили, и он плавно отчалил от РГ-132.

— Вы догадывались, что он собирается делать с пленным? — тихо осведомился Майлз, кивнув в сторону Ботари.

— Не совсем, — признался Мэйхью и пробормотал, отвернувшись: — Садист проклятый.

— Послушайте, Ард. Вам надо бы знать — за все, что Ботари делает по моему приказу, несу ответственность я.

— Черта с два. Я же видел его лицо. Он получал от всего этого удовольствие. Наслаждался. Вы — нет.

Как же заставить его понять, подумал Майлз и повторил, но несколько сместив акцент:

— Я отвечаю за все, что делает Ботари.

— Но он ведь психопат! — приглушенно воскликнул Мэйхью.

— Ботари умеет держать себя в руках, — возразил Майлз. — Я хотел, чтобы вы поняли: если у вас с ним возникнут проблемы, обращайтесь ко мне.

— Да уж, вы с ним парочка что надо, — и Мэйхью шепотом чертыхнулся.

Впереди возникли очертания космолета наемников. Скоро он заполнил весь лобовой экран. Это был легкий, скоростной корабль, оснащенный мощным вооружением. Изящные обводы говорили об иллирианской сборке, да и название было подходящим — «Ариэль». Такая калоша, как РГ-132, не имела против него никаких шансов. Смертоносная красота корабля пробудила в Майлзе острую зависть, сменившуюся радостным предвкушением — если им удастся исполнить задуманное, великолепный космолет станет его собственностью. Эх, если б способ приобретения был иным...

Они беспрепятственно подошли к стыковочному узлу, и Майлз с Джезеком в считанные секунды прове-

ли стыковку. Ботари понадежнее привязал пленника к креслу и молча навис над Майлзом. Тот решил не тратить драгоценное время на споры об очередности.

— Хорошо, — кивнул он. — Первым пойдете вы. Но я следом!

— Я смогу действовать гораздо эффективнее, если мое внимание не будет разделено между двумя объектами, — изрек сержант.

— Пусть так, — с досадой согласился Майлз. — Вы, потом... потом Баз, — он выразительно посмотрел на инженера. — Следом Даум, дальше я, Элен и Мэйхью.

Ботари одобрил предложенный порядок молчаливым кивком. Люк шлюзового отсека отошел в сторону, и сержант скользнул внутрь корабля. Джезек глубоко вдохнул и нырнул следом. Майлз чуть задержался и шепнул девушке:

— Все время подгоняй База. Не давай ему остановиться ни на миг.

— Дьявольщина! Вы кто та... — раздался впереди чей-то изумленный возглас, и тут же послышалось тихое жужжание парализатора.

Вбежавший в коридор Майлз увидел Ботари, у ног которого скрючилось что-то серое и бесформенное.

— Один? — удивленно спросил Майлз.

— Пока да, — подтвердил сержант. — Похоже, нам удалось их одурачить — никто ничего не подозревает.

— Отлично! Разделяемся на группы — и вперед!

Ботари и Даум направились по левому коридору, Джезек с Элен — по правому. Прежде чем повернуть за угол, Элен оглянулась на своих, но Баз как завороженный шел дальше. Молодцом, подумал Майлз, и, кивнув Мэйхью, устремился по коридору, ведущему прямо. Через пару секунд они остановились перед закрытой дверью. Мэйхью решительно шагнул вперед.

— Я первым, милорд, — заявил он с металлом в голосе.

«Кажется, героизм становится заразным», — подумал Майлз и пожал плечами:

— Действуйте.

Мэйхью, сглотнув тягучую слюну, поднял плазменное ружье.

— Одну минутку, Ард. — Майлз приложил ладонь к автоматическому замку; дверь плавно отъехала в сторону. Он виновато улыбнулся и шепнул:

— Если дверь не закрыта, ее случайно можно приварить.

— Совсем забыл, — пробормотал Мэйхью, низко пригнулся и, издав леденящий душу воинственный клич, ринулся в образовавшийся проход. Некоторое время он яростно окуривал помещение из парализатора, но потом так же внезапно остановился, растерянно оглядываясь. Это был склад — совершенно пустой. Противником здесь не пахло.

Майлз заглянул внутрь и тут же посторонился, давая напарнику возможность выйти.

— Отлично, — похвалил он сконфуженного Мэйхью, когда они двинулись дальше по коридору. — Только давайте, атакуя следующую каюту, поднимать чуть меньше шума. Наверняка легче попасть в противника, если он сидит на месте, а не скачет вокруг, прячась куда ни попадя.

— Все это так, но ни в одном фильме я не видел, чтобы атаковали исподтишка, — возразил Мэйхью.

Майлз, который и сам поначалу намеревался взять противника на испуг, примиряюще заметил:

— Я тоже считаю, что подбираться украдкой и стрелять в спину не очень-то достойно. Зато, согласитесь, куда эффективнее.

Они поднялись палубой выше и очутились перед очередной дверью. Как и предыдущая, она оказалась незапертой.

В полутемной спальне стояло четыре койки, и лишь одна из них была пустой. Майлз и Мэйхью пробрались внутрь и заняли позиции, из которых можно было стрелять наверняка. Майлз сделал знак, и они одновременно нажали на спуск. Еще одним выстрелом Майлз достал третьего наемника, пытавшегося дотянуться до кобуры, висевшей на стене рядом с койкой.

— Ха! Так ведь это женщины, — воскликнул Мэйхью. — А капитан и впрямь бабник. Был.

— По-моему, они не пленницы, — Майлз, чтобы удостовериться, включил свет. — Посмотрите на форму — вся команда в такой же.

«А что, если Элен ничего не угрожало, и капитан просто хотел нас припугнуть? — мрачно подумал Майлз. — Впрочем, это уже не имеет значения — отступать некуда».

В этот момент из-за угла послышался чей-то низкий голос, бурчавший: «Черт подери, предупреждали же этого сукина сына...» Еще через секунду они нос к носу столкнулись с молодым офицером, застегивавшим на ходу ремень с кобурой. Реакция наемника была молниеносной: Мэйхью получил ногой в живот, а Майлз отлетел к стене и прилип к ней, тщетно пытаясь дотянуться до собственного оружия.

— Выруби его, Ард! — сдавленно прокричал он: локоть наемника зажал ему рот.

Мэйхью, словно ящерица, ползком бросился к оброненному парализатору, откатился в сторону и выстрелил. Наемник свалился на пол, но и Майлз получил изрядную дозу излучения. Покачнувшись, он опустился рядом.

— Нет, определенно лучше иметь дело со спящими, — прохрипел Майлз. — Знать бы, много ли у них еще таких, как этот... то есть эта...

— Это, — уточнил Мэйхью, переворачивая гермафродита на спину, чтобы как следует рассмотреть лицо, которое могло принадлежать как симпатичному юноше, так и суровой, но миловидной амазонке. Густые каштановые локоны падали на лоб. — Судя по выговору, бетанец.

— Да, наверное, — просипел Майлз, силясь вновь обрести вертикальное положение. — Я думаю... — он попытался опереться на стену, но в голове застучало, перед глазами поплыли круги самых немыслимых оттенков, и Майлз вновь едва не очутился на полу. Попасть под заряд парализатора оказалось делом не столь безболезненным, как выглядело со стороны. — Я ду-

маю, нам здесь лучше не задерживаться, — он с благодарностью оперся на руку Мэйхью и кое-как поднялся на ноги.

Было проверено еще около дюжины кают, но в них никого не оказалось. В конце концов они добрались до кают-компании, где нашли Даума и Ботари, отдыхающих по соседству с тремя парализованными наемниками, сложенными в аккуратную шеренгу.

— У инженера все в порядке, — отрапортовал Ботари, как только Майлз переступил порог. — У них на счету четверо. Итого — семь.

— И у нас четверо, — сказал Майлз все еще заплетающимся языком. — Вы можете войти в их компьютерную сеть и вызвать список членов экипажа? Нужно узнать, сколько их еще осталось.

— Уже сделано, милорд. Судя по всему, неучтенных нами на корабле нет.

— Хорошо. — Майлз кое-как добрался до кресла и сел, трогая кончиком языка распухшие губы.

— Что с вами, милорд? — встревожился сержант.

— Ничего особенного. Хватил чуток парализатора. — Майлз заставил себя сосредоточиться. — Я предлагаю спрятать этих ребят под замок, пока они не очнулись.

Лицо Ботари превратилось в маску:

— Они в три раза превосходят нас числом и к тому же прекрасно тренированы. Боюсь, вы не понимаете, как опасно держать у себя под боком таких пленников.

Майлз вскинул голову и, сурово глядя Ботари в глаза, проговорил, отчеканивая каждое слово:

— Хорошо, я подумаю.

— А что тут думать? — хмыкнул Мэйхью. — Вытолкнуть их через шлюзовую камеру в открытый космос...

Шутка была встречена таким тяжелым молчанием, что наигранно-веселая физиономия Арда разом потускнела.

Майлз рывком поднялся на ноги.

— Раз уж нам удалось временно отключить всю команду, надо немедленно направлять оба корабля к точке сбора. Оссеровцы вот-вот хватятся исчезнувшего

крейсера. Может быть, люди майора Даума примут наемников с борта?

Даум в ответ неопределенно пожал плечами.

Майлз вздохнул и, с трудом переступая потерявшими чувствительность ступнями, отправился в инженерный отсек.

Первым, что он там увидел, было пустое крепление для аптечки первой помощи. Что-то оборвалось внутри. Элен?! Если она ранена, Ботари обязан был ему доложить!.. Ах, вот же она. Слава Богу, аптечка понадобилась не для нее.

В глубоком кресле сидел Джезек, а Элен обрабатывала заживляющим составом обширный ожог на его руке. Инженер благодарно улыбался ей, но, завидев Майлза, прямо-таки воссиял и вскочил к неудовольствию Элен, пытавшейся закрепить лечебную прокладку бинтом. Баз лихо приветствовал своего командира барраярским салютом:

— Инженерная часть готова к работе, — доложил он и вдруг издал дурацкий смешок. Сдерживает истерику, понял Майлз. Элен, сердито усадила инженера обратно в кресло, но он продолжал сдавленно хихикать.

— Ну, как ваше боевое крещение? — спросил Майлз.

— Нам жутко повезло, — оживленно начала Элен. — По пути ни на кого не нарвались, в отсеке даже дверь была открыта. Двоих парализовали с ходу, а у третьего оказалось плазменное ружье, и он успел засесть вон за тем трубопроводом. А женщина, — Элен указала на тело в сером комбинезоне, — прыгнула на меня и, сама того не желая, спасла мне жизнь: пока мы катались по полу, пытаясь подобрать мой парализатор, тот, что с ружьем, не мог выстрелить: боялся в свою попасть... — Тут она обернулась к Джезеку и одарила его улыбкой, полной восхищения и признательности. — Баз нокаутировал его, а потом отключил женщину. С парализатором против плазменного ружья — не каждому по силам, а? Наемник успел пальнуть только один раз — чуть-чуть

задел Базу руку. Нет, у меня бы точно пороху не хватило. А у тебя?

Слушая этот поток восклицаний, Майлз расхаживал по комнате и пытался представить, как в действительности обстояло дело. Он потрогал носком ботинка скрюченного наемника с плазменным ружьем и подумал: «А каков ваш улов, сэр? Две сонные женщины и один вдрызг пьяный мужчина. Негусто...» Майлз почувствовал, что его начинает грызть мерзкий червячок ревности. Он деловито откашлялся и, подняв глаза к потолку, произнес:

— Я бы сделал иначе. Срезал бы плазменной струей вон тот светильник, и он свалился бы наемнику на голову. А если бы парню удалось выбраться из-под него, успокоил бы его парализатором.

— О-о! — только и воскликнула Элен.

Улыбка Джезека померкла.

— А я об этом как-то не подумал...

«Нет, все-таки я осел!» — спохватился Майлз. Только самый бездарный командир станет лишать своих солдат заслуженной похвалы. Он поспешил исправить оплошность:

— И что это я расхвастался? Легко находить оптимальные варианты задним числом. Позвольте вам заметить, что вы действовали безукоризненно, мистер Джезек!

Лицо База преобразилось. От недавнего истеричного веселья не осталось и следа.

— Благодарю, милорд, — четко произнес он, склонив голову.

Элен отправилась удостовериться, все ли наемники без сознания. Дождавшись, пока она отойдет, Джезек выпалил:

— Не понимаю, как... как вы могли знать заранее, что я справлюсь, если я сам не был в этом уверен. Мне казалось, я не вынесу даже звука выстрела.

— Я был уверен в вас с самого начала, — серьезно ответил Майлз. — С того момента, как впервые увидел вас. Если это у человека в крови, ошибиться невозмож-

но. Быть фором, знаете ли, — нечто большее, чем носить забавную приставку перед именем.

— Я всегда ненавидел и боялся войны, — признался Джезек. — Но теперь со страхом кончено...

Майлз покачал головой.

— Как бы там ни было, я не ошибся в вас. И ужасно рад. А теперь о деле. Нужно собрать всех этих ребят и запереть в помещении их же собственной гаупвахты, пока мы не решим, как от них отделаться. И еще. Сумеете ли вы, учитывая ваше ранение, подготовить корабль к немедленному отлету?

Джезек неуверенно осмотрелся.

— У них суперсовременное оборудование... — Тут его взгляд упал на щуплую фигурку с гордо поднятой головой. Голос инженера вновь обрел твердость:

— Так точно, милорд.

Майлз, сдержанно, по-командирски кивнул, копируя отцовский жест. Хотя он чувствовал себя последним лицемером, желаемый эффект был достигнут — Джезек окончательно пришел в себя.

Прежде чем покинуть отсек, Майлз подошел к Элен и повторил свои указания, касающиеся пленных. Когда он закончил, девушка чуть насмешливо осведомилась:

— Ну, а каким было твое боевое крещение?

Он не удержался от улыбки:

— Поучительным. Весьма. Вот к примеру — атакуя наемников, вы с Базом выкрикивали какой-нибудь боевой клич?

— Разумеется. А что?

— Да так. Теорию одну разрабатываю. — Майлз отвесил Элен шутливый поклон и удалился.

В шлюзовом отсеке катера царили тишина и покой. Только мягким, едва различимым фоном мягко шумели системы жизнеобеспечения. Пригибаясь, Майлз пробрался через полутемный переходной туннель. Оказавшись вне действия искусственной гравитации корабля, он легко оттолкнулся от пола и поплыл вперед.

Пилот наемников лежал в той же позе, только голова и руки, не притянутые к креслу ремнями, как-то странно полоскались в воздухе. Майлз содрогнулся при мысли, что ему придется кому-нибудь объяснять, при каких обстоятельствах наемник получил эту ужасную рану.

Всю дорогу сюда он пытался представить, каким образом будет конвоировать пленника до гауптвахты. Но стоило ему увидеть лицо пилота, как он понял, что думать надо совсем о другом. Челюсть несчастного безвольно отвисла, глаза закатились, на щеках выступили бурые пятна. Майлз коснулся его лба — и тут же отдернул ладонь: у пленника был страшный жар. Стянутые ремнями руки, напротив, были холодны и безжизненны, словно восковые. Пульс на запястье едва прощупывался.

Майлз бросился развязывать тугие узлы, потом выхватил кинжал и одним отчаянным взмахом разрубил крепкие путы. Он попытался привести раненого в чувство, похлопав ладонью по щеке, — тщетно. Внезапно тело пилота напряглось и, содрогаясь в конвульсиях, всплыло под потолок. Майлз был не в силах даже выругаться — у него вырвался сдавленный стон. Раненому нужен лазарет и хороший врач. Впрочем, у Ботари тоже богатый опыт оказания срочной помощи на поле боя.

Майлз кое-как протолкнул своего подопечного через переходной туннель, но когда невесомость сменилась искусственной гравитацией, он понял, что дальше придется куда труднее — наемник оказался тяжеловат. Рискуя переломать собственные кости, Майлз подсел под него, чтобы взять на плечо, но через несколько шагов оставил эту затею и перехватил пилота под мышки. Злосчастный пленник опять забился в конвульсиях. Оставив его на полу, Майлз бросился в лазарет за антигравитационными носилками, сквозь слезы бессилия и отчаяния проклиная весь мир.

На то, чтобы добраться до лазарета, разыскать Ботари и отправить его за врачом, ушло слишком много времени. Когда Майлз вернулся в шлюзовую камеру с носилками, раненый уже не дышал. Его лицо обрело ту же восковую бледность, что и руки, а губы посинели.

Запекшийся кровавый ручеек на щеке стал похож на черточку, оставленную красным мелом.

Майлз никогда не думал, что он такой неловкий — пальцы не слушались его. И все же спустя несколько минут он сумел погрузить тело — ему никак не хватало духу признаться себе, что это только тело — на носилки и доставить в палату. Когда появился Ботари, Майлз уже положил наемника на перевязочный стол.

— Что с ним, сержант? — тревожно спросил он.

Ботари подошел поближе.

— Мертв, — жестко бросил он и отвернулся.

— Нет! — крикнул Майлз. — Он только что дышал. Его можно оживить. Есть стимуляторы, можно применить массаж сердца, криостаз... Вы нашли врача?

— Да. Но ей тоже досталось, и мне не под силу вывести ее из комы.

Майлз метнулся к шкафу с лекарствами. Но здесь царил невероятный беспорядок — даже наклейки на тюбиках и пузырьках не соответствовали их содержимому.

— Все это без толку, милорд, — бесстрастно обронил Ботари. — Здесь мог бы помочь только хирург. Кровоизлияние в мозг.

Майлз застыл, словно пригвожденный к месту. Он наконец понял, что случилось с пилотом. Тонкие, но прочные проволочки, вживленные в мозг, оборвались, повредив оболочку жизненно важных артерий — и началось кровотечение. С каждым ударом сердца раненый терял драгоценные граммы крови, и она, свертываясь, закупоривала сосуды...

Майлз вбежал в соседнюю палату. Здесь должна быть криогенная камера. Если не начать консервацию тела немедленно, гибельные процессы в мозговых тканях будут необратимы. Но как подготовить приборы и самого раненого к криогенному замораживанию, Майлз и понятия не имел. Это все — потом. Главное — камера.

А вот и она. Небольшое продолговатое устройство из блестящего металла, напоминающее глубоководный батискаф, смонтированное на антигравитационной платформе. Майлз чуть не заплакал. Блок питания вы-

нут, индикатор наполнения газовых баллонов на нуле, а контрольный компьютер разворочен, словно диковинное животное, грубо препарированное на анатомическом столе...

Ботари стоял рядом по стойке «вольно», ожидая распоряжений. Чувствуя, что вряд ли дождется их, он решил напомнить о себе:

— Я могу быть полезен, милорд? Если нет, мне бы хотелось лично обыскать пленных, — и сержант бросил взгляд на труп.

— Х-хорошо... Нет, погодите, — обходя стол на почтительном расстоянии, Майлз вновь наткнулся взглядом на зияющую рану в виске пилота. — Что вы сделали с имплантатом?

Ботари посмотрел на него с некоторым удивлением, затем, пошарив в кармане, сообщил:

— Он у меня, милорд.

Сержант достал раздавленного серебристого паучка и положил Майлзу на ладонь. Он весил не более пуговицы, этот блестящий кружочек, под оболочкой которого скрывались сотни сложнейших микросхем.

Поймав затравленный взгляд юноши, Ботари нахмурился.

— Одна жертва для подобной операции, милорд, — совсем неплохо, — заметил он. — Ценой единственной жизни спасены многие, и не только с нашей стороны.

— Да, да, — с горечью бросил Майлз. — Надо это запомнить. Так и скажу отцу, когда он спросит, почему наш пленник умер под пыткой.

На сей раз Ботари не нашелся, что ответить, но то была лишь секундная заминка. Очень скоро к сержанту вернулась обычная уверенность в собственной правоте, и он как ни в чем не бывало повторил свое предложение — обыскать пленных. Усталым кивком Майлз позволил ему удалиться.

— Я скоро подойду.

Оставшись один, он некоторое время метался из угла в угол, стараясь не смотреть на перевязочный стол. Потом принес таз с водой и аккуратно смыл с лица по-

койника следы крови. Теперь-то он понимал, почему свидетелей предпочитают уничтожать. Как хорошо было лишь читать об этом!

Достав кинжал, Майлз срезал с имплантата болтающиеся проволочки, бережно водворил его на прежнее место и долго — пока не явился за дальнейшими распоряжениями Даум — стоял так, словно загипнотизированный застывшими чертами человека, которого они только что лишили жизни. Собственными руками.

ГЛАВА 10

Капитан наемников замешкался у входа в лазарет, и Майлз поторопил его, ткнув между лопаток стволом нейробластера. Смертоносное оружие казалось неестественно легким, что было явно несправедливо: ему бы следовало весить хотя бы как двуручному мечу, чтобы пришлось попотеть, прежде чем отправишь человека на тот свет, подумал Майлз.

Он чувствовал бы себя спокойнее с парализатором, но Ботари настоял, чтобы Майлз, конвоируя пленных, был экипирован более внушительно.

— Зачем нам лишние дискуссии, — лаконично пояснил он.

Бедолага Осон, у которого были сломаны обе руки, а вместо носа на лице красовалось кровавое месиво, не выглядел склонным дискутировать. Зато удлиненные, зоркие глаза бетанского гермафродита, старшего помощника Осона лейтенанта Торна заставили Майлза согласиться с доводами сержанта.

Войдя в палату, он застал Ботари наблюдающим за тем, как вконец измотанный врач готовится принять очередного пациента. Майлз нарочно приберег Осона напоследок и теперь наслаждался садистской мыслью, что стоит лишь приказать, и руки капитана будут зафиксированы в самом немыслимом с анатомической точки зрения положении.

Но врач уже занялся Торном: зашил рассеченное веко и сделал укол от постпаралитической мигрени. Лекарство тут же подействовало — лейтенант облегченно вздохнул и посмотрел на Майлза с несколько менее враждебным любопытством.

— И все-таки, кто же вы? — Видно, этот вопрос никак не давал ему покоя.

Майлз скорчил гримасу, означающую вежливый уход от ответа. Но Торна это не удовлетворило.

— Что вы собираетесь с нами делать?

Вот это хороший вопрос, подумал Майлз. Когда они с Ботари вернулись на свой корабль и решили проверить четвертый трюм, обнаружилось, что один из шпангоутов размонтирован. Еще минута — и пленники вырвались бы на свободу. Майлз и не подумал возражать, когда сержант, одного за другим, вернул их в бессознательное состояние. Далее предстояло переправить их на «Ариэль». Но когда они добрались до помещения гауптвахты, выяснилось, что старший инженер наемников и его помощники уже занялись магнитными замками. Майлз не нашел ничего лучшего, как парализовать и этих.

Ботари был прав — сложилась ситуация, чреватая любыми неожиданностями. Невозможно было целую неделю методично подвергать всех пленников сеансам парализации. Малочисленная команда Майлза была рассредоточена на огромном пространстве, одновременно обслуживая оба корабля и неся охрану. Вахта продолжалась круглые сутки, и усталость могла обернуться какими угодно оплошностями. Так что последнее предложение Ботари, убийственное с точки зрения Майлза, было довольно логичным решением проблемы. Но тут взгляд молодого командира упал на лежащее в углу палаты бездыханное тело, накрытое простыней, и он с ужасом покачал головой. Что угодно, только не это. От проблем старых и новых кружилась голова, и все-таки главное — не впадать в панику.

— Не правда ли, с нашей стороны было бы великим одолжением адмиралу Оссеру прямо сейчас отпустить вас

восвояси? — ответил он Торну вопросом на вопрос. — Кстати, они там все вроде вас?

— Армия Оссера — союз свободных наемников, — парировал Торн. — Большинство капитанов являются одновременно и владельцами кораблей.

Майлз удивленно чертыхнулся:

— Значит, у вас вообще никакой субординации? Это что же, гоп-компания какая-то, а не воинское соединение?

Дождавшись, пока лошадиная доза обезболивающего позволит громиле Осону отвлечься от телесных мук, он осведомился у него:

— Кому присягала ваша команда — вам или адмиралу Оссеру?

— Присягала? Если вы имеете в виду личные контракты, то они хранятся в сейфе на моем корабле, — пробурчал Осон.

— На моем корабле, — неторопливо поправил Майлз.

Осон скрипнул зубами, но поднятый нейробластер, как и предсказывал Ботари, отбил у него всякую охоту перечить.

Врач зафиксировала руку капитана в специальном креплении, орудуя устрашающего вида инструментом. Судя по побледневшему лицу Осона, операция была мучительной, но Майлз постарался заглушить шевельнувшееся в нем сострадание.

— Что за пример вы подаете солдатам! Впервые встречаюсь с подобным прецедентом, — патетически изрек он, внимательно следя за тем, какой эффект произведут его слова. Ботари выразительно взглянул на него, но Майлз постарался этого не заметить. — Удивляюсь, как это вы до сих пор живы, если каждый встречный корабль для вас — враг. Впрочем, вы, наверное, выбираете себе противника по силам, — ехидно добавил он.

Осон покраснел как рак и пробормотал, отвернувшись:

— Вот уже целый год, как мы торчим в этом вонючем оцеплении. Истосковались по боевым действиям.

— «По боевым действиям!» — с отвращением передразнил его Торн. — Ну-ну.

«А вот теперь вы оба, кажется, у меня на крючке!» — с ликованием подумал Майлз. Сознание неожиданной возможности направить события в новое русло горячей волной прошло сквозь него, заставив испариться уже утратившую свежесть жажду мести. Пронзив Осона строгим взглядом, он с расстановкой произнес:

— Когда здесь в последний раз была общефлотская инспекция?

Осон с опозданием понял, что разговор с самого начала следовало вести языком имен, воинских званий и цифр, но Торн опередил его:

— Полтора года назад.

Тут Майлз смачно выругался и объявил:

— Могу вас обрадовать — вы дождались очередной инспекции.

Молодец, Ботари, мысленно похвалил он сержанта, который нашел в себе силы промолчать, хотя взглядом готов был испепелить Майлза за его рискованный маневр. Зато Осон буквально взорвался:

— Будет трепать языком-то! Я сразу раскусил, что вы контрабандисты. Кто ж еще позволит перетрясти корабль, даже не пикнув? — и он попытался вскочить.

Ботари выхватил нейробластер, но Осону было все равно. Срываясь на визг, он завопил:

— Ты же контрабандист, черт побери! Я это нутром чую! Что вы прятали в своей калоше?

Майлз, холодно усмехнувшись, прервал истерику:

— Военных советников — вот что.

И тут он почувствовал, что наемники у него на крючке. Теперь, подумал он, с ужасом и восторгом, придется играть роль до конца.

Майлз решил начать инспекцию прямо отсюда, с лазарета, где чувствовал себя наиболее уверенно. Под дулом нейробластера врач, не мешкая, принялась извлекать на свет божий медикаменты. Повинуясь безошибочному инстинкту, Майлз сосредоточился на всем, что можно

было использовать налево — и выявил целый ряд злоупотреблений, чем окончательно добил врача.

Так, оборудование. Ему не терпелось добраться до криогенной камеры, но, будучи прирожденным драматургом, он оставил ее на десерт. К тому же в лазарете и так хватало неисправностей. Несколько жестких замечаний из дедовского лексикона — разумеется, соответствующим образом отредактированных, — заставили врача побледнеть задолго до того, как Майлз взялся за камеру.

— Ну и как давно камера вышла из строя, госпожа судовой врач? — спросил он с угрозой в голосе.

— Полгода назад, — виновато пробормотала она. — Инженер-ремонтник каждый день обещал, что починит...

Майлз удивленно вскинул брови, потом нахмурился:

— А вам не пришло в голову доложить о халатности инженера вышестоящему офицеру?

— Но мне казалось, что время терпит. Мы ведь не пользовались камерой с тех пор, как...

— Позвольте, но неужели за все шесть месяцев капитан ни разу не проводил проверку оборудования?

— Никак нет, сэр.

Майлз наградил Осона и Торна жестким взглядом, потом взглянул на труп, лежащий в углу, и сердце его в который раз сжалось.

— У нас не было возможности спасти вашего пилота!

— Как он погиб? — вдруг резко спросил Торн.

— Он погиб как солдат, — напыщенно произнес Майлз (а мысленно добавил: «Ужасно и мучительно, как животное, принесенное в жертву»). — Я весьма сожалею. Он был достоин лучшей участи.

Врач смотрела на Торна остановившимися глазами.

— Успокойся, Кела, — мягко произнес лейтенант. — Криостаз бесполезен при прямом попадании в голову.

Майлз почувствовал величайшее облегчение, и не в последнюю очередь потому, что версия Торна избавляла его от необходимости перекладывать на врача чужую вину.

— Я пришлю сюда своего инженера, — быстро произнес он. — Нужно, чтобы до завтра все оборудование было в рабочем состоянии. Каюту нужно привести в надлежащий вид, потому что она больше похожа на мусоросборник, чем на помещение лазарета. Вы меня поняли, госпожа судовой врач?

До смерти перепуганная женщина вытянулась во фрунт:

— Так точно, сэр!

Было заметно, что на Осона с Торном сцена произвела глубокое впечатление. Они покинули палату в молчании, сопровождаемые грохотом и звоном, — врач уже принялась за уборку.

Майлз приказал офицерам двигаться дальше по коридору, а сам чуть приотстал — провести короткое совещание с Ботари.

— Зря вы оставили ее без охраны, — прошептал сержант неодобрительно.

— Она слишком занята, чтобы бежать. Если нам повезет, даже не успеет провести вскрытие бедняги пилота. Ботари, раз мы с вами общефлотская инспекция, подскажите-ка мне скорее, где копать.

— На этом корабле? Да где угодно!

— Если бы. Нет, у меня вряд ли получится так же талантливо сыграть роль технической комиссии. Придется подождать, пока Баз освободится.

— Тогда поройтесь в жилых каютах. Только зачем вам все это?

— Я хочу, чтоб эти двое поверили, будто мы — особое подразделение наемников.

— Ну, на это они не купятся. Не такие уж они дураки.

— Еще как купятся! Проглотят и облизнутся. Потому что мое вранье пощадит их гордость. До сих пор мы их только били. Как вы думаете, во что им приятнее верить — в то, что мы важные шишки, или в то, что они куча слабаков?

— Уж больно просто у вас получается.

— А вот заодно и посмотрим, что из этого выйдет.

Исполнив замысловатое па, Майлз быстро натянул маску неприступной строгости и направился следом за пленниками, с грохотом впечатывая подошвы в пол коридора.

Жилые каюты экипажа, как оказалось, действительно хранили немало приятных сюрпризов. За дело взялся Ботари. Его нюх на следы грешков и пагубных пристрастий солдат был безошибочным. Послужив в свое время младшим командиром, он и сам наверняка прошел через все это.

Когда Ботари обнаружил бутылку со спиртом, Осон и Торн только пожали плечами — по-видимому, любителю выпить здесь прощали его слабость, если только он не перебирал. А вот то, что двое из команды имеют обыкновение баловаться травкой кавы, явилось для них большой неожиданностью. Майлз тут же конфисковал пакеты с наркотиком, однако не притронулся к собранной одним из солдат коллекции эротической дребедени, лишь осведомившись у Осона, чем он все-таки командует — крейсером или яхтой для круизов. Капитан вспыхнул, но смолчал. Вот и хорошо, подумал Майлз, теперь ты до самого вечера будешь перебирать запоздалые аргументы.

Каюты офицеров Майлз осматривал с особым тщанием — не столько с целью обнаружить компромат, сколько чтобы получить ясное представление о характерах их обитателей.

У Торна, как это ни странно, придраться оказалось практически не к чему. Зато когда они вошли к Осону, тот явно приготовился к скандалу. Майлз, однако, осмотрев каюту, распорядился как следует прибрать в ней, сопроводив приказание лицемерно-снисходительной улыбкой. Из обнаруженного (а он не обнаружил ничего примечательного), можно было заключить, что самым серьезным пороком капитана была склонность к праздности, перешедшая в стадию лени.

Что действительно впечатляло, так это коллекция личного оружия, собранная за несколько часов инспекции. Майлз устроил целый спектакль, вдохновенно

занося каждую нестандартную единицу в особый список напротив фамилии ее владельца. Офицеры, поморщившись, проглотили и эту пилюлю.

Затем они отправились в судовой арсенал. Первым делом Майлз снял с пыльной полки плазменное ружье и, быстро прикрыв ладонью контрольный индикатор, вмонтированный в рукоятку, спросил:

— Оружие, разумеется, хранится незаряженным?

— Незаряженным, конечно, — пробормотал Осон, странно вытянув шею. Майлз поднял брови, навел плазменное ружье на капитана и положил палец на спуск. Осон сделался белым как полотно. В последнюю секунду, уже нажимая на кнопку, Майлз едва заметным движением сдвинул ствол влево. Сгусток смертоносной энергии просвистел возле самого уха наемника — тот едва успел шарахнуться от брызг расплавленного металла и пластика, в которые превратилась панель у него за спиной.

— Значит, говорите, незаряженным? — почти пропел Майлз. — Дальновидно, сэр, весьма дальновидно.

Осон передернулся всем телом. Когда офицеры вышли, Майлз услышал, как Торн раздраженно прошептал:

— Говорил я тебе!

В ответ Осон прорычал что-то невразумительное.

Прежде чем приступить к проверке инженерного оборудования, Майлз решил дать Базу кое-какие дополнительные инструкции:

— Запомните: с этой минуты вы — старший инженер, командор подразделения дендарийских наемников Бэзил Джезек. У вас жутко крутой нрав, а нерадивыми бортинженерами вы попросту закусываете. После того, как вы увидели, во что они превратили этот прекрасный корабль, вы разорвать всех готовы.

— По правде говоря, они поддерживали его в довольно приличном состоянии, — сконфуженно возразил Баз. — Во всяком случае, я вряд ли справился бы с такими сложными системами. И... как я могу проверять

работу техперсонала, если разбираюсь в этом оборудовании хуже их самих? Они мигом догадаются, что я самозванец.

— Ничего подобного. Главное — помнить, кто здесь задает вопросы, а кто на них отвечает. Напустите на себя важность, почаще хмурьтесь и для разнообразия многозначительно хмыкайте. Не давайте им перехватить инициативу... Вот, кстати, неужели за все время службы среди ваших командиров не попался сукин сын, которого все ненавидели, но который всегда оставался прав?

Баз, подумав, кивнул:

— Был такой. Лейтенант Тарский. Мы просто жаждали его отравить, но никак не могли придумать подходящего способа.

— Вот под него и работайте.

— Да не получится у меня! Я ведь никогда... У меня даже сигары нет.

Майлз ринулся куда-то сломя голову и через минуту вернулся с коробкой длинных сигар, изъятых из тумбочки одного из наемников.

— Но я не курю, — забеспокоился Баз.

— Суньте ее в зубы — этого вполне достаточно. Может, даже к лучшему, что вам не придется закуривать — кто знает, какая гадость там внутри.

— Эх, вот отличный способ отравить старикашку Тарского! Жаль, теперь уж поздно.

Майлз поспешил вернуть инженера к действительности.

— Итак, вы сволочь, каких свет не видывал, зануда и сукин сын, который за «не могу знать, сэр» три шкуры с человека спустит. В конце концов, если я сумел это изобразить, вы-то и подавно.

Это был сокрушительной силы аргумент. Баз выпрямился, расправил плечи, откусил кончик сигары и лихо выплюнул его. Потом вдруг задумчиво произнес:

— Один раз я поскользнулся на такой же вот паскудной штуковине и чуть не свернул себе шею. Значит, Тарский? Ну что ж, посмотрим.

Сунув сигару в рот под самым угрожающим углом, он размашистым шагом направился в главный инженерный отсек.

Майлз собрал команду «Ариэля» в зале совещаний. Сам он занял позицию в центре, а Ботари, Элен, Джезек и Даум, вооруженные до зубов, перекрыли выходы.

— Меня зовут Майлз Нейсмит. — Я представляю здесь Свободный флот наемников Дендарии.

— Никогда не слыхал о таком, — послышался чей-то недоверчивый голос.

Майлз ядовито усмехнулся:

— Еще бы. Если бы всякий мог узнать о нашем существовании, немало голов полетело бы с плеч в департаменте безопасности. Лишняя реклама нам ни к чему. Набор только по спецприглашениям. — Майлз не торопясь обвел глазами обступивших его наемников. — И скажу откровенно: если в вашем подразделении такой же бардак, как на этом корабле, лучше б нам с вами не встречаться.

Осон, Торн и старший инженер наемников были настолько обессилены всевозможными придирками ко всему и вся — от банка данных до последней пыльной кладовки, — что едва ли могли реагировать. Осон совсем спал с лица.

Майлз между тем расхаживал взад-вперед, задумчиво и мрачно взирая на собравшихся.

— Не в наших правилах набирать рекрутов, особенно из столь некачественного материала, как тот, что передо мной. Я, лично, хотел бы как можно скорее от вас избавиться: боевой корабль не терпит столь вопиющей расхлябанности, — слушателями явно завладели нервозность и неуверенность, — но моя ближайшая помощница (кстати говоря, настоящий солдат, стоит вас всех вместе взятых) попросила сохранить вам жизнь. — Майлз выразительно взглянул на Элен, вытянувшуюся по стойке «смирно», дабы каждый увидел, от кого исходил акт неслыханного милосердия.

На самом деле Майлз не сомневался, что, представься ей такая возможность, Элен в два счета вытряхнула бы всех в ближайший иллюминатор, уж Осона-то наверняка. Но Элен Ботари, старший помощник и инструктор команды по рукопашному бою, не могла позволить себе столь ужасного проступка.

— Итак, повторяю: я выслушал предложение мисс Ботари, командора-инструктора, и согласился на эксперимент. Суть его заключается в следующем: капитан Осон — бывший капитан Осон — передает мне ваши контракты.

При этих словах ряды наемников заволновались, поднялся ропот. Некоторые вскочили со своих мест, но, к счастью, на мгновение заколебались, кому первому вцепиться в горло — Майлзу или Осону. Прежде чем рябь над морем голов превратилась в сметающую все волну, Ботари, звучно кашлянув, прицелился парализатором в самую гущу наемников. В его водянистых глазах вспыхнул знакомый тусклый огонек, а губы растянулись в оскале.

Брожение в рядах наемников мгновенно прекратилось. Те, кто имел неосторожность вскочить, быстренько уселись, смиренно положив руки на колени.

Вот черт, с завистью подумал Майлз, мне бы так... Увы, секрет Ботари был прост — ненависть загоралась в нем от малейшей искорки, и то, что Майлзу казалось маской, было лицом.

Что касается Элен, в ее лице не было и тени отцовского хладнокровия. Но разгневанная женщина с нейробластером наперевес могла быть еще опасней — немало наемников испуганно обернулись, ожидая первого выстрела именно от нее. Один из них изобразил миролюбивую улыбку и поднял руку, пытаясь что-то сказать, но Элен так на него посмотрела, что наемник опустил глаза и тихонько, как школьник уселся на свое место. Майлз заговорил громче:

— Согласно уставу космофлота Дендарии, вы начинаете службу с низшего звания — рекрут-стажера. В этом нет ничего унизительного — каждый дендариец, в том

числе и я сам, начинали так же. Повышать в звании буду лично — если продемонстрируете соответствующий профессиональный уровень. Поскольку ситуация чрезвычайная и большинство из вас — достаточно опытные солдаты, продвижение по службе может происходить гораздо быстрее обычного. А именно: любой из вас, проявив себя надлежащим образом, имеет шанс по прошествии нескольких недель стать капитаном этого корабля.

Возмущенные голоса разом стихли. Это сказало Майлзу о многом: кажется, ему удалось отрезать офицеров от бывших подчиненных. Он с трудом сдержал усмешку, увидев, как заблестели глаза самых честолюбивых. Торн и Осон обреченно переглянулись: мальчишка оказался настоящим дьяволом.

— Стажировка начинается немедленно. Те, кто не включен в группы переподготовки, временно продолжают исполнять прежние обязанности. Вопросы? — Майлз затаил дыхание. Сейчас станет ясно, сработал ли его план...

— Позвольте узнать ваше звание? — осведомился один из наемников.

Майлз дипломатично уклонился от прямого ответа:

— Можете называть меня мистер Нейсмит (и выдумывать по этому поводу разные версии).

— Как нам знать, чьему приказу подчиняться в каждой конкретной ситуации?

Майлз сухо улыбнулся:

— Того, кто не исполнит мой приказ, пристрелю на месте.

Он вдруг заметил, что отбивает на кобуре нейробластера легкую дробь. Часть грозной энергии, исходившей от Ботари, должно быть, передалась и ему: критически настроенный наемник тут же растворился в общей массе.

Но через секунду подняла руку молодая наемница — серьезная, как школьница.

— Что вас интересует, стажер Куинн?

— Когда нам будут выданы копии Устава космофлота Дендарии?

У Майлза екнуло сердце. Как же ты мог не учесть такой элементарной вещи — командир знает устав наизусть, а ложась спать, кладет его под подушку! Он отчаянно улыбнулся и весело отчеканил:

— Завтра каждый член экипажа получит копию.

«Копию чего?!» — с ужасом подумал он.

Молчание было недолгим. Через несколько секунд вопросы посыпались, как горох из мешка:

— Какого типа страховка?

— Как насчет права на дополнительные заработки?

— А оплачиваемый отпуск?

— С какого возраста уход в отставку?

— Будут ли при начислении пенсии учитываться суммы предыдущих контрактов?

Еще немного — и Майлз сбежал бы самым постыдным образом. Он ожидал чего угодно — недоверия, неповиновения, попытки бунта, — только не лавины вопросов чисто практического свойства. Ему казалось, что все происходящее — дурной сон. Перед глазами возникло странное видение: Форталия Храбрый, требующий пожизненного страхового полиса у императора, наставив на него меч... Кое-как справившись с охватившей его растерянностью, Майлз объявил:

— Я всем раздам брошюры, — насколько он помнил, требуемая информация обычно содержалась в книжицах карманного формата. — Чуть позже. А что касается дополнительных привилегий... — Его взгляд отвердел. — Я сохранил вам жизнь. Остальное предстоит заработать.

Он снова обвел взглядом лица наемников. Полное замешательство — как раз то, к чему он стремился. Посеять неуверенность, разобщить и, главное, отвлечь. Пусть в этой суматохе они забудут о возможности вернуть себе свой корабль. Хотя бы на неделю. Неделя — больше ему не нужно. А там пусть Даум с ними разбирается.

И все же что-то в их лицах не давало ему покоя, хотя он не мог сказать точно, что именно... Ладно, подумал Майлз, сейчас основная задача — с достоинством покинуть сцену, а их всех отправить по рабочим местам. И

еще — хотя бы минуту-другую переговорить с Ботари наедине.

— Список с вашими назначениями — у командора Элен Ботари. Прежде чем разойтись, по очереди подойдите к ней. Встать! Смирно! — зычно скомандовал он. Наемники вразнобой поднялись, словно забыв, как выполняются строевые команды. — Разойдись!

«И побыстрее, — подумал он. — Пока кто-нибудь из вас не задал дурацкий вопрос, на который я уж точно не найду что ответить».

До Майлза долетел обрывок разговора.

— Видал головореза?

— Головореза? Не знаю. Может быть. Зато командир что надо.

И тут только Майлз понял, что так тревожило его в этих лицах. Это было то же неспокойное, голодное ожидание, какое он уже видел в глазах Мэйхью и Джезека. Что и говорить, не очень-то уютно, когда на тебя так смотрят. Он отозвал Ботари в сторону:

— Сержант, у вас сохранилась копия устава Имперской службы Барраяра?

Кажется, Ботари всюду таскал с собой устав — это была его Библия, и неизвестно, читал ли он еще что-нибудь в своей жизни.

— Так точно, милорд, — подтвердил тот, вопросительно подняв брови.

Майлз облегченно вздохнул.

— Он мне понадобится.

— Для чего?

— Для составления Устава космофлота Дендарии.

— Не понимаю...

— Я заложу Устав в компьютер, выброшу все, что касается нашей истории и культуры, и поменяю имена. Это не должно занять слишком много времени.

— Но, милорд, это очень старый устав, — Ботари был встревожен. — Оссеровские наемники, конечно, — тупицы и лентяи, но если они увидят все эти допотопные правила...

— ...то тут же попадают в обморок. Не беспокойтесь. Я модернизирую Устав.

— Генеральный штаб во главе с вашим отцом занимался этим пятнадцать лет назад. Даже им пришлось повозиться: они сидели над ним два года.

— Так всегда бывает, когда за дело берется большая компания.

Ботари покачал головой.

Неслышными, легкими шагами подошла Элен. Она заметно нервничала, но волнение только красило ее. «Будто породистая кобылка перед скачками, — подумал Майлз, любуясь ее румянцем».

— Я поделила их на группы, как и было указано в списке, — доложила она. — А что теперь мне с ними делать?

— Бери свою группу и отправляйся в спортзал. Сначала общефизическая подготовка, потом специальная. То, чему тебя учил отец.

— Но я никогда никого не тренировала.

Майлз глянул на нее снизу вверх и усмехнулся:

— Послушай, для начала заставь их продемонстрировать друг другу все их приемы. А сама прохаживайся по залу и делай вид, что ничего примитивнее в жизни не встречала. Нам с тобою нужно заставить их вкалывать так, чтобы с них семь потов сошло и они думать забыли о заговорах. Продержись с ними хотя бы неделю. И вообще — если я сумел, ты и подавно сможешь.

— Где-то я уже слышала эти слова, — с улыбкой пробормотала Элен.

— А вы, сержант, займитесь с вашей группой стандартной строевой подготовкой. Если барраярских приемов окажется недостаточно, загляните в компьютерную базу данных и позаимствуйте оттуда что-нибудь. Баз со своими подопечными спустится в инженерный отсек и устроит там генеральную уборку. А я, как только разберусь с Уставом, заставлю их выучить его от корки до корки. Пусть попотеют.

— Милорд, — сержант предостерегающе поднял палец, — их двадцать, а нас четверо. Еще неизвестно,

кто кого заездит. — Тут Ботари не выдержал: — Черт подери, плевать я хотел на ваши выдумки. Главное, за что я отвечаю, — это ваша шкура!

— Я тоже не забываю о собственной шкуре. И лучшее, что вы сейчас можете сделать для ее сохранности, — заставить всех поверить, будто я командир наемников.

— Вы не командир, а фокусник, директор балагана, — процедил Ботари и отвернулся.

Редактирование Устава имперской службы оказалось процессом куда более трудоемким, чем полагал Майлз. Даже для того чтобы выбросить главы, в которых речь шла о сугубо барраярских церемониях — например, параде в честь дня рождения императора, — Майлзу пришлось перевернуть горы материала. Он погрузился в работу, стараясь побыстрее схватить суть.

Ему еще не приходилось вчитываться в эту премудрость, и сейчас Майлз впервые задумался, для чего написана эта книга. Чем дольше он читал, тем яснее убеждался, что барраярские воины более всего ценили дисциплину и организацию. Масса людей и техники должна оказаться в нужном месте в нужный момент, чтобы в непредсказуемо сложной обстановке совершить именно те действия, которые ведут к победе. Четкая организация и железная дисциплина ценились выше героизма.

Майлз вспомнил любимое изречение деда: «Исход сражения зависит от интенданта, а не от главнокомандующего». В качестве иллюстрации дед приводил историю из собственного опыта, давно ставшую анекдотом: как бездельник-квартирмейстер выдал соединению молодого генерала совершенно неподходящую амуницию. «Я повесил его за большие пальцы рук, — вспоминал дед. — Он провисел целый день, а потом принц Ксав распорядился его снять». Майлз вздохнул и принялся вымарывать инструкции, касающиеся обслуживания и боевого применения корабельных плазменных орудий, снятых с вооружения поколение назад.

На исходе ночи глаза Майлза покраснели, как у кролика, а на ввалившихся щеках выступила синяя щетина. Зато ему удалось ужать свой плагиат до размера аккуратного учебного пособия, прочитав которое каждый дурак поймет, как вовремя двинуть живую силу и технику в нужном направлении и умно распорядиться ими в ходе боя.

Пора было плестись в душ и переодеваться, чтобы предстать перед «новой командой» орлом, а не замученным вконец мальчишкой-подростком. Однако прежде Майлз вручил Элен дискету, приказав распечатать и раздать всем до одного «Дендарийский устав».

— Видишь? Получилось, — с гордостью сказал он ей. — Неужели ты и теперь будешь сомневаться во мне? Перед тобою настоящий космический волк!

Весь корабельный день Майлз старался маячить перед глазами наемников. Он еще раз проинспектировал лазарет и принял его — однако дал понять, что в виде исключения. Затем посетил «занятия» в «классах» Элен и ее отца. Каждому казалось, что командир именно с него не спускает глаз, тогда как Майлз просто засыпал на ходу. Ему удалось урвать пару минут для приватного разговора с Мэйхью, который в одиночку обеспечивал работу РГ-132. Майлз принес ему последние новости с «Ариэля» и разрекламировал свой план содержания пленников на ближайшую неделю. Вернувшись на крейсер, Майлз тут же приготовил подопечным Элен и Ботари очередной сюрприз — письменную контрольную по Уставу флота Дендарии.

Похороны погибшего пилота состоялись в полдень по судовому времени. Это был дополнительный повод заставить солдат встряхнуться и привести обмундирования в порядок. Сам Майлз облачился в парадный комбинезон, оставшийся еще с похорон деда. Его мрачное великолепие удачно дополняло строгую простоту одежды наемников.

Торн, побледневший и молчаливый, наблюдал церемонию со странной благодарностью в глазах. Майлз

был не менее бледен; однако, когда тело наемника было благополучно кремировано и прах развеян в космосе, он едва не испустил вздох облегчения. Недолгим парадом командовал Осон — как ни велика была страсть Майлза к лицедейству, он не решился утолять ее в подобную минуту.

По окончании похорон он удалился в свою новую каюту, приказав Ботари принести документы, регулирующие жизнедеятельность оссеровского космофлота. Однако сосредоточиться никак не удавалось. Майлз попробовал прилечь, но он слишком изнервничался, чтобы заснуть. В голове роились бесчисленные усовершенствования, которые следовало внести в план дальнейших действий, и он все складывал и складывал кусочки мозаики, но ничего целостного из них не получалось. Наконец явилась Элен и прервала его мучения. Он поспешил поделиться с нею новыми идеями, посетившими его в последние часы, а потом спросил с откровенной тревогой:

— Как ты думаешь, они действительно попались на эту удочку? Никак не могу поверить, что можно всерьез воспринимать приказы, которые отдает мальчишка.

Она усмехнулась:

— Как раз об этом не стоит беспокоиться. Ведь Даум поверил всему, что ты ему наговорил. И, похоже, убедил остальных.

— Даум? А что я ему такого наговорил?

— Ну как же — насчет курса омоложения.

— Насчет чего?!

— Он уверен, что на Бете ты проходил очередной курс омоложения. Разве не ты сам вбил ему в голову эту чушь?

— Я? Ни черта подобного! Я действительно говорил, что был на лечении — иначе как объяснить все эти... ну, особенности моего тела. Но ведь никакого бетанского омоложения на самом деле не существует! Это все инопланетные сказки! Да, они исповедуют здоровый образ жизни, у них развитая система здравоохра-

нения, большие успехи в генетике, но ничего сверхъестественного в этом нет.

— Об этом знаешь ты и бетанцы. А Даум, например, не сомневается, что ты не просто старше, а значительно старше, чем выглядишь.

— Неудивительно — ведь он и сочинил всю эту историю... Зато Бел Торн наверняка усомнится в ее правдивости.

— Во всяком случае, Бел об этом ни словечком не обмолвился. И вообще, — Элен усмехнулась, — по-моему, он от тебя без ума.

Майлз ожесточенно потер виски, пропустив мимо ушей последнее замечание.

— Но уж Баз-то понимает, что все это чепуха! Надо предупредить его, чтобы держал язык за зубами. Зачем опровергать слухи, если они мне на руку? А впрочем... Как ты думаешь, он догадывается, кто я на самом деле?

— У База своя теория. Откровенно говоря, навязанная мною. Да и папочке спокойнее, когда никто не знает, что ты сын премьера. Ему везде мерещатся похитители.

— Ну-ну. И какую же легенду ты сочинила на этот раз?

— Для чего мне сочинять? Ты совершенно прав — люди охотнее всего верят в собственные выдумки. Я просто ничего не опровергала. Баз знает, что ты сын графа: ведь ты сам произвел его в оруженосцы. Кстати, у тебя не будет неприятностей?

Майлз отмахнулся:

— Когда выпутаемся из этой истории, тогда и будем беспокоиться. В конце концов, он ведь не знает, какой именно граф мой отец.

— Ну так вот. На База церемония посвящения в вассалы произвела огромное впечатление. И он решил, что твой отец лишил тебя наследства и выслал с Барраяра... — она запнулась, но все-таки договорила: — С глаз долой.

— Ага, — кивнул Майлз. — Логично, логично...

И вдруг он замолк и уставился в абсолютно голую стену перед собой.

— Не обижайся на него...

— И не думаю, — поспешно заверил Майлз.

— Это еще не все. У тебя, оказывается, есть младший брат, который узурпировал законно принадлежащее тебе право наследования.

Майлз не мог удержаться от смеха:

— А Джезек у нас романтик.

— Вряд ли, — без улыбки возразила Элен. — Он ведь и сам в ссылке. Отец невзлюбил его, хотя Баз не говорит, за что. — Она вопросительно посмотрела на Майлза.

— Я тоже не знаю, за что. Это... это не мое дело, — ответил он на невысказанный вопрос Элен.

— Но ведь Джезек теперь твой вассал.

— Что ж, дойдет очередь и до его истории. Но в любом случае он должен рассказать ее тебе сам.

— Я знала, что ты так скажешь, — улыбнулась Элен, почему-то очень довольная.

Майлз решил, что самое время переменить тему.

— Как прошло твое последнее занятие по рукопашному бою? Уверен, твои ученики выползали из зала на четвереньках.

— Угадал, — рассмеялась Элен. — Мне показалось, что кое-кто из техперсонала сроду не дрался. Но некоторые, наоборот, чертовски хороши. Этим я поручила заниматься с отстающими.

— Как раз то, что нужно! — обрадовался Майлз. — Пускай себе волтузят друг друга, а ты береги силы. Молодец!

Элен даже зарделась от удовольствия.

— В жизни такого со мной не было. Столько событий! — призналась она. — И новые люди, и ситуации, в которых я даже не предполагала оказаться...

— М-да... — Майлз виновато опустил глаза. — Все из-за меня. Если бы не я, тебе не пришлось бы пережить такое. Может быть, я требую слишком многого, но иначе нам не выкарабкаться. Клянусь, я вытащу тебя отсюда. Ничего не бойся!

— А я и не боюсь, — возмутилась девушка. — Ну, разве самую малость. Зато я никогда так остро не чув-

ствовала, что живу. С тобой мне кажется, что в мире нет ничего невозможного.

На этот раз нескрываемое восхищение в ее глазах не обрадовало Майлза. Снова от него ждут чудес...

— Элен, — серьезно произнес он. — Я хочу, чтобы ты помнила: все висит на волоске. И если твои ребятишки вдруг вспомнят, сколько на корабле их и сколько нас, дело добром не кончится...

Он осекся. Это было совсем не то, что следовало говорить. Майлз потер виски и снова заходил по комнате.

— Какой волосок? О чем ты? — запротестовала Элен. — Ты так здорово все придумал, я только диву даюсь.

— Ну конечно! Разве я против? — проговорил Майлз, но улыбка у него была такой вымученной, что Элен, зорко взглянув в покрасневшие от бессонницы глаза, требовательно спросила:

— Когда ты спал в последний раз?

— Не помню. На каждом корабле свое время — я совсем запутался. Надо бы перевести часы на единое. Будем жить по оссеровскому времени — на РГ-132 меньше часов и разобраться с ними проще. Тем более, что мы по нему и жили до скачка.

— Ты обедал?

— М-мм...

— А ленч у тебя был?

— Ленч? Разве время ленча уже прошло? Хотя — да, вспомнил: я готовился к похоронам. Некогда было.

— Ну хоть завтракал?

— Подцепил что-то ночью из походного пайка, когда сидел над уставом. Я ведь коротышка, мне нужно немного, не то что вам, великанам.

Лицо Элен внезапно помрачнело. Чувствовалось, что она никак не может собраться с духом и задать мучающий ее вопрос. И все-таки она решилась:

— Майлз... Как погиб тот пилот? Когда мы садились в катер, он... не то чтобы выглядел нормальным, но был жив и здоров. Он набросился на тебя? Хотел убить, да?

У Майлза внутри все перевернулось.

— Ты что, думаешь, что я его...

«А ведь я действительно его убил, — подумал он. — Все равно как если бы приставил нейробластер к виску и нажал на спуск». У него не было никакого желания посвящать Элен в детали, но ужасные, невыносимые воспоминания обожгли его сердце болью, словно все произошло только что. Нечего вилять — он совершил преступление. Преступление, которое навсегда останется на их совести — его и Ботари. Это и значит составлять неразрывное целое с другим человеком...

— Майлз, что с тобой? — откуда-то издалека донесся испуганный голос Элен.

Майлз осознал, что стоит с закрытыми глазами. Еще минута — и он забьется в рыданиях.

— Майлз, хватит! Сядь, пожалуйста.

— Нельзя. Если я остановлюсь, тогда... — и он, почти падая, заковылял по кругу.

Несколько мгновений Элен смотрела на него с ужасом, потом стремительно бросилась вон из каюты.

«О, Господи. Что же это! Запугал, потом обидел, потом отнял с таким трудом обретенную уверенность», — яростно ругал себя Майлз, чувствуя, как засасывает его болото липкого страха. Ничего не видя вокруг, он упрямо двигался из угла в угол, из угла в угол...

За дверью послышался взволнованный голос Элен:

— ...и на стены натыкается. Никогда не видела его в таком состоянии.

Майлз поднял глаза. Перед ним была устрашающая физиономия его персонального телохранителя. Сержант поджал губы и вздохнул:

— Ладно. Сейчас я им займусь.

Элен, не сомневавшаяся в отцовских талантах, предпочла удалиться. А Ботари, не церемонясь, подхватил Майлза — одной рукой за пояс, другой за шиворот, — оттащил к койке и силой усадил на нее.

— Пейте, — скомандовал он.

— Да ну, сержант, вы же знаете, я терпеть не могу этого дерьмового шотландского виски. Вкус как у политуры.

— Тогда я открою вам рот и волью сколько нужно, — спокойно предупредил Ботари.

Пришлось подчиниться. Давясь и кашляя, Майлз отхлебнул из фляжки, которую, кстати, конфисковали у одного из наемников. Затем Ботари раздел его — легко и быстро, будто куклу, — и положил на кушетку.

— Пейте еще.

Еще одна порция дьявольской жидкости, обжигая, прошла в горло.

— А теперь — спать.

— Как спать?! Столько дел! Я должен... Нельзя давать им расслабляться... Интересно, как получилась брошюра? Кстати, наверное, взнос на случай смерти и есть простейшая форма страховки. А насчет Торна, ерунда это все... Не дай Бог, отец узнает... Сержант, вы ведь не... Я тут подумываю насчет учебной стыковки... — Бормотание становилось все тише и бессвязнее и вскоре Майлз забылся тяжелым сном без сновидений на целых шестнадцать часов.

ГЛАВА 11

Неделю спустя Майлз продолжал командовать кораблем.

По мере того как путешествие близилось к концу, он стал все чаще наведываться в приборный отсек «Ариэля». Там на большом экране уже было видно место их назначения — завод-плавильня редких металлов, расположенный в поясе астероидов. Это было гигантское сооружение — хаотичная комбинация каких-то громадных структур, соединенных мощными балками и ощетинившихся многочисленными солнечными батареями; архитектура, достойная крупной межпланетной свалки. Габаритные огни, мигая, выхватывали из тьмы отдельные детали завода, но большая его часть оставалась погруженной в полумрак.

«Что-то маловато света, — подумал Майлз. — Впечатление такое, будто завод не функционирует. Что это — перерыв на ночь, выходной? Сомнительно — слишком много денег вложено в эту штуковину, чтобы давать ей простаивать». Каждому известно, что военные плавильни работают круглые сутки, едва успевая удовлетворять потребности армии в металле. Вокруг таких заводов ни на секунду не прекращается суета — у причалов толпятся тяжелые рудовозы, сопровождаемые эскортом кораблей-охранников грузовики отваливают один за другим и, набирая скорость, уносятся в пространство...

— Они по-прежнему не отвечают на опознавательный код? — спросил Майлз Даума, с трудом сдерживаясь, чтобы не грызть ногти.

Даум кивнул. Очевидно и его беспокоило странное затишье вокруг плавильного завода.

— Разве стратегически важный объект не должен охраняться? — продолжал Майлз свои расспросы. — Неужели непонятно, что пеллиане и Оссер спят и видят, как бы вывести его из строя? Где корабли оцепления?

— Не знаю, — ответил Даум, не сводя глаз с экрана.

— Прямая видеосвязь установлена, — доложил наконец связист.

На экране возник фелицианин в форме полковника.

— Феун! Слава Богу! — воскликнул Даум. Напряженные складки на лбу разгладились, лицо помолодело.

Майлз едва не закричал от радости. Всего несколько секунд назад он готовился к самому худшему. За последнюю неделю Майлз, как и предсказывал Ботари, дошел до полного истощения и теперь с трепетом ждал конца своих злоключений.

Вошел Торн и бодро отсалютовал Майлзу, потом приятельски улыбнулся. «Воображаю, какое у тебя будет лицо, когда весь этот маскарад закончится», — подумал Майлз. И снова радость сменилась тошнотворным страхом школьника, ждущего, когда раскроется обман. Вяло ответив на приветствие, Майлз вновь переключил внимание на разговор Даума с фелицианским полковником. В конце концов, вовсе не обязательно

крутиться рядом с Торном, когда подадут трап. Можно найти себе занятие на каком-нибудь другом участке...

— Где же наши? — недоумевал Даум. — Издали кажется, что у вас на борту никого нет.

Изображение на экране на секунду исчезло, затем возникло снова.

— Неделю назад нас атаковали пеллиане, — ответил полковник. — Мы отбились, но солнечные батареи повреждены. Теперь ждем ремонтную бригаду.

— А как дела дома? Баринт уже освобожден?

Экран снова мигнул, но на сей раз изображение восстановилось быстрее. Полковник кивнул:

— У нас все в порядке.

Майлз заметил на столе у полковника крохотную статуэтку лошади. Изящная фигурка была склеена из сотен тщательно подобранных по цвету и форме радиодеталей — какой-то судовой умелец потратил на нее не один час личного времени. Интересно, подумал Майлз, вспоминая дедовские истории, неужели технологическая деградация фелициан зашла настолько далеко, что им снова пришлось использовать кавалерию?..

— Приятная новость! — обрадованно воскликнул Даум. — Я так долго торчал на Бете, что думал — опоздаю к главным событиям. Значит, еще воюем! Как только состыкуемся, с меня бутылка — выпьем за здоровье премьера. Как Мирам?

Изображение снова нарушилось.

— С твоей семьей все благополучно, — почему-то тихо проговорил полковник.

Опять помехи.

— ...приготовиться к стыковке.

Майлз перестал дышать. Только что фигурка лошади была по левую руку от полковника, теперь оказалась справа.

— Мы готовы, — сказал сияющий Даум. — В самом деле — лучше продолжить разговор в более подходящих условиях. Это не канал связи, а черт знает что. Что с ним такое? Сплошные помехи.

Словно в подтверждение его слов экран сделался молочно-белым.

— Коммуникационное оборудование повреждено во время стычки с пеллианами.

Лошадь опять очутилась справа от полковника. И вновь белые полосы на экране.

— Приготовиться к стыковке.

Статуэтка перекочевала налево. Майлз чуть не закричал, но вовремя взял себя в руки и жестом приказал связисту отключиться от канала.

— Это ловушка, — выдохнул Майлз, как только экран погас.

— Что-о?! — Даум вытаращил на него глаза. — Феун Бенар — мой старый друг. Уж не хотите ли вы сказать, что он...

— Я хочу сказать, что вы говорили не с полковником Бенаром, а с компьютером.

— Но голос...

— Голос действительно принадлежал полковнику. Его записали заранее. Вы обратили внимание — на столе стояла фигурка? Так вот, как только исчезали помехи, она возникала то слева, то справа. Они специально давали помехи, чтобы скрыть монтажные швы между кусками записи. У них почти получилось, но кто-то прошлепал эту фигурку. Видимо, ответы записывались в несколько приемов.

— Да, это наверняка пеллиане, — вздохнул Торн. — Ничего не могут сделать как следует.

Загорелое лицо Даума стало серым, как глина.

— Он не мог предать...

— У них, видимо, было достаточно времени, чтобы приготовиться. Есть много способов... — Майлз поморщился, — много способов заставить человека делать то, что ему не нравится. Нападение пеллиан действительно имело место, вот только отбить его не удалось.

Все кончено, подумал он. Остается одно — сдаться. А дальше? РГ-132 будет конфискован вместе с грузом. Даум задержан как военнопленный, а Майлз и его люди в лучшем случае — интернированы, а в худшем — рас-

стреляны на месте. В конце концов служба безопасности Барраяра отыщет его и заплатит выкуп, каким бы он ни был, но скандал разразится ужасающий. Потом его ждет бетанский суд, Кольхаун, еще кто-нибудь — мало ли кому придет в голову подать на него в соответствующие инстанции. И в конце концов настанет день, когда Майлз предстанет перед верховным трибуналом — собственным отцом... Интересно, если отказаться от дипломатического иммунитета на Колонии Бета, может, удастся сесть в тюрьму прямо там, с надеждой подумал Майлз. Нет, бетанцы только лечат правонарушителей. У них нет условий для длительного содержания под стражей...

— Видимо, так и есть. — Даум вынужден был признать очевидное. — Каковы наши дальнейшие действия, сэр?

«Вы меня спрашиваете?! — едва не закричал Майлз. — А может, кто-то из вас хоть что-нибудь придумает?» В каюте было полно народу: Даум, Элен, Баз, Торн, Осон, несколько их бывших подчиненных. И все они смотрели на Майлза со спокойным интересом — словно на сказочную курицу, которая вот-вот снесет очередное золотое яйцо. Даже Ботари, кажется, впервые нечего было предложить. Он привалился к стене, прикрыв глаза.

— Они спрашивают, что у нас случилось, почему прервалась связь, — крикнул связист «Ариэля».

Майлз сглотнул ком в горле и, поднатужившись, выдал-таки некое подобие идеи.

— Врубите какую-нибудь слащавую мелодию, — распорядился он, — и выведите на экран сообщение «Извините за технические неполадки».

Связист бросился выполнять приказание. Это значило, что секунд девяносто удастся выиграть.

Осон, чьи руки все еще были в фиксаторах, сидел как громом пораженный. На лице его было написано точно такое же смятение, как у Майлза в душе. Ему совсем не улыбалась перспектива живописать своему адмиралу историю позорного пленения. Торн нервно похрустывал пальцами. Да, скоро ты возьмешь реванш за все, что я тут вытворял целую неделю, подумал Майлз. Заметив, что молодой командир внимательно

смотрит на него, лейтенант щелкнул каблуками и осведомился:

— Чем могу служить, сэр?

«Боже мой, — подумал Майлз, — неужели они до сих пор не поняли, что я никто и ничто?» И вдруг в нем вспыхнула отчаянная надежда. До сих пор его слушались беспрекословно. Что, если попробовать... Как помог бы ему сейчас совет отца!

Нельзя отрицать, что Торн — опытнейший офицер, отлично знающий команду и корабль. И самое главное — обладает даром предвидения и способен принимать решения. Майлз выпрямился и звонко крикнул:

— Ну что, стажер Торн, вы готовы принять командование боевым кораблем?

Лейтенант, вздернув подбородок, смог только пробормотать: «Сэр!»

— Нам подвернулась возможность провести небольшое, но крайне интересное тактическое учение. — Майлз вспомнил фразу, с которой отец обычно начинал рассказ о захвате Комарры. — Вот и попробуйте. В запасе у нас около минуты. Итак, что вы намерены предпринять?

Майлз скрестил руки на груди и склонил голову набок — точь-в-точь зловредный проктор на вступительном экзамене.

— Метод троянского коня, — последовал мгновенный ответ. — Наша засада в ответ на их засаду. Захватим станцию изнутри. Прикажете захватить, избегая повреждений?

— О-о! — изумленно протянул Майлз. — Это был бы идеальный вариант. — И он начал лихорадочно рыться в памяти, пытаясь выудить одну-две фразы, которые военный советник мог бы произнести в подобной ситуации. — Однако неподалеку может находиться патрульный корабль противника. Как вы собираетесь оборонять неподвижный объект? На заводе имеется хоть какое-нибудь вооружение?

— Его можно установить в течение нескольких часов, — неожиданно вмешался Даум. В трюме РГ-132 —

отличное монтажное оборудование. Можно даже восстановить систему энергоснабжения.

— Как? — недоуменно пробормотал Осон. — Ведь вы, кажется, везете военных советников...

Майлз повысил голос:

— Вы забыли, что у нас острый дефицит персонала. Сейчас каждый человек на счету, особенно дендарийцы.

Лейтенант Торн задумался, и это не на шутку встревожило Майлза. Кажется, он в запале хватил через край. Сейчас Торн скажет: «Я не готов к роли командира», или попросит у него, верховного главнокомандующего, мудрой подсказки. Необходимо опередить его:

— Стажер Торн, приведите аргументы в пользу того, что решение атаковать базу не является преждевременным.

— Слушаюсь, сэр. Главный аргумент таков: корабли охраны почти наверняка оссеровские — у пеллиан крайне отсталая кораблестроительная технология, они даже не производят судов, использующих принцип пространственного скачка. Таким образом, нам известны все коды и тактические приемы их патрульного корабля, в то время как у них, безусловно, нет аналогичных данных о наших, дендарийских. Поэтому я думаю, что смогу... мы сможем с ними справиться.

«О наших, дендарийских», — весело подумал Майлз, а вслух произнес:

— Что ж, принимайте командование, стажер Торн. Я не буду вмешиваться — если, конечно, вы не полезете на рожон.

И он демонстративно сунул руки в карманы. Авось никто не догадается, что он боится начать грызть ногти от дикого волнения.

— Причаливаем, как будто ничего не произошло: они не должны догадаться, что мы их раскусили, — распорядился Торн. — Я подготовлю группу захвата к высадке. Разрешите взять с собой командоров Джезека и Ботари?

Майлз кивнул. Сержант хотел что-то сказать, но в последнюю секунду передумал и с автоматизмом телохранителя встал у него за спиной. Торн, уже вошед-

ший в роль, бросился к выходу, сопровождаемый двумя «советниками». Глаза Элен возбужденно блестели; Баз ожесточенно грыз сигару, которую так и не закурил. Что выражало его лицо в эту минуту, определить было невозможно, но Майлз подметил, что щеки его пылали румянцем.

Осон стоял в стороне живым воплощением стыда и ярости. При первом удобном случае поднимет мятеж, подумал Майлз. Он подошел к капитану и тихо, чтобы его слышал только собеседник, сказал:

— Позвольте напомнить, стажер Осон, что вы все еще в списке больных и раненых.

Здоровяк предпринял попытку размахнуться, но мало чего достиг.

— Эти паскудные фиксаторы можно было снять еще позавчера, — прорычал он.

— Позвольте также напомнить, что, пообещав стажеру Торну командирскую должность, я не уточнил, каким именно кораблем он будет командовать. Настоящий офицер должен уметь не только руководить, но и исполнять приказы. Каждому свое бремя, но и каждому — своя награда. Будьте уверены, ваши заслуги не останутся незамеченными.

— Но корабль один!

— У вас ужасно вредная привычка — делаете слишком много предположений и слишком долго ломаете над ними голову.

— А вы слишком... — Осон осекся и смерил Майлза взглядом.

— Можете передать: мы готовы к стыковке, — кивнул Майлз Дауму.

Стоит ли говорить, как хотелось Майлзу принять непосредственное участие в схватке. Однако — к его величайшей досаде и радости Ботари — на корабле не нашлось ни одного боевого скафандра маленького размера. Тогда Майлз заявил, что пойдет в обычном защитном костюме — если не в первых рядах атакующих,

то хотя бы во втором эшелоне. Ответ Ботари был краток и категоричен:

— Даю слово, что если вы хотя бы подойдете к стеллажу с легкими скафандрами, я свалю вас на пол и буду держать там до тех пор, пока вы не образумитесь.

— Отказ от выполнения приказа, сержант, — прошипел Майлз.

Ботари оглянулся на наемников, удостоверился, что никто его не подслушивает, и процедил:

— Лучше сразу прикажите отвезти ваш обгорелый труп на Барраяр и бросить к ногам милорда графа.

Майлз хорошо помнил, как страшен сержант в минуты гнева, и был вынужден отступить, буркнув напоследок:

— Если бы я тогда сдал экзамен, вы не посмели бы мне мешать.

— Тогда я подал бы в отставку. У меня тоже есть гордость.

Майлз невольно улыбнулся. Что делать, подумал он, придется сосредоточиться на проверке снаряжения.

Неделя, потраченная на наведение лоска, не прошла даром: группа захвата предстала перед ним во всем своем грозном великолепии. Теперь предстояло увидеть, насколько эффективна она будет в бою...

Больше всего внимания они с Ботари, разумеется, уделили доспехам Элен. Сержант долго и старательно прилаживал ей на подшлемник дополнительные металлические пластины, что не имело никакого практического смысла, зато позволило дать ей вполголоса несколько беглых советов относительно того, как пользоваться экипировкой, которая была ей почти незнакома. Майлз тоже успел шепнуть ей несколько слов:

— Ради Бога не лезь вперед. Твоя обязанность — наблюдать за наемниками, а потом доложить свои соображения мне, чтобы я мог оценить их подготовку. Мы не сможем выполнить эту задачу, если... — его словно обожгло изнутри, когда он представил это прелестное существо в мясорубке боя, — если ты будешь... впереди всех, — заменил он в последнюю секунду едва не

вырвавшееся страшное слово. Где была его голова, когда он позволил Торну взять Элен с собой?!

Шлем преобразил ее до неузнаваемости. Он скрыл роскошные волосы девушки; контуры ее лица стали более резко очерченными. Теперь она была похожа не то на древнего рыцаря, не то на суровую монахиню: высокие скулы, полуприкрытые височными пластинами, бледная кожа щек, на которых играли отблески детекторов телеметрической информации, вмонтированных в лобовую пластину шлема. Ее рот был чуть приоткрыт, ноздри азартно дрожали.

— Слушаюсь, милорд, — произнесла она с бесстрашной улыбкой. — Благодарю за предупреждение.

И добавила чуть тише, прикоснувшись к нему рукой в защитной перчатке:

— Спасибо, Майлз.

Элен не рассчитала, что ее движение будет усилено приводом скафандра, и едва не раздавила ему ладонь. Но Майлз не пискнул бы, даже если б она вырвала его руку из сустава — только бы не испортить торжественного момента. Подавив боль, он ответил Элен такой же лучезарной улыбкой, думая с ужасом: «Боже, что я натворил! Она похожа на валькирию...»

Нужно было перебросить несколькими словами с Базом.

— Командор Джезек, — начал Майлз, — могу я просить вас об одном одолжении? Пожалуйста, держитесь рядом с Элен: пусть не подставляет голову под огонь. Она слегка... возбуждена.

— Не беспокойтесь, милорд, я буду ходить за ней по пятам, — горячо заверил Джезек.

Боюсь, меня поняли слишком буквально, подумал Майлз.

— Милорд... — Джезек понизил голос, — это, конечно, дело командира, а не подчиненных... Я по поводу назначения. — Он кивнул в сторону Торна. — Это вы так, понарошку?

— Как вам сказать? Назначение столь же настоящее, как и мы с вами — дендарийские наемники, —

уклончиво ответил Майлз. Лгать вассалу считалось предосудительным.

— Как это? — поднял брови Баз.

— Мой оте... э-э... один мой знакомый однажды сказал: смысл — это не то, что вложено в понятие кем-то и когда-то, а то, что ты сам в него вкладываешь. Можете считать его слова одной из заповедей фора. Вперед, командор Джезек!

В глазах База мелькнули озорные искорки. Он щелкнул каблуками и с преувеличенным почтением отдал честь:

— Слушаюсь, сэр... адмирал Нейсмит!

Майлз, словно тенью сопровождаемый Ботари, отправился в отсек боевого наблюдения. Осон и связист последовали за ними, а Даум вместе с инженером наемников, который заменил погибшего пилота «Ариэля», остались у пульта управления руководить посадкой. Теперь Майлз грыз ногти не стесняясь. Осон нервно стучал пластиковыми фиксаторами, наложенными на руки, — это был предел подвижности его верхних конечностей. Майлз и капитан одновременно искоса взглянули друг на друга.

— Небось, многое бы отдал, чтобы оказаться там, а, коротышка? — Осон кивнул на экран.

Майлз не предполагал, что Осон способен на такую откровенность. Он даже не обиделся.

— Сантиметров пятнадцать роста, не меньше, — вздохнул он, и это была чистая правда.

Капитан сначала рассмеялся, потом многозначительно оттопырил губы:

— Да-а. Я вас понимаю.

Но Майлз уже не слышал его. Он восхищенно наблюдал, как связист выводит данные телеметрии боевых скафандров на монитор. Голографический экран высвечивал информацию, поступающую одновременно от шестнадцати бойцов. Получилось нечто вроде россыпи яркого конфетти, в которой Майлз решительно ничего не понял. Он попытался выудить кое-что у Осона, не обнаруживая при этом своего полного невежества.

— Отлично, — степенно заметил Майлз. — Теперь мы можем видеть и слышать все, что видит и слышит каждый из наших солдат.

Ему необходимо было хотя бы понять, какие данные на экране ключевые, а какие — второстепенные. Опытный офицер разобрался бы в этой абракадабре с первого взгляда.

— На какой планете изготовлена система? — осторожно осведомился он. — Я еще не встречал подобной модели.

— Иллирика, — ответил Осон не без гордости. — Была построена вместе с кораблем. Одна из лучших на сегодняшний день.

— Ага... В таком случае, где находятся данные, поступающие от командора Ботари?

— Номер ее костюма?

— Шесть.

— В правом верхнем углу экрана. Смотрите: вот номер скафандра, это — видеокартинка, это — аудиосигнал, а вот канал боевой связи с другими скафандрами и кораблем. Мы можем контролировать работу привода любого из этих скафандров прямо отсюда, с пульта.

Майлз и Ботари пораженно уставились на экран.

— Странно, должно быть, чувствует себя солдат, когда кто-то управляет его руками и ногами.

— Ну, это случается не так часто. К системе централизованного управления скафандрами прибегают, если надо привести в действие встроенную в скафандр аптечку неотложной помощи или эвакуировать раненого. Честно говоря, я и сам не в восторге от этой функции. Однажды мне пришлось вытаскивать парня, чьи доспехи были повреждены взрывом. Приводной механизм дышал на ладан. Телеметрия практически перестала поступать — и только когда мы доставили его на корабль, выяснилось почему. Парню оторвало взрывом голову. Представляете — угробить двадцать минут, выгуливая безголовый труп по коридорам и переходному отсеку!

— И все же — как часто вам приходилось пользоваться системой в целом? — поинтересовался Майлз.

Осон откашлялся.

— Вообще-то раза два.

Ботари фыркнул. Майлз поднял брови.

— Мы долго торчали в этом вонючем оцеплении, — торопливо пояснил Осон. — Никто поначалу не возражал слегка похалявить. Но наша халява, кажется, затянулась.

— Мне тоже так показалось, — сдержанно произнес Майлз.

Осон поежился и поспешил сосредоточиться на наблюдении за экраном. Момент стыковки близился. Группа захвата была наготове. РГ-132 вырулил на параллельный курс, ведущий к соседнему причалу, но пока держался чуть позади — хитрецы пеллиане распорядились, чтобы военный корабль причалил первым, рассчитывая чуть позже взять безоружный грузовик голыми руками. «Надо было заранее установить закодированную связь между кораблями», — с досадой подумал Майлз. А теперь — Мэйхью на РГ-132 один, и нет никакой возможности предупредить его об опасности: пеллиане их мигом запеленгуют. Одна надежда — когда Торн начнет атаку, противнику будет уже не до грузовика.

Пауза затягивалась. Казалось, она длится вечность. За это время Майлз научился отличать медицинскую телеметрию от остальных показаний. Пульс Элен держался на уровне почти спокойных восьмидесяти ударов в минуту. Сердце Джезека, стоявшего с нею рядом, стучало намного быстрее — сто десять ударов. Интересно бы измерить мой пульс, подумал Майлз. Цифра получилась бы астрономическая...

— А у противника такая же система? — взволнованно спросил он. У него возникла блестящая идея. Если удастся, можно будет стать не только наблюдателем, но и участником боя.

— У пеллиан — нет. Это оборудование установлено только на новейших кораблях нашего... оссеровского космофлота. На «карманном» дредноуте капитана Тан-

га, например. Бетанская сборка. — Осон вздохнул с завистью. — У него там есть абсолютно все.

— Скажите, ваша аппаратура фиксирует сигналы подобные тем, что идут от скафандров наших десантников? — спросил Майлз, обернувшись к связисту. — Какие доспехи у «встречающих»?

— Насколько мне известно, у них все внутренние линии закодированы, — отозвался связист, — но, думаю, к торжественной встрече готовится не меньше тридцати человек.

Ботари заскрежетал зубами.

— К Торну идет информация?

— Конечно.

— А пеллиане могли это засечь?

— Если только приложили дополнительные усилия. Наши линии закодированы достаточно надежно.

— По двое на каждого из наших, — проговорил Осон, думая о своем. — Чертовски неприятное соотношение.

— Вот и попробуем его исправить. — Майлз снова повернулся к связисту: — Попытайтесь нащупать их коды и прорваться к телеметрии. Ведь это оссеровская система, не так ли?

Офицер связи, кажется, начал понимать.

— Могут возникнуть некоторые сложности, однако...

Он тут же занялся настройкой своих приборов.

— Ах, вот что вы затеяли! — хлопнул себя по лбу Осон. — Хотите взять под контроль скафандры противника? Заставить их бросаться на стены и палить друг в друга... — И тут радостный огонек в его глазах погас. — У них в костюмы встроены подавители внешней регулировки. Как только догадаются, в чем дело, мигом отключатся. А жаль, идея была — блеск!

Майлз усмехнулся:

— Вовсе не обязательно, чтобы они об этом догадались. Мы будем действовать исподтишка. Вы привыкли мыслить категориями грубой силы, а она никогда не была моим коньком...

— Есть! — закричал связист.

На головидео возникла еще одна картинка.

— У десяти солдат противника — скафандры с обратной связью. Остальные, судя по всему, пеллиане, в обычных скафандрах: аудиокоммуникация только с командным пунктом. Как бы там ни было, десятеро в наших руках!

— Прекрасно! — воскликнул Майлз. — Сержант, давайте за монитор.

Пересев в соседнее кресло, он начал разминать пальцы, как пианист перед концертом.

— Будем действовать так, чтобы у них создалось впечатление, будто в скафандрах множество мелких неисправностей. Вот, это один из солдат. Медицинская телеметрия, изображение — все на месте. Обратите внимание — резервуар для сбора испражнений наполовину заполнен. Нервный молодой человек!

И Майлз на полную мощность включил резервуар в режим слива. Подмигнув своим подчиненным, он добавил громкости в аудиоприемник. Воздух отсека потяжелел от лавины страшных ругательств, перекрываемых еще более громкими приказами не засорять эфир.

— Одному уже не до боевых действий, — удовлетворенно констатировал Майлз. — И он ничего не сможет с этим поделать, пока не снимет скафандр.

Осон захихикал от удовольствия.

— Ах ты чертенок! Здорово у тебя получается, черт возьми!

Лишенный возможности потирать руки, он стал притопывать ногой и ерзать в кресле. Потом вывел на экран телеметрию, идущую от другого солдата и начал быстро, насколько позволяли фиксаторы на руках, набирать на клавиатуре команды.

— Не забывайте, — предупредил его Майлз, — осторожно и постепенно.

Осон кивнул, не переставая азартно хихикать:

— Та-а-ак, порядок. Теперь каждая операция привода будет выполняться с полусекундным опозданием, а оружие будет стрелять на десять градусов правее прицельной линии.

— Отлично! — Майлз даже зааплодировал. — Но давайте на этом остановимся. Прибережем остальных для решающего момента. Тише едешь — дальше будешь.

— Согласен.

Корабль между тем вплотную подошел к причалу. Солдаты противника ожидали, что команда «Ариэля» будет перебираться на станцию по гибким переходным трубам, и заняли позиции у выходов...

И вдруг десантники Торна посыпались из резервных шлюзов. Поставленные ими магнитные мины прошили переборку станции, как огненные искры — тонкое одеяло. В следующее мгновение десантники проникли сквозь образовавшиеся отверстия внутрь.

Мертвая тишина, царившая в эфире за секунду до этого, взорвалась хаосом. Пора, подумал Майлз, и снова опустил пальцы на кнопки пульта. Командир вражеского отряда обернулся, чтобы отдать приказ своим солдатам, и Майлз тут же заклинил его шлем, а заодно и голову, в позиции максимального разворота.

Очередную свою жертву он нашел в коридоре, до которого десантники Торна еще не добрались. Обнаружив, что у оссеровца в руке тяжелое плазменное ружье, Майлз включил его на полную мощность. Каково же было потрясение солдата, когда его собственное оружие, помимо воли хозяина, начало крушить стены, потолки, а заодно и боевых товарищей.

Майлз перевел взгляд на телеметрию, идущую от шлема Элен. Видеокамера показывала какой-то стремительный мелькающий коридор. И вдруг изображение содрогнулось и опрокинулось — Элен включила систему экстренного торможения скафандра. Судя по всему, в стыковочном узле отключалась искусственная гравитация. И тут же коридор оказался автоматически перекрыт. Сумев остановить беспорядочное вращение своего тела, Элен выстрелила в перегородку и ринулась в образовавшийся проем...

Встречным курсом несся пеллианин. Столкновение казалось неминуемым. Они сцепились в отчаянной схватке, и приводные системы обоих скафандров зажужжа-

ли от перегрузок. Майлз бросился искать на экране телеметрию противника Элен, но, увы, пеллианский скафандр был недоступен для пульта «Ариэля». Внезапно он поймал себя на том, что следит за схваткой с двух разных точек, словно его сознание раздвоилось. Так вот в чем дело: сражавшихся снимала видеокамера на шлеме еще одного оссеровца! Тот уже прицелился...

Он не промахнется, с ужасом подумал Майлз, и скомандовал системе первой помощи скафандра впрыснуть в вены оссеровца все препараты сразу. В эфире раздался страшный судорожный вздох, показатели пульса задергались и остановились на отметке «мерцание». Еще одна фигура, облаченная в скафандр «Ариэля», прорвалась сквозь дыру в перегородке, стреляя на лету. Поток плазмы окутал оссеровца — и вся его телеметрия исчезла с экрана.

— Сукин сын, — прорычал Осон. — Откуда, мать твою, этот-то взялся?!

«О ком это он?» — удивился Майлз и проследил за взглядом капитана. Тот почему-то уставился на экран, контролирующий космос за пределами корабля. И Майлз понял, что слова офицера относились вовсе не к солдату.

Сзади на них надвигался боевой корабль Оссера.

ГЛАВА 12

Ох, дьявол. Майлз был в отчаянии. Неужели нельзя было сообразить: если на станции — солдаты в боевых скафандрах с полной обратной связью, значит, где-то рядом — корабль, с которого ими управляют. А он, дурак несчастный, решил, что ими руководят из диспетчерской причала! Будь он проклят: позволил себе всецело заняться Элен и прохлопать все на свете. Забыл главную заповедь командира: держать под контролем не отдельные участки, а всю операцию в целом. То, что об этом забыл и Осон, мало утешало.

Связисту пришлось немедленно оставить увлекательную компьютерную игру под названием «Выведи из строя скафандр противника» и вернуться к своим основным обязанностям.

— Приказывают сдаваться, сэр, — сообщил он.

Майлз, помолчав и откашлявшись, спросил:

— Что вы об этом думаете, стажер Осон?

Лицо капитана исказила злая гримаса.

— А что тут думать — это и есть Танг собственной персоной. Сноб проклятый! Он, видите ли, с самой Земли и никому не позволяет забывать об этом. Дреднаут Танга в четыре раза превосходит наш корабль по огневой мощи и защите, к тому же развивает в три раза большую скорость. Добавьте сюда троекратное превосходство в живой силе и тридцатилетний опыт космической войны. Но вы же не собираетесь сдаваться?

— Вы правы, — далеко не сразу ответил Майлз. — Не собираюсь.

Между тем бой на стыковочной станции был практически завершен. Отряд Осона рассеялся для прочесывания прилегающих помещений. Не успеть насладиться победой и потерпеть сокрушительное поражение? Невыносимо! Майлз сдавил ладонями виски.

— Вот что, — сказал он наконец очень медленно. — Это не самый изящный ход, но... Мы от них на такой малой дистанции, что можно попробовать пойти на таран.

«Мой корабль...» — беззвучно, как у утопающего, произнесли губы Осона. Лишь через минуту к нему вернулся голос.

— Мой корабль?! Тончайшую технологию Иллирики вы хотите использовать для средневековой войны? А может, сначала полить их кипящим маслом или швырнуть пару-тройку булыжников?! — Голос Осона взобрался на невообразимо высокую октаву — и упал.

— Они-то этого не ожидают.

— Я задушу тебя собственными руками, — прорычал Осон и тут же обнаружил, что привести угрозу в исполнение с фиксаторами на руках сложновато.

— Сержант! — окликнул Майлз, отступая перед бушующим здоровяком. Ботари привстал и вперился в Осона взглядом патологоанатома, приготовившегося кромсать мертвую плоть.

— По крайней мере мы должны попробовать, — попытался урезонить Майлз капитана.

— Моим кораблем?! Ах ты... — у Осона не было больше слов. Он молча перенес вес тела на опорную ступню и занес ногу для четко отработанного удара из арсенала карате.

— Смотрите! Скорее смотрите! — вдруг вскрикнул связист.

РГ-132, тяжело разворачивая свое многотонное тело, уже отвалил от причала. Двигатели работали на полную мощность, позволяя ему развить ускорение слона, вылезающего из болота.

— РГ-132 с полной загрузкой весит в четыре раза больше скоростного дредноута! — воскликнул Майлз.

— Потому он летает как откормленный боров и жрет топлива на целое состояние, — добавил Осон. — Ваш пилот — круглый дурак, если вздумал состязаться с Тангом в скорости.

— Давай, Ард! — Майлз вне себя вскочил с кресла. — Умница! Размажь его по стене плавильного цеха!

— Ничего не выйдет. Хотя... — Осон удивленно расширил глаза. — Вот сукин сын! Кажется, у него получится.

До Танга, как и до Осона, наконец дошел смысл перемещений грузового корабля. Заработали маневровые двигатели, разворачивая боевой корабль в позицию, необходимую для рывка в открытый космос. Одно из орудий дредноута выстрелило, но заряд пропал в чреве одного из трюмов, не причинив грузовику ощутимого вреда.

В следующую секунду РГ-132 медленно и даже както величественно врезался в боевой корабль и, продолжая усиленно работать всеми двигателями, притиснул его к стене огромного космического завода. Обломки выступающих узлов корабля и плавильни полетели в разные стороны.

Казалось, прошло несколько минут, прежде чем космический завод, содрогнувшись всем своим могучим корпусом, вернул импульс дредноуту и грузовику, отбросив РГ-132 прочь. Покореженный корабль Танга остался торчать в стене...

И тут потрясенные наблюдатели увидели, как от РГ-132 отвалилась почти половина корпуса — и медленно поплыла в пространство.

Десантники Торна выкурили из покалеченного корабля оставшихся оссеровцев, отделили убитых от раненых. Пленные были взяты под стражу, мины-ловушки обнаружены и обезврежены. И только после этого израненный грузовик отбуксировали к причалу...

Из жерла шлюзовой камеры вынырнула фигура в легком скафандре. Это был Мэйхью. На ходу срывая шлем, он кричал Майлзу:

— Они повреждены! Повреждены!

Его невообразимо всклокоченные волосы слиплись от пота, глаза лихорадочно блестели. Баз и Элен, похожие без шлемов на двух черных рыцарей, возвращающихся с турнира, метнулись к нему. Элен бросилась обнимать пилота, и Мэйхью вдруг оказался в воздухе — видимо, командор Ботари в очередной раз недооценила возможности встроенного привода скафандра. Поставив пилота на ноги, она воскликнула, радостно смеясь:

— Ард, это было классно!

Баз вполне разделил восторг Элен.

— Поздравляю! Это был самый замечательный тактический маневр из тех, что мне доводилось видеть. Траектория была рассчитана просто идеально — лучшей точки для удара и компьютер бы не выбрал. Ты роскошно его припечатал, и при этом ни одного серьезного повреждения. Я только что был у них на борту: после небольшого ремонта мы заимеем вполне рабочий дредноут.

— Идеально рассчитанная траектория? — с горечью переспросил Мэйхью. — Да ты, я вижу, такой же чокнутый, — и он мотнул головой в сторону Майлза. — А уж

если речь зашла о повреждениях, взгляни вон туда. — Мэйхью указал на РГ-132.

— Баз сказал, что на станции есть кое-какой инструмент для устранения деформаций корпуса, — попытался успокоить его Майлз. — Конечно, ремонт будет стоить нам нескольких недель, а это сильно осложняет дело, но никуда не денешься. Не дай Бог, если потребуют заплатить за это, но, я думаю, мне удастся реквизировать...

— Ничего вы не поняли! — замахал руками Мэйхью. — Двигатели Неклина! Они повреждены.

Так вот в чем дело! Нервная система скачкового корабля — это пилот с вживленными в голову микросхемами, а плоть — неклиновы тяги генератора полей, идущие из одного конца в другой. Предел их отклонения от прямой — одна миллионная градуса, вспомнил Майлз. И вот теперь...

— Вы уверены? — осторожно спросил Баз. — Но защитный кожух...

— Что кожух! — горестно отмахнулся Мэйхью. — Я прошел внутрь. Деформация тяг настолько жуткая, что ее видно и без приборов. Они выгнуты, как лыжи!

Баз в ответ только присвистнул.

— Неужели нельзя отремонтировать? — спросил Майлз, заранее зная ответ. Баз и Мэйхью одновременно так посмотрели на него, что ему стало неловко.

— Вы, конечно, попробуете, — усмехнулся Ард. — Воображаю, как будете дубасить по ним кувалдой.

Джезек покачал головой.

— Сожалею, милорд. Не стоит даже надеяться, что фелициане способны производить серьезные работы на корабле скачкового типа — они не знакомы ни с биотехнологией, ни с чисто технической стороной процесса. В лучшем случае нам пришлось бы импортировать эти тяги. Ближайшее место, куда можно за этим обратиться, — Колония Бета. Но данная модель у них давно снята с производства. Стало быть, тяги пришлось бы изготавливать по спецзаказу, потом доставлять сюда... Насколько я понимаю, на это ушло бы не меньше года. Не говоря уж о деньгах.

— А-а, — протянул Майлз, взирая через иллюминаторы на свой искалеченный корабль.

— Можно взять «Ариэль», — с энтузиазмом начала Элен, — прорваться сквозь блокаду и... — Она осеклась и сконфуженно пробормотала: — Извините, я не подумала.

Майлзу показалось, что он явственно слышит хохот убитого пилота.

— Пилот остался без корабля, — прошептал он. — Второй корабль остался без пилота. Груз к месту назначения не доставлен, денег нет, пути домой — тоже...

Он обернулся к Мэйхью и спросил с неожиданным интересом:

— Скажите, что заставило вас решиться на это, Ард? Ведь вполне можно было сдаться. Вы бетанин, с вами обошлись бы по-джентльменски.

— Просто я подумал, что через секунду дредноут пальнет из всех орудий и отправит вас к чертовой матери в четвертое измерение.

— Ну а хоть бы и так?

— Хм. Видите ли, по-моему, вассалу негоже сидеть на заднице и наблюдать, как расстреливают его сюзерена. Корабль в тот момент был моим единственным оружием. Я прицелился — и бац! — Он нажал пальцем на воображаемую гашетку.

На губах Ботари мелькнула ироническая усмешка:

— Приступайте теперь к исполнению прямых обязанностей, мистер оруженосец.

Из противоположного шлюза появились Осон и Торн.

— А, вот он где! И, кажется, весь Совет приближенных тут как тут.

Они буквально набросились на Майлза.

— Можно подвести окончательные итоги, — отрапортовал Торн, отдавая честь.

— Слушаю вас, стажер Торн, — отозвался Майлз, с трудом сосредоточиваясь.

— С нашей стороны двое убитых, пятеро раненых. Ранения легкие, кроме одного. Плазменный ожог. Придется провести практически полную регенерацию

кожи лица — как только доберемся до места, где есть подходящая клиника.

У Майлза засосало под ложечкой.

— Имена?

— Убиты Диверо и Ким. Ожог головы — Элли... м-м-м, стажер Куинн.

— Дальше.

— Личный состав противника был следующим: шестьдесят человек с «Триумфа», корабля капитана Танга (двадцать коммандос, остальные — техперсонал); восемьдесят шесть пеллиан (сорок военных и сорок шесть ремонтников и наладчиков, присланных для восстановления и запуска завода). Из них двенадцать убито, у двадцати шести — тяжелые и средней степени тяжести ранения. Около дюжины легкораненых. Потери в технике — два боевых скафандра восстановлению не подлежат, еще пять вполне восстановимы. Что касается повреждений РГ-132, то, боюсь... — Торн бросил выразительный взгляд в сторону иллюминаторов. Мэйхью испустил долгий горестный вздох.

— Помимо завода и дредноута, нами захвачено два пеллианских пехотных катера, десять катеров, базирующихся на станции, восемь двухместных флиттеров и два прицепа для руды — те, что висят под жилыми отсеками. Да, вот еще — один вооруженный пеллианский посыльный... э-э... пропал. — Торн встревоженно взглянул на Майлза, ожидая реакции на последнюю новость.

— Ясно, — не спеша протянул Майлз и подумал: «Интересно, много ли информации подобного рода. Суметь бы переварить». — Что еще?

— Чисто положительным итогом...

«А что, бывают и такие?» — про себя удивился Майлз.

— ...можно считать, что у нас выправляется положение с численностью личного состава. Нами освобождено двадцать три пленных фелицианина. Среди них офицеры в разных званиях, хотя большинство — сотрудники завода, которых заставляли работать до прибытия пеллианского персонала. Некоторые из них несколько...

Но Майлз поднял руку.

— Давайте чуть позже. Я проведу полную инспекцию.

— Хорошо, сэр. Наши солдаты вам помогут. Кстати, майор Даум остался всем очень доволен.

— Он еще не беседовал со своими подчиненными?

— Пока нет, сэр.

Майлз потер переносицу пальцами и прикрыл глаза. Шумная пульсация крови в висках несколько стихла.

Появились несколько десантников Торна, конвоирующих группу пленных. Майлз сразу обратил внимание на коренастого мужчину с чисто евразийским типом лица. Хотя его форменный комбинезон был порядком изорван, а при каждом шаге на побледневшем лице мелькала тень боли, он каким-то образом ухитрялся сохранять командирскую осанку. «Такой может проходить сквозь стены без оружия и космических доспехов», — с почтением подумал Майлз.

И вдруг офицер резко остановился:

— Осон?! Я думал, вы убиты.

Он решительно развернулся и направился к группе, собравшейся возле Майлза, увлекая за собой и пленников, и конвойных. Последние вопросительно взглянули на молодого командира, и тот кивнул, дав понять, что не возражает.

Осон откашлялся и просипел:

— Привет, Танг.

— Как это тебе удалось отбить свой корабль без... — и тут пленник заметил фиксаторы на сломанных руках Осона, боевой скафандр Торна и то, что они стояли без охраны. Изумление на его лице сменилось омерзением, настолько сильным, что он в первую секунду не смог издать ни звука.

— Как же я сразу не догадался, — выдавил он наконец. — Прав был Оссер, что держал вас, клоунов, подальше от сражений. Только дуэт комедиантов «Осон и Торн» мог выкинуть такой номер — взять в плен самих себя!

Осон дернулся, а Торн ответил презрительной усмешкой:

— Попридержи язык, Танг. — И добавил, обернувшись к Майлзу: — Если бы вы знали, сколько лет я мечтал сказать ему это.

Кровь бросилась в лицо Тангу:

— А теперь вне себя от радости? Сопляк.

Они угрожающе двинулись друг на друга. Конвоиры не мешкая бросили Танга на колени. Осон и Майлз повисли на руках у Торна, причем последний в буквальном смысле — разгневанный Торн поднял его в воздух.

— Позвольте напомнить, капитан Танг, — сказал Майлз, тяжело дыша, — что вы у этой труппы комедиантов в плену.

— Да если бы половина моей команды не оказалась отрезанной сломавшейся переборкой...

Осон и Торн переглянулись, усмехнувшись. Наконец-то общий враг заставил вас объединиться, подумал Майлз. Надо воспользоваться этим немедленно. Когда еще представится столь блестящая возможность взять под контроль опасного своей недоверчивостью и подозрительностью Осона.

— Кто этот чертов недомерок... — пробормотал Танг, обернувшись к конвоирам.

Проигнорировав оскорбительный выпад, Майлз подошел к Торну:

— Вы так хорошо проявили себя в настоящей операции, что я без колебаний подтверждаю присвоение вам высокого воинского звания. Поздравляю, капитан Торн.

Лицо Торна осветилось радостью. Энтузиазм Осона, напротив, мгновенно угас. Майлз почувствовал, что в капитане опять зашевелилась старая обида и, не желая дать ей разгореться в ярость, быстро обернулся к нему.

— И вы, стажер Осон, послужили на славу, несмотря на то, что не до конца оправились после ранения. Столь доблестный солдат заслуживает награды, — и Майлз сделал размашистый жест в сторону иллюминаторов. В них было видно, как космические монтажники с плазменными резаками начинают высвобождать «Триумф» из стены плавильного цеха. — Вот ваш новый ко-

рабль. Повреждения будут устранены. Надеюсь, в следующий раз вы не станете делать преждевременных выводов?

Растерянность, изумление, ликование — трудно сказать, какое чувство было самым сильным у потрясенного Осона. Ботари одобрительно кивнул, оценив тактическую уловку Майлза, достойную самого дальновидного из феодалов. Если бы Осон остался во главе собственного корабля, рано или поздно он вспомнил бы, что это, собственно говоря, и есть его корабль; отдать же капитана в подчинение к Торну значило нажить серьезные неприятности. Теперь Осон получил новый корабль из щедрых рук Майлза, и это автоматически делало его должником и верным слугой. Хотя следовало признать, что кража была грандиозного, поистине космического масштаба.

Танг понял, к чему клонится дело, немногим позже Осона. Он разразился восклицаниями на непонятном языке, которые, без сомнения, были страшнейшими ругательствами. Майлз воззрился на него почти со страхом — ему ни разу не приходилось видеть, чтобы человек кричал и бесновался до пены на губах.

— Этому пленному ввести транквилизатор, — распорядился он озабоченно и приказал увести Танга. «Какой агрессивный субъект. Притом еще и командир с тридцатилетним стажем. Что я с ним буду делать?» — ужаснулся Майлз. Он обернулся к Осону:

— Капитан, отправляйтесь к судовому врачу. Пусть освободит ваши руки от этих штуковин.

— Есть, сэр, — все еще не имея возможности отдать честь, Осон порывисто кивнул и удалился чеканным строевым шагом, расправив плечи. Торн последовал за ним — узнать, какие новые сведения удалось получить от освобожденных фелициан и от пленных.

Бортинженер с «Ариэля» — она пришла за Джезеком — осведомилась у Майлза с самодовольной улыбкой:

— Сегодня мы заработали свои боевые премиальные, не так ли?

«Боевые премиальные?..» — Майлз растерянно огляделся.

— Я думаю, да... конечно, стажер Минова.

— Сэр... — Женщина на долю мгновения замялась. — Наши интересуются, как будут выдавать зарплату? Еженедельно или ежемесячно?

Теперь они потребуют график выдачи зарплаты. Все верно — игра продолжается. Но когда же она, черт возьми, кончится... Майлз посмотрел в иллюминатор на безжизненный корпус РГ-132. Тяги деформированы, трюмы полны неоплаченного груза. Когда же кончится эта вечность? Когда не надо будет выдумывать все новые и новые задачи? Когда они наткнутся на основные силы фелициан...

— Ежемесячно, — твердо ответил Майлз.

— Понятно, — инженер была явно разочарована. — Я передам экипажу.

— А что, если и через месяц мы еще будем торчать здесь, — осведомился Ботари, когда оба бортинженера покинули каюту. — Это очень неприятно, когда люди требуют зарплату.

— К тому времени что-нибудь придумаю, — бросил Майлз с уверенностью, больше похожей на отчаяние. И добавил безнадежно: — Поесть бы чего-нибудь.

Однако его желанию не суждено было сбыться — снова появился неугомонный Торн.

— Я по поводу контрнаступления, сэр... — начал он бодро.

Майлз почувствовал, как палуба уходит у него из-под ног.

— Где?! На каком участке? — спросил он, озираясь.

— Пока еще ни на каком, — успокоил его Торн.

— Уф, — облегченно выдохнул Майлз. — Капитан Торн, если можно, не устраивайте мне больше таких сюрпризов. Так что контрнаступление?

— Я не перестаю об этом думать. Оно вполне реально. Даже неотвратимо. И посыльный исчез... Куда он делся? К кому направился? Как вы полагаете, не лучше ли заранее выработать план отражения атаки?

— Да-да, конечно. У вас есть какие-нибудь наметки?

— Разумеется, сэр. Вариантов несколько...

Торн принялся с жаром втолковывать Майлзу свои соображения на сей счет, не замечая, что до командира доходит в лучшем случае одна фраза из трех.

— Очень хорошо, капитан, — прервал его вконец измочаленный Майлз. — После фронтальной инспекции мы соберем всех наших офицеров, и вы поделитесь своими мыслями.

Торн снова умчался, напоследок крикнув что-то по поводу наблюдательного поста.

У Майлза руки опустились. Голова шла кругом. Запутанные коридоры завода, подъемы, спуски, лестницы, цеха, закутки странного вида — все понастроено, нагромождено кое-как, без всякого плана, словно нарочно, чтоб сбить человека с толку. И теперь эта нелепая космическая махина принадлежит ему — каждый ржавый болт, каждый неровный шов между переборками, каждый засоренный туалет. Ужас.

— Майлз, что с тобой? — встревоженно спросила Элен. — Ты не рад? Мы же победили!

«Настоящему фору, — с грустью подумал Майлз, — не пристало рыдать и прятать заплаканное лицо на груди своего вассала, даже если это женщина подходящего роста».

ГЛАВА 13

Первая, ознакомительная экскурсия Майлза по его новым владениям была короткой, но крайне утомительной. Пожалуй, единственным светлым пятном был осмотр «Триумфа».

Только после долгой и мучительной борьбы Майлзу удалось убедить Ботари оставить его одного и отправиться решать вопросы, связанные с содержанием целой оравы пленных. Свет не видывал человека, с таким энтузиазмом стремящегося оставаться сиамским близнецом дру-

гого. Отправляя Ботари выполнять поручение, Майлз всерьез побаивался, что у того начнется раздвоение личности. В конце концов сержант подчинился, но с условием, что оставит телохранителем Элен. Впрочем, как только неусыпный страж удалился на безопасное расстояние, Элен получила совершенно иное назначение — на пост офицера-секретаря. Ее помощь действительно была ему необходима: каждую минуту на Майлза обрушивалась такая лавина информации, что он больше не надеялся на свою неплохо развитую память...

На базе медпункта плавильного завода в тот же день открылся комплексный госпиталь. Вот где работы было невпроворот! Медперсонал был укомплектован из числа пленных, и теперь они со вполне понятной заботой ухаживали за ранеными товарищами по оружию. И все же Майлз счел нужным направить сюда несколько своих солдат — в качестве охранников, хотя каждый подобный шаг был чреват еще большим распылением сил.

Войдя, Майлз поморщился и вдохнул холодный воздух, сухой от многократной усиленной очистки. Над койками висел тяжелый смрад — адская смесь из испарений антисептика, обожженной плоти, эскрементов и пота. Хирург с «Триумфа» и его ассистенты трудились не покладая рук, и Майлз не посмел к ним придраться; но своим солдатам, которые по совместительству взяли на себя роль похоронной команды, мимоходом напомнил, что их обязанность — следить за порядком. Впрочем, успокоил он себя, медперсоналу сейчас не до волнений.

Тягостное впечатление усилилось, когда Майлз подошел к полковнику Бенару и двум его офицерам, лежащим в полном оцепенении. «Какие крохотные раны, — подумал он, — едва заметные ссадины на запястьях и следы от иглы шприца. Мы наносим человеку ранку, которую не сразу и приметишь, — и лишаем его жизни».

Призрак убитого пилота, словно ручной ворон, опустился к нему на плечо безмолвным свидетелем.

Тем временем фельдшер «Ариэля» вместе с хирургом Танга собирались приступить к пересадке кожного

протеза Элли Куинн. Протез должен был служить ей лицом, пока (когда именно и каким образом?) ее не доставят в клинику, где будет осуществлена биорегенерация.

— Зачем тебе присутствовать при этом? — тихо спросил Майлз у Элен, когда она на цыпочках подошла к операционному столу.

Она покачала головой.

— Я хочу посмотреть.

— Зачем?

— А ты зачем?

— Я никогда не видел такой операции. И потом, она была ранена, исполняя мой приказ. Мой долг как командира быть рядом.

— В таком случае и мой тоже. Я целую неделю работала с ней плечом к плечу.

Фельдшер сняла бинты, и взорам открылось нечто жуткое: нос, уши, губы, щеки — ничего этого не было; подкожный жир и волосы сгорели дотла. И все же Элли пыталась что-то сказать, издавая невнятное клокотание. Ее болевые рецепторы заблокированы, напомнил себе Майлз и вдруг, отвернувшись, прижал ладонь к губам.

— Я думаю, нам здесь нечего делать. Обоим. Все равно мы ей ничем не поможем.

Он поднял глаза на Элен. Она была мертвенно бледна, но, судя по всему, не собиралась покидать свой пост.

— До каких пор ты собираешься стоять здесь? — спросил Майлз и подумал: «Боже, а ведь на ее месте могла оказаться ты...»

— Пока не закончат, — сухо ответила она. — Или пока не перестану чувствовать ее боль. Пока не огрубею, как отец. Если я перестану чувствовать боль другого, то уж сочувствовать врагу не буду наверняка.

Майлз покачал головой:

— Мне кажется, нам лучше продолжить разговор в коридоре.

Элен нахмурилась, собираясь воспротивиться, но, посмотрев на Майлза, последовала за ним без возра-

жений. Едва они вышли, как Майлз привалился к стене, тяжело дыша и глотая вязкую слюну.

— Может, принести тазик? — предложила Элен.

— Не надо. Через минуту я буду в порядке.

Минута прошла, и ему, слава Богу, удалось не осрамиться. Переведя дыхание и почувствовав, что в состоянии говорить, он категорически изрек:

— Женщинам не место на поле боя.

— Почему? Неужели это, — Элен кивнула в сторону палаты, — было бы не так ужасно, если бы на месте Элли оказался мужчина?

— Не знаю, — проговорил Майлз. — Твой отец однажды сказал мне: если женщина натягивает военную форму, она отдает себе полный отчет в том, что ей грозит. И ты должен стрелять в нее не задумываясь. Довольно странный способ утверждения равноправия полов. Мое естество подсказывает другое. К примеру, укрыть плащом ее плечи. Но не сшибать с плеч голову.

— Честь всегда бок о бок с риском, — раздувая ноздри, возразила Элен. — Отвергая риск, ты отказываешься от чести и славы. А я-то думала, что рядом со мной единственный на Барраяре мужчина, способный допустить, что честь женщины — не только то, что находится у нее между ног.

— Честь солдата — исполнение его патриотического долга.

— Или ее патриотического долга.

— Или ее долга, — согласился Майлз. — Но мы служим не родине, а императору. Это далеко не одно и то же. Мы здесь зарабатываем десятипроцентную прибыль для Тава Кольхауна. По крайней мере до недавнего времени делали это.

Он глубоко вздохнул и прикрыл глаза — надо было собрать силы, чтобы продолжить инспекцию. Но вот он снова обернулся к Элен:

— Ты, кажется, говорила что-то насчет необходимости стать грубой? Бесчувственной?

— Да. И что?

— Моя мать была настоящим солдатом, поверь. Но я не думаю, что ей была безразлична чужая боль. Даже боль ее врага.

После этих слов между ними надолго воцарилось молчание.

Совещание офицеров по поводу возможной контратаки противника получилось, к счастью, не таким напряженным, как ожидал Майлз. Они собрались в конференц-зале, где раньше заседало заводское начальство. Отсюда открывалась захватывающая панорама всей станции. Тяжело вздохнув, Майлз опустился в кресло — спиной к иллюминаторам.

Он быстро освоился с ролью беспристрастного арбитра, сопоставляющего различные предложения — и это при почти полном отсутствии информации, на которую можно было бы опереться. Он серьезно кивал, изредка ронял многозначительные «ага» и «хм», а вот «помоги нам Бог» произнес лишь однажды, — заметив, что Элен при этом едва удержалась от смеха. Торн, Осон, Джезек с Даумом и еще трое освобожденных из плена фелицианских офицеров справились с обсуждением и без активного вмешательства верховного главнокомандующего. Майлз вежливо и осторожно отклонил лишь те варианты, которые не оправдали себя в схватке с пеллианами.

— А вот что действительно всем нам здорово помогло бы — это если бы вы, майор Даум, вышли на связь со своим командованием, — сказал Майлз, подводя итог совещания. — Может быть, удастся найти добровольца, который попытается долететь на катере до планеты и сообщить им о нашем положении...

— Сделаем все возможное, — заверил Даум.

Какой-то неведомый поклонник подыскал Майлзу роскошные апартаменты в самой комфортабельной части станции. Каюта была расположена неподалеку от конференц-зала и, как видно, тоже предназначалась для кого-нибудь из начальства. Единственным недостатком

было то, что последние несколько недель никто не следил за порядком. Майлз почувствовал себя археологом, опустившимся в раскоп, полный разнообразных находок из двух культурных слоев одновременно: сверху были разбросаны многочисленные свидетельства пребывания пеллианского офицера, а под ними помещались практически нетронутые залежи, относящиеся к той эпохе, когда помещением владел впоследствии вытесненный фелицианин. Мятое обмундирование и нижнее белье, пустые коробки из-под пайков, дискеты, недопитые бутылки — все это вдобавок хорошенько перемешалось, когда во время битвы за обладание заводом возникли перебои в системе искусственной гравитации. Первым делом Майлз проверил дискеты — увы, это оказались различные игры и другие средства развлечения. Ничего похожего на секретные документы или какую-нибудь ценную информацию здесь не было.

Потом Майлз отправился в душевую. И тут опять началось. Он готов был поклясться, что разноцветные пушистые островки плесени, как только перестаешь смотреть на них в упор, медленно перемещаются по стене. Возможно, это тоже было результатом переутомления, но на всякий случай Майлз поостерегся приближаться к ним, пока мылся. Выходя, он включил ультрафиолетовые светильники на максимум и плотно закрыл дверь. «Последний раз ты просил сержанта остаться на ночь, когда тебе померещились загадочные твари в туалете, — напомнил себе Майлз, — но тогда тебе было четыре года». Чувствуя непреодолимое желание заснуть, он с удовольствием облачился в чистую пижаму, которую захватил с собой.

Кровать представляла собой обширный и мягкий антигравитационный матрац, подогреваемый инфракрасным прожектором до температуры материнской утробы. Ходили слухи, что секс в подобной постели — один из самых увлекательных аттракционов космического путешествия. Майлзу не доводилось проверять справедливость этого утверждения, однако удушающие запахи, которые стал издавать матрац, когда достаточно нагрелся, крас-

норечиво свидетельствовали, что другие обитатели каюты проделывали это не раз. Проворочавшись минут десять, Майлз выскочил из любострастного ложа, опустился и сидел на полу, пока его желудок не передумал выворачиваться наизнанку.

Он неверными шагами подошел к иллюминаторам. Отсюда открывался великолепный вид на искореженный, зияющий дырами корпус РГ-132. Время от времени какая-то особенно упругая деталь внезапно разгибалась, вызывая сотрясение других обломков, облепивших многострадальный корабль. Майлз несколько минут наблюдал за этим процессом и наконец решил отправиться к Ботари — выяснить, не осталось ли в его фляге немного виски...

В конце коридора находилась смотровая палуба. Прозрачный хрустально-хромовый купол открывал взгляду черноту космоса, пронизанную бесчисленным множеством звезд, холодных и острых, как иглы. Ради такого зрелища стоило потерять несколько минут драгоценного сна.

И вдруг он услышал со стороны палубы отчаянные крики Элен. Сонливость как рукой сняло. И, хотя ноги Майлза заплетались от усталости, он бросился вперед.

Взбежав по пандусу, он очутился в сумрачном зале, отделанном королевским голубым бархатом, таинственно переливающимся под холодным светом звезд. Канапе с жидкостным наполнением и причудливо изогнутые кушетки словно звали отдохнуть часок-другой. Но сейчас на одной из кушеток лежал распластанный Баз Джезек, а над ним навис сержант Ботари, вдавив колени ему в живот и сомкнув узловатые пальцы на горле инженера. Лицо База побагровело до синевы, он хрипел. Элен бегала вокруг них, беспомощно ломая руки.

— Нет, отец! Нет! — кричала она.

Неужели сержант поймал инженера, когда он... Горячая волна ревности захлестнула Майлза, но рассудок тут же остудил его. Элен способна постоять за себя, как никто из женщин — сержант, одержимый навязчивым страхом за ее судьбу, давно позаботился об этом. А ведь

из-за секундной вспышки ревности он мог позволить Ботари убить База...

Элен, заметив юношу, бросилась к нему.

— Майлз! Милорд, прикажите ему остановиться!

Майлз подошел ближе и скомандовал:

— Сержант, отпустите его.

Ботари, пожелтевший от ярости, лишь покосился на него безумными глазами, и не думая ослаблять хватку. Майлз опустился на колени и положил ладонь на вздувшиеся мускулы его руки. Тошнотворный страх подкатился к горлу, но все-таки он прошептал:

— Мне что, необходимо повторять свое приказание дважды, господин вассал?

Ботари словно и не слышал. Майлз сжал пальцы на его запястье.

— Вы... не сможете помешать мне, — процедил сержант сквозь стиснутые зубы.

— Зато я смогу заработать кучу новых переломов, пытаясь это сделать.

И он изо всех сил рванулся назад. Ногти побелели, пальцы задрожали от напряжения. Еще секунда — и его хрупкие кости издадут знакомый треск...

Сержант на миг зажмурился, шумно вздохнул и, зло выругавшись, спрыгнул с беспомощного инженера, стряхнув с себя вцепившегося мертвой хваткой Майлза. Могучая грудь Ботари тяжело вздымалась; он повернулся к ним спиной, остановив невидящий взгляд на звездах.

Баз скатился с кушетки на пол, сделал судорожный вдох и зашелся кровавым кашлем. Элен, забыв обо всем, бросилась к Джезеку и положила его голову себе на колени.

Майлз с трудом встал и спросил, переводя дух:

— Ну? Что здесь происходит?

Баз попытался что-то сказать, но его потряс новый приступ лающего кашля. Рыдающая Элен была, кажется, еще менее способна что-либо объяснить.

— Черт побери! — воскликнул Майлз. — Сержант, может, хоть вы мне скажете?

— Представьте себе, милорд, — проревел Ботари, — вхожу — и вижу, что она прилипла к этому... трусу.

— Он не трус! — крикнула Элен. — Он солдат не хуже тебя. Баз спас мне жизнь, — тут она порывисто обернулась к Майлзу: — Скажи ему. Ты же все видел на мониторе! Оссеровец хотел убить меня, а Баз застрелил его из плазменного пистолета. Скажи же!

«Она говорит о том типе в управляемом скафандре, которого я укокошил при помощи его же собственной аптечки, — сообразил Майлз. — Баз, разумеется, и не подозревал, что изжарил покойника. Это я, я спас тебе жизнь!» И тут, словно со стороны, он услышал собственный голос:

— Все так и есть, сержант. Вы обязаны жизнью дочери вашему собрату по оружию.

— Этот... никакой он мне не собрат!

— Вам мало моего слова?

— Нет... Но все это не так, как надо. Все должно быть иначе!

Ботари заметался в муках тоскливой ярости. Майлз никогда не видел его таким взволнованным. «Я взвалил на него в эти дни слишком большую ношу», — подумал он с запоздалым раскаянием.

— Оскорбление... чести, — прохрипел Баз.

Элен жестом велела ему замолчать, подошла к Ботари и, вперив в отца яростный взгляд, отчеканила:

— Теперь я знаю, чего стоит ваша хваленая воинская честь. Я побывала в сражении, я убила неприятельского солдата. Но ведь все это самая настоящая бойня! Любой робот справился бы не хуже. Все — сплошной обман, позерство. Твой мундир больше не внушает мне ни страха, ни уважения, слышишь?!

Лицо Ботари потемнело. Майлз за его спиной отчаянно замахал рукой, умоляя девушку замолчать. Он ничего не имел против независимости взглядов, но неужели Элен не понимает, что сейчас не время их демонстрировать? Похоже, что нет — она слишком поглощена своей болью, мучительным чувством вины. Теперь и в ее плечо острыми когтями впился призрак.

Элен не доложила ему, что убила неприятельского солдата, но Майлз ее не осуждал — он хорошо понимал, что ей мешало.

Каждый из них был ему необходим — и Ботари, и Элен, и Джезек. Только объединив усилия, они могли надеяться вернуться домой живыми. А значит, он не имеет права дать волю гневу, пусть даже справедливому. Он должен успокоиться и сказать именно то, что необходимо.

Первым делом нужно помешать сержанту рассориться с дочерью окончательно.

— Элен, проводи База в лазарет, — распорядился Майлз, — пусть врач проверит, нет ли повреждений внутренних органов.

— Слушаюсь, милорд, — сказала она, сделав ударение на слове «милорд» — скорее всего специально для отца.

Подхватив полубесчувственного Джезека, прекрасная амазонка двинулась к выходу, бросив на отца ненавидящий взгляд. Тот повел плечами, но смолчал.

Майлз проводил их вниз по пандусу, с облегчением отметив, что Баз задышал чуть ровнее.

— Знаешь, я думаю, мне лучше остаться с сержантом, — сказал он. — Надеюсь, с вами больше ничего не случится?

— Все будет в порядке. Благодаря тебе. Я пыталась ему помешать, но не смогла. Я... испугалась. — Элен заморгала, борясь со слезами.

— Может быть, оно и к лучшему. Все страшно устали, взвинчены, нервы на пределе. А у него больше других, ты же знаешь.

Майлзу нестерпимо хотелось уточнить, что подразумевал Ботари под словом «липнуть», но он нашел в себе силы воздержаться от расспросов. Элен потащила База дальше, что-то шепча ему на ухо. Проклятая девчонка будто задалась целью свести Майлза с ума. Он круто развернулся и, кусая губы, зашагал обратно, на смотровую палубу.

Ботари стоял на том же месте, погруженный в мрачные раздумья. Майлз присел на кушетку и, вздохнув, спросил:

— У вас осталось еще немного виски?

Ботари вздрогнул, порылся в просторном набедренном кармане, достал флягу и молча протянул ее Майлзу. Тот жестом предложил ему сесть. Сержант опустился рядом, понурив голову и свесив руки между колен.

Майлз сделал долгий глоток и отдал флягу Ботари:

— Выпейте.

Ботари покачал головой, но все-таки взял флягу и приложился к горлышку. Потом мрачно пробормотал:

— Прежде вы никогда не называли меня вассалом.

— Мне просто необходимо было привлечь ваше внимание. Простите — я не хотел вас оскорбить.

Ботари хлебнул еще и сказал:

— Нет, все правильно. Это и есть мой «титул».

— За что вы хотели его убить? Неужели вы не знаете, как нам не хватает квалифицированного техперсонала?

На этот раз пауза была еще дольше.

— Он не тот. Не для нее. Дезертир...

— Он же не пытался ее изнасиловать?.. — это было скорее утверждение, чем вопрос.

— Нет. Кажется, нет. Как можно быть уверенным?

Майлз обвел взглядом смотровую площадку под звездным куполом. Отличное место, чтобы прильнуть друг к другу... Как раз в эти минуты легкие белые руки, наверное, прикладывают холодные компрессы к рассеченной брови База. А он сидит здесь и напивается. Какая бездарная трата времени!

Фляжка меж тем продолжала кочевать от господина к слуге и обратно.

— Никогда нельзя быть уверенным, — повторил Ботари. — А у нее все должно быть правильно, как положено. Вы понимаете меня, милорд? Неужели не понимаете?

— Понимаю, конечно. Но все равно прошу — не трогайте, пожалуйста, моего инженера — он мне нужен для работы. Хорошо?

— Проклятые технари! Вечно командование их обхаживает!

Слова Ботари прозвучали эхом стародавних времен. Майлзу он почему-то всегда казался одним из последних уцелевших вояк дедовского поколения, хотя на самом деле сержант был на несколько лет младше его отца. Как бы там ни было, похоже, Ботари возвращался в нормальное — то есть, скорее, не нормальное, а обычное для него — состояние.

Сержант сполз на мягкий ковер, привалившись спиной к кушетке.

— Милорд, — заговорил он некоторое время спустя, — если я буду убит, вы должны позаботиться о ней. Чтобы все было как надо — приданое и все такое... У Элен должен быть человек, который в случае чего заменит ей папашу и возьмет на себя устройство ее судьбы. И еще подходящая сваха.

Какие старомодные у него мечты, подумал Майлз, словно в тумане.

— Я по закону — ее сеньор, — мягко напомнил он, — и позаботиться о ней — мой долг.

«Если бы я только мог исполнить этот долг так, как хочется мне!»

— Многие нынче забыли даже о понятии долга, — проговорил Ботари, — но только не потомки Форкосиганов. Они всегда об этом помнят.

— Это точно, черт побери, — подтвердил Майлз заплетающимся языком.

— М-м-м, — кивнул Ботари и сполз еще ниже. Снова повисло долгое молчание. Потом Ботари заговорил:

— Милорд, если я погибну, вы, конечно, не бросите меня здесь? А, милорд?

— Ч-ч-то? — Майлз с трудом отвлекся от составления новых созвездий. У него как раз почти получился кавалерист на коне.

— Тела убитых частенько выбрасывают прямо в космос. Адский холод... Бог не найдет меня там.

Майлз удивленно заморгал. Он никогда не замечал за сержантом склонности философствовать.

— Что это вы вдруг заговорили о смерти? Не собираетесь же вы...

— Граф обещал мне, — перебил Ботари, — что я буду похоронен у ног вашей матери, миледи Форкосиган-Сюрло. Он мне обещал. Разве он не говорил вам об этом?

— Э-э... Мы как-то ни разу не затрагивали эту тему.

— Он дал слово Форкосигана. Значит, это и ваше слово.

— Да, конечно...

Майлз, не отрываясь, смотрел на хрустальный купол. Один человек, глядя на него, думает о звездах, а другой — о пустоте между ними. Адский холод...

— Послушайте, сержант, — сказал он вдруг, — вы, как я понимаю, собрались в рай?

— Я попаду туда как верный пес миледи. Кровь смывает все грехи. Это она так сказала.

Не сводя глаз со звездного купола, он уронил флягу на ковер, потом опустил веки и захрапел. Майлз остался сидеть над ним, словно часовой — маленькая фигурка в белой пижаме, страшно одинокая среди космического мрака, в непостижимой дали от дома.

К счастью, Баз быстро оправился и уже на следующий день вернулся к работе — правда, с пластиковым воротником, фиксирующим порванные связки шеи. Теперь в присутствии Майлза он вел себя с Элен крайне предупредительно. Впрочем, за Майлзом по-прежнему тенью следовал Ботари, так что скорее всего именно этим и объяснялся подчеркнуто официальный тон Джезека.

Перво-наперво Майлз бросил все имевшиеся в его распоряжении скромные ресурсы на приведение в боевую готовность «Триумфа». Для команды было очевидно, что адмирал опасается пеллианского контрнаступления, на самом же деле он думал о другом. Это был единственный достаточно большой и достаточно быстроходный корабль, чтобы смотаться отсюда, пока не поздно. У Танга было два скачковых пилота. По крайней мере, одного из них можно было убедить — или заставить — одним

махом вывезти «дендарийцев» за пределы блокированной зоны Тау Верде. Только вот, что будет потом, когда он появится на Бете в угнанном корабле, управляемом похищенным пилотом, с двумя десятками безработных наемников и целой толпой ошалевших технарей на борту? Притом ему не только нечем расплатиться с Тавом Кольхауном — денег нет даже на выплату посадочного сбора. Майлз почувствовал, что дипломатическая неприкосновенность третьего класса, которая обычно служила ему надежной ширмой, при данных обстоятельствах превращается в фиговый листок.

Он пытался помогать техникам в переброске арсенала с РГ-132, но проку от него было мало. К нему постоянно прибегали за приказами и распоряжениями, а чаще всего — за разрешением воспользоваться трофеями. Майлз подмахивал все заявки без разбора, чем вскоре заслужил репутацию крайне решительного командира. Через весьма непродолжительное время его подпись приобрела прямо-таки министерские очертания.

Увы, недостаток рабочих рук невозможно было ликвидировать таким же росчерком пера. Сначала работали в две смены, затем перешли на трехсменку, а это рано или поздно грозило привести к полному истощению персонала. Майлз решил, что настала пора испробовать еще одно средство.

Две бутылки фелицианского вина неведомого сорта; бутылка таукитянского ликера — к счастью, бледно-оранжевого, а не зеленого; два раскладных стула и маленький хрупкий столик; полдюжины фелицианских деликатесов в серебристых упаковках (Майлз надеялся, что это именно деликатесы); на десерт — остатки урожая фруктов из поврежденной заводской теплицы. Учитывая походную обстановку, угощение получилось вполне приемлемым. Он нагрузил Ботари яствами для мародерского пикника, подхватил те коробки, которые не сумел удержать сержант, — и они отправились в секцию, где содержались пленные.

В коридоре их встретил Мэйхью и, подняв брови, изумленно спросил:

— Куда это вы?

— Свататься, — засмеялся Майлз.

В свое время пеллиане оборудовали на заводе импровизированную гауптвахту, разделив переборками просторный склад на крохотные камеры. Майлзу было совестно содержать пленных в таких ужасных условиях, но он утешался тем, что они сами выстроили себе такую тюрьму.

Танг явно не ждал гостей. Они застали его висящим на одной руке под потолком камеры. Он держался за кронштейн светильника, а другой рукой, вооруженной пряжкой от мундира, безуспешно пытался снять плафон.

— Добрый день, капитан, — весело приветствовал его Майлз. Танг с ненавистью глянул вниз, заметил стоящего рядом Ботари и, заключив, что соотношение сил не в его пользу, грузно спрыгнул на пол. Охранник убедился, что все спокойно, и закрыл дверь.

— Интересно, что бы вы с ним сделали, если бы сумели отвинтить? — продолжал Майлз, указывая глазами на плафон.

Танг пустил в него одним из своих отборных ругательств и, отвернувшись, замолчал.

Ботари невозмутимо установил посреди камеры походную мебель, вывалил на стол принесенное угощение и, по обыкновению привалившись к стене, стал скептическим взглядом наблюдать за происходящим. Майлз сел на один из стульев и откупорил бутылку вина. Танг даже не шелохнулся.

— Присоединяйтесь, капитан, — дружески пригласил Майлз, — вы ведь еще не обедали. Заодно побеседуем.

— Мое имя Ки Танг, я капитан Флота вольных наемников Оссера, гражданин Великой Южноамериканской Народной Республики. Персональный служебный номер Т275-42-1535-1742. Беседа окончена.

— Вы меня не поняли. Допросы не по моей части, медперсонал в этом смысле действует гораздо эффективнее. Наоборот — я сам готов вам дать кое-какую

информацию. — Майлз поднялся и отвесил церемониальный поклон: — Позвольте представиться: Майлз Нейсмит, — он указал на стул напротив. — Присядьте же. Или вам кажется, что я недостаточно долго стою перед вами, склонив голову?

Танг заколебался, потом сел, в качестве компромиссного варианта опустившись на самый краешек стула. Майлз налил вина и сделал небольшой глоток. Сейчас следовало бы произнести одну из фраз, которыми его дед, большой знаток вин, обычно начинал разговор с молчаливым собеседником, но на память почему-то приходили только ремарки типа «кислое, как моча», что показалось Майлзу не вполне уместным. Поэтому он обтер рукавом край пластикового стакана и протянул его Тангу.

— Можете пить смело как видите, я не сплю и не впадаю в обморок.

Танг демонстративно скрестил руки на груди:

— Старый трюк из книжки про шпионов. Прежде чем войти, выпиваешь противоядие — и ничто тебя не берет.

— М-да. Другой на моем месте мог бы так поступить. Ладно.

Он вытряхнул из пакета несколько белковых кубиков, по фактуре изрядно напоминавших резиновые, и посмотрел на них с не меньшим подозрением, чем Танг на вино.

— Так... Судя по всему, мясо.

Майлз бросил кубик в рот и принялся тщательно жевать.

— Спрашивайте обо всем, что вас интересует, — пробубнил он с набитым ртом.

После секундной борьбы Танг резко осведомился:

— Что с моей командой?

Майлз поименно перечислил всех убитых, затем раненых, не забыв упомянуть о состоянии каждого в данный момент.

— Остальные, как и вы, находятся под стражей. Позвольте не уточнять, где именно, — а то вдруг вы со-

орудите с помощью этого светильника что-нибудь такое, чего я даже представить не могу.

Танг вздохнул — не то с грустью, не то с облегчением — и начал рассеянно жевать белковый кубик.

— Я очень сожалею, что все произошло именно так. Понимаю, каково командиру проиграть сражение в результате такого маневра противника. Сам бы предпочел что-нибудь более изящное, как при Комарре, например, но в той ситуации я не нашел иного выхода.

— Можно подумать, у другого на вашем месте получилось бы лучше, — фыркнул Танг. — Разве только у Форкосигана.

Майлз поперхнулся вином и так отчаянно закашлялся, что Ботари отвалился от стены и на всякий случай несколько раз ударил его по спине своим пудовым кулаком, угрожающе поглядывая на Танга. К счастью, через несколько минут к Майлзу вернулось самообладание.

— А-а, — небрежно протянул он, — вы имеете в виду адмирала Форкосигана с Барраяра. Так ведь он теперь граф Форкосиган.

— Да? Он еще жив? — с неподдельным интересом спросил Танг.

— Еще как жив.

— Читали его книгу о Комарре?

— Книгу? А, «Доклад о Комарре». Да, читал. Говорят, он включен в курс нескольких инопланетных военных академий...

— Я прочел ее одиннадцать раз, — гордо заявил Танг. — Великолепные мемуары — все предельно ясно и сжато. Самые сложные стратегические ситуации, политические и экономические аспекты войны — все увязано просто безупречно. По-моему, он способен мыслить сразу в пяти измерениях. А ведь мало кто знаком с этой книгой. Будь моя воля — включил бы ее в обязательную программу всех военных учебных заведений.

— Знаете, граф Форкосиган однажды сказал: война — это что-то вроде аварии, когда политика не срабатывает. Мне кажется, именно политические средства всегда составляли основу его стратегического почерка.

— Конечно, когда достигаешь такого уровня, как он... Постойте! Вы говорите «сказал»? А я и не знал, что он давал интервью. Не припомните, где вы это слышали? Может быть, у вас есть видеозапись?

— Да нет... — Майлз выдержал эффектную паузу и пояснил: — Это была личная беседа.

— Вы знакомы с ним лично?!

Майлз почувствовал, что вырос в глазах Танга на добрых полметра. Но это его совсем не обрадовало.

— Разумеется, — подтвердил он, словно говоря о чем-то самоочевидном.

— Вы не знаете, может быть, он написал такие же мемуары и об Эскобарском вторжении? — глаза Танга жадно загорелись. — Это была бы настольная книга офицера космофлота — пособие по активной обороне. Вот, кстати, и второй основной компонент его стратегического почерка. Получилось бы что-то подобное двухтомнику Шри Симки об обороне Уолиша и Скиа IV.

Наконец-то Майлз понял, что собой представляет его собеседник: фанатик истории военного искусства. Теперь он знал, как с ним действовать, и готов был прыгать от радости.

— Я не вполне с вами согласен, — солидно заявил юноша, — ведь вторжение на Эскобар, в конце концов, все-таки провалилось. Он не любит об этом вспоминать, и я его понимаю. Уязвленное самолюбие, знаете ли...

— Хм, пожалуй, — неохотно согласился Танг. — Но то, что я прочел, было потрясающе. Во время битвы мне все казалось сплошным хаосом, а когда я читал мемуары Форкосигана о тех же событиях, то понял: в каждой минуте, в каждом маневре был смысл. Ничего удивительного, что я уразумел это задним числом: когда проигрываешь сражение, трудно сохранить ясную голову.

Теперь настал черед Майлза навострить уши.

— Вы говорите — «мне казалось»? — переспросил он. — Вы воевали на стороне Комарры?

— Да. Служил младшим лейтенантом во флоте Селби, нанятом Комаррой. Двадцать три года прошло... В те дни казалось, что все недостатки, присущие наемной

армии, разом поперли наружу и гарантировали нам поражение еще до того, как прозвучал первый выстрел. А на самом деле все это было делом рук разведчиков Форкосигана.

Майлз умел изображать живой интерес, и при его активной поддержке нить воспоминаний Танга стала разматываться с невероятной быстротой. Ломтики фруктов превратились в планеты и их спутники, белковые брикеты различной формы — в крейсеры, десантные катера и бомбы. Сбитые корабли тут же с аппетитом съедались. Вторая бутылка вина открыла следующую серию мемуаров о самых известных сражениях наемников. Теперь Майлз впитывал каждое слово Танга, и в его интересе не было ни капли лицемерия.

Наконец Танг, опустошив запасники рассказов и заполнив образовавшееся пространство вином и закуской, удовлетворенно откинулся на спинку стула.

Майлз хорошо знал свой предел в выпивке, и все это время держал себя под контролем. Теперь же он вытряхнул из бутылки последние капли, поднес стакан к губам и проговорил:

— Как нелепо — офицер с таким колоссальным опытом, вместо того чтобы участвовать в боевых действиях, проводит день за днем взаперти!

— Вот потому я и не собираюсь задерживаться в этой конуре, — усмехнулся Танг.

— Но ведь есть разные способы выбраться отсюда. Флот наемников Дендарии быстро расширяется и развивается. Он открывает великолепные возможности — не только для младших офицеров, но и для капитанов.

Улыбка Танга померкла:

— Вы захватили мой корабль.

— Я захватил и корабль капитана Осона. Но спросите его сейчас — он очень об этом сожалеет?

— Понимаю, к чему вы клоните. У меня контракт, э-э... мистер Нейсмит. В отличие от некоторых я продолжаю о нем помнить. Наемник, который способен плюнуть на контракт, при каких бы обстоятельствах это ни происходило, сволочь, а не солдат.

Майлз был очарован такой принципиальностью.

— Не знаю, чем руководствуется этот ваш Осон, — продолжал Танг, — но подозреваю, что он — честолюбивый осел, которого за какую-то провинность понизили в звании. И сдается мне, что как раз вы, а не я, скоро займетесь поиском новой работы. Судя по всему, вы наделены определенными тактическими способностями — думаю, они у вас не ниже средних, по крайней мере вы читали мемуары Форкосигана. И вот что я вам скажу — офицер, который сумел заставить Осона и Торна работать в одной упряжке, справится с любым подчиненным, даже самым неуправляемым. Если вы выйдете из этой истории живым, прилетайте ко мне — возможно, я подыщу для вас место старшего помощника.

Майлз смотрел на своего пленника, открыв рот, — предложение действительно было заманчивым. Опомнившись, он с сожалением вздохнул.

— Вы делаете мне честь, капитан. Но и у меня контракт.

— Дерьмо, — отозвался Танг.

— Простите?

— Если у вас контракт с фелицианами, то интересно бы узнать, кто его подписывал с их стороны. Вряд ли Даум имеет подобные полномочия. Фелициане — такая же дешевка, как и их враги пеллиане. Мы закончили бы эту войну еще полгода назад, если бы пеллиане согласились приобрести корабли-шпионы. А они решили сэкономить и заплатили только за блокаду да за несколько стационарных объектов, вроде этого. Зато ведут себя так, словно сделали нам великое одолжение. Ха! — Он брезгливо фыркнул.

— А если я скажу, что у меня контракт не с фелицианами? — обронил Майлз.

Танг посмотрел на него, сузив глаза. Он был явно озадачен. Вот так-то лучше, подумал Майлз. Ему совсем не нравилось, что старый космический волк так близко подобрался к истине.

— Тогда не слишком распушай хвост, сынок, — наконец посоветовал капитан. — Как правило, нашему

брату его подрезают не враги, а собственные работодатели.

Это был удобный момент закруглить беседу; Майлз встал и почтительно поклонился. Танг проводил его до порога с видом самого что ни на есть гостеприимного хозяина.

— Вы нуждаетесь еще в чем-либо дополнительно? — уже выйдя в коридор, осведомился Майлз.

— Нуждаюсь. В отвертке, — последовал незамедлительный ответ.

Майлз виновато развел руками. Дверь в камеру медленно закрылась.

— Чтоб мне сдохнуть, если я не хочу принести ему отвертку, — признался Майлз, обратившись к Ботари. — До смерти охота узнать, что он собирается делать с этим светильником.

— Лучше скажите, чего вы добились своим визитом, — проворчал сержант. — Он угробил уйму вашего драгоценного времени, пичкая вас своими россказнями, и ухитрился при этом не выболтать никаких ценных сведений.

— Да, ничего существенного, — усмехнулся Майлз.

ГЛАВА 14

Пеллиане атаковали по эклиптике, заходя с солнечной стороны под прикрытием пояса астероидов. Они приближались на малой скорости, словно подчеркивая, что намерены захватывать, а не уничтожать. Пеллиане пожаловали одни, без своих оссеровских «помощников».

Майлз, прихрамывая, шел по коридору причальной секции космического завода, лавируя между оборудованием и снующими туда-сюда подчиненными. Он довольно потирал руки — противник сделал все возможное, чтобы облегчить его задачу. Даже если бы Майлз сам отдавал им приказы, вряд ли ситуация сложилась бы столь же благоприятно. А ведь накануне на совещании ему едва

удалось убедить офицеров, что защитные поля и тяжелые орудия следует расположить с той стороны станции, которая обращена к поясу астероидов, а не к планете. Здравый смысл подсказывал, что, помимо увиливающего маневрирования — приема, давно вышедшего из моды, — атака по эклиптике была единственной тактикой, позволявшей врагам хоть в какой-то степени использовать эффект внезапности. Еще неделю назад она сулила бы им успех. Но только не сегодня.

Майлз едва успевал уворачиваться от солдат, сломя голову несущихся к постам. Не дай Бог попасть когда-нибудь под лавину отступающих. Придется на всякий случай оставаться в тыловом прикрытии, иначе его попросту затопчут — не противник, так свои.

Он перебежал по шлюзовому туннелю на «Триумф». Часовой поспешно задраил за ним люк и, отключив замки, одним нажатием кнопки отсоединил переходные трубы. Значит, все остальные уже на борту. Пока он добирался до командного пункта в отсеке боевого слежения, корабль успел отвалить от заводского причала.

Командный пункт «Триумфа» был заметно просторнее рубки «Ариэля». Чем они были схожи, так это сверкающей, глянцевой чистотой. Однако Майлз был неприятно поражен обилием незанятых кресел: половины прежней осоновской команды, усиленной добровольцами из числа заводских технарей, едва хватило, чтобы составить костяк команды нового корабля.

Осон, утомленный попытками распределить малочисленный экипаж на два огромных объекта, встретил появление Майлза с нескрываемой радостью.

— Как хорошо, что вам удалось прийти, милорд! — воскликнул он.

— Я тоже этим доволен, — признался Майлз, скользнув в соседнее кресло. — Одна просьба, капитан, — обращайтесь ко мне «мистер Нейсмит», а не «милорд».

— Но почему? — удивился Осон. — Ведь другие вас так называют.

— Видите ли... Это не просто форма вежливого обращения, а символ особого вида взаимоотношений. К примеру — вы же не станете называть меня «муженек», услышав, что моя жена обращается ко мне так, правда ведь? Ну, что мы имеем?

— Десять легких кораблей, и все — пеллианские, — широкое лицо Осона сразу помрачнело. — Я вот никак не могу понять, где же наши ребята. Хитрые штучки как раз в их стиле.

Было ясно, что «нашими ребятами» он называет своих бывших соратников-оссеровцев. Однако эта оговорка нисколько не встревожила Майлза — теперь в преданности Осона можно было не сомневаться. Он догадывался, почему пеллиане не прихватили с собой наемников: наверняка не ожидали, что орудия самого мощного корабля оссеровского флота окажутся нацеленными на них. Майлз с удовольствием представил, как растерялись сейчас командиры пеллианской эскадры.

«Ариэль» нырнул и по пологой дуге пошел наперерез атакующим. Майлз набрал на пульте код ходовой рубки.

— Как дела, Ард?

— Представь себе глухонемого пилота, летящего вслепую. Для такого варианта — нормально, — отозвался Мэйхью. — Ручное управление — это мука. Будто не я управляю кораблем, а он мной. Кошмарное ощущение.

— Все у тебя получается, как надо, — подбодрил Майлз. — Помни, для нас главное — загнать их под огонь стационарных установок завода, а не сбивать собственноручно.

Он отвалился к спинке кресла и обвел глазами мелькающие изображения на дисплеях.

— Похоже, эти ребята не догадываются, как много разной стреляющей обновки привез сюда майор Даум. Они разворачивают наступление точно так же, как делали это в прошлый раз. Однажды сработало, ну а теперь — извините.

Головные корабли как раз вошли в зону прицельного огня. Майлз затаил дыхание, боясь, как бы наводчи-

ки не начали преждевременной стрельбы. Можно было представить, в каком напряжении работает горстка бойцов — оружия имелось предостаточно, но вот людей, даже учитывая, что некоторые установки наводил компьютер, катастрофически не хватало. Мало того — далеко не во всех устройствах удалось разобраться в процессе монтажа. Баз вкалывал, как проклятый, даже в последние минуты стараясь увеличить огневую мощь станции. Элен, насколько было известно Майлзу, работала рядом с инженером. А как хотелось, чтобы она была здесь, а не там...

Первый пеллианин рассыпал веер реактивных кассетных бомб, стремясь поразить солнечные батареи станции. «Только не это! — мысленно завопил Майлз. — Две недели ремонта!»

Бомбы приближались — тысячи хищных маленьких игл. Внезапно черноту космоса прочертило несколько десятков огненных сполохов — заработали оборонительные системы, испепеляя пеллианские заряды. Чуть пораньше бы, с досадой подумал Майлз, и в этот момент один из атакующих кораблей взорвался, превратившись в бесформенную груду расплавленного металла — лазерный импульс, скорее всего случайно, угодил прямо в него. Однако раскаленное облако металлолома продолжало двигаться в прежнем направлении и с прежней скоростью, грозя куда большими неприятностями, чем тщательно наведенный снаряд.

Строй эскадры нарушился, и в тот же миг Осон и Торн атаковали ее с двух сторон, словно взбесившиеся овчарки, нападающие на собственное стадо. Майлз, торжествуя, стукнул кулаком по панели — маневр был потрясающе красив. Будь у него еще один корабль, чтобы замкнуть ловушку, никто из врагов не удрал бы домой... Ну, ничего — зато пеллиане распределились в одной плоскости, создав идеальную мишень для наводчиков стационарных орудий.

Ликование Осона было не меньшим:

— Смотрите, смотрите! Прямо в глотку лезут, как вы и предсказывали. А Гамад орал, что это глупость —

оголять солнечную сторону. Нет, коротышка, ты гений, чтоб тебя!..

«Представляю, как бы ты меня честил, если бы я просчитался», — подумал Майлз. Облегчение было столь велико, что у него закружилась голова. Он сполз по спинке кресла и издал протяжный вздох.

Вот уже и второй пеллианский корабль приказал долго жить, следом за ним — третий. Цифра в углу ближайшего экрана монитора изменила знак с минуса на плюс.

— Ага! — крикнул Майлз, указывая на монитор. — Видите — прибавляют ходу! Они прервали атаку! Они удирают!

Теперь у пеллиан был единственный путь — прямо над заводом, сквозь зону обстрела. И сейчас они думали только об одном — как бы набрать скорость побольше. Торн и Осон зашли с тыла, лишая врага возможности маневрировать.

И вдруг один из неприятельских кораблей, поравнявшись с заводом, выстрелил. Майлз вздрогнул: компьютер не сумел идентифицировать луч. Это был не лазер, не плазма, не энергетический пучок — и генератор защитного поля не смог его отразить. Солнечные батареи остались без прикрытия. Трудно было на глаз определить, какой ущерб причинил этот выстрел. Да и выстрел ли? Очень странно...

Словно колдун, пронзающий иглой магическое изображение своего врага, Майлз поймал в кулак голографическую картинку движущегося корабля:

— Капитан Осон! Мы должны догнать его.

— К чему лишние хлопоты? Он улепетывает домой вместе со своими дружками.

— Это приказ, — строго произнес Майлз, понизив голос.

Благодушие Осона мгновенно улетучилось.

— Есть, сэр!

Сработало, удовлетворенно подумал Майлз.

По строго закодированному каналу на «Ариэль» пошла команда «новая цель». Осон уже потирал руки, предвкушая отличную возможность проверить в деле

свой новый корабль. Экран повторного изображения оказался как нельзя кстати — с его помощью они определили предельную дальность луча, а также скорострельность, которая почему-то оказалась необычно низкой. Долгая перезарядка?..

Они устремились вдогонку за пеллианами.

— Какое сообщение им послать? — осведомился Осон. — «Стой, стрелять буду?»

— Вряд ли это сработает, — Майлз отрицательно покачал головой. —Для нас главное, чтобы они не подорвали себя, когда мы подойдем слишком близко. Боюсь, угрозы тут не помогут. Они ведь не наемники.

— Хм. — Осон откашлялся и сделал вид, что углубился в изучение карты на дисплее. У Майлза хватило такта сдержать смешок.

Компьютер вывел на экран многомерную картинку, поэтапно изображающую, как они настигают пеллиан, а затем остановил развертку, вежливо ожидая дальнейших указаний. Майлз попытался влезть в шкуру капитана судна, прикинул время задержки, дистанцию и максимальную скорость, на которой они могли приблизиться к противнику вплотную...

— Есть, подошли, — сказал он, не сводя глаз с экрана. Дублирующий монитор вывел леденящее душу изображение того, что ожидало оба корабля, если бы Майлз не успел вписаться в строгие временные рамки.

Осон, глядевший через плечо своего адмирала на живописный голографический фейерверк из разлетающихся обломков, процедил:

— Проклятый самоубийца...

На эту непочтительную реплику Майлз никак не отреагировал.

— Передать команде — немедленно надеть скафандры и приготовиться к высадке, — распорядился он после секундного раздумья. — Пеллиане отлично понимают, что от нас им не убежать — значит, наверняка заложат на борту адскую машину с таймером, набьются в свой спасательный катер и, как только отвалят от своего корабля, взорвут его прямо нам в морду. Но если мы

плюнем на катер, быстро проскочим через запасной стыковочный узел, то вполне можем успеть снять мину и взять корабль без единого выстрела. А потом уж разберемся, что за штуковина у него на борту.

Кислая гримаса на лице Осона выражала крайнее неодобрение.

— Вы хотите задействовать всех моих бортинженеров? Гораздо лучше просто отстрелить катер от стыковочного узла — дистанция позволяет — и захватить корабль вместе с командой...

— Вы собираетесь атаковать вооруженную команду боевого корабля силами четырех бортинженеров и вашего покорного слуги? — сухо поинтересовался Майлз. — Нет уж, спасибо. К тому же, если пеллиане увидят, что катер потерян и пути к отступлению нет, они могут устроить такое эффектное самоистребление, что и нам тошно станет.

— А что прикажете делать, если вы не успеете снять мину?

— Действуйте по обстановке, — мрачно усмехнулся Майлз.

К счастью, склонность пеллиан к подвигам камикадзе оказалась не столь велика, чтобы отказаться от единственного шанса унести ноги. Всего через несколько секунд Майлз и четыре инженера, высадив лучами бластеров закодированный люк, ворвались на корабль. Грубая работа, но зато быстрая.

Майлз проклинал свой скафандр. Даже самый маленький размер оказался слишком велик, и глубокие складки немилосердно врезались в тело сквозь комбинезон. Очень скоро ему пришлось убедиться, что «холодный пот» — это не только литературная метафора. Инженеры рассыпались по коридорам — каждый в своем направлении. Майлз избрал для себя маршрут через командный пункт и жилые каюты — здесь могли встретиться не только мины, но и что-нибудь ценное в смысле развединформации. Однако его встретили лишь развороченные бластерами приборные панели и оплавленные компь-

ютеры. Он взглянул на часы — максимум через пять минут пеллианский спасательный катер окажется на безопасном расстоянии от радиоактивного облака, которое образуется после взрыва двигателя. И тогда...

Торжествующий вопль в наушниках оглушил его:

— Я нашел! Нашел! Они заложили в реактор обычное взрывное устройство. Цепная реакция остановлена. Заканчиваю разминирование.

Эфир наполнился восторженными криками. Счастливый Майлз рухнул в первое же подвернувшееся кресло. И вдруг в голове мелькнула мысль, от которой его едва не хватил инфаркт. Он включил общую связь на полную громкость:

— Парни, а что если это была не единственная мина? Продолжать поиски! По крайней мере, еще минут десять.

В наушниках раздался гул встревоженных голосов. В следующие три минуты было слышно лишь тяжелое дыхание. Майлз в поисках капитанской каюты побежал через камбуз, но внезапно остановился и чуть не подавился воздухом от неожиданности. Перед ним стояла микроволновая печь с полуоторванной крышкой. Таймер отсчитывал секунды, а из духовки торчал... кислородный баллон! «Боевой вклад повара в усилия команды», — ухмыльнулся Майлз. Через пару минут этот баллон разнес бы не только камбуз, но и прилегающие помещения. Он выдернул из печи смертоносную штуковину и поспешил дальше.

Неожиданно в эфире раздался плачущий голос:

— Вот дерьмо! Д-дерьмо!

— Кэт, где вы находитесь?

— На складе боеприпасов. Их слишком много. Я не успеваю. Д-дерьмо проклятое!

— Продолжайте действовать. Мы бежим к вам на помощь! — крикнул Майлз, передал по общей связи приказ всем срочно двигаться к арсеналу — и бросился туда.

Ворвавшись в арсенал, он с облегчением обнаружил, что верхнее освещение здесь не выключено. Одино-

кая фигурка Кэт двигалась вдоль стеллажей со сверкающими кассетными бомбами.

— Все в боевой готовности! — крикнула Кэт, на мгновение обернувшись к нему; ее пальцы не переставали отключать кодовые детонаторы. Майлз, сосредоточенно приоткрыв рот, несколько секунд наблюдал за ее движениями, затем взялся за обезвреживание второй кассеты, в точности повторяя действия Кэт. Очень неудобно плакать в скафандре, подумал он, ни высморкаться, ни утереть слезы — очистное устройство шлема приспособлено только для устранения последствий чихания и кашля. Он резко зашмыгал носом, и тут же, словно в ответ, из желудка поднялась кислая, обжигающая волна. Дрожащие пальцы ослабели, на лбу выступила испарина. А ведь он мог сейчас спокойно проводить время на Бете, а то и дома, в теплой постели.

Краем глаза Майлз заметил, что к ним присоединился еще один технарь. Никто не позволял себе отвлечься, даже для того, чтобы перебросится словом-другим... Тишину нарушали только редкие выхлопы гипервентиляционных устройств скафандров. Автоматика костюма Майлза никак не могла определить, что творится с его хозяином, а потому на всякий случай уменьшила подачу кислорода. «Ботари наверняка не позволил бы мне организовать эту авантюрную вылазку, а тем более — принимать в ней участие. И зачем я оставил сержанта на заводе! Быстрее, быстрее! Следующая бомба... Готово! Еще одна... готово. Следующая...»

Кэт с трудом поднялась на ноги и указала на табло возле одной из бомбовых кассет.

— Три секунды! Если бы мы опоздали на три секунды... — и она зарыдала в голос, уткнувшись Майлзу в плечо. Он неуклюже похлопал ее по спине.

— Ну-ну. Теперь все в порядке. Поплачьте. Вы это заслужили, — он торопливо отключил радиопередатчик скафандра и, уже не стесняясь, громко всхлипнул.

Майлз вернулся на станцию с неожиданно ценным приобретением — почти подходящим ему по размеру

боевым скафандром. Правда, модель была женской, но Баз наверняка без особых хлопот мог подогнать ее по фигуре Майлза.

Заметив среди встречающих Элен, он гордо продемонстрировал свой трофей:

— Смотри, что я добыл.

Она сморщила очаровательный носик:

— Ты захватил целый корабль ради одного-единственного скафандра?

— Нет, совсем не ради этого. Ради оружия, установленного у него на борту. Того самого, что пробило защиту. Кстати, куда попал заряд?

Один из фелициан как-то странно покосился на Элен и сказал:

— Он пробил дыру — да что там дыру, целую дырищу — как раз посередине сектора, где расположена тюрьма. Началась быстрая утечка воздуха из помещений, и тогда она выпустила всех заключенных.

Только сейчас Майлз обратил внимание, что его подчиненные передвигаются группами по два-три человека.

— Половина пленных все еще где-то бродит, — пожаловался фелицианин. — Попрятались по всей станции.

— Извините меня, милорд, — пробормотала Элен, опустив глаза.

Майлз ожесточенно потер пальцами виски.

— Охо-хо. Мне нужен Ботари. Пришлите его сюда.

— Хорошо. Он явится, как только очнется.

— ?!

— Во время боя пленных охранял он один. И он пытался помешать мне их выпустить.

— Что значит «пытался»? У него не получилось?

— Мне пришлось выстрелить в него из парализатора. Боюсь, он будет очень зол, когда придет в себя. Вы не возражаете, если я буду сопровождать вас?

— Конечно, конечно, — поспешно сказал Майлз. — Интересно, кто из пленных... — Он повысил голос: — Командор Ботари, я одобряю вашу инициативу. Вы поступили правильно. Наша цель — выполнение оп-

ределенных тактических задач, а не бессмысленное убийство.

Майлз свирепо уставился на младшего лейтенанта фелициан (насколько он помнил, по фамилии Гамад), и тот невольно поежился под этим пронизывающим взглядом. Затем он вновь обратился к Элен:

— Кто-нибудь из пленных погиб?

— Двое — через их камеры прошел заряд рэндомизатора.

— Заряд чего?

— Баз назвал это оружие рэндомизатором электронных орбиталей... А еще одиннадцать задохнулись — те, до чьих камер я не успела добраться вовремя.

— А если бы ты не открыла двери?

— Тогда погибли бы все. Воздух из тюрьмы вышел полностью.

— Что капитан Танг? Где он?

Элен развела руками.

— Прячется где-нибудь поблизости. Во всяком случае, среди тех тринадцати его не было... Ах, да, забыла сказать: один из погибших — их пилот. Второго пилота тоже пока не нашли. Это очень существенно?

Сердце Майлза провалилось куда-то в желудок. Он бросился к ближайшему наемнику:

— Немедленно передайте всем мой приказ — пленных брать только живыми. Телесные повреждения, если без них не удастся обойтись, должны быть минимальными.

Отправив посыльного, Майлз обернулся к Элен:

— Вот что — раз Танг на свободе, тебе действительно не стоит от меня удаляться. О Господи... Надо бы посмотреть на эту дыру, которая «не дыра, а дырища». Кстати, откуда Баз выкопал для этого оружия такое ужасное наименование — челюсть свернешь, пока выговоришь?

— Он сказал, что это бетанское изобретение. Разработали несколько лет назад, но раскупалось оно плохо — для того чтобы защититься от этой штуки, достаточно поменять фазу генератора защитного поля.

Баз просил передать, что уже занялся этим, к вечеру все будет готово.

— А-а... — протянул Майлз, безуспешно пытаясь скрыть жестокое разочарование. А ведь он-то мечтал привезти таинственный лучемет на Барраяр, бросить его к подножию императорского трона и полюбоваться на сгорающего от любопытства капитана Иллиана, на изумленного отца... Он так надеялся, что это станет вещественным доказательством его воинской доблести. Вот был бы конфуз на всю Галактику! С ним наверняка поступили бы, как с котенком, который с гордостью тащит в дом ободранное дохлое насекомое, — выгнали бы веником. Майлз тяжело вздохнул. Ну, ничего, зато он добыл себе отличный боевой скафандр.

В сопровождении Элен, Гамада и одного из бортинженеров Майлз отправился вниз по ломаной линии коридоров — в сторону тюремной секции. Элен поравнялась с ним.

— Ты выглядишь таким усталым. Может, лучше принять душ и отправиться отдохнуть?

— Понимаю, что ты имеешь в виду, — не иначе как от меня несет тем самым испугом, который так медленно сохнет в герметичном костюме, — он залихватски подмигнул ей и покрепче перехватил снятый шлем, без которого был похож на обезглавленное привидение. — Кстати, что думает по поводу оборонительной операции майор Даум? Пусть он предоставит мне полный доклад... По крайней мере, этот человек способен ясно выражать свои мысли, — добавил он, с неприязнью глядя в спину лейтенанту.

Слух Гамада оказался, однако, острее, чем предполагал Майлз. Лейтенант обернулся и бросил через плечо:

— Майор Даум убит, сэр. Он с одним из техников совершал облет станции, и флиттер врезался в подбитый корабль пеллиан. От них осталось одно воспоминание. Разве вам не доложили?

Майлз не нашелся, что ответить.

— Теперь я старший офицер фелицианского подразделения, — гордо заключил Гамад.

* * *

Целых три дня они выуживали разбежавшихся пленников из самых отдаленных уголков космического завода. Труднее всего пришлось с коммандос Танга. В конце концов Майлз был вынужден заполнить отсеки, в которых они засели, усыпляющим газом, хотя Ботари ворчал, что вакуум обошелся бы гораздо дешевле. Впрочем, его можно было понять — большую часть облавы он вынес на своих плечах.

Когда пойманных пленников пересчитали, обнаружилось, что семерым, включая Танга и его второго пилота, удалось-таки улизнуть. Недосчитались на станции и одного катера.

Истерзанный дух Майлза требовал пощады, но теперь не было иного выхода — только ждать, пока медлительные фелициане пожалуют наконец за своим грузом. Он уже сомневался, что катер, посланный на Тау Верде незадолго до контрнаступления, пробился через кордон. Скорее всего, придется послать еще один. Но на сей раз полетит не доброволец, а специально назначенный посланник — у Майлза уже была на примете подходящая кандидатура.

Лейтенант Гамад, вдохновленный неожиданным продвижением по службе, тут же начал подвергать сомнению право Майлза на единоличное командование станцией. В чем-то он, возможно, был прав — ведь завод являлся фелицианской собственностью; после хладнокровного, делового Даума общаться с этим надутым типом было затруднительно.

Однако спеси у Гамада явно поубавилось, когда он услышал, как один из наемников назвал Майлза «адмирал Нейсмит». Майлз был очень доволен, увидев вытянувшуюся физиономию конкурента, и не стал возражать против фальшивого титула. К сожалению, новое обращение приобрело популярность, так что о возврате к прежнему, более нейтральному «мистер Нейсмит» нечего было и думать.

Однако Гамаду повезло. На восьмой день после сражения с пеллианами на мониторе приборного отсека

появилось изображение фелицианского крейсера ближнего радиуса. Наемники Майлза, уставшие от неприятных сюрпризов, хотели для начала на всякий случай дать залп-другой из стационарных орудий, а потом уж идентифицировать останки судна. Майлз не без труда утихомирил свою буйную команду, и вскоре фелицианин пристыковался к причальному узлу станции.

Первым, что привлекло внимание Майлза, когда делегация фелицианских офицеров вошла в зал заседаний, были два вместительных пластиковых кофра на антигравитационной платформе, которую они толкали перед собой. Эти кофры очень напоминали средневековые пиратские сундуки с сокровищами. На мгновение зажмурившись, Майлз представил, что внутри — сверкающие диадемы, груды золотых монет и длинные нити первосортного жемчуга. К сожалению, подобные безделушки давно перестали считаться драгоценностями; теперь мерилом богатства были кристаллические микросхемы, мини-дискеты, синтезированные фрагменты ДНК, а также льготные контракты на разработку сельскохозяйственных угодий и полезных ископаемых различных планет... «Слава Богу, настоящее искусство все еще в цене!» — подумал Майлз, потрогав рукоять своего кинжала, и это прикосновение согрело его, словно рукопожатие старого друга.

Между тем фелицианский казначей уже давно втолковывал ему что-то обеспокоенным голосом. Майлз успел поймать лишь конец последней фразы:

— ...должны сначала получить на руки список товаров, составленный майором Даумом, а затем проверить сохранность каждого предмета.

Капитан крейсера устало кивнул.

— Поговорите с моим старшим бортинженером. Вам предоставят всю необходимую помощь. Но только побыстрее, если можно, — Майлз посмотрел на Гамада, подобострастно следящего за каждым его жестом. — Неужели до сих пор не нашли его декларации? Или хотя бы каких-нибудь личных бумаг?

— Боюсь, все сгорело вместе с ним, сэр.

Капитан выругался и обернулся к Майлзу.

— А вы, стало быть, и есть тот самый полоумный инопланетный мутант, о котором мне так много рассказывали?

Сын графа Форкосигана медленно встал с кресла.

— Я не мутант, ка-пи-тан.

Последнее слово Майлз процедил так, как умел только он, — с изящной издевкой. Впрочем, через мгновение он уже овладел собой — в конце концов, человек, не спавший несколько ночей кряду, может сболтнуть что угодно.

— Насколько я понимаю, на этом ваша миссия не заканчивается, — заметил он.

— Да, мы должны оплатить услуги ваших людей, — вздохнул капитан.

— Хотелось бы проверить сохранность груза, — Майлз выразительно кивнул на сундуки.

— Займитесь этим, казначей, — распорядился капитан. — А вы, Гамад, давайте, покажите, что у вас здесь...

В глазах База мелькнуло подозрение.

— Милорд, позвольте мне пойти с ними, — попросил он.

— И мне, — сказал Мэйхью, лязгнув зубами, словно лошадь, закусившая удила.

— Действуйте, — кивнул Майлз и выжидательно посмотрел на казначея.

Тот опять вздохнул и вставил дискету в компьютер платформы.

— Итак... Мистер Нейсмит, если не ошибаюсь?.. Могу я видеть копию контракта на доставку груза?

Майлз нахмурился.

— Мы с майором Даумом заключили устное соглашение. Сорок тысяч бетанских долларов за доставку груза на Фелицию в целости и сохранности. Этот завод — фелицианская территория, не так ли?

Казначей вытаращил глаза:

— Как вы сказали — устное соглашение?! Но устное соглашение — это не контракт.

— Это больше, чем контракт, — наставительно сказал Майлз. — Душа человека — в его дыхании, а значит, в его голосе и в словах, которые он произносит. Нет ничего более обязывающего к выполнению.

— Вы знаете, сейчас вся эта поэзия не совсем уместна...

— Это не поэзия, а общепринятая юридическая норма!

«Норма-то норма, только на Барраяре, а не здесь», — добавил он про себя.

— Впервые слышу.

— А вот майор Даум, в отличие от вас, все прекрасно понимал.

— Майор Даум служил в галактической разведке. А я всего лишь... бухгалтер, если угодно.

— Значит, вы отказываетесь выполнить обещание вашего убитого товарища? Странно — вы ведь солдат, настоящий солдат, а не наемник.

Казначей покачал головой:

— Я не понимаю, что вы хотите этим сказать.. Но как бы то ни было, если груз в порядке, вы получите соответствующую сумму.

Его слова вселили в Майлза определенную степень оптимизма.

«Этот человек не вор, — подумал юноша. — Вряд ли я нанесу ему смертельную обиду, если пересчитаю деньги».

— Давайте посмотрим, — предложил он.

Казначей кивнул своему помощнику, и тот набрал цифровой код. Майлз затаил дыхание, готовясь увидеть невероятную кучу денег...

С шипением поднялась крышка кофра, и его взору предстало бесчисленное множество туго связанных пачек разноцветной бумаги. Воцарилось долгое, бесконечно долгое молчание.

Майлз соскользнул со своего кресла и взял одну из пачек. Около сотни одинаковых ярких картинок с буквами незнакомого алфавита, напоминающего неразборчивый почерк. Он поднес пачку к свету

— Что это такое? — спросил он наконец.

Казначей поднял брови.

— То есть как — что? Валюта в банкнотах. Служит в качестве дензнаков на большинстве планет.

— Это я знаю и без вас. Я спрашиваю — что это за валюта?

— Фелицианские миллифениги.

— Миллифениги... — повторил Майлз. Звучало, как изощренное ругательство. — Сколько здесь в переводе на настоящие деньги? Бетанские доллары или, скажем, барраярские имперские марки?

— А что такое барраярские марки? — озадаченно пробормотал помощник.

Казначей откашлялся:

— В отчете по итогам года, публикуемом, как известно, Бетанской валютной биржей, сто миллифенигов соответствуют ста пятидесяти бетанским долларам.

— Это было почти год назад. А сейчас?

Казначей вдруг с интересом уставился в иллюминатор, обронив:

— Оссеровская блокада не дает нам возможности следить за текущим курсом.

— Вот как? Ну, хотя бы самый свежий, который вы знаете.

Фелицианин снова откашлялся. Его голос сделался совсем тихим:

— Я надеюсь, вы понимаете, что из-за блокады практически вся информация о ходе войны поступает на другие планеты от пеллиан...

— Простите, меня интересует курс.

— Мы не знаем...

— Последний курс! — прошипел Майлз.

Казначей вздрогнул.

— Мы правда не знаем, что там творится в настоящий момент. Последняя сводка заключалась в том, что... что фелицианская валюта... — он запнулся и договорил почти шепотом: — снята с торгов.

Рука Майлза потянулась к кинжалу.

— И чем же обеспечиваются эти мил-ли-фе-ни-ги? — последнее слово он сдобрил смертельной дозой яда.

— Правительством Фелиции, — гордо вскинул голову его собеседник.

— Тем самым, которое почти проиграло войну?

Казначей пробормотал что-то невнятное.

— Вы же проиграли эту войну, не так ли?

— Поражения на дальних орбитах еще не означают проигрыша войны, — выкрикнул отчаявшийся казначей. — Мы по-прежнему контролируем внутреннее пространство.

— Миллифениги, — повторил Майлз. — Миллифениги... Мне нужны бетанские доллары, — отрезал он, свирепо глядя на фелициан.

— У нас нет бетанских долларов. Все, до последнего цента — вкупе с другой галактической валютой, которую удалось наскрести, — майор Даум истратил на покупку груза.

— Доставляя который, я не раз рисковал жизнью...

— Доставляя который, майор погиб.

Майлз вздохнул, понимая, что из этого спора ему не выйти победителем. Ни уловки, ни изощренное остроумие, ни угрозы не помогут получить бетанские доллары от правительства, которое их не имеет.

— Миллифениги, — обреченно пробормотал он.

— Мне нужно идти, — заметил казначей, — моя подпись должна стоять под актом о приемке груза.

Майлз устало махнул рукой.

— Идите.

Оба служащих поспешно удалились, а Майлз остался в конференц-зале наедине с сундуками. То, что казначей не удосужился ни выставить охрану, ни потребовать расписки в получении, ни хотя бы подождать, пока деньги будут пересчитаны, могло означать лишь одно — вся эта куча разноцветных бумажек действительно не стоит ни гроша.

Майлз достал из сундука несколько пачек этой макулатуры и, построив из них пирамидку, уставился на нее задумчивым взглядом. Интересно, какую площадь займут бумажки, если разложить их по одной? Наверное, можно будет оклеить не только его спальню, но и

всю фамильную усадьбу Форкосиганов. Только мама вряд ли позволит.

Потом ему захотелось проверить, хорошо ли эти «банкноты» горят. Он поджег одну, намереваясь дождаться, пока она догорит до самых пальцев, решив заодно выяснить, что неприятнее — боль от ожога или желудочный спазм. Но, как только запахло паленым, автоматика с громким щелчком заблокировала замки на дверях; завыла сирена; из стены высунулся шланг химического огнетушителя и хищно потянулся к нему, словно красная змея. Для космического объекта нет ничего страшнее пожара. Через несколько секунд система пожаротушения начнет выпускать из помещения воздух, напомнил себе Майлз, и торопливо затушил банкноту. Затем подошел к дверям и отключил сигнализацию.

Вернувшись к столу, он принялся возводить на нем новые «финансовые структуры». На сей раз это был квадратный форт с высокими башнями по углам и просторным внутренним двором. Никак не удавалась перемычка над воротами — она вновь и вновь обрушивалась с тихим шелестом... Может, в самом деле попробовать выбраться отсюда на каком-нибудь пеллианском торговом корабле под видом умственно недоразвитого мутанта, которого богатые родственники решили спровадить в инопланетный госпиталь или в отдаленный зоопарк? Элен станет его нянькой, а Ботари — надсмотрщиком. Во время таможенного контроля можно будет для убедительности снять ботинки и грызть ногти на ногах. Но какие роли смогут играть Мэйхью и Джезек? А Элли Куинн — она хоть и не присягала ему, но он обязан восстановить ее лицо. И самый неприятный вопрос — чем платить. Сомнительно, что баланс между фелицианской и пеллианской валютами позволит воспользоваться содержимым сундуков.

Тут послышался звук отворяемой двери, и Майлз одним взмахом руки превратил почти готовый форт в бесформенную груду денежных пачек. Он как раз успел величественно выпрямиться, когда в зал вошел один из дендарийцев.

Заискивающая улыбка не могла скрыть алчного блеска в его глазах.

— Прошу прощения, сэр. Говорят, поступили деньги на зарплату?

Невероятным усилием воли Майлз подавил истерический смешок.

— Как видите.

«В конце концов, кто здесь знает текущий курс миллифенига? Можно назвать какую угодно цифру — все равно наемники, болтавшиеся в оцеплении, сто лет не получали новостей с валютного рынка. Конечно, если они узнают правду и начнут рвать меня на части, кусков явно не хватит на всех — я не так упитан, как император Ури Безумный».

Оценив размер денежной кучи, наемник невольно охнул.

— Надо бы выставить охрану, сэр.

— Абсолютно с вами согласен, стажер Наут. Очень дельная мысль. Почему бы вам этим не заняться? Возьмите двух своих товарищей какие понадежнее, оттранспортируйте платформу в безопасное место и установите круглосуточное дежурство.

— Мне, сэр?.. Вы поручаете это мне?! — еле выговорил Наут.

«А что ты с ними будешь делать, если украдешь? — подумал Майлз. — Пойдешь и купишь батон хлеба?»

— Да, я поручаю это вам, — веско подтвердил он. — Или вы полагаете, что я не оценил по достоинству вашу работу на прошедшей неделе?

«Хорошо еще, хоть имя твое запомнил», — тоскливо добавил он про себя.

— Слушаюсь, сэр! Сию минуту, сэр! — завопил наемник, отдал Майлзу совершенно не полагающийся по уставу адмиральский салют и вприпрыжку бросился за помощниками, будто вместо подошв у него вдруг оказались надувные резиновые мячики.

Майлз рухнул лицом в кучу миллифенигов, отчаянно хохоча, но чувствуя еще большее желание разрыдаться.

* * *

Понаблюдав за тем, как рассыпанные банкноты возвращаются обратно в сундуки и уплывают на склад под неусыпным оком караульных, Майлз остался в конференц-зале. Вскоре должен был подойти Ботари — как только закончит передачу пленных фелицианам.

Его внимание привлек РГ-132, висящий перед шлюзом. Корпус корабля стал похожим на недошитое лоскутное одеяло. «Если в один прекрасный день мне придется лететь на нем, надену скафандр и положу рядом шлем. Может, тогда смогу почувствовать себя относительно спокойно», — подумал Майлз.

Когда вошли Джезек и Мэйхью, он все еще уныло разглядывал грузовик.

— Мы ввели их в курс дела, сэр, — доложил инженер, щелкнув каблуками. Остатки гнева в его глазах сменились удовлетворением паука, поймавшего муху.

— А? — встрепенулся Майлз, выходя из полузабытья. — Кого ввели в курс дела? Какого дела?

— Фелициан. И этого жирного подхалима Гамада.

— Хорошо. Я как раз собирался кому-нибудь это поручить, — рассеянно кивнул Майлз.

«Интересно, какую сумму можно выручить, если удастся продать РГ-132 в качестве грузовика ближнего радиуса действия? Причем желательно не за миллифениги. Или, на худой конец, как металлолом. Нет, для Арда это было бы слишком тяжким ударом».

— Они идут, сэр.

— Идут?

Они действительно пришли — капитан, казначей, офицеры, а также командир десантников, которого Майлз до сих пор не видел. Полковник, а то и молодой генерал, явно самая важная персона среди присутствующих. Майлз заметил и то, что куда-то исчез Гамад. Осон и Торн стояли поодаль.

На сей раз капитан соблаговолил отсалютовать ему.

— Я должен извиниться перед вами, адмирал Нейсмит. Меня не предупредили.

Майлз осторожно потянул за рукав Джезека и, приподнявшись на цыпочках, шепотом спросил:

— Баз, что вы им наговорили?

— Рассказал все как есть, — шепнул в ответ инженер, но пояснить свои слова не успел. Командир фелициан выступил вперед и протянул руку:

— Позвольте представиться, адмирал Нейсмит, — генерал Хэлифи. Мною получен приказ главнокомандующего удерживать этот объект всеми доступными способами.

Они обменялись рукопожатиями и сели в кресла. Майлз демонстративно занял место во главе стола. Фелицианский генерал воспринял это как должное, усевшись справа от него. Какое-то время вокруг стола происходила молчаливая возня — делегация размещалась по старшинству. Наконец все расселись.

— Поскольку мы потеряли второй корабль в стычке с пеллианами по пути сюда, я вынужден выполнять приказ, имея в своем распоряжении лишь двести человек — половину личного состава, — продолжал Хэлифи.

— Мне хватило и сорока, — обронил Майлз. Интересно, к чему клонит этот парень?

— Но мне, в отличие от вас, необходимо справиться с еще одним делом — переправить бетанское оружие и боеприпасы на планету для обеспечения действий нашей армии на внутренних рубежах.

— Да, это нелегкая задача, — согласился Майлз.

— Пока пеллиане не привлекли наемный флот, наши силы были практически равны. Заключение перемирия было не за горами. Но вмешательство оссеровцев резко изменило соотношение сил.

— Понимаю.

— Однако то, что нарушено галактическими наемниками, галактические же наемники могут исправить. Мы готовы заключить контракт с дендарийским флотом на прорыв блокады и очистку зоны от всех сил, привлеченных извне. С пеллианами мы в состоянии справиться сами.

«Зачем я помешал Ботари задушить База?..» — тоскливо подумал Майлз.

— Это... интересное предложение, генерал. Я бы принял его с удовольствием, но... как вы, наверное, знаете, большая часть моих войск находится в других местах.

Генерал упрямо сцепил пальцы рук.

— Я думаю, мы сможем продержаться достаточно долго, и вы успеете перебросить их сюда.

Майлз скользнул взглядом вдоль черной поверхности стола и увидел напряженно-внимательные лица Осона и Торна. Попробуй сейчас намекни, что ожидание может затянуться до бесконечности.

— Для этого необходимо проникнуть сквозь блокаду, а в настоящий момент все мои скачковые корабли выведены из строя.

— У нас осталось три торговых судна — это не считая отрезанных линией блокады. Есть один скоростной курьер. Объединив эти силы с вашими боевыми кораблями, вполне можно будет прорваться.

Припертый к стенке, Майлз уже готов был ответить какой-нибудь грубостью, как вдруг его осенило. Вот он, путь к спасению, преподнесенный на блюдечке с голубой каемочкой. Загрузить своих вассалов в скачковый корабль, с помощью Осона и Торна прорваться через оссеровский кордон, а потом драпать изо всех сил куда подальше. Это рискованно, но осуществимо, гораздо осуществимее тех планов, что приходили ему в голову до сих пор. Он хитро улыбнулся:

— Да, это определенно интересное предложение, генерал...

«Только не дай им заметить, с какой радостью ты за него ухватился», — осадил он себя.

— ...но чем вы собираетесь платить? Услуги дендарийцев стоят недешево.

— У меня приказ соглашаться на любые ваши условия. В разумных пределах, конечно, — осторожно добавил Хэлифи.

— Короче говоря, речь идет о еще одной куче миллифенигов. Майор Даум, как мне только что сообщи-

ли, вообще не имел полномочий нанимать инопланетные войска. А вы?

— Мне было сказано — любые условия, — отрезал генерал, и на его скулах вздулись желваки. — Значит, все будет оплачено.

— Мне нужен контракт в письменной форме. На бумаге. С подписью человека, которого в случае чего можно будет тряхнуть... э-э, который будет нести личную ответственность. Насколько я знаю, военачальники, даже уходя в отставку, имеют в своем распоряжении и на счетах кое-какие суммы.

Хэлифи понимающе улыбнулся.

— Вы получите то, что причитается.

— Мы согласны только на бетанские доллары. Насколько я понимаю, на вашем счету их не так много.

— Когда будет прорвана блокада, мы получим доступ к межгалактическим валютам. Я же сказал — все будет выплачено.

«Только бы не рассмеяться, — подумал Майлз. — Вот это переговоры! С одной стороны — командир воображаемого военного флота, с другой — обладатель воображаемого капитала. Полное соответствие!»

Генерал поднялся и протянул руку:

— Адмирал Нейсмит, я даю вам честное слово, что все условия будут выполнены. Могу я заручиться вашим?

— Моим словом?

Приподнятое расположение духа мгновенно рассыпалось в прах, сменившись ноющей болью в желудке.

— Да. Насколько я понимаю, оно немало для вас значит.

«Слишком ты понятливый!» — мысленно огрызнулся молодой барраярец.

— Мое слово... Конечно...

Никогда еще он не давал ложных клятв. Почти восемнадцать лет ему удавалось сохранять целомудрие совершенно честного человека. Но, в конце концов, все когда-нибудь приходится делать впервые. Он пожал протянутую руку.

— Я сделаю все, что в моих силах, генерал Хэлифи. Честное слово.

ГЛАВА 15

Три маленьких корабля, описывая немыслимые траектории, пытались уйти от эскадры противника в двадцать боевых единиц. Через несколько мгновений все три превратились в желтую, голубую и красную вспышки и рассыпались мириадами мерцающих радужных огоньков.

Майлз сидел в рубке «Триумфа» и моделировал прорыв на голографическом экране компьютера.

— Этот маневр не годится. Вычеркнуть, — скомандовал он компьютеру и, откинувшись в кресле, потер воспаленные глаза. Если ему не суждено стать солдатом, то, скорее всего, его ожидает театральная карьера — в качестве постановщика грандиозных шоу со светоэффектами и фейерверками.

В отсек вплыла Элен, на ходу дожевывая какую-то съедобную плитку.

— Красиво. Что это было? — поинтересовалась она, глянув на экран.

— А-а, — таинственно протянул Майлз, поднимая палец. — Это я открыл очередной способ отправиться на тот свет. Уже двадцать третий за эту неделю.

Элен посмотрела на отца, прикорнувшего в уголке, и спросила:

— А где все остальные?

— Кто где. Пытаются хоть немного отоспаться. И слава Богу — не хотелось бы, чтобы кто-нибудь застал меня за решением задач по тактике, которые проходят на первом курсе Академии. А то, чего доброго, усомнятся в моих гениальных способностях.

— Майлз, скажи, насчет прорыва блокады — это ты всерьез?

Он поднял глаза на экран внешнего обзора, где застыло все то же осточертевшее зрелище: мрачная громада металлоплавильни. После прибытия отряда фелициан Майлз с радостью перебрался из директорских апартаментов в скромно обставленную, но куда более уютную

каюту капитана Танга. «Триумф» при этом удостоился звания флагманского корабля адмирала Нейсмита.

— Не знаю. Две недели прошло с тех пор, как фелициане обещали послать скоростного курьера — и ни ответа, ни привета. Да, мы собираемся прорывать блокаду. Так или иначе нам придется ее прорывать. А я пока, чтобы не мучиться ожиданием, нашел себе увлекательное занятие — поинтереснее даже, чем шахматы.

Он приподнялся на руках и сел ровнее, кивнув Элен на соседнее кресло:

— Присаживайся, обучу тебя этим играм. У тебя должно получиться. Мы с капитаном Куделкой частенько так развлекались.

— Ну, давай.

Он вкратце ознакомил девушку с несколькими элементарными тактическими приемами.

Она схватывала все на лету. «Возмутительно, — думал Майлз. — Айвен Форпатрил проходит курс офицерской подготовки, а такой способный человек, как Элен, не может даже мечтать об этом».

Он управлял своими голографическими кораблями почти машинально, думая о реальной тактической задаче, которую ему в ближайшее время предстоит разрешить. А ведь именно подобным вещам его научили бы в Имперской Академии. Он украдкой вздохнул. Наверное, есть даже соответствующие учебники. Вот бы достать где-нибудь такой букварь... Он смертельно устал изобретать велосипед каждые пятнадцать минут. Впрочем, и так понятно, что у соединения из трех легких кораблей и латаного-перелатаного грузовика практически нет шансов против целой эскадры. Фелициане здесь не подмога — разве что предоставят завод в качестве базы. Впрочем, от присутствия Майлза им было пока не больше проку, чем ему — от их помощи. Он посмотрел на Элен, увидел ответный взгляд — и все тактические построения разом вылетели у него из головы.

Она удивительно похорошела за эти дни. Нет, просто так он ее Базу не уступит. Майлз воровато оглянулся на Ботари, убедился в том, что сержант действительно

спит, — и начал собираться с духом. Отсек боевого слежения был далеко не идеальным местом, чтобы «прилипнуть» друг к другу, но другого случая могло и не представиться. Майлз подошел к Элен и положил голову ей на плечо...

— Мистер Нейсмит? — раздалось в эфире. — Капитан Осон, из приборного отсека. Включите, пожалуйста, вашу внутреннюю связь.

Тихо, но от души выругавшись, Майлз нажал кнопку на пульте.

— Что там еще?

— Танг вернулся.

— Что?! Немедленно оповестите всех.

— Уже оповестили.

— С чем он пожаловал, не сказал?

— Сказал, но звучит это довольно подозрительно. Сейчас он как раз за пределами зоны обстрела. Прилетит на пеллианском пассажирском корабле — из тех, что работают на местных линиях. Танг хочет говорить с вами. Боюсь, это очередной подвох.

Майлз нахмурился.

— Ладно, соедините меня с ним. Но с внутренней связи кода не снимайте.

Через секунду на экране возникло знакомое лицо евразийца. Связисты выдали самый крупный план. Ботари уже успел проснуться, вскочить и занять пост у дверей, не издав при этом ни звука. С момента конфликта у тюремной секции они с дочерью почти не разговаривали — впрочем, как и до того.

— О, капитан Танг! Рад видеть вас снова.

Майлз почувствовал, что «Триумф» слегка завибрировал, отходя от причала.

— Я тоже, — усмехнулся своей вечно свирепой улыбкой Танг. — Меня вот что интересует, сынок, — предложение работы, которое ты мне делал, все еще в силе?

Два катера, состыковавшиеся в открытом космосе, напоминали не то огромный сандвич, не то пару рыб-

прилипал, по оплошности приклеившихся друг к другу. Здесь, на равном удалении от своих кораблей, два командира встретились с глазу на глаз. Кроме них, на борту катеров находились лишь Ботари и пилот Танга, но звуконепроницаемые переборки гарантировали капитанам конфиденциальность беседы.

— ...мои подчиненные — надежные ребята, — закончил Танг, — и я готов их передать в ваше распоряжение. Вместе с собой.

— Но вы же понимаете, — учтиво проговорил Майлз, — как это все должно выглядеть с моей точки зрения: у вас появится идеальная возможность захватить свой бывший корабль, нанести удар мне в спину когда будет удобно. Где доказательства, что вы не троянский конь?

Танг вздохнул:

— У меня единственный способ. Помните, как вы доказали, что тот наш завтрак не был отравлен? В процессе еды.

— Хм.

Майлз подтянул себя поближе к креслу — ему казалось, что таким образом в невесомости создается иллюзия верха и низа, а это, в свою очередь, помогает мыслям течь в нужном направлении, — и предложил Тангу пакет прохладительного напитка. Сам он отпил совсем немного — его несчастный желудок уже давно протестовал против нулевой гравитации.

— Вы, конечно, понимаете, что я не могу вернуть «Триумф». Единственное, что я в состоянии предложить на данный момент, — захваченный нами пеллианский корабль. Да еще, может быть, должность начштаба.

— Я понимаю.

— И к тому же вам придется работать бок о бок с Торном и Осоном и забыть старые трения.

Это условие Танг принял с гораздо меньшей готовностью, но все же, помолчав, ответил:

— Если необходимо, я согласен даже на это.

Он ловко отпил из парящего в воздухе пакета. Вот что значит опыт, с завистью подумал Майлз.

— Кроме того, оплата пока осуществляется только в фелицианских миллифенигах... Вы знаете, что это такое?

— Нет, но, принимая во внимание нынешнее положение на фронтах, это что-то вроде ярко раскрашенной туалетной бумаги.

— Фактически так и есть, — поморщился Майлз. — Послушайте, капитан. Потратив уйму усилий на то, чтобы сбежать из плена, вы две недели спустя тратите не меньшие усилия, чтобы вернуться и воевать за проигравших. Понимая, что я не верну вам корабль, что выплаты по контракту по меньшей мере проблематичны. Объясните мне, почему? Ведь не из-за моего же неотразимого личного обаяния?

— Ну, во-первых, бежать отсюда не стоило таких уж больших усилий, — заметил Танг. — Эта восхитительная молодая леди — не забыть бы поцеловать ей руку — просто выпустила меня.

— Эта «восхитительная молодая леди», как вы изволили ее назвать, для вас отныне — командор Элен Ботари. А принимая во внимание то, чем вы ей обязаны, вам следует не целовать ей руку, а отдавать честь, — отрезал Майлз. Ледяной тон этой отповеди удивил его самого, и, чтобы скрыть замешательство, он жадно припал к пакету с соком.

Танг с улыбкой приподнял брови:

— Понимаю...

Майлз не без усилий вернулся к основной теме разговора.

— И все-таки почему? — настойчиво повторил он.

Улыбка исчезла с лица капитана.

— Потому что в пределах блокадного кольца ваше соединение — единственная сила, которая может воткнуть иголку в задницу Оссера.

— Чем же он вам так насолил?

Злоба капитана вряд ли была наигранной.

— Он нарушил условия контракта. Согласно им, в случае потери моего корабля в бою он обязан был предоставить мне новый.

Майлз кивнул, ожидая продолжения. Танг понизил голос, словно кто-то мог их услышать:

— Да, командующий вправе наказать меня за мои промахи. Но унижать перед подчиненными!.. — судорожно сжав кулаки, он замолчал.

Воображение Майлза с легкостью дорисовало картину. Адмирал Оссер, взбешенный неожиданным поражением после длившейся целый год вереницы побед, наорал на Танга, который и без того чувствовал себя не лучшим образом. Глупо. Дальновидному командиру следовало бы знать, что уязвленное самолюбие легко обратить в сокрушительную ненависть к врагу. Но в целом ситуация представлялась вполне правдоподобной.

— И вот вы пришли ко мне. Со всеми офицерами, вы говорите? И с пилотом?

«Боже мой, — вдруг осенило Майлза, — ведь это шанс! Снова удрать на его корабле — и от пеллиан, и от фелициан, и от оссеровцев, и от новоявленных дендарийцев, черт бы их побрал...»

— Все со мной. Кроме офицера связи, естественно.

— Что в этом естественного?

— Ах, да вы же о нем ничего не знаете... Он агент какого-то правительства, его обязанность — надзор за оссеровским флотом изнутри. Ему, я думаю, хотелось присоединиться к нам — ведь мы неплохо притерлись друг к другу за шесть лет совместной службы, — но куда денешься от основных обязанностей. Он попросил извиниться за него.

Майлз озадаченно заморгал:

— И что, подобные люди у вас — обычное явление?

— Разумеется. Они разбросаны по всем соединениям наемников, — он пристально посмотрел на Майлза. — А у вас разве не было агентов? Большинство капитанов, правда, вышвыривают их прочь, как только выясняется, кто они такие. Но мне эти люди нравятся. Великолепно подготовлены и надежнее большинства других — если, конечно, вас не угораздит воевать с их планетой. Доведись мне («Боже упаси!») воевать с Барраяром или с кем-нибудь из их союзников — хотя вооб-

ще-то они предпочитают не обременять себя союзами, — тогда я, конечно, в первую очередь избавился бы от этого парня.

«Неужели меня раскусили? — ужаснулся Майлз. — Если тот связист был агентом капитана Иллиана, то почти наверняка. Интересно, какие выводы он сделал? Во всяком случае, с надеждами скрыть все от отца можно распрощаться».

Он почувствовал, как выпитый сок неудержимо расползается по верхней стенке желудка. Чертова невесомость. Нет, пора завязывать с этим питьем. Не хватало еще, чтобы все узнали, что вдобавок к своим явным физическим недостаткам адмирал наемников страдает космическим вариантом морской болезни. Сколько фатальных решений было принято командирами в минуты телесной немощи! История об этом, к сожалению, умалчивает...

— Что ж, капитан, — сказал Майлз, подавая собеседнику руку, — я принимаю вас на службу.

— Я рад, адмирал Нейсмит. Так я теперь должен вас называть, если не ошибаюсь?

Майлз скорчил ироническую гримасу.

— Вроде того.

Танг усмехнулся уголком рта:

— С удовольствием послужу тебе, сынок.

Когда он ушел, Майлз задумчиво уставился на заблудившуюся в невесомости здоровенную каплю сока. Потом протянул руку и поймал ее в кулак. Жидкий шар тут же рассыпался на сотни малиновых капелек, облепивших его с ног до головы. Майлз тихо выругался и поплыл на поиски полотенца.

«Ариэль» задерживался. Торн в сопровождении Арда и База повез бетанское оружие в расположение основных сил фелициан, чтобы через некоторое время вернуться с пилотом-курьером. Пока от них не было ни слуху ни духу. Майлз потратил пару дней, убеждая генерала Хэлифи выпустить подчиненных Танга из камер, и когда это ему наконец удалось, он обнаружил,

что заняться совершенно нечем. Оставалось ждать и волноваться.

Корабли появились в пределах видимости на пять суток позже, чем он предполагал. Майлз немедленно вызвал Торна на связь и потребовал объяснить причину задержки.

Тот ответил обольстительной улыбкой:

— Это сюрприз. Вы будете обрадованы. Приходите в причальную секцию — увидите.

Сюрприз? Господи, какой на сей раз? Майлз начинал понимать, почему Ботари предпочитает любым приключениям обыденность и скуку.

По пути к причалу он успел разработать несколько вариантов, как поставить на место нерадивых подчиненных. Но воплотиться не было суждено ни одному. Ард бросился к нему навстречу и быстро зашептал:

— Встаньте-ка вот сюда, милорд.

Потом обернулся и крикнул:

— Баз, давай!

Из переходного туннеля донесся нарастающий грохот шагов. Через секунду показалась голова разномастной колонны, составленной из особ обоего пола. Некоторые были облачены в военные комбинезоны, остальная же часть напоминала странствующую выставку галактических мод. Мэйхью построил их длинным прямоугольником и рявкнул: «Смирно!»

Среди этой пестрой толпы выделялся ровный квадрат, образованный дюжиной кшатрианских имперских наемников. Впрочем, при ближайшем рассмотрении оказалось, что их аккуратная черная форма местами заштопана и ей недостает кое-каких деталей. Разные пуговицы, почти до дыр истертые рукава и штаны, стоптанные каблуки ботинок — давненько, должно быть, они покинули родную планету. Не успел Майлз подивиться устойчивости их выучки, как его внимание привлекло умопомрачительное зрелище: в зал вошли два десятка цетагандийских легионеров в полной боевой раскраске — ни дать ни взять демоны из китайского храма. Ботари, испустив сочное ругательство, схватил-

ся за плазменный пистолет, но Майлз жестом успокоил его.

Он пошел вдоль рядов. Несколько матросов с пассажирских и грузовых судов, какой-то пожилой джентльмен в нелепой набедренной повязке — впору было рассмеяться, если бы его облачение не дополнял патронташ и угрожающих размеров плазменное ружье. Темноволосая женщина сказочной красоты лет тридцати пяти или около того, в окружении четырех техников — видимо, ее подчиненных. Увидев Майлза вблизи, она широко раскрыла глаза. Да не мутант я, не мутант, мадам, раздраженно подумал Майлз и двинулся дальше.

Когда поток из туннеля наконец иссяк в зале собралось около ста человек. У Майлза голова пошла кругом.

Торн, Баз и Ард, чеканя шаг, приблизились к своему молодому командиру. На их лицах была написана бесконечная гордость.

— Баз, — Майлз сделал в воздухе неопределенный жест, — что это такое?

— Дендарийские новобранцы, милорд! — гаркнул Джезек, вытягиваясь во фрунт.

— Разве я поручал вам набирать солдат?

«Неужели я был тогда настолько пьян?..» — мелькнуло у него в голове.

— Вы говорили, что нам не хватает персонала для обслуживания оборудования. Я сделал соответствующие выводы и — вот!

— Черт подери... Откуда вы их притащили?

— С Фелиции. Из-за блокады там застряло около двух тысяч инопланетян. Команды грузовых судов, пассажиры, бизнесмены, техперсонал — всех понемногу. Как видите, даже солдаты есть. Конечно, не все здесь бойцы... Пока.

— А эта сотня, как я понимаю, — отборные?

— Ну, как сказать... — Баз опустил глаза и стал ковырять палубу носком ботинка. — Я давал им оружие на сборку-разборку. Тех, кто не пытался запихнуть обойму плазменного ружья в гнездо на рукоятке нейробластера, я нанимал.

— Ясно. Остроумное решение. Я сам вряд ли придумал бы лучше. А эти? — он кивнул в сторону кшатриан. — Они откуда взялись?

— Это занятная история, — вступил в разговор Мэйхью. — С ними все вышло несколько необычно. Какой-то воротила местной... э-э... теневой экономики несколько лет назад нанял их в качестве телохранителей. Но в конце концов они не уберегли-таки его — вот и остались без работы. Согласны на любые условия — только бы выбраться отсюда. Это я их нашел, — самодовольно добавил он.

— Ясно. А цетагандийцы?

С тех пор как эти вояки появились на станции, Ботари не сводил глаз с их размалеванных физиономий.

— Они отлично подготовлены, — заверил инженер.

— А они в курсе, что кое-кто из дендарийцев — с Барраяра?

— Прежде всего они знают, что я сам барраярец. А во-вторых, слово «Дендария» кое-что говорит каждому из них. Они хорошо запомнили эту горную цепь во время Великой войны. Но им ведь тоже надо как-то выбираться отсюда. Контракт получился дешевый — по условиям каждый имеет право уволиться после выхода за пределы блокированной зоны. Практически все подписали с удовольствием.

— Тем лучше, — пробормотал Майлз.

Пилот скоростного катера подвел свой аппарат поближе к окнам. Ему тоже хотелось поглядеть, что происходит в зале причальной секции.

— Хорошо, — подытожил Майлз. — Ступайте к капитану Тангу и займитесь размещением новобранцев. Да, и еще — немедленно составьте расписание тренировочных занятий.

«...И пусть крутятся, как белки в колесе, пока я не смоюсь», —добавил он про себя.

— К капитану Тангу?! — пораженно переспросил Торн.

— Да. Он теперь служит у нас. Как видите, я здесь тоже занимался пополнением личного состава. Своего

рода воссоединение семьи, не так ли, Бел? Вы теперь — товарищи по оружию. Как дендарийцы, вы обязаны это помнить. — Последние слова он произнес как мог внушительнее.

— Танг... — повторил Торн, скорее с удивлением, чем со злобой. —Вот так новость для Оссера!

Вечером Майлз заносил досье своих новых подчиненных в базу данных «Триумфа». Он работал один, без помощников, стараясь разобраться, что за улов притащили его неуемные вассалы. К его удивлению, волонтеры были действительно отобраны со знанием дела: большинство в прошлом имело опыт военной службы, остальные — редкие и ценные технические специалисты.

Но в нескольких случаях Майлз, как ни старался, не мог объяснить себе выбор Джезека. Он вывел на монитор крупным планом лицо красавицы, таращившейся на него во время обхода. Какого дьявола имел в виду Баз, когда нанимал ее — специалиста по защите банковских коммуникаций. Ах вот, оказывается, в чем дело — в автобиографии упоминается служба в космических войсках Эскобара. Уволена по состоянию здоровья после войны с Барраяром девятнадцать лет назад. Видимо, увольнение по состоянию здоровья было тогда в моде — Ботари ушел под тем же предлогом. Картинка сменилась, и вдруг...

Он похолодел. Большие черные глаза, темные волосы, четко очерченный подбородок. Фамилия типично эскобарская — Висконти. Но имя!.. Элен!

— Нет, — прошептал Майлз, — не может быть!

Он еще раз, с удвоенным вниманием, перечитал биографию эскобарианки. Прибыла на Тау Верде IV год назад — руководить установкой системы связи, которую ее компания продала одному из банков Фелиции. А всего через несколько дней планета была блокирована. В анкете эта женщина указала, что не замужем и детей не имеет.

Майлз развернул кресло спинкой к экрану, но не удержался и снова взглянул на изображение. Во время

той войны она была слишком молода, чтобы служить офицером. Хотя... «На себя посмотри», — мысленно усмехнулся он.

Но если она действительно мать Элен, возникает вопрос, как ее угораздило спутаться с сержантом Ботари? Ему тогда было не меньше сорока, а красотой он блистал не больше, чем теперь, — судя по видеозаписям, которые родители частенько делали в первые годы брака. Впрочем, о вкусах не спорят.

Майлз закрыл глаза и представил, как здорово будет устроить воссоединение разрушенной семьи. Искушение было настолько велико, что совсем не хотелось думать об отсутствии веских доказательств. Каково — вместо материнской могилы представить Элен живую мать! Утолить жажду, не покидающую ее с самого раннего детства... Это будет подарок в тысячу раз ценнее, чем самые немыслимые подвиги или трофеи, брошенные к ее ногам. Сердце Майлза радостно забилось. А как будет счастлив старина Ботари!

Но все же это только гипотеза, и, проверяя ее, можно попасть в довольно неудобное положение. Скорее всего, сержант лукавил, когда говорил, что не помнит войны с Эскобаром, но вдруг это и в самом деле так? Опять же — как быть, если эта женщина не имеет к нему никакого отношения?.. Проверку надо будет провести без свидетелей. Тогда, если обнаружится, что он ошибся, никто не узнает об этой истории.

На следующий день Майлз пригласил весь старший офицерский состав на совещание — отчасти чтобы познакомить с пополнением, но в основном — ради сбора идей насчет прорыва блокады. При таком изобилии военных и экс-военных талантов — неужели не найдется ни одного, кто знает наверняка, как это можно сделать? Был роздан дополнительный тираж «Дендарийского Устава», и затем Майлз удалился в свою новую каюту, чтобы еще раз прогнать через компьютер характеристики фелицианского курьерского катера.

Если отказаться от большей части багажа и повысить нагрузку на систему жизнеобеспечения до максимума, можно надеяться на пять пассажирских мест. А если очень постараться, то наверняка найдется способ впихнуть туда и семерых. Майлз старался не думать о наемниках, которые будут с нетерпением ждать его возвращения с подкреплением. Ждать, ждать...

Но задерживаться было нельзя. Компьютер «Триумфа», моделировавший тактические ситуации, наглядно продемонстрировал, что задумывать прорыв оссеровского кордона с войском в двести человек мог только командир, страдающий манией величия в особо тяжелой форме. Хотя... Нет, надо мыслить реально.

Кого же оставить? Элли Куинн с уродливым протезом вместо лица? Она ведь ему не присягала. Затем инженер. Ведь если привезти его на Бету, он будет немедленно арестован барраярскими властями. Так что лучше пускай сидит здесь — для его же собственного блага. Главное — забыть. Забыть о том, как самоотверженно Баз исполнял любую командирскую причуду. Не думать, что сделает Оссер со своими дезертирами, когда доберется до них, — а он доберется, этого не миновать. И не думать о неизбежном завершении романа Элен и Джезека — и о том, что это, может быть, самая главная причина его решения.

Все логично... Его желудок снова сдавила мучительная боль. Нелегко в такую минуту сосредоточиться на работе. Майлз посмотрел на хронометр. Еще несколько минут. Он вспомнил о бутылке этого ужасного фелицианского вина, которая вместе с четырьмя пустыми стаканами все еще стоит в его буфете.

Шумно вздохнув, Майлз откинулся в кресле и улыбнулся Элен. Она сидела на кровати в другом конце каюты и набирала на компьютере текст очередного пособия по обучению личного состава. Ботари, устроившийся за раскладным столиком, коротал время за чисткой и перезарядкой их личного оружия.

Послав ответную улыбку, Элен вынула из ушей мини-наушники.

— Как поживает программа физподготовки для новобранцев? — осведомился Майлз. — Многие из них, похоже, давненько не пробовали регулярных тренировок.

— Все готово, — объявила она. — Завтра с утра я начинаю заниматься с большой группой. Генерал Хэлифи выделяет нам спортзал завода, — она хитро прищурилась и добавила: — Кстати, если уж речь зашла о физической форме, может, тебе тоже стоит посещать занятия?

Майлз в ответ промямлил что-то невнятное.

— А что, неплохая мысль, — заметил сержант, не отрываясь от работы.

— Да, но мой желудок...

— Это был бы отличный пример для подчиненных, — с простодушным видом пояснила Элен, глядя на него невинными глазами.

— Можно подумать, ты будешь следить за тем, чтобы никто из них не переломил меня пополам.

— Я возьму тебя вторым инструктором.

— Ваш тренировочный костюм — на нижней полке стенного шкафа, — сообщил Ботари, выдувая пыль из серебристого ствола нейробластера.

Вздох Майлза на этот раз означал капитуляцию.

— Ладно, пусть будет по-вашему.

Он посмотрел на часы. Сейчас. Сейчас это произойдет...

Дверь каюты медленно распахнулась. На пороге стояла Элен Висконти. Секунда в секунду!

— Добрый день, бортинженер Висконти! — начал он весело...

И тут же его слова застыли на губах. Эскобарианка двумя руками подняла игольник и прицелилась!

— Всем ни с места.

Предупреждение было излишним — кто-кто, а Майлз замер, как парализованный, изумленно открыв рот.

— Вот так, — произнесла она наконец. Боль, ненависть и адская усталость смешались в ее глазах. — Это все-таки ты. Сначала я подумала, что обозналась. К сожалению, нет.

Она обращается к Ботари, без труда догадался Майлз. Ствол игольника был направлен прямехонько в грудь сержанту. Когда открылась дверь, Ботари движением, доведенным до автоматизма, выхватил плазменный пистолет. Каково же было потрясение Майлза, когда он увидел, что рука его телохранителя безвольно опустилась!

Элен, как назло, сидела, скрестив ноги, — попробуй прыгни из такого положения. Портативный компьютер упал рядом с ней на кровать; зуммер звучал в тишине, словно комариный писк.

Взгляд женщины скользнул по Майлзу и опять остановился на Ботари.

— Я думаю, адмирал, вы должны узнать, что за человека приняли к себе в качестве телохранителя.

— Гм... Почему бы вам не отдать мне ваше оружие. Сядем, поговорим спокойно. — Он осторожно протянул руку. Болевой спазм, зародившийся в животе, распространился по всему телу, руки предательски дрожали. Нет, не такой не такой ему виделась эта встреча.

Зашипев, как змея, эскобарианка мгновенно перевела игольник на Майлза. Тот отшатнулся, и под прицелом вновь оказался Ботари.

— Этот... — кивнула она на него, — бывший барраярский солдат. Я так и думала, что он найдет себе пристанище в какой-нибудь малоизвестной наемной флотилии. Во время барраярского вторжения на Эскобар он был главным истязателем у адмирала Форратьера. Или, может быть, для вас это не новость? — Она посмотрела на Майлза таким взглядом, словно хотела заживо содрать с него кожу.

— Я... я... — пролепетал он, глядя на Элен. Зрачки девушки расширились, тело напряглось, готовясь к прыжку.

— Адмирал никогда не насиловал свои жертвы — он предпочитал наблюдать. Форратьер был любовником принца Зерга — возможно, он боялся разбудить в своем патроне ревность. У того, кстати, пытки были поизощренней. Его слабостью были беременные женщины. Их-то и поставлял ему Форратьер...

Как много объяснили Майлзу эти слова! Он всегда догадывался, что здесь не все чисто. Догадывался — и не хотел задавать вопросы, ответы на которые могли подтвердить худшие из опасений... Он снова посмотрел на Элен Ботари — у той в глазах не было ничего, кроме ненависти к непрошенной, как ей казалось, гостье. Как хотелось бы и ему верить, что все это — грязная клевета... Парализатор лежит на столе перед Ботари, как раз на линии огня, — может, попытаться допрыгнуть?..

— Мне было восемнадцать, когда я попала к ним в плен. Недавняя выпускница, не успевшая даже завести фронтовой роман. Было не до этого — я мечтала послужить своей родине, защитить ее от врага. Я рвалась на войну, а попала в ад, и штабные крысы с Барраяра могли делать со мной все, что им заблагорассудится!

Элен Висконти явно находилась на грани истерики — воспоминания о пережитом ужасе взволновали ее сильнее, чем предполагала она сама... «Надо во что бы то ни стало заставить ее замолчать», — подумал Майлз, но женщина заговорила вновь:

— А этот... — ее палец лежал, подрагивая, на спусковом крючке, — был их инструментом для пыток. Он устраивал для них настоящие шоу, и за это ходил в любимчиках... После войны Барраяр отказался выдать своих преступников, а мое правительство решило не настаивать — скорейшее заключение мира было важнее справедливости, важнее поруганной чести своих граждан. Он остался гулять на свободе и превратился в мой кошмар — на все эти двадцать лет. Но ведь наемный флот тоже является субъектом межпланетного права. Адмирал Нейсмит, я требую ареста этого человека!

— Я не... но ведь это... — заикаясь, пробормотал Майлз. Он обернулся к Ботари:

— Сержант, что же вы молчите?!

Этот крик ударил в лицо Ботари, разрушив оцепенение. Губы сержанта искривились, он нахмурил брови, как будто пытаясь что-то вспомнить. Его взгляд задержался на дочери, потом на Майлзе и, наконец,

остановился на эскобарианке. Ботари издал долгий, протяжный вздох.

— Леди, — прошептал он, — вы все так же красивы.

«Что же ты делаешь, сержант! Не надо ее подстрекать!»

Ужас и ярость исказили прекрасное лицо женщины. И она решилась. Словно серебристые струи дождя вырвались из дрожащего ствола и осыпали пространство вокруг Ботари. Но тут игольник заклинило. Со страшными проклятиями Висконти начала что-то лихорадочно поправлять в нем, а Ботари привалился к стене и выдавил:

— Теперь — покой...

Майлз бросился за парализатором, но Элен опередила его. Выбив игольник, она заломила эскобарианке руки за спину с такой силой, словно хотела вырвать их из суставов. Женщина не пыталась сопротивляться — она была в такой прострации, что, наверное, даже не почувствовала боли. Только подбежав к сержанту, Майлз понял, что произошло.

Ботари оседал на пол, как сломанная марионетка. На его гимнастерке выступили пять капелек крови — таких маленьких, таких безобидных на вид.... И вдруг неудержимый кровавый поток вырвался у него изо рта. Отчаянно закашлявшись, он забился в конвульсиях. Потом на секунду затих — и вновь кровавая струя, еще сильнее первой, хлынула на ковер — и на Майлза, заливая ему комбинезон. Юноша упал на колени и на четвереньках подполз к своему телохранителю.

— Сержант, — позвал он осипшим от ужаса голосом.

Ботари лежал недвижимо. Его ястребиные, широко раскрытые глаза остановились и потускнели, голова неестественно запрокинулась назад, кровь текла и текла изо рта. Майлз бросился расстегивать его одежду, но не смог даже найти точек, в которых смертоносные лучи пронзили тело. Пять попаданий! Все внутренности наверняка превратились в тщательно перемолотый гамбургер.

— Почему ты не стрелял! — простонала Элен, тряся эскобарианку, как терьер пойманную крысу. — Ведь пистолет был заряжен...

Майлз посмотрел на оружие, все еще зажатое в остывающей руке сержанта. Указатель действительно стоял на отметке «перезаряжено».

Элен бросила полный отчаяния взгляд на отца — и вдруг, зажав шею эскобарианки в «ключ», стала ее душить. Майлз вскочил, разбрызгивая по каюте кровь, и крикнул:

— Не убивай ее! Может быть, это твоя мать!

«Господи, зачем я это сказал?»

— Что?! Ты веришь в эту ужасную ложь?! — крикнула она с яростью, но все-таки ослабила хватку. — Господи, Майлз, я даже не могу понять, о чем речь...

Висконти надсадно закашлялась, с трудом повернула голову и всмотрелась в девушку.

— Это... его детеныш? — спросила она Майлза.

— Это его дочь!

Эскобарианка внимательно изучала черты Элен. А Майлз уже видел, что не ошибся. Вот откуда эти волосы, эти глаза, эта изящная фигура — прообраз стоял в двух шагах с заломленными за спину руками.

— Ты похожа на него, — бросила женщина. Ужас и омерзение затуманили ее взор. — Говорят, барраярцы использовали зародыши и новорожденных для военно-медицинских экспериментов. — Тут она вопросительно посмотрела на Майлза. — А вы, случайно, не один из таких?

Элен выпустила убийцу и отступила назад. Однажды, отдыхая в загородном имении Форкосиганов, Майлз видел, как во время пожара погибла лошадь. Загорелась конюшня, и никто не мог подойти из-за страшного жара. Он всегда думал, что на свете нет ничего страшнее того душераздирающего ржания. Оказалось, есть. Молчание Элен в эту минуту. Она больше не плакала. Она просто стояла и молчала.

Майлз выпрямился.

— Тут вы ошибаетесь, мэм. Адмирал Форкосиган лично проследил за тем, чтобы все дети были доставлены живыми и невредимыми в сиротский приют. Они все выросли там, в безопасности. Почти все...

Губы Элен беззвучно шепнули: «Ложь!». Но в ней уже не было прежней уверенности, чтобы крикнуть это вслух. Она глядела на эскобарианку с какой-то исступленной жадностью.

В этот момент открылась дверь каюты и раздался бодрый голос Мэйхью:

— Милорд, если вы хотите, чтобы ваши приказы... Боже милостивый!

Ард остановился так резко, что едва не упал.

— Держитесь, я сейчас приведу врача! — крикнул он и бросился обратно.

Элен Висконти подошла к телу Ботари — осторожно, как путешественник к только что убитой ядовитой змее. Ее глаза встретились с глазами Майлза.

— Адмирал Нейсмит, я сожалею, что заставила вас пережить все это. Но поймите — я не совершала убийства. Я казнила военного преступника. Возмездие свершилось, — провозгласила эскобарианка торжественно, но тут ее голос сорвался, и она едва слышно закончила: — Справедливое возмездие.

А ведь и в самом деле, это не совсем убийство, подумал Майлз. Сержант мог застрелить тебя в любую секунду — с его-то реакцией. Он покачал головой:

— Нет.

Губы женщины побелели.

— Значит, вы считаете меня лгуньей? Или думаете, что я это сделала для собственного удовольствия?

— Нет...

Он опустил взгляд на широкую — в метр шириной — лужу крови, разделявшую их.

— Знаете, когда мне было четыре года, я все еще не мог ходить, только ползал. Я привык видеть перед собой не лица людей, а их колени. Но когда происходил военный парад или устраивалось другое торжество, мне

было видно лучше всех, стоявших в толпе. Потому что сержант брал меня на плечи.

Вместо ответа эскобарианка плюнула на тело Ботари. У Майлза потемнело в глазах от ярости. Еще мгновение — и он сделал бы что-то ужасное, но тут вернулся Мэйхью в сопровождении молодой женщины-врача.

— Адмирал! — крикнула она, подбегая к нему, — Что с вами? Вы ранены?

Майлз опустил глаза и впервые обратил внимание на то, что его рубашка пропитана кровью.

— Это не моя кровь, — сказал он. — Это сержант.

Она опустилась на колени возле Ботари.

— Что произошло? Несчастный случай?

Майлз поднял глаза на Элен, которая стояла, обхватив себя руками, словно пыталась согреться. Двигались только ее глаза — она смотрела то на изуродованное тело отца, то на эскобарианку — и, казалось, не могла остановить свой взгляд.

У Майлза свело челюсти, но страшным усилием воли он заставил себя сказать:

— Да... Несчастный случай. Он чистил оружие. Игольник оказался настроен на режим автоматического огня.

Из трех утверждений два последних были правдой... Эскобарианка разжала стиснутые зубы и посмотрела на него с удовлетворением. «Она думает, что я одобряю ее самосуд. Прости, сержант...»

Врач провела ручным сканером над грудью Ботари и покачала головой:

— Господи... все всмятку!

Вдруг искра отчаянной надежды вспыхнула в душе Майлза.

— Криогенные камеры! — воскликнул он. — В каком они состоянии?

— После контратаки переполнены, сэр.

— По какому принципу вы отбирали, кого замораживать?

— В первую очередь — тех, чьи ранения не безнадежны. Вражеские солдаты — в последнюю очередь, если

только они не представляют особого интереса для разведслужб.

— Как бы вы оценили это ранение?

— Из замороженных только двое более тяжелых.

— Кто эти двое?

— Люди капитана Танга. Прикажете освободить одну из камер?

Майлз взглянул на Элен, ища поддержки. И обнаружил, что она смотрит на тело, словно перед нею — совершенно незнакомый человек, который носил маску ее отца. Ее черные глаза были как две глубокие могилы — одна для Ботари, другая — для него самого.

— Он терпеть не мог холода, — после долгой паузы проговорил Майлз. — Пожалуй, будет лучше, если вы выделите один из контейнеров для хранения трупов.

— Слушаюсь, сэр, — ответила врач и покинула каюту.

Растерянный Мэйхью подошел поближе.

— Какая жалость, милорд. А ведь я уже стал к нему привыкать. Как странно...

— Да... Спасибо. Можете идти. — Майлз посмотрел на эскобарианку и почти шепотом добавил: — И вы тоже.

Элен Ботари заметалась между мертвым и живой, словно зверек, посаженный в тесную клетку.

— Мама?..

— Держись от меня подальше, — процедила женщина. — Как можно дальше, слышишь?

Ее взгляд был подобен пощечине. Круто развернувшись, она быстро вышла.

— Элен, — осторожно проговорил Ард, — может быть, вам лучше присесть? Я сейчас принесу воды или еще чего-нибудь. Пойдемте. Вот так. Вот и ладно.

Она безропотно позволила себя увести, лишь один раз оглянувшись через плечо. И Майлз остался наедине с мертвым телом своего самого верного слуги. Ему стало страшно — даже не страшно, а скорее непривычно. Бояться — это всегда было уделом сержанта. Бояться за него.

Он осторожно коснулся лица Ботари.

— Что мне теперь делать, сержант?

ГЛАВА 16

Три дня он жаждал одного — заплакать. Слезы пришли внезапно, ночью. Несколько часов он лежал, содрогаясь от безостановочных, неудержимых рыданий. Майлз надеялся, что это принесет ему облегчение, избавление от ужаса — но и в последующие ночи повторялась все та же многочасовая истерика, отнимавшая последние силы. Желудок болел не переставая, особенно после еды, так что он почти перестал притрагиваться к пище. Его и без того заостренные черты стали еще острее.

Дни слились в сплошной серый туман. Временами оттуда выныривали лица подчиненных — знакомые и незнакомые, требующие каких-то указаний, на что получали один и тот же ответ: «Поступайте по своему усмотрению». Элен вовсе перестала с ним разговаривать. Он же с тревогой следил за ней, подозревая, что девушка находит утешение в объятиях База, и страдая от ревности.

После очередного совещания, как обычно, не принесшего никаких результатов, к Майлзу подошел Ард. Майлз восседал на своем месте во главе стола, внимательно изучая собственные ладони; офицеры неспешно расходились, перебрасываясь какими-то бессмысленными репликами.

— Я, конечно, не много понимаю в офицерской службе, — шепнул Ард, — но зато знаю наверняка, что нечего и думать вырваться из окружения с войском в двести человек на хромых клячах вместо кораблей и с командиром, который, как вы, то и дело впадает в оцепенение.

— Ты прав, — холодно заметил Майлз. — Прав насчет того, что не знаешь службы.

Он вскочил с кресла и удалился с подчеркнуто неприступным видом, хотя в глубине души был глубоко уязвлен справедливыми словами пилота.

Он успел ввалиться в каюту как раз вовремя — начался приступ кровавой рвоты, уже четвертый за про-

шедшую неделю и второй после гибели Ботари. Когда мучения закончились, Майлз подумал: «Пора начинать приводить все в порядок, хватит...» Он рухнул на койку и пролежал без движения шесть часов подряд.

Начался процесс одевания. Правду говорили те, кто провел долгое время в космической изоляции: либо ты поддерживаешь себя и все вокруг на достойном уровне, либо все летит к чертям. За три часа, прошедшие после пробуждения, Майлз совершил такой важный акт, как надевание брюк. Последующий час ему предстояло посвятить натягиванию носков либо бритью — смотря по тому, что легче. Идиотский, прямо-таки мазохистский обычай у них, у барраярцев, — бриться каждый день. Нет чтобы последовать примеру цивилизованных жителей Беты — те раз и навсегда удаляют на лице корни волос. Пожалуй, лучше все-таки взяться за носки...

Кто-то позвонил в дверь, но он никак не реагировал на зуммер. Тогда включилась внутренняя связь и раздался голос Элен:

— Майлз, это я, открой.

Он сел так резко, что потемнело в глазах:

— Входи!

Повинуясь ключевому слову, сенсорный замок разблокировал дверь.

Лавируя между кучами тряпья, пустыми продуктовыми упаковками, полуразобранным оборудованием и оружием, Элен добралась наконец до кровати и остановилась, оглядывая комнату и брезгливо морща нос.

— Вот что, — сказала она наконец, — если ты не собираешься ликвидировать эту свалку самостоятельно, возьми хотя бы денщика.

Майлз осмотрелся.

— М-да, над этим стоит подумать. А ведь я привык считать себя очень аккуратным человеком. Все всегда поддерживалось в порядке само собой. Ты не будешь в обиде?

— В обиде на что?

— Если я найму денщика.

— Какая мне разница?

Майлз задумался.

— Вот только кого? Можно Арда. Надо же найти ему какое-нибудь занятие, пока его корабль неисправен....

Она пожала плечами.

— Вроде бы он уже не такой разгильдяй, как раньше, — неуверенно заметил Майлз.

— Угу, — кивнула она, поднимая с пола опрокинутый компьютер и ища глазами, куда бы его пристроить. Однако в каюте имелся лишь один участок, не заваленный вещами или не покрытый толстым слоем пыли.

— Майлз, ты долго собираешься держать здесь гроб? — спросила Элен.

— Какая разница, где он находится? В морге холодно. А он не любил холода.

— Люди начнут думать, что ты свихнулся.

— Пусть думают, что хотят. Я дал ему слово: если с ним что-нибудь случится, я похороню его на Барраяре.

Она нервно повела плечами.

— К чему столько хлопот, чтобы исполнить обещание? Он ведь мертв, ему все равно.

— Но я-то жив, — спокойно возразил Майлз. — И мне не все равно.

Она заходила по каюте, спотыкаясь о разбросанные вещи. Упрямое лицо, кулаки сжаты.

— Уже десять дней я веду занятия по рукопашному бою. А ты не был ни на одной тренировке.

«Рассказать ей о кровавой рвоте? — подумал он. — Нет, не стоит — сразу же потащит в санчасть». А там, при более внимательном осмотре, обнаружится слишком многое: его истинный возраст, слабая костная структура — все, что он так тщательно скрывал...

— Баз работает в две смены, налаживая оборудование. Танг, Торн и Осон с ног сбились, обучая новобранцев. Но развал уже начался, все друг с другом грызутся. Майлз, если ты еще неделю просидишь в своей норе, флот дендарийских наемников придет точно в такое же состояние, как твоя каюта.

— Я знаю. Я же присутствую на офицерских совещаниях. То, что я молчу, еще не значит, что не слушаю.

— Почему же ты не слышишь, когда они требуют от тебя, как от своего лидера, окончательного решения?

— Ей-богу, им ни к чему мое лидерство, — сказал он, откидывая волосы со лба. — Баз ремонтирует, Ард командует, Торн, Танг и Осон скандалят с подчиненными, ты на тренировках поддерживаешь их физическую форму — все чем-то заняты, кроме меня... Вот ты твердишь мне все время: «Они говорят, они требуют!» А сама-то что думаешь?

— Какое это имеет значение?

— Но ведь ты пришла...

— Это они попросили меня прийти. Ты ведь больше никого к себе не пускаешь, или забыл? Они уже несколько дней не дают мне покоя. Вроде того, как христиане попросили Деву Марию стать посредницей между ними и Богом.

Отдаленное подобие прежней улыбки мелькнуло на его губах.

— Не Богом, а всего лишь сыном Божьим. Бог сейчас дома, на Барраяре.

— Хватит меня смешить, чертов зубоскал! — взмолилась она, закрывая лицо руками, чтобы не улыбнуться против воли.

Майлз взял ее за руку и усадил рядом с собой.

— А почему бы тебе не посмеяться? Разве ты не заслуживаешь хотя бы такой награды?

Она ответила не сразу, печально глядя на серебристый продолговатый контейнер в углу.

— Ты ни секунды не сомневался, что ее обвинения — правда? Ты сразу в них поверил?

— Я с ним общался намного больше тебя. Семнадцать лет, по сути дела, мы почти не разлучались.

— Да. — Она опустила взгляд на руки, зажатые между колен. — Я-то видела его только урывками. Он приезжал в Форкосиган-Сюрло раз в месяц, чтобы заплатить госпоже Хайсон, — и никогда не задерживался больше часа. Он всегда был в этой серебристо-коричневой ливрее; мне казалось, что он в ней метров трех ростом. В ночь накануне и после его приезда я не могла

заснуть от волнения. Лето было раем — твоя мать забирала меня в ваш загородный дом, играть с тобой, и я могла видеть папочку целый день... — Ее голос сорвался, пальцы сжались в кулак. — И все это оказалось ложью. Фальшивое величие, под которым скрывался мешок с дерьмом.

— Ты знаешь, я думаю, он не лгал, — тихо сказал Майлз. — Он хотел забыть старую правду и создать на ее месте новую.

Она скрипнула зубами.

— Правда одна — я ублюдок, ребенок сумасшедшего насильника и матери-убийцы, которая ненавидит даже мою тень. Вряд ли я унаследовала от таких родителей только форму носа и глаз.

Вот он, самый главный, потаенный страх. Майлз вскочил, словно рыцарь, заприметивший вдали черного дракона.

— Нет! Они — это они, а ты — это ты. Ты сама по себе, и ты ни в чем не повинна.

— И это я слышу от тебя? В жизни не встречала большего лицемерия!

— Почему?

— Ведь ты — высшая точка в истории знаменитого рода. Цветок на родословном древе Форкосиганов...

— Чего-чего? — удивился Майлз. — Предел вырождения — вот что я такое. Не цветок, а чахлый сорняк, — он запнулся, пораженный тем, что она смотрит на него с не меньшим изумлением. — Да, поколения множатся. Мой дед тащил на плечах груз девяти предков, отец — десяти. Мне пришлось взвалить одиннадцать — и клянусь, моя ноша тяжелее всех предыдущих, вместе взятых. Так что не удивляйся, что этот груз не дал мне вырасти. Он так давит меня к земле, что скоро от меня совсем ничего не останется.

Майлз почувствовал, что говорит ерунду. Нет, хватит, надо о главном.

— Элен, я люблю тебя, я всегда тебя любил.

Она вскочила, как испуганный олень, но он, обняв, удержал ее.

— Погоди! Я люблю тебя. Не знаю, кем был на самом деле сержант, но и его я любил, и то, что осталось в тебе от него, я чту всем сердцем... Я не знаю, где правда, и не хочу этого знать... У нас будет ребенок. Ведь у твоего отца отлично получилось, разве не так? Я не могу жить без моих Ботари... Выходи за меня замуж!

Он совершенно выдохся и смущенно замолчал.

— Я не могу за тебя выйти! — пробормотала Элен. — Генетический риск...

— Но я же не мутант, не мутант! Посмотри, — он растянул рот обеими руками, — может быть, ты видела там жабры?! Или, может быть, у меня растут рога? — Он приставил к макушке два скрюченных пальца.

— Я имею в виду не тебя! Риск — во мне. В том, что досталось мне от него. Твой отец, наверное, знает, кем был этот человек в прошлом, — он не допустит...

— Стоит ли копаться в чьих-нибудь хромосомах человеку, в жилах которого течет кровь императора Ури Безумного?!

— Твой отец верен своему классу — как и дед, как и леди Форкосиган. Они не допустят, чтобы я стала твоей женой.

— Тогда я поставлю их перед выбором: либо они соглашаются, либо я женюсь на гермафродите. А, вот, к примеру, Бел Торн — подходящая партия. Тогда они настолько круто повернут в твою сторону, что, того и гляди, завалятся на повороте.

Элен упала лицом в подушку; плечи девушки отчаянно содрогались. «Неужели я довел ее до слез?» —испугался Майлз. Но тут он услышал ее сдавленный голос:

— Черт тебя подери, я же просила не смешить меня!

Он даже подпрыгнул от радости.

— Да и не так уж мой отец верен своему классу. В конце концов, он взял в жены иностранку и простолюдинку, — его лицо внезапно стало серьезным. — А что касается мамы — она всегда мечтала о дочери, хотя почти никогда не говорила об этом вслух, чтобы не ранить старика. Ты станешь ее дочерью.

Элен охнула, словно от удара в солнечное сплетение.

— Вот увидишь, когда мы вернемся на Барраяр...

— Я молю Бога, — страстно перебила она, — молю, чтобы мне никогда больше не довелось ступить на эту планету.

Теперь настал его черед охнуть.

— Ну хорошо, — сказал он, помолчав. — Мы можем поселиться где-нибудь еще. На Бете, например, — там спокойно, выгодный валютный курс. Я займусь... словом, найду себе какую-нибудь работу.

— А потом настанет день, когда император призовет тебя в Совет графов — держать ответ за твоих вассалов и за скудные плоды твоих земель. Куда ты тогда денешься?

Он сглотнул ком в горле.

— Мой наследник — Айвен Форпатрил. Пусть он и заседает в Совете.

— Айвен — скотина!

— Ну, не так уж он и плох...

— Сколько раз, когда отца не было рядом, он ошивался вокруг меня, пуская слюни!

— Что?! Но ведь ты никогда не говорила...

— Не хотела становиться причиной крупного скандала. Хотя я была бы не прочь вернуться в прошлое, чтобы хорошенько врезать ему ботинком между ног.

Он удивленно покосился на нее и медленно проговорил:

— Да, ты здорово изменилась...

— Я и сама теперь не знаю, кто я такая, кем стала. Поверь мне, Майлз, я люблю тебя так же, как люблю дышать...

Его сердце радостно замерло...

— ...но я не могу быть всего лишь приложением к тебе.

...и оборвалось.

— Каким приложением? О чем ты?

— Как тебе объяснить... Ты поглотишь меня всю, без остатка, как огромный океан — ведро воды. Я растворюсь в тебе. Я люблю тебя, но боюсь. И того, что ждет тебя в будущем, — тоже боюсь.

Он ухватился за самое простое объяснение:

— Это Баз. В нем все дело, разве не так?

— Если бы База не существовало, мой ответ тебе был бы тем же. Но коль скоро речь зашла о нем — да, я дала ему слово.

— Ты... ты должна нарушить это слово, — почти приказал он.

В ответ Элен просто молча посмотрела на него. Через несколько секунд он опустил глаза и густо покраснел.

— У тебя в запасе много чести — целый океан. А у меня — только маленькое ведерко. Вы и это ведерко заставляете меня выплеснуть, милорд?

Майлз упал на койку, сраженный ее твердым ответом. А она встала и спокойно осведомилась:

— Ты собираешься присутствовать на следующем совещании?

— К чему? Все равно надеяться не на что.

Она посмотрела на него сверху вниз и сказала, кивнув на гроб в углу каюты:

— Не пора ли учиться ходить на собственных ногах, а, малыш?

И выскользнула в дверь, со смехом увернувшись от подушки, которой Майлз в нее запустил.

— Да, ты меня слишком хорошо знаешь, — прошептал он. — Придется ограничиться использованием любимой женщины в качестве охранника.

Он с трудом поднялся на ноги и отправился бриться.

Майлз едва успел к началу совещания. Тяжело дыша, он рухнул в кресло — как обычно, во главе стола — и обвел глазами присутствующих. На сей раз собралось большое общество, и по этому случаю местом встречи был избран главный конференц-зал завода.

Сегодня в заседании участвовал даже генерал Хэлифи со своим заместителем. Разумеется, явились Танг, Торн с Осоном, Ард с Базом и еще пятеро мужчин и женщин, избранных для пополнения офицерского состава из числа новобранцев. Когда все расселись, цетагандийский капитан оказался как раз напротив кшатрианского

лейтенанта. Их взаимная неприязнь уже достигла той степени напряжения, которая раньше наблюдалась лишь внутри треугольника Танг — Осон — Торн. Два последних объединяли усилия только для нападок на профессионального киллера с Архипелага Джексона или на отставного майора, коммандос с Тау Кита, который, в свою очередь, точил зубы на экс-оссеровцев. Порочный круг замкнулся.

Сегодня весь этот зверинец собрался под одной крышей, чтобы утвердить окончательный план прорыва оссеровской блокады. Этим и объяснялся интерес к данному мероприятию со стороны генерала Хэлифи (который последнюю неделю начал посматривать на дендарийцев со все большим сомнением). Его взгляды задевали Майлза сильнее, чем это могли бы сделать претензии. «Все справедливо, генерал, — мысленно оправдывался он. — За что платили, то и получите».

Первые полчаса ушли на то, чтобы заново выдвинуть и опровергнуть три основных плана, которые уже не раз обсуждались на предыдущих совещаниях. Слишком неравное соотношение сил, нехватка ресурсов, недостаток времени на подготовку — все эти непреодолимые препятствия с наслаждением смаковались соперничающими группировками. Оппоненты быстро довели друг друга до исступления, и дискуссия превратилась в шумную перебранку. Даже Танг, обычно не опускавшийся до препирательств, сегодня был одним из заводил — это говорило о том, что скандал может тянуться до бесконечности.

— Вы что, черт побери, не соображаете? — орал кшатрианский лейтенант, придавая убедительность своим словам с помощью ударов кулака по столу. — Чем толочь воду в ступе, давайте подумаем, что мы реально можем сделать. Самая выгодная цель — торговые корабли. Перехватывая их, мы устроим им контрблокаду.

— Атаковать нейтральные галактические торговые суда?! — поразился Осон. — Вы хотите, чтобы нас всех развешали?

— Перевешали, — поправил Торн, в благодарность получив от однополчанина озлобленный взгляд.

— Короче, — упорствовал Осон, — по системе разбросано всего несколько пеллианских военных баз. Мы можем устроить нечто вроде партизанской войны. Внезапно напасть и быстро уйти в пески...

— Какие пески?! —прервал его Танг. — Тут даже задницу спрятать негде — пеллиане имеют наш домашний адрес. Это еще счастье, что они пока не отчаялись захватить этот завод — иначе давным-давно выплеснули бы на нас дождик из метеоритов, летящих с околосветовой скоростью! Любой план, который невозможно осуществить в кратчайшие сроки, не подойдет.

— А что, если произвести молниеносный налет на пеллианскую столицу? — предложил цетагандийский капитан. — Эскадрилья смертников с ядерными зарядами на борту.

— Вас можно записать первым добровольцем? — ехидно осведомился кшатрианин. — Браво! Это будет максимальная польза, какую вы могли бы нам принести.

— У пеллиан на орбите крутится перевалочная станция, — заметил майор с Тау Кита. — Налет на нее мог бы...

— ...надо взять рэндомизатор и...

— ...вы идиот!..

— ...атаковать одиночные корабли...

Майлз почувствовал, что от гула восклицаний его внутренности начинают сплетаться, как спаривающиеся змеи. Он потер ладонями лицо и вдруг заговорил — впервые за много дней. Это было настолько неожиданно, что все мгновенно замолчали.

— Я знаю многих людей, которые подобным образом играют в шахматы. Они неспособны просчитать ходы вплоть до мата и потому тратят время, очищая доску от легких фигур. Они пытаются добиться упрощения позиции до такого уровня, на котором они могли бы что-нибудь сообразить. А между тем идеальная война похожа на мат в два хода.

Он умолк, опустив подбородок на руки. Офицеры ждали продолжения, но когда через минуту-другую его не последовало, всеобщая свара разгорелась с прежней силой. Генерал Хэлифи сделал движение, чтобы подняться из-за стола.

Лицо Майлза было скрыто ладонями, поэтому никто не увидел, как расширились его глаза и тут же сузились в щелочки.

«Сукин ты сын! — прошептал он. — Есть возможность, есть!»

Он выпрямился в кресле.

— Как это до сих пор никто не сообразил, что мы подходим к проблеме не с той стороны?

Его голос потонул в общем гаме. Только Элен, сидевшая в углу, видела лицо Майлза и подалась ему навстречу, как раскрывающийся цветок. Губы девушки беззвучно произнесли его имя.

Да, да, Элен, я сделаю из этого настоящую войну. И увенчаю ее не позорным бегством, а монументом в честь победителя.

Майлз вытащил из ножен дедовский кинжал и подбросил его к потолку. Клинок перевернулся и вонзился в центр стола, звонко завибрировав. Майлз вспрыгнул на стол и, не спеша подойдя к кинжалу, выдернул его. Офицеры словно языки проглотили. Только Осон, перед которым приземлился кинжал, пробормотал: «Надо же, я и не думал, что пластиковые осколки так режутся!»

Майлз аккуратно вложил свое оружие в ножны и начал неторопливо прохаживаться по столу. Аппараты, поддерживающие его ноги, в последнее время стали надсадно скрипеть, он все собирался попросить Ботари привести их в порядок, но не успел. Теперь этот скрип звучал в тишине, словно громовые раскаты. Хорошо, подумал он, так и надо. Ради того чтобы привлечь их внимание, он готов был сейчас, если понадобится, врезать каждому дубиной по башке.

— Я хотел бы напомнить вам, леди, джентльмены и... остальные присутствующие, в чем состоит задача дендарийцев. Никто не просит нас уничтожать весь флот

Оссера. Мы должны всего лишь очистить от него ограниченный участок пространства. Нет нужды атаковать их основные силы.

Закинутые головы офицеров поворачивались за ним, как железные болванки за магнитом. Генерал Хэлифи снова опустился в кресло. Лица База и Арда озарились надеждой.

— Я хотел бы обратить ваше внимание, господа, на слабое звено в цепи, которой нас сковали. Это звено — взаимоотношения между оссеровцами и их работодателями. Вот куда мы должны направить свой удар. Дети мои, — тут он поднял голову, и его взгляд унесся в космические дали, словно взгляд пророка, узревшего будущее, — наша главная цель — раздаточная ведомость их денежного содержания.

Сначала — белье, мягкое, легкое, плотно облегающее. Затем — доспехи. И, наконец, настал черед ботинок с пьезоэлектрическими подошвами, снимающими напряжение с опорной части ступни. Баз не просто подогнал доспехи — его работа превзошла все ожидания Майлза. Штанины скафандра, казалось, охватывали его кривые ноги лучше, чем собственная кожа, но в отличие от нее, они служили внешним скелетом, выполняя функции, обычно возлагаемые на его ненадежные, хрупкие кости. Теперь, с помощью техники, он стал таким же сильным, как его подчиненные.

Жаль, что База не было рядом в эти минуты — он имел полное право с гордостью полюбоваться на плоды своего труда. Пока же все восторженные отзывы выслушивал Ард, помогавший Майлзу облачаться в скафандр. Впрочем, что сейчас для База похвалы начальства! У него есть нечто куда более ценное, и Майлз готов был отдать что угодно, чтобы оказаться на его месте.

Фелицианские разведчики докладывали, что обстановка на фронте по-прежнему спокойная. Вполне удобный момент для того, чтобы просочиться через кордон и двинуться к планете, к той заветной цели, по которой должен быть нанесен удар. Для выполнения этой задачи

Баз отобрал лучших инженеров, и особая роль отводилась Элен Висконти. Майлзу ужасно не хотелось посылать их одних, но здравый смысл подсказывал, что так будет лучше. Налет коммандос (если их можно было так назвать) — быстрый, технически безупречный, а главное, обязанный остаться незамеченным — вряд ли выиграл бы от участия неподготовленного и привлекающего внимание субъекта. Гораздо полезнее оборудовать лишнюю ячейку для багажа, а Майлзу остаться здесь — поддерживать боевой дух в остальных подчиненных.

Он потянул носом воздух. Искусственная атмосфера в арсенале была насыщена запахами — от «аромата» причального отсека до смрада хирургической палаты. При мысли об операционном столе его желудок снова пронзила боль. Не сейчас, взмолился Майлз, потерпи еще немного, а когда все кончится, я обязательно отправлю тебя на починку к врачам.

Группа нападения облачилась в боевые скафандры. Инженеры проверяли работу автоматики, то там, то здесь вспыхивали разноцветные огоньки, раздавались тихие звуковые сигналы,слышались негромкие голоса. «Серьезный настрой — как раз то, что нужно», — подумал Майлз. Он встретился глазами с Висконти, стоящей неподалеку, — и ободряюще улыбнулся, словно был здесь ветераном. Эскобарианка отвернулась, не ответив на его улыбку.

Пока инженеры заканчивали контроль снаряжения, он еще раз прикинул шансы на успех. Весь замысел строился на том, что выплата заработка наемным войскам производилась двумя путями. Во-первых, электронные перечисления на счет наемников в пеллианской столице — отсюда флот черпал деньги на текущие нужды. По поводу этих сумм у Майлза имелся отдельный план. Вторая же часть — наличные в наиболее стабильных галактических валютах, преимущественно в бетанских долларах; их выдают на руки капитанам — владельцам боевых кораблей. Эти деньги ежемесячно доставляются

на флагман Оссера, стоящий на главной базе. Точнее, доставлялись ежемесячно, усмехнулся Майлз.

Первый перехват был осуществлен с убийственной легкостью. Да и не удивительно — ведь половину войска Майлза составляли оссеровцы, и некоторые из них раньше имели дело с доставкой денег. Небольшой коррекции опознавательных кодов оказалось достаточно, чтобы пеллианский курьер принял дендарийцев за корабль-инкассатор. Задолго до появления настоящего оссеровца их и след простыл. Связист аккуратно записал все ругательства, которыми обменялись вояки Оссера и пеллианский курьер после того, как вскрылся подлог, и Майлз по достоинству оценил этот шедевр. Он положил копию перехваченной депеши на крышку гроба Ботари, рядом с дедовским кинжалом, и мысленно пообещал: «Это только начало, сержант!»

Следующая операция, проведенная две недели спустя, была сработана грубее и вылилась в перестрелку между новым, на сей раз хорошо вооруженным пеллианским курьером и тремя боевыми кораблями дендарийцев. Майлз великодушно уступил командование операцией Тангу, ограничив свое участие одобрительными возгласами. Но вскоре в пределах видимости появились четыре оссеровских корабля, и стало ясно, что сегодня они настроены куда серьезнее. Попытки подойти к пеллианину поближе пришлось оставить. Дав прощальный залп и разнеся на атомы курьера вместе с его драгоценным грузом, орбитальные пираты на предельной скорости ушли в открытый космос. Пеллиане сражались храбро, следовало отдать им должное. В ту ночь Майлз сжег посмертное жертвоприношение.

Но смогут ли они и дальше действовать так же успешно? Уже третья попытка пиратского налета показала, что противник извлек уроки из происходящего. Оссер послал большой конвой чуть ли не к самой пеллианской планетарной базе. Нечего было даже пытаться подходить к ним ближе. Майлз понял, что пришло время выложить главный козырь, припрятанный про запас.

Когда он поручил Тангу отправить своему бывшему офицеру связи письмецо на обычном листе бумаги, тот недоуменно пожал плечами, но подчинился. «Просьба отвечать на все запросы дендарийцев», —написал Майлз, сопроводив эти слова гербовой печатью Форкосиганов, которая была скрыта в рукоятке дедовского кинжала... Тангу это ни о чем не говорило; зато после того, как письмо достигло адресата, разведданные посыпались, как из рога изобилия. Однако Майлз испытывал по этому поводу больше тревоги, чем радости, — приходилось рисковать одним из агентов капитана Иллиана, к тому же — их единственным надежным источником информации о флоте Оссера. Если вдруг оссеровцы догадаются, по чьей вине уходят в никуда их деньги, со связистом будет покончено в тот же день. Но пока — пока они получили вместо гонорара четыре кучки пепла и плотную завесу тайны над их происхождением...

Майлз почувствовал, как изменилась сила тяжести. Началась вибрация — очевидно, корабли выстраивались в боевой порядок. Надо надевать шлем и бежать в рубку, выходить на связь с Тангом и Осоном. Элен шлем уже закрепили. Она подняла забрало и вполголоса попросила инженеров что-то поправить.

Пока Баз будет выполнять задание, Майлзу предоставится шанс (скорее всего последний) что-то изменить в своих отношениях с упрямой красавицей. Инженер на этот раз не будет стоять у него на пути, и некому будет узурпировать роль героя.

Майлз сам спасет ее! Он закрыл глаза и представил, как расстреливает из бластера бросающихся на Элен врагов. Он вытащит ее из заварухи — все равно, из какой, детали не имеют значения. После этого ей ничего не останется, как поверить в его любовь. Он найдет что сказать, подберет единственно верные слова и заставит забыть чепуху, которую нес до сих пор. Ее белая кожа порозовеет, согретая его страстью...

Но сейчас профиль девушки стал еще суровее под шлемом скафандра. Все та же безжизненная маска снежной королевы, что приросла к ее лицу с того дня, как

погиб Ботари. Это неестественное спокойствие очень тревожило Майлза. Правда, здесь могла быть и самая простая причина — служебные обязанности не оставляли ни времени, ни сил на скорбь. Хорошо хоть улетела Висконти и прекратились крайне неприятные, но неизбежные встречи в коридоре и конференц-залах, когда обе женщины словно начинали соревноваться в игнорировании друг друга.

Элен потянулась, проверяя подвижность сочленений скафандра, и вдруг задумчиво посмотрела в дуло плазменного пистолета, пристегнутого к ее предплечью. Потом, натягивая перчатку, задержала взгляд на голубом ручейке вены. В глазах девушки Майлзу почудился холодный блеск бритвы.

Он подошел к ней и жестом попросил техников оставить их наедине.

— Я знаю о самоубийстве не понаслышке. Так что не вздумай меня дурачить.

Она вздрогнула, метнула в него злой, презрительный взгляд — и захлопнула забрало скафандра.

«Прости, — мысленно попросил он. — Так надо».

Ард водрузил ему на голову шлем и начал подключать коммуникации... Внезапно словно костер вспыхнул в животе Майлза и, облизав по отдельности каждую кишку, рассыпался на десятки маленьких пожаров. Не обращать внимания на боль становилось все труднее. Он решил прозвонить связь с отсеком боевого слежения.

— Командор Танг! Говорит Нейсмит. Включите встроенный экран.

В верхнем углу забрала шлема загорелась разноцветная картинка — копия телеметрии, получаемой в отсеке, незаменимая вещь для командира на поле боя. Силовые механизмы его скафандра, да и все прочие трофейные доспехи в отряде, были переключены на индивидуальный контроль: вдруг противник каким-то образом догадается использовать их же собственный трюк?

— У вас последняя возможность изменить решение, — зазвучал в наушниках голос Танга; командор все еще надеялся разрешить старый спор в свою пользу. —

Может, все-таки нападем на оссеровцев после передачи денег? Ведь мы же располагаем всей необходимой информацией!

— Нет, — ответил Майлз; боль вынуждала его говорить как можно лаконичнее. — Мы должны захватить или уничтожить деньги до момента передачи. Делать это после — стратегически бессмысленно.

— Не совсем. Мы наверняка могли бы найти им применение.

Еще как могли бы, мысленно согласился Майлз. Для подсчета его долгов дендарийцам скоро понадобится штатный математик. Если бы наемный флот был оснащен кораблями с паровыми двигателями, а банкноты использовались в качестве топлива, и то их бюджет не находился бы в столь плачевном состоянии. Никогда еще, наверное, такой маленький человечек не имел таких огромных долгов, сумма которых к тому же росла не по дням, а по часам.

Эта мысль усилила физические муки: желудок пульсировал, словно амеба, над которой производят какие-то изуверские опыты. Это все самовнушение, попытался убедить себя Майлз.

Группа захвата построилась и четким шагом направилась к шлюзовым туннелям. Он подходил к каждому, пытаясь успеть дотронуться, назвать по имени, сказать хоть слово — и люди принимали это с благодарностью. Он мысленно составил список участников — сколько пробелов возникнет в нем после операции!.. И это будет его вина. Запас остроумия решительно иссяк.

Самое ужасное начнется, когда Танг вытряхнет катера в космос, как яйца из упаковки — такие же хрупкие и точно так же обреченные превратиться в невообразимое месиво при первом же попадании из любого орудия. Майлз набрал в легкие побольше воздуха, готовясь к борьбе с невесомостью...

Приступ пришел внезапно. Боль буквально разорвала его пополам, дыхание вышибло вон. Словно воздушный шар, Майлз оторвался от палубы, пальцы на перилах разжались, и он взлетел под потолок. «Боже мой, ка-

жется, на этот раз мне не избежать позора». Через несколько секунд его начнет рвать прямо в скафандр, и каждый солдат будет смеяться над его слабостью. Абсурдный и нелепый человечек получит свое. Он рывком подбородка включил на полную мощность вентиляцию и готов был перегрызть провод радиосвязи — только бы подчиненные не услышали божественных звуков, издаваемых их блюющим командиром...

— Адмирал Нейсмит! — раздались встревоженные голоса из отсека слежения. — Ваша медицинская телеметрия показывает что-то невообразимое! Надо проверить, в чем дело.

Вселенная для Майлза сжалась до размеров его живота. Гипервентиляция не помогала. Он же сегодня ничего не ел, откуда это все берется...

Кто-то из наемников поймал его в воздухе.

— Адмирал Нейсмит! Что с вами?

— Только не здесь... Не сейчас! — взмолился Майлз, но было поздно — солдат уже открывал его забрало.

— Сукин сын, чтоб тебя! — завопил он, отпрянув в сторону. — Врача!

«Не надо врача, я сам все очищу, — хотел сказать Майлз, но не смог... Бордовые сгустки, алые капли и розовые пятна поплыли перед ним. Кажется, это кровь, — подумал он с отчаянием, — но почему именно сейчас?!»

Чьи-то руки подхватили его и поволокли обратно в переходной отсек. Искусственная гравитация припечатала его к палубе — какой идиот включил целых три «g»?! Все те же руки сняли с него шлем и тщательно подогнанный лицевой щиток. Теперь Майлз предстал во всем великолепии, похожий на разделанную устрицу. Проклятый желудок снова начал выворачиваться наизнанку.

Он увидел над собой лицо Элен, побледневшей, кажется, еще сильнее, чем он сам. Она упала на колени, сорвала перчатку и схватила его за руку.

— Майлз!

«Наконец-то ты прикоснулась ко мне! — подумал Майлз. —Что такое реальность? Реальность — это то, что ты сам в нее вкладываешь...»

Он собрал все свои силы и выкрикнул:

— Командор Ботари!

Их тут же окружило плотное кольцо испуганных лиц. Его дендарийцы. Его люди. Теперь все ради них.

— Командор Ботари, принимайте командование!

— Я... я не могу! — ее лицо исказил ужас.

«Наверное, я сейчас выгляжу не лучше сержанта, когда у него перепахало все внутренности», — подумал Майлз. Он хотел успокоить ее, сказать, что все не так страшно, но перед глазами поплыли серебристо-черные круги. «Стоп!» — мысленно крикнул он и усилием воли задержал ускользающее сознание.

— Нет, вы можете, вы обязаны! Помните — я с вами каждую минуту, — он сморщился от боли: какой-то бесчувственный здоровяк подхватил его на руки. — Вы истинный фор, вы, а не я... Видно, произошла какая-то ошибка... нас перепутали во младенчестве, — пошутил он, одарив ее улыбкой, больше похожей на гримасу. — Элен, помни главное — видеть на несколько шагов вперед...

И произошло чудо. Элен решительно поднялась и расправила плечи. Лед, сковывавший ее все эти дни, растаял и исчез в считанные мгновения.

— Есть, милорд, — прошептала она. И, обернувшись к остальным, крикнула: — Вы слышали, что сказал адмирал Нейсмит? Расступитесь! Не мешайте врачам!

Взволнованные солдаты потеснились, и Майлза наконец положили на антигравитационные носилки.

Он увидел носки своих ботинок, покачивающиеся где-то впереди. Укол в руку был почти неощутим. Потом до него донесся напряженный голос Элен:

— Эй, вы, клоуны! Кончайте балаган! Мы должны победить! За нашего адмирала!

Еще одна героиня войны! Герои растут вокруг него, как грибы после дождя. Похоже, он всех заразил карьеризмом.

— Д-д-дьявольщина, — глухо простонал Майлз. — Дьявольщина, дьявольщина, дьявольщина... — Он твер-

дил проклятия, словно заклинание, пока следующая инъекция обезболивающего не избавила его от всего сразу — и от боли, и от отчаяния, и вообще от всяких ощущений...

ГЛАВА 17

Майлз не считал, сколько раз он переходил грань между сознанием и беспамятством, но казалось, что этому не будет конца. Когда-то в детстве ему довелось испытать нечто подобное: он заблудился в коридорах императорской резиденции — одну за другой распахивал двери, попадая то в музей, то в библиотеку, то на склады инвентаря, и никак не мог найти знакомые помещения.

Однажды он увидел у своей постели Танга и страшно забеспокоился — почему тот покинул командный пункт? Капитан, глядя на него встревоженным взглядом, пробормотал:

— Вот что, сынок, если ты выкарабкаешься, надо будет научиться поаккуратнее распределять силы. Мы тебя едва не потеряли.

«Очень дельный совет», — подумал Майлз. Настолько дельный, что его стоило бы написать на большом листе бумаги и повесить над кроватью.

Очнувшись в следующий раз, он увидел Элен. А она как здесь оказалась? Ведь он передал ей командование катером. Все так и норовят разбежаться со своих постов....

— Вот дьявольщина, — виновато проговорил он заплетающимся языком. — Наверняка с Форталией Храбрым никогда не случалось ничего подобного.

Она подняла бровь.

— Откуда такая уверенность? История тех времен написана поэтами и певцами-менестрелями. Попробуйка подбери возвышенную рифму к «прободению язвы»!

Майлз послушно попробовал это сделать, но напряжение оказалось непосильным, и он вновь провалился в серый туман.

Придя в сознание, он обнаружил, что рядом никого нет. Он стал звать Ботари, звал его до хрипоты, но сержант не приходил. Как это похоже на него, обиженно подумал Майлз: ходит по пятам с утра до ночи, а когда по-настоящему понадобился, ушел в долгосрочный отпуск...

Позже врачи объяснили ему, что галлюцинации были побочным эффектом обезболивающих препаратов. Но это впоследствии, а пока... Сначала явился дед, долго душил его подушкой и в конце концов спрятал его труп под кровать. Рядом стоял Ботари в окровавленной рубахе и пилот с «Ариэля» — его импланты были почему-то вставлены наизнанку, и проволочки по бокам головы болтались, как диковинные водоросли. Оба с интересом наблюдали за происходящим.

Наконец, откуда-то возникла мать и, размахивая руками, прогнала призраков, как жена фермера прогоняет забравшихся в дом цыплят.

— Высчитай число «е» с точностью до семнадцатого знака — и чары спадут, — объяснила она. — Если ты настоящий бетанец, то должен суметь сделать это в уме!

Весь день Майлз ждал, когда же наконец перед ним появился отец. Он помнил, что совсем недавно разработал гениальный стратегический план (хотя не мог припомнить, какой именно), и горел желанием похвастать им перед графом. Но отец так и не пришел, и Майлз долго плакал от обиды и разочарования.

Являлись и другие тени: врач, хирург, Элен, Танг, Осон с Торном, Ард Мэйхью... Они казались куда менее осязаемыми, чем призраки, — словно от Майлза их отгораживало пуленепробиваемое стекло. Когда ушли и они, он снова разразился безутешными рыданиями...

Следующее пробуждение было непохожим на другие. Маленькая уютная каюта, в которой он лежал, была явно не больничной палатой. Рассеялся и туман перед глазами, скрывавший до сих пор детали интерьера. Но

зато рядом с кроватью — контрастный, как на качественной видеозаписи, — восседал Айвен Форпатрил собственной персоной. Майлз даже застонал:

— У других — глюки как глюки: оргии, приключения, гигантские чудовища. А ко мне шляются одни родственники. Я с ними и так могу встретиться! Нет, это несправедливо!

Айвен обернулся к призрачной Элен, сидевшей на спинке кровати:

— Но ведь врач обещал, что бред должен вот-вот пройти? — В его голосе слышалась вполне реальная тревога.

Элен встала, склонилась над Майлзом и осторожно погладила его лоб.

— Майлз! Ты слышишь меня?

— Разумеется, слышу! — Он внезапно заметил еще одну приятную перемену. — Эге! Желудок больше не болит!

— Хирург заблокировал несколько нервных волокон во время операции. Скоро все заживет, и ты будешь как новенький.

— Во время операции? — Опустив глаза, Майлз испуганно посмотрел на накрывавшую его простыню. Контуры тела были не более уродливыми, чем раньше. Все конечности тоже как будто на месте. Что-то не видно никаких следов. Странно...

— А он и не делал никаких разрезов. Вводил какие-то штуки через пищевод, — объяснила Элен, угадав его сомнения.

— И сколько времени я был в отключке?

— Три дня. Ты был...

— Три дня?! А как же налет? А Баз? — Он порывисто приподнялся на локтях, но Элен одним аккуратным движением уложила его обратно.

— Денежное довольствие оссеровцев захвачено. Баз вернулся, вернулась и вся его группа — в полном составе. Все отлично, кроме одного: ты чуть не истек кровью.

— От язвы еще никто не умирал. Значит, Баз вернулся? Послушай, а где мы находимся?

— Стоим у причального терминала завода... Я тоже не думаю, что тебе суждена такая смерть, но хирург говорит, что язва была слишком велика, а кровотечение слишком обширно. Так что, кто знает... Я предоставлю тебе полный отчет, — она опять насильно уложила его, начиная раздражаться. — Но сперва тебе стоило бы поговорить с Айвеном, а то сюда скоро набьются дендарийцы.

— А, да, конечно. — Он растерянно уставился на своего здоровенного кузена. Айвен щеголял в штатском — брюки барраярского фасона, бетанская рубашка, и только ботинки были форменные.

— Если хочешь убедиться, что я тебе не померещился — можешь меня пощупать, — весело предложил братец.

— Бесполезно. Оказывается, галлюцинации тоже можно чувствовать. Трогать, нюхать, слышать... — Майлз поежился. — Поверю тебе на слово. А теперь скажи мне, ты-то откуда взялся?

— Я искал тебя.

— Отец прислал?

— Понятия не имею.

— То есть как?

— Во всяком случае, со мной он не говорил. Да, кстати, ты точно знаешь, что капитан Димир еще не прилетел? Может, он посылал тебе какие-нибудь сообщения? Все депеши и секретные распоряжения у него.

— У кого?

— У капитана Димира. Он мой непосредственный начальник.

— Первый раз о нем слышу. И вестей от него никогда не получал.

— Вроде бы он не из конторы капитана Иллиана, — добавил Айвен. — А Элен думала, что ты, возможно, когда-то что-то получил, но предпочел не рассказывать...

— Я же говорю — нет...

— Странно, — вздохнул Айвен. — Они вылетели с Беты на день раньше меня, на скоростном курьере. По идее, должны были прибыть еще неделю назад.

— А как случилось, что ты прилетел один?

Айвен замялся, но тут же, откашлявшись, сказал:

— Это все та девчонка с Беты. Она пригласила меня домой — бетанка, заметь. Я встретил ее на посадочной площадке — сразу увидел, едва вышел из корабля. На ней был короткий, спортивного покроя саронг — и больше ничего...

Мечтательно прикрыв глаза, он стал рисовать в воздухе изящную фигурку.

Майлз знал, что такое повествование может затянуться надолго, и поспешил пресечь развитие сюжета.

— Наверное, одна из тех, что коллекционируют инопланетян. Вроде того как некоторые барраярцы собирают знамена всех провинций... — предположил он, вспомнив, что и кузен имел такую слабость. — Ну, так что же капитан Димир?

— Он улетел без меня, — обиженно буркнул Айвен. — А я, между прочим, даже не опоздал!

— И как же тебе удалось сюда добраться?

— Лейтенант Кроуи доложил, что ты улетел в направлении Тау Верде IV. Тогда я решил поймать попутку — торговый корабль, следующий через эту зону на одну из нейтральных планет. Капитан подбросила меня до самого завода.

Майлз разинул рот от удивления:

— Подбросила?! Ты что, не понимаешь, чем рисковал?

— Она обошлась со мной очень хорошо, — сообщил кадет Форпатрил, хлопая длинными ресницами, — поматерински, я бы сказал.

Элен, рассматривавшая потолок, как бы между прочим заметила:

— Тот шлепок по заднице, которым она тебя наградила перед расставанием, показался мне не совсем материнским...

Айвен густо покраснел.

— Во всяком случае, я сюда добрался, — поспешно закончил он. — И притом раньше капитана Димира. Так что, глядишь — и не влетит.

Майлз привычным жестом откинул назад волосы.

— Айвен, тебя не затруднит рассказать, с чего все началось? Если вообще с чего-то начиналось.

— А, ну да, ты же, наверное, ничего не знаешь о большом скандале.

— Какой еще скандал? До твоего появления мы не получили ни единой весточки с тех пор, как стартовали с Колонии Бета. Блокада, сам понимаешь, — хотя ты просочился сквозь нее, как дым сквозь сетку.

— Старуха оказалась сметливой, надо отдать ей должное. Никогда не думал, что старухи...

— Так что насчет скандала?

— Ах, да. Ну вот. В первом рапорте, который мы получили с Беты, говорилось, что ты похищен каким-то дезертиром.

— О Боже! Воображаю, что подумала мать... А отец!...

— Они, конечно, очень встревожились, но все-таки надеялись, что Ботари тебя в обиду не даст. Потом кто-то из посольства догадался связаться с твоей бабушкой, и старая миссис Нейсмит заверила их, что ты не похищен. Это несколько успокоило твоих родителей. В общем, они решили подождать, пока дело не прояснится окончательно.

— Слава Богу!

— Следующее донесение пришло от какого-то разведагента из Тау Верде. Мне не сказали, о чем там шла речь, как и моей матери, что, между нами говоря, довольно разумно. Зато капитан Иллиан двадцать шесть часов в сутки метался между резиденцией Форкосиганов, императорским дворцом, генштабом и крепостью Форхартунг. Хотя вся информация, которой они располагали, была трехнедельной давности.

— Крепость Форхантунг? — удивленно переспросил Майлз. — А какое отношение ко всему этому имеет Совет графов?

— Вот и я этого не понимаю. Но графа Генри Форволка три раза отрывали от занятий в Академии — вызывали на секретные заседания Совета. Я попытался выудить из него кое-какие сведения и узнал, будто ты

сейчас находишься на Тау Верде и собираешь собственный наемный флот. В общем, твой отец и капитан Иллиан решили послать сюда курьерский корабль, чтобы разобраться на месте.

— Послать через Бету, как я понимаю? Кстати, тебе не приходилось там встречаться с типом по имени Тав Кольхаун?

— А, этот чокнутый бетанец! Все время околачивается возле посольства Барраяра. У него ордер на твой арест, который он тычет в нос каждому, кто входит или выходит из здания. Охрана давно его не впускает.

— Ты с ним, случайно, не говорил?

— Коротко. Сказал ему, что, по слухам, ты улетел на Кшатрию.

— Действительно ходят такие слухи?

— Нет, конечно. Просто это самое удаленное от Беты место, какое я мог вспомнить. Люди одного клана должны стоять друг за друга, — усмехнулся Айвен.

— Спасибо... — Майлз задумчиво посмотрел на кузена. — он вздохнул. — Я думаю, что нам ничего не остается, как ждать твоего капитана Димира. Он по крайней мере может отвезти нас домой — уже минус одна проблема... Я потом тебе все объясню, а сейчас мне нужно быть уверенным в одном — что ты будешь держать язык за зубами, хотя бы какое-то время. Никто не должен знать, кто я такой на самом деле. — Вдруг ему в голову пришла ужасная мысль. — Эй, а ты случайно не называл моего настоящего имени?!

— Нет, нет, спрашивал Майлза Нейсмита, — успокоил Айвен. — Мы были в курсе, что ты путешествуешь с бетанским паспортом. Да не волнуйся ты, я прилетел только вчера вечером, и первым человеком, которого я встретил, была Элен.

Майлз облегченно перевел дух и обернулся к девушке:

— Ты говорила, что Баз вернулся. Я хотел бы его увидеть.

Она кивнула и, демонстративно обойдя молодого Форпатрила, вышла из каюты.

— Жаль старика Ботари! — заметил Айвен, когда дверь за ней закрылась. — Кто мог предположить, что такой человек, как он, погибнет от выстрела собственного пистолета... Хотя в этом есть своя положительная сторона — ты можешь развлекаться с Элен, не беспокоясь о том, что кто-то дышит тебе в затылок. Видишь, не так все плохо.

Майлз едва сдержал припадок ярости. Ведь этот дурень ничего не знает, не может знать...

— Айвен, — процедил он сквозь зубы, — если в один из ближайших дней кто-нибудь разнесет тебе череп из бластера, ты, наверное, даже не успеешь понять, за какие слова поплатился головой.

— А что я такого сказал? — возмутился родич. Прежде чем Майлз успел пояснить, в каюту вошел Баз в сопровождении Танга, Осона и Элен. Сразу стало невыносимо тесно; визитеры переминались с ноги на ногу, посматривая на него с глуповатыми улыбками. Баз прямо-таки светился от гордости, словно маяк в ночи, и был совершенно не похож на того дезертира, которого Майлз обнаружил пять месяцев назад прячущимся в мусорной куче.

— Хирург запретил нам надолго задерживаться у вас, милорд. Но я думаю, эти штучки помогут вам больше, чем пожелание скорейшего выздоровления. — И он протянул своему адмиралу листки с каким-то текстом.

— Как задание — вы справились?

— План сработал как часы — ну, не совсем так, был один трудный момент на железнодорожной станции... Чудо техники! Барраяр много потерял, прямиком пересев с лошадей на самолеты.

— А потом?

Инженер снова просиял:

— Взгляните, что у вас в руках! Это копии последних депеш, которыми обменялись адмирал Оссер и Главный штаб пеллиан.

Майлз пробежал глазами по строкам и тоже заулыбался:

— Да-а... Воображаю, как матерился адмирал.

Он покосился на Танга. Тот удовлетворенно хмыкнул.

Даже флегматичный Айвен выказал некоторый интерес к происходящему.

— И что в этих бумагах? — полюбопытствовал он. — Элен уже рассказывала мне о твоих пиратских подвигах. Я так понимаю, что ты вывел из строя их системы электронного перечисления денег? Но какой в этом смысл? Что стоит пеллианам, узнав, что их наемники не получают зарплаты, перевести деньги заново?

— А-а! — усмехнулся Майлз. — В том-то и дело, что они получили свою зарплату! И теперь, как сказал один генерал с Земли, сам Бог предает их в мои руки. После того как пеллианам четыре раза подряд не удалось переправить наличные, они потребовали вернуть с банковских счетов перечисленные ранее премии, а Оссер, — Майлз еще раз взглянул на депеши, усыпанные отборными галактическими ругательствами, — отказывается, причем категорически. Сложнее всего было правильно рассчитать сумму премиальных сверхплатежей. Будь она поменьше, пеллиане не стали бы из-за нее мараться, а окажись слишком велика — и Оссеру совесть бы не позволила ее зажимать. Но мы не ошиблись, — выдохнул он и, счастливо улыбаясь, упал в подушки. «Надо запомнить самые сочные выражения Оссера, — мелькнуло у него в голове. — Уникальные ругательства!»

— Это еще не все, адмирал Нейсмит, — заявил Осон, не меньше База распираемый желанием поделиться новостями. — Четверо независимых капитанов — из тех, что служили Оссеру, — ушли на своих кораблях за пределы Тау Верде. Радиограммы, которые мы перехватили, говорят о том, что они вряд ли вернутся обратно.

— Великолепно, — прошептал Майлз, посмотрев на Элен. — Я знал, что перехват этого четвертого курьера будет решающим для успеха операции. Отлично сработано, командор Ботари!

Элен, опустив глаза, тихо призналась:

— Нам недоставало тебя, Майлз. Мы... мы потеряли много людей.

— Да, я опасался этого... Пеллиане должны были устроить засаду... — Тут он заметил, что Танг приложил палец к губам, выразительно глянув на девушку. — Что, потери тяжелее, чем рассчитывали?

Старый капитан покачал головой:

— Боюсь, в некоторые моменты она даже не представляла, что проигрывает схватку. Бывают ситуации, когда бесполезно гнать людей вперед.

— Я никого не тащила насильно, — возразила командор Ботари. — Они сами пошли за мной. — И добавила шепотом, чтобы слышал только Майлз: — Честно говоря, я не думала, что рукопашный бой будет стоить мне таких усилий. Я даже удивилась — очень уж тяжело оказалось на практике.

Майлз встревоженно-вопросительно взглянул на капитана.

— Мы заплатили бы гораздо дороже, если бы командор Ботари подчинилась моему приказу отступать, — заверил его Танг. — Но она заявила, что вы передали ей все полномочия, и продолжала драться до победы. А иначе все потери оказались бы напрасными.

Танг посмотрел на Элен с искренним уважением. Она сдержанно кивнула. У пораженного Айвена отвисла челюсть.

В это время из коридора донесся приглушенный голос Торна:

— Говорю вам, это крайне важно!

Открылась дверь, и бетанец ворвался в каюту, увлекая за собой повисшего на нем хирурга.

— Адмирал Нейсмит! Командор Танг! Прибыл Оссер!

— Что?!

— Прибыл Оссер, и с ним — весь его флот. Точнее, то, что осталось от флота. Они стоят у самой границы зоны обстрела. Оссер запросил разрешение на швартовку флагмана к станции.

— Не может быть! — воскликнул Танг. — Кто же остался охранять вход в пространственно-временной туннель?

— Вот именно — кто? — подхватил Торн.

Они уставились друг на друга — обоих поразила одна и та же догадка.

Майлз вскочил, подавив навалившуюся на него слабость.

— Немедленно принесите мое обмундирование, — торжественно провозгласил он.

Едва увидев адмирала Оссера, Майлз тут же окрестил его про себя стервятником. Седеющие волосы, крючковатый нос и хитрый, пронизывающий взгляд. Наверное, у младших офицеров от этого взгляда поджилки трясутся, подумал Майлз. Сам он не только выдержал пристальный взгляд адмирала наемного флота — у него даже хватило наглости улыбнуться.

Холодный воздух причального отсека ударил ему в ноздри, изгоняя остатки сонливости.

Адмирал явился в сопровождении пятерых капитанов и их заместителей. Майлз привел с собой почти весь офицерский штат дендарийцев. По правую руку от него стояла Элен, по левую — Баз.

Оссер смерил его удивленным взором и чертыхнулся, но уже в следующий миг он поборол замешательство и, вместо того чтобы подать руку, сразу заговорил, словно произнося тщательно отрепетированное приветствие:

— С того дня, как вы впервые появились в зоне Тау Верде, я постоянно чувствовал ваше присутствие. В том, как действовали фелициане, в тактических схемах, которые они сами не способны были разработать, в глазах моих солдат... — адмирал покосился на Танга, и тот ответил ему ласковой улыбкой, — даже в том, что вытворяли пеллиане, — ваша рука чудилась мне везде. Мы слишком долго воевали вслепую, на огромном расстоянии друг от друга...

Глаза Майлза расширились от ужаса. «Бог ты мой, неужели Оссер собирается предложить мне сразиться с ним один на один?! Сержант Ботари, на помощь!»

— Я не люблю долгой агонии, — продолжал Оссер. — Чем наблюдать, как вы зачаровываете одного за другим

моих солдат и офицеров, лучше уж, пока у меня есть возможность предложить свои услуги, воспользоваться ею... Насколько я понимаю, флотилия Дендарии нуждается в пополнении?

Лишь через несколько секунд до Майлза дошел смысл услышанного. Это была, наверное, самая высокомерная капитуляция во всей истории космических войн. «О да, мы будем великодушны, чертовски великодушны», — подумал Майлз и протянул руку. Адмирал принял ее.

— Адмирал Оссер, я приятно удивлен вашим тонким пониманием ситуации, — почтительно произнес Майлз. — Не желаете ли удалиться в мою каюту, чтобы обсудить детали?

Фелицианские офицеры наблюдали эту сцену с навесного трапа, проходившего над залом причальной секции. Майлз встретился взглядом с генералом Хэлифи. «Ну что, генерал, — подумал он. — Я сдержал слово, не так ли?»

Майлз широким шагом направился к выходу, а вся разношерстная толпа военнослужащих послушно двинулась за ним. Все они теперь были его дендарийцами. Он вспомнил древнюю сказку о флейтисте из Гаммельна, который сначала заманил в реку крыс, а потом детей, посулив им золотые горы. Интересно, что предпринял бы флейтист, если бы ему пришлось вести за собой тех и других сразу?

ГЛАВА 18

Развалившись на гидрокушетке, Майлз созерцал прозрачный купол смотровой палубы. Теперь отсюда были видны не только созвездия — повсюду сверкали огни кораблей дендарийского флота, приблизившихся к станции.

Помнится, у него в спальне в летней усадьбе Форкосиган-Сюрло висела игрушечная эскадрилья барраярских

космолетов; боевой порядок моделей поддерживался с помощью тонких крепких нитей. Он с силой дунул в кристальный купол, будто эскадра могла сорваться с места от одного дуновения, словно та модель.

Девятнадцать боевых кораблей и около трех тысяч человек личного состава...

— И все это мое! Мое... — сказал он, прислушиваясь к собственному голосу и почему-то не услышав в нем торжествующих нот.

Во-первых, сказанное было справедливо лишь отчасти. В какой степени это ценнейшее оборудование стоимостью в миллион бетанских долларов принадлежало ему, ответить было крайне сложно. Целых четыре дня напряженных переговоров ушло на выяснение того, что он так легкомысленно назвал деталями. Восемь кораблей принадлежало лично Оссеру, а восемью другими командовали капитаны-собственники. Почти все операции финансировались со стороны. Как оказалось, не менее десяти процентов его флота является собственностью Первого Банка Архипелага Джексона, известного немногочисленностью клиентов и весьма своеобразной сферой вложения денег. По сути дела, отныне Майлз косвенно поддерживал межпланетную контрабанду, промышленный шпионаж и переброску рабов с одного выхода п-в-туннеля к другому. Получалось, что он не владеет дендарийским флотом, а просто занимает должность главаря наемников.

Вопрос о принадлежности «Ариэля» и «Триумфа» осложнялся тем, что оба корабля были захвачены на поле боя. И если Танг до этого конфуза владел своим дредноутом на вполне законных основаниях, то Осон по-прежнему был должен изрядную сумму одному из банков того же Джексона, и кредит на покупку «Ариэля» до сих пор оставался невозвращенным. Оссер прекратил выплату его долгов, еще когда они оба работали на пеллиан, оставив «Луиджи-Бхарапутра-Хаусхолд-Файненс-энд-Холдинг-Компани-оф-Джексон-Прайвет-Лимитед» — так, кажется, называлось заведение — единственную надежду: на страховку. Когда капитан

Осон узнал, что собственный детектив вышеназванной компании прибудет для расследования его дела, он едва не грохнулся в обморок.

Одних вопросов, связанных с боевой техникой, хватило бы, чтобы свести с ума кого угодно, но ведь имелись еще проблемы с контрактами личного состава. Если бы его желудок был по-прежнему способен болеть, Майлз скончался бы от шока. Теперь вместо того, чтобы разделить прибыль между двумястами дендарийцами, надо было ухитриться распределить ее на три тысячи человек.

А может, и больше, чем на три тысячи. Дендарийский флот рос, как снежный ком. Завод уже работал, и каждый новый корабль с Фелиции привозил кандидатов в наемники. Фелициане снова контролировали пространство внутри зоны и, одну за другой, захватывали пеллианские базы, расположенные в дальних уголках системы.

Офицеры начали поговаривать о том, что пора подписывать новый контракт.

Когда эти разговоры достигали ушей Майлза, он мог лишь повторять про себя замечательное правило: «Надо уходить непобежденным». Перспектива увязнуть здесь еще глубже повергла его в ужас. Надо улепетывать, пока весь этот огромный карточный домик не рухнул.

Ему было все труднее заставлять других путать реальность с вымыслом и самому при этом четко отличать одно от другого...

Внезапно Майлз услышал шепот со стороны пандуса. Здесь была отличная акустика, и он явственно различил голос Элен:

— Нет никакой необходимости спрашивать его. Мы не на Барраяре, и никогда туда не вернемся...

— Благодаря этому маленький кусочек Барраяра навсегда останется с нами, — нежно возразил Баз. — Как глоток воздуха с родной планеты... Бог свидетель, я не в состоянии дать тебе многого из того, о чем мечтал твой отец, но та небольшая часть его воли, которую я могу исполнить, должна быть выполнена.

В ответ она издала не то стон, не то злобное рычание. Каждое упоминание о Ботари в последнее время действовало на нее, как удар в солнечное сплетение.

Наконец они поднялись на смотровую палубу: Элен первая, Баз чуть позади. На его лице мелькнула с трудом сдерживаемая торжествующая улыбка. Элен тоже улыбнулась, но одними губами.

— Медитируешь? — небрежно спросила она Майлза. — Или, как обычно, просто глядишь в окно и грызешь ногти?

Он резко поднялся (кушетка, булькнув, приняла прежнюю форму) и ответил ей в тон:

— Как же так, я ведь просил часовых не пускать сюда зевак. Так хотелось подремать часок-другой...

Улыбка База сделалась еще шире.

— Милорд, поскольку у Элен не осталось родственников, вы теперь ее опекун, не так ли?

— Очевидно, да. Честно говоря, у меня пока не было времени для обдумывания этого вопроса...

Майлз невольно поежился — ему откровенно не нравился оборот, который принимал разговор. К чему они клонят?

— Прекрасно. В таком случае, я официально прошу у вас, как у опекуна, руки этой девушки...

Как же хотелось Майлзу врезать ботинком по этим идиотски оскаленным зубам!

— ...а поскольку вы одновременно являетесь моим сюзереном, я прошу у вас разрешения на брак, чтобы... постойте, как же там... А, вот: «дабы мой сын достойно служил вам, милорд», — выдал Баз свою интерпретацию официальной формулировки.

«У тебя не будет никаких сыновей, потому что я отрежу тебе яйца, вонючий ворюга, предатель поганый...»

Эти слова вихрем пронеслись у него в голове, но отразились лишь в кисловатой усмешке.

— Я понимаю вашу просьбу, — медленно произнес Майлз, — но есть некоторые трудности.

Он лихорадочно искал какие-нибудь аргументы, чтобы прикрыть ими свою ревность и ненависть.

— Во-первых, Элен еще совсем молода... — наткнувшись на ее испепеляющий взгляд, Майлз осекся — он явно взял не в ту сторону.

— Но самое главное, — поправился он, — самое главное, я дал слово сержанту Ботари, что в случае его смерти исполню три самых заветных его желания, а именно: похороню его на Барраяре; позабочусь, чтобы Элен была помолвлена и обвенчана с соблюдением всех формальностей; и последнее — прослежу, чтобы мужем ее стал достойный офицер императорской армии Барраяра. Вы хотите, чтобы я нарушил клятву?

У База был такой вид, словно ему не хватает воздуха, и он не сразу нашел в себе силы ответить.

— Но я... Разве я не присягал вам? Это же все равно, что быть офицером императорской армии. Да и сам сержант Ботари присягал вам в качестве оруженосца. Или вы недовольны моей службой? Где я допустил промашку, милорд, скажите, я исправлю!

Бедняга совершенно растерялся.

— Вы не допустили никаких промашек, — у Майлза хватило совести признать очевидное. — Но ведь вы служите мне всего три месяца. Слишком короткий срок, хотя кажется, что прошла целая вечность. Столько было всего... — Майлз опять замолчал.

Он чувствовал себя не просто калекой, а безногим — горящий ненавистью взгляд девушки отрубил ему ноги по колено. До каких же пор ему суждено становиться все мельче и мельче в ее глазах?!

— И вообще — все это так неожиданно... — беспомощно пробормотал он.

Звонкий голос Элен вдруг превратился в жуткое утробное клокотанье:

— Как ты смеешь... — Она задохнулась от ярости, но, переведя дыхание, заговорила вновь: — Ты думаешь, что имеешь на меня какие-то права?! Я не была его рабыней, и тебе не принадлежу! С-с-собака на сене!

Баз осторожно взял ее за руку, пытаясь принять на себя волны ярости, готовой смести Майлза.

— Элен, может, нам не стоит пока поднимать этот вопрос? Может, лучше как-нибудь потом?

— Я желаю поговорить с милордом один на один, — отрезала она, усилием воли вернув своему голосу спокойный тембр. — Встретимся внизу. Я подойду через минуту.

Майлз кивком головы указал Джезеку на пандус.

— Ну... раз так — хорошо. — Баз медленно пошел к выходу, пару раз беспокойно оглянувшись. Словно повинуясь молчаливому соглашению, они подождали, пока стихнет звук его шагов. Когда Элен опять заговорила, в ее глазах не было ни ярости, ни возмущения — только мольба.

— Неужели ты не понимаешь?! Это же мой единственный шанс сбежать от всего. Начать жизнь заново — другим, незапятнанным человеком. Где-нибудь далеко, где меня никто не знает. Чем дальше, тем лучше.

Майлз досадливо покачал головой. Он готов был упасть перед ней на колени, если бы это могло что-нибудь изменить.

— А как ты не можешь понять, что такое для меня расстаться с тобой?! Ведь ты — наши горы и озеро, в тебе наши общие воспоминания. Когда ты со мной, я дома, куда бы меня ни занесло.

— Будь Барраяр моей правой рукой, я не задумываясь взяла бы плазменный пистолет и отсекла ее... Ведь твои отец и мать знали все об этом человеке. Знали — и тем не менее укрывали от справедливого наказания. Кто же тогда они сами?

— Сержант служил верой и правдой до самого конца. Ты стала для него искуплением.

— ...принесенным в жертву за его грехи — так, что ли? А мне что прикажешь делать? Постараться превратиться в образцовую барраярскую деву и остаток жизни провести в поисках магических заклинаний, дарующих прощение? Этого он хотел, дьявол его побери?!

— Ты не жертва. Ты, скорее, алтарь... — попытался возразить он.

— Чушь! — Она заметалась по палубе, словно леопард, посаженный на короткую цепь. Все ее душевные раны открылись и кровоточили. Ах, как хотел бы он их излечить!

— Пойми же, — страстно заговорил Майлз, — со мной тебе будет лучше. Все равно, что бы мы ни делали, сержант останется в нас. Ты, как и я, не сможешь от него убежать. Он станет стеклом, через которое тебе придется смотреть на все, что будет тебя окружать... Я знаю это слишком хорошо — мой отец тоже преследовал меня всюду...

Элен вздрогнула и отпрянула от него.

— Мне тошно тебя слушать, — тихо призналась она.

Она еще не успела уйти, как пожаловал Айвен Форпатрил. В другое время Майлз смеялся бы до упаду, глядя, как они огибают друг друга на узком пандусе — словно два корабля, опасающиеся столкнуться при заходе на посадку. В момент наибольшего сближения Айвен не выдержал и инстинктивно, жестом футболиста, прикрыл свой пах. Элен усмехнулась уголком рта и с подчеркнутой вежливостью наклонила голову. «Вот и конец мечтам защищать ее от грязных посягательств Айвена, — подумал Майлз. — Она прекрасно обходится и без твоих рыцарских услуг».

Вздохнув, кузен присел рядом с ним.

— От капитана Димира по-прежнему никаких вестей?

— Никаких. Ты уверен, что он отправился именно на Тау Верде? Может, он внезапно получил другой приказ? Как сверхскоростной курьер может опоздать на две недели?

— О Боже, — понурился Айвен. — Чувствую, меня ждут большие неприятности.

— Я в этом не уверен, — задумчиво произнес Майлз. — Первоначальный приказ был найти меня, и ты, кстати сказать, единственный человек, который его выполнил. Объясним все моему отцу, и он, в случае чего, снимет тебя с крючка.

— Ты что, думаешь, граф Форкосиган возьмет меня под крылышко как племянника? Не надейся — он никогда никому не потакает.

Айвен взглянул на россыпь дендарийских кораблей:

— Впечатляет, да?

Майлз сделал вид, что не понимает двусмысленности этого замечания.

— В самом деле? Так, может, подпишешь контракт?

— Нет уж, благодарю, — усмехнулся Айвен. — Не имею ни малейшего желания садиться на казенную кормежку, когда вернусь на Барраяр. Ты что, забыл о законе Форлопулоса?

Улыбка сбежала с лица Майлза.

— Проклятие... — пробормотал он. — Я и в самом деле не подумал о законе Форлопулоса. Мне это ни разу не пришло в голову.

— Но ведь то, что ты здесь наворотил, нельзя квалифицировать как создание собственной армии, — попытался успокоить его Айвен. — Нет документов, подтверждающих право владения, нет отношений вассалитета... Они присягали тебе?

— Только Баз и Ард. Но еще неизвестно, что такое, с точки зрения барраярского законодательства, подписанные контракты. Во всяком случае, это не пожизненная повинность, если только ты не будешь убит до истечения срока действия документов...

— Кстати, кто он такой, этот Баз? Сдается мне, он твоя правая рука.

— Да, без него у меня бы вряд ли что-нибудь вышло. Он был бортинженером императорской армии до того, как... — Майлз запнулся, — до того, как вышел в отставку.

«Можно представить, что предусматривают наши законы за предоставление убежища дезертирам!» Попадать под подобную статью не входило в планы Майлза. А первоначальный замысел — привести База к графу Форкосигану с просьбой похлопотать о помиловании — выглядел сейчас не более реальным, чем надежда, вывалившись из самолета, мягко опуститься на ближай-

шее облако. Мечты всегда хороши, пока не посмотришь на них вблизи.

Майлз пристально посмотрел на двоюродного брата, и тот ответил ему вопросительным взглядом. Трудно было объяснить, почему, но что-то в этой открытой, жизнерадостной физиономии вселяло в Майлза безотчетную тревогу.

— Слушай, Айвен, — проговорил он. — Чем чаще я задумываюсь над тем, как ты оказался здесь, тем более странным кажется мне все это...

— Ничего странного, — хихикнул Айвен. — Будь уверен: для того чтобы оплатить свой проезд, мне пришлось попотеть. Эта старая пташка оказалась такой ненасытной, что...

— Я не о том. Странно, что ты добрался сюда раньше капитана. С каких пор они стали срывать кадетов-первокурсников с занятий и посылать их выполнять задания службы безопасности?

— Не знаю, что тебе ответить. Наверное, хотели, чтобы я опознал тело и все такое...

— Но ведь у них есть мои медицинские данные, настолько подробные, что им при желании было бы нетрудно вообще собрать меня заново. Нет, здесь что-то другое.

— Мне, знаешь ли, было не до раздумий. Когда тебе, кадету-первокурснику, среди ночи звонит адмирал Генштаба и приказывает лететь, ты одеваешься и летишь. Если начнешь задавать вопросы, он тебя неправильно поймет.

— Это уж точно. А что было в письменном приказе?

— Представь себе, я его в глаза не видел! И решил, что адмирал Хессман передал пакет лично капитану Димиру.

«Слишком часто он повторяет «я решил», «мне показалось»... Может, именно это меня и беспокоит?.. Стоп!»

— Ты сказал — Хессман? Ты получил приказ от Хессмана?

— Лично от него, — гордо кивнул Айвен.

— Но Хессман не имеет никакого отношения ни к разведке, ни к Службе безопасности! Он возглавляет прокуратуру. Ох, Айвен, круто все заворачивается...

— Почему? Адмирал — он и есть адмирал.

— Этот тип занимает одно из первых мест в черном списке моего отца. Мало того, что он личный осведомитель графа Фордрозы в Главном штабе, а его офицеры вмешиваются не в свое дело, то есть в борьбу между партиями, — отец подозревает его еще и в растрате армейских фондов. Какие-то махинации вокруг контрактов на постройку кораблей. Когда я улетал, отец собирался подключить к расследованию самого капитана Иллиана, а ты ведь знаешь, что он никогда не заставлял капитана растрачивать свои таланты по пустякам.

— Все это сложновато для моих мозгов. Я даже с навигационной математикой едва справляюсь.

— Брось. Не забывай, что ты не только кадет, но еще и лорд Форпатрил. И, случись что со мной, именно ты унаследуешь наше графство от моего отца.

— Боже упаси! Я хочу быть офицером. Путешествовать по дальним планетам, снимать девочек. А не бегать по этим чертовым горам, пытаясь собрать подати с полуграмотных оборванцев или погасить конфликт на почве кражи курицы, пока он не перерос в междоусобную войну. Я не хочу никого обижать, но, честно говоря, население твоего графства — самое дремучее и упрямое на всем Барраяре. Может быть, ты не знаешь — за Дендарийским ущельем люди живут в пещерах! — Айвен сделал страшные глаза и содрогнулся. — И они этим довольны!

— Да! Там огромные, просторные пещеры! — подхватил Майлз с ностальгическим вздохом. — Когда свет падает под определенным углом, их своды переливаются разными цветами...

— Если мне все-таки суждено унаследовать какое-нибудь графство, молю Бога о том, чтобы это была городская местность, — прервал его практичный лорд Форпатрил.

— Насколько помню, у нас нет ни одного подходящего в этом смысле старшего родственника, — усмехнулся Майлз. Он хотел вернуться к прежнему разговору, но тема наследования и родства прочно завладела его мыслями. По бабушке со стороны отца он прямой потомок принца Ксава и самого императора Дорки Форбарры. Мог ли подумать великий император, что его собственный прапраправнук так вольно обойдется с законом, введением которого он положил конец междоусобицам и разбою многочисленных графских армий!

— А кто твой наследник, а, Айвен? — осведомился Майлз, глядя на дендарийские корабли, но думая не о них, а о Дендарийских горах. — Лорд Фортейн, по-моему?

— Ага. Но боюсь, ему недолго осталось — больно стар, и здоровье, говорят, совсем никуда. Так что вряд ли он меня переживет... Жаль, что законы наследования действуют только в одну сторону. Если бы можно было и наоборот, он оставил бы мне кучу денег.

— И кому теперь достанется эта куча?

— Дочери. Титул перейдет графу Фордрозе, а он ему даром не нужен. Вот от денег граф бы не отказался. Но чтобы заполучить и то, и другое, ему нужно жениться на лордовой дочери, а ей, между прочим, под пятьдесят.

Братья помолчали, задумчиво глядя в пространство.

— А вдруг в бумаге, которую получил Димир, когда я свалил от него, нам приказывали возвращаться домой или изменить маршрут? — внезапно заволновался Айвен. — Тогда получается, что я уже три недели в самоволке! Он мне все личное дело испортит после этого! Слава Богу, хоть шагистика в качестве наказания отменена.

— Димир получил новое распоряжение при тебе? — вытаращил глаза Майлз. — И ты не узнал, о чем там речь?

— Я был готов пожертвовать чем угодно, лишь бы смыться. Глупо было упускать такую возможность. Знаешь, какая была девчонка! Жаль только, я не прихватил с собой комм!

— Ты бросил свой комм на катере?!

— Я же говорю — все забыл из-за той девчонки. Потом-то я вспомнил, но Димир к тому моменту уже начал совещание, так что если бы я вернулся за коммуникатором, он бы и меня захомутал.

— Ты безнадежен, — покачал головой Майлз. — Не припомнишь ли ты, как выглядел сам пакет с приказами? Какой он был? Может, что-нибудь показалось тебе необычным в нем?

— Это точно! Во-первых, его доставил императорский курьер... Там было — дай-ка припомнить — четыре дискеты: зеленая — разведка, две красных — служба безопасности, голубая — оперативный командный пункт. И пергаментный свиток, конечно.

«По крайней мере наблюдательность ты от наших предков унаследовал, — подумал Майлз. — Интересно, что это за чувство, когда память схватывает все подряд, а потом мозги не в состоянии привести гору информации хоть в какой-то порядок? У Айвена в голове творится то же, что и в комнате».

— Постой-ка, — спохватился он. — Ты сказал «пергаментный свиток»?

— Ну да. Ты просил припомнить, что в пакете было необычного. Это показалось мне необычным.

— Ты хоть представляешь, как... — Майлз грохнулся на кушетку, схватившись за голову. Братец не просто идиот, он генерирует телепатическую энергию, которая и других превращает в идиотов. Надо будет доложить это барраярской разведке — пускай используют его в качестве секретного оружия.

— Айвен, на пергаменте теперь пишут только три вида документов: официальные указы Совета графов или Совета министров и некоторые распоряжения Совета графов своим членам.

— Я это знаю. Ну и что?

— А то, что, будучи наследником графа Форкосигана, я вхожу в число младших членов этого Совета.

— Прими мои соболезнования, — отмахнулся Айвен, переводя взгляд на купол. — Как ты думаешь, ка-

кой из этих кораблей самый скоростной — иллирианский крейсер или...

— Ты никогда не догадывался, что твой двоюродный брат — провидец? Не веришь? А хочешь, я скажу тебе, какого цвета лентой перевязан этот свиток?

— Зачем? — раздраженно спросил Айвен. — Я и так знаю. Она была...

— Черной! — перебил Майлз. — Черной, понимаешь, идиот?! С этого надо было начинать, а ты даже не вспомнил!

— Эй, знаешь что? Я уже от твоих родителей наслушался всяких оскорблений, а теперь еще от тебя... Погоди, а откуда ты знаешь про ленту?

— Я знаю не только это, но и то, что было в бумаге. — Майлз вскочил и заходил по пандусу. — И ты догадался бы, что там, если бы хоть на секунду задумался. Хочешь веселую загадку — специально для тебя? Что такое — белое, изготавливается из бараньей шкуры, связывается черными ленточками, отправляется за тысячи световых лет и теряется в полете?

— Если это, по-твоему, веселая загадка, то...

— Сдаешься? А вот что это такое, — голос Майлза упал до свистящего шепота, от которого Айвен даже вздрогнул. — Это смерть! Измена! Гражданская война. А еще — предательство, саботаж и почти наверняка — умышленное убийство. Зло...

— Послушай, ты случайно не наелся опять этих препаратов, на которые у тебя аллергия? — испуганно спросил кузен.

Майлз в эту минуту и впрямь выглядел безумцем. Его охватило неодолимое желание взять Айвена за плечи и тряхнуть что есть силы — может быть, тогда факты, хаотично перемешавшиеся у него в голове, выстроятся в логическую цепочку.

— Если во время остановки на Бете были повреждены маршевые двигатели корабля Димира, его не скоро хватятся. В посольстве Барраяра знают, что корабль улетел на выполнение задания, вошел в п-в-туннель — а кто может сказать, появился он с противоположной

стороны или нет? Какой отличный способ замести все следы...

Ему на секунду представились ощущения команды скачкового судна, когда их тела вдруг начали расплываться, как акварельные картинки под дождем... Крепко зажмурившись, он тряхнул головой, отгоняя кошмарное видение.

— Я ничего не понимаю! — простонал Айвен. — Где, по-твоему, Димир?

— Он мертв. Давно мертв, и тело его не подлежит восстановлению. И если бы ты не опоздал к отлету, с тобой было бы то же самое.

Майлз истерически захохотал, но быстро взял себя в руки. Надо думать, надо разобраться во всем...

— Я так понимаю, что они хотели одним махом отделаться и от свитка, и от тебя. Просто и логично, как раз в стиле работника прокуратуры!

— Доказательства, — потребовал Айвен. — Что было в документе и кто такие «они»? Ты становишься таким же параноиком, как старик Ботари.

— Помнишь черную ленту? Это был ордер. Ордер на мой арест, подписанный императором — с тем, чтобы исполнить смертный приговор, вынесенный мне Советом графов. По какой статье? Но ты сам ее назвал — нарушение закона Форлопулоса. Государственная измена, дорогой мой! А теперь спроси-ка себя: кому выгодно расправиться со мной?

— Никому, — выпалил Айвен.

— Хорошо, — Майлз воздел глаза к небу. — Попробую задать вопрос иначе — кто больше всех пострадал бы от этого приговора?

— Твой отец, конечно. Его бы это просто убило. Окна его кабинета выходят на Главную Площадь, и каждый рабочий день ему пришлось бы смотреть, как ты умираешь от голода. Он просто бы сошел с ума.

— Вот именно. Убрать его наследника, казнив или хотя бы сослав подальше, сломать его самого и вместе с ним весь центристский блок... А если он попытается меня спасти — значит, обвинения были справедливы-

ми... А потом и его можно будет обвинить в государственной измене. В общем, дьявольски продуманная вилка, — подытожил Майлз.

Но Айвен с сомнением покачал головой.

— Чтобы все зашло так далеко, а твой отец не предпринял никаких ответных шагов?! Я знаю, он всегда старается сохранять нейтралитет, но есть же предел?

— Видел свиток? Если они самого Грегора заставили заподозрить меня черт знает в чем... Но расследование могло бы установить истинную подоплеку событий. Во всяком случае, приди я на суд добровольно, это был бы веский аргумент в пользу моей невиновности. И наоборот — если скрываюсь, значит, виноват. Но как я мог явиться, если не знал, какую кашу они там заварили?

— Совет графов — сборище сварливых, придирчивых старых хрычей, — напомнил Айвен. — А твои заговорщики вынуждены были бы поставить вопрос на голосование. Для них это чертовски рискованный шаг. Дело могло закончиться кровью.

— А если их вынудили к этому? Возможно, мой отец и капитан Иллиан вплотную взялись за Хессмана, и тот решил, что лучшая защита — нападение.

— Не пойму, что во всем этом для Фордрозы? Почему бы ему не скормить Хессмана собакам?

— А! В том-то и дело. Может, я действительно впадаю в маразм, но... Прикинь, какая получается цепочка: граф Фордроза, лорд Фортейн, я, ты, мой отец. А чей наследник мой отец?

— Твоего деда, естественно. А он умер, или ты забыл? Майлз, ты меня никогда не убедишь, что граф Фордроза задумал укокошить пятерых дворян ради унаследования провинции Дендария. Бога ради, он ведь граф Лоримельский, богач каких мало. Дендария не пополнит, а истощит его кошелек.

— При чем здесь дед? Мы говорим о наследовании совсем другого титула. Айвен, на Барраяре давно сложился класс образованных людей-дворян, хорошо знаю-

щих историю, которые утверждают, что салическое* право при наследовании трона не имеет обоснования ни в законе, ни в традиции. Сам Дорка получил титул по линии матери, если на то пошло.

— Да. И твой отец, наверное, не прочь погрузить всю эту фракцию на корабль и отправить... хм... в летние лагеря.

— Кто наследник Грегора?

— В данный момент никто. Поэтому все кому не лень, торопятся жениться и плодить детей.

— А если бы салическое право было отменено? Кто стал бы наследником императора?

— Твой отец — это всякий знает. Ну и что с того? Все знают и то, что он ни за какие коврижки не стал бы править. Навыдумывал ты черт знает чего...

— Хорошо, а у тебя есть другое объяснение?

— Естественно. И самое элементарное. Почему бы не предположить, что тот свиток попал не по адресу? Димир просто отправился выполнять чужое задание, поэтому здесь его нечего и ждать. Ты когда-нибудь слышал о бритве Оккама?

— Это только кажется подходящим объяснением. Вспомни, при каких обстоятельствах ты улетел. Полночь, старт на рассвете, никто не провожает... Кто сейчас знает, где ты находишься? Почему отец не прислал с тобой никаких сообщений? Или мать, или капитан Иллиан, если уж на то пошло? Нет ответа? — Его голос зазвучал жестко и категорично. — Скажи мне откровенно: если бы адмирал Хессман пригласил тебя прямо сейчас в какой-нибудь укромный уголок и предложил бокал вина из своих рук — ты бы взял?

Айвен долго молчал, задумчиво глядя на плывущие в пространстве корабли наемников. Когда он вновь обернулся к Майлзу, его лицо было серьезно, как никогда.

— Нет, — твердо сказал он.

---

*салический закон: термин европейского средневекового права. Согласно ему, престолонаследие должно осуществляться лишь потомками по мужской (т.е. отцовской) линии. — *Прим. пер.*

ГЛАВА 19

Он все-таки выследил их в офицерской кают-компании «Триумфа», припаркованного у девятого причала. Близился час обеда, и в кают-компании почти никого не было, за исключением нескольких убежденных любителей кофеина, потягивавших свою немыслимую смесь...

Влюбленные сидели за маленьким столиком, и их темноволосые головы почти касались друг друга. Баз сосредоточенно разглядывал свои руки; Элен, сгорбившись, комкала бумажную салфетку. Трудно было представить более несчастную пару. Оба молчали.

Майлз расправил плечи и, глянув в зеркало, удостоверился, что его лицо в должной мере озарено радостью и доброжелательностью. Доктор клялся, что внутреннее кровотечение не возобновится ни при каких обстоятельствах; значит, и на этот счет можно не волноваться.

— Привет!

Они вздрогнули, услыхав его голос. Элен бросила на него хмурый взгляд исподлобья.

— Милорд? — удивленно отозвался Баз. Инженер произнес это таким тоном, что Майлз почувствовал себя совершеннейшим ничтожеством. Он с трудом подавил желание поджать хвост и с визгом удрать в ближайшую подворотню. Нет, так нельзя. Ну-ка, подойдем к ним поближе...

— Я обдумал то, о чем вы просили, — сообщил он, непринужденно опершись о столик, — и при более пристальном рассмотрении счел ваши аргументы достаточно убедительными. Я готов дать свое благословение.

Глаза База загорелись ликованием. Элен тоже расцвела, но почти сразу же угасла, недоверчиво нахмурив свои красивые брови.

— В самом деле?

Он ответил ей бодрой улыбкой.

— В самом деле. И намерен соблюсти весь полагающийся церемониал. Если проявить немного сообразительности, это вполне осуществимо.

Майлз извлек из кармана разноцветный шарф, специально припасенный для совершения обряда, и подошел к Базу.

— Начнем с самого начала. Представьте, что этот пластиковый столик — залитый звездным светом балкон перед зарешеченным готическим окном. Разумеется, все густо оплетено этим растением — забыл название — ну, такое, с мелкими цветочками и длинными острыми шипами, укол которых жжет хуже крапивы. За решеткой и колючками упрятана дама вашего сердца. Представили? А теперь перейдем от декораций к действию. Насколько я понимаю, вы, оруженосец Джезек, имеете ко мне, своему сеньору, просьбу?

Он сделал выразительный жест, и Баз с улыбкой взялся за исполнение своей роли.

— Милорд, я прошу вашего соизволения на брак с младой дочерью оруженосца Константина Ботари, дабы мои сыновья могли в будущем верой и правдой служить вам.

Майлз наклонил голову и криво усмехнулся:

— Чувствуется, что мы с тобой смотрели одни и те же фильмы... Конечно, оруженосец, я даю вам свое согласие, и да служат ваши сыновья так же достойно, как служите вы. Я посылаю сваху.

Он быстро обернул шарф вокруг головы. Тяжело опираясь на воображаемый посох и скрипя якобы ревматическими суставами, Майлз заковылял к Элен, бормоча что-то надломленным фальцетом. Подойдя к ней, он стащил с головы шарф и превратился в ее сюзерена и опекуна. Опекун, как и полагается, высказал свахе сомнения по поводу высоких достоинств представляемого ею претендента на руку и сердце девушки. Свахе пришлось дважды перетаскивать свои старые кости на сторону База, чтобы лично удостовериться:

а) в хороших перспективах дальнейшего продвижения по службе;

б) в опрятности и отсутствии вшей.

Бубня особые ругательства, характерные для престарелой леди, сваха вернулась наконец к невесте для

исполнения заключительных формальностей. Баз давился от хохота — вся сцена была разыграна с истинно барраярским юмором. Даже глаза Элен повеселели.

Завершив свою клоунаду, Майлз подтащил третий стул и рухнул на него.

— Уф! Неудивительно, что этот обычай отмирает. Совсем сил не осталось!

— Я всегда подозревала, что ты стремишься быть тремя разными людьми одновременно, — усмехнулась Элен. — Может, это и есть твое призвание?

— Ты имеешь в виду театр одного актера? Спасибо, за последние дни я так наигрался, что хватит на всю оставшуюся жизнь. — Майлз вздохнул и добавил, теперь уже совершенно серьезно: — Вы можете считать себя официально помолвленными. Когда планируете зарегистрировать свой брак?

— Скоро, — поспешил ответить Баз, но Элен покачала головой и тихо сказала:

— Еще не знаю.

— Как вы смотрите на то, чтобы обвенчаться сегодня же вечером?

— Сегодня? — заикаясь, изумился Баз. — Слышишь, Элен? Что ты на это скажешь?

Она удивленно посмотрела на Майлза.

— Но почему так срочно, милорд?

— Потому что я хочу потанцевать на вашей свадьбе и осыпать брачное ложе гречневой крупой — если только сумею ее здесь найти. Ну, ничего, в крайнем случае сойдет и песок, минерального сырья тут полно. Я завтра улетаю.

Из его речи они уловили только три последних слова.

— Что?! — воскликнул инженер.

— Как?! — пораженно прошептала девушка.

— Мне надо выполнить кое-какие обязательства, — пожал плечами Майлз. — Расплатиться с Тавом Кольхауном и... и похоронить сержанта.

«А заодно, может быть, и себя самого», — мысленно добавил он.

— Тебе-то зачем лететь? Кольхауну отправь платежный чек, а тело пошли каким-нибудь кораблем. Зачем туда возвращаться? Что тебя там ждет?

— А дендарийцы? — напомнил Баз. — Что станется с флотом в ваше отсутствие?

— Думаю, все будет нормально, потому что я оставляю вас, Джезек, командовать войсками, а Элен — вашим заместителем и, так сказать, практикантом. Танг будет вашим начальником штаба. Я поручу вам двоим дальнейшее обучение Элен. Думаю, лучших инструкторов ей не найти.

— Я?! — инженер едва не задохнулся. — Что вы, милорд! Такая честь... Я не могу!

— Сможете! Придется смочь. Кроме того, леди имеет право на достойное приданое. А высокая должность для мужа — неплохой вариант, не правда ли? Не забудьте и о том, что вы, в конечном итоге, продолжаете работать у меня.

Баз облегченно вздохнул.

— А, так вы вернетесь! А я-то думал... Простите. Когда же вы вернетесь, милорд?

— Я присоединюсь к вам, когда придет время, — уклончиво ответил Майлз. «А если оно никогда не придет?» — Главное — вот что: вы должны вывести войска из зоны Тау Верде. В любом направлении, только подальше от Барраяра. Потом найдете себе работу, главное — убраться отсюда... Хватит с дендарийских наемников этой войны Шалтая с Болтаем... Когда солдаты начинают путать, за кого они в данный момент сражаются, боевой дух войска стремительно падает. В следующем контракте должно быть четко оговорено, кто ваш противник, только тогда вы сможете превратить эту разношерстную толпу в монолитную силу под своим единовластным командованием. Мы угробили достаточно времени на совещания — думаю, что и вам надоела бестолковая болтовня.

Он еще долго говорил, пока не почувствовал, что становится похож на Полония с его советами. К чему эти наставления? Всего не предусмотришь. Когда на-

ступает пора броситься головой в омут, безразлично, закроешь ты глаза или оставишь их открытыми.

Следующей встречи Майлз ожидал с еще большим страхом, однако уклониться от нее было столь же невозможно.

Он нашел Элен Висконти в инженерном отделе, исследующей под микроскопом какую-то схему, и жестом пригласил ее подойти. Та нахмурилась, но все-таки передала работу ассистентке и медленно приблизилась к Майлзу.

— Сэр?

— Стажер Висконти... Мэм! Вы не могли бы немного прогуляться со мной?

— С какой целью?

— Мне необходимо с вами поговорить.

— Если вы опять о том же, лучше поберегите дыхание. Меня мутит от одного ее вида.

— Мне об этом говорить не легче, чем вам, но у меня есть долг, которым я не могу пренебречь.

— Восемнадцать лет я пыталась забыть то, что произошло на Эскобаре. Неужели так необходимо, чтобы я снова и снова проходила через все это?

— Сегодня в последний раз. Завтра я улетаю. А еще через некоторое время весь дендарийский флот покинет базу. Все, кто заключил краткосрочные контракты, сойдут на станции Долтон, а оттуда вы сможете долететь до Тау Кита или еще куда-нибудь — куда захотите. Наверное, полетите домой?

— Да. Думаю, мои бывшие наниматели попадают в обморок, когда узнают, сколько они мне задолжали!

— Я тоже ваш должник. Баз докладывал, что во время операции вы показали себя блестящим специалистом.

Она пожала плечами:

— Там требовались сущие пустяки.

— Он имел в виду не только технические процедуры... Как бы то ни было, я не хочу, чтобы Элен — моя Элен — по-прежнему оставалась такой же неприкаянной, как сейчас. Надо хоть в какой-то степени заменить

ей то, что она утратила. Хоть капля поддержки... с вашей стороны...

— А что она утратила? Только некоторые из своих иллюзий. И поверьте, адмирал Нейсмит — или кто вы там на самом деле: единственное, что я смогла бы ей дать, — еще одну иллюзию. Не будь она так похожа на него... В общем, запомните раз и навсегда: я не хочу, чтобы она ходила за мной или маячила у меня под дверью.

— Но ведь она не виновата в том, что совершил ее отец! Разве я не прав?

Женщина устало потерла лоб тыльной стороной ладони.

— Я не говорю, что вы не правы. Я просто объясняю вам, что не могу. Поймите — она воскрешает мои кошмары.

Он прикусил губу... Они миновали шлюзовой тунель и теперь шли по залу причальной станции. Здесь почти никого не было, лишь несколько техников занимались текущим ремонтом.

— Иллюзии, говорите?.. Можно долго жить одной-единственной иллюзией. Если повезет, ее может на всю жизнь хватить, — задумчиво произнес Майлз. — Неужели так трудно хотя бы несколько дней — или несколько минут — поактерствовать? Так или иначе, мне предстоит тряхнуть фонды дендарийского флота — заплатить за погибшие корабли и за операцию по восстановлению лица одной леди. Я мог бы компенсировать затраты вашего времени...

Он тут же пожалел о том, что сказал: такое презрение мелькнуло в ее глазах. Но она взглянула на него с насмешливым интересом.

— Вам и вправду настолько небезразлична судьба этой девушки?

— Да!

— А мне показалось, что она неплохо проводит время с вашим старшим инженером.

— Это меня устраивает.

— Простите, я, наверное, туго соображаю, но здесь что-то не сходится.

— Если она последует за мной, это может оказаться для нее смертельно опасно. Поэтому я предпочитаю, чтобы она отправилась в противоположном направлении.

В следующем причальном зале было очень шумно — здесь шла погрузка фелицианского торгового корабля. Его трюмы спешно наполнялись слитками редких металлов, жизненно важных для военной промышленности.

Они быстро прошли этот зал и вскоре опять набрели на тихий коридор. Майлз поймал себя на том, что комкает в кармане разноцветный шарф.

— А знаете, сержант мечтал о вас все эти восемнадцать лет, — неожиданно для себя сказал он. — В этих грезах вы были его законной женой. Он так хотел, чтобы это было правдой, что иногда забывал, как все обстоит на самом деле. Не удивительно, что и его дочь научилась верить в реальность галлюцинаций. Их и на самом деле можно потрогать руками. Более того — воображаемые образы сами могут коснуться вас.

Эскобарианка, побледнев, как полотно, привалилась к стене и судорожно сглотнула. Майлз дрожащей рукой вынул из кармана шарф, хотя понимал, что это не самая удачная замена тазику.

— Простите, — проговорила наконец Висконти. — Но я представила, как все эти годы он воображал, что лапает меня...

— Он был далеко не так примитивен... — начал Майлз, но тут же осекся. Потоптался на месте, глубоко вздохнул и вдруг упал перед ней на одно колено.

— Мэм! Константин Ботари просил меня молить вас о прощении за те страдания, которые он вам причинил. Вы отомстили за них — это ваше право. Но, во имя всего святого, остановитесь на этом! Отдайте мне что-нибудь в качестве посмертного жертвоприношения, чтобы я мог это сжечь. Это мой долг — как его сеньора, командира, друга... И — поскольку он был другом моего отца и оберегал меня с самого рождения — это и сыновний долг.

Элен Висконти прижалась к стене, словно боясь, что он вот-вот бросится на нее. Майлз, не поднимаясь,

отодвинулся на шаг назад и низко склонил голову. Его поза выражала смирение и покорность.

— Черт побери, вы загадочный человек, — пробормотала она. — Бьюсь об заклад, вы не бетанец. Встаньте, прошу вас. Вдруг кто-нибудь увидит?

— Я не встану, пока вы не сделаете посмертного жертвоприношения.

— Господи, да чего вы от меня хотите?! Что это такое — посмертное жертвоприношение?

— Какая-нибудь частица вашего тела, которую нужно сжечь, чтобы его душа обрела покой. Обычно это совершается в память о друзьях или родственниках, но иногда — в честь убитых врагов, чтобы их души не являлись вам потом. Достаточно одного локона, — он указал на небольшую проплешину в своих волосах. — Это — дань памяти двадцати двух пеллиан, погибших месяц назад.

— То есть это какое-то народное поверье...

Он пожал плечами.

— Поверье, суеверие, обычай... Я всегда считал себя убежденным атеистом и только недавно понял — необходимо, чтобы у людей была душа... Я прошу вас! Я не буду вас больше донимать...

Она раздраженно кивнула.

— Хорошо-хорошо. Дайте мне ваш нож. Только поднимитесь, ради Бога.

Он встал и протянул ей кинжал. Эскобарианка одним движением отсекла короткий локон.

— Этого достаточно?

— Да, вполне.

Завиток волос был холодным, упругим и чуть скользким. Майлз сомкнул ладонь.

— Благодарю вас.

Она покачала головой.

— Сумасшедший... И что, это в самом деле помогает изгонять привидения?

— Говорят... Я обещаю, что все тонкости обряда будут соблюдены, — Он тяжело вздохнул. — И, как и было обещано, на этом мы расстанемся. А теперь извините, мэм, нас обоих ждут служебные обязанности.

— Так точно, сэр.

Они вернулись на «Триумф» и разошлись — каждый в свою сторону. Но Элен Висконти вдруг остановилась и оглянулась.

— Вы ошибаетесь, милорд, — мягко сказала она. — Вы еще долго будете оставаться со мной рядом...

Следующим на очереди был Ард Мэйхью.

— Боюсь, я так и не смог сделать для вас то, что хотел, — виновато сказал Майлз. — Единственное, что мне удалось, — это найти фелицианского судовладельца, который согласился купить РГ-132 для использования на внутренних линиях. Деньги небольшие, но зато он платит вперед...

— Значит, ухожу на заслуженный отдых, — вздохнул Мэйхью. — Все лучше, чем если бы Кольхаун разнес мой корабль в клочья...

— Завтра я лечу домой. Через Бету. Могу подбросить, если хотите.

— Что мне там делать? — Он пожал плечами, потом настороженно спросил: — А как же вассалитет? Я думал, что работаю у вас.

— Это так, но на Барраяр вам со мной лететь не стоит.

«Не дай Бог Арду попасть туда. Хотя он и бетанец, наши политические волки проглотят его, не жуя, заодно с сюзереном».

— Но вы можете продолжать службу в дендарийском флоте, если пожелаете, — предложил Майлз. — Какое звание хотите?

— Я не солдат.

— Можно пройти переподготовку. К примеру, в качестве техника. Кроме того, командирам других кораблей наверняка понадобятся запасные пилоты для субсветовых катеров.

Мэйхью нахмурился.

— Не знаю. Пилотирование катеров для нас, скачковых пилотов, всегда было чем-то несерьезным. Обидно

сидеть за штурвалом катера рядом с настоящими кораблями...

— У вас есть и другая возможность.

Мэйхью вопросительно поднял брови.

— Дендарийский флот снимается с якоря — искать работу где-нибудь подальше от выхода из п-в-туннеля. По модели РГ-132 никогда не было строгой отчетности. Может быть, вам удастся отыскать брошенный корабль, а то и два. Тот фелицианский судовладелец не отказался бы зафрахтовать РГ-132, хотя, конечно, недорого. Если бы вы нашли на каком-нибудь старом корабле неповрежденные двигатели Неклина...

Глаза Мэйхью заблестели — такой вариант его явно устраивал.

— У меня, к сожалению, нет времени собирать запчасти по всей галактике, — продолжал Майлз. — Но если вы согласны остаться у меня на службе, я распоряжусь, чтобы Баз выдал деньги из флотского фонда на покупку двигателей и их доставку. Подобные эпизоды уже встречались в истории — например, поиски Форталией Храбрым утерянного скипетра императора Ксиана Форбарры.

Кстати, по легенде Форталия так и не нашел этот скипетр.

— В самом деле?! — с надеждой спросил Мэйхью. — Конечно, звучит неплохо... Ну а вдруг ничего не получится?

— Главное — не останавливаться. Только вперед!

— Когда-нибудь это бесконечное движение приведет нас всех к краю пропасти, — усмехнулся Мэйхью. — И когда мы туда свалимся, ты непременно станешь убеждать нас прямо в воздухе, что мы умеем летать.

Ард сунул кулаки под мышки и задергал локтями — вверх-вниз, вверх-вниз.

— Полетели, милорд! Видите, я хлопаю крылышками изо всех сил!

* * *

Причальная станция тонула в полумраке; светильники чуть теплились, моделируя ночь. Грузились молча, было слышно лишь глухое шарканье и стук поднимаемого и опускаемого багажа.

Но когда в скоростной курьерский катер стали вносить гроб, пилот поморщился и буркнул:

— Стоило сокращать личный багаж чуть ли не до пары сменного белья, чтобы втащить вот это...

— Для парада нужна трибуна, — рассеянно заметил Майлз, словно не слыша ворчания фелицианина. Этот пилот, как и катер, являл собой прощальный жест вежливости со стороны генерала Хэлифи. Генерал вовсе не горел желанием нести дополнительные расходы. Но Майлз прозрачно намекнул, что, если он вовремя не прибудет в определенное место на Бете, дендарийским наемникам придется заключать новые контракты в той же зоне Тау Верде, но уже с представителями другой стороны. После этого генерал, не мешкая, предоставил ему скоростное судно.

Майлз нетерпеливо переминался с ноги на ногу — ему не терпелось удрать прежде, чем на станции начнется «день». Появился Айвен Форпатрил, бережно несущий небольшой, плотно набитый саквояж. Походка бравого кадета была несколько неуверенной, но он выпутался из затруднения с честью: разглядел на палубе разметочные полосы и не спеша, с достоинством, двинулся вдоль одной из них. Задумка была неплохая, но все портил изрядный крен, который Айвен давал то в одну, то в другую сторону. Наконец ему удалось лечь в дрейф возле Майлза.

— Вот это свадьба! — с энтузиазмом заявил он. — Если учесть, что все было устроено прямо посреди космоса, твои дендарийцы празднуют с большим размахом... А капитан Осон — отличный, душевный парень.

— Да уж, вы друг друга стоите, — отозвался Майлз.

— А куда ты пропал, когда все только начиналось? Пришлось пить без тебя.

— Мне очень хотелось к вам присоединиться, — сказал Майлз, и это было правдой. — Но надо было утрясти кое-какие моменты с капитаном Тангом.

— Жаль-жаль. — Айвен сдержанно рыгнул, посмотрел в другой конец причальной станции и пробурчал: — Так вот кого ты прятал все это время в криогенной коробке — женщину. Одного не могу понять — почему непременно надо было выбрать такую, которая будет теперь являться мне в ночных кошмарах?

Майлз глянул в том же направлении и увидел Элли Куинн. Она осторожно ступала по палубе, поддерживаемая под локоть хирургом с «Триумфа». Серо-белый форменный комбинезон облегал хорошо развитое тело молодой женщины. Но то, что было выше воротника, напоминало голову чудища из далекой галактики: безволосый розовый шар с черной дырой вместо рта, двумя маленькими отверстиями на месте носа и двумя черточками по бокам — там, где должны находиться ушные раковины. Майлз знал, что правая из этих черточек является единственным каналом, по которому к ней поступает информация извне. Айвен, содрогнувшись, поспешил отвернуться.

Хирург отвел Майлза в сторону, чтобы напомнить, как ухаживать за раненой во время перелета, а также повторить свои предписания по поводу все еще не зажившего до конца адмиральского желудка. Майлз похлопал по набедренному карману, проверяя, не забыл ли фляжку, в которой на этот раз вместо виски содержалось омерзительное на вкус лекарство, и дал доктору клятвенное обещание принимать снадобье каждые два часа.

Подойдя к раненой, он взял ее за руку, поднялся на цыпочки и внятно произнес в самое ушное отверстие:

— Ну вот мы и вылетаем! Следующая остановка — Колония Бета.

Элли нащупала ладонью его лицо и пробежала по нему кончиками пальцев. Ее обгоревший язык и почти неподвижный рот пытались выговорить какую-то фразу. Со второй попытки он разобрал слова: «Спасибо вам,

адмирал Нейсмит». «Хорошо, что я так устал, — подумал Майлз, — а то, как пить дать, расплакался бы».

— Ладно, — встряхнулся он. — Теперь давайте отчаливать, пока не проснулись официальные лица. Иначе застрянем еще на два часа.

Но было поздно. Краем глаза он увидел, как что-то гибкое и стройное метнулось к нему через зал. Следом тяжелой рысцой трусил мускулистый Баз.

— Майлз, как ты мог?! — крикнула Элен, задыхаясь. — Ты хотел улететь, не попрощавшись?!

Он вздохнул и улыбнулся:

— Хотел. Но если уж не везет — так не везет. Что ни запланируешь — ничего не получается.

Ее щеки горели румянцем, глаза радостно блестели. Счастливая и желанная... Он так долго готовил себя к этой минуте, но почему-то все равно было больно...

Инженер подошел к жене. Майлз отвесил им обоим по церемонному поклону.

— Командор Джезек и... опять-таки командор Джезек? Эх, Баз, надо было загодя произвести вас в адмиралы. Во время связи будет сплошная путаница.

Баз покачал головой.

— Вы и так оказали мне такую честь, — он посмотрел на Элен. — Совсем недавно я был изгоем, беглецом, но все-таки надеялся, что произойдет чудо, и я снова стану кем-то. Я благодарен вам, милорд, — вы совершили это чудо.

— И я благодарна тебе, — тихо прибавила Элен. — Ты мне подарил то, что я не надеялась обрести...

Майлз вопросительно склонил голову. Что она имеет в виду? Мужа или офицерское звание? Или возможность удрать с Барраяра?

— Ты помог мне обрести себя.

Он хотел сказать, что она преувеличивает, но замер с открытым ртом. Дендарийцы хлынули в причальную секцию через все выходы — сначала по двое-трое, потом нескончаемой толпой. Теперь нечего и мечтать о том, чтобы отчалить без лишнего шума...

— Так, — сказал он убитым голосом. — Ну что ж, счастливо оставаться.

Он торопливо пожал руку Базу, но Элен, обливаясь слезами, обняла Майлза так, словно решила напоследок сокрушить его хрупкий скелет. Он отчаянно задрыгал ногами в воздухе, пытаясь нащупать пол.

Когда она наконец отпустила его, со всех сторон Майлза обступили наемники. Каждый пытался пожать ему руку или хотя бы дотронуться до него. Если бы Ботари по-прежнему был жив и продолжал исполнять обязанности телохранителя, его от такого зрелища хватил бы удар. На всякий случай Майлз попросил прощения у его души.

Тем временем разноголосый шум начал постепенно обретать единый ритм — и вот уже под сводами зала гремело дружное: «Ней-смит! Ней-смит!»

Майлз растерянно поднял руки. В каждой толпе обязательно найдется идиот, который заварит такую вот кашу. Элен и Баз водрузили молодого героя к себе на плечи, и он вознесся над головами солдат. Сейчас, черт бы их всех подрал, придется толкать прощальную речь. Майлз опустил руки — голоса, к его удивлению, стихли. «Интересно», — подумал он, и вновь взметнул руки над головой. Рев толпы оглушил его. Тогда, словно дирижер большого симфонического оркестра, Майлз плавно опустил руки — и волна голосов так же медленно сошла на нет, до звенящей тишины. Ему стало немного не по себе.

— Как видите, я возвысился, — заговорил он, произнося слова отчетливо и громко, чтобы его слышали даже в последних рядах. — Но только потому, что вы возвысили меня — вашим мужеством, стойкостью, железной дисциплиной и другими воинскими доблестями...

Это была правда — и все внимали ему с жадностью. Но правдой было и другое, о чем Майлз умолчал, — он оказался на высоте еще и благодаря их нерешительности, мелким склокам, жадности, лени и амбициозности...

— ...чем я могу отблагодарить вас? Только тем, что помогу вам занять место, достойное таких отличных

бойцов. Я отменяю ваш переходный статус и объявляю вас постоянно действующим соединением наемников Дендарии.

Рев голосов, топот и свист потрясли стены зала. Многие здесь были Майлзу едва знакомы, зато он сразу узнал стоявших в первом ряду — сияющий Осон и размазывающий (или размазывающая?) слезы по щекам Торн.

Он властным жестом призвал всех к тишине.

— Срочные дела вынуждают меня отлучиться на неопределенный срок. В мое отсутствие командовать будет Джезек, и вы обязаны подчиняться ему так же, как мне. Это храбрый и опытный офицер.

Майлз взглянул вниз, на запрокинутое к нему лицо База. Он весь дрожал от волнения. Смешно: ведь Джезек — один из немногих, кому было известно, что Майлз всего лишь самозванец...

— Я еще раз благодарю вас всех! До свидания!

«И будь ко мне милостив, Господи, аминь!» — добавил он едва слышно и соскользнул вниз, больно ударившись ступнями о палубу. Он начал медленно отступать к переходному туннелю, не переставая улыбаться и махать рукой.

Джезек, прикрывая Майлза от чрезмерно восторженных почитателей, прошептал ему в самое ухо:

— Милорд, простите мое любопытство, но прежде чем вы улетите, скажите мне, какому дому я служу?

— А разве вы до сих пор не знаете? — Майлз изумленно посмотрел на Элен. Та пожала плечами:

— Из соображений вашей безопасности.

— Ну что ж... Не хотелось бы орать об этом во всеуслышанье. Скажем так — если вы когда-нибудь отправитесь в магазин покупать ливрею, выбирайте коричневую с серебристой отделкой...

— Но ведь это же... — Баз побледнел, как мертвец.

Майлз улыбнулся с некоторым самодовольством и посоветовал Элен:

— Приучай его потихоньку к этой мысли.

Он остановился у входа в шлюз, манящий уютной тишиной. Фелицианский пилот провел на катер Элли Куинн, следом, баюкая саквояж, двинулся Айвен. Дендарийцы снова начали скандировать имя своего адмирала. Он уже вошел в туннель, когда увидел, что к Элен, расталкивая солдат, пробирается мрачно-задумчивая инженер Висконти...

Пилот отсоединил стыковочный узел и направился в рубку. Они последовали за ним.

— Да-а, — с уважением протянул Айвен. — Ты их здорово расшевелил. Наверняка чувствуешь, что перерос меня... психологически, что ли...

— Да нет, — Майлз скорчил недовольную гримасу.

— Почему? Я бы на твоем месте... — В голосе Айвена слышались нотки зависти.

— Потому что моя фамилия не Нейсмит.

Айвен как-то странно покосился на кузена.

В приборном отсеке были уже включены все экраны. Станция медленно удалялась, и вскоре Майлз потерял из виду тот терминал, где остались все его люди...

— Дьявол, — задумчиво пробормотал Айвен, покачиваясь на пятках. — Все-таки это потрясающе. Сдуреть можно — ты появляешься здесь ни с чем и за четыре месяца полностью меняешь ход войны, да еще заканчиваешь эту игру с полным карманом шариков.

— Мне не нужен полный карман, — огрызнулся Майлз. — Мне вообще не нужны эти твои «шарики». Будто ты не знаешь, что со мной сделают наши законники, если обнаружат, что я набил карманы. Или забыл?

— Нет, не понимаю я тебя, — покачал головой Айвен. — Ты всегда мечтал стать офицером. И вот пожалуйста — участвуешь в настоящих сражениях, командуешь целым флотом, перекроил карту военных действий с фантастически малыми потерями...

— А, вот ты о чем... Ты думаешь, мне понравилась игра в солдатики? Ха! — Майлз, нервничая, забегал по кабине взад-вперед, но тут же остановился. — Может,

ты и прав. Может, в этом вся беда. Прожигал день за днем, тешил свое самолюбие, а дома в это время свора Фордрозы загоняла отца...

— Понятно, что тебя тревожит, — кивнул брат. — Вот прилетим, и ты увидишь, что все в порядке.

Помолчав, он спросил уже менее беззаботным тоном:

— Майлз... А если ты все-таки прав насчет этого — что будем делать, когда вернемся?

— Что-нибудь придумаем, — горько усмехнулся Майлз.

Он снова повернулся к экранам и подумал: «А насчет потерь ты ошибаешься, Айвен. Потери были ужасные...»

Плавильный завод и корабли, быстро уменьшаясь, таяли в слезах, навернувшихся ему на глаза.

А когда слезы высохли, вокруг были только звезды.

ГЛАВА 20

Бетанский вечер выдался жарким, хотя силовое поле над пригородом Силики должно было давать некоторую прохладу. Майлз потрогал серебристые кружочки на лбу и висках. Господи, только бы они не отклеились из-за пота! Он только что миновал таможню, предъявив поддельное удостоверение фелицианского пилота, и если бы имплантат вдруг сполз ему на нос, это могло бы произвести неблагоприятное впечатление.

Среди ухоженных акаций и мескитовых деревьев виднелось небольшое строение с куполом. Это был вход в апартаменты его бабушки, предназначенные для гостей. Дом построили еще до того, как заработал генератор силового поля, и поэтому все его помещения располагались под землей. Майлз взял Элли Куинн под руку и, ласково похлопав по ладони, сказал:

— Ну вот, мы почти пришли. Две ступеньки вниз, осторожно... Бабушка вам понравится. Она руководит обслуживанием реанимационной техники в госпитале

Университета Силики. Уж бабушка-то знает, кто лучший специалист и кому вас доверить. А вот и дверь...

Айвен вошел первым, все так же бережно прижимая к себе саквояж. Повеяло прохладой. Теперь Майлз мог не беспокоиться о липовых имплантатах, которые того и гляди отклеятся. Ему пришлось изрядно понервничать, проходя таможню по фальшивым документам, но если бы он предъявил свои подлинные, бетанская бюрократическая машина тут же включилась бы на полные обороты и выпустила бы его не скоро. А сейчас была дорога каждая минута.

— Здесь лифт, — предупредил Майлз Элли и тут же с проклятием отпрянул в сторону: двери лифта открылись, и в холл выкатился именно тот человек, с которым ему меньше всего хотелось встречаться.

У бетанца, когда он увидел Майлза, глаза полезли из орбит, а лицо мгновенно приобрело кирпично-красный оттенок.

— Ты... ты... ты... — задыхаясь, выдавил он, угрожающе нависая над юношей. Майлз изобразил любезную улыбку:

— О, добрый вечер, мистер Кольхаун. Я как раз собирался с вами встретиться...

Кольхаун схватил его за грудки и проревел:

— Где мой корабль?!

«А где мой Ботари?» — с тоской подумал Майлз, прижатый к стенке.

— С кораблем вышла небольшая неприятность...

— Где он?! — Кольхаун с силой тряхнул его. — Что вы с ним сделали, идиоты?

— К сожалению, мне пришлось оставить его на Тау Верде. Повреждение двигателей Неклина. Но я привез ваши деньги, — радостно добавил он.

Пальцы Кольхауна сжались еще крепче.

— Я даже через скафандр не дотронусь до твоих денег! Мне заговаривают зубы, врут, потом устанавливают слежку, обыскивают, барраярские ищейки допрашивают моих работников, мою подругу... Я теперь все знаю, мутантишко, и я хочу твоей крови, а не денег. Сейчас вызо-

ву сотрудников службы безопасности, и тебе устроят хорошее промывание!

В этот миг Элли Куинн издала невнятное бормотание, которое натренированное ухо Майлза сумело перевести как: «Что происходит?»

Кольхаун, разглядев ее в полумраке, содрогнулся, но ничуть не подобрел. Он отскочил в сторону и бросил через плечо Майлзу:

— Не двигаться! Вы арестованы!

И направился к кабине связи с городскими службами.

— Держи его, Айвен! — завопил Майлз.

Однако Кольхаун легко освободился от объятий Форпатрила, демонстрируя куда более быструю реакцию, чем можно было ожидать от такого тучного субъекта. Но тут Элли Куинн, сделав два скользящих шага ему наперерез, поймала его за рубаху. Какое-то мгновение они кружили, словно вальсирующие танцоры, и вдруг Кольхаун, сделав замысловатое антраша, рухнул на пол. Дыхание со свистом вылетело из его широко открытого рта. Элли придавила ему шею коленом и заломила руку аккуратным болевым приемом.

Айвен бросился ей на помощь.

— Как это вам удалось?! — с восхищением спросил он, перехватывая поверженного противника.

— Мы тренировались с закрытыми глазами, — прогнусавила Элли, пожав плечами. — Для развития чувства равновесия. Помогло, как видите.

— Что будем с ним делать, Майлз? — поинтересовался кадет. — А если он действительно сдаст тебя службам безопасности, даже получив деньги?..

— Нападение и избиение! — хрипло констатировал Кольхаун.

— Боюсь, ты прав, Айвен, — сказал Майлз, одергивая примятую куртку. — Где-то здесь на втором этаже есть комната, которую раньше занимал дворник. Пока никто нас не застукал, давай-ка спустим его туда.

— Похищение, — пробулькал Кольхаун, но братья решительно поволокли его к лифту.

В дворницкой Майлз отыскал подходящий кусок провода и протянул Айвену.

— Убийство! — заверещал Кольхаун; видимо, он твердо решил до последней минуты давать юридическую оценку каждому этапу своих злоключений. Майлз заткнул ему рот кляпом, но дико выпученные глаза продолжали вопить.

Когда они, истратив весь провод, довязали — на всякий случай — страховочные узлы, пленник стал похож на ярко-оранжевую мумию.

После этого Айвен открыл саквояж, и они начали заталкивать под витки провода пачки банкнот.

— Тридцать три, тридцать четыре, — отсчитывал Майлз. — Сорок тысяч ровно.

— Что-то старомодное есть во всем этом, — заметил Айвен, почесав в затылке.

Кольхаун вдруг начал вращать глазами и мычать.

— Что тебе? — раздраженно осведомился Майлз, вытаскивая кляп.

— Плюс десять процентов! — выдохнул Кольхаун.

Майлз водворил кляп на место и отсчитал еще четыре тысячи долларов. Они взяли заметно полегчавший саквояж и вышли, заперев за собой дверь.

— Майлз!!! — Старая миссис Нейсмит бросилась обнимать внука. — Слава Богу, капитан Димир все-таки нашел тебя! В посольстве все с ума посходили от тревоги. Так боялись, что твоему отцу не удастся добиться переноса слушания в Совете графов... — Увидев Элли, она осеклась и прошептала: — О мой Бог...

Майлз представил Айвена, а Элли отрекомендовал как свою знакомую с далекой планеты, у которой здесь нет ни связей, ни места, чтобы остановиться. Он выразил надежду, что может оставить ее на попечение заботливой бабушки.

Та не проронила ни слова против, лишь заметила:

— Еще одно бездомное существо.

«Благослови тебя Бог, бабуля!» — с благодарностью подумал Майлз.

Миссис Нейсмит пригласила их в гостиную. Едва войдя в знакомую комнату, Майлз вздрогнул, вспомнив Ботари.

И тут же, словно вторя его мыслям, бабушка произнесла:

— А где сержант, где Элен? В посольстве? Хорошо, что хоть тебе позволили навестить меня! Лейтенант Кроуи, как мне показалось, должен был немедленно посадить тебя в курьерский катер и мчаться на Барраяр.

— Мы еще не были в посольстве, — признался Майлз, смущенно ерзая на диване. — Мы сразу пришли сюда.

— Говорил тебе — сначала надо явиться в посольство, — покачал головой Айвен. Майлз отмахнулся, а бабушка внимательно посмотрела на них обоих.

— Что случилось, Майлз? Где Элен?

— С ней все в порядке, она далеко отсюда, но в безопасности. А сержант... погиб около трех месяцев назад. Несчастный случай...

— О-о... — Миссис Нейсмит несколько секунд сидела молча, потом тихо проговорила: — Честно признаться, я никогда не понимала, что находит твоя мать в этом человеке, но для нее это будет большим горем... Может, позвонишь лейтенанту Кроуи прямо отсюда?

Она кивнула на серебристые кружочки у Майлза на лбу.

— Так вот где ты пропадал пять месяцев! Проходил подготовку на пилота скачкового корабля? Стоило из этого делать тайну! Корделия наверняка поддержала бы тебя.

Майлз потрогал приклеенную пластинку и поморщился:

— Это все маскарад, чтобы проскочить пограничный контроль по пилотским документам.

— Майлз... — строго сказала бабушка, и морщины на ее лице стали глубже. — Объясни мне, что происходит? Я чувствую, что все это связано с вашими ужасными барраярскими политическими интригами.

— К сожалению, ты не ошиблась. Скажи мне скорее — что сообщали из дома после того, как улетел Димир?

— Твоя мать сказала, что ты должен предстать перед Советом графов по сфабрикованному обвинению в измене. И чем скорее ты это сделаешь, тем лучше.

Майлз многозначительно посмотрел на двоюродного братца; тот опустил глаза и принялся грызть ногти.

— Там идет какая-то невообразимая закулисная возня. Половину того, что твоя мать наговорила на дискету, я вообще не поняла. Только барраярец может разобраться во всех этих тонкостях. Если исходить из логики, ваше правительство должно было рухнуть много лет назад... Насколько я поняла, они стремятся заменить обвинение в нарушении закона какого-то Фор... Форлопулоса обвинением в намерении узурпировать трон.

— Что?! — Майлз в ужасе вскочил на ноги. — Но ведь это чистейшая глупость. Чтобы я стремился взвалить на себя работу Грегора?! Они что, идиотом меня считают? Тогда мне пришлось бы командовать всеми имперскими службами, а это похлеще наемного флота...

— Значит, флот на самом деле существует? — Глаза бабушки испуганно расширились. — А я-то думала, что это все слухи... В таком случае, то, что говорила твоя мать, не так уж нелепо.

— А что она говорила?

— Что твоему отцу пришлось попотеть, прежде чем удалось подтолкнуть графа Фор... как же его? Не могу запомнить эти «форовские» фамилии...

— Фордрозу?

— Вот-вот.

Майлз и Айвен снова обменялись многозначительными взглядами.

— ...ему пришлось изрядно попотеть, чтобы заставить Фордрозу заменить первоначальные обвинения более серьезными, да еще при этом сделать так, чтобы все решили, будто он хотел добиться диаметрально противоположного. Я только не могу понять, в чем разница — наказание-то одно и то же?

— У отца что-нибудь получилось?

— Кажется, да. По крайней мере так было две недели назад, когда вылетел курьер.

— Так-так... — Майлз начал расхаживать по комнате. — Разумно, разумно... Может быть...

— Я ничего не понимаю, —пожаловался Айвен. — Узурпация власти — кошмарное обвинение.

— Но это как раз то, в чем я не виноват! Более того — меня обвиняют не в самой узурпации, а в намерении ее произвести. А нарушение закона Форлопулоса — это тебе не намерение. Это факт. Представь, как я являюсь на заседание Совета и, поклявшись говорить правду, выкладываю все как есть...

Айвен уже обгрыз ноготь на большом пальце правой руки и принялся за левую.

— А почему ты решил, что от твоей виновности или невиновности что-то переменится?

— Простите? — подняла бровь миссис Нейсмит.

— В том-то и дело, — подтвердил Майлз, — корень всего в политических интригах. Как ты думаешь, чьей поддержкой заручился Фордроза? Ведь для того, чтобы заварить такое, нужно заранее рассчитывать на солидный процент голосов.

— Ты меня спрашиваешь?

— Тебя, кого же еще? — Майлз смерил взглядом рослого кузена. — Смотрю на тебя и думаю: вот он, ключ к разгадке, да только как его в замок вставить...

Судя по выражению лица Айвена, он с трудом представлял себя в роли ключа.

— На что ты рассчитываешь?

— Во-первых, нас пока никто не видел. Хессман и Фордроза уверены, что ты покойник.

— Что?! — воскликнула миссис Нейсмит.

Пришлось рассказать ей об исчезновении корабля капитана Димира.

— ...И вот это, — Майлз указал на фальшивый имплантат, — сделано в основном для них, а уж потом — для Кольхауна.

— Кстати насчет Кольхауна, — сказала бабушка. — Он все время тут крутится, высматривая тебя. Если ты и дальше собираешься оставаться неузнанным — остерегайся его.

— Спасибо за предупреждение, — кивнул Майлз и снова обратился к Айвену: — Слушай, если корабль Димира действительно был выведен из строя, то для этого как минимум требовалось забраться вовнутрь. Значит, им ничего не стоит устроить нечто подобное еще раз, если мы с тобой открыто явимся в посольство?

— Ох, Майлз! Сдается мне, ты все-таки успел подхватить от Ботари его болезнь. Теперь уже и мне самому начинает казаться, будто у меня на спине нарисована мишень!

Майлз улыбнулся:

— Ага, значит, все же пробуждаешься от спячки? Тогда вот что, — его взгляд вдруг унесся в неведомые дали. — Запомни, если ты врываешься в комнату, полную вооруженных людей, лучше это делать внезапно и без лишнего шума, чем с громким воинственным кличем...

Оставшаяся программа визита, как и предполагал Майлз, заняла немного времени. Они вывалили содержимое саквояжа на пол гостиной, и Майлз отсчитал пачку бетанских долларов, предназначенных для погашения его долгов, в том числе и бабушкиных субсидий. Миссис Нейсмит была слегка ошеломлена такой кучей невесть откуда взявшихся денег, но все же согласилась разослать необходимые суммы кредиторам. Самая внушительная куча предназначалась для восстановления лица Элли Куинн; когда бабушка сообщила, сколько это будет стоить, Майлз чуть не лишился чувств.

В конце концов у него в руке осталась лишь тощая стопочка банкнот, что вызвало у брата приступ неудержимого веселья:

— О, да ты, я вижу, не в убытке! Впервые за последние пять поколений представитель рода Форкосиганов добился прибыли! Это все примесь бетанской крови.

Майлз взвесил доллары на ладони и грустно улыбнулся.

— Это становится фамильной традицией. За день до того, как отец сложил с себя полномочия регента, он пожертвовал двести семьдесят пять тысяч марок и ушел

в отставку с тем же, с чем начинал в этой должности шестнадцать лет назад.

— А я и не знал, — подивился Айвен.

— Почему, ты думаешь, в усадьбе Форкосиганов так и не поменяли крышу в прошлом году? Это, кстати, единственное, на что посетовала мать. А вообще-то ей было даже интересно, куда отец сбагрит эту сумму... В результате деньги достались приюту для детей погибших воинов.

Внезапно у Майлза разыгралось любопытство. Он набрал номер биржи. Автоответчик сообщил, что фелицианский миллифениг снова включен в котировки, и нынешний курс составляет 1,206 миллифенига за бетанский доллар против 1,459 на прошлой неделе. Выходит, дендарийским наемникам не придется пенять на своего адмирала — их жалованье обрело весомую реальность...

Между тем время поджимало. Майлз встал.

— Бабушка, — сказал он. — Через день мы будем на месте. Тогда ты можешь позвонить в посольство и сообщить, что им больше не стоит себя утруждать.

— То-то порадуется лейтенант Кроуи, — усмехнулась она. — Он уже смирился с тем, что его ждет позорная отставка, а после — служба охранником в какой-нибудь горячей точке.

— И еще... По поводу Тава Кольхауна.

— Да?

— Ты припоминаешь дворницкую на втором этаже?

— С трудом. А что такое?

— Пусть кто-нибудь заглянет туда завтра утром. Но сама до тех пор не заходи.

— И не подумаю, — заверила бабушка.

— Майлз, пора! — окликнул его из-за дверей Айвен.

— Еще одну секунду.

Майлз подбежал к Элли Куинн, покорно сидевшей там, где ее оставили несколько минут назад. Он вложил в ладонь женщине остаток денег и шепнул:

— Боевая премия. На первое время. Вы ее заработали.

Поцеловав ей руку, он выбежал следом за Айвеном.

ГЛАВА 21

Майлз сбросил скорость и повел флайер плавными кругами над замком Форхартунг, испытывая труднопреодолимое желание спикировать прямо в середину двора. На реке, прихотливо извивавшейся через Форбарр-Султан, столицу империи, начался ледоход. Вода уже приобрела зеленый оттенок — верный признак того, что далеко на юге, в Дендарийских горах, вовсю тают снега. Древняя крепость Форхартунг была возведена на высоком, обрывистом берегу. Восходящие воздушные потоки ощутимо раскачивали флайер.

Современный Форбарр-Султан раскинулся на десятки километров вокруг. Стоянки в окрестностях замка были забиты всеми видами транспорта; в узких проходах между машинами сновали люди в разноцветных ливреях. Айвен принялся считать флаги, трепещущие над башнями.

— Сегодня на заседание Совета прибыли все, — объявил он, закончив подсчет. — Даже флаг Форталы есть, а он не появлялся в столице лет сто. Его, наверное, принесли на руках. Ого, смотри-ка, Майлз, императорский флаг тоже поднят — значит, и Грегор здесь.

— Для этого не нужно искать флаг. Достаточно взглянуть на тех парней на крыше с противовоздушными плазмометами, — заметил Майлз. Ему стало не по себе — дуло одного из плазмометов смотрело прямо на них, словно глаз подозрительного наблюдателя.

Медленно и плавно флайер опустился на середину круга, нарисованного на площадке за пределами замковых стен.

— Представляешь, — задумчиво проговорил Айвен, — какими дураками мы будем выглядеть, если сейчас ворвемся в зал заседаний, а там идут дебаты по распределению водных ресурсов или еще что-нибудь в этом духе!

— Ты полагаешь, я об этом не думал? Прилететь тайком — это был необходимый, разумный риск... В конце

концов мы уже не раз оказывались в дурацком положении — и ничего, не рассыпались. Дело привычное.

Но тем не менее Майлз отчего-то не торопился подниматься с кресла... Внезапно он побледнел и с трудом перевел дыхание.

— Что случилось, тебя тошнит? — встревожился Айвен.

Майлз покачал головой, хотя кузен был прав. Он мысленно попросил прощения у База Джезека — за то тайное презрение, которое испытывал к нему в свое время. Теперь и Майлз узнал, как чувствует себя человек, парализованный страхом. Он не был храбрее База — просто ему никогда не доводилось испытывать ничего подобного. Как хорошо было бы сейчас вновь оказаться со своими дендарийцами и заняться чем-нибудь простеньким, вроде обезвреживания кассетной бомбы.

— Господи, а ну как все провалится? — пробормотал он.

Эти слова еще больше обеспокоили Айвена.

— Но ведь ты две недели мне вдалбливал, что внезапное появление — единственно правильный шаг. Убедил в конце концов. А теперь уж поздно менять план.

— Я не собираюсь ничего менять, — Майлз решительно смахнул со лба серебристый кружочек и вперился взглядом в высокую серую стену замка.

— Если мы еще немного так посидим, охрана нас заметит, — предупредил Айвен. — Может, уже сейчас кто-то взял нас на мушку.

— Ты прав. — Он вздохнул. — Пора ступить на твердую землю.

— После тебя, — вежливо поклонился Айвен.

— Хорошо.

Решительно распахнув дверцу, Майлз вышел на каменистую площадку.

Они направились к воротам. Четверо высоченных парней в форме личной охраны императора внимательно следили за приближением братьев. Один из часовых положил руку на кобуру. С приездом домой, поздравил себя Майлз. Он коротко кивнул часовым.

— Доброе утро, солдаты. Я лорд Форкосиган. Насколько мне известно, император пожелал, чтобы я прибыл на заседание.

— Чертов шутник! — усмехнулся охранник, расстегивая кобуру. Но другой схватил его за руку:

— Нет, Даб, это вправду он!

В вестибюле перед входом в большой зал заседаний их обыскали. Айвен все норовил заглянуть в щелочку, никак не давая офицеру, приставленному для проверки входящих на наличие оружия, исполнить до конца свои обязанности.

Майлз напряженно вслушивался в приглушенные голоса, доносившиеся из-за дверей. Он узнал гнусавый тенор графа Фордрозы, ритмично поднимавшийся и опускавшийся — как видно, дебаты протекали спокойно.

— Давно все это продолжается? — шепотом спросил Майлз у охранника.

— Неделю. Сегодня последний день. Они сейчас подводят итоги, так что вы как раз вовремя, милорд, — он подбадривающе кивнул Майлзу. Один из офицеров охраны, стоящих поодаль, тихо сказал другому: «Но ведь он и должен был присутствовать...»

— Может, все-таки тебе лучше остаться лечиться на Бете? — спросил брат.

— Теперь уж точно поздно. Вот смеху будет, если мы поспеем как раз к оглашению приговора!

— Ты и во время казни будешь отпускать свои шуточки! — заметил Айвен.

Охранник кивнул ему, пропуская, и он направился к двери, но Майлз схватил его за руку:

— Подожди! Слушай!

Еще один знакомый голос. Адмирал Хессман!

— А он что здесь делает? — удивленно прошептал Айвен. — Я думал, это закрытое заседание.

— Он свидетель, как и ты. Слушай.

— ...если наш дражайший премьер-министр ничего не знает о заговоре, пусть пригласит сюда своего «исчезнувшего» племянника. — Голос Фордрозы был полон сарказма. — Он, к сожалению, утверждает, что не

может. Я догадываюсь почему. Лорд Форпатрил улетел с секретным сообщением. Каким? Очевидно, что-нибудь типа: «Беги — все раскрыто!» Я спрашиваю вас — мог ли отец ничего не знать о заговоре, подготовленном его сыном с таким размахом? Куда делись те двести семьдесят пять тысяч марок? Он категорически отказался сообщить это нам. Почему? Потому что эти деньги ушли на финансирование операции. А смехотворные просьбы отложить слушания?! Если лорд Форкосиган не виновен, почему его нет здесь? — Фордроза сделал драматическую паузу.

Айвен дернул Майлза за рукав.

— Давай! Лучшего момента и быть не может...

Солнечные лучи, льющиеся сквозь высокие мозаичные окна, разукрасили стены зала всеми цветами радуги. Фордроза стоял на кафедре; за ним, на свидетельской скамье, сидел адмирал Хессман. Галерея сейчас пустовала, но простые деревянные скамьи, широким полукругом расположенные по залу, были заняты все до последней. У большинства присутствующих поверх разноцветных камзолов были надеты серебристо-красные мантии — признак графского достоинства. Военные щеголяли малиново-голубыми парадными мундирами. Император Грегор восседал на высоком троне, установленном в левом дальнем углу. На нем тоже была военная форма.

Майлза охватил страх — страх дебютанта, впервые оказавшегося на сцене. Надо было хоть забежать домой переодеться — он явился в высокое собрание все в том же черном комбинезоне и армейских ботинках, в которых покинул Тау Верде. Расстояние до центра зала показалось ему длиною в световой год.

Отец, тоже в парадном мундире, сидел на своем постоянном месте неподалеку от кафедры, и поза его не выражала ничего, кроме спокойной уверенности — ноги вытянуты под столом, спина расслаблена, руки заложены за спинку скамьи. Но это было спокойствие тигра, выслеживающего добычу: губы поджаты, острый взгляд вонзился в Фордрозу. Майлз впервые поду-

мал, что кличка отца — «Мясник Комарры» — могла иметь под собой реальную основу.

Граф Фордроза был единственным из присутствующих, кто стоял лицом к входу. И он первым увидел обоих братьев. Фордроза открыл рот, но продолжение тщательно отрепетированной речи застряло у него в горле.

— Вы задали именно тот вопрос, ответ на который я хотел бы услышать от вас и от адмирала Хессмана, — крикнул Майлз и медленно двинулся по проходу к кафедре.

Тишина в зале взорвалась гулом изумленных голосов и взволнованными восклицаниями. Но Майлза интересовал лишь один человек из всех. Как он встретит его появление?

Граф Форкосиган резко оглянулся и увидел сына. Он шумно вздохнул, потом закрыл лицо руками, и ожесточенно, нещадно потер его. Когда отец снова опустил ладони на стол, Майлз увидел, что на его лбу и щеках, иссеченных морщинами, выступили багровые пятна.

«Как он постарел! — ужаснулся Майлз. —Разве его волосы были такими седыми? Неужели он так сдал за эти месяцы или дело во мне? Или в нас обоих?»

Но вот граф заметил молодого Форпатрила, и выражение его лица мгновенно изменилось:

— Айвен, идиот ты эдакий! Где тебя носило?!

Айвен переглянулся с Майлзом и отвесил подчеркнуто вежливый поклон в сторону свидетельской скамьи.

— Адмирал Хессман приказал мне отправиться на поиски Майяза, сэр. Как видите, я выполнил задание, хотя адмирал рассчитывал совсем на другое.

Фордроза посмотрел на ошеломленного Хессмана.

— Ты... — прошептал граф, задыхаясь от ярости. Но в следующую секунду он овладел собой и вновь принял непринужденную позу.

Майлз сделал общий поклон и опустился на колено перед троном.

— Милорды! Прошу извинить меня за опоздание. Дело в том, что мою повестку — как бы поточнее выразить-

ся? — потеряла почта. Присутствующий здесь лорд Айвен Форпатрил может вам это подтвердить.

Молодой император глянул на него сверху вниз, а затем обратил несколько растерянный взор к своему новому советнику, стоящему на кафедре. Фордроза расправил плечи и повернулся к церемониймейстеру.

Атаковать нужно сейчас, подумал Майлз. Если лорд-церемониймейстер начнет встречать его по всей форме, противники успеют прийти в себя, посовещаться и найти новые аргументы, которые обеспечат им большинство при вынесении его вопроса на голосование. Хессман — вот по кому нужно нанести первый удар. Фордроза не решится в присутствии императора в открытую перетягивать голоса на свою сторону. Ударить первым — и расколоть заговор пополам. Майлз откашлялся и быстро поднялся.

— Милорды, я призываю вас в свидетели и обвиняю адмирала Хессмана в намеренной порче корабля, в убийстве и в покушении на убийство. Я могу доказать, что по его приказу был выведен из строя скоростной курьерский катер капитана Димира, в результате чего все, кто был на его борту, погибли ужасной смертью. У меня есть доказательства, что среди них, по плану Хессмана, должен был оказаться и мой кузен Айвен Форпатрил.

— Вы нарушаете регламент! — заорал Фордроза. — Ваши обвинения не подлежат рассмотрению в Совете графов. Можете обращаться с ними в военный трибунал — если посмеете, пр-р-ре-датель!

— Могу и туда. Но, к сожалению, военный трибунал судил бы одного Хессмана. А как же вы, граф Фордроза?

Старый граф Форкосиган начал медленно, жестко постукивать кулаком по столу, словно подгоняя сына, задавая ему ритм. Вперед, вперед, вперед!

Приободрившийся Майлз заговорил еще громче и увереннее:

— Он будет осужден один и умрет один — ведь у адмирала нет свидетелей, что преступление он совершил по вашему приказу. Или вы думаете, адмирал, что

граф Фордроза настолько предан своему соратнику, что сам во всем признается?

Хессман мертвенно побледнел. А Фордроза, забегавший по кафедре, как по горячей сковородке, крикнул:

— Милорды, я протестую! Это не защита. Он хочет отвлечь ваше внимание контробвинениями. И при этом грубо нарушает регламент. Милорд церемониймейстер, я убедительно прошу вас восстановить порядок!

Лорд-церемониймейстер уже начал подниматься с места, но встретился глазами с графом Форкосиганом, подумал и тихо опустился обратно на скамью.

— Все это, конечно, не вполне соответствует регламенту, — пробормотал он и умолк. Граф Форкосиган одобрительно усмехнулся.

— Вы так и не ответили на мой вопрос, граф Фордроза! — напомнил Майлз. — Как вы оцениваете действия адмирала Хессмана?

— Подчиненные всегда склонны превышать данные им полномочия...

«Пытаешься отвертеться? Не выйдет. У меня крепкая хватка».

— О! Значит, вы признаете, что он выполнял ваш приказ?

— Ничего подобного, — спохватился Фордроза. — Нас связывает лишь общая забота о благополучии империи.

— И более вас ничто не связывает? Вы слышали, адмирал Хессман? Интересно, как себя чувствует человек, которого закалывают с таким изумительным изяществом? Могу поспорить, он даже не замечает, как в его спину входит лезвие ножа. Так и не почувствует, пока не придет его конец!

Хессман вскочил и рявкнул:

— Ну уж нет! Ты все это затеял, Фордроза. И если мне суждено очутиться в могиле — будь уверен, что я и тебя туда утащу! — Адмирал повернулся к собравшимся и с запинкой произнес: — Все началось с того, что он подошел ко мне на зимней ярмарке и предложил

передать ему самые свежие сведения из Разведуправления службы безопасности, касающиеся сына Форкосигана...

— Заткнись! — отчаянно заорал Фордроза. Он явно не ожидал, что из столпа законности на глазах у всех превратится во вдохновителя заговора.

Его дрожащая рука скользнула под мантию и вынырнула оттуда с небольшим игольником. Но, уже направив игольник на Хессмана, граф Фордроза замер в нерешительности, глядя на свое оружие, словно на нечаянно пойманного скорпиона.

— Так кто же все-таки нарушает регламент? — усмехнулся Майлз. Барраярские аристократы были воспитаны в военном духе, и предсказать их реакцию не составляло труда. Внести оружие в палату Совета, а тем более достать его в присутствии императора! Человек тридцать сразу вскочили со своих мест.

«Только на Барраяре, пригрозив заряженным оружием, ты рискуешь потерять поддержку, а не обрести ее», — подумал Майлз. Группа титулованных особ тут же заслонила трон императора, а заодно и свидетельскую скамью от Фордрозы. И тогда заговорщик резко обернулся и стал наводить игольник на своего главного врага и разоблачителя — юного калеку. Майлз стоял неподвижно, словно загипнотизированный крохотной черной точкой дула...

Через секунду Фордроза был погребен под кучей все еще дюжих тел в развевающихся красных мантиях. Айвену выпала честь нанести первый удар, и он с силой лягнул предателя в колено.

Майлз стоял перед императором. В зале воцарилась гробовая тишина, горе-обвинители были взяты под стражу и отправлены в камеры. Теперь настал черед настоящего разбирательства.

Грегор тяжело вздохнул и нервным жестом подозвал к себе лорда-церемониймейстера. Несколько минут они тихо совещались, затем церемониймейстер объявил:

— Император объявляет перерыв на один час для изучения новых обстоятельств дела. В качестве аудиторов* приглашаются граф Форволк и граф Форхалас.

Они цепочкой проследовали в совещательную комнату: первый — Грегор, за ним — граф Форкосиган, Майлз с Айвеном и оба аудитора, выбранные по не совсем понятной Майлзу логике. Генри Форволк — это еще куда ни шло: он был одним из немногих ровесников императора и к тому же его личным другом. В Совете графов он стал ядром, вокруг которого начинало формироваться новое поколение особ, приближенных к трону. Но граф Форхалас...

Это был самый старый и самый непримиримый враг его отца — с тех пор, как сыновья графа погибли, встав на сторону Фордариана, претендовавшего на трон. Это было восемнадцать лет назад... Майлз с неприязнью покосился на старика. Однажды его наследник бросил ночью солтоксиновую гранату в окно усадьбы Форкосиганов, решив таким образом отомстить за смерть младшего брата. Единственное, чего он добился, — казни за государственную измену. Сможет ли граф Форхалас устоять перед таким соблазном — жизнь молодого Форкосигана за жизнь своего старшего сына?

Но, с другой стороны, Форхалас был известен как честный и справедливый человек. Поэтому можно было предположить, что он примет нелегкое решение встать на сторону отца Майлза, не желая терпеть отвратительные козни Фордрозы. Два графа так долго враждовали, пережили стольких друзей и недругов, что их распря стала уж чем-то самодовлеющим, независимым от них самих. Пожалуй, выбор императора имел свой резон — никто не рискнул бы обвинить старика Форхаласа в симпатии к бывшему регенту...

Оба аристократа обменялись короткими поклонами, как пара фехтовальщиков перед поединком, и сели друг против друга.

*Аудитор — военный следователь в армиях континентальной Европы.

— Итак, — граф Форкосиган стал еще серьезнее и сосредоточеннее, — что на самом деле там произошло, Майлз? Я выслушивал доклады Иллиана, но они лишь порождали новые вопросы. А в последнее время я вообще не имел никаких вестей...

Майлз решил выиграть еще несколько секунд.

— Почему? Разве его агент больше не присылает донесений?

— Дело не в этом. Капитан Иллиан взят под стражу.

— Что?!

— Ждет суда. Он проходит по твоему делу о заговоре.

— Абсурд!

— Ничуть. Все очень логично. Моим противникам стало гораздо легче бороться со мной, когда они лишили меня глаз и ушей.

Форхалас кивнул, словно говоря: «Да, я и сам поступил бы так же». А Майлз покраснел от стыда — то ли за себя, то ли за императора.

— Ничего, — сухо усмехнулся отец. — Ему не повредит побыть несколько дней по ту сторону решетки. Весьма поучительный опыт. Но он, конечно, на тебя сердит.

— Проблема в том, — как-то отстраненно проговорил Грегор, — что неизвестно, кому служит капитан Иллиан — мне или моему премьер-министру.

В глазах императора, в каждом его жесте сквозила неуверенность.

— Тот, кто служит мне, служит вам, — напомнил граф Форкосиган. — Ручеек опыта каждого из ваших подданных вливается в широкую реку государственной власти. А вы — устье этой великой реки.

Никогда еще из уст отца Майлз не слышал ничего более близкого к лести. Значит, он действительно встревожен не на шутку.

— Вы несправедливы к Саймону Иллиану, подозревая его, — продолжал Форкосиган. — Он верой и правдой служит вам, как до того служил вашему деду.

«Интересно, что я за приток в этой гидросистеме? — размышлял Майлз. — Некоторые из моих наемников

способны изрядно подпортить чистоту воды». Он взглянул на отца.

— Вы спрашиваете, что там произошло?

Теперь перед ним возникла новая трудность: с чего начать? Быстро восстановив в памяти хронологию событий, Майлз решил выбрать отправной точкой встречу с Ардом Мэйхью на Колонии Бета. Пришлось, конечно, упомянуть и об обстоятельствах знакомства с Базом Джезеком. Услышав это имя, отец поморщился, но ничего не сказал.

После этого пошло уже легче: блокада, высадка, битвы. Майлз так увлекся рассказом, что при описании одного из эпизодов кресло императора стало оссеровским флотом, Генри Форволк — капитаном Тангом, а отец — сразу всеми пеллианами...

Гибель Ботари. Граф Форкосиган слушал, погрузившись в себя, но потом сказал:

— Что ж... Теперь он избавлен от страшного груза и обрел покой.

Майлз покосился на императора и решил умолчать об откровениях инженера Висконти касательно принца Зерга. Судя по быстрому одобрительному взгляду, которым наградил его отец, это было правильно.

К тому моменту, как он приступил к последним страницам своего повествования — снятию пеллианской блокады, — Грегор слушал его, восхищенно открыв рот, да и глаза старого графа Форкосигана выражали явное удовольствие. Но едва Майлз добрался до встречи с Айвеном и тех выводов, которые он сделал, услышав рассказ кузена, как раздался знакомый сигнал часов. Майлз расстегнул карман и достал фляжку.

— Это еще что такое? — отец даже привстал с места.

— Нейтрализатор избытка желудочного сока. Не желаете? — вежливо предложил он.

— Благодарю, не откажусь, — отец отпил из фляжки с таким серьезным видом, что Майлз засомневался, шутил ли он.

История близилась к завершению. Он кратко и четко обрисовал причины, вынудившие его прибыть на плане-

ту тайно, указав в качестве основной необходимость застать врасплох Хессмана и Фордрозу. Айвен подтвердил рассказ своими свидетельскими показаниями. Бледные щеки Грегора покрылись румянцем мучительного стыда. «Извини, что мне пришлось открыть тебе глаза, — подумал Майлз, — но ты среди нас единственный, кто не может позволить себе роскошь удобных иллюзий. И ты еще предполагал, что я хочу занять твое место — Боже упаси!»

Наконец Майлз умолк. Император сидел, а граф Форкосиган поглядывал на сына удивленно, печально и задумчиво.

— И все-таки, — заговорил Грегор, — для чего еще могло вам понадобиться сколачивать такой большой флот, как не для завоевания трона — если не на Барраяре, то на какой-нибудь другой планете?

— Ваше величество, — тихо сказал Майлз. — Вспомните — когда мы зимними вечерами играли в императорском дворце, я всегда был верным Форталией. Вы, знающий меня с детства, — как вы могли усомниться в моей преданности? Наемники Дендарии — это, если угодно, одно сплошное недоразумение. Я никогда не замышлял ничего подобного — все получилось само собой, в то время как я старался выпутаться из трудного положения, в которое угодил совершенно случайно. У меня всегда была единственная мечта — стать офицером и служить Барраяру так же, как отец. Но когда оказалось, что цель эта для меня недостижима, я решил хоть чего-нибудь добиться, чтобы, — Майлз поднял взгляд на отца, — чтобы посвятить ему свою жизнь. — Он пожал плечами. — И опять у меня ни черта не вышло...

— Я всего лишь кусок плоти, мой мальчик, — хрипловато сказал граф Форкосиган. —Я недостоин такого щедрого подарка.

В этот миг Майлз начисто забыл о предстоящем суде — он закрыл глаза и весь ушел в мысли о чем-то сокровенном, спрятанном в глубине души. Грегор, выросший без отца, смущенно отвернулся. Граф Фор-

халас тоже опустил взгляд, как будто стал свидетелем сцены, не предназначенной для его глаз и ушей.

Но вот император пошевелился и робко положил руку на плечо своего верного слуги и защитника, бывшего имперского регента, графа Эйрела Форкосигана.

— Я тоже всегда стремился служить Барраяру, — сказал он. — Мой долг — вершить справедливость. Но сейчас у меня едва не получилось наоборот.

— Ты попал в компанию бесчестных людей, мой мальчик, — очень тихо произнес граф Форкосиган. — Такое может случиться с каждым. Главное — извлечь из этого урок.

Грегор вздохнул.

— Помнишь, Майлз, как мы с тобой играли в «страто»? Ты всегда выигрывал, хоть я и неплохо знал твою тактику — но постоянно сомневался в том, что знаю.

Майлз опустился на колено и склонил голову.

— Какова будет воля вашего величества?

— Дай Бог, чтобы меня всегда окружало побольше таких заговорщиков, как вы. — Грегор повернулся к аудиторам. — Что скажете, милорды? Согласны ли вы, что обвинение Фордрозы в корне ложно? И готовы ли засвидетельствовать это перед пэрами Барраяра?

— Я буду счастлив это сделать! — воскликнул Генри Форволк. После захватывающего рассказа о дендарийских наемниках кадет-второкурсник буквально влюбился в Майлза.

Но граф Форхалас был так же холоден и невозмутим.

— Обвинение в заговоре с целью узурпации трона беспочвенно, — согласился старик. — И я, безусловно, буду об этом свидетельствовать. Но существует и другая статья: сам лорд Форкосиган признал себя виновным в нарушении закона Форлопулоса. А это как раз и приравнивается к государственной измене.

— Совет графов не выдвигал этого обвинения, — сдержанно заметил старший Форкосиган.

— И кто посмеет, после того что случилось... — усмехнулся Генри Форволк.

— Человек, беззаветно преданный империи и превыше всего почитающий историю нашего правосудия, — все так же бесстрастно произнес Форкосиган, — человек, которому нечего терять, может и посметь. Не так ли? — Он обращался к своему седовласому врагу.

— Молись, Форкосиган, — прошептал Форхалас. — И моли о пощаде, как я тогда... — его наигранное хладнокровие исчезло, как дым на ветру: он дрожал всем телом.

Граф посмотрел на него долгим задумчивым взглядом, потом проговорил:

— Если вам угодно...

И опустился на колено перед врагом.

— Проявите снисхождение. А я позабочусь, чтобы мой сын больше не совершал ничего подобного.

— Это сказано слишком заносчиво...

— Будьте так добры...

— Я хочу услышать: «Умоляю вас!»

— Я умоляю вас, — послушно повторил граф Форкосиган.

Майлз безуспешно искал в позе отца признаки закипающей, сдерживаемой ярости. Но перед ним был старый, сгорбленный человек, смирившийся со своей судьбой, — а что творилось у него в душе, Бог знает. Грегор отвернулся, словно ему вот-вот станет дурно. Генри растерянно наблюдал за происходящим, глаза Айвена расширились от ужаса.

Форхалас меж тем казалось, впал в исступление.

— А теперь кланяйся, кланяйся, Форкосиган! — прошептал он в самое ухо своему врагу. Тот молча склонил голову.

«Я для него лишь приложение к отцу, орудие мести, — сообразил Майлз. — Пора обратить на себя внимание».

— Граф Форхалас, — громко произнес он, и все вздрогнули. — Граф, остановитесь. Неужели вы еще не удовлетворены? Представьте, что вы встретились с моей матерью, — будете ли вы тогда гордиться воспоминанием о сегодняшнем дне?

Форхалас, нахмурившись, посмотрел на Майлза.

— А неужели твоя мать, глядя на тебя, не поймет желания совершить возмездие?

— Моя мать называет горе великим даром. Посылаемые нам испытания, говорит она, есть благо, а тяжелые испытания — великое благо. Конечно, большинство считает, что она — человек со странностями, — задумчиво добавил Майлз и спросил, глядя ему прямо в глаза: — Итак, что вы предполагаете делать с вашим великим даром, граф Форхалас?

— Проклятье, — пробормотал старик. — У него взгляд его матери.

— Я это давно заметил, — шепнул в ответ Форкосиган. Форхалас раздраженно покосился на него и объявил:

— Я не святой, черт меня побери!

— От вас и не требуется святости, — успокоил его Грегор. — Но вы — мой вассал, принявший присягу. Вы полагаете, я буду доволен, если мои верные слуги будут рвать друг друга на части вместо того, чтобы приберечь силы на моих врагов?

Форхалас фыркнул и пожал плечами.

— Вы правы, ваше величество, — неохотно признал он. — Встаньте, наконец, — сказал он Форкосигану и спросил его, свирепо глядя на Майлза: — Скажите-ка, Эйрел, каким образом вы собираетесь держать в узде этого талантливого молодого маньяка вместе с его разношерстной армией?

Граф Форкосиган ответил неторопливо, роняя каждое слово, подобно каплям лекарства:

— Наемники Дендарии для меня — неразгаданная загадка. Какова будет ваша воля, ваше величество?

Император, по-видимому, не ждал, что его так скоро лишат удобной роли зрителя. Он почти с мольбой посмотрел на Майлза:

— Всякая организационная структура рождается, взрослеет и в конце концов умирает. Возможно, ваше наемное войско развалится само собой?

Майлз решился на откровенность:

— Я тоже хотел бы на это надеяться, ваше величество, но... когда я улетал, эта организационная структура выглядела на удивление здоровой.

Грегор поморщился, как от зубной боли.

— Так что мне теперь делать? Не посылать же на них свою армию, как поступал когда-то в подобных случаях Дорка, — слишком далекий переход!

— К тому же на их совести нет никаких преступлений, — поспешно вставил Майлз. — И большинство этих людей — не барраярцы. Они не имеют понятия, кто я такой на самом деле.

Грегор кинул беспомощный взгляд на графа Форкосигана, но тот с подчеркнутым вниманием изучал носки своих ботинок, словно говоря: «Помнишь, мой мальчик, как ты рвался самостоятельно принимать решения?»

— Вы император, так же, как Дорка, — сказал он спокойно. — Решение за вами.

Грегор снова обернулся к Майлзу:

— Насколько я понимаю, вы не могли прорвать блокаду путем вооруженного наступления и поэтому решили изменить тактику?

— Совершенно верно, государь.

— А я вот не в состоянии изменить закон Дорки, — вздохнул он. Забеспокоившийся было граф Форкосиган удовлетворенно кивнул. — Ведь этот закон в свое время спас Барраяр.

Император надолго замолчал, покачиваясь на волнах растерянности. Майлз лучше всех присутствующих понимал, каково ему в эту минуту, но помалкивал, покуда на монаршьем лике не утвердилось жалобное выражение школяра, проваливающего устный экзамен. Тогда он отважился.

— Отдельное подразделение дендарийских наемников императора, — изрек он.

— Что?

— А почему бы и нет? — Майлз пожал плечами и с поклоном протянул Грегору воображаемый предмет. — Я с радостью передаю мои войска в распоряжение ваше-

го величества. Назовите их Императорским эскадроном. Такой прецедент уже встречался в нашей истории.

— С кавалерийским соединением, — уточнил граф Форкосиган, но его взгляд заметно прояснился.

— Их можно называть как угодно, все равно они вне пределов барраярской юрисдикции, — нетерпеливо ответил Майлз. — И применять их тоже можно как угодно.

— Угодно кому? — сухо поинтересовался Форхалас.

— Вы же понимаете, что это личное мнение, выраженное в частной беседе, — поспешно произнес граф Форкосиган.

— Да, конечно, — с готовностью согласился Майлз. — Боюсь только, что наемники будут — как бы это сказать? — слегка озадачены, узнав о своем призыве в регулярную армию Барраяра. Но почему бы их, к примеру, не отдать в ведение департамента капитана Иллиана? Тогда статус дендарийского флота по-прежнему останется завуалированным. Пусть капитан сам и придумывает, как их лучше использовать. Секретный наемный флот Императорской службы безопасности Барраяра...

Это предложение не то что бы убедило, но, казалось, заинтересовало Грегора.

— А что? В этом может быть некоторая практическая польза... — Он оглянулся на своих советников, ища поддержки.

Граф Форкосиган с трудом сдержал улыбку.

— Да, Саймон будет счастлив, — пробормотал он.

— Вы думаете? — с сомнением спросил Грегор.

— Я вам это лично гарантирую, — и граф отвесил императору особенно глубокий поклон.

Форхалас усмехнулся и, прищурившись, посмотрел на Майлза:

— Твое счастье — ты чертовски умный парень!

— Так точно, сэр, — подтвердил юноша.

Им овладело чувство небывалой легкости: три тысячи солдат и Бог знает сколько тонн оборудования в одночасье свалились с его плеч. Он все-таки сделал это! Последний камушек мозаики встал на свое законное место.

— ...дурачка передо мной разыгрывает, — пробормотал Форхалас. — Он повысил голос и обратился к старшему Форкосигану: — Вы не ответили на первую часть моего вопроса, Эйрел.

В глазах графа Форкосигана мелькнул хитрый огонек:

— Да, нельзя позволять ему разгуливать где заблагорассудится. Мне самому страшно подумать, что он может натворить. Нужно ограничить порывы моего сына рамками заведения, где он будет занят с утра до ночи, и притом под надзором внимательных глаз, — он выдержал эффектную паузу. — Я предлагаю в качестве такого заведения Императорскую Военную Академию.

Майлз замер с открытым ртом. Все его мысли в последние дни были сосредоточены лишь на том, чтобы выскользнуть из-под опускающейся на него гранитной плиты закона Форлопулоса. Он не был уверен, что останется в живых, и уж тем более не мечтал о награде. Да еще о такой награде...

Отец повернулся к нему и сказал чуть тише:

— Разумеется, если вы не посчитаете это ниже своего достоинства, адмирал Нейсмит. Кстати, я до сих пор не поздравил вас с повышением по службе.

Майлз густо покраснел:

— Это же было сплошное надувательство, сэр, вы сами прекрасно знаете.

— Сплошное?

— В основном.

— О, ты научился хитрить — даже со мной... Тебе уже знакомо пьянящее чувство власти над людьми; сумеешь ли ты заставить себя подчиняться? Быть разжалованным — горькая пилюля, проглотить ее не так просто, — он многозначительно усмехнулся.

— Вы ведь тоже были разжалованы после Комарры, сэр.

— До капитана.

— У меня теперь луженый желудок,так что я переварю любую пилюлю. Ничего, сумею...

Граф Форхалас скептически повел бровями.

— Вы думаете, из него выйдет хороший прапорщик, а, адмирал Форкосиган?

— Думаю, прапорщик из него выйдет ужасный, — честно признал граф. — Но если измученные командиры не придушат его за чрезмерную... э-э... инициативу, то в один прекрасный день он станет отличным офицером Генштаба.

Форхалас с неохотой кивнул. Майлз и отец обменялись торжествующими взглядами.

По окончании двухдневного заседания Совет единогласно вынес оправдательный приговор. Сам Грегор во время голосования перешел в правую половину зала вместо обычного для императора центра, где по традиции оставались воздержавшиеся. Даже старые политические противники Форкосигана последовали за императором, хотя сделали это с таким видом, словно идут против совести.

Граф Форхалас оказался единственным воздержавшимся. Теперь можно было не сомневаться, что он не связан с Фордрозой — иначе попытался бы замести следы.

— Вот упрямый старый хрен, — с уважением пробормотал премьер-министр, еле успевая раскланиваться в ответ на сыпавшиеся со всех сторон поздравления. — С его убеждениями я вряд ли соглашусь, но его убежденности можно позавидовать.

Майлз молча наслаждался своим триумфом. По крайней мере Элен теперь ничто не угрожает.

Но был ли он счастлив?

Заросли дикого винограда, взбирающиеся по берегам озера неподалеку от Форкосиган-Сюрло, уже подернулись светлой зеленью. Теплый ветерок поднимал легкую рябь, и она рассыпалась по воде сверкающими блестками... Майлз где-то читал, что у некоторых народов существует обычай класть серебряные монеты на глаза усопших. Он представил, как солнечные блики

монетками опускаются на дно озера, серебряный слой растет, растет и вот на поверхности возникает серебряный остров...

Весна только началась, и почва в глубине не успела как следует оттаять. Майлз выбросил из ямы еще одну лопату промерзшей земли. Он копал с утра и теперь чуть не падал от усталости.

— Смотри, у тебя все руки в крови, — сказала ему мать. — Ты мог бы сделать то же самое за пять секунд с помощью плазменного пистолета.

— Кровь смывает грехи, — ответил он. — Так говорил сержант.

— Да...

Мать больше не проронила ни слова. Подошла к дереву, села, опершись спиной о толстый ствол и залюбовалась озером. Бетанское воспитание, подумал Майлз. Часами может не отрываясь смотреть на открытые, вольные пространства...

Ну вот и готово. Отец подал ему руку, помогая выбраться из ямы. Майлз нажал кнопку на гравитационной панели, и гроб медленно опустился к месту вечного успокоения Ботари. Сержанту всегда приходилось терпеливо дожидаться, пока Майлз закончит свою работу, и сегодня он ждал снова — в последний раз.

Засыпать могилу оказалось несравненно более легким и быстрым делом, чем вырыть. Надгробье, заказанное отцом, было еще не готово. Да это и неудивительно — ручная работа, как и все надгробья фамильного кладбища Форкосиганов. Здесь же, неподалеку, лежит прах его деда — рядом с бабушкиным. Бабушку по отцовской линии Майлз никогда не видел — она погибла во время гражданской войны.

Он поставил неглубокий бронзовый сосуд в ногах могилы; внутри лежали сухие веточки горного можжевельника и прядь его волос. Потом достал из кармана тот самый цветной шарф, бережно развернул его и положил в сосуд упругий черный локон. Мать добавила пучок жестких седых волос с головы графа Форкосигана и медно-рыжую прядь — от себя. Родители отошли в

сторону и, взявшись за руки, безмолвно глядели на свежий земляной холмик.

Майлз, подумав, положил шарф в жертвенную чашу.

— Боюсь, из меня получилась никудышняя сваха — не такая, как ты мечтал, — виновато прошептал он. — Но Бога ради не думай, что я хотел посмеяться над тобой. Баз ведь действительно любит ее, и он позаботится о ней... Легко давать слово, но гораздо труднее его сдержать. И все же... — он бросил в сосуд несколько кусочков ароматической коры, — тебе будет тепло здесь лежать. Ты будешь слышать плеск волн, будешь видеть, как волнуется наше озеро... Снова придет зима, а за ней опять наступит весна... Никаких войск, никаких парадов — тишина и покой. Здесь даже в безлунную ночь не бывает темно. В таком месте Бог обязан тебя заметить. И на тебя, старый верный пес, хватит его милости.

Он зажег жертвенник.

— Прошу тебя — когда эта чаша переполнится, дай и мне испить из нее глоток.

ЭПИЛОГ

Учения по аварийной стыковке начались глубокой ночью. «Все правильно, я и сам назначил бы на это время», — подумал Майлз. Вместе с другими курсантами он бежал по коридорам орбитальной станции. Завтра утром для их группы заканчивался четырехнедельный кошмар тренировок в условиях невесомости. Но сладкие мечты об увольнительной на планету, составлявшие прошлой ночью основную тему разговоров в офицерском кубрике, были не для него...

Он примчался к своему рабочему месту одновременно с инструктором и еще одним курсантом. Лицо инструктора напоминало бесстрастную маску. Зато курсант Костолиц с оскорбительным любопытством оглядел его с головы до ног.

— Все еще таскаешь с собой эту допотопную свинорезку? — Он кивнул на кинжал, висевший у Майлза на поясе.

— У меня есть разрешение, — спокойно ответил Майлз.

— Может, и спишь с ним?

Майлз вежливо улыбнулся:

— И сплю.

С этим парнем у него по-прежнему были сложности. Майлз изучил историю Барраяра и знал, что классовая неприязнь процветала среди офицеров имперской армии: иногда в явной форме, как в случае с Костолицем, иногда — завуалированно. Следовало не просто решить эту проблему, но научиться решать ее творчески, если он хочет, чтобы будущие подчиненные служили ему как должно.

Временами ему начинало казаться, что он видит душу Костолица насквозь, как на экране диагностического аппарата — со всеми ее комплексами, недугами и язвами затаенных обид. Терпение, убеждал себя Майлз, только терпение. Клиническая картина ясна, и как только подвернется возможность, мы займемся терапией. А пока будем наблюдать и набираться опыта.

С тех пор как они в последний раз работали в паре, Костолиц успел обзавестись узкой зеленой повязкой на рукаве. Инструктор, придумавший эти знаки отличия, — большой остряк, подумал Майлз. Нарукавные повязки были чем-то вроде плюсов в карточке успеваемости, только наоборот: зеленая — условное ранение, желтая — условная смерть. Какой из двух наградить, решал инструктор, планировавший данную учебную катастрофу. Очень немногие ухитрились пройти тренировочный цикл, не получив целой коллекции цветных ленточек. Накануне Майлз встретил Айвена Форпатрила, щеголявшего двумя зелеными и одной желтой. Это был далеко не предел — некий бедолага, отдыхавший вчера в офицерском кубрике, умудрился, судя по повязкам, уже пять раз побывать на том свете.

Неудивительно, что рукав Майлза, лишенный подобных украшений, стал в последнее время объектом пристального внимания начальства. А среди однокурсников он заслужил двойственную репутацию: одни стремились заполучить Майлза в свои группы, считая, что его присутствие имеет свойство отваживать роковые повязки, другие, более наблюдательные, шарахались от него как от чумы, убедившись, что получается как раз наоборот. Майлз понимал, что инструктор приготовил ему какой-то особенный «подарок», и все его мышцы пели в предвкушении горячей работенки.

Костолиц, зевнув и отпустив последнюю шпильку по поводу барского украшения на поясе Майлза, занял место перед приборной панелью и начал проверку бортового инвентаря по контрольному списку. Майлз опустился в соседнее кресло и тоже погрузился в работу. Инструктор прохаживался между ними, заглядывая то одному, то другому через плечо. «У моих дендарийских похождений есть хотя бы один положительный итог, — думал Майлз, готовясь к расстыковке. — После операции на желудке космическая болезнь не возвращается. Правду говорят — нет худа без добра».

Костолиц заторопился — инструктор включил хронометраж. Кадет подскочил к ящику с аварийными кислородными масками, быстро пересчитал их, не открывая прозрачной крышки, и ринулся дальше. Майлз хотел ему кое-что подсказать, но прикусил язык. Ничего не выйдет, он только разозлится и обидится еще больше. Терпение, только терпение. Так. Что проверить в первую очередь? Аптечку. Она висит на своем месте, аккуратно зажатая в настенных креплениях. Чутье подсказывало ему, что нужно заглянуть внутрь — удостовериться, не покопался ли кто-нибудь в ней накануне. Майлз откинул крышку... Пластыри, полимерные бинты, таблетки, жгут, дыхательная трубка, кислородный баллон — вроде бы никаких сюрпризов.

Он провел рукой по дну аптечки —и похолодел. Неужели миниатюрный пластиковый взрыватель? Фу, черт возьми! Это же обыкновенная присохшая жевательная резинка!

Костолиц закончил свою часть проверки и поджидал Майлза, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Загнав пластину с заполненным списком в ячейку компьютера, рослый кадет скользнул в пилотское кресло.

Внезапно Майлз заметил, что нагрудный карман инструкторского комбинезона как-то странно оттопырен. Он похлопал по своим карманам и изобразил на лице виновато-растерянную улыбку:

— Ой, сэр, я, кажется, задевал куда-то мой световой карандаш. Разрешите воспользоваться вашим?

Инструктор с неохотой выдал просимое. А Майлзу хватило одного взгляда, чтобы засечь, что вместе с карандашом из его нагрудного кармана выглянули застежки трех туго сложенных кислородных масок-фильтраторов. Странно. Самые осторожные обитатели космических станций частенько носят с собой аварийные респираторы, но чтобы три сразу! Ведь на борту целых двенадцать кислородных масок — Костолиц только что проверил. Хотя нет — Костолиц их только пересчитал!

— Карандаши казенные! — холодно заметил инструктор. — Если будете терять их каждый день, Центральная бухгалтерия вытрясет из нас душу.

— Так точно, сэр. Благодарю вас, сэр. — Майлз подписал контрольную пластинку и, сделав движение, чтобы спрятать добычу в карман, внезапно извлек оттуда свой карандаш.

— Ой, а вот и мой! Прошу прощения, сэр.

Он вложил пластинку в ячейку и пристегнулся к креслу второго пилота. Хотя кресло было поднято и выдвинуто вперед до максимума, он едва дотягивался ногами до педалей. Да, оборудование имперского флота не так легко подстроить под себя, как то, что стоит на кораблях наемников. Ну ничего, зато еще немного

практики — и его судьба больше не будет зависеть от наличия или отсутствия пилотов.

Но сейчас, по предварительным условиям, «рулить» должен был Костолиц. Катер рывком выскочил из стыковочного узла и тут же, набрав бешеную скорость, устремился к следующей орбитальной станции — конечному пункту короткого тренировочного полета.

Жуткая перегрузка вмяла Майлза в кресло. Кислородные маски... контрольный список... сейчас что-то должно произойти. Минуты тянулись невыносимо долго.

В задней части кабины раздался громкий нарастающий свист. Он был готов к этому, но сердце все равно отчаянно забилось. Курсанты резко обернулись и тут же поняли, в чем дело. Костолиц яростно выругался, Майлз лишь громко выдохнул.

Из рваной дыры в стенной панели била струя плотного зеленого газа, словно обшивку пронзил метеорит. Наверняка этим «метеоритом» послужила пластиковая мина — иначе из кабины выходил бы воздух, а не наоборот, да и инструктор не сидел бы так спокойно, наблюдая за ними.

Костолиц бросился к ящику с кислородными масками, а Майлз — к пульту управления. Он быстро переключил фильтры с режима переработки в режим вытяжки, а затем одним движением врубил вспомогательные двигатели системы ориентации на полную мощность. Катер содрогнулся и закрутился вокруг своей продольной оси. Их резко бросило вперед. Газ-охладитель, более тяжелый, чем воздух, начал медленно расползаться по стенкам кабины, отжимаемый центробежной силой.

— Что ты делаешь, придурок! — заорал Костолиц, пытаясь дотянуться до респиратора.

В первую секунду инструктор, казалось, был склонен согласиться с такой характеристикой Майлза, но внезапно его лицо прояснилось. Он поглубже вжался в кресло, из которого начал было вываливаться, и стал с интересом наблюдать, что будет дальше.

Майлзу некогда было отвечать на глупые вопросы. «Сейчас сам поймешь», — подумал он. Костолиц меж тем натянул дыхательную маску, попробовал вдохнуть... сорвал респиратор, отшвырнул его в сторону и схватил следующий. Майлз покачал головой и двинулся вдоль стены к аптечке.

Мимо пролетела еще одна кислородная маска. Пустые баллоны, дело ясное. Нужно было не считать респираторы, а проверить, в каком они состоянии. Майлз рывком открыл аптечку и достал дыхательную трубку и два Y-образных переходника.

Костолиц отшвырнул уже третью маску и стал пробираться к ящику, где лежали остальные. Газ обжигал Майлзу ноздри, но в опасной концентрации он успел накопиться лишь в противоположном конце кабины. Пока.

В это время раздался вопль ужаса и ярости, прерванный надсадным кашлем. Это Костолиц наконец удосужился взглянуть на контрольное табло, где высвечивались показатели готовности масок к работе. Майлз усмехнулся, выхватил из ножен дедовский кинжал, разрезал дыхательную трубку на четыре части, вставил Y-образные переходники и закрепил их кусками пластыря. Воткнув это развесистое кальяноподобное сооружение в патрубок аварийного кислородного баллона, Майлз двинулся к инструктору.

— Не желаете ли воздуха, сэр? — Он церемонно предложил офицеру один из концов «кальяна». — Вдох — ртом, выдох — через нос.

— Благодарю, кадет Форкосиган, — с чувством сказал инструктор, принимая подношение.

Отчаянно кашляющий Костолиц, вытаращив глаза, полез к ним, чуть не проломив ботинками пульт управления. Майлз, не менее любезно, протянул ему вторую трубку. Тот жадно присосался к ней, и из глаз у него хлынули слезы — видимо, от едкого охладителя. А может, и еще кое от чего, подумал Майлз.

Зажав в зубах кислородный шланг, Майлз начал карабкаться по стене. Костолиц дернулся было за ним, но тут же обнаружил, что у них с инструктором слишком короткие трубки. Им оставалось только беспомощно наблюдать. Майлз прикинул длину своего шланга. Должно хватить, едва-едва, но должно.

Газ-охладитель постепенно заполнял кабину катера. Майлз стал считать панели: 4a, 4b, 4c — кажется, эта. Он вскрыл панель — под ней находились аварийные вентили трубопровода. Этот? Нет, вон тот. Он попытался повернуть вентиль, но потная ладонь соскользнула, и Майлз рухнул прямо в густое облако газа-охладителя. Кислородная трубка вырвалась у него изо рта и забилась на полу, словно раненая змея. Он бы наверняка отчаянно заорал — но был вынужден задержать дыхание. Инструктор попытался броситься к нему на помощь, но не успел. Пока он возился со своим нагрудным карманом, Майлз ухватился за стену, встал и все-таки добрался до потерянной кислородной трубки. Попробуем еще разок. Он изо всех сил сжал пальцы поверх вентиля. Так, теперь поворачиваем... Свист вытекающего газа превратился в шипение и наконец затих.

Слой фреона стал уменьшаться на глазах — заработали воздухоочистители. Майлз дрожа — но не сильно, самую малость — дополз до своего кресла, забрался в него и молча застегнул ремни. Комментариев не требовалось, да и делать их с резиновыми трубками в зубах было неудобно.

Кадет Костолиц, вспомнив, что в этом полете пилотом назначен он, вернулся к пульту управления. Воздух окончательно профильтровался, и во вращении уже не было нужды. Костолиц выключил поворотные двигатели и медленно повел катер к причалу.

В стыковочном узле станции их ждал не кто-нибудь, а сам старший инспектор. Рядом с ним приплясывал от нетерпения инженер-ремонтник. Старший лучезарно улыбался, пошлепывая по рукаву двумя желтыми повязками.

Инструктор, Майлз и Костолиц вздохнули и, кивнув на повязки, произнесли хором:

— Нет.

— Нет?

Майлз не уловил, что преобладало в ответном возгласе — изумление или разочарование.

— Нет.

— Сначала я сам должен убедиться в этом, — заявил инспектор.

Начальство нырнуло в открытый люк катера, оставив курсантов наедине.

Костолиц откашлялся и проговорил:

— Этот твой... клинок оказался довольно кстати.

— Да, иногда бывают моменты, когда им гораздо удобнее резать, чем плазменным пистолетом. Например, если помещение наполнено горючим газом.

— Дьявол! — воскликнул пораженный Костолиц. — Ведь эта дрянь действительно могла взорваться, смешавшись с кислородом! А я даже... — Он осекся и опять прокашлялся. Потом, подозрительно прищурившись, спросил: — Признавайся, ты ведь знал обо всем заранее?

— Не совсем. Просто, когда я увидел три маски в кармане инструктора, то понял, что надо ждать какого-то подвоха.

— Значит... — Костолиц оглянулся. — Значит, ты знал, что твой карандаш на месте?

— Конечно.

— Дьявольщина...

Костолиц сник окончательно. Сгорбленный, покрасневший, мрачный...

Вот теперь — пора, решил Майлз.

— Я знаю одно местечко в Форбарр-Султане, — проговорил он с гениально сыгранной застенчивостью, — где можно купить хороший клинок. Не то что казенное барахло. Там можно приобрести действительно хорошую вещь — если знать, где и что искать.

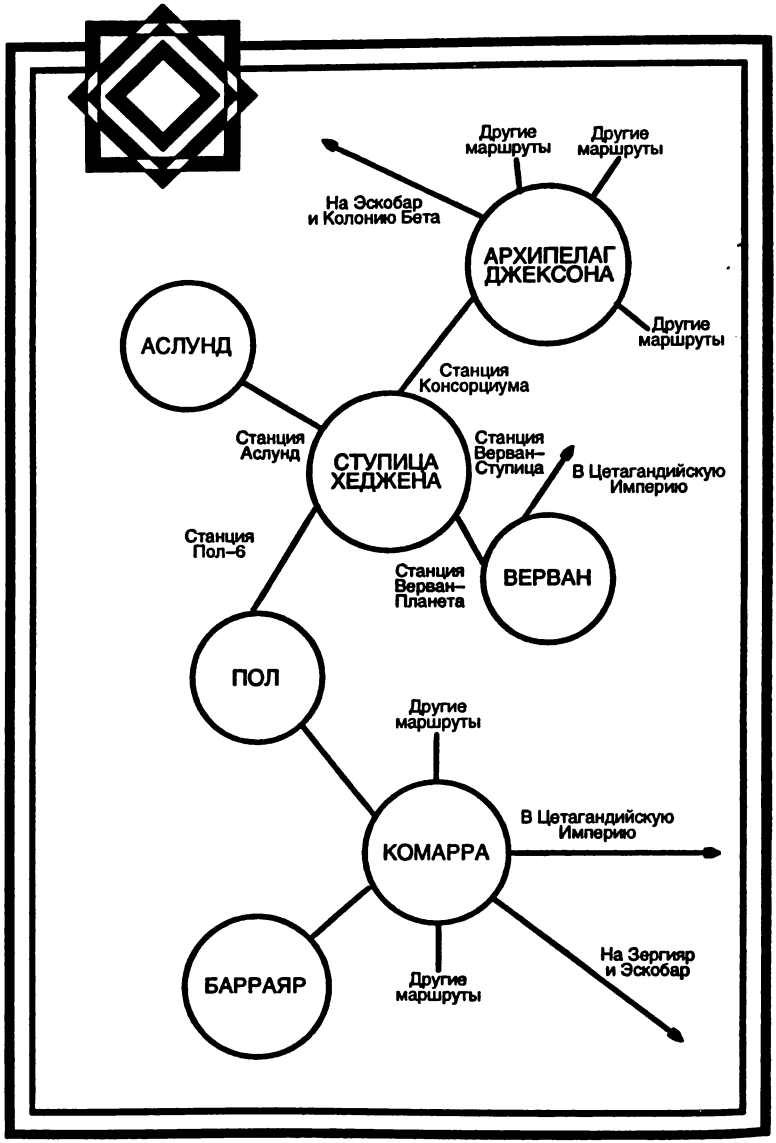
— Правда? — Костолиц начал медленно распрямляться, словно с его плеч сняли тяжелый груз. — Но ты ведь... э-э...

— Это такой небольшой магазинчик, скорее, даже лавчонка. Если тебя интересует — я могу показать во время увольнительной или на каникулах.

— В самом деле? Ты... ты... Да, меня интересует, — произнес он с деланным бесстрастием. И вдруг — весело: — Конечно, интересует!

Майлз улыбнулся.

ИГРА ФОРОВ


Другие маршруты
Другие маршруты
На Эскобар и Колонию Бета
АРХИПЕЛАГ ДЖЕКСОНА
Другие маршруты
АСЛУНД
Станция Консорциума
Станция Аслунд
СТУПИЦА ХЕДЖЕНА
Станция Верван–Ступица
В Цетагандийскую Империю
Станция Пол–6
Станция Верван–Планета
ВЕРВАН
ПОЛ
Другие маршруты
В Цетагандийскую Империю
КОМАРРА
На Зергияр и Эскобар
БАРРАЯР
Другие маршруты

ГЛАВА 1

— На корабль! — ликующе воскликнул младший лейтенант, стоявший через три человека от Майлза. Он торопливо скользил глазами по строкам приказа о назначении, и лист тонкого пластика подрагивал в его руке. — Назначен младшим офицером по вооружению на имперский крейсер «Коммодор Форхалас»... Немедленно явиться в космопорт базы Тэнер для отправки на орбиту! — Получив тычок в спину, он совсем мальчишеским прыжком освободил место тому, кто стоял за ним.

— Младший лейтенант Плоз. — Сидевший за столом пожилой сержант с деланно-небрежным видом поднял двумя пальцами следующий пакет.

«Как долго занимает он эту должность в Имперской Военной Академии? — подумалось Майлзу. — Сколько сотен или тысяч молодых офицеров прошло перед его равнодушными глазами в этот первый, решающий момент их карьеры? Наверное, для него все они на одно лицо. Одинаковая новенькая зеленая форма. Одинаковые голубые пластиковые прямоугольники — знак только что полученного звания, — подпирающие воротничок. Одинаково голодные глаза бесшабашных выпускников самого элитарного учебного заведения имперской армии, мечтающих о блестящей военной карьере».

«Мы не просто шагаем в будущее, мы атакуем его».

Плоз отошел в сторону, приложил большой палец к папиллярному замку и расстегнул молнию пакета.

— Ну? — сказал Айвен Форпатрил, стоявший перед Майлзом. — Не томи нас.

— Лингвистическое училище, — пробормотал Плоз, продолжая читать. Он в совершенстве владел четырьмя барраярскими языками.

— Студентом или инструктором? — поинтересовался Майлз.

— Студентом.

— Ага. Значит, будешь изучать галактические языки. А после этого разведка и — счастливчик! — другие планеты, — сказал Майлз.

— Не обязательно, — ответил Плоз. — Меня могут засунуть в бетонную коробку у черта на рогах и заставят программировать переводящие компьютеры, пока не ослепну. — Но в его глазах светилась надежда.

Майлз милосердно умолчал о главном — что Плозу придется работать с начальником Имперской службы безопасности Саймоном Иллианом, человеком, который помнит все. Но, вероятно, Плозу — на его уровне — не придется сталкиваться с ядовитейшим Иллианом.

— Младший лейтенант Лобачик.

Кроме Лобачика, Майлз знал еще одного человека, столь же фанатически преданного идее службы, поэтому он не удивился, когда Лобачик, расстегнув свой пакет, задыхаясь произнес:

— Секретная служба императора! Усиленный курс по безопасности и контртерроризму.

— А, училище дворцовой охраны, — с интересом сказал Айвен, заглядывая через плечо Лобачика.

— Почетное назначение, — прокомментировал Майлз. — Иллиан обычно отбирает в кандидаты прослуживших лет двадцать ветеранов, увешанных медалями с головы до ног.

— Наверное, император Грегор попросил набрать людей его возраста, — предположил Айвен. — Эти красномордые ископаемые, которыми окружает его Иллиан, у меня лично вызывают тоску. Забудь о том, что у тебя есть чувство юмора, Лобачик: будешь немедленно дисквалифицирован.

«Если дело только в этом, — подумал Майлз, — потеря места Лобачику не угрожает».

— Неужели я действительно увижу императора? — потрясенно прошептал Лобачик. Он почти с ужасом взглянул на Майлза и Айвена.

— Возможно, ты будешь каждый день наблюдать за его завтраком, — деловито сказал Айвен и добавил: — Бедняга!

Интересно, кого он имел в виду: Лобачика или Грегора? Наверное, Грегора.

— Вы, форы, видели его. Как он выглядит?

Не дожидаясь, когда искорка в глазах Айвена материализуется в едкую шутку, Майлз торопливо заверил:

— Он очень простой. Вы друг другу подойдете.

Немного успокоенный, Лобачик отошел, на ходу перечитывая свой листок.

— Младший лейтенант Форпатрил, — нараспев произнес сержант. — Младший лейтенант Форкосиган.

Высокий Айвен взял свой пакет, Майлз — свой, и они освободили место, отойдя к товарищам.

Айвен расстегнул пакет.

— Ага. Для меня Имперский штаб в Форбарр-Султане. Я, чтоб вы знали, буду адъютантом коммодора Джолифа из Оперативного отдела. — Он нахмурился и перевернул листок: — Фактически с завтрашнего дня.

— О-о, — протянул младший лейтенант, вытянувший назначение на корабль и потому немножко задиравший нос. — Айвен собирается стать секретарем. Только берегись, если коммодор попросит тебя посидеть у него на коленях. Я слышал, он...

Айвен с добродушным видом сделал непристойный жест:

— Зависть, низкая зависть. Я буду жить, как штатский человек. Работа с семи до пяти, своя квартира в городе, и, должен вам заметить, на этих ваших кораблях нет ни одной девочки.

Голос Айвена был ровным и веселым, только глаза выдавали разочарование. Айвен мечтал служить на корабле. Они все мечтали об этом.

Майлз, может быть, больше всех. «Корабельная служба. И в конце концов — командование, как было с моим отцом, его отцом, его, его...» Надежда, мольба, мечта... Он медлил — из самодисциплины и, конечно, дикого страха. Потом решился: приложил большой палец к застежке и подчеркнуто аккуратно расстегнул пакет. В нем лежал пластиковый листок и несколько проездных документов... Показного спокойствия Майлза хватило на доли секунды, которые потребовались ему, чтобы уяснить смысл короткого текста. Не веря глазам, он остолбенело стоял, перечитывая все сначала, еще и еще раз.

— В чем дело, дружище? — Айвен заглянул ему через плечо.

— Айвен, — задыхаясь, произнес Майлз, — или у меня отшибло память, или у нас в научном разделе никогда не было курса по метеорологии.

— Пятимерная математика... Ксеноботаника... — Айвен перебирал названия дисциплин. — Геология и топография... Послушай, на первом курсе нам прочли несколько лекций по синоптическому обслуживанию полетов.

— Да, но...

— Ну, что еще они для тебя придумали? — спросил Плоз, готовый, смотря по обстоятельствам, поздравлять или сочувствовать.

— Я назначен старшим метеорологом базы. Где, черт ее дери, находится эта база Лажковского? Никогда о такой не слышал!

Сержант, сидящий за столом, злорадно улыбаясь, поднял голову.

— Я слышал, сэр, — вмешался он. — Она находится на острове Кайрил, рядом с Полярным кругом. Зимняя тренировочная база для пехоты. Пехтура именует ее «лагерь "Вечная мерзлота"».

— Пехоты? — переспросил Майлз.

У Айвена глаза на лоб полезли. Он уставился на Майлза.

— В пехоту? Тебя? Это несправедливо.

— Еще как, — слабым голосом ответил Майлз. На него холодным душем обрушилось сознание своей физической неполноценности.

Ценой тщательно скрываемых от всех пыток медикам как будто бы удалось скомпенсировать уродливую деформацию костей, от которой Майлз чуть не умер в детстве. Скрюченный, как лягушонок, сейчас он стоял почти прямо. Крошившиеся, как мел, кости обрели прочность. Ребенок, похожий на уродливого карлика, вырос в юношу ростом почти сто сорок пять сантиметров. Но даже это было компромиссом на грани возможного между длиной костей и их прочностью. Его врач до сих пор утверждал, что добавление последних пятнадцати сантиметров было ошибкой. Майлз достаточно часто ломал кости, чтобы согласиться с ним, но это уже не имело значения. Но он не мутант, нет... Если бы ему позволили приложить свои силы на императорской службе, он заставил бы забыть о своих слабостях. Абсолютно точно. В армии существуют тысячи занятий, при которых его необычная внешность и скрытый дефект ничего не значат. Он мог бы стать адъютантом или переводчиком в разведке. Или даже офицером по вооружению на корабле и заниматься своими компьютерами. Это ясно как Божий день. Но пехота? Кто-то подставил его. Или это ошибка. И она не была бы первой. Некоторое время Майлз стоял, крепко зажав в кулаке листок, затем направился к двери.

— Ты куда? — спросил Айвен.

— Поговорить с майором Сесилом.

Айвен присвистнул:

— Желаю удачи.

Не спрятал ли сержант, сидевший за столом, легкую усмешку, когда склонился над следующей пачкой пакетов?

— Младший лейтенант Дрот, — позвал он. Очередь продвинулась еще на шаг.

Когда Майлз вошел в кабинет и отдал честь, майор Сесил, присев на свой рабочий стол, говорил по видеотелефону.

Он взглянул на Майлза, потом на свой хронометр.

— Ага, меньше десяти минут. Я выиграл.

Пока майор отвечал на приветствие Майлза, его секретарь, кисло улыбаясь, вытащил из кармана тощую пачку денег, отделил банкноту в одну марку и молча протянул ее начальнику. Но веселье на лице майора было явно напускным. Он кивнул на дверь, и секретарь, оторвав лист пластика с только что отпечатанным текстом, вышел из комнаты.

Майор Сесил был человеком лет пятидесяти, подтянутым, уравновешенным, расчетливым. Чрезвычайно расчетливым. Официально он не являлся главой управления кадров, эту должность занимал офицер более высокого звания, но Майлз давно понял, что окончательные решения принимались именно Сесилом. И, разумеется, через его руки проходило каждое назначение выпускника академии. Майлзу было легко с ним, потому что учитель и ученый в майоре явно преобладали над военным. И еще потому, что этот изумительно умный человек был как никто предан своему делу. Майлз всецело доверял ему. До сегодняшнего дня.

— Сэр, — начал он, протягивая майору назначение. — Я не понимаю...

Сесил с довольным видом засунул в карман банкноту.

— Ты хочешь, чтобы я прочитал тебе приказ, Форкосиган?

— Нет, сэр. Я хочу знать... — Майлз прикусил язык. — Мне хотелось бы кое-что выяснить по поводу моего назначения.

— Начальник службы метеорологии. База Лажковского.

— Так... так, значит, это не ошибка? Это действительно мое назначение?

— Если там написано именно это, то твое.

— А вы... вы знаете, что единственным предметом, более или менее похожим на метеорологию, было синоптическое обслуживание полетов?

— Знаю. — Майор знал все, что касалось его работы.

Майлз помолчал. То, что майор отослал секретаря, означало приглашение к открытому разговору.

— В таком случае что это? Наказание?

«Что такого я сделал?»

— Почему же, младший лейтенант, — спокойно ответил Сесил. — Это совершенно обычное назначение. Разве вы ожидали чего-то экстраординарного? В мою задачу входит заполнять вакансии подходящими кандидатурами. Каждая заявка должна быть удовлетворена.

— Но эту должность может занять любой выпускник технического училища. — Майлз с трудом заставил себя разжать кулаки и говорить как ни в чем не бывало. — Там не нужен выпускник академии.

— Это верно, — согласился майор.

— Тогда почему? — воскликнул Майлз, и голос его прозвучал взволнованнее, чем ему хотелось бы.

Майор вздохнул и встал из-за стола.

— Потому что, Форкосиган, наблюдая за тобой, я заметил — а ты прекрасно знаешь, что из всех кадетов, исключая императора Грегора, ты находился под самым пристальным наблюдением, — Майлз коротко кивнул, — что, несмотря на твои выдающиеся способности, с тобой не все благополучно. Я не имею в виду твои физические недостатки. Хотя все, кроме меня, полагали, что ты не выдержишь и года.

Майлз пожал плечами:

— Это мое больное место, сэр. Я ничего не мог поделать.

— Ладно, оставим это. Ты обнаружил слабину совсем в другой области... как бы точнее выразиться... в области дисциплины. Ты слишком много споришь.

— Это не так, сэр, — обиженно начал Майлз — и остановился.

Сесил улыбнулся:

— Достаточно много. И потом, эта твоя неуместная привычка обращаться со старшими по званию, как с... э-э... — Майор замолчал, очевидно, подыскивая нужное слово.

— Равными? — попытался подсказать Майлз.

— Как со стадом, — четко произнес Сесил, — которым нужно управлять. Ты прирожденный лидер, Форкосиган. Я наблюдаю за тобой уже три года и поражен ростом твоего влияния. Возглавляешь ты учебную группу или нет, все всегда делается по-твоему.

— Неужели я был... столь непочтителен, сэр? — похолодев, спросил Майлз.

— Наоборот. Принимая во внимание твое происхождение, ты был на редкость прост и внимателен. Но, Форкосиган, — Сесил наконец заговорил серьезно, — имперская академия — это еще не имперская армия. Ты заставил своих товарищей уважать себя, потому что здесь, в академии, ценится светлая голова. Ты всегда был первым, когда требовалось раскинуть мозгами, и последним, когда речь шла о физических качествах. Да и то потому, что всем хотелось победить. И так было всегда и во всем.

— Мне нельзя отступать, сэр!

Сесил кивнул:

— Согласен с тобой. И все-таки должен же ты когда-нибудь научиться руководить обыкновенными людьми. И подчиняться приказам обыкновенных людей. Это не наказание, Форкосиган, и совсем не шутка. От моего решения зависят судьбы не только новоиспеченных офицеров, но и тех ни в чем не повинных людей, которые будут служить с ними. И если я серьезно просчитаюсь, то есть недооценю или переоценю человека, худо будет не только ему, но и окружающим. Так вот, через шесть месяцев (если не случится чего-нибудь непредвиденного) со стапелей имперской орбитальной верфи сойдет и будет укомплектовываться личным составом «Принц Зерг».

У Майлза перехватило дыхание.

— Вижу, до тебя дошло, — кивнул Сесил. — Новейший, самый быстроходный и мощный из всех кораблей его императорского величества. И с самым большим радиусом действия — он сможет находиться в автономном полете гораздо дольше, чем любой другой корабль. Это означает, что члены команды будут вынуждены все это

время довольствоваться обществом друг друга. Поэтому в данном случае Верховное командование обращает сугубое внимание на психологическую характеристику кандидатов.

Сесил наклонился к Майлзу, и тот инстинктивно сделал то же самое.

— Теперь слушай. Если ты сумеешь с чистым послужным списком продержаться шесть месяцев в отдаленном гарнизоне, короче, если перенесешь лагерь «Вечная мерзлота», я готов верить, что тебе по плечу любое назначение. И я поддержу твой рапорт с просьбой о переводе на «Принц». Но если напортачишь, — ни я и никто другой тебе не поможет. Плыви или тони, младший лейтенант.

«Лети, — подумал Майлз.— Хочу летать!»

— Сэр... а что представляет собой эта дыра?

— Я не хотел бы, чтобы у вас создалось предвзятое мнение, младший лейтенант Форкосиган, — ханжески произнес Сесил.

«Большое спасибо за информацию, сэр».

— Но почему пехота? Состояние моего здоровья... оно, конечно, не помешает службе, если будет принято во внимание, но не могу же я делать вид, что с ним все в порядке. Не лучше ли, не теряя времени даром, сейчас же спрыгнуть со стены и переломать себе ноги? — (Черт побери, если они хотят сразу убить меня, зачем я три года занимал место в самом дорогостоящем учебном заведении Барраяра?) — Мне почему-то казалось, что эти обстоятельства должны быть приняты во внимание...

— Офицер-метеоролог является техническим специалистом, младший лейтенант, — успокоил его майор. — Никто не собирается гонять тебя с полной боевой выкладкой. Не думаю, чтобы в армии нашелся офицер, согласившийся объяснять адмиралу причину твоей смерти. — И добавил немного холоднее: — Ваша светлость. Мутант.

Сесил сказал это без всякой насмешки в голосе, просто в очередной — какой по счету? — раз испытывая его. Майлз кивнул:

— Может быть, это поможет тем мутантам, которые последуют за мной.

— А ты что, уже думал об этом? — Сесил взглянул на него заинтересованно и даже одобрительно.

— Не один раз, сэр.

— Хм, — Сесил слегка улыбнулся, подошел к Майлзу и протянул руку: — Тогда удачи, лорд Форкосиган.

Майлз пожал протянутую руку.

— Благодарю вас, сэр. — Он начал перебирать свои проездные документы, сортируя их.

— Куда сначала? — спросил Сесил.

Очередная проверка. Должно быть, это стало для майора второй натурой. Неожиданно для себя Майлз ответил.

— В архивы академии.

— Что?!

— За пособием по военной метеорологии и другими материалами.

— Отлично. Кстати, твой предшественник задержится на пару недель, чтобы ввести тебя в курс дела.

— Весьма рад слышать, сэр, — искренне ответил Майлз.

— Мы не требуем от вас невозможного, младший лейтенант.

«Я понимаю. Всего лишь усложняете мне жизнь».

— Рад слышать, сэр. — Прощальное приветствие он отдал почти по всем правилам.

Последний отрезок пути на остров Кайрил Майлз проделал на автоматическом транспортном катере вместе со скучающим дежурным пилотом и восемьюдесятью тоннами продовольствия. Большую часть путешествия он провел в упорной зубрежке материалов по метеорологии. А поскольку расписание полетов было чистой формальностью — задержки на последних двух пунктах погрузки исчислялись часами, — к тому времени, когда катер приземлился на базе Лажковского, Майлз продвинулся в своих познаниях гораздо дальше, чем предполагал. В открывшуюся дверь грузового люка про-

никал тусклый свет лежащего на горизонте солнца. Несмотря на лето, столбик термометра показывал всего пять градусов выше нуля.

Первым, что увидел Майлз, была встречающая транспорт группа солдат в черной форме сопровождаемых усталым капралом. Казалось, никому нет дела до вновь прибывшего. Майлз поежился под своей курткой и двинулся навстречу солдатам.

Двое в черной форме, наблюдавшие, как он спускается по трапу, перекинулись между собой несколькими фразами. Они говорили на барраярском греческом — редком диалекте земного происхождения, основательно изменившемся за столетия Изоляции. Майлз, измотанный с дороги, завидев на их лицах давно знакомое ему выражение, тотчас же решил притвориться, что не понимает языка. К тому же Плоз не раз говорил ему, что у него отвратительное произношение.

— Взгляни-ка вон туда. Это что за коротышка?

— С них станется послать нам офицером сосунка, но этот слишком уж маловат.

— Слушай, да это и не парень. Какой-то чертов гном. Акушерка при родах явно ошиблась. Разрази меня гром, если это не мутант!

Майлз с трудом сдержался, чтобы не обернуться. Уверившись, что их не понимают, собеседники заговорили в полный голос:

— А почему этот урод в форме?

— Может, это наш новый талисман?

Старые генетические страхи настолько укоренились в людях, что даже теперь они могли растерзать какого-нибудь калеку, не ведая, что творят. Майлз отдавал себе отчет в том, что его защищает положение отца, но с теми, кто стоял ниже на социальной лестнице, случались просто страшные истории. Два года назад в Форбарр-Султане бандой пьяных негодяев с помощью разбитой бутылки из-под вина был кастрирован безногий инвалид. И то, что случившееся обернулось скандалом, считалось большим прогрессом. Раньше такие вещи никого не удивляли. Недавнее детоубийство во

владениях Форкосиганов лишний раз подтвердило опасность. В такой ситуации положение в обществе или в армии имеет свои преимущества, и Майлз собирался воспользоваться ими немедленно.

Он одернул куртку, чтобы были видны офицерские петлицы на воротнике:

— Послушайте, капрал! Мне приказано явиться к лейтенанту Ану, метеорологу базы. Где я могу найти его?

Ему пришлось дожидаться, пока капрал соизволит поздороваться с ним согласно уставу. Наконец до того дошло, что Майлз действительно может быть офицером.

С запозданием он поднес руку к виску:

— Извините, что вы сказали, сэр?

Майлз невозмутимо отдал честь и повторил вопрос.

— А, лейтенант Ан. Он обычно прячется — то есть я хотел сказать, находится — в своем офисе. В главном административном корпусе. — Капрал взмахом руки указал на двухэтажное здание из сборного железобетона, возвышающееся позади приземистых складских помещений, расположенных вдоль асфальтированного шоссе в километре от них. — Вы не ошибетесь — это самое высокое здание базы.

«К тому же, — подумал Майлз,— самое заметное, судя по торчащим на крыше антеннам связи. Отлично. Не стоит ли вручить багаж этим болванам и попросить, чтобы его доставили куда надо? Или остановить их работу и приказать довести его на погрузчике?»

Он представил себя торчащим на капоте машины, подобно носовой статуе парусника, и двигающимся навстречу судьбе в сопровождении полутонны подштанников с обогревом, длинных, по две дюжины в упаковке, артикул № 6774932. И решил топать пешком.

— Благодарю вас, капрал.

С вещевым мешком за плечами Майлз зашагал в указанном направлении, остро чувствуя, что все видят его хромоту и выступающие под брюками (из-за добавочной нагрузки) стержни экзоскелета. Расстояние оказалось больше, чем ему показалось сначала, но он постарался

не останавливаться и не спотыкаться, пока не исчез из виду за первым складом.

База казалась безлюдной. И неудивительно. Обычно ее заполняли пехотинцы, в зимнее время обучающиеся здесь в два потока. Сейчас здесь оставался только постоянный персонал, а большинство сотрудников вдобавок во время короткой летней передышки наверняка взяли отпуск. Поэтому Майлз дошел до административного корпуса, не встретив по пути ни одного человека.

Информационное табло с планом здания, судя по наклеенной на экран бумажке, было испорчено. Майлз пошел по единственному коридору, ведущему направо, в надежде отыскать кого-нибудь живого. В комнате с табличкой «Бухгалтерия» сидел человек, одетый в черную форму с красными лейтенантскими петлицами на воротнике. Уставившись на экран головизора с длинными колонками цифр, он вполголоса чертыхался.

— Где тут у вас метеостанция? — вежливо спросил Майлз, остановившись в дверях.

— На втором. — Лейтенант, не поворачивая головы, ткнул рукой в потолок и придвинулся к экрану, по-прежнему чертыхаясь. Майлз не стал его больше беспокоить и тихонько пошел дальше.

Наконец он отыскал нужную ему дверь с выцветшей надписью. Остановившись перед нею, Майлз скинул вещмешок, положил на него куртку и осмотрел себя. После четырнадцатичасового путешествия его новенькая форма, конечно же, помялась. И все же он, насколько это было возможно, сумел уберечь одежду и обувь от крошек, грязи и прочих нежелательных наслоений. Майлз сложил пилотку и аккуратно засунул ее за пояс. К этому моменту он шел полжизни и пересек полпланеты. Понадобилось три напряженнейших года в академии, чтобы как следует к нему подготовиться. И все же это была только учеба. Теперь он лицом к лицу столкнется с реальностью. Встретится со своим первым настоящим командиром. Первое впечатление, особенно в его случае, может определить всю его жизнь... Майлз глубоко вздохнул и постучал.

Из-за двери послышался приглушенный ответ, слов было не разобрать. Приглашение? Майлз толкнул дверь и вошел.

В глаза ему сразу бросились горящие экраны компьютеров и головизоров, занимающие одну из стен, а в лицо ударила волна горячего воздуха. Жара стояла несусветная. Уловив слева от себя какое-то движение — если не считать света экранов, в комнате было темно, — Майлз повернулся и отдал честь.

— Младший лейтенант Форкосиган для несения службы прибыл, сэр! — отчеканил он, вглядываясь и никого не видя.

Звуки доносились снизу. На полу, прислонившись спиной к столу, сидел небритый мужчина лет сорока в нижнем белье. Он улыбнулся Майлзу и, помахав наполовину пустой бутылкой с янтарного цвета жидкостью, пробормотал:

— Пр-р-вет, парень. Ты мне нр-р-рвис-с-я, — после чего медленно свалился на пол.

Майлз во все глаза смотрел на него и не мог вымолвить ни слова. А мужчина захрапел.

Прикрутив отопление, сняв китель и накинув одеяло на лейтенанта Ана (это был именно он), Майлз решил передохнуть и осмотреться. Было ясно, что без инструкций ему не обойтись. Кроме непрерывно передаваемых на экраны спутниковых изображений, сюда постоянно поступала информация с десятка раскиданных по острову автоматических метеостанций. Если руководства по управлению всем этим хозяйством и существовали, здесь их явно не было. Смущенно поглядывая на распростертого на полу и храпящего человека, Майлз после некоторого замешательства проинспектировал ящики стола, папки с документацией, стоящие на стеллажах, затем заглянул в компьютерные файлы.

Это кое-что дало. В частности, выяснилось, что лейтенанту Ану, прослужившему двадцать лет, оставалось несколько недель до отставки. Последнее повышение в звании он получил давным-давно, а последняя пере-

мена места службы произошла еще раньше — он был бессменным метеорологом базы в течение последних пятнадцати лет.

«Бедняга торчит на этом айсберге с тех пор, как мне исполнилось шесть лет», — прикинул Майлз — и содрогнулся. Трудно сказать, было ли пьянство Ана следствием его заточения на этом чертовом острове или причиной. Что ж, если он к завтрашнему дню протрезвеет настолько, чтобы показать Майлзу что к чему, прекрасно. Если нет, Майлз придумает пару-тройку способов, от жестких до мягких, чтобы привести бедолагу в чувство. Когда он выложит все, что знает, пусть себе возвращается в исходное состояние, пока не придет пора грузить его в отходящий транспорт.

Решив таким образом судьбу Ана, Майлз надел китель, сунул вещмешок с пожитками в угол и отправился на разведку. Должен же здесь найтись хоть один трезвый нормальный индивидуум, выполняющий повседневную работу, иначе эта контора прогорела бы. А может, тут всем заправляют капралы? В таком случае надо отыскать самого толкового из них и принять у него командование.

В вестибюле первого этажа Майлз заметил в проеме входной двери силуэт стремительно приближающегося человека. Высокий, крепкий мужчина в тренировочных штанах, майке с короткими рукавами и кроссовках наверняка завершал пятикилометровую пробежку, за которой, вероятно, последует несколько сотен отжиманий на закуску. Стального цвета шевелюра, такие же жесткие стальные глаза — у этого сержанта наверняка несварение желудка! Заметив Майлза, незнакомец остановился, недоуменно хмурясь.

Майлз слегка расставил ноги и, задрав подбородок, ответил ему таким же бесцеремонным взглядом. Но мужчина продолжал молча рассматривать новичка, не обращая никакого внимания на его лейтенантские нашивки, и тут Майлз не выдержал:

— Что, все санитары в отпуске? Или кто-нибудь все же заведует этим дурдомом?

Глаза мужчины вспыхнули, будто их сталь чиркнула о кремень, и эта искра зажгла в мозгу Майлза предупредительный огонь, но было поздно.

«Приветствую вас, сэр! — прозвучала в мозгу спасительная фраза, которую следовало произнести, встав по стойке смирно и отвесив почтительный поклон. — Я новый экспонат вашей коллекции!» — Но Майлз безжалостно подавил внутренний голос. Во взирающих на него сверху вниз глазах, в лице, сплошь покрытом шрамами, не было ни капли юмора.

Раздувая ноздри, командующий базой смерил Майлза тяжелым взглядом и отчеканил:

— Я заведую, младший лейтенант.

К тому времени, когда Майлз отыскал наконец свое новое жилище, с грохочущего вдалеке моря надвинулась плотная пелена тумана. Офицерские бараки и окружающую их местность обволокла серая влажная мгла. Майлз решил, что это предзнаменование.

Видно, зима предстоит долгая.

ГЛАВА 2

К превеликому удивлению Майлза, когда он прибыл в офис Ана к началу следующего дня, обнаружилось, что лейтенант трезв и одет по форме. Выглядел он скверно: лицо отекло, под заплывшими глазами набрякли мешки. Тем не менее Ан прилежно взирал глазами-щелками на экран с раскрашенной картой погоды. Под действием сигналов от пульта дистационного управления, который он сжимал в потной и трясущейся руке, изображение подрагивало.

— Доброе утро, сэр, — сочувственно произнес Майлз и осторожно прикрыл за собой дверь.

— А? — Ан обернулся, машинально отвечая на приветствие. — Кто вы, черт побери? А... младший лейтенант...

— Прибыл вам на замену, сэр. Разве вам не сказали, что я должен прилететь?

— Конечно, конечно! — Ан мгновенно расцвел. — Замечательно, входите! — Майлз, который уже вошел, молча улыбнулся. — Я хотел встретить вас, — смущенно продолжал Ан, — но вы прибыли слишком рано. Хотя вижу, что дорогу все-таки отыскали.

— Я прилетел еще вчера, сэр.

— Вот как? В таком случае вам следовало доложиться.

— Я так и сделал, сэр.

— Неужели? — Ан встревоженно посмотрел на Майлза.

— Вы обещали объяснить мне все тонкости обращения с приборами сегодня утром, сэр, — как ни в чем не бывало прибавил Майлз.

— Да? — Ан недоуменно поморгал. — В таком случае... — начал он с некоторым облегчением и потер лицо ладонями. Решив, по-видимому, что процедура знакомства действительно состоялась накануне, он, оборвав церемонию на полуслове, с места в карьер начал рассказывать о развешанном по стенам оборудовании.

Как выяснилось, все компьютеры имели женские имена, но если не обращать внимания на странную привычку лейтенанта говорить о машинах как об одушевленных существах, причем женского пола, Ан объяснял вполне сносно, лишь изредка сбиваясь с мысли. Майлз двумя-тремя словами возвращал его к теме беседы и попутно делал заметки. Завершив довольнотаки сумбурный круиз по стенам, лейтенант перенес свое внимание на контрольные экраны и связанное с каждым из них оборудование. Потом, приготовив свежий кофе в не положенной по уставу кофеварке по имени Жоржетта, благоразумно спрятанной в угловом шкафу, повел Майлза на крышу. Там была установлена собственно метеостанция — датчики, анализаторы, пробоотборники.

Без всякого энтузиазма сержант принялся объяснять Майлзу назначение всех этих хитроумных приспособлений. Было очевидно, что длительное умственное на-

пряжение ему не под силу. А может, у него болела голова с перепоя. Как бы там ни было, лейтенант Ан внезапно замолчал и бессмысленно уставился куда-то вдаль, навалившись на ржавые перила, ограждающие метеостанцию. Майлз добросовестно последовал его примеру, изучая далекий горизонт и поглядывая на своего наставника. Не исключено, что внутренняя сосредоточенность лейтенанта была вызвана очередными позывами на рвоту.

Утро было тихим, тускло светило солнце, и Майлз припомнил, что здесь оно заходит в два часа ночи. Только что окончились самые длинные дни в году на этой широте. Майлз с любопытством разглядывал базу Лажковского и окружающую ее местность, лежавшие перед ним сейчас как на ладони.

Остров Кайрил представлял собой овальную глыбу около семидесяти километров в ширину и ста шестидесяти в длину. От суши его отделяло более пятисот километров. Как остров, так и базу можно было охарактеризовать двумя эпитетами: «уродливый» и «бурый». Большинство видневшихся вокруг зданий, включая и офицерскую казарму, в которой поселился Майлз, были простыми землянками, крытыми сверху торфом. Никто не позаботился посадить здесь хоть что-то, и остров пребывал в первозданном — барраярском — виде, правда, подпорченном людьми и непогодой. Длинные, мощные торфяные насыпи прикрывали казармы, в которых зимой размещались пехотинцы. Сейчас они были пусты. Наполненные грязной водой канавы отмечали границы жилого пространства, полосы препятствий и изрытых учебных полигонов.

На юге виднелось неспокойное море глухого свинцового цвета. Далеко на севере просматривалась серая полоса, отделявшая тундру от гряды потухших вулканов.

Свой короткий учебный курс по действиям в зимних условиях Майлз проходил на Черном Сбросе, местности в самом центре второго континента Барраяра. Там, разумеется, тоже были суровый климат и снегопады, но по крайней мере воздух был сухим и бодрящим. А

тут даже сейчас, в середине лета, едкая морская сырость пронизывала насквозь и заставляла ныть старые переломы. Майлз поежился под своей просторной курткой, но это не помогло.

В этот момент Ан, все еще опирающийся на ограждение, оглянулся на Майлза:

— Скажите, младший лейтенант, вы не родственник того самого Форкосигана? Я задал себе этот вопрос, еще когда прочитал фамилию в приказе.

— Это мой отец, — коротко ответил Майлз.

— Черт возьми! — Ан удивленно заморгал и попытался выпрямиться, но снова неуклюже навалился на поручень. — Черт возьми, — повторил он, удивленно прикусив губу, и оловянные глазки загорелись откровенным любопытством. — А какой он?

«Что за идиотский вопрос! — раздраженно подумал Майлз. — Адмирал, граф Эйрел Форкосиган. Одна из самых заметных фигур в истории Барраяра за последние полвека. Покоритель Комарры, герой отступления с Эскобара. Лорд-регент в течение всех шестнадцати беспокойных лет несовершеннолетия императора Грегора, доверенный премьер-министр в последующие четыре года. Человек, разрушивший надежды претендовавшего на трон Фордариана, организатор странной победы в Третьей цетагандийской войне. Военачальник, двадцать лет державший в ежовых руковицах раздираемый междоусобицами Барраяр. Тот самый Форкосиган.

Я видел его смеющимся от всей души, когда он, стоя на пристани в Форкосиган-Сюрло, громко командовал мною, когда я в первый раз самостоятельно шел под парусами и, перевернувшись, без посторонней помощи выровнял яхту. Видел его плачущим и гораздо более пьяным, чем был вчера ты, Ан, в тот день, когда мы узнали, что майор Дювалье казнен по обвинению в шпионаже. Видел в ярости, с таким апоплексически-красным лицом, что мы боялись за его сердце, когда пришло подробное сообщение об идиотских приказах, приведших к последним беспорядкам в Солстисе. Видел его бродящим ранним утром по дому в нижнем белье и заставляющим

сонную мать подобрать ему два одинаковых носка. Он не похож ни на кого, Ан. Он уникален».

— Он беспокоится о Барраяре, — сказал наконец Майлз, чувствуя, что молчание затянулось. — Ему... трудно подражать.

«К тому же его единственный ребенок калека. И с этим ничего не поделаешь».

— Это уж точно... — И Ан сочувственно вздохнул, хотя, может, его просто тошнило.

Майлз решил, что может смириться с таким выражением симпатии. В нем не было и следа этой чертовой покровительственной жалости и еще более часто встречавшейся затаенной брезгливости. «Это все из-за того, что я прибыл ему на смену. Если бы у меня было две головы, он все равно был бы счастлив видеть меня».

— Так, значит, вы собираетесь идти по его стопам? — поинтересовался Ан. Потом, словно спохватившись, огляделся по сторонам и удивленно добавил: — Здесь?

— Я фор, — сухо ответил Майлз. — И я исполняю свой долг. По крайней мере стараюсь. А где — не имеет значения. Таковы правила игры.

Ан молча пожал плечами, удивляясь то ли Майлзу, то ли причудам командования, пославшего сына всемогущего лорда на остров Кайрил.

— Ну что ж. — Он с видимым трудом оторвался от перил. — Сегодня, кажется, ва-ва не будет.

— Чего не будет?

Ан зевнул и набрал ряд цифр — на взгляд Майлза, совершенно наобум — на устройстве, передающем кратковременный прогноз погоды.

— Ва-ва. Неужели вам ничего о нем не сказали?

— Нет...

— Странно. Это делается в первую очередь. Чертовски опасная штука.

Майлз старался понять, не морочит ли его Ан. Грубые шутки могли заставить его позабыть о субординации и — что совсем скверно — вывести из себя. Уж лучше откровенное насилие — оно причиняло всего лишь физическую боль.

Ан между тем вновь облокотился на перила и указал вниз.

— Вы обратили внимание на канаты между зданиями? Это на случай ва-ва. За них нужно цепляться, чтобы тебя не сдуло. Если все-таки разожмете руки, не вздумайте цепляться ни за что. Сколько здесь людей со сломанными запястьями! Просто сгруппируйтесь и катитесь.

— Прекрасно, но все-таки, что это такое — ва-ва?

— Жуткий ветер. Внезапный. Я был свидетелем, как за семь минут от полного штиля скорость ветра дошла до ста шестидесяти километров в час, а температура упала от плюс десяти до минус двадцати. Так может продолжаться и десять минут, и два дня. Приходит ва-ва с северо-запада. Автоматические станции на побережье дают предупреждение за двадцать минут. Мы включаем сирены. Это значит, что вы должны не расставаться с теплыми вещами и находиться не далее чем в пятнадцати минутах ходьбы от ближайшего бункера. Они вырыты везде. — Ан указал рукой вниз. Его голос звучал серьезно и вполне искренне. — Если услышите сирену, что есть силы спешите в укрытие. Иначе при вашем весе вас просто поднимет в воздух и снесет как пушинку в море, а там ищи-свищи.

— Ладно, — сказал Майлз, решив при первом удобном случае проверить услышанное по метеоархивам базы. Он взглянул на передающее устройство: — А откуда вы взяли цифры, что ввели туда?

Ан растерянно воззрился на Майлза:

— Как вам сказать... В общем, это точные цифры.

— Я в этом не сомневаюсь, — терпеливо ответил Майлз. — Мне только хочется знать, откуда вы их взяли. Я ведь должен буду делать то же самое.

— Это трудно объяснить... — Ан беспомощно развел руками.

— Но вы ведь не выдумали их? — забеспокоился Майлз.

— Нет, что вы! — заверил Ан. — Я никогда не задумывался над этим, но... мне кажется, я просто чувствую

их. — И он, словно иллюстрируя сказанное, глубоко втянул в себя воздух.

Майлз сморщил нос и попытался принюхаться. Он ощутил холод, запах соли и затхлый йодистый дух гниющих водорослей, к которому примешивалась вонь нагретого пластика от работающих приборов. Да, из той информации, которую получали его ноздри, вычленить температуру, давление и влажность воздуха было просто невозможно, не говоря уж о прогнозе на восемнадцать часов. Майлз указал на метеооборудование:

— А нет ли тут какой-нибудь штуки, которая могла бы заменить ваш нос?

Ан тревожно глянул на него, словно его внутренний анализатор вдруг дал сбой.

— К сожалению, нет. Конечно, мы получаем стандартные компьютерные прогнозы, но, честно говоря, я давно не пользуюсь ими. Они недостаточно точны.

Майлз смотрел на Ана, с ужасом постигая истинное положение вещей. Тот не лгал и ничего не придумывал. Эти способности были просто пятнадцатью годами практики, вошедшими в подсознание. Майлз же ничем не мог компенсировать отсутствие опыта. Откровенно говоря, не больно-то ему и хотелось приобретать его.

Позднее Майлз проверил удивительные способности Ана по метеоархивам базы. Тот не шутил, когда говорил о ва-ва. Более того, он не шутил, и когда говорил о компьютерных прогнозах. Автоматизированная система предсказывала погоду в районе базы с вероятностью 86 процентов, которая снижалась до 73 процентов для недельных прогнозов на большие расстояния. Чудесный нос Ана обеспечивал точность прогнозов в 96 процентов, снижавшуюся до 94 процентов на недельных сроках. Когда Ан уедет, точность упадет на 10 и 21 процент, соответственно. Существенная разница.

Офицер-метеоролог на базе, без сомнения, был гораздо более важной персоной, чем думалось Майлзу. Здешняя погода казнила или миловала.

«И этот парень собирается оставить меня на острове наедине с шестью тысячами вооруженных людей, советуя принюхиваться к ва-ва?»

* * *

На пятые сутки, когда Майлз решил было, что его первое впечатление от Ана оказалось обманчивым, у того случился рецидив. Майлз просидел целый час, ожидая появления чудесного носа и его хозяина на рабочем месте. Наконец, за неимением лучшего, он извлек из компьютера данные стандартного прогноза, ввел их и отправился на поиски лейтенанта.

Ан возлежал на своем неопрятном ложе и громко храпел. От него за версту несло перегаром... Фруктовое бренди? Все попытки растолкать или докричаться до него закончились неудачей: он только стонал и плотнее закутывался в одеяло. Пришлось отбросить мысль о насилии и действовать по собственной инициативе. «В конце концов, — думал Майлз, — скоро я буду предоставлен исключительно самому себе. Надо привыкать».

Прихрамывая, он направился в гараж. Вчера они с Аном провели рутинное плановое обслуживание пяти автоматизированных метеостанций. Шесть более отдаленных остались на сегодня. Перемещения по острову осуществлялись на наземных машинах, так называемых скатах, управлять которыми оказалось столь же приятно, как и антигравом. Скаты были ярко раскрашены, имели каплевидную форму и, хотя уродовали тундру, отличались образцовой устойчивостью — любой ураган им был нипочем. Как понял Майлз, персоналу базы надоело вылавливать утерянные антигравы из ледяного моря.

Гараж представлял собой наполовину вкопанный в землю бункер, как и остальные строения базы Лажковского, только побольше. Майлз отыскал капрала Олни, накануне отправлявшего его и Ана в поездку. Помогавший ему техник, который вывел скат из подземного гаража к выходу, показался Майлзу знакомым. Хотя с чего бы? Высокий, черноволосый, в черной униформе — под такое описание подходил чуть не весь персонал базы. И только когда техник заговорил, Майлз вспомнил, где он слышал этот акцент. Так звучал один из приглушенных голосов, обсуждавших его внешность на посадочной полосе. Майлз решил не подавать виду.

Как учил его Ан, перед тем как подписать список имеющегося в наличии оборудования, он внимательно просмотрел его. Согласно инструкции, скатам в любое время суток полагалось иметь полный комплект снаряжения, позволяющего выжить при пониженных температурах. Капрал Олни с легким презрением наблюдал за Майлзом, роющимся в поисках отмеченных в списке вещей. «Ну что ж, я действительно медлителен, — пытаясь держать себя в руках, подумал Майлз. — Зеленый новичок. И только таким образом смогу стать не таким зеленым. Медленно и постепенно».

Он с трудом сдерживал себя. Болезненный опыт говорил ему, что раздражение — чертовски опасная штука. «Думай о деле, а не об этих чертовых зрителях. На тебя всегда глазели. Это неизбежно».

Майлз разложил карту на корпусе ската и указал капралу предполагаемый маршрут своей поездки. Подобная процедура, по словам Ана, также входила в инструкцию. Олни хмыкнул в подтверждение того, что все понял. На его лице появилось скучающее выражение, чуть-чуть не дотягивающее до наглого невнимания — ровно столько, чтобы в случае чего Майлзу было нечем крыть.

Техник в черной униформе, Паттас, заглянул Майлзу через плечо, поджал губы и сказал:

— Младший лейтенант, сэр! — И опять этот нажим, граничащий с издевкой. — Вы собираетесь посетить Станцию Девять?

— Да, а в чем дело?

— Я вам советую подстраховаться и припарковать скат подальше от ветра, в низине сразу за станцией. — Толстый палец указал место на карте, отмеченное голубым цветом. — Вы ее сразу увидите. Тогда вы без проблем доберетесь назад.

— Эти машины предназначены для работы в космосе, — возразил Майлз. — Какие же тут проблемы?

Взгляд Олни на секунду ожил — и тут же затянулся пеленой безразличия.

— Разумеется, но вряд ли вы хотите, чтобы скат сдуло, когда внезапно налетит ва-ва.

«В таком случае меня сдует раньше, чем скат».

— Мне говорили, что скаты достаточно устойчивы.

— Ну, может, сдувать их и не сдувало, но случалось, что переворачивало, — пробормотал Паттас.

— Что ж, спасибо за информацию.

Капрал Олни откашлялся. Паттас подозрительно приветливо помахал Майлзу вслед.

Заметили ли эти двое, как дергается его щека? Хорошо бы нет. Майлз сделал глубокий вдох, стараясь успокоиться, тронул скат и направился в глубь острова. Через несколько минут он прибавил скорость, и машина понеслась, продираясь сквозь похожую на папоротники бурую растительность. Первые полтора-два года учебы в Имперской академии ему приходилось постоянно доказывать первому встречному, что он не слабак. На третий год он, вероятно, расслабился за недостатком практики, а зря. Неужели ему суждено каждый раз нарываться на хамство, получая новое назначение? «По-видимому, да», — с горечью подумал Майлз и прибавил скорость. Слава Богу, эта «новость» больше не застанет его врасплох.

Было тепло. Обычно бледное, солнце почти сияло, и к тому времени, когда Майлз достиг Станции Шесть, находящейся на восточном побережье острова, к нему вернулось хорошее настроение. Как приятно в одиночестве заниматься своим делом! Никаких зевак, никаких словечек. Можно не спешить и не дергаться. Майлз работал неторопливо, замеряя питание, опустошая пробоотборники, проверяя, нет ли следов коррозии, повреждений и нарушений соединений в аппаратуре. И если он и ронял инструмент, никто не отпускал идиотских замечаний о мутантах. Нервное напряжение спало, он делал все меньше ошибок. Наконец и тик прекратился. Закончив работу, Майлз выпрямился и всей грудью вдохнул влажный воздух, наслаждаясь непривычной роскошью одиночества. Он даже задержался на несколько минут и прошелся вдоль полосы прибоя,

наблюдая за множеством выброшенных на берег мелких морских обитателей.

На Станции Восемь оказался поврежденным один из датчиков — гигрометр был разбит вдребезги. К тому времени, когда Майлз заменил его, стало ясно, что составленное им расписание было слишком оптимистичным. Он покидал Станцию Восемь уже в сумерках и, когда подъехал к Станции Девять, расположенной на границе тундры с каменистыми склонами, было почти темно.

Сама станция, как выяснил Майлз, посветив карманным фонариком на карту, располагалась где-то наверху, среди вулканических гор и ледников. Нечего было и думать разыскивать ее в темноте. Надо выждать короткие четыре часа, оставшиеся до рассвета. Он сообщил об изменении своих планов на базу, находящуюся в ста шестидесяти километрах южнее. Дежурный не выказал по этому поводу никакого удивления. Прекрасно.

И Майлз решил использовать счастливую возможность без свидетелей опробовать снаряжение, находящееся в багажнике ската. Лучше это сделать сейчас, чем в неблагоприятной ситуации. Когда он установил небольшой пузырь двухместной палатки, та показалась Майлзу дворцом. Зимой ее нужно было утеплять уплотненным снегом. Он установил палатку с подветренной стороны ската, припаркованного в рекомендованной ему низине в нескольких сотнях метров от станции.

Мысленно сравнивая массы палатки и ската, Майлз живо припомнил показанный ему Аном видеофильм о ва-ва. Что и говорить, передвижной галеон, несущийся по воздуху со скоростью свыше ста километров в час, являл собой незабываемое зрелище. Ан, правда, не знал, находился ли в нем кто-нибудь во время съемки. На всякий случай Майлз принял меры предосторожности, прикрепив палатку к скату короткой цепью. Удовлетворенный, он заполз внутрь.

Снаряжение работало прекрасно. Он включил подвешенный к потолку обогреватель и, сев по-турецки, нежился под излучаемым им теплом. Питательный ра-

цион был превосходен. Саморазогревающаяся банка тушеного мяса с рисом и овощами и вполне приемлемый фруктовый сок из порошка. Поев и убрав за собой, Майлз устроил себе удобное изголовье, вставил диск с книгой в проигрыватель и собрался провести несколько оставшихся ночных часов за чтением.

Последние недели достались ему нелегко, как, впрочем, и последние годы. Роман из жизни светского общества Беты, который порекомендовала ему мать, не имел ничего общего с Барраяром, армейскими делами, мутациями, политикой или погодой, и Майлз не заметил, как уснул.

Проснулся он неожиданно. Вглядываясь в темноту, освещенную красноватым светом нагревателя, Майлз пытался понять, который час. Спал он, по-видимому, долго, в окошках палатки было абсолютно черно. Внезапно Майлза охватила паника. Черт возьми, что с того, если он и проспал! Не на экзамен же опаздывает. Майлз взглянул на светящееся окошко часов — да, утро. Должно быть светло. Почему такая темень?

Эластичные стенки палатки прогнулись внутрь. От первоначального объема осталось не больше трети, а пол был весь в морщинах. Майлз нажал пальцем на тонкую, холодную ткань. Она подалась с трудом, как застывшее масло, и впадина от пальца так и не заполнилась. Что за черт?..

В висках у Майлза стучало, воздух был спертым и влажным. Так бывает при недостатке кислорода и избытке углекислоты, вызванных долгим пребыванием в тесном закрытом пространстве. Но откуда здесь такое? У Майлза вдруг закружилась голова; казалось, пол палатки стремительно уходит куда-то вглубь.

И тут Майлз понял: так оно и есть — отравление углекислотой. Стараясь не поддаваться панике, он лег, пытаясь дышать медленнее, а думать быстрее.

«Я под землей. Меня поглотило что-то вроде зыбучих песков. Зыбучая грязь». Неужели эти ублюдки там, в гараже, специально подстроили все это? А он попался в их ловушку, угодил прямо в западню.

Но, может, грязь не такая уж зыбучая. Ведь за время, пока он устанавливал палатку, скат не осел. Иначе он заметил бы. Хотя, конечно, было темно. Господи, если бы он не остановился здесь надолго, если бы не уснул...

«Успокойся! Поверхность тундры, свежий воздух могут быть в каких-нибудь десяти сантиметрах над головой. Или в десяти метрах... Успокойся!» Он пошарил по палатке в поисках чего-либо могущего служить щупом. Где-то должна быть длинная телескопическая трубка с остро заточенным краем для отбора образцов ледникового льда. Ах да, она в скате, вместе с переговорным устройством. По наклону пола Майлз прикинул, что скат должен находиться двумя с половиной метрами ниже, к северу от палатки. Именно скат и утащил его. Сам пузырь палатки просто плавал бы на замаскированной под тундру поверхности грязевого озера. Если он отсоединит цепь, поднимется ли палатка на поверхность? Слишком мало времени. Майлзу казалось, что легкие набиты ватой. Он должен пробиться на поверхность — или задохнется в этой могиле. Будут ли присутствовать родители, когда его наконец найдут и вскроют эту гробницу? Когда тяжелым подъемником вытащат скат вместе с палаткой... и глазам присутствующих откроется окоченевший труп с раскрытым от удушья ртом, заключенный в эту ужасную пародию на матку... «Успокойся!»

Майлз поднялся и начал распрямляться, преодолевая сопротивление давящей на крышу грязи. Ноги утонули в податливой поверхности пола, но ему удалось освободить одно из прогнувшихся под тяжестью ребер палатки. От этого усилия он едва не потерял сознание, однако ему удалось нащупать застежку молнии палатки и сдвинуть ее на несколько сантиметров вниз — как раз настолько, чтобы просунуть стержень. Майлз боялся, что черная грязь польется внутрь и он утонет в ней, но она начала отделяться лепешками и с характерным звуком падать вниз. Очевидная и неприятная аналогия напрашивалась сама собой. «Бог мой, если раньше мне казалось, что я по уши в дерьме, что же теперь?»

Он начал пропихивать стержень вверх. Тот шел с трудом, скользя во вспотевших ладонях. Не десять сантиметров. И не двадцать. Стержень вошел уже на метр, может быть, метр с третью, его длины оставалось чуть-чуть. Майлз переменил ладонь, ухватился покрепче и толкнул снова. Не стало ли сопротивление меньше? Достиг ли он поверхности? Он дергал стержень вверх-вниз, но тот был заляпан грязью и понять что-либо было невозможно.

Кто знает, может быть, между верхом палатки и поверхностью не более полутора метров. Его собственный рост. Расстояние между смертью и жизнью. Сколько понадобится времени, чтобы пробиться наверх? С какой скоростью затягиваются отверстия, прорытые в этой грязи? В глазах темнело, но не из-за слабеющего освещения. Майлз выключил обогреватель и сунул в карман куртки. В наступившей мгновенно темноте его охватил настоящий ужас. А может, это из-за недостатка кислорода? Не важно. Теперь или никогда.

Не зная зачем, он нагнулся и расстегнул застежки ботинок и пряжку пояса, потом нащупал молнию палатки, расстегнул ее пошире и начал копать по-собачьи, отбрасывая большие куски грязи вниз, в небольшое свободное пространство. Потом пролез в образовавшуюся нору, собрался с последними силами и устремился наверх.

Грудь горела, перед глазами плыло красное марево — и вдруг его голова пробила поверхность. Воздух! Он выплюнул грязь и обрывки папоротника, заморгал, без особого успеха пытаясь очистить глаза и нос, вытащил одну руку, потом другую и попытался лечь плашмя, наподобие лягушки. Наружный холод обжег его, как боль. Майлз ощущал, что ноги застряли в грязи, будто парализованные страшным проклятием. Он изо всех сил оттолкнулся от крыши палатки. Та подалась вниз, но приподняться удалось всего на сантиметр. Больше не от чего отталкиваться. Теперь — подтягиваться. Майлз уцепился за стебли папоротника. Еще, еще раз. Он почти не продвигался, жадно хватая ртом ледяной воздух.

Ведьмины чары не отпускали. Ноги задергались в последнем отчаянном усилии. И — наконец!

Ботинки и брюки так и остались в грязи. А он уже лежал, раскинув руки и ноги, чтобы обеспечить себе максимальную опору на ненадежной поверхности, и смотрел в свинцовое небо. Шел мокрый снег. Форменная куртка и теплое нижнее белье промокли насквозь, один носок с обогревом потерялся, не говоря уж о ботинках и брюках.

Его нашли несколько часов спустя скорчившимся вокруг тускло светящегося нагревателя в одной из ниш метеостанции, из которой была выпотрошена вся начинка. Глаза на перепачканном грязью лице запали, пятки и уши побелели. Онемевшие багровые пальцы в непрерывном гипнотическом ритме соединяли две проволочки, выстукивая армейский сигнал о помощи. Его без труда можно было прочитать, если бы, конечно, кто-нибудь удосужился взглянуть на показания внезапно забарахлившего датчика и обратить внимание на закономерности в помехах. Даже после того, как Майлза вытащили из его тесного убежища, скрюченные пальцы продолжали выстукивать сигнал, а когда попытались разогнуть онемевшее тело, со спины форменной куртки посыпались осколки льда. Долгое время от него не могли добиться ни слова. Слышно было лишь какое-то прерывистое бормотание, да горели на лице запавшие глаза.

ГЛАВА 3

Лежа в горячей ванне, Майлз придумывал, каким способом накажет этих мерзавцев из гаража. Подвесит вверх ногами. Протащит привязанными к антиграву на малой высоте над морем. Или, еще лучше, оставит по шею в болоте во время снежной бури... Но когда он наконец согрелся и санитар выудил его из воды, чтобы

вытереть, еще раз осмотреть и накормить, он уже успокоился.

Можно ли квалифицировать пакостную шутку как покушение на убийство? Вряд ли. А значит, не имеет никакого смысла обращаться к Саймону Иллиану, шефу Имперской службы безопасности и левой руке его отца. Конечно, сладостно представлять, как зловещие офицеры безопасности отправляют обоих шутников в какую-нибудь мерзкую дыру, только стоит ли стрелять из лазерной пушки по воробьям? Кроме того, смогут ли они найти место хуже острова Кайрил? Без сомнения, эта парочка надеялась, что пока он будет осматривать станцию, скат затянет и ему придется, к своему стыду, вызывать с базы грузоподъемные механизмы. Но конфуз не убийство. Кто мог предвидеть, что Майлз пристегнет палатку к скату — поступок, едва не погубивший его. Делом может заняться в крайнем случае армейская служба безопасности или просто командование.

Майлз спустил ноги с кровати (он был единственным пациентом в лазарете) и поставил на столик тарелку. Вошел санитар.

— Как вы себя чувствуете, сэр?

— Превосходно, — мрачно ответил Майлз.

— Но вы не доели.

— Со мной это случается. Порция велика для меня.

— Да, вы, конечно, немного э-э... — Санитар что-то отметил в своей электронной книжке, осмотрел уши Майлза, а потом, наклонившись, опытной рукой пощупал его пятки.

— Кажется, все в порядке. Вам повезло, знаете ли.

— А много у вас случаев обморожения? Или я один такой идиот?

— О, когда прибудет очередная смена, тут будет столпотворение. Обморожения, простуды, пневмонии, переломы, сотрясения... зимой скучать некогда. Бедняги набиваются в лазарет как сельди в бочку. Я всегда жалею инструкторов, вынужденных с ними возиться. — Санитар выпрямился и сделал еще несколько записей. — Боюсь, мне придется доложить, что вы здоровы, сэр.

— Боитесь? — Майлз удивленно поднял брови.

Санитар бессознательным движением человека, докладывающего о неприятностях, стал по стойке «смирно». На лице его было написано: сожалею, но служба есть служба.

— Вам приказано явиться в кабинет командующего базой, как только я отпущу вас, сэр.

Майлз подумал, не сказаться ли ему снова больным. Нет. Чем скорее он покончит с этой историей, тем лучше.

— Скажите, санитар, а кто-нибудь еще топил скаты?

— А как же! Обычно за сезон обучающиеся теряют по пять-шесть штук. Да пару еще затягивает в болота. Технические службы просто кипятком писают. Командующий каждый раз обещает им, что если это повторится, он... хм! — Санитар многозначительно возвел глаза к потолку.

«Прекрасно, — подумал Майлз. — Просто замечательно». Он чувствовал, что его ожидает. И чувство это нельзя было назвать радостным.

Майлз поспешил в казарму с намерением переодеться (вряд ли больничная пижама подходит для разговора), но обнаружил, что выбор у него небогатый. Черная рабочая униформа казалась затрапезной, парадный зеленый мундир, напротив, предназначался для особо торжественных случаев, например, посещения Имперского генерального штаба в Форбарр-Султане. Брюки и ботинки от повседневной зеленой униформы благополучно пребывали на дне болота. С собой Майлз привез только по паре того и другого. Основной багаж еще не прибыл.

И попросить что-нибудь подходящее у соседей он тоже не мог. Его форма была изготовлена на заказ и стоила раза в четыре дороже обыкновенной. На вид она ничем от нее не отличалась, но искусство портного позволило скрыть недостатки его телосложения. Майлз чертыхнулся и скрепя сердце остановил свой выбор на парадном мундире, к которому прилагались начищенные до блеска высокие ботинки. По крайней мере они скроют стержни экзоскелета.

На нужной ему двери висела табличка: генерал Станис Метцов, командующий базой. Со времени их первого, неформального знакомства Майлз тщательно избегал встреч с генералом. Хотя в это время года база напоминала пустыню, они так и не встретились. В компании Ана это было нетрудно: он был отчаянный нелюдим. Но теперь Майлз жалел, что не пытался завести разговор с офицерами в общей столовой. То, что он позволил себе при своей занятости держаться в стороне от них, было ошибкой. За прошедшие пять дней кто-нибудь непременно вспомнил бы про грязь — убийцу номер один острова Кайрил.

Капрал, сидевший за интеркомом в приемной, проводил Майлза в кабинет. Майлз волновался, но был полон решимости найти общий язык с командующим. Во что бы то ни стало. Генерал Метцов, похоже, был настроен не столь дружелюбно: он хмуро смотрел, как новичок отдал честь и встал по стойке «смирно».

Генерал был в черной рабочей форме. Принимая во внимание его пост, это означало, что командующий желает зарекомендовать себя Настоящим Солдатом. Единственным, что отличало его от офицеров, была безупречно отутюженная одежда. На груди Метцова красовались всего три боевые награды. Но скромность явно была напускной: лишенные обычного лиственного орнамента ордена мало сказать бросались — лезли в глаза. Майлз разразился мысленными аплодисментами — Метцов прекрасно играл роль боевого командира и выглядел при этом совершенно естественно.

«Ну надо же мне так опростоволоситься!» — подумал Майлз через секунду, поймав взгляд Метцова, который с издевкой разглядывал сверкающую новизну его парадного мундира — сначала сверху вниз, потом снизу вверх. Вне всякого сомнения, он был для генерала штабным шаркуном-аристократом, не более того. Однако экзекуция затягивалась, и Майлз решил прекратить ее.

— Слушаю вас, сэр!

Скривившись, Метцов откинулся в кресле:

— Я вижу, вы отыскали себе брюки, младший лейтенант Форкосиган. И даже... э-э... ботинки для верховой езды. Только, знаете ли, лошадей на острове не водится.

«В Имперском штабе тоже, — раздраженно подумал Майлз. — Не я же придумал эти чертовы ботинки!»

Его отец пошутил как-то, что офицерам его свиты они нужны для катания на игрушечных лошадках — или гимнастическом коне. Будучи не в состоянии оспорить генеральскую остроту, Майлз молчал, замерев по стойке «смирно».

Метцов наконец оставил издевательский тон и, сцепив руки, бросил на него тяжелый взгляд:

— В результате парковки в области, ясно обозначенной как зона инверсии вечной мерзлоты, вы потеряли дорогостоящий, полностью снаряженный скат. Неужели в Имперской академии больше не учат чтению карты — или теперешним офицерам важнее знать правила чаепития?

Майлз постарался припомнить карту, и она ясно предстала у него перед глазами.

— Области, окрашенные в голубой цвет, были помечены буквами ЗИВМ. И нигде не объяснялось, что это такое.

— Значит, вы, помимо всего прочего, не потрудились даже прочитать инструкцию.

Со дня прибытия он только и занимался тем, что читал инструкции. Инструкции по составлению прогнозов погоды, технические описания аппаратуры...

— Какую именно, сэр?

— Устав базы Лажковского.

Майлз лихорадочно пытался вспомнить, держал ли он в руках диск с уставом.

— Думаю... лейтенант Ан, по всей видимости, дал мне копию. Позавчера. — На самом деле Ан просто вывалил целую коробку дисков на его койку, сказав, что начал упаковываться и в связи с этим завещает Майлзу свою библиотеку. В тот вечер, перед тем как лечь, Майлз прочитал два диска по метеорологии. Ан вер-

нулся к себе в комнату, где продолжил свой маленький праздник. А на следующее утро Майлз выехал на скате... Один.

— И вы до сих пор не прочитали его?

— Нет, сэр.

— Почему?

«Я в ловушке!» — мысленно простонал Майлз. Он чувствовал на своей спине жадный взгляд капрала, которого Метцов так и не отпустил. Публичный стриптиз. Если бы он удосужился прочитать эту чертову инструкцию! Тогда бы и ублюдки из гаража не смогли заманить его в западню! Как бы то ни было, придется платить за ошибку.

— У меня нет оправданий, сэр.

— Так вот, младший лейтенант, в третьей главе устава базы вы найдете подробное описание всех зон инверсии вечной мерзлоты и рекомендации избегать их. Советую вам заглянуть туда — на досуге, когда выпадет часок, свободный от чаепитий.

— Слушаюсь, сэр. — Лицо Майлза вытянулось. Генерал имел право делать с ним что угодно, хоть снять кожу виброножом, но без свидетелей. Форма младшего лейтенанта обязывала окружающих мириться с его ущербностью (Барраяр, как известно, славился своей нетерпимостью к генетическим нарушениям). И оскорбления, которыми осыпал его Метцов в присутствии рядового, обязанного чтить в Майлзе старшего по званию, смахивали на грубое нарушение армейского устава. Интересно, генерал оскорбляет его сознательно или это только от раздражения?

Между тем Метцов распалялся все больше и больше:

— Армия, может быть, и в состоянии держать никому не нужных задирающих нос форов в Имперском генеральном штабе, но здесь, в полевых условиях, тунеядцы нам не нужны. Я дослужился до генерала на поле боя. Видел жертв попытки переворота Фордариана еще до вашего рождения...

«Я сам был жертвой попытки переворота еще до своего рождения», — подумал Майлз, чувствуя, как в нем вскипает злоба. Солтоксин, чуть не убивший его бере-

менную мать и сделавший его калекой, был боевым отравляющим веществом.

— ...и участвовал в подавлении Комаррского мятежа. Вы, сопляки, не имеете никакого представления о войне. Слишком долгие мирные периоды деморализуют армию. Если так будет продолжаться, не останется никого, кто обладал бы практическим боевым опытом.

«Неужели для того, чтобы офицеры могли продвигаться по службе, его императорское величество должен затевать войну каждые пять лет?» Майлз задумался о том, что означает выражение «практический боевой опыт». Не в нем ли кроется разгадка, почему этого находящегося в прекрасной форме офицера загнали на остров Кайрил?

А Метцов явно вошел во вкус. Он гремел хорошо поставленным голосом:

— В реальной боевой ситуации вопрос воинского оборудования есть вопрос жизни и смерти! От его сохранности зависят победа или поражение. Человек, теряющий оборудование, теряет свою эффективность как боевая единица! Неужели вам не говорили, что безоружный беззащитен, как женщина, хуже того — бесполезен! А вы разоружили самого себя!

Майлз угрюмо подумал, согласится ли генерал с тем, что сегодня вооруженная женщина может сражаться не хуже мужчины... Вероятно, нет. Барраярские служаки из поколения Метцова наверняка не потерпели бы женщин в своих рядах.

Метцов профессионально понизил тон и перешел от философии войны к практическим вопросам. Майлз облегченно вздохнул.

— Обычное наказание для человека, утопившего скат в болоте, — приказ откопать его собственными руками. Но в данном случае, насколько я понимаю, это невыполнимо, поскольку глубина, на которую вы затопили свой, — новый рекорд базы. Итак, с четырнадцати нольноль вы поступаете в распоряжение лейтенанта Бонна из инженерной службы, и он подберет вам занятие.

Ну что ж, это справедливо. И может даже оказаться полезным. Майлз надеялся, что беседа подходит к концу. «Ну что, ты отпускаешь меня?» Но замолчавший наконец генерал смотрел на него в упор.

— В возмещение повреждений, нанесенных вами метеостанции, — медленно начал он, и Майлз мог поклясться, что в его глазах загорелся красноватый огонек, а уголок жесткого рта дернулся вверх, — вы наказываетесь принудительными работами сроком на одну неделю. Четыре часа в день. Помимо исполнения основных обязанностей. Каждый день в пять ноль-ноль вы поступаете в распоряжение сержанта Ньюва из службы обеспечения.

Капрал за спиной Майлза издал приглушенный звук, значения которого Майлз не смог разобрать. Смех? Удивление?

Но это же полный идиотизм! Он потеряет массу времени, которого и так осталось немного, вместо того, чтобы поучиться у Ана...

— Повреждения, которые я нанес метеостанции, были вынужденными, сэр. Это вовсе не результат глупой оплошности, как в случае со скатом. Они были необходимы, чтобы я выжил!

Метцов окинул его ледяным взглядом:

— Шесть часов в день, младший лейтенант Форкосиган.

С трудом выговаривая слова, Майлз произнес:

— Вы предпочли бы, чтобы я замерз до смерти, сэр?

Воцарилось молчание, распухавшее на глазах, как оставленный на солнце труп.

— Вы свободны, младший лейтенант, — процедил наконец генерал, глядя на Майлза сузившимися глазами.

Майлз отдал честь, сделал поворот кругом и зашагал к двери, выпрямившись будто проглотил аршин. Он ничего не замечал, кровь стучала в висках, щека дергалась. Мимо капрала, замершего у двери, как восковая кукла, из кабинета, из приемной. Наконец он оказался в пустом коридоре административного корпуса и сначала мысленно, а потом вслух отругал себя. Он дей-

ствительно не умеет подобающим образом вести себя со старшими по званию. Наверное, виной всему его чертово происхождение. Слишком много времени провел он среди генералов и адмиралов, толпившихся в доме Форкосиганов. Слишком долго просидел среди них незаметным мышонком, выслушивая их откровения и споры. Младший лейтенант должен видеть в своем командире бога, а не будущего подчиненного. Совершенно естественно со стороны генерала смотреть на новоиспеченного младшего лейтенанта как на существо низшего сорта.

И все же... С Метцовым что-то явно не так. Майлз знавал таких, как он, — энергичных, умных вояк, пока дело не касалось политики. Как самостоятельная политическая сила они исчезли с горизонта двадцать с лишним лет назад, после кровавого провала заговора офицеров, ответственных за самоубийственное вторжение на Эскобар. И с тех самых пор мысль о возможности правого переворота, о некоей гипотетической хунте, намеревающейся спасти императора от его собственного правительства, не давала покоя его отцу.

Так, может быть, несомненный политический душок, исходивший от Метцова, и вызвал у него мурашки? Ерунда! Человек с политическими амбициями думал бы, как лучше использовать другого, но не как сильнее его оскорбить. «Или, может, ты дергаешься, оттого, что генерал направил тебя на унизительные штрафные работы?» Садист, получающий наслаждение от издевательств над представителями класса форов, вовсе не обязательно политический экстремист. Разве не мог Метцов когда-то в прошлом обмануться в некоем высокомерном гордом форе? Словом, причиной злобы Метцова могло быть что угодно. Любые мотивы годились — политические, социальные, генетические...

И Майлз, немного придя в себя, захромал дальше, чтобы переодеться в черную рабочую униформу и отыскать инженерную службу Базы. Делать нечего — он влип глубже, чем его скат. Значит, в предстоящие шесть меся-

цев надо потихоньку делать свою работу и избегать Метцова. То, что так хорошо получалось у Ана, получится и у него.

Инженер-лейтенант Бонн готовился к поиску ската. Это был худощавый мужчина лет двадцати восьми — тридцати со скуластым отекшим лицом и кожей нездорового желтоватого цвета в багровых пятнах. Оценивающий взгляд, руки умельца и несколько язвительная улыбка, которая, надеялся Майлз, не предназначалась конкретно ему. Бонн и Майлз шлепали по грязи болота, а два техника в черных защитных костюмах наблюдали за ними с тяжелой машины на антигравитационной подушке, стоявшей в безопасности на каменистом склоне. Солнце было бледным, дул нескончаемый холодный и влажный ветер.

— Попробуйте здесь, сэр, — предложил Майлз, пытаясь определиться на местности, которую он видел только в сумерках. — Я думаю, вам придется углубиться по крайней мере метра на два.

Лейтенант Бонн серьезно посмотрел на него, поднял длинный металлический щуп и погрузил в болото. Тот остановился почти сразу. Майлз озадаченно нахмурился. Не мог же скат всплыть наверх...

Бонн, однако, не удивился, налег на стержень всей своей тяжестью и повернул его. Тот пошел вниз.

— На что вы наткнулись? — спросил Майлз.

— На лед, — проворчал Бонн. — В данный момент его толщина примерно три сантиметра. Мы стоим на корке льда. Она под поверхностным слоем грязи. Похоже на замерзшее озеро, только вместо воды — грязь.

Майлз топнул ногой. Держит. Как и тогда, когда он разбивал лагерь.

Бонн, наблюдавший за ним, добавил:

— Толщина льда зависит от погоды и бывает разной — от нескольких сантиметров до промерзания на всю глубину. В середине зимы вы можете посадить сюда тяжелый грузовой транспорт. С наступлением лета толщина начинает уменьшаться. При соответствующей температуре грязь

может перейти из псевдотвердого в жидкое состояние буквально за несколько часов. И наоборот.

— Да... Мне кажется, я убедился в этом на собственном опыте.

— Нагнитесь, — кратко приказал Бонн, и Майлз, обхватив стержень, помог толкать его вниз. Он почувствовал, как щуп с натугой проходит сквозь слой льда. А если бы в ту ночь, когда грязь оттаяла и он утонул, температура опустилась чуть ниже — смог бы он пробиться сквозь ледяную крышу? Поежившись, Майлз подтянул повыше молнию своей куртки.

— Замерзли? — спросил Бонн.

— Нет. Подумал кое о чем.

— Прекрасно. Постарайтесь, чтобы это вошло у вас в привычку. — Бонн нажал на клавишу, и от звука эхолокатора, вмонтированного в стержень, заломило зубы. На экране, в нескольких метрах от них, показался каплеобразный контур. — Вот он. — Бонн прочел показания прибора. — Он действительно здесь. Я бы заставил вас откопать его чайной ложкой, младший лейтенант, но думаю, прежде чем вы закончите, наступит зима. — Он вздохнул и посмотрел на Майлза, как бы представляя себе эту картину.

Майлз тоже представил ее себе.

— Да, сэр, — осторожно сказал он.

Они вытащили щуп обратно. Руки в перчатках скользили по налипшей на него грязи. Бонн отметил место и махнул техникам:

— Сюда, ребята!

Те быстренько залезли в машину, а Бонн и Майлз отошли подальше и остановились там, где под ногами был камень.

Машина поднялась в воздух и зависла над болотом. Мощный силовой луч, рассчитанный на работу в космических условиях, устремился вниз, и навстречу ему с грохотом взметнулся гейзер из грязи, остатков растительности и льда. Через пару минут образовался кратер с жидкими стенками, на дне которого виднелось что-то округлое. Стенки кратера немедленно поползли

вниз, но водитель сузил луч и остановил их. С чмокающим звуком скат вырвался наконец из плена. Под ним на цепи болталась обвисшая палатка. Машина осторожно подняла, а затем опустила свою ношу на каменистую поверхность.

Бонн и Майлз подошли взглянуть на раскисшие останки.

— Вы были в этой палатке, младший лейтенант? — спросил Бонн, пнув ее ногой.

— Да, сэр, в ней. Ожидал рассвета. И... уснул.

— Но вы же выбрались наружу?

— Когда я проснулся, она уже утонула.

Брови Бонна полезли кверху.

— И глубоко?

Майлз провел ребром ладони на уровне щеки.

— Как же вы выбрались? — удивился Бонн.

— С трудом. Вероятно, помогло отчаяние. Пришлось вылезти из ботинок и брюк. Кстати, разрешите посмотреть, что там с моими ботинками, сэр.

Бонн махнул рукой, и Майлз снова направился в болото, обходя отброшенную лучом породу и стараясь держаться на безопасном расстоянии от заполняющейся водой воронки. Он отыскал перепачканный ботинок, второго не было видно. Не сохранить ли этот на случай, если ему ампутируют ногу? А вдруг это будет не та нога? Он вздохнул.

Бонн хмуро глядел на грязный ботинок в руке Майлза.

— Но вы же могли погибнуть, — сказал он.

— И даже несколько раз. Задохнуться в палатке, застрять в болоте или замерзнуть в ожидании помощи.

Бонн пристально смотрел на него:

— Да уж. — С безразличным видом, как бы желая осмотреться, он отошел от лежащей на земле палатки. Майлз следовал за ним. Убедившись, что техники не слышат его, Бонн остановился, окинул взглядом болото и, как бы продолжая беседу, произнес:

— До меня дошли слухи (неофициальные, разумеется), что один из механиков гаража, Паттас, хвастался приятелю, как ловко он подстроил вам западню. И как

вы глупы. Правда, похвальба обошлась бы ему дорого... если бы вы погибли.

— Тогда не имело бы никакого значения, хвастался он или нет, — пожал плечами Майлз. — То, что упустило армейское расследование, наверняка обнаружила бы Имперская служба безопасности.

— Так вы знаете, что вам подстроили ловушку? — медленно произнес Бонн, глядя на горизонт.

— Конечно.

— Тогда мне непонятно, почему вы не вызвали Имперскую службу.

— Разве это так сложно? Подумайте, сэр.

Бонн снова осмотрел Майлза, как бы исследуя его физические недостатки.

— И все-таки кое-чего я не могу понять. Почему вам разрешили поступить на службу?

— А как вы думаете?

— Привилегия форов.

— Это только одна из причин.

— Но в таком случае почему вы здесь? Вам бы служить в штабе.

— Форбарр-Султан в это время года очаровательное место, — согласился Майлз. (Как-то там поживает кузен Айвен?) — Но я хотел служить на корабле.

— И вам не смогли этого устроить? — скептически поинтересовался Бонн.

— Мне сказали, я должен заработать это назначение. Доказать, что смогу вынести тяготы армейской жизни. Или... что не смогу. Если бы я вызвал команду ищеек службы безопасности и они перевернули базу вверх дном в поисках заговора (которого, на мой взгляд, не существовало), разве это приблизило бы меня к моей цели?

Даже если бы ему удалось добился официального расследования и допрос с суперпентоталом показал, что правда на его стороне, весь этот шум повредил бы его карьере гораздо больше, чем два наложенных на него наказания. Нет. Никакая месть не стоила «Принца Зерга».

— Гараж находится в ведении инженерной службы. Если Имперская безопасность займется им, они неизбежно займутся мной. — Карие глаза Бонна сверкнули.

— Вы сами вольны заниматься кем вам угодно, сэр. А если вы умеете добывать информацию по неофициальным каналам, значит, можете и передать ее кому следует. А о том, что случилось, вы знаете только с моих слов. И это еще ни о чем не говорит. — Майлз поднял бесполезный ботинок и зашвырнул его в болото.

Бонн с задумчивым видом следил за его полетом, пока тот не шлепнулся в образовавшийся пруд.

— Слово фора?

— В наше дегенеративное время оно ничего не стоит. — Майлз невесело усмехнулся. — Спросите кого угодно.

— Угу. — Бонн кивнул головой и пошел назад, к машине.

На следующее утро, ровно в пять, Майлз явился в гараж службы обеспечения, чтобы выполнить вторую часть работы по приведению ската в порядок — очистку оборудования от грязи. Солнце светило уже вовсю, но Майлз никак не мог до конца проснуться. Только проработав около часа, он согрелся и начал входить в ритм.

В шесть тридцать появился невозмутимый лейтенант Бонн. Он привел Майлзу двух помощников.

— А, капрал Олни и техник Паттас! Вот мы и встретились, — как ни в чем не бывало приветствовал их Майлз. Парочка обменялась беспокойными взглядами. Майлз был сама невозмутимость.

Зато он заставил их (и себя, конечно) пошевеливаться. Разговоры свелись к коротким, сухим техническим репликам, и к тому времени, когда Майлзу надлежало поступить в распоряжение лейтенанта Ана, скат и оборудование были гораздо в лучшем состоянии, чем когда он их получал.

Майлз вполне искренне пожелал своим помощникам, к этому времени почти впавшим в панику от тревоги, удачного дня. Если они так ничего и не поняли,

значит, дело дрянь. Как ему легко находить общий язык с умными людьми, вроде Бонна, и какая мука — с такими вот субъектами. Сесил прав: пока он не научится командовать тупицами, ему не стать настоящим офицером. По крайней мере здесь, в лагере «Вечная мерзлота».

На следующее утро, третье из определенных ему в наказание семи, Майлз представился сержанту Ньюву. Тот снабдил его скатом, набитым оборудованием, диском с инструкциями по его обслуживанию и графиком работ по мелиорации и прокладке дренажных труб на базе Лажковского. Да уж, интересное задание. Хотелось бы знать, откуда оно исходит? Может, от Метцова? Хорошо, если так.

В помощь Майлзу прислали тех же двоих. Эта работа была так же незнакома Олни и Паттасу, как и ему, а посему злополучная парочка не имела перед ним никаких преимуществ. Так же, как и он, они должны были вникать в инструкции. Майлз штудировал тонкости неведомого ему предмета с маниакальным упорством, тогда как его помощники-тугодумы становились все мрачнее.

Собственно говоря, оборудование для очистки труб и впрямь поражало воображение. И даже вызывало восхищение. А технология промывки трубопроводов под высоким давлением заслуживала самой высокой оценки. Некоторые используемые при этом химические компоненты обладали свойствами, незаменимыми на войне, например способностью мгновенно растворять что угодно, включая человеческую плоть. За следующие три дня Майлз узнал об инфраструктуре базы все что можно, и даже больше. Он даже рассчитал точку, в которую нужно поместить соответствующий заряд, чтобы вывести из строя всю систему, если ему взбредет в голову расквитаться с этим местечком.

На шестой день Майлза и его команду послали чистить засорившуюся трубу, отводящую воду со стрельбищ. Поднявшаяся вода почти заливала дорожную насыпь. Но когда Майлз вытащил из багажника теле-

скопический щуп и погрузил его в воду, тот не встретил никаких препятствий — с затопленной стороны трубы ничто не преграждало путь воде. Пробка где-то дальше, вернее, глубже. Только этого не хватало! Майлз протянул щуп Паттасу, перешел на другую сторону дороги и заглянул в канаву. Труба была около полуметра в диаметре.

— Дайте фонарь, — приказал он Олни.

Скинул куртку на корпус ската, он слез в канаву и направил свет фонаря в отверстие трубы. Та, видимо, слегка изгибалась, и он ни черта не увидел. Сравнив ширину плеч Олни, Паттаса и своих, Майлз вздохнул.

Существует ли занятие, более далекое от обязанностей офицера космического корабля? Копание в недрах трубы напоминало Майлзу исследование пещер в Дендарийских горах. Земля и вода против огня и воздуха. Чертовски много женского начала, хорошо если потом прибудет мужского.

Покрепче сжав фонарь, Майлз на четвереньках коекак втиснулся в трубу.

Колени тут же онемели от холода — черная ткань униформы пропускала воду. Затем промокла одна из перчаток, и Майлз чуть не вскрикнул: впечатление было такое, будто по запястью резанули ножом.

Он вдруг подумал об Олни и Паттасе. За эти дни между ними установились прохладные, но вполне сносные деловые отношения, основанные, как понимал Майлз, в основном на страхе Божьем, который заронил в их души добрый ангел — лейтенант Бонн. Кстати, каким образом Бонн приобрел подобный авторитет? Надо разобраться. Конечно, он прекрасный работник, но это ли главное?

Майлз прополз искривленный участок. А вот и препятствие. Он посветил на закрывающую проход массу — и отпрянул с проклятиями. Потом собрался с духом, рассмотрел ее получше и начал пятиться назад.

Когда он, уже стоя в канаве, распрямлял затекшую спину, над ограждением дороги появилась голова капрала Олни.

— Ну, что там, лейтенант?
Все еще тяжело дыша, Майлз улыбнулся ему:
— Пара ботинок.
— И только? — удивился Олни.
— Они на ногах хозяина.

ГЛАВА 4

По переговорному устройству был вызван врач — с инструментами, мешком для тела и средствами транспортировки. Затем с помощью своей команды Майлз перекрыл верхний конец дренажной трубы пластмассовым щитом, одолженным с ближайшего стрельбища. Он уже настолько промок и окоченел, что ему было все равно, и он снова заполз в трубу — привязать веревку к обутым в ботинки лодыжкам. Когда Майлз оказался снаружи, его встретили только что прибывшие врач и санитар.

Врач, крупный лысеющий мужчина, подозрительно заглянул в трубу:

— Что вы смогли там увидеть, младший лейтенант? Что случилось?

— С этой стороны я не мог увидеть ничего, кроме ног, сэр, — доложил Майлз. — Кто-то застрял там. Мне кажется, что труба под ним проржавела. Нужно посмотреть, нет ли там еще чего.

— Как он там, черт побери, оказался? — Врач почесал свою покрытую веснушками лысину.

Майлз развел руками:

— Странноватый способ покончить жизнь самоубийством. Медленный и без гарантии, все равно что топиться.

Чтобы сдвинуть с места застрявшее в трубе тело, пришлось прибегнуть к помощи Олни, Паттаса и санитара. Наконец в потоке грязной воды из трубы показался труп. Паттас и Олни тут же отошли в сторону, Майлз остался возле врача. Тело в промокшей черной

униформе напоминало восковую куклу грязно-синего цвета. Нашивка на рукаве и найденные в карманах документы идентифицировали мертвеца как рядового из службы снабжения.

За исключением синяков на плечах и исцарапанных рук, на теле не было никаких повреждений. Врач начал записывать на диктофон короткое предварительное заключение, состоявшее в основном из отрицаний. Сломанных костей нет, разрывов тканей нет. Пострадавший либо утонул, либо переохладился, либо имело место сочетание обеих причин. Смерть наступила примерно двенадцать часов назад. Выключив диктофон, он добавил через плечо:

— С полной уверенностью я смогу судить об этом, когда бедняга окажется в прозекторской.

— И часто такое здесь случается? — тихо спросил Майлз.

Врач хмуро посмотрел на него:

— Каждый год мне приходится кромсать нескольких идиотов. Чего еще ждать, собирая пять тысяч мальчишек в возрасте от восемнадцати до двадцати на этом Богом забытом острове и заставляя их играть в войну. Хотя, надо признать, этот нашел весьма оригинальный способ попасть на мой стол. Я думаю, такого вы еще не видели.

— Значит, на ваш взгляд, он сам сделал это? — спросил Майлз и тут же подумал: «Наверняка. Неужели такое может прийти в голову кому бы то ни было — сначала убить человека, потом запихнуть его сюда?»

Врач подошел к трубе и, сев на корточки, заглянул внутрь.

— Похоже, так. Не хотите еще раз осмотреть ее, младший лейтенант? На всякий случай?

— Хорошо, сэр. — Майлз надеялся, что этот раз действительно будет последним. Он никогда не думал, что прочистка дренажных труб может оказаться столь... волнующим занятием. Он прополз по всей трубе до установленной ими заглушки, проверяя каждый сантиметр, но нашел только оброненный погибшим ручной фона-

рик. Очевидно, рядовой оказался в трубе, преследуя какую-то цель. Какую? Что было на уме у этого несчастного? Зачем карабкаться по трубе в середине ночи, во время сильного дождя? Майлз выбрался назад и отдал фонарь.

Он помог врачу и санитару засунуть тело в мешок и погрузить в транспорт, после чего приказал Олни и Паттасу убрать щит и вернуть его на прежнее место. Из нижнего конца трубы с грохотом вырвался поток мутной воды и понесся по канаве. Врач, стоя рядом с Майлзом, облокотился о дорожное ограждение и смотрел, как понижается уровень воды в искусственной запруде.

— Думаете, там на дне еще один? — меланхолично поинтересовался Майлз.

— Этот парень был единственным, кто числился пропавшим в утреннем рапорте, — ответил врач, — так что вряд ли. — Хотя чувствовалось, что биться об заклад он не стал бы.

Когда вода наконец спала, единственной вещью, оставшейся на земле, оказалась куртка рядового. Очевидно, перед тем как влезть в трубу, он снял ее и повесил на ограждение, с которого она свалилась или была сдута ветром. Врач забрал ее с собой.

— А вы даже не поморщились, — с уважением заметил Паттас, когда Майлз отошел от багажника тронувшейся медицинской машины. Он был ненамного старше Майлза.

— Вы когда-нибудь видели метрвецов? — спросил Майлз устало.

— Нет. А вы?

— Видел.

— Где?

Майлз молчал. События трехлетней давности всплыли перед его глазами. О тех нескольких месяцах, когда он, путешествуя по другим планетам, оказался втянутым в вооруженное противостояние и по воле случая столкнулся с космическими наемниками, нельзя было не то что упоминать — даже намекать. Как бы там ни

было, сражения у Тау Верде наглядно ему показали, в чем разница между войной и военными играми.

— Это было давно, — неопределенно ответил Майлз. — Пришлось пару раз.

Паттас пожал плечами и отошел.

— Ну что ж, — неохотно признал он через плечо. — Вы не боитесь испачкать руки, сэр.

Майлз удивленно поднял брови. «Нет. Чего-чего, а этого я не боюсь».

Он отметил на схеме прочищенную трубу, доставил скат, оборудование и притихших Олни и Паттаса сержанту Ньюву в службу обеспечения и направился в офицерские казармы. Никогда еще он так не нуждался в горячей ванне.

Шлепая мокрыми ногами по коридору, Майлз направлялся в свою комнату, когда знакомый офицер высунул голову из двери.

— Младший лейтенант Форкосиган?

— Да?

— Недавно вам звонили по видео. Я записал номер.

— Звонили? — Майлз остановился. — Откуда?

— Из Форбарр-Султана.

Майлз похолодел. Что-нибудь дома?

— Спасибо.

Он двинулся в другой конец коридора, к видеокабине, предоставленной в распоряжение офицеров его этажа. Сев в кресло, он вызвал записанный номер. Раздалось несколько гудков, потом экран ожил. На нем материализовалось красивое улыбающееся лицо его кузена Айвена.

— А, Майлз. Наконец-то!

— Айвен! Откуда ты, черт побери? Где ты находишься?

— О, я дома. У себя дома, не у матери. Я подумал, тебе захочется взглянуть на мою новую квартиру.

У Майлза появилось смутное ощущение, будто он случайно соединился с неким параллельным измерением или другим астральным миром. Форбарр-Султан, подумать только! Когда-то и он жил в этом городе. В другом воплощении. Века тому назад.

Айвен между тем взял в руку камеру и обвел ею вокруг себя:

— Что, хороша квартирка? Полностью меблирована. Я снял ее у одного капитана из оперативного отдела, которого перевели на Комарру. Недурственная сделка, правда? Только вчера переехал. Видишь балкон?

Майлз видел сквозь балконные прутья полуденное небо цвета меди. Вдали, купаясь в золотом мареве, раскинулся Форбарр-Султан, похожий на сказочное видение. На перилах балкона стояли цветы, такие жгуче-красные, что глазам стало больно. Майлз чувствовал, что вот-вот расплачется.

— Прекрасные цветы, — выдавил он из себя.

— Их принесла моя девушка.

— Девушка? — Ах да, когда-то человеческий род делился на два пола. От одного пахло лучше, чем от другого. Гораздо лучше. — Которая из них?

— Татти.

— Я ее видел? — Майлз попытался вспомнить.

— Нет, новенькая.

Айвен перестал водить камерой по комнате и снова появился на экране. Раздражение Майлза немного улеглось.

— Как там у вас с погодой? — Айвен взглянул на него внимательнее. — Да ты мокрый, как губка! Чем это ты там занимался?

— Судебной медициной и... трубопроводами, — помедлив, ответил Майлз чистосердечно.

— Что? — Брови Айвена поползли вверх.

Тут Майлз чихнул:

— Послушай, я рад тебя видеть и все такое... — Собственно говоря, он действительно был рад, только эта радость почему-то причиняла боль. — Но у нас середина рабочего дня.

— А я отпросился пару часов назад, — благодушно заметил Айвен. — Мы с Татти собрались пообедать. Еще немного, и ты не застал бы меня. Поэтому расскажи мне поскорее, как там живется у вас в пехоте?

— О, великолепно. Вот где настоящая служба. — Майлз не стал уточнять, что он имеет в виду. — Это тебе не... оранжерея для никому не нужных задирающих нос форов, вроде Имперского генштаба.

— Я занят важным делом! — возразил уязвленный Айвен. — Даже тебе понравилась бы моя работа. Мы обрабатываем информацию. Просто удивительно, сколько информации получает Оперативный отдел за день. Чувствуешь себя в курсе всего. Как раз для таких, как ты.

— Вот как. А мне кажется, тебе подошла бы база Лажковского, Айвен. Может, там, наверху, перепутали наши назначения, а?

Айвен почесал нос и хихикнул:

— Не думаю. — Но его легкомысленный тон тут же стал серьезным. — Ты смотри там, поосторожнее. Вид у тебя не блестящий, знаешь ли.

— Утро у меня было бурным. А если ты оставишь меня в покое, я смогу принять душ.

— Ладно, ладно. Беги!

— Желаю приятно пообедать.

— Все будет отлично. Пока.

Голос из другого мира. И это при этом, что Форбарр-Султан всего в двух часах суборбитального полета. Теоретически. И все же Майлз чувствовал удовлетворение от того, что ему напомнили — планета не съежилась до свинцово-серых горизонтов острова Кайрил.

Оставшуюся часть дня Майлз с трудом заставлял себя заниматься метеорологией. К счастью, его начальник не обращал на него внимания. После того как затонул скат, Ан хранил виноватое молчание, прерывая его, только когда к нему обращались с каким-либо вопросом. Посему, освободившись, Майлз направился прямо в лазарет.

Когда он просунул голову в дверь, врач еще работал, во всяком случае сидел за своим столом.

— Добрый вечер, сэр.

Врач недовольно поднял голову:

— В чем дело, младший лейтенант?

Несмотря на официальный тон, Майлз счел это за приглашение и вошел в комнату.

— Мне интересно, что вы узнали о том парне, которого мы утром вытащили из трубы.

Врач пожал плечами.

— Не слишком много. Его личность удостоверена. Утонул. Все признаки несомненно указывают на то, что он попал в трубу меньше чем за полчаса до смерти. Я квалифицировал это как смерть от несчастного случая.

— Да, но при каких обстоятельствах это произошло?

— Что? — Врач недоуменно поднял брови. — Если парень сам себя загубил, значит, он один и мог бы ответить на ваш вопрос, не так ли?

— Неужели вам не хочется знать наверняка?

— Зачем?

— Ну... просто, чтобы знать. Быть уверенным в своей правоте.

Врач нахмурился.

— Я не ставлю под сомнение ваше медицинское заключение, сэр, — торопливо добавил Майлз. — Но все это чертовски странно. Разве вам не любопытно?

— Нисколько, — отрезал его собеседник. — Я рад, что это не самоубийство и не злой умысел, а что касается деталей, то, какими бы они ни были, в конце концов парень погиб из-за своей дурости. Или у вас другое мнение?

Майлз подумал, что сказал бы врач о нем, если бы он утонул вместе со скатом.

— Вероятно вы правы, сэр.

Выйдя из лазарета на холодный ветер, Майлз остановился. В самом деле, о чем он беспокоится? Труп — не по его части. Это же не игра в прятки. Он передал дело в нужные руки. И все же...

До захода солнца оставалось несколько часов... Все равно у него проблемы со сном. Майлз вернулся в комнату, переоделся в спортивный костюм, сунул ноги в кроссовки и решил пробежаться.

* * *

Дорога, ведущая к бездействующим стрельбищам, была пустынна. Солнце медленно приближалось к горизонту. Майлз с бега перешел на шаг. Скрытые брюками стержни на ногах натирали ноги. Скоро ему придется найти время, чтобы заменить хрупкие кости ног синтетическими. В конце концов, если все обернется совсем плохо, эта тривиальная операция послужит отличным предлогом покинуть остров Кайрил, не дожидаясь, пока истекут положенные шесть месяцев этой каторги. Хотя это и смахивает на мошенничество.

Майлз огляделся. Если бы он был на месте злополучного рядового, упрямо шагавшего в темноте под проливным дождем, что бы он видел? Что могло привлечь его внимание именно к этой канаве? И вообще, какого черта его понесло сюда среди ночи? Дорога вела к полосе препятствий и огневому рубежу, больше здесь ничего не было.

Вот и канава... Нет, та была чуть дальше. На полукилометровом отрезке насыпной дороги размещались четыре водопропускные трубы. Майлз нашел нужное место и наклонился над ограждением, вглядываясь в успокоившуюся воду. Он не заметил ничего стоящего внимания. Почему, почему, почему это случилось?

Он перешел на другую сторону, осмотрел дорожное покрытие, ограждение, заросли мокрого папоротника. Прошелся до поворота, пошел обратно. Вернулся к первой канаве. Ничего.

Майлз облокотился на ограждение и задумался. Хорошо, попытаемся мыслить логически. Какая сила заставила рядового залезть в трубу, несмотря на опасность? Гнев? В таком случае — кому он предназначался? Страх? Тогда — кто преследовал его? Или это нелепая случайность, оказавшаяся роковой? Майлз знал толк в ошибках. А что, если этот горемыка ошибся трубой?..

И Майлз, не долго думая, соскользнул в первую канаву. Погибший мог методично проверять все водопропускные трубы. Если так, откуда он начал: со стороны базы или от стрельбищ? Или в темноте под дождем

перепутал и залез не в ту трубу, какая была нужна ему? Придется обыскать все четыре, но хорошо, если бы повезло с первого раза. Труба была немного шире, чем та, в которой рядовой нашел гибель. Майлз вытащил из-за пояса фонарик, залез в отверстие и сантиметр за сантиметром принялся исследовать круглую пустоту.

— Ага, — удовлетворенно произнес он, одолев примерно половину пути. То, за чем он охотился, находилось здесь и было приклеено липкой лентой к верхней части трубы. Сверток, упакованный в водонепроницаемую пластиковую пленку. Интересно! Майлз быстро пополз обратно и уселся прямо в отверстии, не обращая внимания на воду.

Сверток лежал у него на коленях, и Майлз смотрел на него, словно это был рождественский подарок. Что там: наркотики, контрабанда, секретные документы, преступные деньги? Он предпочел бы секретные документы, хотя трудно представить себе человека, которого посетила бы бредовая идея засекретить что-либо на острове Кайрил — за исключением рапортов о действительном состоянии дел. Наркотики тоже неплохо, но обнаружить шпионскую сеть — это была бы настоящая удача. Он стал бы героем в глазах службы безопасности, а там... Мысли Майлза понеслись вскачь: он уже продумывал, как поведет расследование. Он пройдет по следам мертвеца и от мелких улик выйдет на главаря, занимающего, может быть, высокий пост. Драматические аресты, благодарность в приказе от самого Саймона Иллиана... Сверток был мягким, но внутри что-то похрустывало.

С бьющимся сердцем Майлз открыл пакет — и замер.

Сласти. Десятка три маленьких конфет, глазированных, с начинкой из засахаренных фруктов, которые обычно готовили для празднования дня летнего солнцестояния. Конфеты, пролежавшие полтора месяца...

Майлз хорошо знал казарменную жизнь, и воображение быстро подсказало ему остальное. Рядовой получает посылку от любимой, матери или сестры и прячет ее, чтобы уберечь от прожорливых, равнодушных сосе-

дей. Вероятно, скучая по дому, он разделил ее на порции и потихоньку лакомился. А может, конфеты были припрятаны для какого-то особого случая.

Два дня шли проливные дожди, и несчастный начал беспокоиться. Он пошел проведать спрятанное сокровище, но в темноте просмотрел первую трубу. Отчаянно спеша, потому что вода все прибывала, полез во вторую — и слишком поздно понял свою ошибку...

Горькая, бессмысленная гибель. Горькая, неутешительная история. Майлз вздохнул, завернул конфеты и потрусил обратно к базе, зажав под мышкой маленький сверток.

Когда Майлз добрался до лазарета и рассказал о своей находке, реакция воача была однозначной:

— А я что говорил? Отправился на тот свет по собственной дурости. — И он с рассеянным видом надкусил конфету.

На следующий день срок принудительных работ Майлза в службе обеспечения кончался. Ничего интереснее утопленника в трубах не оказалось. Может, оно и к лучшему, потому что прибыл из отпуска служивший под началом Ана капрал, и Майлз обнаружил, что тот настоящий кладезь по части информации, которую он с такими муками добывал все эти две недели. Правда, у капрала не было носа Ана.

Ан покидал лагерь «Вечная мерзлота» почти трезвым. Он поднялся по трапу катера без посторонней помощи. Майлз, провожавший его до самой посадочной площадки, никак не мог понять, радоваться ему или грустить. Сам метеоролог выглядел счастливым. Его невеселая физиономия почти сияла.

— И куда вы после отставки? — спросил Майлз.

— На экватор, — незамедлительно ответил Ан.

— Понятно. А в какое место?

— Не важно, лишь бы это был экватор, — горячо ответил Ан.

Майлз понадеялся, что там хотя бы нет вулканов.

На трапе Ан остановился и посмотрел вниз, на Майлза. Он явно хотел что-то сказать, но колебался.

— Остерегайтесь Метцова, — наконец решился он.

Это запоздалое предупреждение прозвучало крайне неопределенно. Майлз с удивлением поднял глаза на Ана:

— Кажется, я не украшаю собой список его гостей.

Ан поежился:

— Я имел в виду другое.

— Что же?

— Как вам сказать... Однажды я видел... — Ан покачал головой. — Это было очень давно. Во время Комаррского мятежа случались странные вещи... Одним словом, лучше, если б вы держались подальше от Метцова.

— Мне уже приходилось иметь дело с солдафонами.

— Метцов не то чтобы солдафон. Но у него есть одна черта, которая... Короче, он может быть опасен. Никогда не угрожайте ему, ладно?

— Мне — угрожать Метцову? — Лицо Майлза вытянулось от удивления. Может быть, он ошибся, и Ан не так трезв, как ему кажется. — Послушайте, Ан, он не может быть настолько плох, иначе его не поставили бы руководить учебным лагерем.

— Метцов не командует обучающимися, у них свое командование. Инструкторы имеют дело только с их командирами. Под началом Метцова всего лишь постоянный контингент базы. Вы — колючая штучка, Форкосиган. Никогда, никогда не доводите его до крайности, иначе пожалеете. Вот и все, что я хотел вам сказать. — И Ан решительно взбежал по трапу.

«Я уже жалею», — хотел крикнуть ему вслед Майлз. Правда, положенная ему неделя штрафных работ кончилась. Наверное, Метцов думал унизить его, но вышло так, что ему предоставилась возможность обрести новый опыт. Унизительно было другое — утопить свой скат, например. Но это он проделал самостоятельно. Майлз в последний раз махнул Ану, когда тот уже входил в люк, и двинулся по шоссе к уже привычному силуэту административного корпуса.

Во время обеда, когда капрал покинул метеоцентр, Майлз поддался искушению вытащить занозу, застрявшую в нем после разговора с Аном. Он извлек из компьютера официальное досье Метцова. Простое перечисление дат назначений и повышений мало о чем говорило, хотя знание истории помогало Майлзу читать между строк.

Стало быть, Метцов поступил на службу почти тридцать пять лет назад. Ничего удивительного, что наибольшее продвижение по служебной лестнице пришлось на время завоевания Комарры, около четверти века назад. Изобилующая п-в-туннелями система Комарры была для Барраяра единственными воротами к еще более разветвленным узлам галактических маршрутов. В начале века правящая Комаррой олигархия, получив взятку, позволила цетагандийскому флоту пройти через их туннель к Барраяру. Чтобы изгнать цетагандийцев, Барраяру пришлось пожертвовать целым поколением, но он сторицей расплатился с Комаррой во времена расцвета славы графа Форкосигана. Получение доступа к туннелям Комарры превратило Барраяр из захолустной провинции в небольшую, но заметную галактическую силу.

Каким-то образом Метцов оказался на стороне власти во время попытки переворота Фордариана — типично барраярского заговора против императора Грегора, тогда пятилетнего, и его регента. До сих пор Майлз думал, что именно выступление на стороне мятежников обрекло столь компетентного офицера на прозябание во льдах острова Кайрил. Однако, как оказалось, карьера Метцова закончилась шестнадцать лет назад, во время Комаррского мятежа. Причины указано не было, если не считать ссылки на другой файл. Майлз узнал код Имперской службы безопасности. Раз так, этот конец отрублен.

А может, все-таки нет? Сосредоточенно хмурясь, Майлз набрал новый код.

— Оперативный отдел, офис коммодора Джолифа, — официально начал материализовавшийся на экране Ай-

вен. Но в последнюю секунду он узнал Майлза и расплылся в улыбке: — А, привет! В чем дело?

— Я провожу небольшое расследование. Ты мог бы мне помочь.

— Да уж, конечно, станешь ты звонить в Генштаб, чтобы просто поболтать со мной. Ну, что тебе надо?

— Ты сейчас один в офисе?

— Да, старик заседает в комитете. Мы получили хорошенький щелчок по носу: зарегистрированный на Барраяре грузовой корабль арестован на Ступице Хеджена — на Верванской станции — по подозрению в шпионаже.

— А разве мы не можем вмешаться? Попробовать освободить его?

— Без согласия Пола не можем. Ни один барраярский военный корабль не вправе сейчас пользоваться туннелями.

— Мне казалось, у нас с Полом что-то вроде дружбы.

— Так и есть. Но Верван пригрозил Полу разорвать с ним дипломатические отношения, поэтому Пол осторожничает. Самое смешное, что грузовик не имеет никакого отношения к нашей агентуре. Похоже, обвинение высосано из пальца.

Галактическая п-в-политика. Стратегия п-в-переходов. Тактика п-в-переходов. Проблемам, связанным с ними, и были посвящены курсы, которые Майлз усердно изучал в Имперской академии. И как, наверное, тепло на этих космических кораблях и станциях! Майлз завистливо вздохнул.

Глаза Айвена сузились: он явно заподозрил неладное.

— Зачем тебе знать, один ли я?

— Затем, что мне нужен один файл. История старая, к теперешним делам отношения не имеет, — успокоил его Майлз и быстро назвал код.

— Ясно. — Айвен начал набирать цифры, но вдруг остановился: — Ты с ума сошел! Это же файл данных Имперской службы безопасности. Я ничего не могу с ним поделать!

— Ну, там, где ты находишься, это не большая проблема, согласись.

Айвен упрямо покачал головой:

— Теперь уже большая. Вся база данных Имперской безопасности стала сверхсекретной. Данные оттуда можно получить только через декодер, который надо подключать к аппаратуре и за который я должен расписываться. А чтобы получить право на получение информации, я как минимум должен объяснить, зачем она мне нужна. Может, у тебя есть такое право?

Майлз сердито нахмурился:

— Но ты можешь получить эту информацию по вашей внутренней сети.

— По внутренней могу. Но как я передам данные из внутренней сети во внешнюю? Так что — прости.

— Погоди. У тебя в комнате есть коммуникационное устройство внутренней сети?

— Конечно.

— Тогда, — быстро произнес Майлз, — вызови на него файл, поверни стол и пусть два видео поговорят друг с другом. Это ведь ты можешь?

Айвен почесал в затылке.

— А получится?

— Да попробуй же!

Пока Айвен перетаскивал стол и крутил ручки настройки, Майлз нетерпеливо постукивал пальцами по столу. Сигнал был нечеткий, но прочитать можно.

— Оставь так, лучше не будет. Попробуй показывать файл по страницам.

Сведения были чрезвычайно интересными. Файл представлял собой подборку донесений о загадочной смерти пленного, находившегося в ведении Метцова, — мятежника с Комарры, убившего охранника и, в свою очередь, убитого при попытке к бегству. Когда служба безопасности затребовала тело убитого для вскрытия, Метцов предоставил им только пепел: он сожалеет, но если бы ему сказали об этом чуточку раньше, и т. п.

Следователь, занимавшийся делом, полагал, что Метцов пустил в ход пытки, строго запрещенные в армии

(возможно, как месть за смерть охранника), но не смог собрать доказательства, позволяющие произвести медикаментозный допрос барраярских свидетелей, среди которых был младший инженер-лейтенант Ан. Следователь выразил официальный протест против решения закрыть дело, и на этом, как водится, все закончилось. Если у жутковатой истории и было продолжение, то сведения об этом хранились только в феноменальной памяти Саймона Иллиана. Но карьере Метцова тем не менее пришел конец, жестокий конец — остров Кайрил.

— Майлз, — в четвертый раз пытался дозваться его Айвен. — Зря мы с тобой все это затеяли. Информация имеет гриф «После прочтения сжечь».

— Ну и что? Если бы в этом было что-то предосудительное, нам бы не выпала такая возможность. Чтобы вызвать файл, ты должен был прибегнуть к помощи декодера. Ты слышал когда-нибудь про шпиона, который битый час сидел бы в Генштабе, перелистывая секретнейшую информацию?

— Ты прав. — Айвен засмеялся и движением руки стер файл. Изображение на экране заметалось: кузен разворачивал стол. Затем послышались скребущие звуки: он энергично затирал подошвами следы на ковре. — Ничего не было. Никаких файлов. Никакой информации.

— Само собой. Нам с тобой далеко до шпионов. — Тут Майлз задумался, хмуря брови. — Однако... мне кажется, кто-то должен доложить Иллиану об этом небольшом проколе в мерах по обеспечению секретности.

— Только не я!

— А почему бы и нет? Представишь это наблюдение как свидетельство блестящей работы ума. Может, получишь благодарность. Только не проболтайся, что мы действительно сделали это. Хотя мы могли проверять твою теорию, а?

Айвен даже не ответил на шутку.

— Ты просто помешан на карьере. Чтоб я больше не видел твоей физиономии! Если я не дома, разумеется, — прошипел он.

Майлз улыбался, глядя на исчезающего с экрана кузена. Некоторое время он сидел в тишине, наблюдая, как мелькают цвета и оттенки на голографической карте погоды, и думая о командующем своей базы, а также о том, что претерпел непокорный пленный.

Хотя все это давние дела. Метцов через пять лет выйдет в отставку, выслужив двойной срок и двойную пенсию, и превратится в обыкновенного несносного старика. Главное — пережить все это по возможности тихо и незаметно. И исчезнуть с базы Лажковского, не оставив следов. И Метцов будет очередным пройденным этапом.

В следующие несколько недель Майлз занимался рутинной работой, которую находил вполне терпимой. Во-первых, прибыла партия новобранцев. Целых пять тысяч. В их глазах статус Майлза почти достигал человеческого. Когда дни стали короче и темнее, на базу Лажковского обрушился первый в этом сезоне снегопад, которому сопутствовал всесокрушающий ва-ва, длившийся полдня. Прогноз обоих явлений был сделан Майлзом точно и вовремя.

К тому же Майлзу удалось наконец избавиться от репутации первейшего идиота острова Кайрил (сию печальную известность он приобрел, утопив скат) — он уступил ее группе новобранцев, которые однажды ночью умудрились, запуская шутиху, поджечь казарму. На следующий день на нудном совещании по противопожарной безопасности Майлз внес стратегическое предложение — нанести решительный удар по тыловым коммуникациям противника и уничтожить его арсеналы (то есть исключить из меню новобранцев бобовую похлебку), — но под ледяным взглядом Метцова тут же прикусил язык. Однако после совещания серьезный капитан — начальник артиллерии базы — остановил Майлза и поблагодарил его за помощь.

И это называется романтикой военной службы! Долгие часы службы Майлз проводил, сидя в одиночестве в метеоцентре, изучая теорию хаоса, свои отчеты и окружающие его стены. Три месяца прошло, три осталось. Снаружи становилось все темнее.

ГЛАВА 5

Майлз уже вскочил с постели и оделся, когда до его все еще затуманенного сном сознания дошло, что сигнал — вовсе не оповещение о ва-ва. Он остановился, держа ботинок в руке. Не был этот сигнал также ни пожарной, ни боевой тревогой. Поэтому, чем бы он ни был, метеоролога базы это не касалось. Ритмичные завывания прекратились. Правильно говорят — молчание золото.

Он посмотрел на светящийся циферблат часов. Еще только вечер. Он проспал два часа мертвым сном после долгой поездки на Станцию Одиннадцать, где под снегом, на ледяном ветру устранял последствия зимнего урагана. Красная лампочка на переговорном устройстве у кровати была темна. Можно улечься снова — постель еще не остыла.

Теперь именно тишина мешала Майлзу погрузиться в блаженное тепло.

Он натянул второй ботинок и высунул голову из двери. Несколько офицеров, стоя на пороге своих комнат, строили гипотезы о возможных причинах тревоги. Натягивая на ходу куртку, поспешно прошел мимо лейтенант Бонн. Лицо его было напряженным, на нем читались беспокойство и досада.

Майлз схватил куртку и поспешил следом.

— Вам не нужна помощь, лейтенант?

Бонн оглянулся на него, поджав губы.

— Может быть, — кивнул он.

И Майлз присоединился к нему, втайне польщенный этим косвенным признанием своей небесполезности.

— В чем там дело?

— Что-то произошло в одном из хранилищ отравляющих веществ. Если это тот бункер, о котором я думаю, у нас будет чем заняться сегодня ночью.

Сквозь двойные, хранящие тепло двери офицерской казармы они вышли на обжигающий ночной холод. Снег похрустывал под ботинками, восточный ветер завивал поземку. Самые крупные звезды над их головами со-

ревновались в яркости с освещающими базу прожекторами. Мужчины сели в скат Бонна. Учащенное дыхание вылетало изо рта клубами пара, и через секунду включился вделанный в потолок влагопоглотитель. Скат, набирая скорость, уже мчался на запад от базы.

В нескольких километрах от дальних стрельбищ горбились под снегом несколько крытых торфом холмов — бункеры. У одного из них стояло несколько машин — пара скатов, один из которых принадлежал начальнику пожарной команды, и «скорая помощь». Рядом суетились люди с ручными фонарями. Бонн развернулся, припарковался рядом и вышел из ската. Майлз поспешно захромал вслед за ним по утоптанному снегу.

Врач командовал двумя санитарами, грузившими в «скорую» тело, прикрытое от обморожения металлизированной пленкой. Второй пострадавший, в рабочей форме, дрожал крупной дрожью и непрерывно кашлял, ожидая своей очереди.

— Как только прибудете на место, немедленно сложите всю одежду в дезактивационный бак, — распоряжался врач, поддерживая краешек завернувшейся пленки. — Одеяла, белье, бинты — все до последней нитки. Всем пройти полную дезактивационную обработку, прежде чем займетесь сломанной ногой. Обезболивающее поможет ему вытерпеть, а если нет, все равно: дезактивация важнее. Я скоро буду. — Врач отошел от «скорой», насвистывая себе под нос что-то похоронное.

Бонн направился к двери бункера.

— Не открывайте! — тут же в один голос вскрикнули врач и начальник пожарной команды.

— Там теперь никого нет, — добавил врач. — Все эвакуированы.

— Вы мне можете объяснить наконец, что случилось? Что там произошло? — Пытаясь рассмотреть внутренности бункера, Бонн рукой в перчатке скреб замерзшее окошко в двери.

— Двое парней перемещали бочки, чтобы освободить место для прибывающей завтра новой партии, — начал начальник пожарной охраны лейтенант Яски. —

Как им это удалось, не понимаю, только они опрокинули погрузчик, причем один попал под него и сломал себе ногу.

— Да, это надо умудриться, — сказал Бонн, представив себе более чем устойчивую конструкцию погрузчика.

— Вероятно, молокососы устроили там гонки, — с раздражением вмешался врач. — Но это еще не самое скверное. При этом они опрокинули несколько бочек фитаина. И по крайней мере две из них дали течь. Эта штука теперь распространилась по всему бункеру. Мы закрыли его как можно плотней. Впрочем, очистка, — закончил врач, — это ваша забота. Я уезжаю. — Впечатление было такое, что ему не терпится вылезти не только из одежды, но и из собственной кожи. Он махнул на прощание рукой и зашагал к скату, торопясь присоединиться к проходящим дезактивацию санитарам и их пациентам.

— Фитаин! — в изумлении воскликнул Майлз. Бонн быстро отошел от двери. Фитаин был мутагенным отравляющим веществом, задуманным как оружие устрашения и никогда, насколько было известно Майлзу, не применявшимся на практике. — Я думал, эта штука давным-давно снята с производства.

— Его действительно не производят почти четверть века, — мрачно ответил Бонн. — Насколько мне известно, наше хранилище — единственное на Барраяре. Но, черт побери, проклятые бочки не должны разрушаться, даже если их сбросить с самолета!

— Да, но им уже двадцать лет, — напомнил пожарный. — Может быть, коррозия?

— В таком случае, — отрывисто спросил Бонн, — что же делать с остальными?

— Может, фитаин разрушается при нагревании? — спросил Майлз, беспокойно оглядываясь, дабы удостовериться, что они стоят с наветренной стороны бункера. — Если мне не изменяет память, все химические соединения при нагревании разлагаются на безобидные компоненты.

— Положим, не совсем безобидные, — уточнил лейтенант Яски. — Но по крайней мере они не раскручивают ДНК в наших генах.

— Лейтенант Бонн, нет ли в хранилище еще каких-нибудь взрывчатых веществ? — спросил Майлз.

— Нет, только фитаин.

— А если швырнуть в дверь пару плазменных мин, разрушится ли фитаин до того, как расплавится крыша?

— Господь с вами! Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы расплавилась крыша. Или пол. Если эта штука попадет в вечную мерзлоту... Впрочем, если поставить мины на замедленное тепловыделение, да еще добавить несколько килограммов термостойкого герметика, бункер может самогерметизироваться, — Бонн пошевелил губами, что-то подсчитывая про себя, — ...да, ваш план может сработать. Собственно говоря, это самый простой и надежный способ разделаться с этой ерундой. Особенно если остальные бочки начнут терять герметичность.

— Все зависит от того, куда будет дуть ветер, — заметил Яски, посмотрев в сторону базы, а затем на Майлза.

— До семи ноль-ноль завтрашнего утра ожидается легкий восточный ветер и понижение температуры, — ответил Майлз на невысказанный вопрос. — Потом он переменится на северный и усилится. Условия, благоприятные для начала ва-ва, установятся вечером, около восемнадцати ноль-ноль.

— Тогда лучше осуществить задуманное сегодня, — сказал Яски.

— Идет, — решительно сказал Бонн. — Соберите свою команду, а я свою. Потом я найду план бункера и рассчитаю необходимую скорость выделения тепла. Через час увидимся с вами и начальником артиллерии в административном корпусе.

Чтобы никто не подходил к бункеру, Бонн поставил на пост сержанта из пожарной команды. Незавидное задание, но в данной ситуации неизбежное. К тому же ближе к ночи, когда похолодает, часовой сможет

укрыться в своем скате. Майлз вместе с Бонном поехал в административный корпус — еще раз проверить правильность своих прогнозов.

Введя в метеокомпьютер свежие данные, чтобы снабдить Бонна наиболее достоверным прогнозом направления ветра на следующие барраярские сутки (продолжительностью 26,7 часа), Майлз увидел в окно, как оба — и Бонн, и Яски — торопливо шагают куда-то в темноту. Может, решили встретиться с начальником артиллерии где-нибудь в другом месте? Майлз подумал было догнать их, но поскольку новый прогноз мало чем отличался от старого, какой в этом смысл? Для чего ему присутствовать при сжигании ядовитой свалки? Конечно, это могло быть интересным и даже полезным зрелищем, но делать там ему решительно нечего. А будучи единственным ребенком в семье (и, возможно, будущим отцом будущего графа Форкосигана), он даже и не вправе подвергать себя риску мутагенного отравления. Если ветер не переменится, непосредственной опасности для Базы нет... А что, если за всеми его рассуждениями скрывается элементарная трусость? Хотя, говорят, осторожность — великая добродетель.

Окончательно проснувшийся и слишком взбудораженный, чтобы думать о сне, Майлз нервно расхаживал по метеоцентру, вызывая файлы с данными, которые не успел просмотреть утром из-за необходимости устранить неисправность. Через час он сделал все, что отдаленно напоминало работу, и, когда поймал себя на том, что в десятый раз стирает пыль с оборудования и стеллажей, понял, что пора возвращаться в постель, не важно, удастся заснуть или нет. Но тут его внимание привлек мелькнувший за окном луч света от подъехавшего ската.

А, Бонн и Яски вернулись. Уже? Быстро же они управились. Или еще не начинали? Майлз оторвал лист пластика с распечаткой свежего прогноза направления ветра и заторопился вниз, на первый этаж, где в конце коридора располагался инженерный отдел базы.

В кабинете Бонна было темно. Но из двери командующего базы падал свет. Свет — и звуки сердитых голосов. Сжимая в руках распечатку, Майлз подошел ближе.

Дверь в кабинет была распахнута настежь. Метцов сидел за своим столом: одна рука, сжатая в кулак, — на полированной поверхности. Перед ним навытяжку стояли Бонн и Яски. Чтобы дать знать о себе, Майлз похрустел пластиковой распечаткой.

Яски обернулся на звук и увидел Майлза.

— Пошлите Форкосигана, — не своим голосом, быстро и напористо заявил он вдруг Метцову. — Он и без того мутант.

Майлз, поздоровавшись со всеми, спокойно заметил:

— Извините, сэр, это не совсем так. Мое предыдущее знакомство с отравляющими веществами сделало меня уродом, но и только. Мои дети должны быть здоровыми, как у любого другого... Куда же вы предлагаете послать меня, сэр?

Метцов искоса взглянул на Майлза, явно не обратив внимания на дикое предложение Яски.

— Разумеется, они должны надеть защитные костюмы, — раздраженно продолжал он, обращаясь к Бонну. — Я еще не сошел с ума, чтобы отправлять туда их чуть не нагишом.

— Я понимаю, сэр. Но люди отказываются входить в бункер даже в противорадиационных костюмах, — чрезвычайно сухо и спокойно ответил Бонн. — И я не могу винить их за это. По моему мнению, обыкновенные предосторожности не годятся, когда имеешь дело с фитаином. Благодаря своему молекулярному весу это вещество обладает феноменальной проникающей способностью. Проникает даже сквозь импрегнированную ткань.

— Что? Не можете винить своих подчиненных, отказывающихся повиноваться? — переспросил Метцов. — Лейтенант, вы отдали приказ. Во всяком случае, должны были отдать. Надеюсь, вам не надо объяснять, что такое приказ? И что ждет тех, кто не понимает этого?

— Я отдал приказ, сэр, однако...

— Однако дали почувствовать свою неуверенность. Свою слабость. Черт побери, приказы отдают, а не рассусоливают вокруг да около!

— И все-таки не понимаю: почему именно мы должны спасать эту штуку? — уныло произнес Яски.

— Хватит об этом, — отрезал Метцов. — Таков приказ. Тот, кто требует повиновения от других, должен уметь подчиняться беспрекословно.

— Как, не понимая, о чем речь? Слепо? Мы ведь не знаем, что стало с этим ядом за столько лет.

— Ученые, несомненно, имеют рецепт, — невинно вставил Майлз. — Они могут намешать еще, если будет нужно. Свеженького.

— Помолчите, Форкосиган, — прорычал Бонн, даже не взглянув на него, но Метцов соизволил обратить на него внимание:

— Еще один образчик вашего юмора, младший лейтенант, и можете отправляться на гаупвахту.

Майлз захлопнул рот и выдавил из себя натянутую улыбку. «Главное — субординация. Помни о «Принце Зерге». Пусть Метцов подавится своим фитаином. На здоровье».

— Вы когда-нибудь слышали о прекрасном старом обычае расстреливать трусов, не подчиняющихся приказам, лейтенант? — продолжил Метцов, глядя Бонну в глаза.

— Я... Не думаю, что смогу угрожать этим, сэр, — твердо ответил Бонн.

«И кроме того, мы же не на войне. Или нет?»

— Технари! — с отвращениес произнес Метцов. — Я не сказал — угрожать, я сказал — расстрелять. Расстреляйте одного, остальные станут в строй как миленькие.

Майлз подумал, что юмор Метцова еще подозрительнее, чем его собственный. Или генерал выражается фигурально?

— Сэр, фитаин — очень сильный мутаген, — устало произнес Бонн. — Я совсем не уверен, что остальные встанут в строй, чем бы ни грозило обратное. Кроме

того, наш разговор зашел слишком далеко. Я, наверное, зарвался.

— Похоже на то. — Метцов холодно посмотрел на него, затем перевел взгляд на Яски, который судорожно сглотнул и, выпрямившись, всем видом показывал, что не уступит. Майлзу хотелось провалиться сквозь землю.

— Если уж вы претендуете на то, чтобы командовать людьми, придется мне, военному, поучить вас, технарей, как это делается, — решил Метцов. — Сейчас вы оба пойдете и через двадцать минут построите своих людей возле административного корпуса. Мы устроим небольшой старомодный урок дисциплины.

— Но вы же не собираетесь на самом деле расстреливать? — беспокойно спросил Яски.

Метцов угрюмо усмехнулся.

— Не думаю, что дойдет до этого. — Он обратился к Майлзу: — Какая сейчас погода, младший лейтенант?

— Пять градусов мороза, сэр, — отчеканил Майлз. Он твердо решил открывать рот только тогда, когда к нему обратятся.

— А ветер?

— Восточный, два с половиной метра в секунду.

— Превосходно. — Глаза Метцова по-волчьи сверкнули. — Вы свободны, джентльмены. Посмотрим, как вы исполните приказ на сей раз.

Генерал Метцов в теплой куртке и перчатках стоял возле пустого флагштока перед административным корпусом и смотрел на тускло освещенную дорогу. Что он там высматривает? Майлз очень хотел бы это знать. Время приближалось к полуночи. Яски и Бонн вместе со своими людьми стояли ровной безмолвной шеренгой — полтора десятка человек в обогреваемых комбинезонах и куртках.

Майлз снова поежился, не только от холода. Иссеченное шрамами лицо Метцова выглядело усталым и ужасно старым. Генерал напомнил Майлзу деда, когда тот был уже плох. Граф Петер, старый генерал, казался порой живой окаменелостью. Старомодные уроки дисциплины, о которых упоминал Метцов, были вполне

во вкусе деда: они подразумевали применение резиновых шлангов со свинцом внутри. Хотя кто знает, чем лакомилось воображение Метцова в военной истории Барраяра?

На губах Метцова появилась нехорошая усмешка, и он повернул голову к дороге, по которой кто-то двигался. Затем подозрительно сердечным тоном обратился к Майлзу:

— Вы знаете, младший лейтенант, в чем был смысл тщательно насаждаемого соперничества между родами войск, существовавшего на старушке Земле? В случае мятежа всегда можно было уговорить пехоту стрелять в моряков и наоборот.

— Мятеж? — воскликнул Майлз, забыв о своем решении говорить только тогда, когда его спросят. Ему казалось, что он ослышался. — Я думал, речь идет совсем о другом — о страхе отравиться.

— Так было сначала. Теперь из-за нелепого поведения Бонна вопрос перешел в новую плоскость. — На щеке Метцова дернулся мускул. — Когда-то это должно было случиться в новой армии — мягкотелой армии. Повиновение командиру — это вопрос принципа!

«Типичная для старой армии трепотня о принципах. Ох уж эти старые пердуны!»

— Принципа, сэр? Какого? Это же просто уничтожение отходов. — Майлз почувствовал, что задыхается.

— Это массовый отказ подчиниться прямому приказу, младший лейтенант. Любой заштатный адвокатишка квалифицирует случившееся как бунт. К счастью, его легко искоренить; надо только поторопиться, пока бунтовщики малочисленны и неорганизованны.

По дороге маршировал взвод новобранцев в белых зимних маскировочных халатах под командой сержанта с базы — ветерана, служившего под началом Метцова еще во времена Комаррского мятежа и переведенного сюда вместе с командиром.

Новобранцы, как с ужасом убедился Майлз, были вооружены смертоносными нейробластерами, которые никоим образом не должны были попасть в их руки. И

Майлз почти физически ощущал их нервное возбуждение: даже они, эти зеленые ребята, понимали, с чем имеют дело.

Сержант между тем расставил новобранцев вокруг онемевшей команды Бонна и пролаял приказ. Они взяли оружие на изготовку, нацелив серебристые параболоиды, поблескивающие в свете окон административного корпуса, в головы техников. Лицо Бонна стало белым, как у привидения.

— Раздеться, — сквозь зубы приказал Метцов.

Люди не верили своим ушам; в колонне возникло замешательство; только один или двое поняли приказ и начали раздеваться. Остальные, обмениваясь недоумевающими взглядами, с запозданием последовали их примеру.

— Когда вы снова будете в состоянии подчиняться, — отчетливо и громко выговорил Метцов, — можете одеваться и приступать к работе. Выбор за вами. — Он отошел назад, кивнул сержанту и занял прежнюю позицию у флагштока. — Это немного охладит их, — пробормотал он так тихо, что Майлз с трудом расслышал его. Метцов, казалось, был уверен, что проведет здесь не более пяти минут; весь его вид свидетельствовал, что мысленно он уже в теплой комнате и наслаждается чем-нибудь горячительным.

Майлз заметил среди техников Олни и Паттаса. Были там и другие, досаждавшие ему не меньше, особенно поначалу. Кое-кого Майлз просто встречал, а кое с кем перемолвился парой фраз, когда вел свое, личное расследование биографии утонувшего рядового. Иные лица были ему вовсе не знакомы. Пятнадцать обнаженных людей била дрожь, поземка заметала их голые ноги. На пятнадцати изумленных, перепуганных лицах проступало выражение обреченности, ужаснувшее Майлза. Глаза не отрывались от наставленных на них бластеров. «Сдавайтесь, — безмолвно убеждал он их. — Игра не стоит свеч». Но на кого бы он ни взглянул, в глазах были решимость и отчаяние.

Будь он проклят, этот умник, изобревший фитаин! Яски, стоявший позади своих людей, окаменел. Но Бонн медленно начал разуваться.

«Нет, нет, не надо! — мысленно закричал ему Майлз.— Если ты встанешь с ними, они не сдадутся. Уверятся в том, что правы. Не делай этого, ты даже не представляешь, какая это страшная ошибка...» Бонн сбросил остатки одежды в кучу, вышел вперед, встал в строй, повернул голову и встретился взглядом с Метцовым. Глаза генерала вспыхнули ледяным огнем.

— Значит, — прошипел он, — ты сам признаешь себя виновным. Ну что ж, замерзай!

Как быстро и как плохо все обернулось! Самое время припомнить какое-нибудь неотложное дело в метеоцентре и убраться отсюда к чертовой матери. Если б только эти дрожащие, околевающие от холода самоубийцы покорились, ночь окончилась бы для него без очередного прокола!

Взгляд Метцова упал на Майлза:

— Форкосиган, можете взять оружие и принести хоть какую-нибудь пользу. Либо считайте себя свободным.

Он вправе уйти. Вправе ли? Когда он еще пару минут простоял, не двинувшись с места, к нему подошел сержант и вложил в руки нейробластер. Майлз безучастно принял его. Пытаясь собраться с мыслями (разве можно назвать мыслями ужас?), он, прежде чем поднять парализатор, убедился: оружие не снято с предохранителя.

Это уже не мятеж. Бойня.

Один из новобранцев нервно хихикнул. Что им приказали? И что они об этом думают? Эти восемнадцатидевятнадцатилетние парни — понимают ли они, что такое преступный приказ? И если да, знают ли, что предпринять в таком случае?

А он сам?

Все дело в том, что ситуация была сомнительной. Не укладывалась в схему. Майлз знал о преступных приказах. Каждый окончивший академию знал о них. В конце первого полугодия в академию прибывал его отец собственной персоной и устраивал для старшего курса

однодневный семинар на эту тему. Во времена своего регентства он лично императорским указом обязал выпускников разбираться в существе проблемы. Уметь дать точное юридическое определение преступного приказа, знать, когда и каким образом можно не подчиниться ему. Все это иллюстрировалось видеофильмом, включающим примеры верного и неверного поведения. Примеры брались из истории, и даже новейшей — рассматривались, например, гибельные политические последствия Солстисской бойни (командующим тогда был сам адмирал). Во время показа этих кадров один-два кадета неизменно покидали аудиторию, дабы освободиться от содержимого своих желудков.

Преподаватели академии ненавидели День Форкосигана, поскольку нормальное течение занятий прерывалось и курсанты не могли войти в норму несколько недель. Собственно говоря, адмирал Форкосиган не читал свою лекцию в конце года именно поэтому — каждый раз приходилось уговаривать самых впечатлительных не бросать академию перед выпускными экзаменами. Майлз знал, что лекцию отца слушали только кадеты, хотя адмирал полагал не лишним записать ее на головид и включить в основной курс армейской подготовки. Некоторые места этого семинара были откровением даже для Майлза.

Но сейчас... Если бы подчиненные Бонна были гражданскими лицами, Метцов был бы не прав на сто процентов. Но если бы подобное случилось во время войны, перед лицом вражеской угрозы, Метцов просто не мог вести себя иначе. Теперешняя ситуация была промежуточной. Солдаты проявили неповиновение, но пассивное. Никакого врага нет и в помине. Ничто не угрожало персоналу базы (если не считать угрозы их здоровью и даже, может быть, жизни). Хотя, если ветер переменится и ситуация окажется иной... «Я не готов к этому, еще не готов, не так скоро. Какое решение будет правильным? Моя карьера...»

Майлза охватило что-то вроде приступа клаустрофобии — как человека, застрявшего в лифте. Бластер

подрагивал в его руках. Поверх параболического отражателя он видел стоявшего молча Бонна. Уши, пальцы и ноги раздетых людей побелели. Один согнулся в три погибели, превратившись в дрожащий клубок, но не подавал знака, что сдается. Не почудилась ли в позе Метцова легкая тень сомнения?

На мгновение у Майлза промелькнула сумасшедшая мысль снять оружие с предохранителя и выстрелить в этого параноика. А что потом? Стрелять в новобранцев? Он не успеет перестрелять всех. Чей-то луч достанет его в ту же минуту.

«Вероятно, я здесь единственный, кто уже убивал, не важно, в бою или нет. Метцов и сержант, разумеется, не в счет. Новобранцы могут начать стрелять по невежеству или из любопытства. Они слишком мало знают, чтобы ослушаться безумца. Не знают они и самого печального — то, что произойдет в следующие полчаса, останется в их памяти до конца жизни.

Что я могу — сейчас, в данную минуту? Только подчиниться приказу. Единственно разумная вещь в повальном безумии, творящемся прямо на глазах. Каждый следующий командир, под чьим началом придется служить еще годы и годы, будет требовать одного — чтобы его приказы выполнялись как можно точнее. — Ты думаешь, что после этого сможешь наслаждаться службой на корабле, младший лейтенант Форкосиган? А как насчет компании околевших от холода призраков? — Что ж, по крайней мере я не буду одинок...»

Все еще с бластером в руках, Майлз отступил на несколько шагов назад, выпав из поля зрения новобранцев и Метцова. Горячие слезы обожгли ему веки.

Он сел на землю. Снял перчатки, расшнуровал ботинки. На землю упала куртка, потом брюки. Поверх легло зимнее белье с обогревом, а на самом верху аккуратно пристроился нейробластер. Майлз вышел вперед. Стержни, поддерживающие ноги, казались ледяными.

«Ненавижу пассивное сопротивление. Как я его ненавижу!»

— Что вы, черт возьми, делаете, младший лейтенант?! — рявкнул Метцов, когда Майлз прохромал мимо него.

— Хочу прекратить это, сэр, — спокойно ответил Майлз. Даже сейчас некоторые из техников отодвинулись от него, словно физические недостатки были заразными. Однако Паттас не отодвинулся. Бонн тоже.

— Бонн уже попытался валять дурака. Думаю, сейчас он жалеет об этом. А у вас тем более не пройдет, Форкосиган. — Голос Метцова дрожал, почти прерывался — не от холода, разумеется.

Ты должен был сказать «младший лейтенант». Значит ли что-нибудь фамилия? Майлз увидел, как по рядам новобранцев прошла волна беспокойства. Да, у Бонна не получилось. Он, младший лейтенант Форкосиган, был здесь единственным, чье личное вмешательство могло переломить ситуацию. Все зависит от того, насколько далеко зашел потерявший от бешенства рассудок Метцов.

Майлз обращался прямо к нему — и к новобранцам:

— Не исключено, хотя и маловероятно, что служба безопасности не станет расследовать обстоятельства гибели лейтенанта Бонна и его людей, если вы пошлете лживый рапорт и сошлетесь на некий несчастный случай. Но гарантирую вам: обстоятельства моей смерти расследовать будут.

На губах Метцова появилась странная улыбка.

— А если не останется свидетелей?

Сержант Метцова держался столь же непреклонно, как и его командир. Майлз вспомнил Ана — пьяницу Ана, молчуна Ана. Какие сцены наблюдал он на Комарре? И если был свидетелем, почему ему сохранили жизнь? В благодарность за что, за какое предательство?

— Из-з-звините, сэр, но передо мной по крайней мере десять свидетелей с нейробластерами. — Серебряные параболоиды с места, где стоял Майлз, казались огромными, как тарелки. Смена точки наблюдения сильно изменила его мнение о ситуации. Она больше не казалась сомнительной. Все ясно. — Или вы собираетесь уничто-

жить свою расстрельную команду и застрелиться? Служба безопасности подвергнет допросу всех возможных свидетелей. Вы не можете заставить меня замолчать. Живой или мертвый, своими устами или вашими (а может, даже их устами), но я дам показания. — Майлза трясло от холода. Удивительно, как при этой температуре чувствуется даже легкий восточный ветер. Чтобы его дрожь не приняли за что-то иное (у него действительно трясутся поджилки, да только не от страха), Майлз изо всех сил старался говорить членораздельно.

— А вдруг вы... э-э... позволите себе замерзнуть, младший лейтенант? — Тяжелый сарказм Метцова подействовал на Майлза. Этот человек все еще думает, что правда на его стороне. Он ненормален.

Голые ноги Майлза больше не чувствовали холода. Ресницы покрылись инеем. Он быстро догонял остальных благодаря маленькой массе тела. Кожа покрылась сине-фиолетовыми пятнами.

Над занесенной снегом базой нависла мертвая тишина. Майлзу казалось, он слышит падение снежинок, стук зубов замерзающих людей, частое дыхание новобранцев. Время остановилось.

Попробовать пригрозить Метцову? Разбить его невозмутимость — намекнуть на Комарру, на то, что правда о его опале выйдет наружу?.. Или обнародовать звание отца и его положение?.. Черт побери, каким бы сумасшедшим ни был Метцов, должен же он понимать, что зашел слишком далеко. Его «старомодный» урок дисциплины сорвался, и теперь этот полоумный упорствует, готовый защищать свой авторитет до конца. Как же сказал Ан на прощание? «Он может быть весьма опасен. Никогда не угрожайте ему...» За всеми этими садистскими штучками трудно заметить страх. Но он сидит в Метцове где-то там, в глубине... И если нельзя надавить на него, может быть, стоит попробовать потянуть с другого конца?..

— Но подумайте, сэр, — Майлз старался, чтобы голос его звучал как можно убедительнее, — чего вы достигнете, прекратив все это. Во-первых, у вас теперь все

доказательства факта мятежа и даже э-э... заговора. Вы можете арестовать и посадить всех на гауптвахту. Тем самым вы приобретаете все, ничего не потеряв. Я, например, расстаюсь с мечтой о карьере, получаю позорную отставку, может быть, тюремную камеру. Вам не кажется, что смерть гораздо почетнее? Остальным за вас займется служба безопасности, и вы только выиграете от этого.

Слова Майлза зацепили Метцова — сузившиеся стальные глаза вспыхнули, прямая шея служаки качнулась влево. Теперь — дать ему заглотить наживку и ни в коем случае не дергать леску...

Метцов подошел совсем близко, нависая над тщедушным Форкосиганом, как каменная глыба, окутанная облачком пара. Понизив голос, он произнес:

— Типичный совет Форкосигана. Твой мягкотелый папаша либеральничал с комаррскими подонками, и это обошлось нам недешево. Военный трибунал для адмиральского сыночка — как ты полагаешь, собьет это спесь с одного бездарного лицемера, а?

Майлз сглотнул ледяную слюну. «Кто не знаком с собственной историей, — вспомнилось ему, — тот обречен постоянно натыкаться на нее». К сожалению, тот, кто знаком, — тоже.

— Сожгите этот чертов пролившийся фитаин, — хрипло прошептал он, — а там будет видно.

— Все арестованы, — неожиданно громко объявил распрямившийся Метцов. — Одевайтесь!

От нахлынувшегося облегчения люди опешили. Потом, нервно поглядывая на бластеры, бросились к одежде, поспешно натягивая ее непослушными, одервеневшими на морозе руками. Но Майлз уже минуту назад понял, что все позади. И вспомнил слова отца: «Оружие — просто инструмент, заставляющий врага изменить свою точку зрения. Полем битвы являются умы, все остальное — бутафория».

Как оказалось, лейтенант Яски в момент отвлекшего внимание всех присутствующих появления на сцене раздетого Майлза незаметно ускользнул в администт-

ративный корпус. В результате на месте происшествия оказались командир курсантов, врач базы и заместитель Метцова — в надежде хоть как-то разрядить обстановку. Но к этому времени Майлз, Бонн и техники, уже одевшиеся, спотыкаясь, брели под дулами нейробластеров к бункеру гауптвахты.

— Надо ли говорить, как я благодарен вам? — стуча зубами, прошептал Бонн. Они напоминали старых паралитиков: Бонн облокачивался на Майлза, Майлз висел на Бонне — и так странная пара хромала по дороге, не чувствуя под собой ног.

— Он собирается сжечь фитаин до того, как ветер переменится. Никто не умрет. Никто не станет мутантом. Мы выиграли, кажется. — С онемевших губ Майлза сорвался нелепый смешок.

— Не думал я, — произнес Бонн, тяжело дыша, — что бывают бóльшие безумцы, чем Метцов.

— Я шел по вашей дорожке, — возразил Майлз, — только у меня получилось. Как будто получилось. Завтра все будет выглядеть по-другому.

— Да. Хуже, — угрюмым тоном предсказал Бонн.

При звуке открывающейся двери Майлз подскочил на койке. Это привели в камеру Бонна.

Майлз потер ладонями небритое лицо:

— Который час, лейтенант?

— Светает. — Бонн — бледный, небритый — выглядел именно таким преступным типом, каким ощущал себя сам Майлз. С болезненным стоном он опустился на жесткое тюремное ложе.

— Что там творится?

— Всюду шныряет армейская служба безопасности. Прислали капитана, только что прибыл. По-моему, он и занимается делом. Метцов, я думаю, уже напел ему. Пока что они снимают показания.

— А как с фитаином? Управились?

— Угу. — У Бонна вырвался угрюмый смешок. — Только что заставили меня проверить все и расписаться за

работу. Из бункера получилась отличная печь, так что все в порядке.

— Младший лейтенант Форкосиган! — объявил охранник, конвоировавший Бонна. — Следуйте за мной.

Майлз с трудом встал на ноги и захромал к двери камеры.

— Увидимся, лейтенант!

— Без сомнения. Если встретите кого-нибудь с подносом, почему бы вам не использовать свое политическое влияние и не послать его ко мне, а? Время завтракать.

Майлз слабо улыбнулся:

— Постараюсь!

Вслед за охранником он прошел по короткому коридору. Гауптвахту базы Лажковского вряд ли можно было назвать крепостью. Она напоминала скорее казарму, двери которой запирались только снаружи, да еще отсутствовали окна. Здешний климат был лучшим сторожем, чем любая охрана, не говоря уже об опоясывающем остров рве необъятной ширины, заполненном ледяной водой.

В это утро офис службы безопасности базы выглядел по-деловому. Возле дверей стояли двое угрюмых незнакомцев: лейтенант и могучего телосложения сержант. На их щегольских униформах виднелся Глаз Гора — эмблема Имперской службы безопасности. Имперской, не армейской! Службы, охранявшей семью Майлза все годы активной политической жизни его отца. Майлз испытывал к ним почти родственную нежность.

Секретарь, на столе которого светился и мигал экран, казалось, нервничал.

— Младший лейтенант Форкосиган, сэр, мне нужно, чтобы вы оставили здесь отпечаток ладони.

— Конечно. Что я подписываю?

— Проездные документы, сэр.

— Что? — Майлз помедлил, потом поднял одетые в пластиковые перчатки руки: — Какая рука лучше?

— Мне кажется, правая больше подойдет, сэр.

Неуклюжей левой рукой Майлз с трудом стянул правую перчатку. Кожа блестела от мази, как глянцевая. Руки опухли, были покрыты красными пятнами и вообще выглядели неважно, но лекарство делало свое дело: пальцы уже сгибались. Майлзу пришлось трижды прикладывать руку к идентификационной пластине, прежде чем компьютер опознал его.

— Теперь вы, сэр, — кивнул клерк лейтенанту Имперской службы. Тот приложил руку к пластине, и компьютер удовлетворенно загудел. Офицер отнял руку, подозрительно осмотрел блестящий липкий налет — след мази от обморожения — и украдкой вытер ее о брюки. Клерк поспешно прошелся по пластине рукавом форменного кителя и нажал кнопку интеркома.

— Рад видеть вас, ребята, — обратился Майлз к офицеру. — Жаль, вас здесь вчера не было.

Лейтенант в ответ не улыбнулся.

— Я всего лишь посыльный, сэр. И не уполномочен обсуждать с вами инцидент.

Из своего кабинета вынырнул генерал Метцов, одной рукой держа стопку пластиковых листков, а другой придерживая за локоть капитана армейской безопасности, который хмуро кивнул коллеге из Имперской службы.

Генерал улыбался прямо-таки по-приятельски:

— Доброе утро, младший лейтенант Форкосиган. — Он безо всякого страха смотрел на людей из Имперской безопасности. «Черт побери, да при виде их этот убийца должен трястись от страха!» — В нашем деле оказалась тонкость, которую я не принял в расчет. Если лорд-фор принимает участие в военном мятеже, ему автоматически предъявляется обвинение в государственной измене.

— Что? — Комок в горле заставил Майлза замолчать, но через минуту его голос снова зазвучал нормально. — Лейтенант, надо ли понимать это как арест? Неужели я арестован Имперской службой безопасности?

Лейтенант молча вытащил наручники и подошел, чтобы пристегнуть руку Майлза к руке сержанта-великана.

На значке сержанта было написано «Оверман». Да уж, действительно сверхчеловек. Этому Оверману достаточно поднять руку, чтобы раздавить его, как котенка.

— Вы находитесь под арестом до окончания следствия, — четко произнес офицер.

— На какой срок?

— Срок еще не определен.

Лейтенант направился к двери, сержант и — волей-неволей Майлз — вслед за ним.

— Куда мы? — шепотом спросил он у провожатого.

— В штаб-квартиру Имперской службы безопасности. В Форбарр-Султан!

— Мне нужно собрать вещи...

— Ваши вещи собраны.

— Вернусь ли я обратно?

— Не знаю.

К тому времени, когда скат доставил их на посадочную площадку, закат разукрасил лагерь «Вечная мерзлота» в серо-желтые тона. Суборбитальный курьерский корабль Имперской службы на обледенелом бетоне площадки выглядел, как хищная птица в голубятне. Черного цвета, обтекаемой формы и безжалостно эффектный на вид, он, казалось, был способен, тронувшись с места, сразу же преодолеть звуковой барьер. Пилот был наготове, двигатели работали.

Майлз неуклюже взобрался по трапу вслед за сержантом; холодный металл наручников резал руку. Мелкие кристаллики льда плясали над землей, вздымаемые северо-восточным ветром. По тому, как холодный воздух покалывал носовые пазухи, Майлз решил, что к утру температура стабилизируется. Неужели он покидает базу? Бог ты мой, ему уже давно надо было убраться отсюда.

Майлз в последний раз вдохнул обжигающий воздух. Дверь корабля с шипением закрылась. Внутри стояла ватная тишина, даже звук моторов тонул в ней.

Но по крайней мере здесь было тепло.

ГЛАВА 6

Осень в Форбарр-Султане считалась лучшим временем года, и сегодняшний день не был исключением. Небо было чистым и пронзительно голубым, воздух — свежим и прохладным; даже обычная промышленная гарь казалась здесь каким-то тропическим ароматом. Осенние цветы еще не отцвели, но листва на деревьях земного происхождения уже пожелтела. Когда Майлза без лишних церемоний вывели из служебного фургона и повели к черным воротам гигантского прямоугольного здания, где располагалась штаб-квартира Имперской службы безопасности, он заметил одно такое дерево. Высокий клен с листвой цвета сердолика и серебристо-серым стволом стоял на другой стороне улицы. Даже когда черные ворота закрылись за ним, Майлз видел перед собой чудесное дерево совершенно отчетливо — его нельзя забывать, потому что всякое может случиться, прежде чем он снова увидит деревья и небо.

Лейтенант предъявил пропуск. Охрана у дверей молча пропустила их, и по лабиринту коридоров Майлз с сопровождающим дошли до двух лифтовых шахт. Лифт двинулся вверх. Значит, его ведут не в сверх-надежный тюремный блок, находящийся под зданием. Сердце Майлза сжалось: он с тоскливым сожалением подумал о лифте, ведущем вниз.

Арестованного провели в офис, расположенный на одном из верхних этажей. Миновав сидевшего в приемной капитана, конвоиры ввели Мйлза прямо в кабинет. Из-за огромного стола с коммуникационным пультом на них взглянул хрупкий спокойный человек в гражданской одежде. Перед ним горел экран видео.

— Благодарю вас. Можете быть свободны, — негромко обратился он к сопровождающим Майлза.

Оверман щелкнул замком, отцепляя Майлза от своего запястья, а лейтенант спросил с тревогой:

— Не опасно ли это, сэр?

— Думаю, нет, — сухо ответил человек.

«Слушайте, а как же я?» — воскликнул про себя Майлз. Но те двое закрыли за собой дверь, оставив его на полу — в буквальном смысле слова. Немытый, небритый, в грязной черной униформе, которую он впопыхах накинул на себя (неужели вчера вечером?), с обмороженным лицом и с распухшими руками и ногами — нечего сказать, хороша картинка. Все еще заключенные в пластиковые футляры, его пятки скользили по липкой мази. От перевозбуждения Майлз чувствовал себя больным, двухчасовой перелет нисколько не освежил его. Горло горело, нос был заложен, даже дышать было больно.

Саймон Иллиан, глава Имперской службы безопасности Барраяра, скрестил руки на груди и медленно осмотрел Майлза сверху донизу. У Майлза немедленно появилось чувство, что он здесь уже не первый раз.

Почти каждого на Барраяре пугало имя этого человека, хотя мало кто знал его в лицо. Подобной репутацией, старательно поддерживаемой самим Иллианом, он был частично (но только частично) обязан своему знаменитому предшественнику, легендарному капитану Негри. Иллиан и его организация обеспечивали безопасность отца Майлза в течение всех двадцати лет его политической карьеры и ошиблись лишь один раз. Единственным человеком, которого побаивался Иллиан, была мать Майлза. Он спросил как-то у отца, не вызвано ли это чувством вины за последствия солтоксиновой диверсии, но граф Форкосиган ответил, что Иллиан с самой первой встречи с графиней Форкосиган, тогда Корделией Нейсмит, испытывал нечто вроде страха или, скорее, боязливого почтения. Мальчиком Майлз звал Иллиана «дядя Саймон», а после того, как поступил на службу — «сэр».

Сейчас, вглядываясь в лицо всемогущего шефа безопасности, Майлз подумал, что начинает понимать разницу между простым гневом и бешенством.

Иллиан, завершая свой осмотр, покачал головой и простонал:

— Замечательно. Просто замечательно.

Майлз откашлялся:

— Скажите... я действительно арестован, сэр?

— Это будет зависеть от нашей беседы. — Иллиан удобнее откинулся в кресле. — По случаю твоей выходки я на ногах с двух ночи. Слухи распространяются по Службе со скоростью их передачи по видеосети. Факты мутируют каждые сорок минут, как бактерии. Конечно, каждый сходит с ума по-своему, но неужели нельзя было придумать менее откровенный способ самоубийства? Это все равно что прилюдно пырнуть перочинным ножом императора на параде в честь его дня рождения. Или изнасиловать овцу на главной площади. В час пик. — Сарказм сменился неподдельной болью. — А он возлагал на тебя такие надежды. Как ты мог?!

Спрашивать, кого Иллиан имеет в виду, не было необходимости. Конечно, того самого Форкосигана.

На коммуникационном пульте Иллиана замигал огонек. Он вздохнул, быстро взглянул на Майлза и нажал кнопку. Справа от стола, бесшумно скользнув в сторону, открылась потайная дверь и в комнату вошли двое в зеленой форме.

На премьер-министре, адмирале графе Эйреле Форкосигане форма смотрелась так же естественно, как шкура на животном. Ростом он был не выше среднего, коренаст, седовлас, с мощной челюстью, весь в шрамах — наружность головореза, но с самыми проницательными серыми глазами из всех, которые Майлз когда-либо видел. Его сопровождал адъютант, лейтенант Джоул. Майлз встречался с ним, когда в последний раз приезжал домой. Это был отважный и неглупый человек. Раньше он служил в космосе, был награжден за храбрость и сообразительность во время ликвидации тяжелой аварии на борту корабля, где получил ожоги. После лечения Джоула перевели в генштаб, где он быстро занял место секретаря по военным делам у премьер-министра — Форкосиган славился нюхом на таланты. Он так потрясающе выглядел, этот высокий блондин, что его следовало снимать в рекламных видео. Каждый раз при виде Джоула у Майлза вырывался безнадежный вздох. Как мож-

но быть таким совершенством! Айвен при всей его неотразимости хоть умом не отличался.

— Благодарю вас, Джоул, — жадно оглядывая Майлза, пробормотал граф Форкосиган. — Увидимся в офисе.

— Слушаюсь, сэр. — Адъютант неслышно скользнул в дверной проем, тревожно взглянув на Майлза и на своего начальника. Дверь, зашипев, встала на свое место.

Иллиан выпрямился у пульта.

— Вы здесь официально? — спросил он графа.

— Нет.

Иллиан что-то отключил — записывающее устройство, понял Майлз.

— Отлично, — сказал он, хотя в его тоне слышались нотки сомнения.

Майлз отдал отцу честь. Тот молча обнял сына, а потом сел в единственное, не считая хозяйского, кресло, скрестил руки и ноги и распорядился:

— Продолжайте, Саймон.

Иллиан, которого прервали в разгар головомойки, разочарованно пожевал губами.

— Хватит о слухах, — сказал он Майлзу. — Что на самом деле произошло на этом чертовом острове?

В самой нейтральной и сжатой форме, которую он мог придумать, Майлз описал события предыдущей ночи, начиная с утечки фитаина и кончая своим арестом, или задержанием, или чем там еще. За все время его рассказа отец не произнес ни слова. Он вертел в руках световое перо, время от времени похлопывая им по колену.

Когда Майлз закончил, воцарилось молчание. Эти манипуляции со световым пером раздражали Майлза безумно. Ему хотелось, чтобы отец выбросил эту штуку куда подальше.

К его облегчению, граф засунул перо обратно в нагрудный карман, откинулся на спинку кресла и, сцепив пальцы, нахмурился.

— Давай разберемся. Ты сказал, что Метцов в нарушение устава использовал новобранцев в качестве расстрельной команды? Так?

— Да. Десять человек. Не знаю, правда, были ли они добровольцами.

— Новобранцев. — Лицо графа Форкосигана потемнело. — Мальчиков.

— Он нес какую-то ерунду, что это похоже на противостояние армии и флота, как когда-то на старой Земле.

— Вот как? — хмыкнул Иллиан.

— Не думаю, что Метцов был вполне нормален, когда его отправили на остров Кайрил после случившегося во время Комаррского мятежа. И пятнадцать лет размышлений об этом не улучшили его настроения, отнюдь. — Майлз помедлил. — Сэр... ответит ли Метцов за свои действия?

— Если верить тебе, — отозвался Форкосиган, — генерал Метцов вовлек взвод восемнадцатилетних парней в то, что едва не превратилось в массовое убийство под пытками.

С этим Майлз был согласен на все сто процентов. Его тело болело и ныло до сих пор.

— Вряд ли ему удастся найти достаточно глухую дыру, чтобы спрятаться там. О Метцове позаботятся, не волнуйся. — Вид у графа был внушительным, почти зловещим.

— А что делать с Майлзом и остальными мятежниками? — спросил Иллиан, помедлив.

— Боюсь, придется рассматривать это дело отдельно.

— Итак, два отдельных дела, — подытожил Иллиан.

— Пожалуй. Послушай, Майлз, что ты скажешь о тех, кому угрожали расстрелом?

— В основном они техники, сэр. Грекоговорящие. Там, на острове, их целая компания.

Иллиан вздрогнул.

— Бог мой, неужели этот идиот вообще не имеет понятия о политике?

— Насколько я понял, нет.

Майлз и сам задумался об этом аспекте проблемы лишь позже, на тюремной койке после медицинского осмотра. Поскольку больше половины замерзающих

техников принадлежало к грекоговорящему меньшинству, сепаратисты немедленно устроили бы уличные беспорядки и интерпретировали приказ генерала об уничтожении фитаина как знак расовой дискриминации. А в результате — новые жертвы, хаос, воцаряющийся время от времени как эхо Солстисской бойни...

— Мне... мне кажется, если б я погиб вместе с ними, по крайней мере было бы ясно, что это не следствие какой-то интриги правительства. Так что все равно я остался бы в выигрыше. Или по крайней мере исполнил свой долг. Разве это плохая стратегия?

Величайший стратег столетия на Барраяре закрыл глаза и потер поседевшие виски, словно унимая нестерпимую боль.

— Что ж... пожалуй.

— Итак, — Майлз судорожно вздохнул, — будет ли мне предъявлено обвинение в государственной измене?

— Второй раз за четыре года? — усмехнулся Иллиан. — Не многовато ли? Нет, черт побери! Пока все не утихнет, я просто уберу тебя подальше. Куда, пока не знаю. Но с островом Кайрил покончено.

— Рад слышать. — Глаза Майлза сузились. — А как с остальными?

— С новобранцами?

— С техниками. Моими... друзьями-«мятежниками»!

Иллиан поморщился.

— Было бы вопиющей несправедливостью, если б я благодаря своим привилегиям фора остался в стороне, — твердо добавил Майлз.

— Публичный скандал (а суд над тобой, несомненно, обернется таким скандалом) повредит репутации центристской коалиции, возглавляемой твоим отцом. Твои моральные принципы, может быть, и хороши, но вряд ли я могу одобрить их, — сухо заметил шеф барраярской безопасности.

Майлз пристально смотрел на премьер-министра графа Форкосигана.

— Сэр?

Тот в задумчивости покусывал нижнюю губу.

— Ну что ж, я вправе императорским указом снять с них обвинение. Хотя за это мне еще придется заплатить. — Пристально глядя на Майлза, граф Форкосиган наклонился вперед: — Больше ты не будешь служить. Слухи все равно пойдут, состоится суд или нет. Ни один командир не захочет иметь с тобой дело. Никто не поверит, что ты рядовой офицер, а не манекен, охраняемый привилегиями. И даже я не могу просить взять тебя; ты будешь наказанием для любого командира.

Майлз тяжело вздохнул:

— Но так уж случилось, что я оказался связанным с этими людьми. Сделай это. Сними с них обвинение!

— Тогда ты немедленно подашь в отставку, — потребовал Иллиан.

Майлза вдруг затошнило, и только сейчас он почувствовал, что дрожит — его бил озноб.

— Я подам, — пообещал он.

Иллиан вдруг задумчиво посмотрел на аппаратуру, вмонтированную в стол.

— Майлз, а как ты узнал о сомнительных действиях Метцова во время Комаррского мятежа? Это же сверхсекретные данные!

— А разве Айвен не доложил вам о возможности доступа к файловой системе Имперской службы безопасности?

— Что ты сказал? Повтори, пожалуйста!

«Чертов Айвен!»

— Могу я сесть, сэр? — слабым голосом произнес Майлз. В глазах потемнело, и какие-то огненные круги, вспыхивая, пересекались друг с другом. Не ожидая разрешения, он опустился на ковер, болезненно моргая. Отец рванулся к нему, потом резко остановился. — Я заинтересовался прошлым Метцова после намеков лейтенанта Ана. Кстати, когда займетесь Метцовым, советую сперва подвергнуть медикаментозному допросу Ана. Он знает больше, чем говорит. Я думаю, вы найдете его где-нибудь на экваторе.

— Я спрашивал о моих файлах, Майлз. О моих файлах!

— Ах да, извините. Видите ли, если поставить друг против друга пульты внутренней секретной сети и наружной, можно спокойно читать файлы по видео. Конечно, при условии, что кто-то в штабе сможет установить пульты нужным образом и вызвать нужный вам файл. Я был уверен, что вы уже знаете об этом, сэр.

— Полная секретность, — заметил граф Форкосиган сдавленным голосом. Сдавленным от смеха, с удивлением заметил Майлз.

Иллиан сморщился, будто проглотил лимон.

— Как тебе удалось... — начал он, затем взглянул на графа и свирепо продолжил: — Как ты догадался?

— Но это же очевидно!

— О! Абсолютная секретность? — пробормотал граф Форкосиган, безуспешно борясь со смехом. — Дорогостоящая, абсолютно все предусматривающая система. Недоступная хитрейшим вирусам и сложнейшим аппаратным средствам. И два младших лейтенанта преспокойно манипулируют ею!

Иллиан отрезал:

— Я не обещал вам, что она будет защищена от идиотов!

Форкосиган вытер слезы и вздохнул:

— Ох уж этот человеческий фактор. Мы исправим ошибку, Майлз. Спасибо.

— Ты похож на потерявшую управление ракету, шарахающуюся куда попало, — прорычал Иллиан, привставая, чтобы взглянуть на скорчившегося на полу Майлза. — За твою предыдущую выходку с наемниками и за все остальное ты заслуживаешь... Мало посадить тебя под домашний арест! Пока я не увижу тебя запертым со связанными за спиной руками, я не смогу спать!

Майлз, который был уверен сейчас, что за несколько часов нормального сна может убить человека, только пожал плечами. Ох, как бы вынудить Иллиана поскорее отправить его в эту дивную, тихую тюремную камеру.

Граф Форкосиган молчал. В его глазах появилось странное отрешенное выражение. Иллиан заметил это и умолк.

— Саймон, — задумчиво произнес Форкосиган-старший, — Имперская служба, без сомнения, должна продолжать наблюдать за Майлзом. Столько же ради его блага, сколько и моего.

— А также ради блага императора Барраяра и всех прочих ни в чем не повинных людей!

— Но разве существует более эффективный для Службы способ наблюдения, чем взять подопечного, в данном случае Майлза, на службу в Имперскую безопасность?

— Что? — одновременно ужаснулись Иллиан и Майлз.

— Вы смеетесь! — воскликнул Иллиан, а Майлз быстро добавил:

— Безопасность никогда не входила в список десяти самых желанных моих назначений.

— Дело не в желании, а в профессиональной пригодности. Помню, когда-то мы с майором Сесилом говорили на эту тему. Хотя, как выразился Майлз, безопасность не входит в его список.

«Арктическая метеорология тоже не входила в него», — машинально отметил Майлз.

— А потом, вы же сами сказали, — продолжал растерявшийся Иллиан. — Его у меня не возьмет ни один начальник. И я не исключение, честное слово!

— По правде говоря, мне больше не на кого положиться. Я всегда, — на губах графа появилась донельзя странная улыбка, — полагался на вас, Саймон.

Иллиан выглядел ошарашенным, как полководец, которого обошли с фланга.

— Это послужит сразу нескольким целям, — как ни в чем не бывало продолжал граф Форкосиган. — Мы можем представить дело так, словно Майлз отправлен в неофициальную внутреннюю ссылку, и это своего рода понижение и немилость. Надеюсь, такой наш шаг заставит замолчать моих многочисленных противников, которые не прочь извлечь из всей этой заварухи свою выгоду. Никто не посмеет сказать, будто мы смотрим сквозь пальцы на факт мятежа.

— Но это действительно ссылка. — Майлз защищался изо всех сил. — Пусть даже и неофициальная, и внутренняя.

— Ты прав, — спокойно согласился граф Форкосиган.

— Но можно ли ему доверять? — Иллиан, судя по всему, решил прибегнуть к последнему средству.

— По-видимому, да. — На сей раз улыбка графа сверкнула как отточенное лезвие. — Безопасность сможет использовать его способности. Они подходят ей больше, чем другим подразделениям.

— Талант замечать очевидное?

— И менее очевидное. Многим офицерам можно доверить жизнь императора. Гораздо меньше тех, кому можно доверить его честь.

Иллиан, против воли соглашаясь, махнул рукой. Граф Форкосиган, возможно из осторожности, решил переменить тему. Повернувшись к Майлзу, он произнес с тревогой:

— У тебя такой вид, будто тебе нужно в постель. Немедленно.

— Мне и нужно в постель.

— Лазаретная койка подойдет?

Майлз закашлялся и устало прикрыл глаза.

— Мне все равно.

— Тогда пойдем вместе поищем что-нибудь.

Майлз с трудом поднялся и уцепился за руку отца: ноги, как чужие, скользили и разъезжались в пластиковых чехлах.

— Кстати, младший лейтенант Форкосиган, как тебе показался остров Кайрил? — спросил граф. — Мать сказала, ты редко звонил ей.

— Я был занят. Учился. Овладевал специальностью метеоролога. Климат там ужасный, местность — голая, треть обитателей, включая моего непосредственного командира, большую часть времени мертвецки пьяны. Средний коэффициент умственного развития соответствует средней температуре в градусах Цельсия, на пятьсот километров в любом направлении ни одной женщины,

командующий базой — псих с манией убийства. Если не считать этого, все было прекрасно.

— Похоже, за двадцать пять лет там мало что изменилось, — проговорил про себя Форкосиган-старший.

— Так ты там был? — прищурился Майлз. — И позволил, чтобы меня отправили в это райское местечко?

— Я командовал базой Лажковского в течение пяти месяцев, пока ожидал капитанского поста на крейсере «Генерал Форкрафт». В то время моя звезда, мягко говоря, несколько закатилась.

«"Мягко говоря"? О чем это он?»

— Ну, и как тебе там понравилось?

— Я мало что помню, потому что большую часть времени был пьян. В лагере «Вечная Мерзлота» каждый находил свой способ выживания. И мне кажется, ты справился куда лучше меня.

— Я следовал... тому способу выживания, которого вы придерживались позднее, сэр.

— Так я и думал. Но ведь это отнюдь не пример для подражания.

Майлз быстро взглянул на отца:

— Правильно ли я поступил, сэр? Прошлой ночью?

— Да, — просто ответил граф. — Поступок правильный. Может быть, не лучший из всех возможных правильных поступков. Дня через три ты бы придумал лучшую тактику, но у тебя не было времени на размышления. Я всегда старался не обсуждать действия своих подчиненных во время боя.

И в первый раз с тех пор, как он покинул остров Кайрил, у Майлза стало легко на сердце.

Он думал, что отец отвезет его в гигантский комплекс прославленного Имперского госпиталя, но лазарет оказался прямо под рукой: всего тремя этажами ниже. Заведение было небольшим, но прекрасно оборудованным: два приемных покоя, отдельные палаты, камеры для больных заключенных и охраняемых свидетелей, операционная и запертая дверь с устрашающей табличкой «Лаборатория медикаментозного допроса». Илли-

ан, должно быть, предупредил об их приходе, потому что санитар уже поджидал у входа. Вскоре появился запыхавшийся военврач. Не взглянув на Майлза, он поспешно оправил форму и подчеркнуто четко отдал честь графу Форкосигану.

Наверняка этот военврач привык пугать, а не пугаться, и от такой перемены ролей Майлз почувствовал себя неловко. Была ли причиной власти отца над людьми аура прошлого? Витавший над его головой ореол полководца, человека, уже вошедшего в историю? Или то был магнетизм сильной личности, заставлявший мужественных людей склоняться перед ним и беспрекословно повиноваться каждому его слову? Майлз явственно ощущал это «нечто», исходившее от отца, но с ним самим все было по-другому. Совсем по-другому.

Может быть, он просто привык к отцу. Одной из странностей бывшего лорда-регента было его обыкновение каждый день, что бы ни случилось, на два часа удаляться в свою резиденцию. И только Майлз знал, чем занимался в эти часы великий человек в зеленой военной форме. Проглотив за пять минут сандвич, все оставшееся время он проводил на полу рядом со своим не способным ходить сыном, — играл, разговаривал, читал ему вслух. Когда Майлз бился в истерике, отказываясь подвергаться очередному мучительному курсу терапии, и от него отступался Ботари и даже мать, отец был единственным, у кого хватало твердости настоять на десяти дополнительных сеансах растяжения, кто мог уговорить сына согласиться на очередную пытку, будь то подкожные впрыскивания или обжигающая вены холодом хемотерапия.

«Ты фор, мальчик мой. И, значит, тебе не пристало смущать своих вассалов неумением терпеть и держать себя в руках. Ты фор, лорд Майлз».

Едкие запахи лазарета, нервничающий врач — все это вызвало поток воспоминаний... «Неудивительно, что Метцов не очень-то напугал меня», — подумал Майлз. Когда, простившись с сыном, Форкосиган по-

кинул лазарет, у Майлза было чувство, что с ним ушла жизнь.

За истекшую с того дня неделю Майлз пришел к выводу, что в штаб-квартире Имперской безопасности не слишком утруждают себя работой. В лазарете было тихо как в могиле, только изредка появлялись штабные служащие, чтобы выпросить у мягкосердечного санитара таблетки от головной боли, простуды или похмелья, да однажды вечером несколько техников три часа сновали вокруг лаборатории, выполняя какое-то спешное задание. Воспаление легких было захвачено вовремя, дело шло на поправку, и Майлз скучал, претерпевая шестидневный курс лечения антибиотиками и строя грандиозные планы. Как хорошо будет отдохнуть дома, когда закончится наконец его лазаретная жизнь. Но когда она закончится?

— Почему я не могу уйти отсюда? — пожаловался Майлз матери при очередном ее посещении. — Если я не арестован, почему мне нельзя отдохнуть дома? Если арестован, почему мне никто не скажет об этом? Я чувствую себя, как в тюрьме.

Графиня Корделия Форкосиган далеко не светски фыркнула:

— Ты и вправду в тюрьме, мой мальчик.

Несмотря на насмешку в голосе, с детства знакомый акцент уроженки Беты согрел его сердце. Сегодня крашеные волосы матери были заколоты на затылке и свободно ниспадали на спину, на теплую коричневую блузу, отделанную серебром. Бледное, с серыми глазами, лицо матери было по-настоящему умным, и поэтому редко кто замечал, что она некрасива. Двадцать один год она прожила в качестве жены фора, подруги Великого Человека, и до сих пор проста и естественна и напрочь лишена высокомерия.

«Почему я никогда не хотел стать командиром космического корабля, как мать?» Капитан Корделия Нейсмит из Бетанского Астроэкспедиционного корпуса занималась опасным делом, совершая вслепую п-в-

переходы — ради человечества, ради чистой науки, ради развития экономики Колонии Бета, ради... Что, собственно, двигало ею? Она командовала исследовательским кораблем с шестьюдесятью членами экипажа, оторванная от дома, от всего, что несло помощь и утешение в трудную минуту. Хотя, если подумать, в том, чем она занималась, были свои преимущества. К примеру, в таком отдалении от родной планеты цепь субординации разрывалась, и выполнение приказов ее командования зависело от умения читать между строк и даже добавлять свое. Умение интерпретировать приказы — великая вещь, и Корделия Нейсмит была мастером по этой части.

Она легко вошла в барраярское общество, и только очень внимательный наблюдатель мог заметить, как далека она от него — с ее храбростью и здравомыслием, с ее врожденной способностью ни от кого не зависеть и страхом дать почувствовать другому зависимость от нее самой. В ее системе ценностей, кажется, вовсе отсутствовало понятие иерархии, так много значившее на Барраяре. Капитан Корделия Нейсмит и адмирал Эйрел Форкосиган — это была воистину пара. Но следовать по стопам матери — все равно что ступать по раскаленным угольям.

— Как дела на свете? — спросил Майлз. — Тут, знаешь ли, так же весело, как в камере-одиночке. Может, они все-таки решили, что я мятежник?

— Не думаю, — ответила графиня. — Остальным потихоньку велели подать в отставку — я имею в виду твоего лейтенанта Бонна и прочих. Не то чтобы вынужденную, но без выходного пособия, пенсии и членства в Императорском легионе, чем вы, барраярцы, так гордитесь...

— В таком случае, считай их просто резервистами, — решил Майлз. — А что с Метцовым и новобранцами?

— Он был уволен. И, думаю, потерял больше всех.

— И его отпустили? — нахмурился Майлз.

Графиня Форкосиган пожала плечами:

— Так как смертных случаев не было, Эйрела убедили не созывать военный трибунал. А новобранцев решили вообще оставить в покое.

— Ну что ж, это правильно. А как насчет меня?

— Официально ты числишься арестованным Имперской безопасностью. На неопределенный срок.

— О да. Тюрьма и должна быть местом, где царит неопределенность. — Майлз теребил край простыни. Суставы все еще болели. — И сколько времени продлится моя неопределенность?

— Столько, сколько необходимо для задуманного ими психологического эффекта.

— Какого? Свести меня с ума? Еще три дня — и готов.

Мать усмехнулась:

— Необходимо убедить барраярских служак, что ты понес должное наказание за свое... э-э... преступление. Если уж ты угодил в это зловещее местечко, пусть утвердятся в мысли, что с тобой здесь не церемонятся. А если выпустить тебя и позволить расхаживать по городу, вряд ли они поверят, что Иллиан подвешивал тебя вниз головой или поджаривал на медленном огне.

— К чему весь этот спектакль? — Майлз откинулся на подушку, стараясь скрыть горечь. — Я хотел быть полезным, и только.

Мать снова улыбнулась:

— Ты готов присмотреть себе другое занятие?

— Быть фором — больше, чем занятие.

— Да, ты прав. Это патология. Навязчивая идея. Галактика велика, Майлз. Существуют и другие способы приносить пользу.

— В таком случае, что тебя держит здесь, на Барраяре? — ответил он уколом на укол.

— Знаешь, — мать слабо улыбнулась, — желания тех, кого мы любим, могущественнее любого оружия.

— Если уж речь зашла об отце, он еще придет ко мне?

— Нет. Должна тебя предупредить, что он решил для вида рассердиться на тебя.

— Только для вида?

— Конечно же! Ему приходится быть сверхосторожным, имея дело с барраярским генералитетом. А вообще-то он уже видел тебя продолжателем своих

социально-политических реформ. Но все это основывалось на том, что ты сделаешь солидную военную карьеру. Он даже нашел способ использовать на пользу Барраяра твои дефекты.

— Да, я знаю, — угрюмо потупился Майлз.

— Но ты не думай об этом. Отец, без сомнения, отыщет смысл в том, что случилось. Не только смысл, но и надежду обратить все во благо.

Майлз вздохнул.

— Но я должен заняться хоть чем-нибудь! Мне нужна одежда!

Мать грустно покачала головой...

Оставшись один, Майлз попробовал позвонить Айвену.

— Где ты сейчас? — подозрительно спросил тот.

— В тюрьме. Влип по уши.

— Вот как! В таком случае — извини. Не хочу, чтобы ко мне прилипло что бы то ни было, — бросил Айвен и отключился.

ГЛАВА 7

На следующее утро Майлза перевели в другое место. Сопровождающий, разрушив все его надежды снова увидеть небо, спустил Майлза всего лишь этажом ниже. Офицер открыл ключом дверь в одну из тайных квартир, предназначенных для охраняемых свидетелей. И, догадался Майлз, для политически неудобных персон.

— Сколько же я здесь просижу? — спросил он офицера.

— Об этом мне ничего не известно, — официально ответил тот и вышел.

Дорожный мешок, набитый одеждой, и наспех упакованная коробка лежали на полу посреди комнаты. Пожитки с острова Кайрил. Запах плесени и холодное дыхание арктической сырости снова обдали Майлза, когда он принялся рыться в них. Включая библиотечку

по метеорологии, все вроде бы на месте. Только теперь Майлз осмотрел новое место жительства. Однокомнатная, убого меблированная в стиле двадцатилетней давности квартирка. Несколько кресел, кровать, небольшая кухонька, пустые стенные шкафы и полки, санузел. И никаких следов предшественника — вещей или предметов туалета. Ровным счетом ничего.

Здесь, должно быть, всюду жучки. Любая блестящая поверхность скорее всего скрывает видеокамеру, а подслушивающие устройства могли и вовсе вынести наружу. Интересно, включены ли они? Или Иллиан не счел нужным задействовать их? В коридоре стоял часовой и была установлена видеокамера, но Майлзу показалось, что соседей у него сейчас нет, ни справа. ни слева. Он обнаружил, что имеет право бродить по незасекреченным уголкам и закоулкам штаб-квартиры, однако у выхода из здания охрана вежливо, но твердо развернула его назад. Майлз с горя представил, как пытается бежать, спускаясь по веревке с крыши. Скорее всего его пристрелили бы, сломав тем самым карьеру какого-нибудь бедняги из охраны... Офицер безопасности, застав Майлза бесцельно шатающимся по гигантскому зданию, отвел его обратно, снабдил пачкой талонов в местный кафетерий и недвусмысленно намекнул, что ему были бы крайне признательны, если бы в промежутках между принятиями пищи он не покидал квартиру. После его ухода Майлз, как идиот, пересчитал талоны, стараясь прикинуть, сколько времени потребуется, чтобы использовать всю пачку. Их оказалось ровно сто.

Распаковав коробку и мешок, Майлз пропустил одежду через ультразвуковую чистку, чтобы уничтожить затхлый дух базы, затем аккуратно повесил ее в шкаф. Он также почистил ботинки, разложил нехитрые пожитки по пустым полкам, принял душ и переоделся.

Час прошел. Сколько их еще осталось?

Он попробовал читать, но не мог сосредоточиться и кончил тем, что, сидя в наиболее удобном из кресел с закрытыми глазами, представил себе: эта лишенная окон комната — на самом деле кабина космического

корабля, и за стеклами, которых нет, — черная космическая ночь.

Два дня спустя, когда он сидел в том же кресле, переваривая тяжеловатый обед из кафетерия, в дверь постучали.

Удивленный Майлз вскочил и захромал к двери. Он надеялся, что его не поведут на расстрел, хотя кто его знает.

При виде суровых лиц офицеров Имперской секретной службы в зеленой форме Майлз понял: дело серьезное.

— Извините, — произнес один из них и, проскользнув мимо Майлза в квартиру, начал проверять ее сканером.

Майлз недоуменно заморгал, но увидев, кто стоит в коридоре за спиной второго офицера, понимающе протянул:

— А-а.

Офицер со сканером приказал ему взглядом поднять руки.

— Порядок, сэр, — через секунду произнес он, но Майлз и без того знал, что все в порядке. Эти парни никогда не исключают случайности — даже здесь, в самом сердце Имперской службы безопасности.

— Благодарю вас. Можете подождать снаружи, — произнес третий из прибывших. Офицеры кивнули и немедленно заняли пост за дверью.

На зеленом мундире вошедшего отсутствовали какие-либо знаки различия, но Майлз сразу же отдал ему честь. Гость был худощав, среднего роста, с темными волосами и светло-карими глазами. Серьезное молодое лицо лучилось улыбкой, которой, правда, недоставало искренности.

— Прошу вас, сир, — официально произнес Майлз.

Худощавый молодой человек сделал движение головой, и Майлз закрыл на ключ дверь, за которой застыли охранники. Император Грегор Форбарра немного расслабился.

— Привет, Майлз.

— И тебе тоже. — Майлз указал на кресло: — Добро пожаловать в мою скромную обитель. Ты не знаешь, аппаратура включена?

— Я просил, чтобы не включали, но не удивлюсь, если Иллиан не подчинится — для моей же пользы, разумеется.

Грегор скорчил гримасу и последовал за Майлзом. В левой руке у него была пластиковая сумка, из которой раздавалось приглушенное бульканье. Он уселся в самое удобное и большое кресло, которое Майлз только что оставил, перекинул ногу через подлокотник и устало вздохнул, словно из него выпустили весь воздух. Затем протянул Майлзу сумку:

— Держи. Лучшее обезболивающее.

Майлз взял сумку и заглянул внутрь. Две бутылки вина, уже охлажденного!

— Да благословит тебя Господь, сын мой. Мне смерть как хотелось выпить. Как же ты догадался? И вообще, каким ветром тебя сюда занесло? Мне казалось, я в одиночном заключении. — Майлз поставил вторую бутылку в холодильник, нашел два стакана и выдул из них пыль.

Грегор пожал плечами:

— Они не смогли удержать меня. Я, знаешь ли, учусь настаивать на своем. Хотя могу биться об заклад: Иллиан сделал все, чтобы мой тайный визит был действительно тайным. Я могу остаться у тебя только до двадцати пяти ноль-ноль. — Плечи Грегора тяжело опустились, придавленные тяжестью расписанного по минутам регламента. — Кроме того, религия твоей матери обещает хорошую карму тем, кто навещает больных и заключенных, а ты, насколько я слышал, и то, и другое.

А, так это мать надоумила Грегора. Можно было догадаться по наличию на бутылках личных этикеток Форкосиганов — черт побери, она прислала прекрасное вино. Майлз перестал болтать бутылкой в воздухе: такое вино требует почтительного отношения. Ему было так одиноко, что его не огорчила жалость матери, скорее обрадо-

вала. Откупорив бутылку, он разлил вино по стаканам и, следуя барраярскому этикету, сделал первый глоток. Потом сел в другое кресло и принял такую же позу.

— Все равно я рад тебя видеть.

Он внимательно рассматривал товарища детских лет. Если бы он и Грегор были немного ближе по возрасту, то вполне сошли бы за молочных братьев. Граф и графиня Форкосиган были официальными опекунами Грегора со времен хаоса и кровопролития, учиненного Фордарианом. Тогда же собрали компанию детей, которых посчитали достаточно «безопасными». Майлз, Айвен и Элен были его на несколько лет моложе, и Грегор, уже тогда не по летам серьезный, играл с ними, не жалуясь на некоторую разницу в возрасте.

Император Барраяра тоже пригубил вино.

— Жаль, что для тебя все так скверно обернулось, — сказал он без обиняков.

Майлз вскинул голову.

— Чем короче солдат, тем короче служба. — Он сделал глоток побольше. — Я бы предпочел служить вне планеты. На корабле.

Грегор окончил Имперскую академию за два года до того, как Майлз поступил в нее. Он меланхолически поднял брови:

— Как будто мы все не предпочли бы.

— Ну, ты прослужил в космосе целый год, — вздохнул Майлз.

— Большей частью на орбите. Делал вид, что патрулирую — в окружении катеров службы безопасности. Притворялся, что я офицер и занимаюсь делом, тогда как самим своим присутствием затруднял работу другим... Тебе хотя бы позволили рисковать.

— Могу тебя заверить, это не планировалось.

— Я все чаще думаю, что дело именно в этом, — продолжал Грегор. — Твой отец, мой, наши деды — они-то понюхали настоящего пороху. Именно поэтому они и стали офицерами, а вовсе не потому, что учились бог весть сколько. — Он досадливо взмахнул рукой.

— Понюхать-то понюхали, но не по своей воле, — уточнил Майлз. — Военная карьера моего отца началась в тот день, когда убийцы Ури Безумного уничтожили почти всю его семью — кажется, он был одиннадцатым. Я только что прошел через что-то, напоминающее боевое крещение. И отнюдь не таким способом, который выбрал бы человек, находящийся в здравом уме. Так что благодарю покорно.

Грегор угрюмо молчал. Майлз понял, что сегодня он весь во власти воспоминаний о своем отце — легендарном принце Зерге. Отец Грегора существовал в двух ипостасях. Одна — быть может, Грегор знает только ее — представляла принца Зерга чуть ли не национальным героем, нашедшим славный конец в битве. Но другая... Доходила ли до Грегора хоть крупица правды об истеричном садисте, чья гибель во время злосчастного вторжения на Эскобар была самым счастливым политическим событием в новейшей истории Барраяра? Никто из тех, кто знал Зерга, не говорил о нем. И меньше всего граф Форкосиган. Майлз встретился однажды с жертвой Зерга и от души надеялся, что с Грегором это не случится никогда.

Он решил сменить тему разговора.

— Ну а что поделывал ты эти три месяца? Извини, что пропустил день твоего рождения. На острове Кайрил его отметили грандиозной пьянкой. Но поскольку пьянки там — повседневность, этот великий день не отличался от других.

Грегор усмехнулся, потом вздохнул:

— Слишком много церемоний. Слишком много официальных мероприятий — наверное, меня можно заменить пластиковым манекеном в полный рост и никто не заметит. Масса времени уходит, чтобы уклоняться от замечательных матримониальных планов моих советников.

— Собственно говоря, не так уж они и не правы, — рассудительно заметил Майлз. — Если тебя... если ты завтра споткнешься о сервировочный столик, снова встанет вопрос о праве наследования. Я могу с ходу

назвать шестерых кандидатов императорской крови. И сколько их еще вынырнет неизвестно откуда! А те, у кого нет личных притязаний, готовы на все, даже на убийство, лишь бы другие не получили преимущества. Поэтому у тебя и нет официального преемника.

Грегор поднял глаза на Майлза:

— Да будет тебе известно, ты тоже в этой компании.

— С таким-то телосложением? — Майлз фыркнул. — Надо рехнуться от ненависти, чтобы выбрать меня. А нормальным людям тогда впору бежать отсюда. Подальше и побыстрее. Так что, сделай одолжение, Грегор, — женись, остепенись и подари нам по меньшей мере шестерых маленьких Форбарра.

Грегор немного оживился:

— Слушай, это идея. Насчет того, чтобы бежать отсюда. Интересно, как далеко мне удастся уйти, прежде чем Иллиан меня поймает?

Оба невольно взглянули на потолок, хотя Майлз не знал, где именно спрятана аппаратура.

— Пусть лучше тебя поймает Иллиан, чем кто-нибудь другой. — Майлз поморщился, разговор принимал нежелательный оттенок.

— Не помню точно, но, кажется, был какой-то император в Китае, окончивший жизнь подметальщиком улиц. А тысячи менее известных случаев? Леди королевской крови, владеющие ресторанчиками? Если очень захочешь, бегство возможно.

— Бегство от чего? От того, что ты фор? Легче убежать от собственной тени. Иногда во сне кажется, что ты оседлал фортуну, но когда просыпаешься... — Майлз потряс головой и сунул нос в сумку — там был еще один подарок.

— А, такти-го! — Ему вовсе не хотелось играть в такти-го, игра надоела ему еще в четырнадцать лет, но все лучше, чем вести подобные разговоры. Он вытащил доску и положил ее между собой и Грегором, фальшиво-радостно заметив: — О добрые старые времена!

Господи, что он несет...

Грегор встряхнулся и сделал первый ход. Он делал вид, что ему интересно, чтобы развлечь Майлза, а тот симулировал интерес, чтобы сделать приятное Грегору... В первой игре Майлз, отвлекшись, выиграл у Грегора слишком быстро. Он начал играть внимательнее. В следующей партии, выиграв с трудом, Майлз был вознагражден вспышкой неподдельного интереса — да здравствует бескорыстие! — со стороны Грегора. Они начали вторую бутылку. К этому времени Майлз уже чувствовал действие алкоголя: язык у него заплетался и тянуло в сон. Поэтому он приложил максимум усилий, чтобы Грегор в следующей партии выиграл. Тому не хватило самую малость.

— Кажется, я не выигрывал у тебя с тех пор, как тебе исполнилось четырнадцать, — вздохнул Грегор, скрывая тайное удовлетворение минимальной разницей в очках. — Ты должен быть офицером, черт побери!

— Отец говорит, что с военной точки зрения это не слишком интересная игра, — дипломатично заметил Майлз. — Слишком мало случайностей и неожиданностей, чтобы воссоздать реальность. Но мне она нравится. — Игра действительно успокаивала — механическое сочетание логики, осторожности и расчета, длинная цепочка ходов, всегда имеющих точное обоснование.

Грегор посмотрел на него долгим взглядом:

— Никак не могу понять, почему они послали тебя на остров Кайрил. Ты ведь уже командовал космической флотилией. Даже если это и была шайка наемников.

— Ш-ш! Официально этого эпизода никогда не было, он отсутствует в моем досье. Представляешь, как бы это понравилось моему начальству, узнай оно такое о своем подчиненном? Кроме того, моя власть над дендарийскими наемниками была фикцией. Если бы не капитан Танг, использовавший мои притязания в своих целях, эта авантюра окончилась бы для меня плачевно.

— Мне всегда казалось, что Иллиан мог извлечь из этой истории больше пользы, — протянул задумчиво Грегор. — Пусть случайно, но ты все же поставил на службу Барраяру целую военизированную организацию.

— Хоть сами они и не догадываются об этом. Включение их в ведомство Иллиана всего-навсего фикция, правда, юридически оформленная. Кроме того, Иллиан слишком осторожный человек, чтобы из любви к искусству окунуться в галактические военные авантюры. Я уверен, что его интерес к дендарийским наемникам ограничен стремлением удерживать их как можно дальше от Барраяра. Для тебя не тайна, что наемники кормятся за счет беспорядков. И потом, их слишком мало — десяток кораблей, три или четыре тысячи личного состава, — чтобы влиять на планетарную политику. Их стихия — космос, не земля. Они специализировались на блокаде п-в-туннелей, что, в общем, понятно: оставляет руки свободными и не требует сложного оборудования. В основном они ловят гражданские корабли. Так я впервые и столкнулся с ними: наш грузовоз был заблокирован и угрозы зашли слишком далеко. Лучше не вспоминать, как я тогда рисковал. Даже теперь в дрожь бросает. Я часто думаю, что бы сделал сейчас, доведись мне попасть в такой же переплет... — Майлз прервал свою маленькую лекцию и тряхнул головой: — Это как скалолазание. Лучше не смотреть вниз. Оцепенеешь от страха и свалишься.

— А с точки зрения военного это можно сравнить с базой Лажковского? — почему-то смущенно спросил Грегор.

— Да, пожалуй, — согласился Майлз. — И там, и там я занимался делом, о котором ничего не знал. В обеих ситуациях был риск расстаться с жизнью, из обеих я вырвался с кожей, и это не ради красного словца сказано. Хотя дендарийская эпопея досталась мне тяжелей. Я потерял там сержанта Ботари. В каком-то смысле — и Элен. Правда, в лагере «Вечная Мерзлота» терять мне было ничего.

— Зато ты приобрел там опыт, — заметил Грегор.

Майлз покачал головой и выпил. Надо завести какую-нибудь музыку. Когда разговор замирал, мертвая тишина этой комнаты действовала угнетающе.

— Я понимаю, что это неприлично, — медленно начал Майлз, — просить тебя вытащить меня отсюда.

Не очень это просто — договариваться с императором об услуге. Похоже на обман или что-то в этом роде.

— Что? Ты просишь, чтобы один узник Имперской безопасности освободил другого? — В карих глазах Грегора светилась ирония. — Для меня затруднительно выходить за рамки абсолютной власти: ведь твой отец и Иллиан окружают меня, как две скобки. — Он сдвинул согнутые ладони, демонстрируя сказанное.

«Эта комната действует на подсознание, — решил Майлз. — Грегор тоже чувствует это».

— Конечно, я попытаюсь, — добавил Грегор чуть виновато. — Но Иллиан заявил категорически, что тебе не следует давать о себе знать. Во всяком случае какое-то время.

— Вот именно, какое-то время. — Майлз допил свой стакан и решил остановиться. Говорят, алкоголь — депрессант. — Черт возьми, если завтра-послезавтра меня не займут какой угодно работой, мой случай самовозгорания будет первым, снятым на видео. — Он демонстративно показал пальцем на потолок. — Пускай я не должен покидать здание, но неужели нельзя подыскать мне занятие? Я на все согласен. Клерк, уборщик — что-то я много пью — все что угодно. Отец говорил с Иллианом, чтобы меня взяли в Безопасность, поскольку, кроме Саймона, меня никто не возьмет. У него на уме, наверное, было нечто большее, чем делать из меня т-т-талисман. — Майлз налил вина и снова выпил, чтобы не запинаться. Он слишком много говорит. Проклятое вино. Проклятое вино!

Грегор, который выстроил из фишек такти-го маленькую башню, разрушил ее.

— Что ж, быть талисманом — неплохая работа. Если можешь получить ее. — Он медленно сгреб фишки. — Я посмотрю, что можно сделать. Но ничего не обещаю.

Майлз так и не узнал, что (или кто) ему помогло — император, следящая аппаратура или мать. А может, все шло своим чередом (как всегда, неспешно), и через три дня после визита Грегора его определили на должность административного помощника начальника

охраны здания. Работа была сидячая — составление расписаний, платежных ведомостей, обновление компьютерных файлов. Примерно с неделю, пока он обучался, было интересно, но к концу месяца нудность и примитивность этого занятия просто убивали его. Теперь Майлз понимал, что охранники тоже весь день находятся в тюрьме. И, разумеется, будучи охранником, он должен сторожить в первую очередь самого себя. Чертовски умно со стороны Иллиана — ничто не удержало бы его здесь, надумай он убежать. Однажды Майлз отыскал окно (в этом здании предпочитали не видеть неба) и выглянул на улицу. Шел мокрый снег.

Выйдет ли он из этого дурацкого ящика до зимней ярмарки? И сколько понадобится времени, чтобы о нем забыли? А если он покончит жизнь самоубийством, объявят ли официально, что он убит при попытке к бегству? Любопытно, что задумал Иллиан — свести его с ума или всего лишь вывести из числа сотрудников службы безопасности?

Прошел еще месяц. От нечего делать Майлз решил просмотреть в алфавитном порядке все учебные видеофильмы в своей армейской библиотечке. Ему попадались настоящие перлы. Особенно восхитил его тридцатиминутный ролик на букву Г: «Гигиена», объясняющий, как принимать душ — хотя, может, и существует такая глухомань, где не знают, что такое душ. Спустя несколько недель он дошел до «Л»: «лазерное ружье, модель Д-67: смена энергоблока, правила пользования и ремонта», и тут его отвлекли приказанием явиться в кабинет Иллиана.

Со времени достопамятного последнего визита кабинет Иллиана не изменился — та же спартанского вида комната без окон, где вся меблировка состояла из стола с коммуникационной стойкой. Но гостевых кресел было два, и одно пустовало, что обещало многое. Может быть, Майлзу в этот раз не придется сидеть на ковре? Второе было занято человеком в форме зеленого цвета с капитанскими знаками различия и Глазом Гора на воротнике.

Обмениваясь с Иллианом официальными приветствиями, Майлз краем глаза рассматривал капитана. Ему было лет тридцать пять, у него была такая же, как у Иллиана, неприметная внешность и то же обманчиво благодушное бледное лицо, только сложение более крепкое. Он напоминал клерка средней руки, человека, ведущего сидячий образ жизни. Или космолетчика.

— Младший лейтенант Форкосиган — капитан Унгари. Капитан — один из моих галактических агентов. Имеет десятилетний опыт сбора информации для этого подразделения. Его специальность — военная разведка.

Унгари вежливо кивнул Майлзу — как бы в подтверждение сказанного. Спокойный взгляд на секунду задержался на нем. Майлзу было интересно, что думает капитан о стоящем перед ним коротышке, и он непроизвольно выпрямился. Однако спокойные глаза уже устремились на Иллиана.

Шеф службы безопасности между тем откинулся на спинку кресла.

— Скажите, младший лейтенант, какие вести о дендарийских наемниках доходили до вас?

— Сэр? — Майлза даже качнуло. Такого оборота событий он не ждал... — Я... примерно год назад я получил весточку от Элен Ботари, то есть Ботари-Джезек. Но это послание было сугубо личного характера — поздравление с днем рождения.

— У меня есть копия.

«Еще бы нет, сволочь ты эдакая!»

— И с тех пор ничего?

— Ничего, сэр.

— Хм. — Иллиан указал на свободное кресло: — Садись, Майлз. — Он говорил более непринужденно. Неужели наконец дело? — Займемся немного астрографией. Говорят, география — мать стратегии. — Тут Иллиан набрал что-то на клавиатуре.

Над головизорным экраном появилось яркое трехмерное изображение карты п-в-туннелей и узлов. Она казалась составленной из разноцветных шариков и палочек — точь-в-точь модель сложной органической мо-

лекулы. Палочки представляли собой п-в-туннели, а шарики обозначали транспортные узлы. Это была карта-схема — без соблюдения масштаба. Иллиан поколдовал над клавиатурой, и часть карты выросла вдесятеро. Показались красные и голубые точки, сверкавшие в центре пустого шара, и четыре палочки, отходящие от него под различными углами и соединяющиеся с шарами, образующими более сложные системы. Все вместе напоминало неправильный кельтский крест.

— Узнаешь?

— Ступица Хеджена, сэр?

— Отлично. — Иллиан передал ему пульт дистанционного управления. — Дайте стратегическое описание Ступицы Хеджена, младший лейтенант.

Майлз откашлялся:

— Ступица Хеджена — двойная звездная система, не имеющая обитаемых планет. В ней расположено несколько станций и силовых установок, но сама по себе она ничем не примечательна. Как и многие транспортные узлы, являет собой скорее перекресток дорог, чем полноценный объект астрографии, и ценность этого места в том, что его окружает. — Иллюстрируя свою лекцию, Майлз высвечивал изображаемое.

— Аслунд. Тупик, похожий на Барраяр. Ступица Хеджена является для него единственными воротами, обеспечивающими доступ к более разветвленным галактическим транспортным сетям. Для Аслунда Ступица Хеджена примерно то же, что для нас Комарра — наши ворота в мир.

Архипелаг Джексона. Туннель от Ступицы Хеджена — только один из пяти сходящихся к этому транспортному узлу; через Джексон лежит путь к половине всей исследованной Галактики.

Верван. Отсюда идут два туннеля: один к Ступице, другой — к узлам, контролируемым Цетагандийской империей.

И, наконец, — наш сосед — Республика Пол, которая, в свою очередь, соединяется с контролируемым нами транспортным узлом — Комаррой. Возле Комар-

ры также находится единственный доступный нам прямой проход к цетагандийскому сектору пространства. После захвата Комарры этот путь жестко контролируется нами и полностью закрыт для цетагандийцев. — Майлз взглянул на Иллиана, ожидая одобрения и надеясь, что напал на след. Иллиан в свою очередь посмотрел на Унгари, который позволил себе слегка приподнять брови. Что бы все это значило?

— Стратегия п-в-туннелей. Дьявольская головоломка, — пробормотал Иллиан и покосился на свою схему. — Четыре игрока — одна доска. Как бы то ни было, — он взял у Майлза пульт и со вздохом опустился в кресло, — Ступица Хеджена — возможная точка удушения для всех четырех связанных с нею систем. Через нее осуществляется двадцать пять процентов наших торговых операций. И хотя Верван закрыт для цетагандийских военных кораблей (как Пол — для наших), Цетаганда ведет интенсивный торговый обмен через этот узел и дальше, через Архипелаг Джексона. Любое событие, блокирующее Ступицу Хеджена, (например, война), почти так же невыгодно Цетаганде, как и нам самим.

Иллиан нахмурился:

— И вот, после долгих лет спокойствия и обоюдного нейтралитета, этот пустынный район внезапно ожил. Все четыре соседа неожиданно им заинтересовались. Пол поместил военные гарнизоны на все шесть станций, связанных со Ступицей, и даже передислоцировал части, стоявшие до сих пор возле нас, что кажется мне довольно странным: со времен захвата нами Комарры Пол относится к нам без особой любви. Консорциум Джексона, со своей стороны, делает то же самое. Верван быстренько нанял флот наемников, называющих себя «Бродягами Рэндола». Вся эта активность вызывает, естественно, панику на Аслунде, чья заинтересованность в Ступице Хеджена наиболее велика и очевидна. Там вложили половину годового военного бюджета в строительство новой п-в-станции — настоящей летающей крепости — и, чтобы заткнуть дыру в обороне, тоже пригласили наем-

ников. Ты их знаешь, Майлз. Когда-то они назывались дендарийцами.

Иллиан сделал паузу и, сощурившись, наблюдал за реакцией Майлза. Наконец-то весточка: или он ошибается? Майлз с трудом перевел дыхание, прежде чем выговорить:

— Они ведь были специалистами по блокированию. Так что, думаю, все совпадает. Вы сказали: «когда-то назывались». Они что, переменили название?

— Вроде бы. Вернулись к прежнему — наемники Оссера.

— Странно... Почему?

— Действительно, почему? — Иллиан поджал губы. — Это только один из тысячи вопросов. Но больше всего меня беспокоит причастность (или непричастность) ко всему этому цетагандийцев. Что говорить, хаос в этом районе так же не нужен Цетаганде, как и нам. Но что, если после окончания беспорядков Цетаганда каким-то образом установит контроль над Ступицей Хеджена? Тогда она сможет перекрыть (или контролировать) наши перевозки, как мы сейчас контролируем ее перевозки через Комарру. А если учесть, что другой конец п-в-туннеля Комарра—Цетаганда в руках Цетаганды, может случиться, что они займут два из четырех из наших главных галактических путей. Закулисные ходы, обходные маневры — уверяю вас, тут пахнет Цетагандой. Если бы я мог увидеть их липкие руки, тянущие за веревочки... — Иллиан сурово покачал головой. — Если станции Джексона станут недоступны, всем придется переправлять грузы через Цетагандийскую империю...

— Или через нас, — заметил Майлз. — Но для чего Цетаганде оказывать нам такую услугу?

— Возможное объяснение таково. Собственно говоря, их девять, но для тебя приведу это, Майлз. Какой способ наиболее предпочтителен для взятия под контроль п-в-туннеля?

— Захват с обеих сторон, — автоматически ответил Майлз.

— В этом одна из причин, почему Пол яростно противодействовал нашему военному присутствию в Ступице Хеджена. Давай предположим, что на Поле бродит мерзкий слух (который я тщетно пытался развеять), что дендарийские наемники, по существу, личная армия некоего барраярского форского рода. Что там должны думать об этом?

— Что мы собираемся завоевать их, — сказал Майлз. — Они могли впасть в панику и даже искать временного союза, скажем, с Цетагандой.

— Отлично, — кивнул Иллиан.

Капитан Унгари, слушавший их разговор со спокойным вниманием человека, которому все давно известно, пристально посмотрел на Майлза.

— Но даже если рассматривать дендарийцев как независимую силу, — продолжил Иллиан, — они представляют собой один из самых дестабилизирующих факторов в районе. Ситуация очень тревожная, и по непонятным причинам напряженность растет. Один неверный шаг — случайная ошибка, недоразумение — может детонировать взрыв. Майлз, мне позарез нужна информация! Я должен знать, в чем там дело.

Иллиан жаждал информации, как мученик — терний.

— Ваше мнение, капитан? Подойдет? — Теперь Иллиан явно имел в виду Майлза.

Унгари помедлил с ответом.

— Младший лейтенант... обладает приметной внешностью.

— Это не всегда недостаток. Зато вы в его обществе будете незаметны. Приманка и охотник.

— Возможно, вы правы. Но выдержит ли младший лейтенант нагрузку? У меня не будет времени нянчиться с ним.

— Адмирал Форкосиган не сомневается в выносливости младшего лейтенанта Форкосигана.

Унгари мельком взглянул на Майлза.

— Вы уверены, что мнение адмирала... свободно от личных мотивов?

То есть не принимает ли он желаемое за действительное, перевел Майлз вежливую заминку.

— Вполне. А если он ошибается, так это впервые на моей памяти, — пожал плечами Иллиан. «Хотя все когда-нибудь случается впервые», повисли в воздухе недосказанные слова. Вслед за тем он повернулся к Майлзу и смерил его долгим оценивающим взглядом: — Майлз, сможешь ли ты, если понадобится, на короткое время сыграть роль адмирала Нейсмита?

Майлз знал, что еще услышит это словосочетание, но произнесенное вот так, с ходу... У него похолодело в груди, потом бросило в жар.

— Это была не просто роль. Я могу снова сыграть Нейсмита, в этом нет никаких сомнений. Но я боюсь перестать играть Нейсмита.

Иллиан холодно улыбнулся не вполне уместной шутке. Ответная улыбка Майлза казалась вымученной. «Ты не знаешь, не знаешь, о чем говоришь... На три четверти обман и игра, но остальное... Озарение, экстаз, галлюцинация? Можно ли повторить такое? Сперва цепенеешь от страха, потом падаешь. А вдруг на сей раз это и впрямь обернется игрой?»

Иллиан откинулся назад, сцепил руки, потом уронил их на стол.

— Итак, капитан Унгари, младший лейтенант Форкосиган поступает в ваше распоряжение. Основной вашей задачей является сбор информации о кризисной ситуации в Ступице Хеджена и, если это необходимо, использование Форкосигана для удаления со сцены дендарийских наемников. Если понадобится заключить с этой целью фальшивый контракт, смело подписывайте счет, гарантирующий оплату. Вы знаете, чего я жду от вас. Более подробных инструкций, увы, дать не могу: я не знаю, какого рода информацию вы получите на месте. Так что наслаждайтесь до поры до времени независимостью.

Майлз, что касается тебя, ты будешь путешествовать в качестве адмирала Нейсмита, который, в свою очередь, путешествует инкогнито, намереваясь — чем

черт не шутит! — посетить дендарийцев. Если капитан Унгари решит, что тебе необходимо играть эту роль, он возьмет на себя роль твоего телохранителя, так что в любом случае ситуация не выйдет из-под контроля. Разумеется, я не могу просить Унгари отвечать еще и за твою безопасность, поэтому, кроме него, у тебя будет настоящий телохранитель. Такая схема обеспечит капитану Унгари полную свободу передвижения, поскольку у тебя будет собственный быстроходный курьерский корабль, который мы достали... не важно где, и который ничем связан с Барраяром. Сейчас он зарегистрирован на Джексоне, что вполне соответствует загадочному происхождению адмирала Нейсмита. Это настолько очевидная фальшивка, что никому и в голову не придет искать концы. — Иллиан помолчал. — Разумеется, ты обязан подчиняться приказам капитана Унгари. Беспрекословно. — Острый взгляд Иллиана был холоден, как остров Кайрил в полночь.

Майлз почтительно улыбнулся:

— Я буду хорошим, сэр! Обещаю...

ГЛАВА 8

Виктор Рота, агент по снабжению. Имя — как у сутенера. Майлз подозрительно разглядывал свой новый облик, висящий в воздухе над пластиной головизора в его каюте. Интересно, что плохого в обыкновенном зеркале? И где Иллиан раздобыл этот корабль, изготовленный на Бете и до отказа набитый всяческими приспособлениями? Майлз представил себе грустную картину: сбой в программе хитроумной ультразвуковой зубной щетки.

Рота — в полном соответствии с его происхождением — был одет весьма неопределенно. Майлз отверг мысль о бетанском саронге, поскольку на станции Пол-6 было совсем не жарко. Он залез в свои просторные зеленые брюки, правда, подхваченные поясом от сарон-

га, и бетанские сандалии. Зеленая рубашка была из дешевого эскобарского синтетического шелка, а мешковато сидящая кремовая куртка того же происхождения стоила, напротив, недешево. В общем, гардероб видавшего виды бетанца, которого помотало по галактике. Прекрасно. Расхаживая по роскошной капитанской каюте, Майлз бормотал что-то себе под нос, чтобы освежить в памяти бетанский акцент.

Они прибыли на станцию Пол-6 сутки назад, без всяких приключений. И вообще все трехнедельное путешествие протекало на редкость благополучно. Капитан Безопасности проводил время, считая все, что попадалось им по пути, делая снимки и опять считая: корабли, количество войск, охранников — как военных, так и гражданских. Они нашли предлог побывать на четырех из шести станций Пола, связанных п-в-туннелями со Ступицей Хеджена, и везде Унгари скрупулезно подсчитывал, измерял, классифицировал и обрабатывал данные на компьютере. Теперь они очутились на последней (или первой, смотря откуда вести счет) тропинке, ведущей к Ступице.

Станция Пол-6 была не более чем точкой входа в туннель (или выхода из него), то есть местом аварийной остановки и перевалочным пунктом. Никто пока не решил проблему передачи сообщений через п-в-туннели, (исключая, разумеется, традиционную доставку почты на кораблях). В наиболее освоенных районах сети специальные коммуникационные корабли совершали переходы каждый час или даже чаще, посылая затем к следующей точке спресованные в короткий импульс сообщения, где они принимались и транслировались дальше. Это был быстрейший способ передачи информации. В менее освоенных районах приходилось ждать, иногда неделями, проходящего корабля и надеяться, что экипаж не забудет отдать вам вашу почту и захватить с собой новую порцию.

Сейчас станция Пол-6 уже не была просто точкой в пространстве; скорее она походила на современную крепость. Унгари щелкал языком при виде кораблей

вооруженных сил Пола, висящих вокруг заново отстроенной станции. Наконец они вошли в док, окружающий станцию со всех сторон.

— Ваша основная задача, — еще раз проинструктировал его Унгари, — отвлечь внимание от моей персоны. Пошатайтесь вокруг. Не думаю, что вам понадобятся какие-либо трюки, — вы и без них бросаетесь в глаза. Держитесь своей легенды — при удаче вы можете нарваться на какой-нибудь полезный контракт. Или даже два. А это, как вы понимаете, наилучшее прикрытие.

Майлз положил чемоданчик с образцами на кровать и еще раз просмотрел их. «Обычный коммивояжер, вот что я такое». На него зловеще уставились стволы различных образцов ручного оружия, правда без источников питания. Рядом стопка видеодисков, содержащих описание более мощных и сложных систем. И самое интересное (даже захватывающее) — коллекция крошечных дисков, надежно спрятанная в куртке Майлза.

Телохранитель поджидал его у выхода из дока. Почему Иллиан поручил эту роль сержанту Оверману? Его послали за Майлзом на остров Кайрил — значит, Иллиан доверяет ему, но каково работать с тем, кто надевал на тебя наручники? И что думает об этом Оверман? Но гигант отмалчивался.

Он был одет так же небрежно и пестро, как Майлз, только вместо сандалий на нем были ботинки. И выглядел он именно так, как должен выглядеть телохранитель, желающий, чтобы его принимали за туриста. Тип человека, идеально соответствующий скромному торговцу оружием, некоему Виктору Рота. Примечательная из них получилась парочка. Даже по отдельности Майлз и Оверман привлекли бы внимание. Но вместе... Унгари был прав. Не стоит волноваться, что они останутся незамеченными.

Майлз первым прошел через переходной отсек на станцию Пол-6. Короткий туннель привел их на таможню, где Майлза и его чемоданчик с образцами тщательно проверили, а Овермана обязали предъявить разрешение на парализатор. После этого они получили свободный доступ

на станцию. Исключением оказались несколько охраняемых коридоров, ведущих, по всей видимости, в военный сектор. Но Унгари недвусмысленно сказал, что Майлза все это не касается. Его роль — заставлять глядеть на себя. И только.

Выполняя свое первое задание, Майлз неспешно прошелся, наслаждаясь давно забытым ощущением, что он в космосе, на космической станции. Ничего общего с небогатым отсталым Барраяром. Тем не менее мелькающие перед ним шедевры технической мысли вызывали смутную тревогу, которая в случае внезапной разгерметизации могла перейти в настоящую панику. Слишком хрупким и искусственным было все вокруг... Вскоре путешественники вышли на небольшую площадь в центре станции, окаймленную магазинами, гостиницами и ресторанчиками.

Их внимание тут же привлекла весьма колоритная троица, прогуливающаяся по другую сторону площади. Высокий мужчина в просторной одежде, идеально подходящей для того, чтобы прятать под ней оружие, подозрительно оглядывал окружающих. Без сомнения, собрат Овермана по профессии. Они сразу заметили друг друга, обменялись угрюмыми взглядами и затем подчеркнуто игнорировали друг друга. Блондин, которого охранял собрат Овермана, совершенно терялся рядом со своей спутницей.

Она была небольшого роста, но удивительно гибкая и ладная. Очень светлые, коротко стриженные волосы делали ее похожей на эльфа. Черный комбинезон весь искрился и, казалось, стекал с ее тела, как сияющая влага, — вечернее платье в дневное время. Черные туфли на тонких каблуках прибавляли ей несколько сантиметров роста. Вишнево-алые губы гармонировали с длинным шарфом — обвивающим шею, спускающимся по плечам на обнаженную спину и пламенеющим на фоне белоснежной кожи. Красавица выглядела... дорогостоящей.

Она, как ни странно, тут же поймала изумленный взгляд Майлза, вздернула подбородок и ответила ему холодным взглядом.

— Мистер Виктор Рота? — Раздавшийся рядом с ним голос заставил его передернуться от неожиданности.

— Мистер... Лига? — рискнул угадать Майлз. Бледное лицо, пухлые, как у кролика, губы, черные волосы — это был тот самый человек, который желал закупить более совершенное вооружение для службы безопасности своего рудника, находящегося на каком-то астероиде. Наверняка он. Каким образом и где Унгари наткнулся на этого Лигу? Майлз, правда, не был уверен, что ему хочется узнать это.

— Я уже приготовил укромный уголок, — улыбнулся Лига, кивнув в сторону расположенной неподалеку гостиницы. — Сегодня, похоже, все заняты делом, — взглянув на живописную троицу, превратившуюся в квартет, добавил он. Концы шарфа энергично шагающей блондинки развевались, как знамена.

— Кто эта женщина? — поинтересовался Майлз.

— Не знаю, — пожал плечами Лига. — Но тот, кто рядом, — ваш основной конкурент здесь. Он агент дома Фелл, джексонианских оружейников.

Агент Фелла казался бизнесменом средней руки, ничем не примечательным, во всяком случае, со спины.

— Разве Пол позволяет джексонианцам появляться на станции? — спросил Майлз. — Я думал, у него напряженные отношения с соседями.

— С Аслундом и Верваном, но не с Джексоном, — сказал Лига.

— Странно. Ведь Джексонианский Консорциум во весь голос объявил о своем нейтралитете. Они хотят заработать на всех, не иначе. Может быть, пойдем? Здесь не лучшее место для разговоров о политике.

Как Майлз и предполагал, Лига устроил встречу в номере гостиницы. Осмотревшись, Майлз без промедления начал заготовленную речь, демонстрируя образцы, называя фальшивые сроки поставок и показывая списки несуществующего оборудования.

— По правде говоря, я рассчитывал на что-то более... солидное, — заметил Лига.

— На борту моего корабля есть и другие образцы, — объяснил Майлз. — Мне не хотелось раздражать власти Пола. Но я могу продемонстрировать их вам по видео.

И он извлек запрятанные в куртке диски с описанием тяжелого вооружения.

— Разумеется, изучать их вы можете только ради любопытства: это вооружение запрещено в локальном пространстве Пола.

— В окрестностях Пола — да, — согласился Лига. — Но законы Пола недействительны в Ступице Хеджена. Пока что недействительны. Все, что нужно, — это отчалить от станции Шесть и совершить маленькое путешествие за границы десятитысячекилометровой зоны пограничного контроля. Там вы можете спокойно заключать любые сделки. Проблема в том, чтобы доставить груз назад в пространство Пола.

— О, за этим дело не станет. Это моя специальность, знаете ли, неофициальные доставки, — заверил его Майлз. — За небольшую добавочную плату, разумеется.

— Прекрасно... — Лига быстро просмотрел каталог. — Эти тяжелые плазменные излучатели... можно ли их совместить со стационарными нейробластерами?

Майлз пожал плечами:

— Вопрос в том, хотите вы уничтожить только людей или людей вместе с техникой. Могу предложить вам бластеры по вполне приличной цене. — Он назвал цифру в валюте Пола.

— Только что я получил более выгодное предложение на устройство с такой же дальнобойностью.

— Вполне возможно, — улыбнулся Майлз. — Яд стоит дешево. Противоядие — дорого.

— Что вы хотите сказать? — подозрительно спросил Лига.

Майлз отвернул полу куртки, пошарил внизу, вытащил миниатюрный диск и вставил его в проигрыватель головизора.

— Взгляните!

Появилось изображение движущейся фигуры. С ног до головы человек был покрыт чем-то вроде облегающей зеркальной сетки.

— Не жидковато ли для нижнего белья? — усмехнулся Лига.

Майлз улыбнулся в ответ самой лучезарной из своих улыбок:

— Вы видите то, за что положила бы жизнь любая армия галактики. Полная защита от действия нейробластера. Техническая новинка Колонии Бета.

Лига вытаращил глаза:

— Впервые слышу, что эта сеть поступила в продажу.

— В свободную продажу она не поступала. Это, как вам сказать, предварительная оценка спроса. — Конечно, Колония Бета рекламировала далеко не лучшие свои разработки, но, будучи на несколько шагов впереди всех в области новейших технологий, она уже больше века жестко контролировала рынок вооружения. — В свое время новинка, конечно, поступит в продажу по всей галактике. А пока...

Лига облизал выступающую нижнюю губу.

— Мы широко используем нейробластеры.

«Это в службе-то безопасности? Превосходно, голубчик!»

— Должен заметить, у меня в наличии ограниченное количество защитных сетей. Кто смел, тот и съел.

— А цена?

Майлз назвал цифру в бетанских долларах.

— Неслыханно! — Лига откинулся в кресле.

Майлз пожал плечами:

— Подумайте. Ваша организация может оказаться в очень невыгодном положении, если приобретет защиту не первой.

— Я должен поразмыслить обо всем этом. И... могу я взять с собой этот диск, чтобы показать моему... э-э... руководству?

Майлз сдвинул брови:

— Только смотрите, чтобы вас с ним не поймали.

— Не беспокойтесь. — Лига еще раз прокрутил рекламный ролик, с восхищением глядя на сверкающего солдатика, затем быстро спрятал диск в карман.

«Все. В мутной воде рыбка клюнула и повела. Интересно, что попалось, килька или кит?» Насколько мог судить Майлз, Лига был маленьким карасиком. Ну что ж, и это улов.

Когда они вышли из гостиницы на площадь, Майлз озабоченно шепнул Оверману:

— Как вы считаете, я не провалился?

— Все было просто превосходно, сэр, — заверил Оверман.

«Ну что ж, дай-то Бог. Хорошая штука — план». Майлз чувствовал, что уже вошел в роль Виктора Рота.

Затем они позавтракали в кафе, столики которого были выставлены прямо на площадь. Смотрите все, кому не лень, и прежде всего те, кто не должен обращать внимания на Унгари. Майлз жевал сандвич с искусственным белком и старался расслабиться.

Эта работа может оказаться не такой уж скучной. Конечно, агент по снабжению не то, что командир корабля...

— Адмирал Нейсмит!

Майлз чуть не подавился непрожеванным куском, а Оверман сжался, с трудом удерживаясь, чтобы не выхватить парализатор, висящий на поясе.

Рядом с их столиком остановились двое. Лицо одного ничего не говорило Майлзу, но второй... черт побери! Это лицо было ему знакомо. Мощная челюсть, загорелое лицо, слишком подтянутая для своих лет фигура. Явно не обыватель, хотя и в гражданском. Имя, как же его звали?.. Один из коммандос Танга, командир батальона десантников. Когда Майлз видел его в последний раз, они вместе сидели в шлюзовом отсеке «Триумфа» и готовились к абордажу. Клайв Чодак, вот как его зовут! Точно.

— В чем дело? — совершенно непринужденно ответил Майлз. — Меня зовут Виктор Рота.

Чодак недоуменно замигал.

— О, извините. Просто вы ужасно похожи на человека, которого я когда-то знал. — Он взглянул на Овер-

мана. Потом снова на Майлза: — Можно к вам присоединиться?

«Нет!» — чуть не выкрикнул Майлз. Спокойнее. Так он может потерять возможный контакт. Его готовили к подобным осложнениям. Но задействовать Нейсмита раньше времени, без приказа Унгари...

— По крайней мере не здесь, — спешно поправился он.

— Я... понимаю, сэр. — Коротко кивнув, Чодак удалился, увлекая за собой недовольного компаньона.

Отойдя на полметра, он еще раз оглянулся через плечо. Майлз подавил желание укусить салфетку. По энергичным жестам Чодака и его спутника можно было понять, что они о чем-то оживленно спорили. Наконец они растворились в толпе.

— Это тоже было превосходно? — упавшим голосом спросил Майлз.

Оверман выглядел обеспокоенным.

— Не очень. — Нахмурясь, он смотрел на площадь — туда, где скрылась эта пара.

Чодаку понадобилось не больше часа, чтобы отыскать Майлза в доке на борту его бетанского корабля. Унгари еще не появлялся.

— Говорит, что хочет вас видеть, — сообщил Оверман. Он и Майлз смотрели на видеоэкран, где возле входного люка нетерпеливо прохаживался Чодак. — Что ему, собственно говоря, надо?

— Наверное, поговорить, — ответил Майлз. — И черт меня побери, если я тоже не хочу побеседовать с ним!

— Вы хорошо его знаете?— подозрительно спросил Оверман, разглядывая Чодака на видеоэкране.

— Не очень, — признался Майлз. — Он казался мне вполне компетентным унтер-офицером. Знал оборудование, умел заставить людей подчиняться, не прятался от огня. — По правде говоря, контакты Майлза с этим человеком были слишком короткими, ничего запоминающегося... Зато некоторые из этих коротких минут были решающими в аду абордажного боя. Можно ли на

основе личного впечатления довериться человеку, которого не видел четыре года?

— Проверьте его как следует. И давайте впустим его и послушаем.

— Если вы приказываете, сэр, — нейтральным тоном ответил Оверман.

— Приказываю.

Чодак, казалось, не имел ничего против сканирования. При нем оказался только зарегистрированный парализатор. Хотя, припомнил Майлз, он был специалистом по рукопашному бою, а это оружие конфисковать невозможно. Оверман провел гостя в маленькую корабельную кают-компанию.

— Мистер Рота, — Чодак внимательно смотрел на Майлза. — Я надеялся поговорить с вами наедине. — Он взглянул на Овермана: — Или это замена сержанту Ботари?

— Ни в коей мере. — Майлз увлек Овермана за собой в коридор.

— Я думаю, ваше присутствие необязательно, сержант. — Майлз не конкретизировал, кому именно мешает Оверман. — Разумеется, вы можете следить за разговором по видео.

— Мне это не нравится. А если он нападет на вас?

Майлз провел пальцем по губам.

— Все может быть. Но Унгари говорил, что следующая наша остановка — на Аслунде, а именно там обосновались сейчас дендарийцы. У этого человека может оказаться ценная информация.

— Или ложь.

— И ложь может нам пригодиться. — С этим сомнительным аргументом Майлз проскользнул обратно в кают-компанию, оставив Овермана за дверью.

Он дружески кивнул посетителю:

— Капрал Чодак.

Тот просиял:

— Так вы помните меня?

— Разумеется. Все еще с дендарийцами?

— Да, сэр. Только я уже сержант Чодак.

— Прекрасно. Нисколько не удивляюсь.

— И кроме того... я сейчас с наемниками Оссера.

— Понимаю. Хорошо это или плохо — там видно будет.

— А вы, сэр, в качестве кого вы сейчас выступаете?

— Виктор Рота — торговец оружием.

— Хорошее прикрытие, — рассудительно сказал Чодак.

Чтобы следующий вопрос прозвучал как бы случайно, Майлз не спеша приготовил две чашечки кофе.

— Кстати, а что вы делаете на Поле-6? Я полагал, что ден... флотилия нанята Аслундом.

— Мы находимся на станции Аслунд, здесь, в Ступице, — поправил его Чодак. — Всего в паре дней лёта отсюда. Я здесь по делам. Правительственное задание.

— Поверх соглашений и за дополнительную плату, разумеется?

— Вы, как всегда, правы, сэр! — Чодак взял чашку обеими руками и громко отхлебнул. — Я не могу здесь долго оставаться. — Он осторожно поставил чашку обратно. — Сэр, мне кажется, я нечаянно поставил вас в затруднительное положение. Но я так удивился, увидев вас... Мне хотелось... предупредить вас, что ли. Вы возвращаетесь на флотилию?

— Боюсь, я не вправе обсуждать свои планы. Даже с вами.

Чодак испытующе посмотрел на него угольно-черными глазами.

— Вечно вы мудрите.

— А вы, будучи опытным солдатом, всегда предпочитали лобовую атаку?

— Нет, сэр! — расплылся в улыбке Чодак.

— Ну, рассказывайте! Я полагаю, вы агент (или один из разбросанных по Ступице агентов) флотилии. Надеюсь, все-таки вы не один, иначе остается думать, что в мое отсутствие организация развалилась. — Майлз не сомневался, что по меньшей мере половина обитателей станции Пол-6 кем-нибудь завербована, если вспомнить число потенциальных участников этой межпланетной

игры. Не говоря уже о двойных агентах. Или их надо учитывать дважды?

— Почему вас так долго не было, сэр? — Тон Чодака был почти обвиняющим.

— Это получилось помимо моей воли. — Майлз старался выиграть время. — Некоторое время я был пленником в... месте, которое предпочитал бы не называть. Мне удалось бежать всего лишь три месяца назад. — Что ж, остров Кайрил смело можно назвать тюрьмой или каторгой. Как угодно.

— Вы, сэр! Мы могли освободить...

— Нет, не могли! — резко бросил Майлз. — Ситуация была чрезвычайно деликатной, хотя, слава Богу, разрешилась в мою пользу. После чего я был вынужден заняться основательной чисткой в одном месте, никоим образом не связанном с флотилией дендарийцев. Извините, парни, но у меня хватает забот помимо вас. Тем не менее положение с флотилией беспокоит меня. Я должен поговорить с коммодором Джезеком. — Действительно, должен. И как можно скорее.

— Коммодор Джезек больше не командующий. Примерно с год назад произошла финансовая реорганизация и смена командования, проведенная комитетом капитанов-владельцев и адмиралом Оссером. Под руководством Оссера.

— И куда девали Джезека?

— Его понизили. Он теперь главный инженер флотилии.

Неприятно, но можно было предвидеть такой поворот событий.

— Что ж, Джезек никогда не был агрессивен, как, скажем, Танг. А кстати, что с Тангом?

Чодак покачал головой:

— Его тоже понизили. Из начальников штаба до офицера по кадрам. Никчемная работа.

— Это кажется... расточительством, мягко говоря.

— Оссер не доверяет Тангу. Да ведь и Танг не питает любви к нему. Весь этот год Оссер пытался вынудить его уйти, но он держится, несмотря на унизительность

положения. От Танга не так-то просто избавиться. Оссер не может позволить себе (по крайней мере пока) разогнать его людей. Да и на ключевых постах немало тех, кто лично предан Тангу.

Майлз поднял брови.

— Включая вас?

Чодак неопределенно улыбнулся:

— Он хорошо делал свое дело. Я считаю его превосходным офицером.

— Я тоже.

Чодак коротко кивнул.

— Сэр, дело в том, что... человек, который был со мной в кафетерии, — мой здешний начальник. И он на стороне Оссера. Я не могу придумать, как помешать ему сообщить о нашей встрече. Разве что убить его.

— Я не собираюсь затевать гражданскую войну в моей собственной организации, — с достоинством ответил Майлз. — Мне кажется более существенным, чтобы он не заподозрил о нашем с вами разговоре. Пусть себе сообщает. Я уже имел дело с адмиралом Оссером — к нашей обоюдной выгоде.

— Я не уверен, что Оссер придерживается того же мнения, сэр. По-моему, он считает, что его провели.

Смех Майлза прозвучал вполне естественно.

— Неужели? Да ведь за период войны на Тау Верде численность флотилии удвоилась. Хотя он и был третьим по должности, все же у него под командой оказались большие силы, чем до войны; он получил свой кусок пирога. Немалый кусок.

— Но сторона, с которой мы по его инициативе подписали контракт, проиграла.

— Это не так. От перемирия, которое мы заключили, выгадали обе стороны. Как раз тот случай, когда выигрывают обе стороны, может быть, немного потеряв лицо. Разве Оссер не может вкусить сладость победы, если при этом никто не проигрывает?

У Чодака был угрюмый вид.

— Боюсь, так оно и есть, сэр. Он говорил — я сам слышал это, — что вы напустили на нас всякий сброд.

И что вы никакой не адмирал и даже не офицер, и если бы Танг не обманул его, он выставил бы вас. — Чодак пристально посмотрел на Майлза. — Кем же вы были на самом деле?

Майлз вежливо улыбнулся:

— Победителем. Помните?

— Еще бы! — довольно фыркнул Чодак.

— Тогда не позволяйте Оссеру затуманивать вам мозги. Вы же были там.

Чодак с сожалением покачал головой:

— Вижу, сэр, вы не нуждаетесь в моих предостережениях. — Он поднимался со стула, собираясь уходить.

— Никогда не делайте поспешных выводов. И еще — берегите себя. Я имею в виду, будьте осторожней. Когда придет время, встретимся.

Ожидающий в коридоре Оверман проводил Чодака к люку катера.

А Майлз сидел в кают-компании и барабанил пальцами по кофейной чашке, думая об удивительных параллелях между переворотом во флоте наемников и междоусобицами барраярских форов. Может быть, наемников можно рассматривать как лабораторную версию действительности? Должно быть, Оссер во времена заговора Фордариана был где-то поблизости и видел, как ведут себя большие парни. И все же не следует недооценивать сложность ситуации.

Смерть в мелкой драке так же реальна, как и во время грандиозного космического сражения.

Черт побери, о чем это он? Какая смерть? Что общего у него с дендарийцами (или оссерианами)? Оссер прав: он действительно командовал в те дни всяким сбродом, может быть, даже подонками. Хотя, собственно говоря, за каким чертом ему снова связываться с дендарийцами? Сейчас он вправе держаться в стороне. Пускай всем этим занимается Оссер, это его стихия.

Но как легко снова стать Нейсмитом!.. Что будет, то будет. И кроме того, он не свободен. Такие вещи должен решать его начальник — капитан Унгари.

Первое, что сделал Унгари, когда вернулся и выслушал доклад Овермана, — указал Майлзу именно на это.

Как у человека, умеющего сдерживать свои чувства, его ярость проявлялась в мелочах: более резком тоне и углубившихся складках вокруг рта и глаз.

— Вы лишились своего прикрытия! А это первое правило для успеха в нашем деле.

— Сэр, разрешите заметить, я не раскрывал свое прикрытие, — спокойно ответил Майлз. — Это сделал Чодак. Он тоже понял, что подвел меня. И извинялся как только мог. — На самом деле Чодак был умнее, чем казался. Он не отдал предпочтения ни одной из сторон, рвущихся командовать дендарийцами. Расчет или случайность? Либо Чодак на редкость умен, либо удачлив. В любом случае он мог быть полезным Майлзу...

Унгари, хмурясь, сидел перед пластиной головизора, только что воспроизводившего запись разговора Майлза с наемником.

— Мне ясно одно: личность Нейсмита вообще опасно задействовать. Если маленький дворцовый переворот Оссера таков, каким описал его этот ваш парень, значит идея Иллиана, что вы можете взять и приказать дендарийцам убираться, — не более чем мыльный пузырь. Мне с самого начала казалось, что слишком уж это просто. — Унгари прошелся по комнате, постукивая кулаком по ладони. — Что ж, попробуем все-таки извлечь пользу из Виктора Рота. Хотя я предпочел бы запереть вас покрепче...

Странно, все его начальники хотят этого.

— Лига снова пожелал увидеться с Рота. Сегодня вечером. Может, чтобы сделать заказ на партию нашего липового товара. Потяните за эту ниточку — я хочу проникнуть на следующий уровень его организации. Мне нужен его босс или босс его босса. — Унгари остановился перед Майлзом.

— Как вы думаете, на кого работает Лига? На Цетаганду? Джексонианский Консорциум? На кого-нибудь из десятка других?

Унгари протестующе поднял руки:

— Здесь слишком мало наших агентов. Но если будет доказано, что таинственная организация Лиги — всего лишь цетагандийские марионетки, имеет смысл заслать к ним специального агента. Постарайтесь разузнать это! Намекните, что у вас есть еще кое-что. Берите взятки. Втирайтесь в доверие. И форсируйте события.

Майлз позвонил в колокольчик у двери гостиницы. Щека дернулась. Проклятый тик. Он откашлялся и расправил плечи. Оверман осматривал пустой коридор.

Зашипев, дверь открылась, и Майлз удивленно моргнул.

— А, мистер Рота. — Мелодичный непринужденный голос принадлежал маленькой блондинке, которую он видел сегодня утром на площади. Сейчас она была в облегающем красном комбинезоне из шелка. Сверкающий красный гофрированный воротник обрамлял ее точеную головку. Красные замшевые ботинки на высоком каблуке завершали картину. Она приветствовала Майлза ослепительной улыбкой.

— Извините, — не помня себя произнес он. — Я, должно быть, не туда попал.

— Совсем нет. — Тонкая рука поднялась в приглашающем жесте. — Вы как раз вовремя.

— У меня здесь назначена встреча с мистером Лигой.

— Я вместо него. Входите же. Меня зовут Ливия Ну.

Что ж, вряд ли у нее есть оружие. Майлз вошел и не удивился, завидев ее телохранителя, скучающего в углу комнаты. Человек кивнул Оверману, тот кивнул в ответ. Оба насторожились, как коты. А где же третий? Очевидно, не здесь. Ливия подошла к сверхсовременной гидрокушетке и изящно устроилась на ней.

— Мистер Лига — ваш подчиненный? — спросил Майлз.

«Не может быть. Ведь Лига сказал, что не знает, кто эта дама...»

Она немного помолчала.

— В некотором смысле да.

Кто-то из них, безусловно, лгал — хотя нет, не обязательно. Если она из верхушки организации Лиги, он мог и не знать ее.

— ...можете считать меня посредником.

«О Боже! На этой станции шпионы так и кишат».

— И на кого же вы работаете?

— Видите ли, — красавица тонко улыбнулась, — одно из преимуществ ведения дела с мелкими поставщиками — то, что они не задают вопросов. Одно из немногих преимуществ.

— Я полагаю, «не задавать вопросов» — девиз дома Фелл. У них есть преимущество — надежная база. А мне приходится быть осторожным, продавая оружие людям, которые, может быть, завтра будут стрелять в меня.

Ее голубые глаза неправдоподобно широко раскрылись.

— Кто же захочет в вас стрелять?

— Люди, введенные в заблуждение, — наугад бросил Майлз. Черт возьми, он не контролирует разговор.

— Мы должны поболтать. — Ливия Ну приглашающе указала на кушетку. — Садитесь же, Виктор. Послушайте, — кивнула она своему телохранителю, — почему бы вам не подождать за дверью?

Майлз присел на краешек кушетки, пытаясь определить возраст женщины. Кожа, на ее лице девически гладкая, на веках была дряблой. Майлз вспомнил приказ Унгари — берите взятки, втирайтесь в доверие...

— Вероятно, вам тоже придется подождать снаружи, — сказал он Оверману.

Тот явно пожалел, что не может разорваться пополам, — такое тягостное недоумение читалось в его глазах. Наконец он решился — выбрал вооруженного мужчину, спутника Ливии Ну.

После того, как они остались вдвоем, Майлз выдавил из себя улыбку — как он надеялся, достаточно светскую. Женщине определенно хотелось выглядеть соблазнительной. Майлз осторожно откинулся на подушки: кажется, так ведет себя человек, который жаждет быть соблазненным? Типичная сценка из шпионских

романов, которой, по словам Унгари, в жизни нет места. Может быть, такое просто не случалось с Унгари?

Рука женщины потянулась к вырезу комбинизона — интригующее движение — и вытащила оттуда знакомый миниатюрный диск. Когда Ливия наклонилась, чтобы вставить его в видеопроигрыватель, стоящий на низком столике перед ними, Майлзу потребовалось некоторое время, чтобы переключиться на экран. Маленькая сверкающая фигурка солдатика проделала свою порцию стилизованных жестов. Стало быть, эта дама действительно стоит над Лигой. Отлично.

— Совершенно замечательная вещь, Виктор. Каким образом вы достали это?

— Везение.

— И как много вы можете поставить?

— К сожалению, весьма ограниченное количество. Скажем, пятьдесят штук. Я же их не делаю сам. Лига говорил с вами о цене?

— Да, и она кажется мне безумно высокой.

— Если вы найдете другого поставщика, который предложит вам меньшую цену, буду счастлив скинуть десять процентов. — Майлз, сидя на кушетке, ухитрился поклониться.

У нее вырвался приглушенный смешок.

— Объем поставок также недопустимо мал.

— Взявшись за дело с умом, то есть достаточно быстро, можно заработать даже на такой партии. Например, продать действующие модели заинтересованным правительствам. Я лично собираюсь заработать на этом, прежде чем рынок насытится и цены упадут. Что мешает вам последовать моему примеру?

— Тогда о чем мы вообще говорим? Продавайте их прямо правительствам.

— А почему вы решили, что я этого не делаю? — улыбнулся Майлз. — Но примите во внимание проделанную мной дорогу. Я прибыл сюда через Барраяр и Пол и должен вернуться либо через Архипелаг Джексона, либо через Цетагандийскую империю. К великому сожалению, на любом из этих путей меня могут

освободить от груза без всякой компенсации. — Хорошо ли он справляется с ролью? А ведь это действительно вопрос — каким образом Барраяр достал действующую модель полевой защиты? И существует ли настоящий Виктор Рота? Если да, где он сейчас? И где Иллиан раздобыл их корабль?

— Так вы возите с собой свой товар?

— Я этого не говорил.

— Хм, — усмехнулась красавица. — Можете ли вы поставить прямо сегодня один образец?

— Какого размера?

— Небольшой. — Палец с длинным алым ногтем прочертил линию от груди до бедер.

Майлз огорченно вздохнул:

— К несчастью, наши модели предназначены для солдат и представлены размерами от среднего до большого.

— Как это непродуманно со стороны производителя!

— Полностью с вами согласен.

Она посмотрела на него более внимательно. Не стала ли ее улыбка чуть более искренней?

— Однако я предпочитаю продавать свой товар оптом. Если ваша организация финансово не готова...

— Да, вероятно, нам потребуется некоторое время.

— Надеюсь, не слишком долгое. Я скоро уезжаю.

Она что-то пробормотала про себя, потом, нахмурясь, взглянула на него:

— Куда же вы летите?

Унгари все равно должен представить официальный маршрут полета.

— На Аслунд, вероятно.

— Что ж... Мы должны прийти к соглашению. Как вы думаете?

Может быть, эти синие огоньки и есть то, что называют ведьмиными очами? Их воздействие было неодолимым, почти гипнотическим. Кому-кому, а ему нельзя расслабиться, посчитав эту красавицу очаровательной куколкой, и только.

— Могу я встретиться с вашим боссом?

— С кем? — снова нахмурилась женщина.

— С человеком, что был с вами этим утром.

— Вот как?! Значит, вы видели его.

— Да. И просил бы вас устроить встречу с ним. Займемся наконец делом. Только помните — бетанские доллары.

— Но сначала все-таки удовольствие. — Душистое дыхание щекотало ему ухо.

Зачем ей это нужно? Унгари велел не разрушать прикрытия. Для Виктора Рота естественно брать от жизни все, что можно. Плюс десять процентов.

— Вы не должны... — с трудом выговорил Майлз: сердце у него билось слишком быстро.

— Не имею привычки ради бизнеса делать то, чего мне не хочется, — промурлыкала она.

И действительно, какой смысл соблазнять маленького, плохо одетого торговца контрабандным оружием? Какое удовольствие может доставить ей это? Представив себя объясняющимся по этому поводу с Унгари, Майлз содрогнулся. Но тонкая рука уже коснулась его щеки. Его рука сама собой поднялась, чтобы коснуться платиновых волос. Ощущение, как он и предполагал, было необычным и таким приятным...

И вдруг рука, лежащая на его шее, напряглась. Инстинктивно Майлз вскочил.

Какой же он идиот! Это была ласка, а не попытка удушения. Для нападения поза была совершенно неподходящей.

Красавица приподнялась, раскинув нежные руки по подушкам.

— О, Виктор! Я вовсе не собиралась укусить вас.

Майлз покраснел до корней волос.

— Мне пора.

Он прочистил горло, чтобы голос звучал нормально, затем вынул видеодиск из проигрывателя. Ее рука потянулась было к диску, потом упала назад, выказывая отсутствие всякого интереса. Майлз нажал кнопку у дверей.

Оверман появился в дверном проеме мгновенно. Майлз расслабился. Если бы телохранителя не оказалось сейчас на месте, гадать больше не потребовалось бы: все подстроено заранее. И сцена обольщения тоже. Но Оверман был тут как тут и тревожно смотрел на Майлза.

— Может быть, позже... — бормотал Майлз. — После того, как я поставлю груз... Мы встретимся.

Поставит несуществующий груз? Кому и куда? Что он плетет?

Женщина покачала головой. Когда Майлз выходил, вслед ему раздался мелодичный смех. Он звучал чуточку нервно...

Майлз проснулся от ударившего в лицо света. Да, в его каюте горели все светильники. В дверях стоял Унгари. За его спиной — заспанный пилот в одном белье.

— Оденетесь позднее, — почти крикнул Унгари пилоту. — Сначала покиньте док, затем отведете корабль за пределы десяти тысяч километров. Я скоро подойду и помогу проложить курс. — И процедил сквозь зубы: — Как только узнаю, куда, черт возьми, мы летим. Шевелитесь!

Пилот исчез. Унгари метнулся к койке Майлза:

— Форкосиган, что произошло в этой проклятой комнате?

Майлз закрыл глаза: горящие лампы слепили его, а опрокинутое лицо Унгари казалось страшным сном. Он подавил желание залезть под одеяло.

— Что? — Голос у него был хриплый, словно чужой.

— Только что меня предупредили об ордере, выданном службой безопасности Пола-6 на арест Виктора Рота. У нас с вами буквально пять минут.

— Но я даже не прикоснулся к даме! — запротестовал ошеломленный Майлз.

— В комнате, где вы встречались, найдено тело убитого Лига.

— Как?!

— Лаборатория уже определила время убийства — оно приходится на время вашей встречи. Предполагаемой встречи. Приказ на арест передадут по коммуни-

кационной сети через пару минут, и тогда нас не выпустят отсюда.

— Но я здесь ни при чем! Я даже не видел Лигу. Вместо него на встречу пришла Ливия Ну, его босс. Но если бы, не дай Бог, мне и пришлось сделать такое, я бы немедленно сообщил вам!

— Благодарю, — отрезал Унгари. — Рад слышать. Вас, конечно же, подставили.

— Но кто?! Только Ливия Ну могла заставить Лигу расстаться со сверхсекретным видеодиском таким страшным способом. А если она не начальник покойного и не член его преступной организации, то кто же? Мы должны узнать об этом! Это может быть началом большой игры, сэр!

— Это может быть концом нашей миссии. Дьявольщина! Теперь мы не можем вернуться на Барраяр через Пол. Здесь нам дорогу перерезали. — Унгари, размышляя вслух, ходил по каюте. — Я хочу добраться до Аслунда. В настоящий момент договор о взаимной выдаче преступников разорван, но... тут дело осложняется вашими отношениями с наемниками. Им уже известно, что Рота и Нейсмит — одно лицо. И все ваша проклятая неосторожность!

— Да, если Чодак не солгал, вряд ли адмирала Нейсмита встретят с распростертыми объятиями, — согласился Майлз, пропустив мимо ушей несправедливое обвинение.

— Станция Консорциума на Архипелаге Джексона вообще не имеет договоров о выдаче. Ни с кем. Ваше прикрытие погорело. И Рота, и Нейсмит — пустышки. Значит, остается Консорциум. Я доставлю корабль туда, уйду в подполье и доберусь до Аслунда сам.

— А я, сэр?

— Вам с Оверманом придется проделать длинную дорогу домой.

Домой. Домой с позором.

— Сэр, бегство — неважное решение. А что, если мы останемся здесь и снимем с Рота обвинение? Тогда мы не будем отрезаны, а Рота как был, так и останется

вполне надежным прикрытием. Может быть, от нас как раз и ждут, чтобы мы бежали?

— Вряд ли кому известно, что у меня свой источник информации в службе безопасности Пола. Нет. Нас определенно хотели запереть в доке. — Унгари стукнул кулаком по ладони. — Значит, Консорциум.

Он повернулся и вышел, стуча каблуками. Смена вибрации пола и давления, а также несколько приглушенных клацающих звуков свидетельствовали, что корабль покидает станцию Пол-6.

Майлз громко сказал в пустоту каюты:

— А если те, кто играет с нами в эту игру, предусмотрели обе возможные реакции? Я бы, например, так и сделал. — Он сокрушенно покачал головой и поднялся, чтобы одеться и последовать за Унгари.

ГЛАВА 9

Станция джексонианского Консорциума, как показалось Майлзу, отличалась от станций Пола главным образом ассортиментом предлагаемых товаров. Он стоял на площади, мало отличающейся от такой же на Поле-6, у автомата для продажи видеокниг и прокручивал на экране гигантский каталог порнографии. Несколько раз, к своему смущению, Майлз задерживался на отдельных позициях, но, мужественно борясь с искушениями, он все-таки одолел его и добрался до раздела военной истории. Увы, здесь выбор не отичался разнообразием.

Майлз вставил кредитную карточку, и машина выкинула три упаковки с дисками. Не то что бы его так уж интересовало «Краткое изложение стратегии Треугольника в войнах Миноса IV», но предстояла длинная и скучная дорога, а сержанта Овермана не назовешь блестящим собеседником. Засунув диски в карман, Майлз вздохнул. Пустая трата времени и сил. Конечно, он думал не о дисках.

Унгари организовал «продажу» корабля Виктора Рота вместе с пилотом и техником фиктивному покупателю, который, разумеется, в свое время доставит их обратно — службе безопасности Барраяра. Жалкие попытки Майлза предложить шефу варианты, позволяющие извлечь хоть какую-то пользу из Виктора Рота, Нейсмита или даже младшего лейтенанта Форкосигана, прекратились после поступления из штаб-квартиры Имперской безопасности шифрованного послания, предназначенного только Унгари. Тот удалился расшифровывать его и через полчаса вернулся бледный как полотно. Отменив все задуманные мероприятия, меньше через час он отбыл на торговом корабле на станцию Аслунд. Один. Отказавшись наотрез объясниться с Майлзом и даже с Оверманом.

Кто из них на кого оставлен — Оверман на Майлза или наоборот, — сказать было трудно. Оверман вел себя скорее не как подчиненный, а как нянька: он отговаривал Майлза от попыток осмотреться на станции и настаивал, чтобы тот — от греха подальше — вовсе не покидал гостиничного номера.

Они ожидали отправления эскобарского лайнера, совершающего беспосадочный перелет на Эскобар. Там им надлежало явиться в барраярское посольство, которое, без сомнения, доставит их домой. Домой — с пустыми руками.

Майлз взглянул на часы. До посадки двадцать минут. Надо бы где-нибудь присесть. С тоской взглянув на преследующего его как тень Овермана, Майлз двинулся через площадь. Недовольно хмурясь, Оверман последовал за ним.

Майлз думал о Ливии Ну. Не ответив на ее призыв, он, без сомнения, прошел мимо приключения, которого еще не было в его короткой жизни. Однако в ее взгляде не было любви. Что угодно, только не любовь. Ну и что? Следовало как раз опасаться женщины, которая могла бы влюбиться в Виктора Рота с первого взгляда. Огонек, зажегшийся в глазах синеглазой красавицы, напоминал блеск в глазах гурмана, разгляды-

вающего необычную закуску. Майлз припомнил, что все время их недолгого свидания он чувствовал себя так, будто у него из ушей торчит петрушка.

Ливия Ну могла одеваться, как куртизанка, двигаться, как куртизанка, но в ней совсем не было присущей куртизанкам вкрадчивости. Было другое — сила в оболочке беспомощности. Неуспокоенность.

И красота.

Куртизанка, преступница, шпионка — кем она была? (Но главное — с кем?) Боссом Лиги или его соперницей? Или его роком? Сама ли она убила этого похожего на кролика человека? Майлз все больше убеждался: эта авантюристка с серебристыми волосами — ключевая фигура в головоломке Ступицы Хеджена. Они должны были не убегать от нее, а следовать за ней во что бы то ни стало. И секс был не единственной упущенной им возможностью.

Ушедший в себя Майлз поднял голову и увидел, что путь ему преградили два головореза. Офицеры безопасности, с усмешкой поправил он себя. Ну, что теперь?

— Слушаю вас, джентльмены.

Один из громил взглянул на второго — настоящего великана. Великан откашлялся:

— Мистер Виктор Рота?

— А если и так?

— Куплен ордер на ваш арест. Вы обвиняетесь в убийстве некоего Сиднея Лиги. Будете перекупать?

— Может быть. — Майлз поморщился. — И кто заплатил за мой арест?

— Некто Кавилло.

Майлз покачал головой:

— Даже не слышал о таком. А он случайно не из службы безопасности Пола?

Офицер взглянул на экран своего электронного блокнота.

— Нет. — И доверительно добавил: — Они почти никогда не платят нам. Думают, мы обязаны выдавать им преступников бесплатно. Как будто нам нужны их преступники!

— Значит, для вас это вопрос спроса и предложения. — Майлз вздохнул. Вероятно, Иллиан не будет против таких затрат. — И в какую сумму этот Кавилло оценил меня?

Офицер снова сверился с блокнотом. Брови его поползли вверх.

— Двадцать тысяч бетанских долларов. Верно, вы ему позарез понадобились.

Майлз присвистнул:

— У меня нет таких денег при себе.

Офицер вытащил электрошоковую дубинку.

— В таком случае — пойдемте.

— Я должен отдать кое-какие распоряжения.

— Сделаете ваши распоряжения из тюрьмы.

— Но я опоздаю на корабль!

— Очень может быть, — согласился офицер. — Вряд ли он будет вас ждать.

— А если этому безвестному Кавилло только того и надо? И он откажется от ордера?

— В таком случае он потеряет внесенный им большой залог.

Да, джексонианское правосудие воистину слепо. Им торгуют направо и налево.

— Можно мне сказать пару слов моему помощнику?

Офицер подозрительно осмотрел Овермана.

— Только поскорее.

Майлз повернулся к Оверману и тихо спросил:

— Что вы об этом думаете, сержант? — И добавил еще тише: — Кажется, на вас у них ордера нет...

Оверман явно растерялся. В глазах его был ужас.

— Нам бы с вами только до корабля добраться...

Остальное подразумевалось само собой. Эскобарцы разделяли неодобрительное отношение властей Пола к джексонианскому «закону». Попав на борт лайнера, Майлз оказался бы тем самым на территории Эскобара. Капитан его не выдаст. Способен ли этот окаянный Кавилло купить целый эскобарский лайнер со всеми его потрохами, то бишь пассажирами? Цена должна быть астрономической.

— Попробуем!

Майлз повернулся к офицерам Консорциума, показывая, что готов следовать за ними. И тут Оверман начал.

Мощным ударом сержант выбил дубинку из рук первого громилы. Налетев на второго, он изо всех сил врезал ему по голове. Майлз не терял времени даром. Он уже летел по площади со всей скоростью, на какую был способен. И тут он увидел третьего полицейского, в штатском. Майлз понял, кто это, по сиянию силовой ловушки, которую тот швырнул ему под ноги. Когда Майлз нырнул вперед, чтобы сберечь свои хрупкие кости, мужчина насмешливо хрюкнул. Ударившись о покрытие площади с такой силой, что у него перехватило дыхание, Майлз стиснул зубы, чтобы не закричать от боли. Лодыжки, схваченные ловушкой, обожгло, как огнем. Он перевалился набок, чтобы оглянуться. Громила поменьше стоял согнувшись и охватив голову руками, видимо, не оправившись еще от удара. Второй поднимал электрошоковую дубинку, отлетевшую в сторону. По методу исключения неподвижная масса на тротуаре могла быть только Оверманом.

Осмотрев Овермана, второй громила покачал головой и, переступив через него, направился к Майлзу. А первый, вытащив свою дубинку, опустил ее на голову упавшего и, не оглядываясь, последовал за товарищем. За Овермана, очевидно, платить никто не хотел.

— За сопротивление при аресте полагается десятипроцентная надбавка, — хладнокровно объявил разговорчивый офицер. Над Майлзом сверкающими колоннами возвышались его начищенные высокие ботинки. Дубинка с маху опустилась.

После третьего удара Майлз вскрикнул. После седьмого потерял сознание.

Когда он пришел в себя, два одетых в форму человека волокли его куда-то. Дыхание было сбитым и аритмичным, не хватало кислорода. По телу ледяными волнами прокатывалась боль. Майлз смутно замечал мелькающие, как в калейдоскопе, лифты и коридоры.

Потом коридоры стали какими-то голыми — наверное, казарма или полицейский участок. Наконец они остановились. Когда конвоиры отпустили его, Майлз мешком свалился на пол.

Поверх рабочего стола на него смотрел офицер. Чья-то рука ухватила его за волосы и запрокинула голову назад. Красная вспышка обожгла, ослепила его. Глаза совершенно перестали выносить свет. Потом его трясущиеся ладони грубо приложили к чему-то вроде идентификационной пластины. Когда Майлза оставили в покое, он снова рухнул на пол. Карманы были вывернуты наизнанку, парализатор, документы, билеты — все свалили в одну пластиковую сумку. Когда его белую куртку, полную секретов, сунули туда же, Майлз пытался протестовать, но бесполезно. Сумку закрыли, приложив к застежке его большой палец.

Тюремный офицер вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть лежащего на полу.

— Он хочет откупиться?

— М-м-м... — промычал Майлз, когда его голову снова приподняли за волосы.

— Говорил, что хочет, — ответил один из громил.

Тюремщик покачал головой:

— Надо подождать, пока исчезнут последствия шока. На этот раз вы, ребята, перестарались. Это же просто карлик.

— Да, но с ним был здоровый парень, и он-то задал нам жару. А этот мутантик, кажется, главный. Пусть и платит за двоих.

— Точно, — согласился тюремщик. — Ну что ж, подождем, пока он очухается. Киньте его пока что в арестантскую.

— Ты уверен, что это хорошая идея? При его странной наружности арестантам наверняка захочется потешиться с ним. А он, глядишь, еще выкупит себя.

— Гм... — Тюремщик окинул Майлза оценивающим взглядом. — Тогда суньте его в предвариловку, к технарям с Марды. Они парни тихие и не полезут к нему. К тому же их скоро выпустят.

Майлза снова потащили куда-то. Ноги ему не подчинялись, только спазматически подергивались. Экзоскелет, видимо, усилил эффект от электрошока, а может, сказалось воздействие поля ловушки. Затем перед его воспаленными глазами появилась длинная комната с рядами коек у стен. Громилы довольно аккуратно положили его на свободную кровать в углу. Старший набросил на дрожащее тело старое одеяло, и они ушли.

Некоторое время ничто не мешало Майлзу наслаждаться всей гаммой новых для него физических ощущений. Ему всегда казалось, что нет такой боли, которой он еще не изведал, но шоковые дубинки громил затронули такие нервные окончания, синапсы и узлы, о существовании которых он даже не подозревал. Ничто так не способствует погружению в себя, как боль. Становишься солипсистом. В этом было, как ни странно, некоторое облегчение — только бы прекратились эти эпилептические судороги, изматывающие его...

Перед глазами колебалось чье-то лицо. Знакомое лицо.

— Грегор! Как я рад... — бессмысленно пробормотал Майлз. Потом почувствовал, как его слезящиеся глаза раскрываются все шире и шире, почти вылезая из орбит. Он поднял руку и ухватил Грегора за бледно-голубой холщовый арестантский халат. — Что ты здесь делаешь?!

— Это долгая история.

— А-а! — Майлз, с трудом приподнявшись, дико водил глазами, выискивая наемных убийц, шпионов, призраки, неизвестно что. — Боже мой! Где...

Грегор толчком в грудь уложил его обратно:

— Успокойся. — Потом шепотом: — И заткнись! Не сказал бы, что ты хорошо выглядишь.

Но сидевший на краю койки товарищ по несчастью выглядел не лучше Майлза. Бледный, измученный, на щеках щетина. Обычно коротко подстриженные и тщательно причесанные волосы спутаны, светло-карие глаза лихорадочно блестят. У Майлза перехватило дыхание.

— Меня зовут Грег Бликмен, — медленно и внятно сообщил ему император Барраяра.

— А я забыл свое имя, — запинаясь, произнес Майлз. — Ах да, Виктор Рота. Кажется, так. Но скажи мне скорее, что случилось? Как ты здесь оказался?

Грегор рассеянно огляделся.

— Мне кажется, стены везде имеют уши. И эти не исключение.

— Все может быть. — Майлз немного успокоился. Человек на соседней койке раздраженно пробормотал что-то вроде: «Провалитесь вы все...», повернулся к ним спиной и накрыл голову подушкой. — Ты здесь по собственной воле?

— Помнишь, мы с тобой в прошлый раз шутили насчет того, чтобы убежать из дома?

— Ну?

— Так вот, — Грегор вздохнул, — это, как выяснилось, жуткая глупость.

— Неужели не мог раньше догадаться?

— Я... — Грегор замолчал и посмотрел на дверь, откуда высунулась голова охранника. Через секунду раздался крик: «Даю пять минут!»

— А, черт!

— Что это?

— За нами пришли.

— Кто за кем... Что здесь, происходит, Грегор... Грег...

— Я получил место на грузовом корабле, по крайней мере я так думал, но они выставили меня оттуда. Не заплатив, — торопливо начал Грегор. — У меня не осталось даже марки. Попытался устроиться на отходящий корабль, но прежде чем мне это удалось, был арестован за бродяжничество. Джексонианская Фемида просто безумна, — горько добавил он.

— Это мне известно. Дальше?

— Потом они провели что-то вроде вербовочной кампании. Похоже, какой-то делец продает опытных техников Аслунду — для работы на их станции в Ступице, где жуткие условия труда — никакой техники безопасности.

— Рабский труд?

— Что-то вроде. И пряник здесь в том, что после объявления приговора нас, бродяг, должны отправить на станцию Аслунд. Большинство не очень возражает. Работа, правда, не оплачивается, но мы — то есть они — будем сыты, и крыша над головой найдется, а главное — джексонианское правосудие будет далеко. Так что большинству нечего терять, зато укрыться от здешних судей — самое настоящее счастье. Кое-кто надеется со временем выбраться с Аслунда на каком-нибудь проходящем корабле. Безденежье не считается там пороком.

В голове у Майлза стучало.

— Значит, тебя забирают?

Глаза Грегора сделались огромными на кажущемся спокойным лице.

— Думаю, прямо сейчас.

— Так. Что я должен делать...

— А как ты отыскал меня? — спросил Грегор, беспокойно глядя в другой конец комнаты, где одетые в голубые халаты мужчины и женщины, ворча, поднимались на ноги. — Ты здесь, чтобы...

Майлз, не отвечая, огляделся. Одетый в голубой халат мужчина на соседней койке повернулся к ним лицом и разглядывал их скучающе и угрюмо. Он был не слишком высок...

— Послушайте! — Майлз, как краб, сполз с койки и доковылял до соседней. — Хотите избавиться от этого путешествия?

В глазах человека зажегся интерес.

— А как?

— Обменяемся одеждой. Обменяемся личностями. Вы займете мое место, я — ваше.

Мужчина взглянул на него с подозрением:

— Зачем тебе это?

— Никакой хитрости здесь нет. У меня есть кредит, и я хочу через некоторое время выкупиться отсюда. — Майлз понизил голос: — И еще... я должен доплатить за то, что сопротивлялся при аресте.

— Понятно! — Отыскав именно в этом обстоятельстве хитрость, мужчина как-то неприятно оживился.

— Пожалуйста! Я хочу уйти с... моим другом. Прямо сейчас.

В комнате стоял гомон, техники сбились группой в дальнем конце комнаты: они покидали свое пристанище. Грегор медленно зашел с другой стороны койки соседа.

Тот вдруг набычился.

— Нет, — заявил он. — Я не хочу иметь никаких дел с полицией; я-то не спорил с властями. — Он сел, поправляя халат, готовый подняться и присоединиться к остальным.

Майлз, скрючившийся возле него, взмолился:

— Пожалуйста...

Между тем занявший идеальную позицию Грегор метнулся вперед. Он крепко схватил мужчину за шею и перебросил его через койку, спрятав от ненужных взглядов. Слава богу, барраярская аристократия все еще сохраняла традиции обязательной военной подготовки своих отпрысков. Майлз постарался выпрямиться, чтобы загородить друга и императора. Из-за кровати слышалось пыхтение, потом приглушенный шум ударов. Через несколько мгновений из-под нее вылетел голубой арестантский халат и упал прямо к обутым в сандалии ногам Майлза. Усевшись на корточки, он надел его прямо поверх своей зеленой шелковой рубашки (к счастью, халат был великоват), затем с великим трудом натянул последовавшие за халатом брюки. Еще несколько глухих ударов, странный шум — видимо, потерявшего сознание человека запихивали под койку — и над кроватью возник запыхавшийся бледный Грегор.

— Никак не могу завязать эти чертовы шнурки на поясе, — пожаловался Майлз. Руки у него дрожали, как у алкоголика.

Грегор завязал Майлзу пояс и подвернул слишком длинные брючины.

— Нужно достать его документы, иначе не сможешь получать пищу или регистрировать рабочие кредиты, —

пробормотал он уголком рта и облокотился на спинку кровати, приняв беспечную позу, хотя вряд ли кто-нибудь обратил на них внимание во всеобщей суматохе.

Майлз пошарил в чужих карманах и обнаружил там стандартную компьютерную карточку.

— Прекрасно. — Он приблизился к Грегору, улыбаясь мертвой улыбкой: — Я сейчас грохнусь в обморок.

Грегор поддержал его за локоть.

— Держись! Иначе нас застукают.

Они очень медленно пересекли комнату и встали в хвост очереди из неспокойных, невеселых людей в голубых халатах. Возле двери сонный охранник проверял их, проводя сканером по карточкам.

—...двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять. Все. Забирайте.

Их передали другой группе охранников, наряженных в ливреи какого-то второстепенного джексонианского дома, черные с золотом. Пока толпу выводили из следственного изолятора, Майлз брел, опустив голову. На ногах он держался только с помощью Грегора. Они прошли по одному коридору, потом по второму, спустились на лифте — Майлза при этом чуть не вырвало — и вышли в длинный узкий коридор, казавшийся бесконечным. «А что, если по этой чертовой карточке можно определить наше местопребывание?» — мелькнуло в голове у Майлза. При следующем спуске он уронил ее в шахту лифта. Маленькая карточка тихо и незаметно исчезла в полумраке. Наконец их вывели из дока, потом провели через наружный люк. Немного невесомости при переходе по гибкой причальной трубе — и они на корабле. «Где вы сейчас, сержант Оверман?»

Это был определенно транспорт местного сообщения, не предназначенный для п-в-переходов и притом не очень большой. Мужчин отделили от женщин и направили в разные концы коридора, вдоль которого тянулись двери в четырехместные кабинки. Техники занимали их наобум; охрана не вмешивалась.

Майлз быстро сориентировался.

— Если постараться, можно занять кабинку целиком, — бросил он Грегору. Нырнув в ближайшую к ним, они нажали кнопку закрытия двери. К ним пытался было ввалиться еще один представитель даровой рабочей силы, но, встреченнный дружным: «Все занято!» — быстренько ретировался. Больше их не тревожили.

Кабина была маленькой и грязной. Такая роскошь, как постельное белье, конечно, отсутствовала, но канализация и водопровод работали. Майлз выпил тепловатой воды, услышал, как закрывается люк и почувствовал, что корабль отходит от дока. Спасены! Надолго ли?

— Как ты думаешь, скоро очнется этот парень, которого ты придушил? — спросил Майлз Грегора, присевшего на край одной из коек.

— Понятия не имею. До этого я никого еще не душил. — Грегор выглядел совсем больным. — Но что-то как будто хрустнуло у меня под руками... Боюсь, я сломал ему шею.

— Он дышал, — успокоил его Майлз, подходя к нижней полке напротив и осматривая ее. Паразитов вроде не было, и он осторожно сел. Сильные судороги, слава Богу, прошли, осталась мелкая противная дрожь в коленях, но слабость все еще была ужасающая.

— Когда он очнется — или когда его найдут, — полиции не понадобится много времени, чтобы понять, где я. И чего я полез за тобой? Мне бы подождать немного, а потом двинуться к тебе и выкупить тебя. Если, конечно, ты не откупился бы сам. Почему ты не остановил меня?

Грегор посмотрел на него с недоумением:

— Я думал, ты знаешь, что делаешь. Разве тебя послал не Иллиан?

— Нет.

— Я был уверен, что теперь ты у Иллиана. И что он послал тебя отыскать меня. Так, значит, это... не спланированное освобождение?

— Нет! — Майлз покачал головой и немедленно пожалел об этом. — Может быть, начнешь теперь сначала?

— Сначала... Я был с недельным визитом на Комарре. Под куполами. Переговоры на высшем уровне по поводу использования п-в-туннелей — мы все еще бьемся, чтобы эскобарцы разрешили проход нашим военным кораблям. Кто-то предложил их экспертам опечатывать на время прохода наше оружие. Наши посчитали, что это слишком большая жертва, эскобарцы сомневались. Я подмахнул пару соглашений, которые предложил совет министров.

— Отец заставил тебя хотя бы прочитать их?

— Еще бы! Как бы там ни было, в то утро был военный парад, вечером торжественный ужин, закончившийся рано, поскольку два-три участника переговоров должны были успеть на свои корабли. Я вернулся в свою резиденцию, старинный городской дом какого-то олигарха. Дом большой, стоит на краю купола, возле космопорта. Мои апартаменты располагались высоко. Я вышел на балкон — но толку было мало: все равно под этим куполом я задыхался.

— Да, комарриане не выносят свежего воздуха, — заметил Майлз. — Я знавал одного, у которого были проблемы с дыханием — вроде астмы, — как только он выходил наружу. Чисто психосоматическое заболевание.

Грегор, разглядывая носки ботинок, пожал плечами.

— Во всяком случае, я заметил, что охраны не видно. Это было что-то новенькое. Как образовалась эта дыра — неизвестно. Перед этим часовой стоял. Думаю, решили, что я уснул. Пробило полночь, а я все еще стоял там. И вдруг перегнулся через перила балкона и подумал — что будет, если я брошусь вниз...

Грегор замолчал.

— Все происходит мгновенно, — сухо отрезал Майлз. Это состояние было ему знакомо, ох как знакомо.

Грегор взглянул на него и иронически улыбнулся:

— Наверное, я был пьян.

— Да, все очень быстро. Расколоть себе череп — пара пустяков. Может, с полминуты больно, а может, и нет. Просто огненная вспышка. — Майлз вздрогнул.

— Если бы я бросился вниз, — монотонно продолжал Грегор, — то упал бы на деревья. Тут до меня дошло, что лучше просто слезть. Это гораздо легче. Тогда я почувствовал себя свободным, как будто и вправду умер. Я начал спуск. Никто меня не остановил, хотя все время я боялся, что кто-то окликнет меня. Потом я оказался в грузовой части порта. В баре. Сказал одному парню, свободному торговцу, что я навигатор локального пространства. Собственно, я и был им, когда служил на корабле. Сказал еще, что потерял документы и боюсь барраярской службы безопасности. Он поверил — дал мне место. Когда ординарец пришел будить меня утром, мы уже давно снялись с орбиты.

Майлз куснул костяшки пальцев.

— Значит, с точки зрения Имперской безопасности, ты испарился как дым из хорошо охраняемой комнаты. Ни записки, никаких следов — и все это произошло на Комарре.

— Корабль следовал через Пол, — все так же бесцветно продолжал Грегор, — и потом, без остановок, на станцию Консорциума. Дела у меня пошли не очень хорошо. Я думал, будет лучше. И ошибся. Но я надеялся, что Иллиан уже ищет меня.

— Комарра. — Майлз потер виски. — Ты понимаешь, что там произошло? Иллиан решил, что это политическое похищение. Бьюсь об заклад, он поднял на ноги всю службу безопасности и половину армии. В поисках тебя они разобрали эти купола по винтикам. Тебя не стали искать за пределами Комарры до... — Майлз посчитал дни на пальцах. — Иллиан должен был поднять всех своих внешних агентов почти неделю назад. Ага! Так вот что было в том послании, которое так ужаснуло Унгари и после которого он улетел, не допив свой кофе. Но это должно было пройти во всех новостях!..

— В общем, так и случилось, — пробормотал Грегор. — Поступило официальное сообщение, что я заболел и удалился в имение Форкосиганов. Они, конечно, прячут правду.

Теперь Майлз видел всю картину, как она есть.

— Грегор, что же ты натворил! Они там с ума сходят!

— Мне очень жаль, — виновато морщась, ответил Грегор. — Я понял, что сглупил, еще до того как протрезвел.

— Почему же ты не сошел на Поле и не обратился в барраярское посольство?

— Мне казалось, я все же смогу... Черт возьми! — вдруг взорвался он. — Почему все эти люди вечно распоряжаются мною?

— Ребячество, — с презрением процедил Майлз.

Грегор гневно вскинул голову, но не ответил.

Если на Ступице Хеджена узнают, кем в действительности является Грегор, начнется крупная игра. Джексонианцам он потребуется, чтобы взять за него выкуп. Аслунд, Пол, Верван — каждый по отдельности или все вместе будут искать политической выгоды. Цетагандийцы заинтересованы в нем больше всех. Если они смогут захватить Грегора, кто знает, какие методы психопрограммирования могут отрабатываться на нем? Какими угрозами попытаются сломить его волю? Сейчас они оба — пленники. Заперты на корабле, который принадлежит неизвестно кому.

«Кроме того, я могу в любой момент угодить в лапы горилл из Консорциума. Или того хуже. Однако каким бы незначительным ни был мой чин и в какой бы переплет я ни угодил, прежде всего я — офицер Имперской службы безопасности. Мы давали клятву охранять безопасность императора — символа Барраяра, объединяющего страну. Бедного Грегора, живого, незадачливого человека, втиснутого в рамки символа. Кому же присягал я на верность? Обоим — и символу, и человеку, Грегору, Грегу. Этот пленник, беглец, преследуемый целым миром, — моя забота. И только моя».

У Майлза вырвался печальный смешок.

ГЛАВА 10

Когда последствия шока начали проходить и в голове у него прояснилось, Майлз решил прежде всего спрятаться. Грегор благодаря своему положению законтрактованного раба будет сыт и благополучен до самой станции Аслунд, если, конечно, его жизнь не осложнит присутствие столь нежелательной личности, как младший лейтенант Форкосиган. Скорее всего Майлз добавил еще одну строчку к перечню уроков, которые дала ему судьба: «Назовем это Правилом 27Б. Никогда не принимай важных решений во время судорог, вызванных электрошоком».

Он начал осматривать маленькую кабину. Корабль не был предназначен для перевозки арестантов, и кабина проектировалась как дешевая пассажирская каюта, а не тюремная камера. Пустые ящики для багажа под обеими нижними полками отпадали — любой проверяющий прежде всего заглянет туда. Панель на полу. Такие обеспечивают доступ к межпалубным системам управления, трубопроводам, силовым линиям и гравирешетке. Длинная, узкая, плоская... Раздавшиеся в коридоре грубые голоса заставили Майлза решиться. Он втиснулся в узкое пространство лицом вверх, вытянул руки вдоль тела и выдохнул.

— Ты всегда гениально прятался, — пробормотал восхищенный Грегор и положил панель на место.

— Да, но тогда я был чуточку поменьше, — пробормотал в ответ Майлз. Щеки сплющило. Трубы и выступающие углы различных устройств резали спину и ягодицы. Грегор уже защелкивал крепления панели. Стало темно и тихо. Так, наверное, чувствует себя заживо погребенный. Или цветок под прессом в гербарии. Или другой биологический экспонат. Консервированный младший лейтенант.

Раздалось шипение открываемой двери; над Майлзом прогремели шаги, расплющив его еще больше. А вдруг заметят, что в этом месте шаги звучат глуше?

— Встать, технарь!— раздался обращенный к Грегору голос охранника. Послышались глухие удары и хлопанье, как от переворачиваемых матрасов и открываемых ящиков. Что ж, он так и думал — в них сунутся в первую очередь.

— Где этот тип, технарь?— По звуку шагов Майлз определил, что Грегор находится где-то возле стены, возможно, с заломленными за спину руками.

— Какой тип?— спросил Грегор сдавленно.

Без сомнения, стоит лицом к стене.

— Твой маленький приятель мутант.

— Этот странный коротышка, который шел вместе со мной? Он мне вовсе не приятель. Слинял куда-то.

Снова шарканье ног по полу...

— А-а! — Руку императора, должно быть, заломили еще круче, с болью догадался Майлз.

— Куда слинял?

— Не знаю. Он плохо выглядел. Кто-то недавно отделал его электрошоковой дубинкой. Я тут совершенно ни при чем... Он вышел за несколько минут до того, как мы отчалили.

«Отлично, Грегор. Может, ты и в отчаянии, но дураком тебя не назовешь». Губы Майлза сплющились. Голова лежала на боку, на верхнюю щеку давила закрытая панель, вторая упиралась во что-то, напоминающее терку для сыра.

Раздались глухие удары.

— Я же сказал! Он ушел!

Невнятное рычание охранника, треск электрошоковой дубинки, короткий болезненный вскрик и глухой стук — бесчувственное тело швырнули на нижнюю койку.

Послышался голос другого охранника.

— А может, он рванул обратно на станцию перед тем, как нам отчалить?

— Что ж, тогда пусть они там и сходят с ума. Но лучше для верности обыскать весь корабль. Судя по разговору, ребята из изолятора готовы вставить фитиль за этого парня.

— Они вставят или им вставят?

— Хрен их поймешь.

Ноги в ботинках — четыре, как определил Майлз — прогремели к двери. Зашипела закрывающаяся дверь, и все стихло.

К тому времени, когда Грегор соберется освободить его, решил Майлз, у него на спине образуется просто великолепная коллекция синяков. Дышать было нечем. И пора помочиться. Ну же, Грегор!

На Аслунде первым делом надо избавить императора Барраяра от рабского труда. Контрактные работники подобного сорта обречены на самые грязные и опасные работы, сопряженные с длительным воздействием проникающей радиации, использованием допотопных систем жизнеобеспечения, изматывающими дежурствами. Хотя, с другой стороны, такое прикрытие, как у Грегора, никому и во сне не приснится. Потом, когда они обретут свободу передвижения, необходимо разыскать Унгари с его запасом кредитных карточек и связей. А уж после этого... Что ж, после этого Грегор станет проблемой Унгари, только и всего. Все просто и понятно. Никаких причин для паники.

Не забрали ли они Грегора с собой? Придется в таком случае освобождаться самому. А как...

Раздался звук шаркающих шагов. Перед глазами Майлза возникла расширяющаяся полоса света. Панель открыли.

— Ушли, — шепнул Грегор.

Медленно, сантиметр за сантиметром, Майлз покинул свое неудобное ложе. Встать на ноги он попробует позднее. Надо передохнуть.

Грегор одной рукой держался за красную отметину на лице. Потом опустил руку.

— Ударили электрошоком. И... это не так страшно, как я ожидал. — Он, пожалуй, даже немного гордился этим.

— Использовали малую мощность, — проворчал Майлз.

Грегор уже нацепил маску безразличия, помогая Майлзу подняться с пола. Майлз ухватился за протяну-

тую руку, со стоном выпрямился и бухнулся на койку. Отдышавшись, он поведал Грегору свои планы относительно Унгари.

Грегор пожал плечами, уныло соглашаясь:

— Пусть так. Это проще, чем мой план.

— Твой план?

— Я собирался добраться до барраярского консульства на Аслунде.

— Ну что ж, отлично. — Майлз помолчал. — Грегор, скажи откровенно: тебе не улыбается моя помощь?

— Я и сам могу помочь себе. Уж на это я еще способен. Но... у меня был еще один план.

— Какой же?

— Не встречаться с барраярским консулом... Может, это и хорошо, что ты появился. — Грегор лег на койку и слепо уставился вверх. — Ясно одно, такая возможность больше мне никогда не представится.

— Возможность убежать? А сколько барраярцев лишится жизни, чтобы заплатить за твою драгоценную свободу?

Грегор потемнел:

— Если принять заговор Фордариана за точку отсчета, поскольку это был банальнейший из дворцовых переворотов, — тысяч семь или восемь.

— Ты не учитываешь Комарру.

— Ах да. С учетом Комарры цифра немного увеличится, — согласился Грегор. Его губы скривились в неспокойной усмешке. — Не беспокойся, я не всерьез. Просто... как ты думаешь, могу я жить своим умом?

— Конечно! Какие сомнения?

— У меня они имеются.

— Грегор, — Майлз нервно постукивал ребром ладони о колено. — Ты обладаешь реальной и, поверь, огромной властью. Отец все время своего регентства боролся, чтобы сохранить ее для тебя. Тебе не хватает уверенности в себе, и только.

— А что, младший лейтенант, если я, ваш верховный главнокомандующий, прикажу вам покинуть ко-

рабль на станции Аслунд и забыть о том, что вы меня видели, — вы подчинитесь?

Майлз проглотил комок в горле:

— Майор Сесил всегда говорил, что у меня трудности с субординацией.

Грегор сдержал улыбку:

— Старина Сесил! Помню его. — Он опять помрачнел. Перевернувшись набок и подперев голову рукой, он смотрел на Майлза в упор. — Но если моих приказов не слушается даже младший лейтенант роста ниже среднего, как я могу, скажи на милость, управлять армией или страной? Дело даже не в этом. Я помню все лекции твоего отца о власти, ее использовании, ее иллюзиях. Со временем, хочу я того или нет, власть у меня будет. Но смогу ли я принять ее и справиться с ней? Вспомни, как скверно я показал себя во время заговора Фордрозы и Хессмана четыре года назад.

— Зато сейчас вряд ли ты доверишься льстецам.

— Льстецам, конечно, нет.

— Вот видишь!

— Но я должен стать другим, иначе Барраяру лучше вовсе остаться без императора.

«Так, может, история с балконом произошла не столь уж случайно?» Майлз скрипнул зубами.

— Я ответил на твой вопрос — о приказах — не как младший лейтенант. Я ответил на него как лорд Форкосиган. И твой друг.

— Понимаю.

— Послушай, может, ты не хочешь моей помощи, как бы мала она ни была. Помощь Иллиана тебе легче принять. Но зато мне как-то приятно быть тебе полезным.

— Это да. Всегда приятно чувствовать себя полезным, — улыбнулся Грегор. В его улыбке больше не было горечи. — И мне приятно... не быть одному.

Майлз кивнул:

— Точно.

В течение следующих двух дней Майлз немало времени провел, прячась под панелью или скрючившись в ящике под койкой, хотя каюту больше не обыскивали.

Пару раз заходили пленные техники, чтобы поболтать с Грегором, и однажды (по настоянию Майлза) Грегор нанес ответный визит. Он показал себя с лучшей стороны, решил Майлз. Как само собой разумеющееся делил свою порцию с Майлзом и ни разу не согласился взять кусок побольше, хотя Майлз настаивал.

Наконец корабль вошел в док станции Аслунд, и Грегора вместе со всей рабочей командой вывели из корабля.

Майлз, нервничая, ждал, пока уляжется неизбежная в таких случаях суматоха. Но не дай Бог переосторожничать: корабль мог отчалить и улететь обратным рейсом с неучтенным пассажиром на борту.

Когда Майлз осторожно высунулся из приоткрытой двери, коридор был темным и пустым. Изнутри, со стороны корабля, люк не охранялся. На Майлзе все еще была голубая униформа, и это было очень кстати: он ничем не отличался от прочих технарей, которых на Аслунде, надо полагать, пруд пруди.

Майлз с уверенным видом вышел из корабля и тут же наткнулся на охранника в черной с золотом ливрее, маявшегося возле люка. Его парализатор был засунут в кобуру, в руках дымилась пластиковая чашка с кофе. Он безразлично взглянул на Майлза, и тот, не останавливаясь, улыбнулся в ответ. Охранник скорчил кислую гримасу. Очевидно, его обязали не пропускать незнакомых на корабль, а покидать его никому не возбранялось.

На грузовой площадке перед люком с полдесятка человек в рабочей одежде спокойно занимались своим делом. Майлз набрал воздуха и непринужденно зашагал мимо, делая вид, что ужасно занят. Вроде мальчика на посылках. Его никто не окликнул.

Приободрившись, Майлз двинулся дальше, сам не зная куда. Широкий трап привел его в большой зал, заполненный разнообразными конструкциями. Возле них копошились рабочие в самой разнообразной форме. Судя по наполовину смонтированному аппарату, это был ангар для заправки и ремонта боевых катеров — пред-

мет жгучего интереса для Унгари. А что, если он возьмет и прямо сейчас, с ходу, наткнется на него? Нет, так не бывает, конечно. Среди множества мужчин и женщин в голубой военной форме Аслунда вездесущего начальника Майлза не оказалось.

Покинув ангар, он вышел на площадку под прозрачным куполом. Выглянув наружу, Майлз сначала оцепенел, а потом выпалил те немногие ругательства, которые были у него на слуху. Сверкая огнями, в нескольких километрах от него висела коммерческая станция. Поблескивали стоящие у доков корабли. Очевидно, военная станция, к которой причалил корабль, была спроектирована как отдельное сооружение или по крайней мере еще не подсоединилась к коммерческой. Неудивительно, что одетым в голубые халаты пленникам разрешалось свободно передвигаться. С бессильным отчаянием смотрел Майлз в открывшуюся ему бездну. Чтоб тебя... Ладно, попробуем разыскать Унгари, остальное потом. Он повернулся и...

— Эй, ты! Маленький технарь!

У Майлза кровь застыла в жилах. Он едва справился с желанием бежать сломя голову. Нельзя. Эта тактика не увенчалась успехом на станции Консорциума. Изо всех сил стараясь изобразить вежливое любопытство, Майлз обернулся на оклик. Звавший его был крепко скроен и одет в желто-коричневый комбинезон мастера; выглядел он весьма озабоченным.

— Да, сэр? — приветливо спросил Майлз.

— Ты-то мне и нужен. — Тяжелая рука пригнула Майлза к земле. — Идем.

Майлз волей-неволей последовал за мастером с выражением усталой скуки на лице — и бешено колотящимся сердцем.

— Какая у тебя специальность?

— Трубопроводы.

— Превосходно!

Дойдя до места, где пересекались два наполовину законченных коридора, Майлз увидел зияющее в стене отверстие.

— Видишь эту трубу?

Судя по серому цвету, канализационная. Отходы по таким перемещаются под действием сжатого воздуха. Она исчезала где-то в темноте.

— Вижу. И что?

— Где-то за стенкой коридора в ней утечка. Пролезь в дыру и найди ее, иначе придется отдирать все панели, а мы их только что установили.

— У вас есть фонарь?

Мужчина порылся в карманах комбинезона и вытащил карманный фонарик.

— Отлично, — вздохнул Майлз. — Труба уже подключена?

— Нет. Мы только собирались это сделать. Чертова штука не выдержала последнюю проверку под давлением.

Значит где-то утечка. Майлз приободрился. Неужели ему наконец повезло?

Он скользнул внутрь и осторожно пополз по гладкой цилиндрической поверхности, ощупывая ее руками и прислушиваясь. Метров через семь он обнаружил утечку. Поток холодного воздуха поступал из довольно широкой трещины. Майлз неодобрительно покачал головой, попытался развернуться в тесном пространстве — и вдруг проломил панель.

Пораженный, он высунул голову в образовавшееся отверстие. Потом отломил кусочек панели и принялся разглядывать его.

Двое мужчин, устанавливающих в коридоре осветительные приборы, обернулись на шум.

— Что вы там, черт возьми, делаете?

— Контроль над качеством работ, — ответил Майлз. — У вас, ребята, будет о чем подумать.

Не расширить ли дыру? Ладно, не стоит. Майлз повернулся и пополз обратно, к нетерпеливо ожидающему его человеку в желто-коричневом комбинезоне.

— Утечка в шестой секции, — сообщил он ему и протянул кусок панели. — Если так и задумано — ставить панели из возгорающегося пластика вместо по-

ложенного для военных объектов плетеного кварцевого волокна, то у конструктора явно не в порядке с головой. Если нет — советую прихватить пару громил с электрошоковыми дубинками и нанести визит вашему поставщику.

Выругавшись, мастер ухватился за край ближайшей панели и надавил. Раздался треск. В руках у него оказался здоровенный обломок.

— Сукины дети! И сколько этого дерьма уже установлено!

— Жуть! — поддакнул Майлз и развернулся на сто восемьдесят градусов — надо исчезнуть прежде, чем чертыхающийся мастер придумает ему еще какое-нибудь задание. Раскрасневшийся и запыхавшийся, Майлз не останавливался до тех пор, пока не завернул за второй поворот.

И сразу наткнулся на вооруженных людей в бело-серых мундирах. Их было двое. Один из них обернулся к нему. Майлз, закусив губу и не оглядываясь, прошел мимо.

Дендарийцы! (Или оссериане!) Здесь, на этой станции! Сколько их, где располагаются? Может быть, что-нибудь патрулируют? Ему страстно захотелось вновь оказаться между стенками, как крыса в норе.

Бог весть, на чьей стороне теперь большинство бывших подчиненных адмирала Нейсмита. Только один из них не вызывал у него сомнений. Абсолютно никаких. Элен.

Майлз оставил ее четыре года назад женой База Джезека и помощницей Танга, и лучшей защиты в то время он ей дать не мог. Но со времени переворота Оссера он не получал от База никаких известий. Не перехватил ли их Оссер? Баз понижен в должности, Танг, очевидно, впал в немилость. Элен? Какое положение занимает она в непростой иерархической структуре флотилии?

И в его сердце! Майлз задумался. Даже сейчас больно вспоминать об этом. Он любил ее с детства. И она знала его лучше, чем любой другой человек на свете, за исключением отца и матери. И все же тоска по ней

потихоньку выветрилась, вместе с печалью о сержанте Ботари — его няньке, друге, телохранителе (и отце Элен), так нелепо погибшем на глазах питомца. Заботы новой жизни растворили его отчаяние. Так, иногда что-то находило на него, словно ныли больные суставы. Майлз хотел — и не хотел видеть Элен. Говорить с ней. Коснуться ее...

Но время ли думать о себе? Элен — приятельница Грегора, они вместе играли в детстве. Вторая линия обороны для императора. А болью Грегору сейчас не поможешь. Итак, надо отыскать Элен и прекратить свои бесцельные и опасные блуждания по станции. Остался ли кто-то, кроме Элен, во флотилии дендарийцев, на кого можно положиться? Ему необходимо учесть все, использовать все свои ресурсы. Существует ли еще в сознании дендарийцев такая личность, как адмирал Нейсмит? Интересный вопрос.

Ему необходимо отыскать укромное место, откуда можно наблюдать за обстановкой. Как только что доказал голубой халат, есть масса способов быть невидимым, оставаясь у всех на виду. Но его необычный рост — ох, чтоб его — не позволял полагаться только на халат. Нужно раздобыть какие-нибудь инструменты. Да, это самое лучшее — чемоданчик с инструментами, похожий на тот, который сию минуту поставил на пол человек в желто-коричневом комбинезоне, собираясь войти в туалет. В мгновение ока Майлз с чемоданчиком в руках исчез за углом.

Двумя уровнями ниже он обнаружил коридор, ведущий к кафетерию. Ага. Смертные, как известно, нуждаются в пище, следовательно, рано или поздно перед ним пройдут все обитатели станции. Запахи съестного вызвали немедленную реакцию в желудке, выразившем урчанием свой протест против трехдневного пребывания на половинном рационе. Майлз, стоически игнорируя голодные спазмы, снял со стены панель и нацепил на нос оказавшиеся в чемоданчике защитные очки, обеспечивая себе минимальную маскировку. Затем он залез в простенок, чтобы хоть так скрыть свой рост, и с ди-

агностическими сканерами в руках приступил к роли: сделал вид, что проверяет приборы. Вид на коридор был прекрасный.

По доносящимся из кафетерия запахам он определил — там подают прекрасные бифштексы из клонированной говядины, но с овощами обращаются варварски. Необходимо быть начеку, чтобы слюна, мгновенно переполнившая рот, не попала в луч миниатюрного лазерного паяльника, которым он манипулировал, наблюдая за проходящей мимо публикой.

Людей в гражданском было немного. Какое все-таки счастье, что у него есть голубой халат: костюм Рота, без сомнения, привлек бы внимание. Мимо мелькали разноцветные комбинезоны, голубые и зеленые халаты, мундиры Аслунда — в основном нижние чины. Неужели у дендарийцев (оссериан) собственная столовая где-то на стороне? Когда Майлз, отчаявшись, собрался покинуть свой наблюдательный пост (приборы управления были отремонтированы им на славу: разобраны до винтиков), мимо прошли двое в серо-белых дендарийских одеждах. Лица были ему незнакомы.

Майлз еще раз попытался взвесить свои шансы. Из примерно двух тысяч наемников, находящихся в настоящее время в районе Аслундского п-в-туннеля, ему знакомы (да и то в лицо) от силы несколько сотен, еще меньше — по имени. У этой наполовину собранной военной станции стоит только часть флотилии. И скольким из них можно доверять? Пяти? Шести?.. Прошли еще четверо в серо-белом, но Майлз пропустил их, хотя был уверен, что пожилая блондинка — техник с «Триумфа» и когда-то горой стояла за Танга. Желудок буквально выворачивало от голода.

Но при виде загорелого лица в приближающейся оживленной группе серо-белых Майлз начисто забыл про свой желудок. Сержант Чодак! Снова удача повернулась к нему лицом. Хотя... Если бы дело касалось его одного, он рискнул бы, но рисковать Грегором?.. Судьба решила за него. Непроизвольно взглянув в сторону Майлза, Чодак, в свою очередь, узнал его. Глаза сер-

жанта в ужасе раскрылись, но в тот же миг лицо приняло прежнее непроницаемо-спокойное выражение.

— Сержант, — негромко позвал Майлз, постукивая по коробке какого-то прибора. — Не будете ли вы так добры — не подойдете сюда? Я что-то запутался.

— Минутку. — Чодак махнул товарищу, одетому в форму младшего офицера армии Аслунда.

Очутившись перед Майлзом, он прошипел ему в лицо:

— Вы с ума сошли! Что вы здесь делаете? — Опущенное «сэр» свидетельствовало о необычайном волнении.

— Об этом после. Сейчас мне нужна ваша помощь.

— Но как вы здесь очутились? Адмирал Оссер перекрыл всю станцию. Сюда и комар не проникнет.

Майлз не без важности ответил:

— У меня свои каналы.

А ведь он так рвался на эту самую станцию... Воистину, Бог помогает дуракам и сумасшедшим.

— Мне сейчас совершенно необходимо встретиться с Элен Ботари-Джезек. Как можно скорее. Или, если ее здесь нет, с инженер-коммодором Джезеком. Они здесь?

— Элен Ботари-Джезек должна быть здесь. «Триумф» стоит в доке. А коммодор Джезек, насколько я знаю, на ремонтной базе.

— Но если ни Элен, ни Джезека вы не найдете, тогда устройте встречу с Тангом. Или Ардом Мэйхью. Или лейтенантом Элли Куинн. Хотя лучше всего — с Элен. Скажите ей — но больше никому! — что со мной наш общий друг Грег. Пусть она подойдет — скажем, через час, — к казармам контрактных работников, каюта Грега Бликмена. Сделаете это для меня?

— Да, сэр. — Озабоченный Чодак поспешил прочь. Майлз на скорую руку залатал изуродованное им оборудование, поставил на место панель, взял свой чемоданчик и зашагал с утомленным видом трудяги, стараясь не чувствовать себя так, словно на лбу у него горит красная лампочка. Он шел в защитных очках, выбирая самые пустынные коридоры. В животе творилось черт

знает что. «Элен нас накормит», — твердо пообещал он себе. Попозже. Увеличившееся число голубых халатов не оставляло сомнений, что казармы контрактных рабочих рядом.

К счастью, там оказался список обитателей. Майлз без труда нашел нужную строчку: «Бликмен Г. Модуль Б, каюта 8». Он быстро отыскал каюту и, прежде чем постучать, взглянул на часы — Грегор должен быть на месте. Дверь открылась. Грегор был один. Он сидел на койке, безучастный, с сонным видом. Хотя каюта была одноместной и в ней негде было повернуться, она давала возможность уединения. Одиночество, с точки зрения психологии, большая роскошь, чем пространство. Даже рабы-технари имеют право пользоваться ею.

— Мы спасены, — с порога объявил Майлз. — Я только что связался с Элен. — В этой безопасной клетушке напряжение прошедшего дня спало с него и, почувствовав вдруг слабость, он медленно опустился на край койки.

— Элен? Так она здесь? — Грегор рассеянно взглянул на Майлза. — Я думал, ты ищешь своего Унгари.

— Элен поможет мне отыскать его. Или, если мы его так и не найдем, поможет убраться отсюда. Если бы Унгари не декларировал так часто, что левая рука не должна знать, чем занята правая, все было бы проще. Ну да ладно. — Он с тревогой посмотрел на Грегора: — У тебя все нормально?

— Можешь быть уверен — несколько часов, проведенных за монтажом осветительной аппаратуры, не подорвали моего здоровья, — сухо ответил Грегор.

«Так тебя заставили заниматься монтажом? Я предполагал другое...»

Во всяком случае, выглядел Грегор прилично. Может быть, чтобы приводить императора Барраяра в деятельное настроение, следует каждый год на пару недель отправлять его на соляные копи? Майлз немного успокоился.

— Трудно представить себе Элен Ботари наемницей, — задумчиво сказал Грегор.

— Ты ее не знаешь, она и не на такое способна.

Майлз не выказал мучивших его сомнений. Почти четыре года. Он знал, как изменился сам за эти годы. А Элен? Вряд ли она вела более упорядоченную жизнь, чем он. Но времена меняются. И люди вместе с ними... Нет. Если уж сомневаться в Элен, то и в себе надо усомниться.

Полчаса, оставшиеся до назначенной встречи, тянулись медленно и дались Майлзу нелегко. Их хватило, чтобы чуточку снять с него напряжение, но отдохнуть, освежить себя сном Майлз не мог. Отпустившая было тревога вспыхнула в нем с новой силой. Ему казалось, что осторожность и здравый смысл покидают его, вытекая, как вода из разбитой чашки. Майлз еще раз взглянул на часы. Час — слишком неопределенный срок. Он должен был назвать точное время. Но кто знает, с какими трудностями или задержками могла столкнуться Элен?

Тут Майлз замигал: по своим путаным и несвязным мыслям он понял, что спит сидя. Дверь, зашипев, вдруг открылась — сама, безо всякого участия Грегора.

— Он здесь, ребята!

Полвзвода одетых в серо-белые формы наемников толпилось в коридоре и дверном проеме. Парализаторы, электрошоковые дубинки. Ясно одно — вооруженная до зубов толпа не имела никакого отношения к Элен. Остальное — потемки. Но даже поступившая в кровь порция адреналина не могла до конца смыть с мозга Майлза туман смертельной усталости.

«А в какой роли я выступаю теперь? Движущейся мишени?»

Он откинулся спиной к стене, заторможенный, безвольный, зато Грегор вскочил на ноги и совершил отчаянный и совершенно бесполезный поступок — точным ударом выбил парализатор из рук приближающегося наемника. Два громилы, подскочившие к нему, чуть не размазали императора по стенке... Майлза всего передернуло, но в последнюю секуну его уже стащили с кровати и запеленали с ног до головы в силовую сеть, причем использовали мощность, которой хватило бы,

чтобы обезножить лошадь. «За кого вы меня принимаете, ребята?»

Возбужденный предводитель крикнул в наручное переговорное устройство:

— Я поймал его, сэр!

Майлз иронически приподнял брови. Громила покраснел и выпрямился. Его рука дернулась — кажется, он с трудом удерживал себя, чтобы не отдать честь закутанному в сеть, безоружному и беспомощному пленнику. Майлз слегка улыбнулся. Вожак поджал губы.

«Ага. Я чуть не подловил тебя, приятель?»

— Уведите! — последовал приказ. Двое мужчин потащили Майлза к двери. Связанные ноги смешно болтались в нескольких сантиметрах от пола. Стонущего Грегора волокли за ним. Он был без памяти. Когда они приблизились к перекрестку, Майлз краем глаза заметил затененное стеной напряженное лицо Чодака. Значит, сержант Чодак.

Майлз в который раз проклял свое «умение» разбираться в людях. «Ты думал, что понимаешь других. Что этого у тебя не отнимешь. Конечно. Без сомнения. Может быть. Может быть». Слова бились в мозгу как клекот посаженного в клетку стервятника.

Когда пленников протащили по широкой площадке дока и далее сквозь небольшой люк, Майлз сразу понял, куда попал, — на «Триумф», его «карманный» дредноут, время от времени выступавший в роли флагмана флотилии. Он играл ее и сейчас. Когда-то, до Тау Верде, капитаном-владельцем «Триумфа» был Танг, статус которого в настоящее время сомнителен. Оссер же предпочитал свой собственный «Перегрин». Не была ли такая замена политическим актом? Вот и коридоры корабля, знакомые, словно он вчера расхаживал по ним. Запах пота, металла и механизмов. Вот покореженный сводчатый проход — воспоминание о том безумном таране, о первом бое. Его так и не привели в нормальный вид... «Мне казалось, я все забыл».

Они продвигались вперед быстро и скрытно. Два наемника шли перед пленными, расчищая коридор от

предполагаемых свидетелей. Наверняка предстоит небольшая дружеская беседа с глазу на глаз. Прекрасно, это устраивало Майлза. Конечно, он предпочел бы вообще не встречаться с Оссером, но если уж так суждено, нужно просто-напросто извлечь из этой встречи максимальную выгоду. Он постарался привести себя в порядок, как бы оправить адмиральский мундир. Майлз Нейсмит, космический наемник, человек загадочного образа жизни прибыл в Ступицу Хеджена — для чего? А тут еще Грег, его угрюмый верный соратник. Надо за оставшиеся минуты придумать правдоподобное объяснение этому факту.

Они миновали боевую рубку «Триумфа», оперативный центр и оказались в меньшем из двух расположенных против рубки конференц-залов. Пластина головида в центре полированного стола для совещаний была темна и безмолвна. Столь же безмолвен и мрачен был адмирал Оссер, сидевший во главе стола. Возле него стоял бледный блондин. Вероятно, помощник. Майлз видел его первый раз в жизни. Его и Грегора кое-как усадили в кресла, отставленные подальше, — на случай, если придется развязать пленников. Оставив при себе охранника, Оссер приказал остальным выйти.

Майлз нашел, что за эти четыре года внешность адмирала не слишком изменилась. Все так же подобран, та же ястребиная настороженность, только темные виски посеребрила седина. Майлзу почему-то казалось, что он выше Метцова, но на самом деле Оссер уступал ему в росте. А в чем-то они ужасно походили друг на друга. Возрастом? Телосложением? Неприязненным выражением лица? Красными искорками в глазах?

— Майлз, — пробормотал Грегор в его сторону, — как нам отделаться от этого парня?

— Пока не знаю, — вполголоса заметил Майлз.

Грегора это отнюдь не успокоило.

Оссер между тем оперся ладонями на крышку стола и, глядя на Майлза хищными глазами, наклонился вперед. Майлзу почему-то пришло в голову, что если бы у

Оссера был хвост, его кончик сейчас мотался бы из стороны в сторону.

— Что вы здесь делаете? — без предисловий начал командующий флотилией.

«Это ведь ты доставил меня сюда, о чем же ты спрашиваешь?» Нет, не время демонстрировать свое остроумие. Майлз остро ощущал, сколь нелепо выглядит, запеленутый в сеть, как великовозрастный младенец. Но адмирал Нейсмит всегда над обстоятельствами; он преследует высшие цели. Если это необходимо, он может вырядиться в голубой халат контрактного раба. И даже в сеть. И ответ адмирала Нейсмита прозвучал столь же откровенно и веско:

— Не заинтересованная в конфликте сторона, пользующаяся этим путем для своих кораблей, наняла меня для оценки военной ситуации в Ступице Хеджена. — Правда, которой, конечно, никто не поверит. — Эта сторона желает получить своевременное предупреждение и эвакуировать из Ступицы своих граждан до того, как начнутся нежелательные события. Попутно я приторговываю оружием. Самоокупающееся прикрытие.

Глаза Оссера сузились.

— Ваша «незаинтересованная сторона» случайно не Барраяр?

— Барраяр имеет собственную разведку.

— Как и Цетаганда... Аслунд опасается амбиций Цетаганды.

— Что ж, у них есть на то основания.

— Барраяр находится в таком же точно положении.

— Я абсолютно уверен, — несмотря на мешающее ему поле, Майлз ухитрился благосклонно кивнуть Оссеру, который чуть было не кивнул в ответ, — что на сегодня Барраяр не представляет угрозы для Аслунда. Чтобы контролировать Ступицу Хеджена, Барраяр должен контролировать Пол. В связи с терраформированием своего второго континента и освоением планеты Зергияр у Барраяра тьма-тьмущая собственных внутренних проблем. Не говоря уж о необходимости держать в узде непокорную Комарру. Военная авантюра,

направленная против Пола, серьезно истощит и без того ограниченные людские ресурсы Барраяра. Дешевле дружить или по крайней мере соблюдать нейтралитет.

— Аслунд также боится Пола.

— Вряд ли они начнут войну, если на них не нападут первыми. Дружить с Полом необременительно. Не нужно только ничего предпринимать.

— А Верван?

— До Вервана очередь еще не дошла. Он — следующий в моем списке.

— Так ли это? — Оссер откинулся на спинку кресла и скрестил руки. Это движение трудно было назвать жестом облегчения. — Я могу казнить вас как шпиона.

— Но я не шпион, — ответил Майлз, пытаясь выглядеть беззаботно. — Скорее соблюдаю дружеский нейтралитет или — кто знает? — являюсь потенциальным союзником.

— Зачем вам моя флотилия?

— Уверяю вас, мой интерес к денда... к наемникам чисто академический. Вы просто часть общей картины. Скажите лучше, в чем суть вашего контракта с Аслундом? — Заговорив об интересующих его вопросах, Майлз удвоил внимание.

Оссер чуть было не начал отвечать, но, спохватившись, раздраженно хмыкнул. Будь Майлз бомбой с часовым механизмом, и то Оссер не смотрел бы на него с такой суровой настороженностью.

— Ну послушайте, — насмешливо прервал Майлз затянувшееся молчание. — Что мы можем сделать вдвоем с напарником?

— Рассказывайте свои сказки другому. Я-то помню, как все было в прошлый раз. Вы появились в локальном пространстве Тау Верде с командой из четырех человек. Четыре месяца спустя вы диктовали всем свои условия. Что вы задумали на этот раз?

— Вы преувеличиваете мои возможности, уверяю вас. Я просто помогал людям двигаться в том направлении, в каком они сами хотели двигаться. Если это не слишком нелепо звучит, я придавал им ускорение.

— Только не мне. Я ухлопал три года, чтобы вновь встать на ноги. В своей собственной флотилии!

— Трудно угодить всем. — Майлз поймал потрясенный взгляд Грегора и сбавил тон. Грегор никогда не встречался с адмиралом Нейсмитом, он и представить себе не может, какая это власть и какое бремя. — Но даже вы не пострадали тогда всерьез.

Оссер стиснул челюсти.

— А это кто? — Он кивнул в сторону Грегора.

— Грег? Мой ординарец, — опередил Майлз открывшего было рот Грегора.

— Он не похож на простого ординарца. Скорее на офицера.

Грегор расцвел, будто ему сделали комплимент.

— Не судите по наружности. Коммодор Танг, например, выглядит обычным громилой.

Взгляд Оссера внезапно сделался ледяным.

— Действительно. И как долго вы поддерживаете связь с коммодором Тангом?

У Майлза все похолодело внутри: он понял, что упомянув Танга, взмахнул красной тряпкой перед быком. Но отступать было некуда, и он постарался скрыть тревогу под маской иронии:

— Если б я поддерживал связь с Тангом, меня бы здесь не было.

Опершись о стол локтями, Оссер целую бесконечную минуту молча изучал Майлза. Наконец расцепив ладони, взглянул на охранника, вытянувшегося в струнку.

— Вышвырнуть их в открытый космос.

— Что?! — воскликнул Майлз.

— Ты, — палец указал на безмолвного лейтенанта, — пойдешь с ними. Проследи, чтобы все было сделано чисто. Воспользуйтесь шлюзом левого борта — он самый ближний. Если этот тип, — палец указал на Майлза, — начнет разговаривать, попридержи ему язык. Самый опасный его орган.

Охранник отключил поле, связывающее ноги Майлза, и грубо поставил его на ноги.

— Вы даже не хотите подвергнуть меня медикаментозному допросу? — Майлз старался говорить спокойно, но губы у него дергались.

— Чтобы вы оказали свое разлагающее влияние на допрашивающих? Единственное, чего я боюсь, — это вашего длинного языка. Не могу представить себе ничего ужаснее, чем измена сотрудников моей службы безопасности. Но какую бы вы речь ни приготовили, отсутствие воздуха помешает вам произнести ее. Вы чуть не убедили даже меня. — Оссера передернуло.

«А ведь все складывалось так удачно, Господи помилуй...»

— Но я.. — Они подняли на ноги Грегора. — Но вам не обязательно...

Когда их вытащили из каюты, к конвоирам присоединились еще двое. Майлза с Грегором поволокли по коридору.

— Дела плохи, Майлз, — заметил Грегор. На его бледном лице застыло странное выражение: страх, досада, еще что-то. Кажется, раскаяние. — Нет ли у тебя в запасе парочки блестящих идей?

— Неужели так думает человек, мечтавший летать без крыльев? Разве это хуже, чем, скажем, расплющиться?

— По собственной воле. — Впереди замаячил шлюз, и Грегор, сопротивляясь, начал цепляться ногами за пол. — Летать по собственной воле, а не по прихоти кучки... — теперь его уже тащили трое, — грязных простолюдинов!

Майлз понял — это конец. Игра закончена. Но тогда к чертовой матери все прикрытия!

— Послушайте! — не помня себя крикнул он. — Вы, парни, собираетесь выкинуть в шлюз целое состояние!

Два охранника продолжали возиться с Грегором, но третий остановился.

— Сколько?

— Гигантская сумма, — быстро пообещал Майлз. — Хватит, чтобы купить собственный флот.

Лейтенант оставил Грегора и, вытащив из кармана вибронож, направился к Майлзу. Когда он потянулся,

чтобы схватить его за язык, ужаснувшийся Майлз понял, что лейтенант собирается буквально исполнить приказ своего начальства. И ему это почти удалось: дьявольское комариное жужжание ножа раздавалось в трех-четырех сантиметрах от носа Майлза. И тут адмирал Нейсмит укусил тянувшиеся к нему толстые пальцы и крутанулся в руках державшего его охранника. Силовое поле, прижимающее руки Майлза, взвыло и затрещало, но не поддалось. Он подался назад — на охранника, который взвизгнул от электрического укуса в промежность. Его хватка ослабла, и Майлз, упав на пол, врезался в колени лейтенанта. Тот споткнулся и упал. Почти дзюдо, механически отметил Майлз.

Двое возившихся с Грегром были сбиты с толку — сначала неправдоподобной, дикарской попыткой воспользоваться виброножом, а потом отчаянным сопротивлением Майлза. Они не заметили человека с загорелым лицом, появившегося из-за угла. В руках у него был парализатор. Еще через секунду, когда заряды с жужжанием вонзились им в спины, они рухнули на палубу. Охранник, который тащил Майлза от самого конференц-зала, все еще пытался схватить его. Но тот извивался, как выброшенная на берег рыба, и когда лицо охранника оказалось в поле зрения загорелого мужчины с парализатором в руках, тот выстрелил в упор.

Между тем Майлз навалился на лейтенанта-блондина, придавив его голову — увы, на мгновенье — к палубе. Он с бешеной силой вдавливал силовую сеть в лицо недруга, но лейтенант, приподнявшись на одном колене, отшвырнул Майлза и стал оглядываться по сторонам. И тут Грегор, подпрыгнув, ударил его ногой в челюсть. Одновременно в затылок лейтенанту попал заряд парализатора.

— Чертовски удачная работа, — произнес в мертвой тишине задыхающийся Майлз. — Не уверен, что они поняли хоть что-то — так быстро все случилось.

«Я был все-таки прав насчет Чодака. Все-таки я не потерял своих способностей. Помогай тебе Бог, сержант».

— Для людей со связанными руками вы тоже действовали неплохо. Оба. — Чодак удовлетворенно покачал головой и наклонился над Майлзом, чтобы выключить силовое поле.

— Ай да команда, — улыбнулся ему Майлз.

ГЛАВА 11

Частое цоканье подковок башмаков в конце коридора привлекло внимание Майлза. Он глубоко вздохнул и замер. Элен.

Она была в полевой форме офицера наемников: серо-белая куртка с карманами и брюки. На длинных стройных ногах сверкали начищенные ботинки. Все та же Элен — высокая, подтянутая, бледная. Те же светло-карие глаза, прямой нос с горбинкой, четко очерченные скулы. «Она подстриглась», — подумал Майлз, стоя как истукан. Исчез ниспадающий на спину черный каскад волос, открыв изящные уши. Только короткие темные пряди оттеняли лоб и чуть впалые щеки — строго, практично, продуманно. По-солдатски.

Она подошла и одним взглядом окинула всех — Майлза, Грегора, четырех оссериан.

— Отличная работа, Чодак. — Элен опустилась возле одного из тел на колено и потрогала пульс на шее. — Мертвы?

— Нет, только оглушены, — объяснил Майлз.

С некоторым сожалением она взглянула на открытую внутреннюю дверь шлюза.

— Вряд ли мы можем выкинуть их наружу.

— Конечно. Хотя они и собирались проделать это с нами. Убрать бы их куда-нибудь подальше, пока мы не исчезнем, — добавил Майлз.

— Верно. — Элен кивнула Чодаку, помогавшему Грегору перетаскивать бесчувственные тела в шлюз. Увидев лейтенанта-блондина, которого тащили за ноги

мимо нее, она нахмурилась: — Хотя кое-кому не мешало бы оказаться за бортом.

— Можешь ли ты предоставить нам убежище?

— Для того мы и пришли. — Она повернулась к трем солдатам, появившимся вслед за ней. Четвертый встал на пост у ближайшего перекрестка. — Проверьте все вокруг и расчистите дорогу назад — только осторожнее. И исчезните. Вы здесь не были и ничего не видели.

Они кивнули. Майлз слышал их отдаляющееся бормотанье: «Это он?» — «Да...» — «Неужели?»

Майлз, Грегор и Элен забрались в шлюз и прикрыли за собой внутреннюю дверь. Чодак остался охранять их снаружи. Пока Элен помогала Грегору стащить с одного из оглушенных оссериан форму, Майлз сбросил голубую одежду пленника и остался в помятом костюме Виктора Рота. После четырехдневной круглосуточной носки одеяние выглядело убого. Больше всего Майлз нуждался в ботинках, чтобы заменить наконец неприличные и неудобные сандалии, но ни одни даже близко не подходили ему.

Грегор между тем уже облачился в серо-белую форму и натянул солдатские ботинки. Они с Элен в крайнем изумлении разглядывали друг друга.

— Это действительно вы. — Элен испуганно покачала головой. — Что вы здесь делаете?

— Я здесь по ошибке, — как школьник, ответил Грегор.

— Что? По какой ошибке?

— Боюсь, по моей, — вмешался Майлз. К некоторому его огорчению, Грегор не возразил.

И тут на лице Элен впервые появилась улыбка — правда, очень странная улыбка. Майлз решил не допытываться, что она значит. Этот беглый обмен прозаическими фразами совершенно не напоминал ни одну из десятка бесед, которые приходили ему на ум в ожидании встречи с ней.

— Поиски могут начаться сию минуту: Оссер ждет, когда ему доложат, что с нами кончено, а никто не идет. — Майлз торопливо подбирал с пола парализато-

ры, силовую сеть, вибронож и засовывал их за пояс. Подумав, он проворно освободил четырех отключившихся оссериан от кредитных карточек, пропусков, удостоверений личности и карманных денег, рассовав это все по своим и Грегора карманам, и позаботился, чтобы Грегор избавился от своего отслеживаемого удостоверения личности. К своей великой радости, Майлз нащупал в одном из карманов наполовину съеденную плитку пищевого рациона. Он немедленно начал жевать, потом, поперхнувшись, протянул ее Грегору. Тот отрицательно покачал головой. Возможно, он уже пообедал в том самом кафетерии.

Чодак быстро оглядел Грегора с головы до ног, поправил на нем форму, и они двинулись, держа Майлза в середине: не то загораживая его, не то конвоируя. Подойдя к лифту и спустившись несколькими палубами ниже, странная компания оказалась в большом грузовом шлюзе, соединенном с катером. Один из членов команды Элен, прислонившийся к стене, лениво кивнул ей. Чодак тут же отделился от них и последовал за часовым, махнув на прощание. Майлз и Грегор прошли за Элен по гибкому стыковочному переходу к люку и оказались в пустом грузовом отсеке одного из катеров «Триумфа», чувствуя легкое головокружение: искусственное гравитационное поля корабля-матки сменилось невесомостью. Далее они проплыли к кабине пилота. Элен, прикрыв за ними люк кабины, жестом указала Грегору на свободное кресло за пультом управления.

Места пилота и второго пилота были заняты. Ард Мэйхью приветливо улыбался Майлзу через плечо, полушутливо-полусерьезно отдавая честь. Прежде чем второй пилот обернулся, Майлз уже узнал эту обритую пулеобразную голову.

— Привет, сынок. — Улыбка Ки Танга была скорее ироничной, чем приветливой. — Рад тебя видеть. Ты не очень спешил вернуться. — И Танг остался сидеть, скрестив руки на груди и разглядывая вновь прибывших.

— Привет, Ки, — кивнул Майлз евразийцу.

Вот кто ни капельки не изменился. По-прежнему выглядит где-то между сорока и шестьюдесятью. По-прежнему напоминает доисторический танк. И по-прежнему больше смотрит, чем говорит, — черта, не слишком удобная для тех, кому есть что скрывать.

Мэйхью заговорил в микрофон:

— Диспетчер, причина неисправности обнаружена: неверный замер давления. Теперь все в порядке. Мы готовы.

— Давно пора, С-2, — прозвучал металлический голос. — Можете лететь.

Мэйхью за доли секунды убрал стыковочный переход и включил ручное управление. Шипение, лязг — и катер оторвался от корабля-матки, выходя на свою траекторию. Затем Мэйхью отключил передатчик и облегченно вздохнул:

— Все. Бояться нечего.

Элен, расставив ноги, удерживалась в проходе позади Майлза, который, в свою очередь, цеплялся рукой за поручень.

— Почему ты так думаешь? — спросил Майлз. — И что это значит: «бояться нечего»?

— Мэйхью имеет в виду, что теперь можно свободно разговаривать, — ответила за него Элен. — Если не считать нас, незарегистрированных пассажиров, это рутинный патрульный рейс. Оссер еще не хватился своих пленников, иначе нас остановил бы диспетчер. Сперва он обыщет сверху донизу «Триумф» и военную станцию. А потом, когда искать начнут за их пределами, можно будет незаметно доставить вас обратно на борт «Триумфа». Если захотите.

— Это план Б, — пояснил Танг, повернувшись к ним вполоборота. — Или, может быть, план В. План А (мы полагали, что ваше освобождение пройдет с бóльшим шумом) предусматривал немедленный перелет на «Ариэль», находящийся сейчас на сторожевой станции, и вслед за этим открытый переворот. К счастью, теперь можно действовать менее стихийно.

Майлз чуть губу не прокусил.

— Боже! Да это еще хуже, чем в прошлый раз! — Снова броситься в гущу событий, ход которых невозможно контролировать. Снова стать знаменосцем наемников, обладая свободой воли головы, насаженной на пику... — Нет, спасибо. Хватит с меня стихийности.

— В таком случае, — Танг пошевелил пальцами, — каков твой план?

— Мой — что?

— План. — Танг произнес это слово подозрительно медленно. — Или, попросту, зачем ты здесь?

— Оссер тоже спросил меня об этом, — вздохнул Майлз. — Поверите ли вы, что я здесь случайно? Оссер не поверил.

Танг поджал губы.

— Случайно? Может быть... Я давно заметил, что твои так называемые «случайности» заманивают врагов в такую западню, из которой самому дьяволу не выбраться. Даже самые опытные стратеги зеленеют от зависти. Поскольку и сейчас для простой случайности слишком много счастливых совпадений, думаю, ты что-то утаиваешь. Может быть, даже от себя самого. Если бы ты держался меня, сынок... А может, ты действуешь только в критических ситуациях? Давай я привлеку твое внимание к такой ситуации сейчас, пока ты еще не занял свое место командующего дендарийцев.

— Ты не ответил на мой вопрос, — перебил его Майлз.

— А ты — на мой, — отрезал Танг.

— Мне не нужны дендарийские наемники.

— А мне нужны.

— А-а! — Майлз помолчал. — Отчего же до сих пор ты не отобрал верных людей и не начал действовать самостоятельно?

— Разве мы можем плавать в космосе? — Танг изобразил пальцами движение рыбьих плавников и надул щеки. — Оссер держит под контролем всю технику. Включая мой корабль. «Триумф» был единственной ценностью, которую я приобрел за всю свою тридцатилетнюю службу.

И вот, из-за твоих «случайностей» я потерял даже его. По-моему, ты мне кое-что должен за это. Если не Оссер... — Танг многозначительно взглянул на Майлза.

— Но я дал тебе вместо «Триумфа» целую флотилию! — возразил Майлз. — Не понимаю, как ты умудрился потерять ее — ты, такой опытный солдат.

Танг поморщился:

— После того как мы ушли от Тау Верде, год-полтора все шло нормально. Мы заключили два небольших контракта в районе Восточной сети — небольшие боевые операции, беспроигрышные варианты. Ну, не совсем беспроигрышные — попотеть, конечно, пришлось. Но мы провели их успешно.

Майлз взглянул на Элен.

— Да, я кое-что слышал об этом.

— А во время третьей начались неприятности. Баз Джезек все больше и больше занимался техникой и ее обслуживанием (надо отдать ему должное, инженер он отличный), я командовал боевыми операциями, а Оссер — тогда мне казалось, от скуки, но теперь-то я вижу, что очень даже обдуманно — взял на себя административные вопросы. Все было бы прекрасно — каждый занят своим делом, — если бы Оссер работал с нами, а не против нас. В подобной ситуации я бы подослал наемных убийц. Оссер использовал в этом качестве бухгалтеров.

Выполняя условия третьего контракта, мы, само собой, понесли потери. Баз был по уши занят ремонтом и ни во что не вникал, я какое-то время валялся на больничной койке. Когда я вышел из лазарета, Оссер уже подыскал нам всем вполне приличное занятие — долгосрочный контракт на охрану п-в-туннеля. Но это же дало ему возможность подкопаться под меня. Без настоящего дела я... — Танг вдруг закашлялся. — Заскучал, потерял бдительность. Оссер обошел меня прежде, чем я понял, что война объявлена. Он затеял финансовую реорганизацию...

— После того как попытался соблазнить меня, — нахмурясь, бросила Элен. — Я тебя предупреждала, чтобы ты не верил ему, еще полгода назад.

Танг смущенно пожал плечами:

— Видишь ли, это вполне простительная слабость.

— Соблазнять жену своего подчиненного? — Светло-карие глаза Элен гневно сверкнули. — Замужнюю женщину? Я поняла, что он подонок. Если моя клятва верности мужу для него пустой звук, чего стоят его заверения?

— Но ты сказала, что он спокойно принял твой отказ, — виновато заметил Танг. — Если бы он не прекратил свои домогательства, я бы, конечно, вмешался. А так — мне казалось, что ты должна быть польщена его вниманием.

— Хорошего же ты обо мне мнения! — вспыхнула Элен. — Благодарю!

Вспомнив о своих недавних желаниях, Майлз опустил глаза.

— Это могло быть начальным ходом в его игре, — рассудительно предположил он. — Поиском слабого места во вражеской обороне. Но у него ничего не получилось.

— Хм. — Такая точка зрения, казалось, принесла Элен некоторое утешение. — Во всяком случае, Ки не помог мне, а Базу я, естественно, ничего не рассказывала. Так сказать, Кассандра в открытом космосе. Во всяком случае, двойная игра Оссера не всех удивила.

Танг нахмурился:

— Поскольку он оставался владельцем половины флотилии, ему хватало голосов остальных капитанов-владельцев. Осон тоже голосовал за него. Я задушил бы его собственными руками.

— Ты сам потерял Осона своими стонами о «Триумфе», — сердито выложила Элен. — Ему казалось, это угроза его капитанству.

Танг пожал плечами:

— Пока я был начальником штаба и командующим, мне и в голову не приходило, что он что-то сделает с моим кораблем. «Триумф» находился рядом, и этого мне было достаточно. Я мог ждать твоего возвращения, —

он посмотрел на Майлза, — чтобы во всем окончательно разобраться. Но ты не возвращался.

— Ждать возвращения хозяина... — пробормотал зачарованно слушающий Грегор, многозначительно взглянув на Майлза.

— Не повторяй чужих ошибок, — процедил Майлз сквозь зубы.

Грегор, стушевавшись, замолчал. Майлз повернулся к Тангу:

— Но Элен-то знала, что я вернусь не скоро, если вообще вернусь!

— Я знала, — тихо сказала Элен. — Хотя... мне тоже казалось тогда, что ты... оставишь все и вернешься к нам.

— Неужели ты не понимала, что «оставить все» я мог, только отдав Богу душу.

— Теперь я это понимаю.

— Не позднее, чем через пять минут, — перебил их Мэйхью, — я должен либо запросить у диспетчера станции разрешения причалить, либо направиться к «Ариэлю». Что будем делать?

— Я могу поставить под твою команду больше сотни верных офицеров и сержантов, — быстро произнес Танг, глядя на Майлза. — Четыре корабля.

— А почему не под свою?

— Если бы мог, я бы давно уже сделал это. Но я не могу пойти на раскол флотилии, потому что не уверен, что соберу ее потом. Всю, целиком. Но с тобой в качестве лидера, пользуясь твоей репутацией, — совсем другое дело...

— Лидера? Или парадного украшения? — Нанизанная на пику голова вновь предстала перед глазами Майлза.

Танг развел руками:

— Как тебе будет угодно. Основная масса офицеров наверняка присоединится к победителю. Если мы решим действовать, то быстро добьемся своего. Правда, у Оссера тоже около сотни преданных ему лично офицеров, которых, видимо, придется убрать: иначе победа обойдется нам не в одну сотню жизней.

— Замечательно. Мне кажется, ты слишком долго работал с Оссером: начинаешь думать, как он. К тому же, повторяю, я здесь не для того, чтобы возглавить флотилию наемников. У меня более серьезные задачи. — Майлз старался не смотреть на Грегора.

— Какие, например?

— Ну хотя бы предотвращение планетарной гражданской войны. А может, и межзвездной.

— Для меня это не представляет профессионального интереса.

Это прозвучало как шутка, жестокая шутка. Но действительно, что Тангу тревоги Барраяра?

— А если ты окажешься среди проигравших? Тебе платят за победу, но воспользоваться этой платой может только живой наемник.

Узкие глаза Танга сузились еще больше.

— Что у тебя на уме? Почему ты вдруг заговорил про обреченную сторону?

«Если я не доставлю Грегора домой, то сам превращусь в обреченную сторону». Майлз с досадой покачал головой.

— Извини. Я должен молчать. Мне нужно попасть на... — Пол для него закрыт, станция Консорциума недоступна, Аслунд теперь стал еще опаснее. — На Верван. — Он взглянул на Элен. — Да. Доставь нас обоих на Верван.

— Ты работаешь на верванцев? — сухо спросил Танг.

— Нет.

— Тогда на кого? — Танг стиснул руки: казалось, он хочет выдавить ответ силой.

Элен бросился в глаза этот жест.

— Ки, осади, — жестко заметила она. — Если Майлзу нужно на Верван, он туда попадет.

Танг взглянул на Элен, на Мэйхью.

— На чьей вы стороне? Моей? Его?

Элен вскинула голову:

— Мы присягали Майлзу. Баз тоже.

— И ты еще спрашиваешь, зачем ты мне? — Танг раздраженно указал на Элен с Мэйхью. — Что это за

крупная игра, о которой, кажется, знают все, кроме меня?

— Я тоже ничего не знаю, — беззаботно улыбнулся Мэйхью. — Я просто иду за Элен. Куда она, туда и я.

— Подчиняясь или доверяя?

— Разве это такие уж разные вещи? — усмехнулся Майлз.

— Появившись здесь, ты раскрыл нас, — настаивал на своем Танг. — Подумай! Мы пришли тебе на помощь, а ты исчезаешь, оставляя нас с Оссером один на один. Ты ведь знаешь, что такое разъяренный Оссер? А мы безоружны. И слишком много было свидетелей.

Майлз с болью смотрел на Элен. Совсем другая — такая, какой он увидел ее час назад, когда головорезы Оссера собирались выбросить его из шлюза. И все та же — верная до конца, как ее отец.

Танг с удовлетворением заметил, как изменился Майлз после его слов. Ага, задело за живое. Грегор беспокойно заерзал в кресле:

— Я подумал... если бы вы в Наших интересах стали, как и мы, беглецами. — Майлз видел: Элен тоже отметила заглавное Н в слове «наших», чего, разумеется, не могли понять ни Танг, ни Мэйхью, — Мы могли бы устроить так, чтобы ваши интересы не пострадали. По крайней мере финансовые.

Элен понимающе кивнула, а Танг наклонился к ней и ткнул пальцем в сторону Грегора:

— Кто этот тип?

Элен молча покачала головой.

Танг зашипел от злости:

— Ты не кажешься мне такой уж надежной опорой, сынок. А что, если мы в твоих интересах станем трупами?

Элен возразила:

— Мы рисковали отдать Богу душу за гораздо меньшее.

— Меньшее — чем что? — почти выкрикнул Танг. Но тут Мэйхью показал на наушники:

— Время решать, парни.

— Может ли этот катер пересечь систему? — быстро спросил Майлз.

— Нет. Не хватит горючего, — словно извиняясь, пожал плечами Мэйхью.

— К тому же он недостаточно быстр и плохо вооружен для этого, — добавил Танг.

— В таком случае постарайтесь протащить нас на какой-либо коммерческий транспорт незаметно для органов безопасности Аслунда, — резюмировал Майлз. Вид у него был по-настоящему несчастный.

Танг взглянул на эту компанию непокорных и тяжело вздохнул:

— Они уделяют больше внимания прибывающим, чем отбывающим. Думаю, это несложно. Причаливай, Ард.

После того как грузовой катер причалил к выделенному ему шлюзу, Майлз, Грегор и Элен остались в каюте пилота, а Танг и Мэйхью вышли наружу, чтобы, как неосмотрительно выразился Танг «взглянуть, что тут можно сделать». Майлз сидел, нервно покусывая пальцы, стараясь не подпрыгивать при каждом звуке, издаваемом роботами, грузившими продовольствие для наемников. Четкий профиль Элен оставался совершенно спокойным. Какой все-таки она стала теперь?

Сможет ли он остаться к ней равнодушным? Эта новая Элен так уверена в себе и невозмутима; прежняя молчаливость покинула ее — она сама вступает в разговор и ведет его на равных с мужчинами. Но Майлз чувствовал с прежней остротой восприятия (ведь он любил ее много лет) — что-то не так. Во всем, что она говорит — даже во взгляде, в жестах, — появилась горечь, которой не было раньше. И эта горечь причиняла ему боль.

— У тебя все нормально? — помедлив, спросил он. — Я, разумеется, не имею в виду теперешнюю ситуацию с Оссером. Танг был хорошим командиром? Он обещал научить тебя всему, что узнавал я в классных комнатах...

— Да, он отличный наставник. Напичкал меня до предела военной информацией — тактикой, историей... Я стала спецом по боевому десантированию: тыловое обеспечение, ориентирование на местности, атака,

отступление, даже взлет и посадка катера, если вы не против нескольких толчков. Кажется, меня можно назвать профессионалом — во всяком случае в масштабах флотилии... Да, Танг любит учить.

— Мне показалось, у вас с ним непростые отношения.

Элен вскинула голову:

— Сейчас все отношения непростые. От неразберихи в верхах некуда деться. Хотя... я так и не простила Тангу, что он не оправдал моих ожиданий. Я рассчитывала на него.

— Что ж, с надежностью всегда проблемы. А сейчас тем более. — Майлз чувствовал себя неловко. — Ну... а как Баз?

— Ничего, — ответила Элен спокойно, но не слишком радостно. — Только он растерян. Вся эта мышиная возня, борьба за власть чужда ему, даже противна. В душе он технарь: дайте ему работу — и он сделает ее на совесть... Танг намекал тут, что, отложи Баз технику, он возглавил бы оппозицию Оссеру, но я думаю, получилось бы как раз наоборот. Он не чета Оссеру: тактика ударов в спину — это не для База. Поэтому он и ушел с головой в технику — там с моралью все в порядке. Хотя, может быть, его поглощенность механизмами отдает фанатизмом. Дрязги, увы, сказываются на душевном равновесии.

— Жаль, — пробормотал Майлз.

— Еще бы тебе не жалеть. — Голос Элен дрогнул, потом выровнялся. — Базу всегда казалось, что он подводит тебя. Но ведь это ты не оправдал наших ожиданий — не вернулся. Неужели мы вечно могли жить этой иллюзией — что ты вернешься?

— Иллюзией? — переспросил Майлз. — Я понимаю... Это действительно нелегко — ждать и не дождаться. Но я надеялся, что вы сможете... войти в свою роль. И наемничество станет вашим делом, профессией, куском хлеба в конце концов.

— Быть наемником легко Тангу и ему подобным. Мне казалось одно время, что я сумею войти в эту жизнь, но

когда дело дошло до убийств... Я ненавижу Барраяр, но лучше служить Барраяру, чем никому или самому себе.

— А кому служит Оссер? — с любопытством спросил Грегор, подняв брови при упоминании их общей родины.

— Оссер служит Оссеру. Правда, он говорит, что служит флотилии, но флотилия служит Оссеру, так что получается просто короткое замыкание. Замкнутый круг. Флотилия не может заменить родину. Ни дома, ни семьи... Все стерильно. Хотя что ж... Я не против помощи Аслунду — они в ней нуждаются. Планета такая бедная. Сейчас там паника.

— Ты с Базом — и Ард тоже — могли уйти, заняться другим делом.

— Как? — горько улыбнулась Элен. — Ты ведь оставил дендарийцев на наше попечение. Баз уже побывал дезертиром. Хватит.

«Моя вина, — подумал Майлз. — Что тут скажешь?»

Между тем Элен уже повернулась к Грегору:

— Во-первых, ты так и не сказал, что ты здесь делаешь, помимо того, что вляпываешься во всякие истории. Может, какая-то тайная дипломатическая миссия?

— Объясняй! — Майлз смотрел на Грегора, стараясь не скрипеть зубами. — Расскажешь ей о балконе, а?

Грегор пожал плечами и опустил глаза — он явно избегал пристального взгляда Элен.

— Я дезертировал, как и Баз. И, подобно Базу, обнаружил, что это скверная вещь.

— Теперь ты понимаешь, насколько это важно — доставить Грегора домой как можно скорее. — Майлз уже не скрывал от Элен своей тревоги. — Они там думают, что он пропал. Или даже похищен. — И Майлз пересказал Элен сокращенную и подредактированную версию их случайной встречи в тюремном изоляторе Консорциума.

— Господи! — Элен была поражена. — Теперь я понимаю, почему тебе так важно сбыть его с рук. Если в твоем присутствии с ним что-нибудь случится, пятнадцать партий завопят в голос: «Предательский заговор!»

— Как ни странно, эта мысль уже приходила мне в голову, — пробормотал Майлз.

— Правительство твоего отца — центристская коалиция — падет в первую очередь, — вслух размышляла Элен. — Правые военные пойдут, я думаю, за графом Фориннесом и рассчитаются с выступающими за децентрализацию либералами. Французы захотят Форвилля, русские — Фортугарова. Или он умер?

— Крайне правые фанатики-изоляционисты, мечтающие запечатать п-в-туннели, будут поддерживать Фортрифранни против антифоровской прогалактической группировки, мечтающей о конституции, — мрачно продолжил Майлз. — И не одними словами.

— Граф Фортрифранни просто ужасен! — Элен поежилась. — Я слышала его речи.

— Для него это просто приличный способ стряхнуть пену с губ, — усмехнулся Майлз. — Грекоговорящее меньшинство тоже захочет воспользоваться случаем — попытается отделиться...

— Прекратите! — простонал Грегор.

— Да разве это не твоих рук дело? — жестко подытожила Элен. Но когда Грегор поднял голову и горестно взглянул на нее, она смягчилась: — К сожалению, сейчас я не могу предложить тебе место в флотилии. У нас всегда есть работа для людей с военным образованием, хотя бы в качестве инструкторов.

— Стать наемником? — оживился Грегор. — Это мысль...

— Конечно. У нас полно бывших военных. Отставников.

Глаза Грегора загорелись. Он оглядел свою серо-белую куртку.

— Если бы ты здесь командовал, а, Майлз?

— Нет! — вспыхнул Майлз.

Свет в глазах Грегора потух.

— Я пошутил.

— Не очень удачно. — Майлз перевел дыхание, моля Бога, чтобы Грегору не пришло в голову превратить свою шутку в приказ... — Итак, попытаемся добраться

до барраярского консульства на станции Верван. Надеюсь, оно еще там. Я не слышал новостей уже несколько дней. Ничего не изменилось?

— Насколько я знаю, все по-прежнему, если не считать нарастающей паранойи, — ответила Элен. — Верван вкладывает деньги в корабли, а не в станции...

— Это имеет смысл, если нужно охранять не только туннель, — вставил Майлз.

— Но это дает Аслунду основания считать верванцев потенциальными агрессорами. На Аслунде есть даже группировка, настаивающая на превентивном ударе, пока новый верванский флот не готов. К счастью, сторонники оборонительной стратегии пока в большинстве. Оссер запросил за наше участие непомерно высокую цену. Он не дурак: знает, что Аслунд ничем нам не поможет. Верван в качестве временной меры тоже нанял наемников — собственно, это и побудило Аслунд обратиться к нам. Верванские наемники называют себя «Бродягами Рэндола», хотя, кажется, самого Рэндола уже нет в живых.

— Лучше бы нам не встречаться с ними, — с тревогой заметил Майлз.

— Я слышала, новый заместитель их командующего — барраярец. Может, вам удастся извлечь из этого какую-то пользу.

Грегор задумчиво поднял брови:

— Один из сыщиков Иллиана? Это на него похоже. «Не туда ли, кстати, направился Унгари?»

— В любом случае самое лучшее для нас — превратиться в невидимок, — задумчиво произнес Майлз.

— Давно пора, — прокомментировал Грегор.

— Командующего «Бродягами» зовут Кавилло, — продолжила Элен.

— Как?! — вскрикнул Майлз.

Элен удивленно подняла брови:

— Кавилло. Никто не знает, настоящее это имя или кличка...

— Кавилло — имя человека, который пытался купить меня на станции Консорциума за двадцать тысяч бетанских долларов!

Брови Элен так и остались заломленными.

— Зачем?!

— Не знаю. — Майлз вновь перебрал возможные точки назначения. Пол, Консорциум, Аслунд... Нет, все равно остается Верван. — Только бы не наткнуться на верванских наемников. Прямо с корабля отправимся в консульство, спрячемся там, как в норе, даже носа не высунем, пока за нами не придут люди Иллиана. Хватит с нас приключений.

Грегор вздохнул:

— Это уж точно.

И нечего разыгрывать из себя секретного агента. Все его благие намерения окончились тем, что Грегора чуть не убили. Пора стараться не так усердно, решил Майлз.

— Странно. — Грегор глядел теперь на Элен (на новую Элен, понял Майлз). — Подумать только, что у тебя больше боевого опыта, чем у меня или у Майлза.

— Чем у вас обоих вместе взятых, — чуть высокомерно поправила его Элен. — Да, но настоящая битва... гораздо более нелепая вещь, чем я думала. Если две противостоящие друг другу группировки в состоянии встретиться на поле боя, вооружившись до зубов, почему бы им не затратить десятую часть этих усилий, чтобы договориться? Правда, это не касается партизанских войн, — задумавшись, продолжала Элен. — Партизаны не придерживаются правил игры, что, по-моему, вполне разумно с их стороны. Раз уж тебя вынудили быть безжалостным, значит надо идти до конца. Если мне еще раз придется участвовать в партизанской войне, я бы хотела быть на стороне партизан.

— Но если противостояние дошло до предела, труднее заключить мир, — заметил Майлз. — Война сама по себе не цель, она только аргумент в споре, исключая войны, на которых лежит проклятие. Потому что и такое бывает. Обычно все хотят мира. Мира на лучших условиях, чем те, с которых начиналась война.

— Но те, кто дольше остается безжалостным, побеждают? — допытывался Грегор.

— Это не подтверждается фактами. Если то, что вы делаете во время войны, действует на вас так разлагающе — настолько, что долгожданный мир страшнее войны...

Голоса, послышавшиеся со стороны грузового шлюза, заставили Майлза встрепенуться и замолчать, но это были всего лишь Танг и Мэйхью.

— Пойдемте, — заторопился Танг. — Если Ард не будет придерживаться рутинной процедуры, это бросится в глаза. К чему нам лишнее внимание?

Они сгрудились в грузовом отсеке, где Мэйхью управлял движением плавающего поддона с укрепленными на нем двумя пластиковыми ящиками.

— Твой приятель вполне сойдет за солдата флотилии, — продолжал Танг. — Для тебя же я нашел ящик. Конечно, это гораздо эффектнее — закатать тебя в ковер, но так как капитан транспортника мужчина, боюсь, историческая правда была бы нарушена.

Майлз подозрительно осмотрел ящик. Отверстия для воздуха отсутствовали.

— Куда вы меня денете?

— Существует официально-неофициальная договоренность о возможности нелегального въезда и выезда офицеров разведки флотилии. Капитан этого каботажного транспортника, он же и владелец — верванец. Он уже трижды занимался этим (за плату, разумеется). И сейчас он перевезет вас и проведет через верванскую таможню. А дальше дело за вами.

— А вам это ничем не грозит? — обеспокоенно спросил Майлз.

— Ни в коей мере, — успокоил его Танг. — Все учтено. Он подумает, что просто-напросто переправляет за деньги все тех же агентов, и будет держать язык за зубами. К тому же вернется он дня через три-четыре, не раньше, а до этого его нельзя допросить. Я сделал все сам. Элен и Арда он не видел. Так что не бойся за них.

— Спасибо, — тихо поблагодарил его Майлз.

Танг вздохнул:

— Остался бы с нами! Какого солдата я сделал бы из тебя за три года!

— Если из-за того, что вы помогли Нам, у вас будут сложности и вы потеряете работу, — вставил Грегор, — попросите Элен, и она свяжет вас с Нами.

Танг скривился.

— Свяжет с кем?

— Сейчас тебе лучше этого не знать, — уронила Элен, помогая Майлзу забраться в упаковочный ящик.

— Ладно, — проворчал Танг. — Что с вами поделаешь.

Майлз оказался лицом к лицу с Элен, в последний раз. Последний? А что за ним? Она потрепала его по плечу, потом так же по-сестрински обняла Грегора. И снова обратилась к Майлзу:

— Передавай привет матери. Я часто вспоминаю леди Форкосиган.

— Обязательно. И... мои наилучшие пожелания Базу. Все будет хорошо, вот увидишь. Главное — чтобы с вами ничего не случилось, с тобой и с ним. Дендарийцы просто, просто... — Он никак не мог заставить себя произнести что-то вроде «не имеют значения», или «наивная мечта», или «иллюзия», хотя последнее, вероятно, было точнее всего. — Удачи, — запнувшись, закончил он.

Взгляд, который Элен кинула на него, окончательно обескуражил Майлза — холодный, колючий... Словно Элен молча сказала ему: «Идиот несчастный». Или что-нибудь в этом роде, только покрепче. Майлз пригнул голову к коленям, давая возможность Мэйхью закрепить крышку и чувствуя себя зоологическим образцом, помещенным в ящик для отправки в лабораторию. Или в зоопарк.

Переезд прошел без происшествий. Майлза и Грегора поместили в небольшую, вполне приличную каюту, предназначенную для суперкарго. Через три часа после их прибытия на борт транспортник отошел от дока, оставив позади станцию Аслунд со всеми ее опасностями — патрулями Оссера и прочими неприятностями.

Танг, надо отдать ему должное, все так же хорошо знал свое дело.

Майлз был чрезвычайно рад возможности помыться, как следует закусить и выспаться.

Малочисленная команда транспортника, казалось, избегала их. Три долгих спокойных дня были дарованы им, чтобы еще раз пересечь Ступицу Хеджена, только в другом обличьи. Следующая остановка — барраярское консульство на станции Верван.

Боже мой, когда они прибудет туда, придется писать рапорт. Подробный рапорт в культивируемом Имперской безопасностью доверительном стиле: судя по тем образчикам, что ему приходилось видеть, сухом, как пыль. Унгари, проделав такой же путь, несомненно, представил бы кучу данных, готовых для дальнейшего анализа. А какие цифры в состоянии представить Майлз? «Простите, сэр, я сидел в ящике». Он мог, конечно, поделиться кое-какими догадками, основанными на информации, крохи которой машинально подбирал то тут, то там, удирая от всевозможных служб безопасности. Вот будет номер, если он в своем рапорте сосредоточится именно на этих службах. Личное мнение некоего младшего лейтенанта. Начальство будет в диком восторге.

А какое, кстати, мнение у него сложилось? Интересный вопрос. Что ж, по его мнению, Пол не является источником беспорядков в Ступице Хеджена, они там не предпринимают никаких действий, только реагируют на них. Консорциум, видимо, тоже не сторонник военных авантюр. К тому же единственная сторона, над которой могут взять верх беспринципные джексонианцы, это Аслунд, но завоевание Аслунда, мира с чисто аграрной экономикой, не принесло бы Консорциуму ощутимой выгоды. В Аслунде психоз дошел почти до сумасшествия, к тому же Аслунд предоставил оборону своих рубежей наемному войску, которое вспыхнет от одной искры и расколется на враждующие группировки. Смешно и думать, что Аслунд может представлять собой реальную угрозу. Стало быть, Вер-

ван. Импульс, движущая сила дестабилизации по методу исключения, может исходить только от Вервана — или через него. Можно ли разузнать это наверняка?.. Нет. Он уже не играет в эти игры. Верваном займется кто-нибудь другой.

От нечего делать Майлз подумал, не попросить ли у Грегора императорского дозволения не писать рапорт. Интересно, как воспринял бы это Иллиан? Вероятно, пришел бы в ужас.

Грегор вел себя очень тихо. Лежа на своей койке, Майлз наблюдал, как император (с сожалением, как показалось ему) снимает украденную дендарийскую форму и натягивает гражданскую одежду, которую раздобыл для него Мэйхью. Грегор был худощав, и поношенные брюки, рубашка и куртка болтались на нем, как на вешалке. Настоящий бродяга-неудачник. И взгляд, как у бродяги, — пустой, рассеянный. Майлз решил, что в таком виде его нельзя пускать в общество.

Грегор же думал о своем спутнике.

— Знаешь, в роли адмирала Нейсмита ты был жутко загадочным. Просто другой человек.

Майлз приподнялся на локте:

— Мне кажется, Нейсмит — это я, только совсем в иных условиях. Без рамок. Адмирал не должен быть благородным молодым фором, да и вообще никаким фором. Для него не существует субординации, поскольку он не подчиняется никому.

— Я это заметил. — Грегор тщательно сложил дендарийскую форму по барраярскому армейскому уставу. — Ты не жалеешь, что пришлось проститься с дендарийцами?

— Кто его знает... — (А если всерьез? Иерархическая цепочка субординации покоится на среднем звене. Потяни за любой конец посильнее, и это звено разорвется...) — Но ты-то, надеюсь, не жалеешь, что избавился от рабства по контракту?

— Нет, конечно. Это совсем не то, чего я ожидал. Хотя схватка у шлюза произвела на меня сильное впечатление. Совершенно незнакомые мне люди пы-

таются покончить со мной, ничего обо мне не зная. Незнакомцев, задумавших убить императора Барраяра, я еще могу понять. Но это... Мне надо подумать.

Майлз позволил себе мимолетную кривую усмешку.

— Это словно быть любимым за то, что ты есть ты, только наоборот.

Грегор пристально посмотрел на него:

— А еще так странно было увидеть Элен. Послушная дочь Ботари... Она неузнаваема.

— Этого следовало ожидать, — уклончиво ответил Майлз.

— Кажется, она привязана к этому дезертиру-мужу.

— Да, — коротко ответил Майлз.

— Этого ты тоже ожидал?

— Конечно. Логическое следствие целостности натуры. И поскольку ее понятие о верности только что спасло нам жизнь, вряд ли мы вправе прохаживаться на сей счет.

Грегор многозначительно поднял бровь.

Майлз подавил раздражение.

— Во всяком случае, я бы очень хотел, чтобы Элен не пострадала. Оссер оказался опасным. Она и Баз, по-видимому, держатся лишь благодаря Тангу, а он и сам висит на волоске.

— Удивляюсь, что ты не принял предложения Танга. — Грегор вернул Майлзу недавнюю усмешку. — Сразу стать адмиралом, минуя скучные промежуточные барраярские ступени...

— Предложение Танга? — Майлз хмыкнул. — А ты его хорошо слышал? Кажется, отец давал тебе читать все эти договоры. Танг не предлагал мне командования, он предлагал драку с шансами один против пяти. Ему нужен союзник, влиятельная марионетка, но не хозяин.

— Хм. — Грегор опять улегся. — Похоже на то. И все же я не уверен, остался бы ты таким паинькой, если бы с тобой не было меня. — Он остро взглянул на Майлза из-под полуопущенных век.

Майлз вздохнул. Стоит ему вольно истолковать фразочку Иллиана: «Используйте младшего лейтенанта Форкосигана, чтобы убрать дендарийских наемников из Ступицы», и можно попытаться...

— Нет. Если бы я не наткнулся на тебя, то был бы уже на пути к Эскобару. А ты, я думаю, монтировал бы осветительную арматуру.

Интересно, где сейчас Оверман? Связался ли он со штаб-квартирой, постарался ли отыскать Унгари, или его тоже убрал Кавилло (этот сверхзагадочный Кавилло, засадивший Майлза в следственный изолятор Консорциума)? Или он последовал за своим подопечным, младшим лейтенантом Форкосиганом? Жаль, младший лейтенант не может отправиться за Оверманом к Унгари... Нет, получается ерунда. Здесь сам черт ногу сломит, и хватит об этом. Все это уже позади.

— Все это уже позади, — улыбнулся Майлз.

Грегор потер чуть заметное серое пятно на щеке — след знакомства с электрошоком.

— Да, наверное. Хотя с арматурой у меня вроде бы неплохо получалось.

«Ну вот и конец», — думал Майлз, когда они шли вслед за капитаном транспортника по трубе, ведущей к доку Верванской станции. Или нет? Верванец явно нервничал, словно ждал какого-то подвоха. С чего бы это он? Если человек трижды поставлял на Верван контрразведчиков, он знает, что делает. Залитый холодным резким светом док представлял собой громадный пустынный зал, спроектированный для удобства роботов, а не людей. Видимо, сейчас в доке затишье — вокруг никого, механизмы бездействуют. Майлз решил, что если бы контрабандой шпионов занимался он, то выбрал бы время наивысшей активности, когда среди неразберихи погрузки или отгрузки легко проскользнуть незамеченным.

Глаза капитана бегали из угла в угол, пока они пересекали безлюдное пространство. Наконец перед ними оказалась пустая кабина управления.

— Подождите здесь, — сказал капитан. — Сейчас подойдут люди, которые поведут вас дальше. — Он прислонился к стене будки и начал пяткой постукивать по ней. В этом постукивании слышался, как ни странно, ритм — навязчивый, жесткий. Так продолжалось несколько минут. Потом капитан выпрямился и повернул голову на звук шагов.

Из ближайшего коридора вышла группа людей. Майлз оцепенел. Судя по осанке и одежде — военные, возглавляемые лейтенантом, но не в форме верванской армейской или государственной безопасности. На подошедших к ним вплотную была незнакомая желтовато-коричневая форма с короткими рукавами, черными петлицами и нашивками. В руках парализаторы на изготовку. Но если эти типы маршируют, как конвой, разговаривают, как конвой, вооружены, как конвой...

— Майлз, — тревожно произнес Грегор, сделав аналогичные выводы. — Это входит в сценарий? — Парализаторы были направлены уже прямо на них.

— Три раза контрабанда удавалась, — с уверенностью, которой не ощущал, прошептал Майлз. — Почему бы ей не удастся в четвертый?

Капитан слегка улыбнулся и отошел от стены — подальше от линии огня.

— Контрабанда удавалась мне всего только дважды, — сообщил он. — На третий раз меня застукали.

Майлз дернулся. Потом, проглотив проклятие, поднял руки. Грегор тоже неспешно поднял руки. Лицо его было на удивление спокойным. Надо отдать должное самообладанию императора — единственное, за что он мог поблагодарить свою регламентированную жизнь.

Танг сказал, что устроил все сам. Сам. Неужели Танг предал? Не может быть!

— А Танг говорил, что вам можно доверять, — усмехнулся Майлз.

— Что мне Танг? — огрызнулся капитан. — У меня семья.

С парализаторами на изготовку двое («Бог мой, опять головорезы!») вышли вперед и, поставив Майлза и

Грегора лицом к стене, обыскали, освободив их от добытого с боем оссерианского оружия и многочисленных документов. Офицер бегло просмотрел всю стопку.

— Да. Без сомнения, люди Оссера. — Он передал по наручной связи: — Мы взяли их.

— Оставайтесь на местах, — ответил высокий голос. — Мы сейчас будем.

Очевидно, это «Бродяги Рэндола», отсюда и незнакомая форма. Но почему не видно верванцев? Ни одного.

— Извините, — невинно начал Майлз. — Неужели вы принимаете нас за агентов Аслунда?

Офицер взглянул на него сверху вниз и фыркнул.

— Не пора ли назвать наши собственные имена? — пробормотал Грегор.

— Интересная мысль, — уголком рта отозвался Майлз. — Давай сначала выясним, расстреливают ли они шпионов.

Торопливое цоканье ботинок объявило о появлении нового лица. Когда шаги завернули за угол, солдаты подтянулись. Грегор тоже инстинктивно выпрямился и вскинул голову, хотя одежда, которую раздобыл ему Ард Мэйхью, до смешного не соответствовала его позе. Самый штатский вид был, несомненно, у Майлза: глаза округлились, как у дурачка, нижняя челюсть отвисла. Через секунду он захлопнул рот, пока что-нибудь не влетело туда.

Полтора метра роста плюс несколько сантиметров, добавленных черными ботинками с высокими каблуками. Коротко стриженные светлые волосы одуванчиком обрамляли изящную головку. Новая, с иголочки желто-коричневая форма с золотом знаков отличия идеально подчеркивала линии тела. Ливия Ну!

Офицер отдал честь.

— Прекрасно, лейтенант... — Голубые глаза остановились на Майлзе. В них мелькнуло изумление, но в ту же секунду пропало.

— О, Виктор, дорогой! — произнесла она до странности неестественным тоном. — Какая неожиданная

встреча! Все еще продаешь свои чудесные костюмы дуракам?

Майлз развел пустыми руками:

— Вот и все, что осталось от моего багажа, мадам. Нужно было покупать, пока можно.

— Неужели все? — Искорки в ее синих глазах обеспокоили Майлза. Грегор молчал с видом полнейшего недоумения.

«Так, значит, ты не Ливия Ну и не просто посредник. Тогда какого черта командующий верванскими наемниками инкогнито встречается на Поле-6 с представителем самого влиятельного дома джексонианского Консорциума? Это была не просто торговля оружием, дорогая».

Кавилло, она же Ливия Ну, поднесла к губам переговорное устройство:

— «Десница Курина», лазарет. Говорит Кавилло. Посылаю вам для допроса двух пленных. Возможно, буду присутствовать лично. — И она отключилась.

Капитан транспортника шагнул вперед. На лице его были испуг и отчаяние.

— Моя жена и сын! Что с ними? Докажите теперь, что они в безопасности.

Она оценивающе оглядела его:

— Ты можешь пригодиться еще для одного рейса. — Она кивнула одному из солдат. — Отведи его на гаупт-вахту «Курина», и пусть ему покажут его родных на экране. Потом приведешь его ко мне. Ты удачливый предатель, капитан. У меня есть для тебя еще одна работа. Платой за нее и будет твоя семья.

— Вы освободите их? — требовательно спросил капитан.

Кавилло слегка нахмурилась, недовольная, что ее прервали.

— Зачем мне увеличивать твой гонорар? Но так и быть — я подарю им еще одну неделю жизни.

Капитан двинулся вслед за солдатом, яростно стиснув кулаки, но благоразумно держа язык за зубами.

«Какого черта?» — думал Майлз. Он не слишком много знал о Верване, но был совершенно уверен, что закона, позволяющего даже в условиях военного времени удерживать ни в чем не повинных родственников в качестве заложников, не существует. Нигде.

Когда капитан скрылся из вида, Кавилло снова включила переговорное устройство.

— «Десница Курина», отдел безопасности? Прекрасно. Посылаю вам моего любимого двойного агента. Прокрутите ему запись, сделанную на прошлой неделе в шестой камере. Не вздумайте только объяснять, что это не прямая передача.

Что это значит? Родные капитана на свободе? Или умерщвлены? Или их прячут в каком-то другом месте? Что здесь творится?

Из-за поворота послышалась тяжелая поступь. Кавилло скривилась, но, когда она повернулась ко вновь пришедшему, гримаса сменилась улыбкой.

— Станис, дорогой. Посмотри, что попало к нам в сети на этот раз. Это тот самый бетанец, что пытался торговать краденым оружием на станции Пола. Кажется, не такой уж он и загадочный.

«Желто-коричневая с черным форма бродяг на Метцове выглядит прекрасно», — мелькнуло у Майлза. Сейчас в самый раз закатить глаза и свалиться в обморок. Если знать, как это делается.

Генерал Метцов застыл как вкопанный. Стальные глаза вспыхнули.

— Это не бетанец, Кави.

ГЛАВА 12

— Это барраярец. И не простой барраярец. Надо быстро спрятать его, — продолжил Метцов.

— Вот как? В таком случае кто послал его сюда? — Кавилло взглянула на Майлза. Губы ее скривились в неопределенной усмешке.

— Бог! — с жаром провозгласил опальный генерал. — Бог отдал его в мои руки. — Метцов, исполненный пафоса, являл собою необычное и вселяющее тревогу зрелище. Кавилло удивленно подняла брови, но Метцов ничего не замечал.

Он перевел взгляд на Грегора:

— Так. Возьмем барраярца, а телохранителя, я полагаю... — И вдруг он замолчал.

Изображения на банкнотах не очень походили на теперешнего Грегора: они были сделаны несколько лет назад, но император достаточно часто появлялся на экране, конечно, по-иному одетый... Майлз почти читал мысли Метцова: «Черт побери, лицо знакомое, но никак не вспомню имя...» Может быть, Метцов не узнал Грегора. А может, просто не верит собственным глазам.

И тут Грегор спокойно произнес:

— Твои очередные старые друзья, Майлз?

Именно этот неторопливый, хорошо поставленный голос рассеял последние сомнения. Горящее от возбуждения лицо Метцова побелело. Он машинально оглянулся — ищет Иллиана, догадался Майлз.

— Да... Генерал Станис Метцов, — кратко объяснил Майлз.

— Метцов с острова Кайрил?

— Именно.

— Вот как. — Грегор явно мобилизовал последние запасы невозмутимости.

— Где ваша охрана, сэр?— хрипло спросил Метцов у Грегора.

«Ты на нее смотришь», — горестно подумал Майлз.

— Я думаю, где-то поблизости, — холодно ответил Грегор. — Дайте нам следовать нашим путем, и она вас не побеспокоит.

— Ты объяснишь наконец, кто этот парень? — Кавилло нетерпеливо топнула ногой.

Майлз больше не мог сдерживаться.

— Что вы здесь делаете? — напрямик спросил он Метцова.

Тот угрюмо взглянул на него:

— А на что жить человеку моих лет, лишенному императорской пенсии и сбережений всей жизни? Или ты думал, я буду сидеть в какой-нибудь дыре и подыхать с голоду?

Действительно, напоминать Метцову о причине его жизненного краха сейчас по крайней мере неуместно.

— По сравнению с островом Кайрил здесь не так уж скверно, — дипломатично заметил Майлз. Он никак не мог собраться с мыслями. Метцов под командой женщины? Внутренние причины подобной субординации должны быть крайне занимательны. «Станис, дорогой?..»

Метцов, однако, не выглядел счастливым.

— Да кто же это? — воскликнула Кавилло.

— Власть. Деньги. Стратегические рычаги. Больше, чем ты можешь себе представить, — сдавленным голосом ответил Метцов.

— И неприятности, — вставил Майлз. — Бóльшие, чем вы можете себе представить.

— С тобой, мутант, отдельный разговор, — отрезал генерал.

— Я бы просил вас... — Грегор призвал его к порядку самым самым что ни на есть императорским тоном, стараясь нащупать твердую почву в этой ускользающей от его понимания ситуации.

— Мы должны немедленно забрать их на «Десницу Курина». Подальше от всех. — Метцов повернулся к Кавилло, потом взглянул на солдат. — Чтоб их никто не видел и, главное, не слышал. Остальное — когда останемся вдвоем.

Толчок в спину — и Майлз двинулся по коридору, ощущая затылком колючий взгляд Метцова. Пройдя через несколько безлюдных доковых отсеков, группа вышла к причалу, у которого стоял корабль. Флагман, если судить по числу охранников.

— Отведите их в лазарет на допрос, — приказала Кавилло, когда начальник охраны, отдав честь, довел их до люка.

— Исключено! — воскликнул Метцов, потерянно шаря вокруг глазами. — У тебя, случайно, нет глухонемых охранников?

— Полагаю, что нет. — Кавилло поморщилась, глядя на взбудораженного Метцова. — В таком случае, посадите пленных на гауптвахту, — распорядилась она минуту спустя.

— Нет! — Метцов был вне себя.

Не решается засадить императора в камеру, догадался Майлз. Между тем, повернувшись к Грегору, Метцов почтительно произнес:

— Можете ли вы обещать мне не предпринимать враждебных действий, сир... сэр?

— Что?! — Кавилло не верила собственным ушам. — Ты свихнулся, Станис!

— Такая договоренность, — веско заметил Грегор, — может существовать только между благородными врагами. Хочу верить в ваше благородство. Но значит ли это, что вы объявляете себя Нашим врагом?

«Прекрасный образчик уклончивого ответа», — одобрительно подумал Майлз.

Напряженный взгляд Метцова остановился на Майлзе.

— По всей видимости нет. Но вы плохо подбираете себе фаворитов. Не говоря уже о советчиках.

Лицо Грегора оставалось непроницаемым, когда он медленно ответил:

— Иные подданные действительно обманывают меня. Как и некоторые советчики.

Наконец Метцов решился:

— В мою каюту. — Кавилло открыла было рот, но бывший начальник Майлза жестом остановил ее: — Пока. Для первой беседы. Без свидетелей и протоколов службы безопасности. После этого мы все решим, Кави.

— Будь по-твоему. — Кавилло прищурилась и подчеркнуто-ироническим жестом указала вперед.

Метцов поставил у своей каюты лишь двоих охранников. Как только за вошедшими закрылась дверь, он быстро связал Майлза силовым шнуром. Затем с подчеркнутым уважением усадил Грегора в мягкое кресло

за своим рабочим столом — лучшее, что могла предложить его спартанская каюта.

Кавилло, усевшись на кровати, указала на нелогичность действий своего подчиненного:

— Зачем ты связываешь маленького и оставляешь на свободе более крепкого?

— Если он тебя так беспокоит, держи наготове свой парализатор, — кратко посоветовал Метцов. Тяжело дыша, он рассматривал Грегора, и в его глазах Майлз читал настоящий ужас.

— А почему не твой?

— Я еще не решил, обнажать ли оружие в его присутствии.

— Теперь мы одни, Станис, — сухо заметила Кавилло. — Не будешь ли ты так добр объяснить мне этот идиотизм? Надеюсь, твое объяснение окажется вразумительным.

— Без сомнения. Это, — Метцов указал на Майлза, — лорд Майлз Форкосиган, сын премьер-министра Барраяра. Адмирала Эйрела Форкосигана — надеюсь, слышала о таком?

Кавилло удивленно подняла брови:

— Но... что он делал на Поле-6 в роли бетанского торговца оружием?

— Не знаю. Последнее, что я о нем слышал, — что он арестован Имперской безопасностью, хотя, конечно, никто не верил в это всерьез.

— Задержан Имперской безопасностью, — поправил Майлз. — Есть небольшая разница.

— А это, — Метцов, не слушая, указал на Грегора, — император Барраяра Грегор Форбарра. И что ему здесь понадобилось, знает один Бог.

— Император Барраяра?! Ты уверен? — Кавилло не пыталась скрыть изумление. После короткого подтверждающего кивка Метцова она задумалась. Потом взглянула на Грегора, словно увидела его впервые: — Как интересно!

— Интересно-то интересно, но где его охрана? Мы должны быть предельно осторожны, Кави.

— Сколько они за него заплатят? И кто даст наивысшую цену?

Грегор улыбнулся ей:

— Я фор, мадам. В некотором роде фор форов. Риск при исполнении долга — профессия форов. Поэтому на вашем месте я не думал бы, что моя цена бесконечно высока.

«Возражение Грегора имеет под собой некоторые основания, — усмехнулся про себя Майлз. — Не будь он императором...»

— Возможность, конечно, благоприятная, — сказал Метцов, — но если мы наживем себе врага, с которым не в силах справиться...

— Если он останется у нас в качестве заложника, не вижу никаких трудностей, — задумчиво произнесла Кавилло.

— Есть еще одна, наиболее разумная линия поведения, — вставил Майлз. — Помочь нам без помех и задержек продолжить наш путь и получить за это приличное и заслуженное вознаграждение. Уж тут вы никак не промахнетесь.

— Заслуженное вознаграждение?— Глаза Метцова загорелись. Он погрузился в молчание, потом пробормотал: — И все-таки что они здесь делают? И где эта змея Иллиан?.. Во всяком случае, мутанта я не отпущу. Черт побери! Либо играть по-крупному, либо не играть совсем. — Он с ненавистью взглянул на Майлза: — А что мне теперь Барраяр и армия, выбросившая меня за дверь после тридцати пяти лет службы... — И Метцов решительно выпрямился, хотя все еще, как заметил Майлз, не в силах был извлечь оружие в присутствии императора. — Да, ты права, Кави, отправь их на гауптвахту.

— Не так быстро, — ответила погруженная в раздумья Кавилло. — Если хочешь, отправь туда малыша. Ты же сказал, что он ничего собой не представляет?

Единственный сын самого крупного военного чина Барраяра решил для разнообразия помолчать. Если только, если...

— Сравнительно с другим, — стараясь потянуть время, ответил Метцов. Он испугался, что его планы сорвутся.

— Отлично, — Кавилло сунула парализатор обратно в кобуру. Потом подошла к двери и распахнула ее настежь. — Отведите пленного, — она указала на Грегора, — в каюту девять на палубе Ж. Отключите связь, заприте дверь и поставьте охранника с парализатором. Но в разумных пределах обеспечьте ему все удобства. — И, улыбаясь, добавила, обращаясь к Грегору: — Это самая комфортабельная каюта, какую только можно найти на «Деснице Курина», э-э...

— Зовите меня Грег, — вздохнул Грегор.

— Грег. Приятное имя. Каюта номер девять находится рядом с моей. После того, как вы отдохнете, мы продолжим разговор. Возможно, за ужином. Проследи, чтобы все было сделано, Станис. — Она одарила обоих пленительной улыбкой и тронулась с места, изящная штучка в ботинках на каблуках. Потом, спохватившись, обернулась и указала на Майлза: — А этого — на гауптвахту.

Второй охранник, подтолкнув Майлза электрошоковой дубинкой, поднял его на ноги и повел.

«Десница Курина», судя по тому, что Майлз успел заметить по дороге, была гораздо более крупным кораблем, чем «Триумф». То есть более грузоподъемным, но менее маневренным. Помещение гауптвахты, куда привели Майлза, было просторнее и охранялось гораздо тщательнее.

Дверь открылась в дежурную часть, от которой ответвлялись два глухих коридора с камерами. Из одной вышел капитан транспортника, сопровождаемый бдительным охранником. Верванец бросил на Кавилло нескрываемо враждебный взгляд.

— Как видишь, твои вполне здоровы, — произнесла та. — Я свои обещания выполняю. Продолжай и ты выполнять свои.

«Посмотрим, что случится...»

— Вы видели запись, — громко заговорил Майлз. — Требуйте, чтобы вам показали вашу семью.

Кавилло стиснула зубы, но когда капитан-предатель резко повернулся к ней, гримаса раздражения уже исчезла.

— Что?!. — Верванец набычился. — Кто же из вас двоих лжет?

— Капитан, вам предоставили все гарантии, какие могли. — Кавилло указала на экраны. — Негоже бросать игру на полдороге.

— Тогда этот, — разъяренный верванец указал на Майлза, — будет последним, кого я выдал.

Легкое движение женской руки к поясу заставило охранников взять парализаторы наизготовку.

— Уведите! — приказала Кавилло.

— Нет!

— Отлично! — раздраженно бросила она. — Заприте его в шестой камере.

Капитан, раздираемый страхом и негодованием, резко отвернулся, и тогда Кавилло жестом приказала охраннику отойти от пленника. Удивленный охранник отошел, а Кавилло взглянула на Майлза, хмуро улыбаясь. «Ну, умник, смотри чего ты добился», — говорила ее улыбка. В следующую секунду женщина легким движением расстегнула кобуру, вытащила нейробластер и выстрелила капитану в затылок. Тот дернулся и свалился на палубу.

Кавилло потрогала тело носком ботинка, потом взглянула на Майлза, стоявшего с разинутым ртом.

— В следующий раз будешь держать язык за зубами. А, малыш?

Майлз, лязгнув зубами, сомкнул челюсти. Вот так эксперимент... Теперь он знал, кто убил Лигу. Смерть похожего на кролика человека, о которой он только слышал, внезапно обрела плоть. Выражение восторга, промелькнувшее в глазах Кавилло в момент выстрела, ужаснуло и заинтриговало Майлза. «Кого ты на самом деле видишь в прицеле, дорогая?»

— Да, мадам, — прошептал он, стараясь унять колотившую его дрожь — запоздавшую реакцию на случившееся. Ох, черт бы побрал его длинный язык.

Женщина подошла к технику, ошеломленно стоящему возле экранов.

— Дайте мне копию записи из каюты генерала Метцова за последние полчаса. Начните запись снова. Нет, не прокручивайте! — Она положила диск в нагрудный карман и тщательно застегнула его. — А этого — в четырнадцатую! — Кавилло кивнула в сторону Майлза. — Или, знаете... Если она пустая, лучше в тринадцатую. — Белоснежные зубы сверкнули в усмешке.

Охранники еще раз обыскали Майлза и сняли с него все идентификационные признаки. Кавилло сообщила им, что его следует зарегистрировать как Виктора Рота.

В это время вошли двое — судя по одежде, медики — с носилками, чтобы убрать труп. Кавилло, уже собравшаяся уходить, повернулась к Майлзу.

— Ты лишил меня двойного агента, а он был мне весьма полезен. И годился на большее, чем послужить объектом урока для дурака. Видишь ли, я не коллекционирую бесполезных вещей. Поэтому предлагаю тебе подумать, чем ты можешь послужить мне. Роль мальчика для битья при Метцове? Негусто. — Она улыбнулась куда-то в пространство. — Что-то слишком уж он обрадовался тебе, а? Почему бы это?

— А какая вам польза от «дорогого Станиса»?— выпалил Майлз. Неужели Метцов ее любовник? Фу, какая гадость.

— Он опытный боевой командир, — как ни в чем не бывало ответила Кавилло.

— А зачем охраняющему п-в-туннель космическому флоту опытный пехотный командир?

— Ну, значит, — женщина мило улыбнулась, — он меня развлекает.

Это был первый ее ответ за все время их знакомства.

— О вкусах не спорят, — чуть слышно пробормотал Майлз. Должен ли он рассказать ей о Метцове? Или, наоборот, надо бы предупредить Метцова?

Когда за ним захлопнулась дверь камеры-одиночки, он все еще раздумывал над этим.

На ознакомление со своим новым местом жительства у Майлза ушло немного времени. Камера размером два на два была меблирована двумя скамьями и унитазом. Просунутая ему в защищенное силовым полем отверстие в двери плитка армейского рациона оказалась еще менее съедобной, чем барраярский аналог, и напоминала по консистенции подошву. Смоченная слюной, она размягчилась ровно настолько, чтобы можно было оторвать от нее резиноподобные лоскуты — при условии, что у жующего здоровые зубы. Процесс был таким медленным, что это обещало занять все время до следующей раздачи. Должно быть, чертовски питательная штука. А что Кавилло предложила на ужин Грегору? Был ли этот ужин так же научно сбалансирован?

Они были так близко к цели! Даже сейчас от барраярского консульства его отделяет всего лишь несколько запертых дверей и палуб — меньше километра. Если бы только он смог попасть туда. Может быть, при случае... С другой стороны, сколько времени понадобится Кавилло на размышления, чтобы пренебречь экстерриториальностью и захватить консульство, если она решится на это? Не больше, чем для того, чтобы застрелить капитана, подумал Майлз. Без сомнения, она уже отдала приказ следить за консульством и всеми известными ей барраярскими агентами на станции Верван. Майлз с трудом отодрал кусок резинового рациона от зубов и выругался.

Вскоре писк кодового замка сообщил ему о посетителе. Допрос? Так скоро? Майлз думал, что Кавилло сначала спокойно поужинает с Грегором и оценит его, а потом уж займется им. А может, это и не Кавилло вовсе, а какой-нибудь мелкий чиновник? Он с трудом проглотил пережевываемый кусок и сел на лавку, пытаясь принять независимый вид.

Дверь скользнула в сторону, и в проеме показался генерал Метцов.

— Вы уверены, что я вам не понадоблюсь, сэр? — спросил охранник из-за спины Метцова.

Тот презрительно взглянул на Майлза. В измятой и грязной рубашке Виктора Рота, изжеванных брюках и с босыми ногами — охрана отобрала у него сандалии — Майлз выглядел просто чучелом.

— Разумеется. Неужели вы думаете, что этот тип может угрожать мне?

«Что верно, то верно», — с сожалением согласился Майлз.

Метцов постучал по своему наручному комму:

— Когда я закончу, то позову вас.

— Хорошо, сэр. — И дверь закрылась.

Камера неожиданно действительно стала казаться крохотной. Метцов постоял, задумчиво разглядывая Майлза, потом удобно устроился на противоположной скамье.

— Да, — нахмурившись, начал он. — Какая ирония судьбы.

— Я думал, вы обедаете с императором, — спокойно заметил Майлз.

— Кавилло, будучи женщиной, в экстремальных ситуациях слегка теряется. Когда она придет в себя, она поймет, что мое знание Барраяра может оказаться полезным, — слишком ровным голосом ответил Метцов.

«Другими словами, тебя не пригласили».

— И вы оставили императора с ней наедине?

— Императору бояться нечего. Всем известно, что воспитание сделало его марионеткой.

Майлз закашлялся.

Метцов откинулся назад, его пальцы спокойно постукивали по колену.

— Рассказывайте, младший лейтенант Форкосиган — если вы все еще младший лейтенант. Хотя, поскольку в этом мире справедливости не существует, я полагаю, вы сохранили звание и жалованье. Что вы здесь делаете? Да еще с императором?

Майлз чуть было не назвал автоматически свое имя, звание и личный номер, но вовремя спохватился. Метцов и так знал все это. А вот был ли он врагом? То есть

врагом Барраяра, а не лично Майлза? Отделяет ли он для себя одно от другого?

— Император разминулся со своей охраной. Мы надеялись установить с ней контакт через здешнее барраярское посольство. — Это было абсолютно понятно и без Майлза.

— А откуда вы прибыли?

— С Аслунда.

— Нечего изображать из себя идиота, Форкосиган. Я знаю Аслунд. Лучше скажите, кто вас сюда послал? И не пытайтесь вилять: я могу проверить каждое ваше слово, допросив капитана транспортника.

— Нет, не можете. Кавилло убила его.

— Что? — В глазах Метцова промелькнуло удивление. — Очень умно с ее стороны. Он был единственным, кто знал, куда вы подевались.

Думала ли об этом Кавилло, стреляя в затылок капитану? Возможно. Но, с другой стороны, капитан был и единственным, кто знал, откуда они прибыли. Может быть, эта Кавилло не так уж и страшна, как кажется.

— И все же, — методично продолжал Метцов (видимо, он думал, что времени у него предостаточно), — как вы оказались в компании императора?

— А вы как думаете? — уклончиво спросил Майлз.

— Наверняка какой-то заговор, — пожал плечами Метцов.

Майлз довольно правдоподобно простонал, изображая возмущение:

— Ну разумеется! И какой же план приходит вам в голову, когда вы пытаетесь объяснить наше появление здесь без охраны?

Сам того не замечая, Метцов заглотил наживку.

— Я думаю, ты каким-то образом изолировал императора, убрав его охрану. А теперь либо приводишь в действие тщательно разработанный план убийства, либо собираешься установить контроль над ним.

— И это все, что вам пришло в голову? — Майлз с разочарованным видом откинулся назад.

— А может, вы здесь с очередной — и, наверное, гнусной — миссией. Еще одно предательство.

— Но если это так, куда делась охрана Грегора? — спросил Майлз. — Не забывайте об этом!

— Значит, верна моя первая гипотеза.

— В таком случае, где моя охрана? — Майлз фыркнул. «Действительно, где она? Ау, Оверман!»

— Заговор Эйрела Форкосигана... Нет, вряд ли это его работа. Он и так держит Грегора в руках...

— Благодарю вас, я только что хотел упомянуть об этом.

— Извращенный замысел извращенного ума. Уж не мечтаешь ли ты, мутант, сам стать императором Барраяра?

— Позвольте вам заметить, это полная ерунда. Спросите Грегора.

— Что мне спрашивать кого-то... Как только Кавилло даст «добро», медики выжмут из тебя все твои секреты. Собственно говоря, жаль, что существует медикаментозный допрос. Я сам с удовольствием ломал бы тебе кости, пока ты не заговоришь. Или не закричишь. Здесь ты не спрячешься за папашины юбки, Форкосиган. — Он помолчал и продолжил: — Хотя, что мне мешает? Видимо, я все-таки займусь тобой. По кости в день. Решено!

«В человеческом теле двести шесть костей. Двести шесть дней. Иллиан должен найти нас раньше». Майлз грустно усмехнулся.

Правда, Метцов слишком удобно расположился, чтобы приняться за работу немедленно. Этот теоретический разговор вряд ли напоминает допрос. Но если не для допроса и не для пыток, зачем тогда он пришел?

Любовница вышвырнула его, он в который раз почувствовал себя здесь отщепенцем и захотел пообщаться с кем-нибудь своим. Хотя бы даже с врагом. Это, в общем, понятно. Если не считать вторжения на Комарру, Метцов, вероятно, никогда не покидал Барраяр и провел большую часть жизни в замкнутом, упорядоченном и предсказуемом мирке имперской армии. Теперь

этот жесткий, прямолинейный человек, уволенный со службы, столкнулся с такими вещами, о которых раньше даже не подозревал. «Бог мой, маньяк, охваченный ностальгией! Просто мороз по коже».

— Я склонен думать, что, сам того не желая, повернул вашу жизнь в лучшую сторону, — осторожно начал Майлз. Если Метцов в таком разговорчивом настроении, почему бы не поощрить его? — Кавилло, несомненно, привлекательнее вашего предыдущего командира.

— Несомненно.

— А жалованье выше.

— Меньше, чем в имперской армии, не платят нигде, — фыркнул Метцов.

— К тому же и скучать вам не приходится. На острове Кайрил дни были похожи один на другой. А здесь вы не знаете, что ждет вас завтра. К тому же, видимо, Кавилло во всем полагается на вас...

— Я важен для ее планов, — самодовольно усмехнулся Метцов.

— Постельных? А я думал, вы пехотинец. Неужели вы сменили специальность?

Метцов только улыбнулся на эту неслыханную дерзость:

— Вы становитесь банальным, Форкосиган.

Майлз пожал плечами. «Если так, то я единственная имеющаяся здесь банальная вещь».

— Кажется, вы были невысокого мнения о женщинах-солдатах. Кавилло заставила вас изменить его?

— Никоим образом. — Метцов напыжился. — Через шесть месяцев я собираюсь стать командующим «Бродяг Рэндола».

— Разве эта камера не прослушивается? — Майлз был поражен этой откровенностью. Не то что бы его беспокоила судьба Метцова, но все же...

— Сейчас нет.

— Разве Кавилло собирается в отставку?

— Есть разные способы, позволяющие ускорить это событие. Несчастный случай со смертельным исходом,

который Кавилло устроила для Рэндола, может повториться. Или я найду способ обвинить ее в убийстве, если уж она так глупа, чтобы хвастаться этим в постели.

«Это было не хвастовство, а предупреждение, болван!» Майлз попытался представить себе постельный дуэт Метцова и Кавилло.

— У вас, наверное, много общего. Неудивительно, что вы так хорошо подошли друг другу.

Благодушное настроение Метцова заметно потускнело.

— У меня нет ровным счетом ничего общего с этой шлюхой. Я был имперским офицером. — Метцов мрачно смотрел на Майлза. — Тридцать пять лет. А они вышвырнули меня. Что ж, скоро они убедятся в своей ошибке. — Он взглянул на часы. — Я так и не понял цели вашего появления здесь. Вы уверены, что ничего не откроете мне сейчас, в личной беседе, перед тем как завтра под суперпентоталом выложете все Кавилло?

«Вот оно что! Кавилло и Метцов решили поиграть в старую игру: в хорошего и плохого следователей. Только они скверно договорились между собой и оба взяли на себя роль плохого».

— Если вы действительно хотите помочь, доставьте Грегора в барраярское консульство. Или хотя бы сообщите туда, что он здесь.

— Не исключено, что я сделаю это. На определенных условиях. — Метцов прищурился. «Может быть, он так же не может раскусить меня, как и я его?» После напряженной паузы он вызвал охранника и удалился.

«Я тоже не понимаю причины твоего присутствия здесь», — подумал Майлз, когда дверь закрылась и раздался писк замка. Ясно, что планируется десант. Не являются ли «Бродяги Рэндола» передовым отрядом верванских сил вторжения? Кавилло тайно встречалась с высокопоставленным представителем Консорциума. Для чего? Чтобы получить гарантии нейтралитета Джексона во время предстоящей войны? Это прекрасно объясняет все, но все-таки почему верванцы не действовали напрямую? Чтобы иметь возможность дезавуи-

ровать приготовления Кавилло, если что-нибудь пойдет не так?

И кто или что является мишенью? Очевидно, не станция Консорциума и не ее отдаленная метрополия. Остаются Аслунд и Пол. Будучи галактическим тупиком, Аслунд стратегически не слишком соблазнительная цель. Выгодней сначала захватить Пол, отрезать, пользуясь поддержкой Консорциума, Аслунд от Ступицы и грабить беззащитную планету в свое удовольствие. Но за спиной Пола стоит Барраяр, который ничего так не желает, как союза со своим нервным соседом. Союза, который дал бы империи возможность зацепиться за Ступицу Хеджена. Прямое нападение бросило бы Пол в объятия Барраяра. Значит, все-таки Аслунд, но...

Что-то тут не так. Это «что-то» беспокоило Майлза не меньше, чем мысль об обедающем наедине с Кавилло Грегором или страх перед допросом.

На протяжении всего ночного цикла с его притушенными огнями у него в голове крутилась Ступица Хеджена с ее стратегическими осложнениями. Ступица — и Грегор. Угостила ли его Кавилло психотропными препаратами? Или подошвой армейского рациона, как Майлза? А может, бифштексом и шампанским? А вдруг Грегора пытали? Соблазняли? Ливия Ну в красном вечернем платье стояла у Майлза перед глазами. А может, Грегор прекрасно проводит время? Майлз подозревал, что вряд ли Грегор больший сердцеед, чем он сам, но последние несколько лет он не общался с императором. По слухам, у Грегора теперь целый гарем. Нет, ерунда, иначе Айвен давно бы все разнюхал и раззвонил. Вопрос в том, насколько восприимчив Грегор к этому весьма старомодному методу промывания мозгов.

Весь бесконечный дневной цикл Майлз провел в ожидании медикаментозного допроса. Как поступят Кавилло и Метцов, узнав правду о фантастической одиссее императора и сына адмирала Форкосигана?

Через кажущиеся бесконечными интервалы Майлз получил три рациона-подошвы. Лампы опять потускнели, показывая наступление еще одной корабельной ночи.

Три кормежки и никакого допроса. В чем дело? Что им помешало? Отсутствие шумов или слабых изменений гравитационного поля указывало, что корабль не покидал дока. Они все еще на станции Верван. Майлз попытался утомить себя, чтобы уснуть, и начал ходить по камере. Два шага, поворот, два шага, поворот, два шага... Но добился только того, что у него закружилась голова.

Прошел еще один мучительный день и еще одна «ночь» в полутьме. На пол упал еще один рацион — очередной завтрак. Может быть, они искусственно сжали или растянули время, нарушив функционирование его биологических часов, чтобы психологически сломать перед допросом?

Майлз обкусал все ногти на руках. Отрывал от своей рубашки маленькие зеленые лоскутки и пытался чистить ими зубы. Потом начал вязать мелкими узелками узоры. Потом ему пришла идея послать весточку. Сможет ли он изготовить надпись «Помогите, я пленник...» и укрепить на спине чьей-нибудь куртки с помощью заряда статического электричества? Конечно, если только к нему кто-нибудь заглянет. Майлз успел сплести ажурные П, О, М, потом, потянувшись почесать заросшую щетиной щеку, зацепил нитку заусенцем и превратил все в спутанный зеленый клубок. Тогда он вытянул другую нитку и начал снова.

Замок замигал и запищал. Майлз встрепенулся и понял, что бормоча, что-то себе под нос, впал в сомнамбулическое состояние. Сколько прошло времени?

Это была Кавилло. Охранник занял пост за дверью камеры. Похоже, предстоит еще один приватный разговор. Майлз постарался собраться с мыслями и вспомнить, каково собственно, состояние дел.

Кавилло уселась напротив Майлза — на то же место, которое перед этим выбрал Метцов, и почти в такой же позе: нагнувшись вперед, с руками, свободно лежащими на коленях; собранная, уверенная в себе. Майлз сидел по-турецки на своей койке, уперевшись спиной в стену и отчетливо ощущая всю невыгодность своего положения.

— Лорд Форкосиган, э-э... — Кавилло подняла голову. — Вы что-то неважно выглядите.

— Одиночное заключение не идет на пользу. — С непривычки его голос звучал хрипло, и Майлз вынужден был замолчать и прочистить горло. — Если бы мне предоставили аппарат для чтения... Или дали возможность заняться физическими упражнениями. — (Только бы хоть на время покидать камеру: можно войти в контакт с людьми и попробовать подкупить их.) — Состояние моего здоровья вынуждает меня к жестокой самодисциплине. Я крайне нуждаюсь в тренировках, иначе совсем зачахну.

— Ладно. Посмотрим. — Кавилло коснулась своих коротких волос и переменила тему разговора: — Итак, лорд Форкосиган, расскажите мне о своей матери.

— Что? — Для разговора на военные темы поворот был весьма неожиданным. — Зачем?

Она улыбнулась Майлзу обворожительной улыбкой:

— Истории Грега захватили меня.

— Истории Грега? — (Неужели его все-таки накачали химикатами?) — А что... что, собственно, вас интересует?

— Как вам сказать. Насколько я понимаю, графиня Форкосиган — уроженка другой планеты, бетанка, которая через замужество вошла в ряды вашей аристократии.

— Вообще-то форы — это военная каста, но остальное верно.

— И как она была принята власть имущими — как бы там они себя ни называли? Я думаю, барраярцы страшно провинциальны и чужаков встречают в штыки.

— Так оно и есть, — признал Майлз. — Первыми обитателями других систем, с которыми познакомились барраярцы после окончания периода Изоляции, стали цетагандийские силы вторжения. Они оставили по себе такую плохую память, что последствия сказывается даже сейчас, через три-четыре поколения после избавления от них.

— И все же никто не ставил под сомнение выбор вашего отца?

Майлз в замешательстве потер щеку.

— Ему шел уже пятый десяток. И он был... лордом Форкосиганом. — (Как, впрочем, и я. Только почему же у меня так не выходит?)

— И происхождение вашей матери не помешало ее браку?

— Она была бетанкой. То есть и сейчас бетанка. Сначала работала в Астроэкспедиционном корпусе, потом стала боевым офицером. В то время Колония Бета помогла Эскобару наголову разбить нас во время идиотской попытки вторжения.

— Значит, военное прошлое вашей матери, хоть она и была среди врагов Барраяра, помогло ей приобрести уважение форов?

— Думаю, да. Плюс к тому — во время заговора Фордариана, в год моего рождения — она дважды сумела отличиться — уже на Барраяре. Мать возглавляла преданные императору войска, когда отец не мог поспеть в два места сразу. И отвечала за безопасность скрывавшегося императора, который был тогда пятилетним ребенком. — (Увы, с гораздо большим успехом, чем теперь ее сын. Собственно, все это можно охарактеризовать одной фразой: «Полнейший провал».) — С тех пор никто не рисковал сказать о матери что-нибудь плохое...

— Ага. — Кавилло откинулась назад, бормоча про себя: «Значит, получилось. И может получиться снова».

Что может получиться? Майлз растер лицо руками, стараясь собраться с мыслями.

— Как там Грегор?

— Вполне доволен!

Грегор Мрачный доволен? Но чувство юмора у Кавилло, если оно под стать всему остальному, и должно быть дешевым.

— Я имел в виду его здоровье.

— Судя по виду, лучше, чем ваше.

— Наверное, его кормят получше.

— Неужели армейские условия слишком тяжелы для вас, лорд Форкосиган? Вас кормят тем же, что едят мои люди.

— Не может быть. — Майлз показал ей наполовину обглоданную подошву, полученную на завтрак. — Иначе они давно подняли бы мятеж.

— Боже мой. — Сочувственно хмурясь, Кавилло разглядывала несъедобный огрызок. — Я думала, эти брикеты давно уничтожены. Как они сюда попали? Должно быть, кто-то экономит на еде. Приказать, чтобы вы получали нормальный рацион?

— Да, благодарю вас, — выпалил Майлз и прикусил язык. Она весьма искусно переключает его внимание с Грегора на себя, надо быть начеку. Сколько ценной информации успел разгласить к этому времени Грегор?

— Вам не кажется, — осторожно произнес Майлз, — что вы провоцируете широкомасштабный конфликт между Верваном и Барраяром?

— Вовсе нет, — рассудительно ответила Кавилло. — Я друг Грегора. Я спасла его от верванской тайной полиции. И сейчас он находится под моим покровительством, пока не представится возможность вернуть ему подобающее положение.

Майлз удивленно заморгал:

— Разве у верванцев есть тайная полиция?

— Нечто вроде, — пожала плечами Кавилло. — На Барраяре-то она существует вне всякого сомнения. И, кажется, весьма беспокоит Станиса. Я думаю, сейчас там царит паника. Еще бы! Потерять императора! Боюсь, репутация барраярской службы безопасности сильно преувеличена.

— Не совсем. Я в некотором роде тоже представляю Имперскую безопасность. И я знаю где Грегор. Так что технически Имперская безопасность на коне. — (Или прямо под ним. Майлз не знал, плакать ему или смеяться.) — Если вы такие хорошие друзья, — внезапно осенило его, — почему я торчу в этой камере?

— Для вашей же безопасности, разумеется. Генерал Метцов открыто угрожает... как там... переломать вам

все кости. — Кавилло вздохнула. — Боюсь, мой дорогой Станис не в ладах с реальностью.

Майлз побледнел:

— Из-за... предательства?

— Не думаю. Предательство не всегда зло, особенно если его правильно использовать. Однако общая стратегическая ситуация с минуты на минуту может радикально измениться. Самым непредвиденным образом. А сколько я потратила времени, занимаясь с ним. Надеюсь, не все барраярцы так скучны, как Станис. — Она улыбнулась. — Просто уповаю на это.

Помолчав, Кавилло наклонилась вперед, словно желая узнать что-то страшно важное для себя:

— Это правда, что Грегор убежал из дома, чтобы избежать давления своих советников, вынуждающих его жениться на женщине, к которой он испытывает отвращение?

— Я об этом ничего не знаю. — Майлз совсем растерялся. Хотя... Что это там затеял Грегор? Надо осторожнее касаться этой темы. — Хотя... есть опасения. Многие боятся, что если Грегор не оставит наследника, начнется война группировок.

— У него нет преемника?

— Группировки не могут сойтись на одной кандидатуре. Если не считать самого Грегора.

— Значит, его советники только обрадуются, увидев его женатым?

— Думаю, будут вне себя от счастья. И... — Неприятное ощущение, не покидавшее Майлза весь день, и особенно, когда разговор соскользнул в это опасное русло, вдруг разрешилось озарением. — Простите, мадам, не думаете ли вы, что можете сделаться императрицей Барраяра?

Улыбка Кавилло сделалась еще шире и напряженнее.

— Я, конечно, не могу. Но Грег в силах сделать меня таковой. — Она выпрямилась, очевидно, оскорбленная видом оторопевшего Майлза. — А почему бы и нет? Пол у меня соответствующий. И вполне подходящая военная биография.

— Сколько вам лет?

— Лорд Форкосиган, ваш вопрос неприличен. — Голубые глаза сверкнули. — Если бы мы с вами лучше понимали друг друга, мы могли бы действовать сообща.

— Мадам, вы не знаете Барраяр. И барраярцев. — «Собственно говоря, в нашей истории бывали времена, куда Кавилло вполне бы вписалась. Например, период террора во время правления императора Ури Безумного. Но последние двадцать лет Барраяр потратил, чтобы такие времена больше не повторялись».

— Мне необходимо ваше сотрудничество, — настаивала Кавилло. — Оно может оказаться полезным для нас обоих. Но если вы займете позицию невмешательства, я с этим примирюсь. Меня не устраивает только одно — враждебность. Хотя вам она куда более невыгодна, чем мне. Думаю, на данной стадии наших взаимоотношений разумнее мир.

— А что случилось с женой и ребенком капитана транспортника? Вернее, с его вдовой и сиротой? — спросил Майлз очень тихо.

Кавилло помедлила.

— Этот человек был предателем. Худшего сорта. Предал свою планету за деньги. Он был пойман на шпионаже. Не вижу моральной разницы между приказом о приведении приговора в исполнение и самим исполнением.

— С этим я согласен. И не я один — многие кодексы тоже. Но есть же разница между приведением приговора в исполнение и убийством! Верван не находится в состоянии войны. Действия шпиона, возможно, были незаконны, они служили поводом для ареста, суда, наконец помещения в тюрьму — но где же суд? Где он проходил?

— Барраярец, говорящий о законности? Как странно.

— Но что все-таки случилось с семьей капитана?

Черт возьми, время подумать у нее было.

— Эти зануды верванцы потребовали освободить ее. Естественно, я не хотела, чтобы шпион знал об этом. Иначе я не могла бы контролировать его.

Ложь или правда? Выяснить сейчас невозможно, поскольку Кавилло, заметив свою ошибку, тут же дала задний ход. Свое положение она упрочняла с помощью террора, и это определяло все ее действия. Майлзу было не в диковинку выражение, мелькнувшее тогда на ее лице. Один из таких вот параноиков с манией убийства семнадцать лет был его телохранителем. На какой-то момент эта женщина показалась ему простой и домашней, но она не стала от этого менее опасной.

— Кто спорит, — произнес Майлз. — Отдавать приказ, не будучи в состоянии самому исполнить его, вряд ли проявление доблести. И в том, что вы отважны, я лично не сомневаюсь. — Да, он нашел верный тон: тон человека, поддающегося убеждению, но не меняющего свою позицию подозрительно быстро.

Кавилло саркастически подняла бровь, как бы говоря: кто ты такой, чтобы судить об этом? Затем лицо ее разгладилось. Она взглянула на часы и поднялась.

— Сейчас я покину вас, чтобы подумать о преимуществах сотрудничества. Надеюсь, вы теоретически знакомы с такой математической проблемой, как Дилемма Узника. Интересно проверить ваши способности: сумеете ли вы соединить теорию с практикой?

Майлз постарался улыбнуться ей. Красота, энергия — и даже ее неистовый эгоизм — придавали Кавилло неподдельное очарование. Может быть, она действительно соблазнила Грегора? В конце концов он не видел, как эта женщина подняла бластер... Что должен предпринять опытный сотрудник Имперской безопасности перед лицом подобной угрозы императору? Попытаться соблазнить соблазнительницу? Пожертвовать собой ради императора? Но как? Нападение на Кавилло казалось Майлзу столь же нереальным, как попытка прикрыть телом активированную акустическую гранату.

Дверь, скользнув, закрылась, и усмехающаяся Кавилло пропала. Майлз спохватился, что не напомнил ей о пище, но было уже поздно.

Как ни странно, она все-таки вспомнила. Обед прибыл на тележке вместе с хорошо знающим свое дело не-

возмутимым ординарцем. Пять прекрасно приготовленных блюд с двумя сортами вина и — в качестве противоядия — кофе. Майлз решил, что вряд ли люди Кавилло получают подобные обеды. Ему представился взвод благодушных гурманов, лениво выплывающих на поле битвы... Нет, рацион-подошва гораздо эффективнее.

После случайной обмолвки насчет износившейся одежды со следующей тележкой прибыл пакет, в котором оказались чистое нижнее белье, комплект униформы без знаков различия, ушитый по его размеру и пара мягких войлочных туфель. А также тюбик депиллярия и различные туалетные принадлежности. Умывшись и побрившись, Майлз почувствовал себя почти человеком. Вот они, преимущества мира. Кавилло не всегда бывала коварной.

«Интересно, откуда она взялась? Наемник со стажем, чтобы взлететь так высоко, даже при очень удачном стечении обстоятельств должен повариться в этом котле. Танг наверняка знает ее. Мне кажется, по крайней мере один раз она должна была потерпеть крупную неудачу. Ох, если бы Танг каким-нибудь чудом оказался здесь! А еще лучше, если бы здесь оказался Иллиан».

Майлз все более убеждался, что экстравагантность Кавилло — просто эффектная игра, что-то вроде театрального грима. На расстоянии это может произвести впечатление, как в случае с одним барраярским генералом времен его деда. Этот генерал обратил на себя внимание тем, что вместо офицерского стека носил плазменное ружье; как по секрету сказали Майлзу, незаряженное — он не был дураком. Или как младший лейтенант — фор, не расстававшийся с антикварным кинжалом. Ярлык, знамя. Расчетливое использование психологии массы. Но личина, под которой прячется Кавилло, выходит за рамки подобной стратегии. Может быть, в глубине души она понимает, что переигрывает, и не уверена в себе? «Тебе этого так хочется...»

Увы, после принятия дозы Кавилло человек начинает думать только о Кавилло. «Сосредоточься, млад-

ший лейтенант!» Забыла ли она Виктора Рота? Какую небылицу состряпал Грегор, объясняя их встречу на Поле-6? Кажется, он пичкает Кавилло жуткими выдумками — но так ли это? Может быть, действительно существовала ненавистная невеста и Грегор просто стеснялся говорить об этом? Майлз начал жалеть, что был недостаточно близок с ним.

Его мысли кружились, как белка в колесе, вокруг Кавилло и Грегора, Грегора и Кавилло, когда кодовый замок двери запищал снова. Пускай приходит. Он пообещает ей все что угодно, лишь бы она дала ему возможность повидаться с императором.

Кавилло появилась, таща за собой на буксире какого-то военного. Этот человек выглядел знакомым — один из арестовывавших его солдат? Нет...

Человек просунул голову в дверь камеры и мгновение ошеломленно рассматривал Майлза. Затем повернулся к Кавилло:

— Да, это он, никаких сомнений. Адмирал Нейсмит, герой войны в кольце Тау Верде. Я узнал бы малыша где угодно. — И он добавил, обращаясь к Майлзу: — Что вы здесь делаете, сэр?

Майлз мысленно переодел человека из желто-коричневой в серо-белую форму. Правильно. В войне у Тау Верде участвовало несколько тысяч наемников. Должны же они куда-нибудь деться.

— Спасибо. Это все, сержант. — Кавилло выставила его из комнаты и вышла следом. До Майлза долетело: «Вы должны постараться нанять его, мадам. Он военный гений...»

Через минуту Кавилло вернулась и остановилась в дверном проеме, недоверчиво глядя на пленного:

— Кто же вы на самом деле? И сколько вас?

Майлз развел руками и слабо улыбнулся. Как раз тогда, когда он собрался попросить, чтобы его убрали из этой дыры...

— Ух-х. — Кавилло круто повернулась и закрывающаяся дверь отрезала возглас досады.

Что теперь? Майлз яростно стукнул кулаком по стене, но стена, естественно, вернула ему удар, только с большей силой.

ГЛАВА 13

Несмотря ни на что, в этот же день всем населяющим Майлза личностям дали возможность размяться. В его полное распоряжение был предоставлен маленький гимнастический зал. В течение часа Майлз, якобы изучая различные тренажеры, скрупулезно исследовал обстановку, прикидывая расстояние до охраняемых выходов. Он нашел несколько возможностей неожиданно напасть на охрану и прорваться. Но то, что было парой пустяков для рослого красавца Айвена, не годилось для хрупкого и коротконогого лейтенанта Форкосигана. На какое-то мгновение Майлзу страстно захотелось, чтобы Айвен был рядом.

Возвращаясь под конвоем назад в камеру номер тринадцать, Майлз заметил странного пленника, которого как раз оформляли в дежурной части. Он с трудом волочил ноги, глаза остекленели, светлые волосы потемнели от пота. Догадаться, кто это, было нелегко, и тем сильнее оказалось удивление Майлза, когда он все-таки узнал новичка. Лейтенант Оссера! Этот убийца с вежливым лицом выглядел сейчас совсем по-другому.

На нем остались только серые брюки, торс его был обнажен. Кожу испещряли синевато-багровые отметины — следы электрошока. По всей руке, словно отпечатки лап маленького зверька, тянулись розовые пятна — отметины недавних пневмоинъекций. Пленный бормотал что-то мокрыми от слюны губами, поеживался и хихикал. По-видимому, его вели с допроса.

Майлз был настолько поражен, что схватил его за левую руку — да, на суставах еще оставались следы зубов. Его, Майлза, зубов — память о недельной давно-

сти схватке возле шлюза «Триумфа». Итак, молчаливый лейтенант заговорил.

Конвоиры Майлза без церемоний потащили его дальше, но он все оглядывался и оглядывался, пока дверь камеры номер тринадцать не захлопнулась за ним.

«Что ты здесь делаешь?» Майлзу казалось, что сейчас во всем районе Ступицы Хеджена нет вопроса важнее и безнадежнее. Хотя он был уверен, что лейтенант на него ответил — под командой Кавилло наверняка самая действенная во всей Ступице контрразведка. Как скоро наемник Оссера определил, что Майлз и Грегор здесь? И насколько быстро люди Кавилло выследили и схватили его? Следам на теле несчастного не более суток...

А важнее всего, не было ли появление на верванской станции человека Оссера эпизодом некоего глобального плана проникновения? Или лейтенант шел по определенному следу? Тогда это значит, что Танг в опасности. А Элен? Вдруг и она арестована? Майлз вздрогнул и заметался по камере. «Может быть, я погубил друзей?»

Значит, Кавилло знает все, что знал Оссер, всю эту невразумительную смесь правды, лжи и слухов. И тайна «адмирала Нейсмита» раскрыта не Грегором, как сначала предполагал Майлз. Ветеран Тау Верде, без сомнения, был привлечен для независимой экспертизы. Если Грегор систематически утаивал информацию, теперь Кавилло поймет это. Если утаивал. А может, он влюблен и болтает, как сорока. Майлзу казалось, что его голова сейчас взорвется.

В середине ночного цикла к нему неожиданно вошли охранники и заставили одеться. Что, все-таки допрос? Майлз вспомнил слюнявого лейтенанта и поежился. Он настоял, чтобы ему позволили умыться, и с такой тщательностью застегивал каждую молнию и пуговицу своей формы, что охранники начали многозначительно похлопывать по своим электрошоковым дубинкам. Скоро он тоже превратится в лепечущего чепуху идиота. С другой стороны, вряд ли воздействие лекарств заставит его

сказать что-то такое, что ухудшило бы положение. Кавилло и без того известно все. Майлз стряхнул с себя руки охранников и, окруженный ими, вышел из камеры, пытаясь сохранять чувство собственного достоинства, сколько там его ни осталось.

Они провели Майлза по затемненным коридорам корабля и вышли из лифта на уровне, обозначенном как «Палуба Ж». Майлз насторожился: где-то поблизости должен быть Грегор... Его подвели к двери, на которой не было ничего, кроме таблички с надписью «10А». Охранники набрали комбинацию на кодовом замке, запрашивая разрешения войти. Дверь скользнула в сторону.

Кавилло сидела за рабочим столом — озерцо света в темноте комнаты, и ее светлые волосы ореолом окружали голову. По-видимому, кабинет командующего, соединенный с его личными апартаментами. Майлз навострил глаза и уши: может, император где-нибудь поблизости?

Кавилло была, как обычно, в прекрасно сидящей на ней щегольской форме. По крайней мере Майлз не был единственным, кому в эти дни не спалось: к его удовольствию, она выглядела немного усталой. Через минуту Кавилло, многозначительно выложив на стол под правую руку парализатор, отпустила конвой. Майлз завертел головой, ища шприц. Женщина потянулась и откинулась назад. Ноздри Майлза щекотал аромат ее духов, более резкий, не мускусный, как тогда, когда она была Ливией Ну. Он сглотнул слюну.

— Присаживайтесь, лорд Форкосиган.

Он сел в указанное ему кресло и стал ждать, что будет дальше. Кавилло смотрела на него оценивающим взглядом. В носу у него неприятно защипало, но Майлз не пошевелился. Начало разговора не застанет его ковыряющим там.

— У вашего императора большие неприятности, маленький лорд фор. Чтобы выручить его, вы должны вернуться к наемникам Оссера и возглавить их. Когда вы примете командование над ними, мы передадим вам дальнейшие инструкции.

Майлз не на шутку испугался.

— Что ему угрожает? — выдавил он из себя. — Вы?

— Ни в коем случае! Грег мой лучший друг. Наконец-то я нашла любовь. Для него я пожертвую всем. Даже своей карьерой. — На губах Кавилло появилась ханжеская самодовольная усмешка. Губы Майлза непроизвольно скривились в брезгливой гримасе, и улыбка женщины превратилась в оскал. — Если вместо того чтобы следовать нашим инструкциям, вы предпочтете иной образ действий, Грег попадет в настоящую опасность — в руки еще более страшных врагов.

«Страшнее тебя? Это невозможно...»

— А зачем вам нужно, чтобы я возглавил дендарийских наемников?

— Этого я не могу вам сказать. — В глазах Кавилло мелькнула усмешка. — Это сюрприз.

— И что вы дадите мне в поддержку этого предприятия?

— Я доставлю вас на станцию Аслунд.

— Еще? Люди, оружие, корабли, деньги?

— Я же сказала вам, вы должны добиться всего самостоятельно, своими силами. А я хочу посмотреть, как вы это сделаете.

— Но Оссер убьет меня. Он уже один раз попытался это сделать.

— Мне придется рискнуть.

«Я в восторге от этого «мне», сударыня».

— Короче, вы хотите, чтобы меня убили, — заключил Майлз. — Но что, если мне все-таки удастся возглавить дендарийцев? — Глаза у него начали слезиться, он шмыгнул носом, который страшно чесался.

— Основой стратегии, маленький фор, — любезно объяснила Кавилло, — является не выбор какого-то одного пути к победе, а создание таких условий, чтобы все пути вели к ней. В идеале. Вашу смерть я использую одним способом, успех — другим. Но имейте в виду — всякие непродуманные попытки связаться с Барраяром приведут к противоположному результату. Прямо противоположному.

«Прекрасный афоризм насчет стратегии, надо будет запомнить».

— Тогда дайте мне услышать этот приказ из уст моего верховного главнокомандующего. Разрешите поговорить с Грегором.

— Нет. Свидание с ним будет наградой за успех.

— Последний, кто попался на вашу удочку, за свою легковерность получил, так сказать, пулю в затылок. Может быть, сэкономим время, и вы застрелите меня прямо сейчас? — Майлз заморгал и зашмыгал носом, по лицу потекли слезы.

— Я не хочу убивать вас. — Она взглянула на него и, нахмурясь, встала: — Ну, знаете, лорд Форкосиган, никак не предполагала, что вы разрыдаетесь!

Он всхлипнул и беспомощно развел руками. Пораженная Кавилло вытащила из нагрудного кармана платок и подала ему. Надушенный платок. За неимением ничего другого пришлось прижать к лицу его.

— Перестань канючить, ты, трусливый... — Жесткий голос Кавилло был прерван, оглушительным чихом, за которым последовал град других.

— Я не плачу, скотина! У меня аллергия на твои чертовы духи! — выдавил из себя Майлз.

Она схватилась за лоб и захохотала — на этот раз искренне. Наконец-то приоткрылась настоящая Кавилло. Что и говорить, чувство юмора у нее незамысловатое.

— О Боже, — отсмеявшись, произнесла женщина. — Прекрасная начинка для газовой гранаты. Жаль, что я никогда... Ну ладно.

В носу у Майлза страшно свербило. Кавилло покачала головой и набрала что-то на клавиатуре.

— Думаю, вас надо поскорее отправить, пока вы еще не взорвались, — сказала она.

Чихая, Майлз нагнулся, и затуманенный слезами взгляд упал на коричневые войлочные шлепанцы.

— Могу я для своего путешествия получить хотя бы пару ботинок?

Кавилло поджала губы и задумалась.

— Нет, — через мгновение решила она. — Так будет даже интереснее — в тапочках.

— В таком виде на Аслунде я буду напоминать кота в собачьей будке, — возразил Майлз. — Меня тут же пристрелят. По ошибке.

— По ошибке, намеренно — какая разница? Ей-богу, вас ждут просто захватывающие приключения. — И Кавилло распахнула дверь.

Когда охрана уводила Майлза, он все еще чихал и сморкался. А Кавилло смеялась.

Действие ядовитых духов продлилось примерно с полчаса, по истечении которых Майлз очутился в крохотной каютке каботажного корабля. Они попали на борт через шлюз «Десницы Курина», так что шансов убежать не было никаких.

Майлз осмотрел каюту. Меблировкой и клозетом она сильно напоминала его последнее место жительства. Служба в космосе — ха! Величие императорской службы — ха-ха! Он потерял Грегора... «Может быть, я и ничтожество, но я стою, черт побери, на плечах ГИГАНТОВ». Майлз начал колотить в дверь и кричать в переговорное устройство. Никто не явился.

«Это сюрприз!»

Он может преподнести им всем сюрприз — повесившись. Весьма привлекательная мысль. Но в каюте не было ничего, за что он мог бы зацепить свой пояс.

Ну что ж. Этот курьерский корабль был, конечно, быстроходнее неуклюжего транспортника, на котором они с Грегором по меньшей мере трое суток пересекали систему. Но и он двигался не бесконечно быстро. Стало быть, имеется полтора дня, чтобы как следует обдумать положение дел — его и адмирала Нейсмита.

«Это сюрприз». Боже мой.

Они достигли оборонительного периметра станции Аслунд примерно в рассчитанное Майлзом время. За ним пришли офицер с охранником. «Но мы еще не причалили к доку. Что-то рановато». Нервная система Майлза среа-

гировала на выброшенный в кровь адреналин, и он глубоко вздохнул, стараясь вернуться в состояние спокойной настороженности. Хотя чрезмерная осторожность тоже не доведет до добра. Офицер провел его по коротким коридорам маленького корабля в рубку.

Там уже находился капитан, склонившийся над коммуникационным пультом. Рядом стоял его помощник. Пилот и бортинженер были заняты своими делами.

— Если они станут проверять нас, то сразу же арестуют этого типа, — говорил помощник капитану.

— А если арестуют его, с тем же успехом могут арестовать и нас. Кавилло приказала доставить его, но ей безразлично, в каком виде он попадет туда — головой или ногами вперед. Нам-то она не приказывала попасть под арест, — ответил капитан.

Из комма между тем послышался голос:

— Сторожевой корабль «Ариэль», наемный флот Аслунда вызывает Цб-ВГ с верванской станции Ступицы. Выключите тягу и приготовьте шлюз для приема инспекционной группы. — Голос стал почти дружелюбным. — Я оставляю за собой право открыть огонь, если вы через минуту не остановитесь. Хватит тянуть резину, ребята. — Эти шутливые интонации были удивительно знакомы. Бел?

— Уменьши ускорение, — приказал капитан и знаком показал помощнику, чтобы тот выключил переговорное устройство. — Эй ты, Рота, — позвал он Майлза. — Подойди сюда.

«Так, значит, я опять Рота». Майлз изобразил приниженную улыбку, робко подошел поближе и жадно взглянул на экран. «Ариэль»?! Да, это он, элегантнейший из крейсеров, построенный на Иллирике... «Неужели им все еще командует Бел Торн? Как мне попасть на этот корабль?»

— Послушайте! Не отдавайте меня им! — запричитал Майлз. — Оссериане вновь ищут меня. Клянусь, я не знал, что эти плазменные излучатели неисправны!

— Какие еще плазменные излучатели? — буркнул капитан.

— Я торговец оружием. Продал им несколько плазменных излучателей. Дешево. Оказалось, что они заедают при перегрузках и взрываются в руках. Но я-то этого не знал, я закупил их оптом!

Капитан сжал и разжал свою правую руку, и машинально вытер ее о брюки — рядом с кобурой, где прятался его собственный плазменный излучатель. Потом, мрачно хмурясь, перевел взгляд на Майлза.

— Значит, он попадет туда вперед головой, — помолчав, сказал он. — Лейтенант, вы с капралом отведете этого недомерка в шлюз, упакуете в контейнер и вытолкнете наружу. Мы улетаем домой.

— Не надо, — слабым голосом забормотал Майлз, когда его подхватили за руки с обеих сторон. — Вы же не собираетесь выбросить меня в космос!..

«Боже мой, "Ариэль"...»

— Тебя подберут аслундские наемники, — прервал его капитан. — Может быть. Если только не решат, что это бомба, и не развеют тебя в пространстве. — Слегка улыбнувшись такой перспективе, он повернулся к пульту и скучным голосом начал: — «Ариэль»... э-э... говорит Ц6-ВГ. Мы решили изменить наши планы и вернуться на Станцию Верван. Следовательно, в предпосадочной инспекции нет никакой необходимости. Однако мы собираемся оставить вам... э-э... небольшой прощальный подарок. Совсем маленький. Что вы будете с ним делать — проблема ваша...

Дверь рубки закрылась за спиной Майлза. Протащив его по коридору, конвоиры очутились возле шлюза. Пока капрал держал Майлза, лейтенант открыл шкаф и вытащил оттуда контейнер.

Это простейшее аварийно-спасательное устройство, сконструированно таким образом, чтобы пассажиры, вынужденные по той или иной причине покинуть корабль, могли забраться внутрь в считанные секунды. Контейнеры называли еще пузырями для идиотов. Обращение с ними не требовало особых навыков, поскольку в них был только запас воздуха на несколько часов и аварийный маяк. Довольно надежное и притом деше-

вое устройство — если, конечно, спасательный корабль приходил вовремя. Когда Майлза запихнули в сырой, пахнущий пластиком мешок, он вполне правдоподобно завопил. Кто-то дернул за кольцо, и контейнер тут же заклеился и надулся. На какое-то ужасное мгновение Майлзу вспомнилась утонувшая в грязи острова Кайрил палатка, и он закричал уже по-настоящему. Контейнер впихнули в шлюз. Свист, глухой удар, толчок, и наступила невесомость.

Сферической формы контейнер имел не более метра в диаметре. Скрюченный в три погибели Майлз, которого от толчка и последующего вращения его конуры затошнило, принялся шарить вокруг. Наконец его дрожащие пальцы наткнулись на кнопку, которая, как он надеялся, включает свет. Он надавил на нее — и был вознагражден отвратительным зеленоватым свечением. Стояла полнейшая тишина, нарушаемая лишь слабым шипением регенератора воздуха и звуками его собственного неровного дыхания. «Что ж... Когда меня пытались выбросить в прошлый раз, было хуже». В запасе у него было несколько минут, в течение которых он пытался представить все возможные действия «Ариэля» в случае, если там решат не подбирать его. Майлз как раз отказывался уже от леденящей душу мысли о корабле, открывающем по нему огонь, в пользу медленной смерти от удушья в темноте и одиночестве, когда его прибежище было захвачено силовым лучом.

У человека, управлявшего им, без сомнения, дрожали руки, но после двух-трех минут жонглирования контейнером возвращение силы тяжести и наружные звуки убедили Майлза, что он благополучно затянут в грузовой шлюз. Послышалось шипение открываемой внутренней двери, неразборчивые человеческие голоса. Неожиданно контейнер покатился по чему-то твердому. Майлз вскрикнул от неожиданности и покатился вместе с ним. Наконец тот остановился. Майлз сел, глубоко вздохнул и попытался оправить форму.

Раздались глухие удары по эластичным стенкам.

— Есть здесь кто-нибудь?

— Да! — крикнул Майлз.

— Подождите минуту.

Послышались скрипы, звяканье, потом звук разрываемой ткани, и контейнер открылся. Майлз выбрался из складок, дрожащий и элегантный, как только что вылупившийся цыпленок.

Он находился в маленькой грузовой камере. Вокруг стояли трое одетых в серо-белую форму солдат, направивших на него парализаторы и бластеры. Поставив одну ногу на металлическую скамью, за появлением Майлза наблюдал худощавый офицер с капитанскими знаками различия. Аккуратная форма и стиль стрижки мягких каштановых волос не позволяли определить, изящный ли это мужчина или женщина с не очень развитыми формами. Такая двойственность культивировалась преднамеренно — ведь Бел Торн был гермафродитом, принадлежавшим к меньшинству, которое образовалось на Бете в ходе довольно-таки странного социально-генетического эксперимента. По мере того как Майлз высвобождался из складок контейнера, выражение лица Торна претерпевало изменения от скуки до изумления.

Майлз улыбнулся ему:

— Привет, Пандора. Боги шлют тебе подарок. Но в нем есть подвох.

— О Господи! — Со светящимся от радости лицом Торн шагнул вперед и обнял Майлза. — Майлз! — Потом он отстранил его и жадно оглядел с ног до головы. — Что вы здесь делаете?

— Почему-то я так и думал, что это будет первый ваш вопрос, — вздохнул Майлз.

— ...и почему на вас форма «Бродяг»?

— Как я рад, что вы не из тех, кто сначала стреляет, а потом задает вопросы. — Майлз пнул съежившийся контейнер. Солдаты, хотя и несколько неуверенно, продолжали держать его под прицелом. — Э-э... — Майлз сделал жест в их сторону.

— Все в порядке, — бросил им Торн. — Уберите свои пушки.

— Хотел бы я, чтобы это было правдой, — сказал Майлз. — Бел, нам нужно серьезно поговорить.

Каюта Торна на борту «Ариэля» представляла собой такую же щемящую смесь знакомого и незнакомого, с которой Майлз сталкивался во всем, связанном с наемниками. Она была забита личными вещами Бела — библиотека видеодисков, оружие, боевые трофеи, включая оплавленный шлем от боевого скафандра, некогда спасший жизнь Белу, а теперь превращенный в абажур, маленькая клетка с экзотическим зверьком с Земли, которого Торн называл «хомяк».

Прихлебывая натуральный чай из личных запасов Торна, Майлз ввел его в курс дела — разумеется, в версии адмирала Нейсмита, близкой к той, которую он изложил Оссеру и Тангу: необходимость выяснения обстановки в Ступице, таинственный заказчик и т.д. Разумеется, Грегор в этой версии не фигурировал, так же как и Барраяр. Говорил Майлз — Нейсмит — с явно выраженным бетанским акцентом. Зато он как можно подробнее описал свое пребывание у «Бродяг Рэндола».

— Значит, они захватили Лейка, — задумчиво произнес Торн, когда Майлз описал ему лейтенанта-блондина, встреченного на гаупвахте «Десница Курина». — Не скажу, что очень этим огорчен, однако нам придется сменить коды.

— Несомненно. — Майлз поставил чашку и наклонился вперед. — Я имею полномочия от своего заказчика не только наблюдать, но и пытаться предотвратить войну в Ступице Хеджена. — (Что ж, в некотором роде так оно и есть.) — Но, боюсь, это уже невозможно. А как по-вашему?

Торн нахмурился:

— Мы вышли из дока пять дней назад, когда Аслунд затеял эту предпосадочную инспекцию. Все более мелкие корабли были задействованы в круглосуточном дежурстве. Теперь, когда их военная станция почти готова, наши наниматели стали еще больше бояться саботажа — взрывов, биологических диверсий...

— Что ж, их можно понять. А как в самой флотилии?

— Вы имеете в виду слухи о том, что вы не то мертвы, не то живы, не то снова воскресли? Они циркулируют повсюду, пятнадцать версий, никак не меньше. Я не обращал на них внимания — от вас, знаете ли, можно ожидать всего, — но тут Оссер неожиданно арестовал Танга.

— Что? — Майлз прикусил губу. — Танга? А Элен, Мэйхью, Чодак — на свободе?

— Только Танга.

Непонятно... Если он арестовал Танга, то должен был допросить его, и тот наверняка проговорился бы об Элен. Если только ее не оставили на свободе в качестве приманки.

— Когда арестовали Танга, стало еще тревожнее. Я думаю, если бы Оссер взялся за Элен и База, началась бы война. Однако, несмотря ни на что, он не выпустил Танга. Ситуация очень острая. Оссер старается расчленить старое руководство, именно потому я торчу здесь. Но когда я видел База последний раз, он был почти готов ввязаться в драку. А ведь ему меньше всего хочется этого.

Майлз медленно выдохнул:

— Драка... Вот чего хочет Кавилло. Поэтому она и послала меня в качестве подарка упакованным таким оскорбительным способом. Контейнер с пакостями. Ей все равно, выиграю я или проиграю, если неприятельские силы взорвуться изнутри как раз тогда, когда она преподнесет свой... сюрприз.

— А вы еще не поняли, что она имеет в виду? В чем заключается сюрприз этой особы?

— Нет. Но «Бродяги» готовят что-то вроде вторжения на планету. То, что меня послали сюда, свидетельствует: вопреки стратегической логике, их целью является Аслунд. Или тут что-нибудь еще? У Кавилло невероятно извращенный ум. Ага! — Майлз хлопнул кулаком о ладонь. — Я должен поговорить с Оссером. И на этот раз он меня выслушает. Взаимодействие между нами — единственное, чего не могла предвидеть мадам Кавилло. Ветвь, отсутствующая на дереве стратегических ре-

шений, которых она от меня ждет и к которым готова... Вы поможете мне, Бел?

Торн сдвинул брови:

— Отсюда — да. «Ариэль» самый быстроходный корабль флотилии и, если понадобится, я смогу ускользнуть от Оссера. — И он усмехнулся.

«А может быть, нам все-таки отправиться на Барраяр? Нет. Грегор все еще у Кавилло». Лучше вести себя так, будто он придерживается инструкций. До поры до времени.

Майлз глубоко вздохнул и поудобнее устроился в кресле перед комм-пультом рубки «Ариэля». Он уже побрился и одолжил серо-белую форму наемника у самой маленькой женщины корабля. Подвернутые брючины были тщательно запрятаны внутрь голенищ высоких армейских ботинок, оказавшихся почти впору. Пояс на слишком узкой талии обернулся почти дважды. Свободная куртка тоже выглядела вполне прилично. Остальное потом. Майлз кивнул Торну:

— Ладно. Связывайтесь по своему каналу.

Раздался сигнал, что-то замелькало, и в воздухе над пластиной головида появилось ястребиное лицо Оссера.

— Да, в чем дело... Вы! — Клацнув зубами, он захлопнул рот. Нечетко сфокусированное изображение руки потянулось к клавиатуре.

«На этот раз он не может выкинуть меня из шлюза, но может отключить. Необходимо действовать молниеносно».

Майлз наклонился над пультом и улыбнулся.

— Рад вас видеть, адмирал. Я только что закончил рекогносцировку сил Вервана в Ступице Хеджена. По-моему, вас ждут большие неприятности.

— Как вы оказались на этом защищенном канале? — прорычал Оссер. — Узконаправленный луч, двойное кодирование — офицер, проследите!

— Как — это вы определите через пару минут. А пока не отключайтесь, пожалуйста, — сказал Майлз. — Имейте в виду: ваш враг не здесь, а на верванской станции.

Ваш враг не Пол, не Архипелаг Джексона. И меньше всего я. Заметьте, я назвал верванскую станцию, а не Верван. Вам знакомо имя Кавилло? Вашего противника на другом конце системы?

— Я встречался с ней раза два. — Лицо Оссера было непроницаемым: он ожидал рапорта техников.

— Лицо ангела, ум бешеной мангусты.

Губы Оссера чуть-чуть искривились:

— Вы с ней встречались?

— О да. У нас было несколько сердечных бесед. Весьма познавательных. И поскольку сейчас самым ценным в Ступице товаром является информация, во всяком случае моя, я вам предлагаю сделку.

Оссер жестом прервал разговор и на короткое время отключился. Когда его лицо появилось снова, оно было зловещим.

— Капитан Торн, это мятеж!

Торн наклонился, чтобы попасть в поле зрения камеры и бодро ответил:

— Нет, сэр, напротив. Мы пытаемся спасти вашу неблагодарную шею, если только вы позволите это сделать. Выслушайте этого человека. У него есть идеи, которые у вас отсутствуют.

— В этом я не сомневаюсь, — отрезал Оссер и пробормотал про себя: — Чертовы бетанцы, уже сговорились...

— Если вы начнете бороться со мной или я начну бороться с вами, адмирал Оссер, мы оба проиграем, — уверенно сказал Майлз.

— Вы никак не можете выиграть, — угрюмо ответил Оссер. — Вам не захватить мой флот с одним «Ариэлем».

— Коли на то пошло, «Ариэль» — только трамплин. Но если я не смогу победить, я сумею доставить вам массу неприятностей. В этом-то вы не сомневаетесь, надеюсь? Расколоть ваши силы, что не лучшим образом скажется на ваших отношениях с заказчиком. Каждый заряд, который вы выпустите по мне, каждый поврежденный корабль, каждый убитый и раненый будет в этой мождоусобице бессмысленной потерей. Никто не выиграет, кроме Кавилло, которая не ударит

для этого пальцем о палец. Какая вам выгода делать именно то, чего ждет от вас враг?

Майлз, затаив дыхание, ожидал ответа. Челюсти Оссера двигались, пережевывая этот аргумент.

— А вам? — наконец спросил он.

— Боюсь, в нашем уравнении я опасная переменная, адмирал. Я участвую в этой заварушке не ради себя. — Майлз ухмыльнулся. — Так что мое дело сторона.

— Любая информация, полученная вами от Кавилло, не стоит и выеденного яйца.

Он начал торговаться — значит, клюнул, клюнул...

Майлз постарался спрятать радость и, сохраняя серьезное выражение лица, продолжал:

— Конечно, все сказанное Кавилло нужно тщательно анализировать. Однако... женщина есть женщина. И я нашел ее уязвимое место.

— У Кавилло нет уязвимых мест.

— Есть. Ее страсть к извлечению из всего выгоды. Ее корысть.

— Не вижу, каким образом это делает ее уязвимой.

— А я вижу. Именно поэтому вам необходимо взять меня в свой штаб. И как можно скорее.

— Нанять вас! — Оссер в изумлении отпрянул.

Ну что ж, во всяком случае, этот угрюмый головорез удивился. Тоже своего рода тактическое преимущество.

— Насколько я понимаю, место начальника штаба не занято.

От подобной наглости Оссер остолбенел.

— Вы ненормальный!

— Нет, просто очень спешу. Адмирал, никто из нас не сделал пока ничего непоправимого. Пока. Вы напали на меня — а не наоборот — и ожидаете ответного нападения. Но я тут не на прогулке и не намерен тратить время на личные удовольствия вроде мести.

Оссер сощурился:

— А как насчет Танга?

Майлз пожал плечами:

— Если вы на этом настаиваете, держите его пока взаперти. Разумеется, в целости и сохранности. — «Только не говорите ему об этом».

— А если я его повешу?

— Вот это уже будет неправильно. — Майлз помолчал. — Я только обращу ваше внимание на то, что держать сейчас Танга в тюрьме — все равно что отрезать себе правую руку перед сражением.

— Какое еще сражение? С кем?

— В этом и заключается сюрприз. Сюрприз Кавилло. У меня есть кое-какие соображения по этому поводу, и я с удовольствием поделюсь с вами своими мыслями.

— Неужели? — На лице Оссера было то самое выражение человека, жующего лимон, которое время от времени появлялось на лице Иллиана. Майлз почувствовал себя почти как дома и продолжал все более уверенно и веско:

— В случае, если вы примете мое предложение и я стану работать на вас, я могу — или, вернее, уполномочен — предложить вам честный контракт на обычных условиях: побочный заработок, замена вышедшего из строя оборудования, страховые премии... — «Иллиан, услышь мою молитву!» — Причем контракт, не противоречащий интересам Аслунда. За один и тот же бой вы сможете получить двойную плату, причем вам даже не придется переходить на другую сторону. Мечта наемника.

— А какие гарантии вы мне дадите?

— Мне кажется, гарантии должны дать вы, сэр. Давайте по порядку. Я не поднимаю бунт; вы больше не пытаетесь выкинуть меня из шлюза. Я присоединяюсь к вам открыто, чтобы все знали о моем прибытии; вы получаете всю имеющуюся у меня информацию. — (Как жалко будет выглядеть вся эта «информация» на фоне столь грандиозных обещаний! Ни количества людей, ни планов операций; сплошные намерения и зыбкие гипотезы, основанные на преданности, амбициях и предательствах.) — Мы спокойно обсудим все. Может

быть, у вас есть какие-то соображения, которые не пришли мне в голову. Начнем с них.

Оссер молчал, напряженно хмурясь.

— Позвольте еще указать, что рискую в основном я, — заметил Майлз. — Так сказать, персонально.

— Мне кажется... — Слова наемника повисли в воздухе. — Мне кажется, я еще пожалею об этом, — выдохнул Оссер.

Чтобы привести «Ариэль» обратно в док, потребовалось полдня. Когда первоначальное возбуждение спало, Торн заволновался. А когда «Ариэль» оказался в причальных захватах, совсем приуныл.

— Я все-таки не понимаю, что помешает Оссеру впустить нас, оглушить парализаторами и преспокойно повесить. — Торн прикрывал рот тыльной стороной ладони, чтобы его не услышали наемники, собравшиеся в коридоре перед люком «Ариэля».

— Любопытство, — уверенно ответил Майлз.

— Хорошо. Тогда оглушить, допросить, а потом повесить.

— Если он вздумает допросить меня, я все равно расскажу только то, что собирался: — (И, увы, еще кое-что.) — Может, тогда его сомнения уменьшатся?

От дальнейших разговоров Майлз был избавлен лязганьем и шипением — стыковалась гибкая переходная галерея. Сержант Торна распахнул люк — хотя, как заметил Майлз, стараясь не показываться в открытом проеме.

— Отделение, стройся, — скомандовал сержант. Его люди проверили свои парализаторы. У Торна и сержанта был при себе продуманный набор оружия: кроме парализаторов, дающих возможность исправить ошибку, они были вооружены нейробластерами, шутить с коими не приходилось. У Майлза оружия не было. Мысленно отдав честь Кавилло — собственно говоря, жест был непристойным, — он натянул войлочные шлепанцы и, сопровождаемый Торном, двинулся во главе маленькой процессии к почти достроенным доковым палубам военной станции Аслунда.

Верный себе Оссер приготовил им торжественную встречу. Встречающие уже поджидали команду «Ариэля», выстроившись в шеренгу. Их было человек двадцать. Все при оружии.

— Их больше, — пробормотал Торн.

— Это смотря как считать, — философски заметил Майлз. — Представь, что за твоей спиной империя. — «И не оглядывайся, они могут схватить нас. Хорошо, если только схватят». — Чем больше публики, тем лучше.

Ожидавший их Оссер с кислой миной похлопывал рукой по кобуре. Рядом с ним вытянулась Элен — Элен! — без оружия, с каменным лицом. Ее взгляд был напряженным и недоверчивым — вероятно, недоверие относилось не к мотивам, а к методам Майлза. «Что за очередная глупость?» — казалось, спрашивала она. Перед тем как приветствовать Оссера, Майлз коротко кивнул ей.

Оссер неохотно отдал честь.

— А теперь... «адмирал», давайте вернемся на «Триумф» и перейдем к делу, — раздраженно бросил он.

— Но сначала чуть-чуть пройдемся по станции, если вы не против. Минуя, разумеется, секретные объекты. В конце концов предыдущий мой визит был... прерван. Прошу вас!

Оссер осклабился:

— Только после вас, «адмирал».

Это напоминало экскурсию. Майлз водил их минут сорок пять и даже провел через кафетерий — там как раз обедали. Время от времени он останавливался, весело приветствуя тех немногих наемников, имена которых помнил, и приветливо улыбаясь остальным. За спиной он слышал приглушенный гул голосов. Те, кто не знал о нем, жадно расспрашивали других.

Когда Майлз остановился возле аслундских рабочих, которые отдирали от стен панели, — похвалить их работу, — Элен, нагнувшись к нему, грозно шепнула на ухо:

— Где Грегор?

— Не сейчас, — отозвался Майлз чуть слышно. — Слишком долго рассказывать.

— О Боже! — Она подняла глаза к небу.

Когда, судя по взбешенной физиономии Оссера, терпению его пришел конец, Майлз позволил отвести себя на «Триумф». Во исполнение слова, данного Кавилло, он не делал попыток связаться с Барраяром. Но если после этой образцово-показательной экскурсии Унгари не отыщет след младшего лейтенанта Форкосигана, ему нечего делать на службе. Ни одна тропическая птица, исполняющая брачный танец, не привлекла бы большего внимания со всей своей диковинной пестротой.

У причала «Триумфа» завершался монтаж погрузочно-разгрузочного оборудования. Группа аслундских рабочих в желто-коричневых, голубых и зеленых одеждах, покидала леса. Армейские инженеры в темно-синем осматривали конструкцию, видимо, прикидывая, как побыстрее разобрать ее. Оссер был уже вне себя, и Майлз благоразумно решил воздержаться от улыбок и приветствий. Хватит закидывать удочки, пора дело делать. В любой момент эти двадцать или больше наемников из почетного эскорта могут превратиться в конвоиров.

Высокий сержант с «Ариэля», шагавший рядом с Майлзом, с пониманием дела разглядывал новую конструкцию.

— К завтрашнему дню эти роботы-разгрузчики будут полностью подключены, — заметил он. — Это поможет... — И вдруг его огромная лапища грубо пригнула Майлза земле. Сержант, чертыхнувшись, потянулся к кобуре, но в этот момент в грудь ему, как раз на уровне головы Майлза, с треском ударила голубая молния. Нейробластер! Великан дернулся — и перестал дышать. В нос Майлзу ударил мерзкий запах озона, расплавленного пластика и горелого мяса. Падая, сержант со всего маху ударился о палубу и покатился по ней. Второй заряд ужалил Майлза в руку. Он отдернул ее, и быстро, как ящерица, нырнул под еще теплое тело. Палубу рядом с ним прожег еще один заряд, следующие два вонзились в тело сержанта. Несмотря на преграду из человеческой плоти, ощущение было не из

приятных — Майлзу показалось, что через него прошел высоковольтный разряд.

В ушах у него звенело, он слышал крики, глухие удары, торопливые шаги — полнейший хаос. И непрерывное щебетанье парализаторов. Послышался голос: «Вот он! Прикончите его!» — и другой, высокий и хриплый: «Ага! Задел! Он твой!» — В палубу ударил еще один заряд.

Тело великана давило на Майлза, но если бы тот весил килограммов на пятьдесят больше, было бы еще лучше. Неудивительно, что расчетливая Кавилло не пожалела двадцати тысяч бетанских долларов, чтобы раздобыть защитный костюм. Из всех видов оружия, с которыми ему приходилось сталкиваться, нейробластер был самым страшным. Одна мысль о скользящем попадании в голову, которое не убивает, но отнимает разум, обрекает на растительное существование, была для Майлза кошмаром. Разум — единственное, что есть у него. Без разума...

Он услышал рядом треск бластера, повернул голову и закричал:

— Парализаторы! Он мне нужен живой! Для допроса!

Теперь надо выбраться из-под убитого и присоединиться к схватке. Но если мишенью для убийцы служил именно он — а иначе зачем было тратить заряды на труп? — двигаться нельзя. И Майлз съежился, пытаясь превратиться в горошину.

Внезапно перестрелка прекратилась. Кто-то встал возле Майлза на колени и попытался стащить с него тело. Майлз не сразу понял, что должен разжать пальцы и отпустить куртку сержанта, в которую вцепился мертвой хваткой. Пальцы разжались с трудом.

Над ним нависло бледное лицо Торна.

— Вы в порядке, адмирал?

— Вроде бы, — тяжело дыша, ответил Майлз.

— Он целился в вас, — сообщил Торн. — Именно в вас!

— Я это заметил, — ответил Майлз. Губы у него дергались, тело сотрясала крупная дрожь. — Я только слегка поджарился. — Торн помог ему сесть. Майлз взглянул

на свои дрожащие руки и с каким-то болезненным изумлением коснулся лежащего рядом с ним тела. «Каждый оставшийся мне день жизни будет подарен тобою. А я даже не знаю твоего имени». — Твой сержант... Как его звали?

— Коллинз.

— Коллинз. Спасибо.

— Настоящий человек.

— Я видел.

Подоспевший Оссер выглядел обеспокоенным:

— Адмирал Нейсмит, поверьте, это не моя работа.

— Неужели? — Майлз подмигнул ему. — Помогите мне подняться, Бел... — Вероятно, этого делать не стоило: ноги у Майлза так дрожали, что Торну пришлось поддерживать его. Элен — что с ней? Она была без оружия...

Он увидел ее живой и невредимой в обществе другой наемницы. Женщины волокли к нему человека в темно-синей форме офицера Аслунда. Элен тянула за одну ногу, ее напарница — за другую, руки терррориста безжизненно волочились по палубе. Оглушен? Мертв? Подобно львицам, притащившим детенышам добычу, женщины бросили свою ношу, и человек с глухим стуком свалился у ног Майлза. «Генерал Метцов! Что вы здесь делаете?»

— Вы знаете этого человека? — спросил Оссер у подбежавшего к ним аслундского офицера. — Он из ваших?

— Нет... — Аслундец опустился на колени, проверяя документы у стрелявшего. — Бумаги в порядке.

— Он мог убить меня и убежать, — волнуясь, сказала Элен, — но продолжал стрелять в тебя. Хорошо сделал, что не вылез.

Победа разума или слабость нервов?

— Да, наверное.

Майлз сделал еще одну попытку стоять самостоятельно, но сдался и повис на Торне.

— Надеюсь, он жив?

— Просто оглушен, — ответила Элен, показывая на свой парализатор. Должно быть, когда все началось,

какой-то умный человек вернул ей его. — По-моему, у него сломана кисть.

— Но кто же это? — В голосе Оссера звучало искреннее непонимание.

— Что ж, адмирал, — усмехнулся Майлз, — я обещал дать вам информации больше, чем ваша разведка соберет за месяц. Позвольте представить. — Для пущей важности он сделал жест, каким официант снимает крышку с серебряного блюда, но движение приняли, кажется, за очередной спазм. — Генерал Метцов. Заместитель командующего «Бродягами Рэндола».

— С каких это пор офицеры высшего командного состава лично занимаются покушениями?

— Прошу прощения, этот человек был заместителем командующего три дня назад. Но с тех пор могли случиться перемены. Он прекрасно осведомлен о планах Кавилло. Сдается мне, ему не миновать встречи с пневмошприцем в нашем присутствии.

Оссер выглядел озадаченным.

— Неужели вы ждали этого?

— А для чего еще, вы думаете, я слонялся по станции? — небрежно ответил Майлз. «Должно быть, все это время Метцов пытался улучить момент. Кажется, меня сейчас вырвет. Что я продемонстрировал этим — ум или глупость?» У Оссера был такой вид, будто он тоже пытается найти ответ на этот вопрос.

Майлз смотрел на лежащего без сознания Метцова и размышлял. Был ли Метцов послан Кавилло или покушение — его личная инициатива? А если это все же инициатива Кавилло, на что она рассчитывала? И нет ли где-нибудь поблизости убийцы, страхующего Метцова? И кто в таком случае является его целью: Метцов в случае успеха или Майлз в случае неудачи? Или оба?

Прибыла команда медиков.

— Отведите меня в лазарет, — тихо попросил Майлз. — Пока не очнулся мой старый приятель.

— Да, вам это не помешает, — сказал Оссер, покачав головой с выражением, напоминающим, как это ни странно, сочувствие.

— Пленника нужно как следует охранять. Я не уверен, что его задержание входило в сценарий.

— Будет исполнено, — растерянно согласился Оссер.

И, поддерживаемый с двух сторон Торном и Элен, Майлз заковылял к люку «Триумфа».

ГЛАВА 14

Майлз, все еще сотрясаемый дрожью, сидел на скамье в стеклянном кубе, используемом в лазарете «Триумфа» в качестве изолятора, и наблюдал, как Элен силовым шнуром привязывает Метцова к стулу. Если бы допрос, к которому они собирались приступить, не грозил столь опасными осложнениями, такая перемена ролей доставила бы Майлзу удовольствие. Но Элен снова была без оружия, а за звуконепроницаемой прозрачной дверью стояли два вооруженных парализаторами охранника, время от времени заглядывая внутрь. Майлзу понадобилось все его красноречие, чтобы ограничить число присутствующих на первом допросе тремя людьми — им самим, Оссером и Элен.

— Может ли этот человек сообщить что-нибудь ценное? — недоверчиво поинтересовался Оссер. — Раз его послали на убийство...

— Информация будет настолько ценной, что вам стоит задуматься, прежде чем огласить ее, — ответил Майлз. — А запись останется у вас в любом случае.

Метцов выглядел больным и безучастно сидел, не произнося ни слова. Болезненный вид можно было приписать действию парализатора, но молчание не могло помочь Метцову, и все это знали. В порядке своеобразной любезности его не донимали вопросами до инъекции.

Оссер хмуро посмотрел на Майлза:

— Вы готовы?

Майлз взглянул на свои трясущиеся руки:

— Если меня не заставят заниматься нейрохирургией, готов. Начинайте. У меня есть основания полагать, что время дорого.

Оссер кивнул Элен. Та набрала нужную дозу и поднесла пневмошприц к шее Метцова, глаза которого от отчаяния на миг закрылись. Но вскоре сжатые в кулаки руки расслабились, лицо обмякло и расплылось в идиотской улыбке. Зрелище было препротивное.

Элен проверила пульс и давление:

— Нормально. Он к вашим услугам, джентльмены. — Она отошла назад и с отрешенным видом прислонилась к дверной раме.

Майлз сделал приглашающий жест:

— Вы первый, адмирал.

Оссер скривился:

— Благодарю вас. — Он подошел поближе и внимательно взглянул на Метцова. — Генерал Метцов. Ваше имя Станис Метцов?

Метцов ухмыльнулся:

— Да, это я.

— Заместитель командующего «Бродягами Рэндола»?

— Да.

— Кто вас послал убить адмирала Нейсмита?

На лице Метцова появилось неприкрытое изумление.

— Кого?

— Называйте меня Майлзом, — шепнул Майлз. — Он знает меня под... под псевдонимом. — Вероятность, что после этого интервью его настоящее имя останется нераскрытым, была не больше, чем у снежка, оказавшегося в центре Солнца, не растаять. Но что толку раньше времени искать осложнений?

— Кто послал вас убить Майлза?

— Кавилло. Видите ли, он убежал. Я был единственным, кому она могла доверять... доверять... сука...

Майлз поднял бровь.

— На самом деле Кавилло сама отправила меня сюда, — вполголоса сообщил он Оссеру. — Следовательно, генерал Метцов был дезинформирован. Но с какой целью? Мне кажется, теперь моя очередь.

Оссер сделал приглашающий жест и отошел в сторону. Майлз оторвался от скамьи и неуверенно направился к Метцову. Ярость генерала на мгновение прорвалась сквозь эйфорию, на губах появилась мерзкая улыбка.

Майлз решил начать с вопроса, который давно мучил его:

— Против кого, против какого противника запланирована ваша наземная операция?

— Верван, — отрезал Метцов.

Даже у Оссера отвисла челюсть. В наступившем молчании Майлз слышал, как стучит его собственное сердце.

— Но ведь Верван — ваш работодатель, — с трудом выговорил Оссер.

— Боже мой! Наконец-то все ясно! — Майлз чуть не подпрыгнул, его качнуло, и Элен, мгновенно оторвавшись от стены, поддержала его. — Да-да, конечно...

— Какое-то безумие, — пробормотал Оссер. — Так это и есть сюрприз Кавилло?

— Ручаюсь, это еще не все. Силы Кавилло значительно превосходят наши, но их не хватит, чтобы оккупировать такую планету, как Верван. Они смогут только пограбить и убежать.

— Пограбить и убежать, верно, — как ни в чем не бывало подтвердил Метцов.

— Каковы же ваши цели? — требовательно спросил Майлз.

— Банки... музеи... генетические банки... заложники...

— Это же бандитизм! — воскликнул Оссер. — И что, черт побери, вы собирались делать с добычей?

— Доставить ее на Архипелаг Джексона, потом продать.

— Но каким образом вы надеялись ускользнуть от верванского флота?

— Ударить по нему прежде, чем вступит в действие новая станция. Цетагандийский флот вторжения атакует их в доках. Неподвижные мишени. Это просто.

— Вот он, сюрприз Кавилло, — прошептал Майлз. — Теперь я узнаю ее.

— Цетагандийское... вторжение? — сам того не осознавая, Оссер грыз ногти.

— Боже мой, все объяснилось! — Майлз забегал по изолятору. — Как можно взять под контроль п-в-тунель? Только захватив его с двух сторон одновременно. Работодатели Кавилло не верванцы, а цетагандийцы. — Он повернулся и указал на сидевшего с отвисшей губой Метцова. — Теперь понятна и роль Метцова.

— Пирата? — предположил Оссер.

— Нет. Козла отпущения.

— Каким образом?

— Вы, очевидно, не знаете, что Метцов был уволен из имперской армии Барраяра... за жестокость.

Оссер прищурился:

— Из барраярской армии? Значит, действительно натворил дел.

Майлз подавил вспыхнувшее в нем раздражение.

— Да, пожалуй. Он, как бы это сказать... выбрал себе не ту жертву. Но о нем после. Теперь все ясно. Цетагандийский флот вторжения по приглашению Кавилло перебрасывается в локальное пространство Вервана — а может, и по ее непосредственному сигналу. Наемники устраивают набег и быстро снимают сливки с Вервана. Цетагандийцы по доброте сердечной «спасают» планету от вероломных наемников. Те ретируются и оставляют козла отпущения — Метцова. Это все равно что выбросить кого-то из повозки на съедение волкам. — «Черт, не слишком бетанская метафора!» — Цетагандийцы, демонстрируя свои «честные намерения», публично вешают генерала. «Взгляните, что натворили эти барраярцы! Чтобы раз и навсегда избавиться от угрозы со стороны Барраяра, вам нужна защита — Цетаганда. И вот мы здесь». Кавилло же зарабатывает на этом фокусе трижды. Один раз ей платят верванцы, второй — цетагандийцы, а в третий — Архипелаг Джексона, где она постарается сбыть награбленное. Все на этом выигрывают. Кроме Вервана, естественно.

Оссер обеспокоился всерьез:

— Вы думаете, цетагандийцы после этого двинутся в Ступицу? Или ограничатся Верваном?

— Конечно, двинутся в Ступицу, поскольку она и есть их стратегическая цель. Верван — только мост к ней. Потому-то и нужен был этот план использования «гадких наемников». Цетагандийцы хотят усмирить Верван малой кровью. Возможно, они дадут планете статус союзника, захватят космические коммуникации и даже не коснутся ее поверхности — просто экономически ассимилируют ее через поколение. Вопрос в том, остановятся ли цетагандийцы перед Полом. Захватят ли его одним махом или оставят в качестве буфера между собой и Барраяром. Война или дипломатия? Если им удастся спровоцировать барраярцев, они вынудят Пол заключить с Цетагандой союз... Вот оно что! — Майлз опять заметался по комнате, насколько позволяли ему последствия шока.

Оссер поморщился, будто проглотил отраву:

— Я не нанимался воевать с Цетагандийской империей. В крайнем случае я готов драться с верванскими наемниками. Если цетагандийцы во всеоружии появятся здесь, в Ступице, мы окажемся в ловушке. Припертыми к стенке. — И он пробормотал словно про себя: — Может, самое время подумать, как нам убраться отсюда...

— Но, адмирал, неужели вы не понимаете? — Майлз кивнул на Метцова. — Кавилло никогда бы не отпустила его с такой информацией, если бы стремилась осуществить именно этот план. Может, ей только и нужно, чтобы Метцов погиб при попытке убрать меня, но при этом оставалась крохотная возможность, что генерал останется в живых и дело кончится подобным допросом. Этот план — старый, древний план. И наверняка существует новый. — «И мне кажется, я знаю, в чем он заключается. — Есть... еще один фактор. Новое неизвестное в уравнении — Грегор». — Если я не ошибаюсь, вторжение цетагандийцев помешало бы осуществлению этого плана.

— Адмирал Нейсмит, Кавилло может предать кого угодно, только не цетагандийцев. Они до конца жизни

будут искать возможности отомстить ей. Она не сможет от этого убежать. У нее просто не будет времени воспользоваться своей добычей. Кстати, какой же должна быть добыча, чтобы перекрыть тройную оплату?

«Но она полагает, что ее защитит Барраярская империя, служба безопасности...»

— Я догадываюсь, каким образом Кавилло намерена ускользнуть, — сказал Майлз. — Если все получится, как она задумала, Кавилло найдет себе защиту. И роскошную добычу.

И все это вполне реально, если Грегор поддался ее чарам. И если два неудобных свидетеля-врага, Майлз и Метцов, уничтожат друг друга. Бросив на произвол судьбы свою флотилию, Кавилло действительно может забрать с собой Грегора и исчезнуть до вторжения цетагандийцев, объявившись на Барраяре как спасительница императора. А если ко всему этому влюбленный Грегор будет настаивать, что его героическая невеста достойна стать матерью будущего императора — кто посмеет возразить ему? Что толку в здравых суждениях советников молодого императора? И, как ни странно, именно судьба Корделии Нейсмит, его матери, дала толчок для разработки этого безумного сценария. «Из Кавилло действительно может получиться императрица. Кавилло Барраярская — звучит!» Ради того, чтобы красиво завершить свою карьеру, она предаст кого угодно, даже собственных людей.

— Майлз, что с тобой? У тебя такой вид... — озабоченно шепнула ему Элен.

— Когда? — быстро спросил Оссер. — Когда ожидается нападение цетагандийцев?

— Это знает только Кави, — захихикал Метцов. — Кави знает все.

— Я думаю, совсем скоро, — сказал Майлз. — Может быть, уже началось, если судить по времени моего прибытия, без сомнения, просчитанномму Кавилло. Она надеется, что ден... что наша флотилия уже парализована внутренними неурядицами.

— Но если это правда, — потрясенно пробормотал Оссер, — что же нам делать?

— Мы сейчас слишком далеко от места действия: в полутора днях лета от станции Верван, а все события развернутся там. И дальше, в локальном пространстве Вервана. Нам надо подойти поближе. Мы должны перебросить флотилию на другой конец системы, заблокировать Кавилло и заставить ее схватиться с цетагандийцами...

— Бред! Я не намерен так, за здорово живешь, атаковать Цетагандийскую империю! — грубо прервал его Оссер.

— Вам придется пойти на это. Все равно, раньше или позже, сражаться с ними придется. И вам нужно улучить подходящий момент, иначе они опередят вас. Единственный способ остановить их — заблокировать п-в-туннель. Если они пройдут его, это будет уже невозможно.

— Но если я начну перебрасывать флотилию, верванцы подумают, что мы собираемся атаковать их!

— И мобилизуются в ожидании военных действий, а это неплохо. Вот только нападение произойдет не с той стороны, и все кончится тем, что мы просто совершим отвлекающий маневр в пользу Кавилло. Черт! Наверняка еще одна из ветвей ее стратегического дерева.

— Но предположим — если поверить, что цетагандийцы теперь мешают ее планам, — Кавилло не даст им условного знака?

— О, она все еще нуждается в них. Только по другой причине. Они нужны ей, чтобы благополучно ретироваться, обрекая нежелательных свидетелей на массовое уничтожение. Понимаете? Фактически ей нужно одно — чтобы их вторжение провалилось. Если, конечно, Кавилло просчитала все последствия своего плана.

Оссер в отчаянии потряс головой, пытаясь постичь то, что и сам Майлз понимал с трудом.

— Ну так что?

— Единственный наш шанс — и Аслунда тоже — захватить Кавилло и остановить цетагандийцев у точки перехода возле станции Верван. Хотя нет, подождите —

мы должны удерживать оба конца туннеля Ступица — Верван. До тех пор, пока не подойдет подкрепление.

— Какое еще подкрепление? О чем вы?

— Аслунд, Пол! Когда цетагандийские корабли появятся на их горизонте, они поймут наконец, что им угрожает. Вернее, кто. А если Пол примет сторону Барраяра, а не Цетаганды, барраярцы смогут перебросить через них свои силы. Понимаете? Если все произойдет именно в такой последовательности, цетагандийцев можно остановить. — «Но можно ли будет получить Грегора живым? Не путь к победе, а все пути...»

— А придут ли барраярцы?

— Думаю, придут. Ваша контрразведка должна заниматься подобными вещами. Не заметила ли она усиления активности барраярской разведки в районе Ступицы?

— Кажется, да. Кодированный радиообмен в последние дни вырос в четыре раза.

Слава Богу! Может быть, подкрепление ближе, чем он смеет надеяться.

— Удалось вам дешифровать их коды? — небрежно спросил Майлз.

— Только один, самый простой.

— Ну что ж, отлично. — «То есть скверно...»

Оссер около минуты стоял со скрещенными руками, покусывая губы. Он казался всецело погруженным в свои мысли, и это неприятно напомнило Майлзу отрешенное лицо адмирала перед тем, как он отдал приказ выбросить их с Грегором в ближайший шлюз чуть больше недели назад.

— Нет, — наконец твердо сказал Оссер. — Благодарю за информацию. В ответ, думаю, я сохраню вам жизнь. Но мы отступим. Это сражение выиграть невозможно. Такое безумие могут позволить себе те, у кого за спиной ресурсы целой планеты и годы соответствующей подготовки. Мой флот нужен мне в качестве действенного тактического инструмента, а не баррикады из трупов, преграждающей путь какой-то авантюристке. Не

хочу быть — как вы изволили выразиться — козлом отпущения.

— Вы не поняли меня. Не козлом отпущения, а острием копья.

— У вашего «острия» нет древка. Нет!

— Это ваше последнее слово, сэр? — тонким голосом спросил Майлз.

— Да. — Оссер нажал кнопку наручного комма, связываясь с поджидавшей его охраной. — Капрал, вся компания отправляется на гаупвахту. Предупредите их там.

Охранник сквозь стекло отдал честь, и Оссер отключился.

— Но, сэр, — умоляюще подняв руки, Элен подошла к нему совсем близко. Похожим на змеиный укус движением кисти она прикоснулась пневмошприцем к шее Оссера. Он неестественно широко открыл глаза. Еще мгновение, два — и губы его растянулись в оскале. Оссер дернулся, пытаясь ударить молодую женщину. Но рука адмирала повисла в воздухе.

Охрана за стеклянной стеной, заметив внезапное движение Оссера, насторожилась и вытащила парализаторы. Элен, мгновенно подхватив безжизненную руку, с улыбкой коснулась ее губами. Один из охранников подтолкнул другого и, судя по мерзкой усмешке, сказал какую-то непристойность, но Майлз был слишком занят, чтобы попытаться прочитать по губам.

Оссер, изо всех сил пытаясь устоять на ногах, закачался, но Элен проворно скользнула ему под руку и, обхватив командующего за талию, развернула его спиной к двери. На лице Оссера появилась обычная для этого состояния блаженно-идиотская улыбка, исчезла и вновь вернулась. На сей раз окончательно.

— Он думал, я безоружна. — Элен яростно тряхнула головой и сунула шприц в нагрудный карман.

— И что теперь? — в отчаянии пробормотал Майлз, когда капрал-охранник склонился над кодовым замком.

— Думаю, всей компанией отправимся на гаупвахту. Танг уже там, — устало бросила Элен.

— Думаешь?.. Черт побери, это не кончится добром!

Однако Майлз приветливо улыбнулся входящим охранникам и помог им освободить Метцова, всячески отвлекая их от Оссера, по-прежнему безмятежно улыбавшегося. Улучив момент, он поставил Метцову подножку, и когда тот пошатнулся, дружески посоветовал капралу:

— Вы бы лучше взяли его под руки, он плохо стоит на ногах.

Сам он тоже едва держался и тем не менее умудрился сманеврировать так, чтобы охранники с Метцовым оказались впереди, он — за ними, а Элен с Оссером под ручку замыкала шествие.

— Иди, милый, иди, — услышал Майлз за спиной протяжный голос Элен. Впечатление было такое, будто она уговаривала избалованного кота забраться ей на колени.

Это была самая длинная короткая прогулка в его жизни. Немного отстав, Майлз пробормотал в сторону Элен:

— Ну хорошо, придем на гаупвахту, где полным-полно людей Оссера. Дальше?

Она прикусила губу:

— Не знаю.

— Так я и думал. Сворачивай налево.

Они повернули. Один из охранников оглянулся через плечо.

— Что прикажете, сэр?

— Не останавливайтесь, парни, — отозвался Майлз. — Когда запрете этого типа, доложите нам. Мы будем в адмиральской каюте.

— Так точно, сэр.

— Не останавливайся, — прошептал Майлз Элен. — И улыбайся...

Шаги охранников замерли в отдалении.

— Куда теперь? — спросила Элен. Оссер вдруг сильно пошатнулся. — Он на ногах не стоит! — вскрикнула она.

— А почему бы и впрямь не в адмиральскую каюту? — мгновенно решил Майлз. На его губах застыла странная

улыбка. Отчаянный жест Элен обернулся самой большой удачей дня. Только бы теперь не останавливаться, не прекращать движения. А если ему физически помешают, — что ж, он сделал, что мог. От радости, что все эти сводящие его с ума «может быть», «может быть» слились в одно непреложное «есть», у Майлза закружилась голова. Время настало. Надо действовать.

Может быть. Если только.

Они миновали нескольких техников. Оссер сделал движение головой, смахивающее на кивок. Майлз понадеялся, что оно сойдет за небрежный ответ на их приветствие. Во всяком случае, никто не обернулся и не окликнул примечательную группу. Спустившись на два уровня и свернув в очередной раз за угол, заговорщики оказались в хорошо знакомом лабиринте офицерских помещений. Проходя мимо капитанской каюты, Майлз подумал: «Бог мой, мне еще придется иметь дело с Осоном и очень скоро».

Ладонь Оссера, прижатая Элен к замку, позволила им войти в апартаменты, которые командующий флотилией превратил в свою резиденцию. Когда дверь за ними захлопнулась, Майлз понял, что все это время почти не дышал.

— Все пути назад отрезаны, — прошептала Элен, прислонившись к косяку. — Надеюсь, ты не бросишь нас снова?

— На этот раз нет, — угрюмо ответил Майлз.— Ты, должно быть, заметила, что во время этого действа в изоляторе я ни разу не заговорил...

— ...о Грегоре.

— Правильно, о нем. В настоящий момент Кавилло держит его в качестве заложника на борту своего флагманского корабля.

Элен опустила глаза.

— Она собирается продать его цетагандийцам?

— Еще хуже. Она собирается выйти за него замуж.

Элен подавила возглас удивления:

— Что?! Майлз, ей никогда бы не пришла в голову такая мысль! Если только...

— Если только сам Грегор не заронил в нее зернышко. А также полил и удобрил его. Не знаю, вправду ли он сошел с ума или это только игра, чтобы выиграть время. Кавилло знала, что делает: она предусмотрительно держала нас порознь. Ты знакома с Грегором столько же, сколько и я. Что ты об этом думаешь?

— Трудно представить себе Грегора влюбленным до безумия. Он всегда был... каким-то тихим. Как бы это выразиться? Сексуально холодным, что ли. По сравнению с тем же Айвеном.

— Не уверен, что такое сравнение уместно.

— Да, пожалуй. Ну тогда по сравнению с тобой.

Майлз не знал, как ему понимать эти слова. Он попробовал подойти к делу с другой стороны.

— У Грегора было не слишком много возможностей. Я хочу сказать, возможностей для личной жизни. За его спиной всегда маячила служба безопасности. Это... это может охладить любого, если человек не извращенец.

Элен щелкнула пальцами, словно пытаясь уловить суть проблемы.

— Грегор не был извращенцем.

— Да и Кавилло позаботилась, чтобы предстать перед ним в самом выгодном свете, — заметил Майлз.

Элен тронула губы кончиком языка:

— Она красива?

— Да, если кому-то по вкусу властолюбивые блондинки, одержимые манией убийства. Она способна произвести впечатление. — Майлз сжал руку в кулак: то давнее прикосновения к коротко остриженным волосам Кавилло снова напомнило о себе покалыванием ладони. Он вытер пальцы о брюки.

— А, так она тебе не нравится, — усмехнулась заметно повеселевшая Элен.

Майлз взглянул на ее суровое лицо валькирии:

— На мой вкус, она низковата.

— Надеюсь, что так. — Элен подвела волочащего ноги Оссера к креслу и усадила. — В скором времени мы должны будем связать его. Или сделать еще что-нибудь.

Раздалось жужжание коммуникатора. Майлз подошел к столу.

— Слушаю, — сказал он таким спокойным и усталым голосом, каким только мог.

— Говорит капрал Меддис, сэр. Мы поместили верванского агента в девятую камеру.

— Благодарю вас, капрал. И кстати... — «Попробовать или нет?» — у нас еще остался суперпентотал. Не могли ли бы вы двое привести сюда для допроса капитана Танга?

Стоящая вне пределов видимости камеры Элен тревожно нахмурилась.

— Танга, сэр? — В голосе охранника прозвучало сомнение. — Тогда не усилить ли конвой еще парой человек?

— Конечно... Взгляните, нет ли поблизости сержанта Чодака. Он наверняка сможет выделить. Впрочем, может, он и сам сейчас свободен? — Краем глаза Майлз заметил, как Элен одобрительно кивнула.

— Кажется, да, сэр.

— Еще лучше. Действуйте. — Он выключил коммуникатор и посмотрел на него так, будто тот превратился в лампу Аладдина. — Не думаю, что мне суждено умереть сегодня. Я должен дожить до послезавтра.

— Вот как?

— Именно так. Тогда я буду иметь гораздо больше возможностей публично и позорно провалить все дело. И унести с собой тысячи жизней.

— Слушай, перестань паниковать. У нас просто нет на это времени. — Элен легонько ударила пневмошприцем по костяшкам пальцев. — Лучше придумай, как нам выбраться из этой дыры.

— Слушаюсь, мадам, — смиренно отозвался Майлз. «А где же «милорд»? Никакого уважения, никакого...» Но как ни странно, он чувствовал себя польщенным.

— Кстати, когда Оссер арестовал Танга за мой побег, почему он не пошел дальше и не тронул ни тебя, ни Арда, ни Чодака — никого из твоих людей?

— Танга он арестовал не из-за тебя. Во всяком случае, я так думаю. Танг попался в ловушку, которую подстроил

ему сам Оссер. Они вдвоем были в рубке — что само по себе довольно странно, — и Танг сорвался и бросился на него. Как я слышала, он повалил Оссера на палубу и почти придушил, когда охрана их растащила.

— Значит, это не связано с нами? — Майлз почувствовал облегчение.

— Я... не уверена. Меня там не было. Нападение могло быть средством отвлечь внимание Оссера в момент, когда он начал понимать, как, собственно, обстоит дело. — Элен покосилась на словно приклеенную к губам улыбку Оссера. — И что дальше?

— Оставим его так, пока не приведут Танга. Мы все здесь добрые союзники. — Майлз скривился. — Но ради бога, не давай никому заговорить с ним.

Дверь зажужжала. Элен как ни в чем не бывало встала позади Оссера, положив руку ему на плечо. Майлз подошел к двери и открыл замок. Дверь скользнула в сторону.

В сопровождении шести нервничающих охранников перед ними стоял глядящий исподлобья Ки Танг. Он был в тюремной светло-желтой пижаме и выглядел как небольшая сверхновая звезда, которая вот-вот взорвется. Когда Танг увидел Майлза, он едва сдержал возглас изумления.

— Благодарю вас, капрал, — сказал Майлз. — После этого допроса состоится маленькое неофициальное совещание командного состава. Поэтому буду признателен, если вы со своими людьми займете пост снаружи. А на случай, если капитан Танг начнет горячиться, оставьте нам сержанта Чодака и пару его людей. — Майлз подчеркнул слово «его» взглядом в глаза Чодака.

Чодак понял моментально.

— Слушаюсь, сэр. Рядовой, пойдете со мной.

«Я произведу тебя в лейтенанты», — подумал Майлз, и, отойдя в сторону, позволил Чодаку и выбранному им наемнику провести Танга внутрь. Сидевший словно бы навеселе Оссер все время, пока дверь с шипением не закрылась, был на виду.

Танг тоже отлично видел Оссера в проем двери. Войдя, он движением плеч остановил конвоиров и шагнул к адмиралу.

— Ну что, сукин ты сын, все еще думаешь... — Танг вдруг замолчал, заметив блаженно-тупую улыбку Оссера. — Что это с ним?

— Ничего особенного, — пожала плечами Элен. — Мне кажется, эта маленькая инъекция улучшила его характер. Плохо только, что временно.

Танг откинул голову назад и густо захохотал, потом, повернувшись, потряс Майлза за плечи:

— Ты сделал это, малыш?! Ты вернулся! Мы снова в деле!

Рядовой Чодака дернулся, не понимая, в какую сторону ему прыгать. Чодак поймал его за руку, молча покачал головой и показал на дверь, а сам вложил парализатор в кобуру и сложил руки на груди. Немного помедлив, его человек присоединился к нему, заняв позицию с другой стороны двери.

— Стой спокойно, — улыбнувшись, негромко сказал Чодак в его сторону. — Тут будет на что посмотреть.

— Это вышло не совсем по моему желанию, — намеренно сухо объяснил Майлз Тангу (чтобы заставить того прикусить язык и погасить вспышку евразийского темперамента). — И мы пока еще не в деле. Извини, Ки. На этот раз я не могу быть вывеской. Ты должен будешь подчиниться мне. — Сохраняя суровое выражение лица, Майлз медленно снял руки Танга со своих плеч. — Капитан верванского транспортника, которого ты нам рекомендовал, доставил меня прямиком в руки Кавилло. И я не уверен, что это простая случайность.

— Что? — Танг пошатнулся, будто получил удар в солнечное сплетение.

Майлз прекрасно знал, что Танг не был предателем. Но он не мог позволить себе лишиться единственного своего преимущества.

— Предательство или грубая работа, Ки? — «И прекратишь ли ты избивать свою жену?»

— Это случайность! — прошипел Танг, становясь бледно-желтым. — Черт побери, я убью этого предателя...

— Уже сделано, — холодно сказал Майлз. Брови Танга поднялись в почтительном изумлении. — Я прибыл в

Ступицу Хеджена, подрядившись выполнить задание, — непреклонно продолжал Майлз, — которое в силу массы причин едва ли можно выполнить. Я не назначу тебя командующим дендарийцами... — Судя по оторопевшему виду Танга, это было для него ударом.— ...если ты не согласишься работать на меня. Очередность действий и целей устанавливаю я. Ты только решаешь, как это сделать наилучшим образом.

— В качестве союзника... — начал Танг.

— Не союзника. Подчиненного. Или разговор окончен, — отрезал Майлз.

Танг остолбенел, тщетно пытаясь вернуть брови на место. Наконец он тихо произнес:

— Кажется, малыш папы Ки становится взрослым.

— Это только половина дела. Так «да» или «нет»?

— Вторую половину я тоже должен услышать. — Танг как-то странно пошевелил губами и тихо сказал вдруг: — Да.

Майлз протянул руку:

— Решено?

Танг пожал ее:

— Решено. — Его рукопожатие было настоящим — тяжелым и крепким.

Майлз тяжело вздохнул.

— Ладно. В прошлый раз я сказал тебе полуправду. А теперь будет правда, как она есть. — Майлз быстро ходил из угла в угол. На этот раз его трясло вовсе не из-за шока. — Я действительно нанят, но не для выяснения боевой обстановки. Это просто дымовая завеса для Оссера. Но то, что я рассказал тебе о предотвращении межпланетной войны, не было болтовней. Я нанят барраярцами.

— Они обычно не используют наемников, — недоуменно произнес Танг.

— А я необычный наемник. Мне платит барраярская служба безопасности... — «Боже мой, наконец-то чистая правда!» —...за то, чтобы я отыскал и освободил одного заложника. Заодно я надеюсь помешать цетагандийскому флоту взять под контроль Ступицу. Сле-

дующая по важности задача — удерживать оба конца верванского п-в-туннеля до подхода барраярского подкрепления.

Танг помотал головой:

— «Следующая по важности»? А если твои барраярцы не появятся? Им ведь придется идти через Пол... И потом, я не понимаю: разве освобождение заложника можно сопоставить с полномасштабной боевой операцией?

— Принимая во внимание личность заложника — да. Я гарантирую прибытие барраярцев. Был похищен Грегор Форбарра, император Барраяра. Я отыскал его, потерял снова и теперь должен заполучить обратно. Естественно, у меня есть кое-какие основания полагать, что награда за его благополучное возвращение будет немалой.

С лица Танга можно было писать картину воплощенного озарения.

— Этот тощий неврастеник, которого ты тащил на буксире, — император?

— Он. И между нами говоря, ты и я умудрились направить его прямо в руки Кавилло.

— А, дерьмо. — Танг потер колючий затылок. — Она продаст его цетагандийцам.

— Нет, ей больше по сердцу собрать дань с Барраяра.

Танг открыл было рот, снова закрыл.

— Погоди минутку...

— Да, действительно, во всем этом черт ногу сломит, — унылым тоном признал Майлз. — Поэтому-то я и собираюсь предоставить самое простое — захват и удержание п-в-туннеля — тебе. Освобождение заложника — моя проблема.

— Ничего себе «самое простое»! Дендарийские наемники — пять тысяч человек — без посторонней помощи против Цетагандийской империи. Ты что, разучился считать?

— Подумай о славе. О репутации. Подумай, как это будет смотреться в твоем послужном списке! — улыбнулся Майлз.

— Ты хочешь сказать — в моем пустом гробу, потому что вряд ли отыщется достаточное для кремации количество моих бесценных атомов. Ты собираешься покрыть расходы на мои похороны, сынок?

— Они будут великолепны. Знамена, танцующие девушки и достаточно пива для того, чтобы сплавить твой гроб в Валгаллу.

Танг вздохнул:

— Пусть лучше он будет плыть по сливовому вину, а? А пиво выпейте. Ну ладно. — Он немного помолчал, покусывая губы. — Первым шагом будет перевод флотилии на часовую готовность вместо двадцатичетырехчасовой.

— А разве это еще не сделано? — нахмурился Майлз.

— Мы были в обороне и рассчитывали, что имеем по крайней мере тридцать шесть часов для выяснения обстановки, с какой бы окраины Ступицы на нас не двинулся противник. Во всяком случае, так думал Оссер. Для того чтобы перейти на часовую готовность, потребуется почти шесть часов.

— Хорошо, тогда это будет твоим вторым шагом. А первым — ты сейчас же пойдешь и помиришься с капитаном Осоном.

— Поцелуй меня в задницу! — яростно крикнул Танг. — Этот кретин...

— ...нужен, чтобы командовать «Триумфом», пока ты будешь возглавлять флотилию. Ты не можешь одновременно заниматься и тем, и этим. Я тоже не могу заниматься реорганизацией перед самым делом. Была бы у меня неделя на прополку... Но у меня ее нет. Надо убедить людей Оссера остаться на своих местах. Если я заполучу Осона, — пальцы Майлза сомкнулись, — то смогу справиться и с остальными. Наверняка.

Танг что-то недовольно прорычал, затем его угрюмое лицо медленно расплылось в улыбке:

— Но я многое бы отдал, чтобы посмотреть, как ты заставишь его поцеловать Торна.

— Хорошенького понемножку. Всему свое время.

* * *

Капитан Осон, который и четыре года назад был достаточно грузен, еще прибавил в весе, но в остальном не изменился. Он неторопливо вошел в каюту, но, увидев направленные в его сторону парализаторы, сжал кулаки и остановился. Когда же он заметил Майлза, сидящего на краю адмиральского стола (психологическая уловка, позволяющая ему находиться на уровне всех остальных; Майлз боялся, что в кресле он выглядит как ребенок за обеденным столом, нуждающийся в стульчике на высоких ножках), — гнев на лица Осона сменился откровенным ужасом.

— О дьявол! Неужели опять вы!

— Разумеется, — пожал плечами Майлз. Вооруженные парализаторами, Чодак и его человек, предчувствуя представление, с трудом скрывали улыбки.

— Вы не могли бы отвести свои пушки в сторону? — И тут, взглянув на Оссера, Осон запнулся. — Что вы с ним сделали?

— Чуть-чуть изменили его статус. Если говорить о флотилии, она уже под моим началом. — «Что ж, по крайней мере я добиваюсь этого». — Что касается вас, решайте: принимаете ли вы сторону победителя? И премию за участие в бою? Или я должен передать командование «Триумфом»... — Осон оскалился и яростно взглянул на Танга. — ...Белу Торну?

— Что? — крикнул Осон. Танг вздрогнул и поморщился. — Вы не можете...

Майлз прервал его:

— Вы случайно не помните, как из капитана «Ариэля» превратились в капитана «Триумфа»? Ну так что?

Осон указал на Танга:

— А этот?

— Мой наниматель внесет сумму, равную стоимости «Триумфа», которая станет законной долей Танга в корпорации. Я утверждаю Танга в должности начальника штаба, а вас — капитаном «Триумфа». Ваш первоначальный вклад, равный стоимости «Ариэля» за вычетом суммы залога, будет утвержден как ваша за-

конная доля в корпорации. Оба корабля будут числиться собственностью флотилии.

— Вы согласны? — скривившись, спросил у Танга Осон.

Майлз сурово взглянул на Танга.

— Да, — неохотно проронил тот.

Осон нахмурился.

— Дело не только в деньгах... — Он остановился, наморщив лоб. — Какая боевая премия? Что за бой?

«Он колеблется, значит, согласен».

— Вы согласны или нет?

По круглому лицу Осона мелькнула ехидная улыбка.

— Согласен, если Танг извинится передо мной.

— Что? Этот кусок мяса думает...

— Извинись перед этим человеком, дорогой Танг, — процедил Майлз сквозь зубы, — и давай продолжать. Или «Триумф» получит капитана, который может быть своим собственным первым помощником и который, помимо прочих многочисленных добродетелей, никогда не спорит со мной.

— Конечно, нет, раз этот плюгавый бетанец влюблен в вас, — огрызнулся Осон. — Я так и не понял, хочет ли это создание, чтобы с ним переспали, или намерено само переспать с вами...

Майлз улыбнулся и успокаивающим жестом поднял руку:

— Ну-ну. — Он кивнул Элен, та спрятала в кобуру парализатор и вытащила нейробластер, наставив его прямо в голову Осона.

Ее улыбка неприятно напомнила ему улыбку сержанта Ботари. Или — что еще хуже — Кавилло.

— Я говорила тебе когда-нибудь, Осон, как отвратителен твой голос? — осведомилась она.

— Ты не выстрелишь, — неуверенно сказал Осон.

— Я не стану ее останавливать, — солгал Майлз. — Мне нужен ваш корабль. Меня устраивает, хотя это вовсе не обязательно, чтобы им командовали вы. — И Майлз уставился на своего предполагаемого начальника штаба: — Танг?

Немного неуклюже, спотыкаясь на каждом слове, Танг начал извиняться перед Осоном, перечисляя все свои выпады относительно его поведения, умственных способностей, происхождения, наружности... Когда лицо Осона начало чернеть, Майлз прервал список Танга на середине и попросил его начать снова, только короче.

Танг вздохнул:

— Осон, иногда ты бываешь настоящим говнюком, но, черт тебя побери, когда надо, ты умеешь драться. Я видел тебя в деле. В смертельно опасном деле из всех капитанов флотилии за своей спиной я предпочел бы иметь именно тебя.

Уголки губ Осона поползли вверх.

— Вот за это действительно спасибо. Я ценю твою заботу о моей безопасности. Так насколько рискованным может оказаться ваше дело?

Смех Танга, решил Майлз, прямо-таки режет ухо.

Капитанов-владельцев приводили по-одному и уговаривали, подкупали, шантажировали и ослепляли грандиозными проектами до тех пор, пока у Майлза не пропал голос.

Один только капитан «Перегрина» попробовал сопротивляться, причем в прямом смысле слова. Его оглушили, связали, а его помощнику предоставили немедленный выбор между повышением в должности (без увеличения оклада) и прогулкой к ближайшему шлюзу. Помощник выбрал повышение, хотя глаза его говорили: «Ну погодите! Попадетесь вы мне когда-нибудь». Поскольку это «когда-нибудь» должно было наступить после столкновения с цетагандийцами, Майлз был удовлетворен.

Они переместились в конференц-зал напротив боевой рубки, чтобы провести самое странное совещание из всех, на которых Майлз когда-либо присутствовал. Оссера, получившего еще один укол, поместили во главе стола, где он и сидел, подперев голову и напоминая улыбающееся чучело. Еще двое были привязаны к креслам с кляпами во рту. Танг сменил свою желтую тю-

ремную пижаму на серую полевую форму. Поверх капитанских нашивок приляпали знаки различия командующего. Первоначальная реакция аудитории на новость, сообщенную Тангом, пройдя все стадии от сомнения до страха, как всегда, вылилась в откровенную перебранку. Но от зловещего предупреждения Танга, что если они не выступят в качестве защитников туннеля, то вскоре им придется атаковать через него оборонительные позиции цетагандийцев, сидящих за столом бросило в дрожь. «Может быть еще хуже» — эти слова всегда были самым неотразимым аргументом.

В середине совещания Майлз, потирая виски, наклонился к Элен:

— Так было всегда или я просто забыл?

Она задумалась, а потом быстро пробормотала:

— Нет, раньше оскорбления были посильнее.

Майлз спрятал улыбку.

Ему пришлось сделать сотню несанкционированных заявлений и ничем не подкрепленных обещаний, пока наконец все не успокоились и не разошлись по боевым постам. Оссера и капитана «Перегрина» под охраной отправили на гауптвахту. Задержавшийся Танг, нахмурясь, взглянул на шлепанцы Майлза:

— Если уж ты собираешься командовать моей флотилией, сынок, будь добр, окажи старому солдату любезность и раздобудь пару форменных ботинок.

Наконец осталась одна Элен.

— Я хочу, чтобы ты еще раз допросила Метцова, — попросил ее Майлз. — Вытяни из него все сведения о «Бродягах», какие только сможешь, — коды, корабли, находящиеся в строю, отсутствующие и ремонтирующиеся, последняя диспозиция, привычки личного состава плюс все, что он сможет рассказать о Верване. Вырежи упоминания о моей личности, которые могут там оказаться, и передай текст в оперативный отдел. Только предупреди, что не все сказанное Метцовым правда. Это может нам здорово помочь.

— Хорошо. Попробую.

Майлз вздохнул и устало облокотился на стол.

— Знаешь, патриоты, такие как барраярцы, все-таки не правы. Наши офицеры считают, что наемники бесчестны, потому что их услуги можно купить или продать. Но честь — это роскошь, которую может позволить себе только свободный человек. Имперский офицер вроде меня служит не ради чести — он просто служит. Сколько из этих честных людей, которым я только что лгал, умрет по моей вине? Жизнь — странная штука.

— Ты хочешь что-нибудь изменить?

— Все. И ничего. Я лгал бы в два раза быстрее, если бы в этом была необходимость.

— С бетанским акцентом ты действительно говоришь быстрей.

— Элен, ты все понимаешь. Прав ли я? Если бы был хоть какой-то шанс на успех... Но мы обречены на поражение. — «Не один путь к поражению, но все пути...»

Ее брови поднялись.

— Без сомнения.

Майлз вымученно улыбнулся:

— Так что ты, — «кого я люблю», — моя барраярская леди, ненавидящая Барраяр, единственный в Ступице человек, кем я действительно могу пожертвовать.

Элен склонила голову, обдумывая его слова.

— Благодарю, милорд. — Уходя, она коснулась рукой его головы.

Майлз поежился.

ГЛАВА 15

Майлз вернулся в каюту Оссера и внимательно просмотрел файлы адмирала, стараясь получить представление обо всех технических и кадровых изменениях, происшедших со времен его командования. Ему позарез нужна была общая картина положения в Ступице — по разведданным дендарийцев и Аслунда. Кто-то принес ему сандвичи и кофе, которые он проглотил, не почувствовав вкуса. Кофе больше не придавал ему бодрости.

«Как только мы выйдем из дока, я рухну прямо на постель Оссера». Ему необходимо потратить хоть несколько из этих тридцати шести часов на сон, иначе по прибытии он будет скорее обузой, чем мозговым центром. Там ему придется иметь дело с Кавилло, в разговоре с которой он всегда чувствовал себя простофилей, даже будучи в наилучшей форме.

Не говоря уж о цетагандийцах. Майлз задумался о причудливом влиянии, которое разработка новых видов оружия оказала на тактику космичкского боя.

Ракеты класса «корабль-корабль» после создания мощных лазеров и силовых экранов оказались абсолютно непригодны для войны в космосе. Силовые экраны, придуманные, чтобы уберечь корабли от космического мусора, без всякого труда отражали любые снаряды. И лазерное оружие, в свою очередь, оказалось бесполезным после появления бетанского «Шпагоглотателя», который хитроумно использовал вражеский луч как источник энергии. На подобном же принципе было создано плазменное зеркало, разработанное поколением родителей Майлза и обеспечившее защиту от действенного на более коротких дистанциях плазменного оружия. В течение следующего десятилетия и оно, по всей видимости, сойдет на нет.

За последние годы самым перспективным оружием в космических схватках стали вихревые генераторы гравитационных волн, являющиеся разновидностью обычных корабельных гравитаторов. Силовые экраны всевозможных конструкций пока что не обеспечивали надежной защиты от них. Вихревая гравитационная волна оставляла после себя только перекрученные изуродованные обломки. Во что она превращала человеческое тело, лучше было не видеть.

Однако радиус действия пожирающего огромное количество энергии гравидеструктора был до смешного мал — какие-то десятки километров. И корабли, чтобы схватиться друг с другом, должны были замедлять скорость, сближаться и маневрировать. Принимая во внимание небольшие размеры апертур п-в-туннелей,

сражения вновь превратились в тесные единоборства, и лишь наиболее плотные построения навлекали на себя «солнечную стену» — массированный ядерный удар. А так — маневры и маневры. Популярной тактикой снова, как давным-давно, стали таран и абордаж. По крайней мере сейчас, пока из мастерских дьявола не вышел очередной сюрприз. Майлз с тоской подумал о добрых старых временах, когда люди могли элегантно убивать друг друга на расстоянии в пятьдесят тысяч километров. Просто яркие искорки.

Зависимость огневой мощи от концентрации сил при использовании нового оружия таила в себе определенные тактические резервы, особенно возле п-в-туннелей. Небольшой отряд на малом расстоянии мог обеспечить такую же плотность залпа, как и несравнимо больший, но не имеющий возможности приблизиться на расстояние эффективного поражения, — хотя, разумеется, у последнего было свое преимущество: резервы. И если имеющая численное превосходство сторона была готова к жертвам, можно было продолжать сражение, пока все возрастающее относительное превосходство не станет абсолютным. Цетагандийские гем-лорды не то что бы боялись пожертвовать собой, но предпочитали начинать с подчиненных или, еще лучше, с союзников... Майлз потер затекшую шею.

Раздался сигнал, и он потянулся через стол, чтобы открыть дверь.

В дверном проеме возник стройный темноволосый человек немногим более тридцати лет от роду, одетый в серо-белую форму наемников с нашивками техника.

— Милорд? — спросил он мягким, неуверенным голосом.

Баз Джезек, главный инженер флота. Бывший дезертир имперской армии. Поклявшийся в верности личный оруженосец Майлза в бытность его лордом Форкосиганом. И, наконец, муж женщины, которую любил Майлз. Когда-то любил. И любит сейчас. «Баз. Черт бы тебя побрал!» Майлз в замешательстве закашлялся:

— Входите, коммодор Джезек.

Баз, глядя на него виновато и вместе с тем независимо, бесшумно прошел по устланному ковром полу.

— Я только что прибыл на ремонтную базу и услышал, что вы вернулись. — После нескольких лет скитаний по галактике его барраярский акцент сгладился.

— Да. На время.

— Я... виноват, что все по-другому, не так, как было при вас. У меня такое чувство, словно я растратил приданое, которое вы дали за Элен. Но я не понимал истинного смысла маневров Оссера, пока... как бы это сказать... да что там!

— Этот человек обошел и Танга, — тихо напомнил ему Майлз. Услышав извинения База, он внутренне содрогнулся. — Мне кажется, борьба была неравной.

— Борьбы вообще не было, — медленно сказал Баз. — В том-то все и дело. Я пришел, чтобы подать просьбу об отставке, милорд.

— Просьба отклоняется, — не задумываясь, ответил Майлз. — Во-первых, присягнувший на верность оруженосец не может покинуть своего господина, во-вторых, где же я найду компетентного инженера, — он взглянул на часы, — за два оставшихся нам часа, а в-третьих, в-третьих... должен же быть свидетель, чтобы обелить мое имя, если дела пойдут совсем плохо. Вернее, еще хуже. Вы должны немедленно ознакомить меня с техническими возможностями флотилии, чтобы я мог планировать операцию. А я должен немедленно ввести вас в курс дела. Не считая Элен, вы здесь единственный, кому я могу довериться.

Майлз с трудом настоял, чтобы инженер сел, и изложил ему сокращенную версию своих приключений в Ступице Хеджена, не упоминая лишь о попытке Грегора лишить себя жизни, — ему совсем не хотелось, чтобы кто-то еще знал об унижении императора Барраяра. Майлз не очень удивился, когда узнал, что Элен умолчала о его предыдущем злополучном возвращении. Баз, видимо, не сомневался, что вполне очевидной и извинительной причиной ее молчания был император. К тому времени, когда Майлз закончил, ощущение вины сменилось у База тревогой.

— Если императора убьют или если он не вернется, беспорядки дома могут продолжаться годами, — взволнованно заключил Баз. — Может, вы все-таки дадите Кавилло спасти его, вместо того чтобы рисковать его жизнью?..

— Если уж на то пошло, именно это я и собираюсь сделать, — ответил Майлз. — Лишь бы знать, что у Грегора на уме. — Он помолчал. — Если мы проиграем и Грегора, и битву за туннель, цетагандийцы появятся у нашего порога в самый выгодный для них момент. Какое искушение и какой соблазн! Ведь им всегда грезилась Комарра. Как знать, может, мы стоим перед перспективой второго цетагандийского нашествия, неожиданного и для них, и для нас. Конечно, Цетаганда предпочитает продумывать все до конца, но как не использовать такую возможность...

Подхлестываемые столь грозными соображениями, они с головой ушли в техническую докуметацию. В свободную минуту Майлз напомнил себе древнюю поговорку насчет недостающего гвоздя. Они почти закончили, когда дежурный диспетчер связался с Майлзом.

— Адмирал Нейсмит? — Диспетчер с любопытством уставился на Майлза, а затем, спохватившись, продолжил: — В доке находится человек, который желает вас видеть. Он уверяет, что у него сверхважная информация.

Майлз вспомнил о запасном убийце.

— У него есть документы?

— Он сказал, что его зовут Унгари. Вот и все.

У Майлза перехватило дыхание. Неужели подошла кавалерия! Или это просто уловка, чтобы проникнуть к нему?

— Могу ли я посмотреть на него, чтобы он об этом не знал?

— Конечно, сэр. — Вместо лица диспетчера на экране появилось изображение палубы дока. Камера сфокусировалась на двух мужчинах в комбинезонах аслундских техников. Майлз облегченно расслабился. Капитан Унгари. И благословенный сержант Оверман!

— Благодарю вас, офицер. Отрядите за ними людей и проведите их в мою каюту. Через... десять минут. — Он отключился и объяснил Базу: — Мой начальник из Имперской безопасности. Слава Богу! Вот только сумею ли я объяснить ему ваш статус? Конечно, он из Имперской безопасности, а не из армейской, и вряд ли приказ о вашем аресте занимает его сейчас, но все может быть... Короче, вам лучше не попадаться ему на глаза.

— Пожалуй, — согласился Баз. — Думаю, у меня есть чем заняться.

— Если честно, Баз... — Какой-то момент Майлз испытывал страстное желание сказать Базу, чтобы тот забирал Элен и бежал с ней как можно дальше. — Скоро может начаться такое...

— А может ли быть по-другому, когда командует Майлз Безумный? — Баз пожал плечами, улыбнулся и направился к двери.

— Ну не такой же я сумасшедший, как Танг. Слава богу, этого прозвища я как будто еще не удостоился!

— Ну... это старая шутка. Она ходила среди дендарийцев-ветеранов. — Баз заторопился.

«А ветеранов осталось не так уж и много». Шутка, к несчастью, была не очень смешной. Зашипела закрывшаяся за спиной инженера дверь.

Унгари. Унгари. Наконец-то кто-то сможет взять на себя ответственность. «Если бы Грегор был со мной, я исчез бы прямо сейчас. Но по крайней мере я могу узнать, что делалось у нас все это время». Майлз устало положил голову на руки и закрыл глаза. Помощь. Наконец-то.

На мысли наполз какой-то туман, и прозвенел уже второй звонок, когда он наконец очнулся от сна. Потерев онемевшее лицо, Майлз стукнул по клавише на столе.

— Войдите.

Он взглянул на часы: неужели забытье длилось четыре минуты? Ему определенно нужен отдых.

Между тем Чодак и два охранника ввели капитана Унгари и сержанта Овермана. Оба были в желто-коричневых комбинезонах аслундских техников и, несомнен-

но, имели при себе соответствующие удостоверения и пропуска. Майлз радостно улыбнулся.

— Сержант Чодак, вы и ваши люди останьтесь снаружи. — Чодак, казалось, был удивлен подобным недоверием. — И, если командор Элен Ботари-Джезек закончила свои дела, попросите сюда командора Элен Ботари-Джезек. Благодарю вас.

Унгари спокойно выждал, пока дверь не закрылась за Чодаком и его людьми, и направился к столу. Майлз встал и отдал честь:

— Счастлив ви...

К великому удивлению Майлза, Унгари не ответил. Вместо этого он ухватил его за куртку и приподнял. Майлз почувствовал, что, только сделав громадное усилие, Унгари схватил его за лацканы, а не за горло.

— Форкосиган, вы идиот! В какую чертову игру вы здесь играете?!

— Я нашел Грегора, сэр. Я... — «Только не говори: потерял его». — Сейчас я организую экспедицию для его освобождения. Очень рад, что вы здесь; еще час — и вы бы не нашли корабля. Если мы объединим нашу информацию и ресурсы...

Хватка Унгари не ослабла, побелевшие губы словно окаменели.

— Мы знаем, что вы нашли императора. Мы проследили весь ваш путь от следственного изолятора Консорциума. Здесь вы оба исчезли.

— Так вы не говорили с Элен? Странно... Сэр, сядьте, пожалуйста, и отпустите меня наконец. — Унгари, казалось, не замечал, что ноги Майлза болтаются в воздухе. — И скажите мне, как все это выглядит с вашей точки зрения. Это крайне важно сейчас.

Тяжело дышавший Унгари отпустил Майлза и уселся в указанное ему кресло. Оверман стал по стойке «смирно» за его спиной. Майлз с некоторым облегчением взглянул на сержанта-великана, которого в последний раз видел лежащим без сознания на палубе станции Консорциума. Он, очевидно, полностью оправился, хотя вид у него был измученный.

Унгари продолжал:

— Сержант Оверман, придя в себя, последовал за вами в следственный изолятор, но вы уже исчезли. Он думал, это их работа, они думали, что его. Он потратил массу денег на взятки и наконец узнал всю историю от законтрактованного раба, которого вы избили — днем позже, когда тот наконец смог говорить...

— Значит, он жив! — воскликнул Майлз. — Отлично, а то Гре... мы беспокоились о нем.

— Да, но сержант не узнал императора, когда просматривал документы контрактных рабочих: Оверман не входил в список лиц, которые имели право знать о его исчезновении.

По лицу сержанта промелькнуло сердитое выражение — вероятно, он еще раз почувствовал всю несправедливость такого к себе отношения.

— ...и только когда он вошел в контакт со мной (а к тому времени мы зашли в полный тупик и перепроверяли все заново в надежде найти след, который упустили), я идентифицировал исчезнувшего раба как императора Грегора. Столько времени потеряно зря!

— Но я был уверен, что вы свяжетесь с Элен Ботари-Джезек, сэр! Ей было известно все. И вы не могли не знать, что она присягала мне на верность, это есть в моих файлах.

Унгари метнул на него сердитый взгляд, но даже не подумал объясниться по этому поводу. Он продолжал дальше:

— Когда первая волна агентов добралась до Ступицы, мы смогли начать более тщательные поиски...

— Прекрасно! Так, значит, дома знали, что Грегор в Ступице? А я боялся, что Иллиан перебросил все свои силы на Комарру или, хуже того, на Эскобар.

Руки Унгари снова сжались в кулаки.

— Форкосиган, что вы сделали с императором?

— Он невредим, но в большой опасности. — Майлз немного подумал. — То есть я думаю, что сейчас с ним все в порядке, но долго ли это будет длиться...

— Где он, мы знаем. Три дня назад один из наших агентов обнаружил его у «Бродяг Рэндола».

— Должно быть, уже после того, как я их покинул, — прикинул Майлз. — Хотя вряд ли он отыскал бы меня: я сидел на гауптвахте. Ну и что Барраяр намерен предпринять?

— Там собирают спасательную экспедицию, не знаю, насколько крупную.

— А как насчет разрешения Пола?

— Не думаю, чтобы кто-то стал ждать его.

— Мы должны предупредить их, чтобы они не трогали Пол. Если...

— Младший лейтенант Форкосиган, вам лучше чем кому бы то ни было известно, что Верван держит у себя нашего императора!

— Его держит у себя не Верван, а Кавилло, которая командует «Бродягами», — прервал его Майлз. — Это никак не связано с политикой, заговор преследует исключительно личные цели. Я думаю — даже уверен, — что верванское правительство не подозревает о «госте» Кавилло. И еще: нашу экспедицию надо предупредить, чтобы она отложила операцию по освобождению императора до начала цетагандийского вторжения.

— Начала чего?

Майлз запнулся и проговорил далеко не так решительно, как ему хотелось:

— Вы хотите сказать, что не знаете о цетагандийском вторжении? — Он помолчал. — Хотя, если вам ничего не известно, это не значит, что Иллиан этого не вычислил. Даже если вы не обнаружили места их сбора в самой Цетаганде, Имперская безопасность, подсчитав, сколько цетагандийских военных кораблей исчезло с баз, наверняка поймет, что они затевают недоброе. Все-таки странно. Кто-то ведь должен следить за такими вещами, даже невзирая на всю суматоху вокруг Грегора. — Унгари все еще сидел с ошеломленным видом, поэтому Майлз продолжил: — Я думаю, цетагандийцы намерены сначала вторгнуться в локальное пространство Вервана, а потом с помощью Кавилло овладеть

Ступицей Хеджена. И совсем скоро. Поэтому целесообразно перебросить дендарийскую флотилию на другую сторону системы и, вступив с цетагандийцами в бой у верванского п-в-туннеля, удерживать его до подхода нашего флота. Надеюсь, Барраяр пошлет нечто большее, чем дипломатическую миссию... Кстати, картбланш на контракт с наемниками, что дал вам Иллиан, все еще в силе? Он мне понадобится.

— Вы, сэр, — сдавленным голосом начал Унгари, когда вновь обрел способность говорить, — отправитесь не куда-нибудь, а прямиком на нашу конспиративную квартиру на станции Аслунд, где будете сидеть тихо как мышь, пока не прибудет подкрепление Иллиана и не избавит меня от вас.

Майлз вежливо игнорировал эту вспышку эмоций.

— Вы должны были, насколько я понимаю, собрать данные для сообщения Иллиану. У вас есть что-нибудь полезное для меня?

— Да, я располагаю подробным рапортом о станции Аслунд, но...

— У меня это тоже есть. — Майлз раздраженно постучал по аппаратуре Оссера. — Черт возьми! Я предпочел бы, чтобы последние две недели вы провели на верванской станции!

Унгари скрипнул зубами:

— Форкосиган, сейчас вы поднимитесь и пойдете с сержантом Оверманом и со мной. Или я прикажу Оверману отнести вас.

Майлз увидел, что Оверман внимательно рассматривает его, что-то прикидывая.

— Это будет серьезной ошибкой, сэр. Еще серьезнее, чем ваше нежелание вступить в контакт с Элен. Если вы все-таки позволите объяснить вам стратегическую ситуацию...

Рассвирепевший Унгари взорвался:

— Оверман, взять его!

Но когда сержант бросился на него, Майлз нажал клавишу тревоги на пульте и юркнул за кресло. Заши-

пев, открылась дверь; в каюту ворвались Чодак и двое охранников, за ними Элен. Овермана, бегущего за Майлзом вокруг стола, вынесло прямо под огонь парализатора Чодака, и он с глухим звуком грохнулся на пол. Майлз поморщился, а Унгари вскочил на ноги — и оказался под прицелом четырех парализаторов. Майлз не знал, смеяться ему или плакать. Ни то, ни другое, увы, не имело смысла. Когда дыхание успокоилось, он скомандовал:

— Сержант Чодак, отведите этих двоих на гауптвахту «Триумфа». Поместите их... пожалуй, рядом с Метцовым и Оссером.

— Слушаюсь, адмирал.

Унгари уходил в гордом молчании, как и подобает взятому в плен сотруднику Имперской службы безопасности. Он не сопротивлялся, но когда он обернулся к Майлзу, вены на побагровевшей шее пульсировали от ярости.

«А я даже не могу допросить его», — с грустью подумал Майлз. Агент ранга Унгари, несомненно, обладает искусственной аллергической реакцией на психотропные препараты — то есть его ждет не эйфория, а анафилактический шок и смерть. Через минуту двое дендарийцев унесли на носилках потерявшего сознание Овермана.

Когда дверь за ними закрылась, Элен воскликнула:

— Слушай, что ты еще натворил?

Майлз глубоко вздохнул:

— Это мой начальник из Имперской безопасности, капитан Унгари. К несчастью, у него не было настроения выслушать меня.

Глаза Элен расширились.

— Боже мой, Майлз! Метцов — Оссер — Унгари — один за другим! Ты действительно суров со своими командирами. Что ты будешь делать, когда настанет время выпускать их?

Майлз покачал головой:

— Ума не приложу.

* * *

Флот снялся со станции Аслунд через час, сохраняя полнейшее радиомолчание. Аслундцы, разумеется, были в панике. Майлз сидел в радиорубке «Триумфа» и прослушивал их суматошные запросы, решив не вмешиваться в естественный ход событий, если только Аслунд не откроет огонь. Пока Грегор не окажется в его руках, он должен во что бы то ни было демонстрировать Кавилло свою лояльность. Пусть не сомневается, что все идет, как она задумала (или по крайней мере говорила, что задумала).

Собственно говоря, естественный ход событий обещал гораздо больше, чем могли дать планирование и убеждение. Как Майлз понял из суматохи в эфире, у аслундцев было три версии происходящего: наемники ретируются из Ступицы, получив секретное сообщение о предстоящей атаке; наемники собираются присоединиться к врагам Аслунда, и — что хуже всего — наемники неожиданно атаковали вышеупомянутого врага, а возмездие неминуемо обрушится на головы аслундцев. Силы Аслунда были приведены в полную боевую готовность, вызвано подкрепление, мобильные отряды переброшены в Ступицу. В общем, внезапный уход вероломных наемников, оставивших Аслунд без защиты, заставил его ввести в действие резервы.

Когда последний корабль флотилии покинул окрестности Аслунда и направился в открытый космос, Майлз перевел дыхание. Теперь ни один аслундский отряд, посланный вдогонку, не доберется до них, пока флотилия не сбавит скорость возле верванского туннеля. А уж там, с появлением цетагандийцев, не трудно будет убедить аслундцев взять сторону дендарийцев.

Многое, если не все, решало время. Предположим, Кавилло еще не послала приглашение цетагандийцам. Неожиданное передвижение флотилии дендарийцев может вынудить ее отказаться от своего плана. «И это был бы верх удачи», — подумал Майлз. Тогда вторжение цетагандийцев удалось бы остановить без единого выстрела. Идеальный военный маневр, по собственно-

му определению адмирала Эйрела Форкосигана. «Конечно, в лицо мне все равно полетели бы политические тухлые яйца и за спиной стояла бы толпа линчевателей, но отец понял бы меня». И задача сохранить собственную жизнь и освободить Грегора превратилась бы в чисто тактическую, что по контрасту с теперешним нагромождением опасностей казалось до смешного легким и простым. Но вдруг Грегор не захочет, чтоб его освобождали?..

«Что ж, каковы более тонкие ветви стратегического дерева Кавилло, покажет будущее», — устало подумал Майлз. Он кое-как добрался до постели Оссера, повалился на нее и заснул мертвым сном.

Майлза разбудила диспетчер «Триумфа», вызвав его к головиду. Все еще в нижнем белье он дотащился до стола и плюхнулся в кресло.

— Слушаю!

— Вы просили доложить о сообщениях, поступающих с верванской станции, сэр.

— Да, благодарю вас. — Майлз потер лицо руками, стирая последние остатки сна, и взглянул на часы: до цели назначения двенадцать часов лету. — Нет ли признаков повышенной активности на станции Верван или возле точки перехода?

— Пока нет, сэр.

— Хорошо. Продолжайте перехватывать, записывать и следить за всеми необычными перемещениями. Какова в настоящее время временна́я задержка в передаче?

— Тридцать шесть минут, сэр.

— Отлично. Перешлите сообщение сюда.

Зевая, он облокотился на стол Оссера и просмотрел информацию. Верванский офицер высокого ранга требовал объяснения причин передислокации оссерианской — или дендарийской — флотилии. Своей сумбурностью сообщение напоминало аслундские. От Кавилло — ничего. Никаких признаков жизни. Майлз связался с диспетчером.

— Передайте в ответ, что их информация безнадежно испорчена помехами и нештатной работой нашего декодера. Срочно запросите повтор с усилением.

— Слушаюсь, сэр.

В последующие семнадцать минут Майлз с давно забытым наслаждением принял душ, оделся и плотно позавтракал. Он появился в рубке «Триумфа» как раз ко времени поступления очередного сообщения. На сей раз за спиной верванца, скрестив на груди руки, стояла Кавилло. Верванец повторил текст, усилив его в буквальном смысле этого слова — он почти кричал. Кавилло негромко добавила:

— Объясните свои действия немедленно, или мы будем вынуждены рассматривать вас как неприятеля и поступать соответственно.

Это и было тем усилением, которого он ждал. Майлз поудобнее устроился в кресле и, убедившись, что адмиральские знаки различия на его новехонькой форме бросаются в глаза, кивнул диспетчеру:

— Я готов. — Он был теперь воплощением искренности и серьезности.

— Говорит Майлз Нейсмит, командующий флотилией дендарийских наемников. Командующему «Бродягами Рэндола» Кавилло, конфиденциально. Мадам, я выполнил свою миссию, точно следуя вашим указаниям. Напоминаю о награде, обещанной мне в случае успеха. Каковы дальнейшие инструкции?

Диспетчер, вложив запись в декодер, неуверенно произнесла:

— Простите сэр, но если это секретное послание, не лучше ли послать его через верванский армейский канал? Иначе, прежде чем передать, верванцы должны будут обработать его, и оно попадет на глаза многим людям.

— Так и надо, лейтенант, — улыбнулся Майлз. — Передавайте.

— Понятно. А когда они ответят? Что я должна предпринять?

Майлз посмотрел на часы.

— К тому времени мы уже попадем в зону помех от короны и останемся без связи на добрых, скажем, три часа.

— Я могу дать большее усиление и прорваться...

— Нет-нет, лейтенант. Ни в коем случае. Помехи будут просто ужасные. Собственно говоря, если вы сможете растянуть наше молчание на четыре часа, честь вам и хвала. Только постарайтесь, чтобы все выглядело правдоподобно. До тех пор пока мы не войдем в зону, из которой я смогу по направленному лучу переговорить с Кавилло почти без задержки, забудьте, что вы образцовый офицер связи.

— Да, сэр, — улыбнулась диспетчер. — Теперь я понимаю.

— Приступайте. И запомните: как можно больше нерасторопности, некомпетентности и ошибок. Только не забывайте, что имеете дело с профессионалами. Постарайтесь не перегнуть палку.

— Слушаюсь, сэр.

И успокоенный Майлз пошел искать Танга.

Когда диспетчер снова вышла на связь, Майлз с Тангом сидели у дисплея тактического компьютера «Триумфа», проигрывая один за другим всевозможные сценарии захвата туннеля.

— Новости с верванской станции, сэр. Отправление всех коммерческих рейсов отменено. Прибывающим отказано в швартовке в доках. Интенсивность обмена закодированной информацией по военным каналам утроилась. Только что совершили переход четыре больших военных корабля.

— В Ступицу или к Вервану?

— К Вервану, сэр.

Танг наклонился вперед:

— Лейтенант, когда данные окончательно подтвердятся, передайте их на тактический компьютер.

— Слушаюсь, сэр.

— Благодарю вас, — сказал Майлз. — Продолжайте держать нас в курсе дела. И за некодированными

гражданскими сообщениями следите тоже. Я хочу быть в курсе всех слухов.

— Ясно, сэр.

Когда диспетчер переслала новые данные, Танг взглянул на названия четырех военных кораблей.

— Поразительно, — угрюмо сказал он. — Все совпадает с тем, что ты говорил.

— Как ты думаешь, это из-за нас?

— Из-за нас? Эти четыре корабля ни в коем случае не перебросили бы со станции. Только из-за войны. Давайка ты лучше оторви зад от кресла... Я имею в виду — переноси свой флаг на «Ариэль», сынок.

Майлз, нервно покусывая губы, смотрел на экран в боевой рубке «Ариэля». Там красовалось схематическое изображение того, что он шутливо называл (про себя, разумеется) «моя маленькая флотилия». Она состояла из самого «Ариэля» и еще двух кораблей, почти равных ему по скорости. Это и есть его личная ударная группа: быстрая, маневренная, способная к внезапным изменениям курса и требующая для этого гораздо меньше места, чем любая другая. По общему мнению, они слабо вооружены. Но если все пойдет так, как намечал Майлз, о стрельбе можно не думать.

В боевой рубке «Ариэля» были только свои — сам Майлз, Элен в качестве его личного офицера связи и Ард Мэйхью за всех остальных. Самые близкие, учитывая важность будущего разговора с Кавилло. Если дело все-таки дойдет до схватки, он уступит помещение Торну, который сейчас в навигационной рубке. А потом, скорее всего, вернется к себе в каюту и сделает харакири.

— Давай взглянем на верванскую станцию, — предложил Майлз Элен, сидевшей перед коммуникационным пультом. Она коснулась клавиш, и головизорная картина в центре рубки мгновенно изменилась. Схематическое изображение конечной точки их назначения внезапно вскипело белыми линиями и цветными пятнами, изображающими траектории кораблей, силовые экраны, защитные поля и коммуникации. Дендарийцы были сейчас

не более чем в миллионе километров от них, что соответствовало примерно трем световым секундам. Скорость сближения постепенно падала — по мере того как «маленькая флотилия», оторвавшаяся на два часа лета от основного флота дендарийцев, тормозила.

— Теперь они действительно забеспокоились, — вполголоса бросила Элен, приложив руку к наушникам. — И повторяют, чтобы мы связались с ними.

— Но все еще не готовятся к контратаке, — заметил Майлз, внимательно изучавший изображение. — Я рад, что они наконец поняли, откуда исходит опасность. Хорошо. Скажи им, что нам удалось исправить аппаратуру, но передай, что я буду говорить только с Кавилло.

— Они... ага... кажется, они связались с ней. Я поймала направленную передачу на нужном канале.

— Проследи за ним! — Майлз перегнулся через плечо Элен, пока она извлекала информацию из коммуникационной сети.

— Источник передвигается...

Майлз, закрывший глаза в безмолвной молитве, снова открыл их, услышав торжествующий возглас Элен:

— Вот он! Этот маленький корабль.

— Определи его курс и энергетический спектр. Он движется к точке перехода?

— Нет, от нее.

— Ага!

— Корабль скоростной, небольшой — это курьер класса «Сокол», — негромко произнесла Элен. — Если ее цель — Пол и Барраяр, Кавилло должна пересечь наш треугольник.

Майлз шумно выдохнул:

— Ну конечно, конечно! Она ждет, когда можно будет связаться с нами по каналу, который ее верванские боссы не в состоянии прослушать. Я так и думал, что она это сделает. Интересно, что она им наплела? И понимает ли, что назад ей возврата нет? — Он простер руки к черточке, только что появившейся на схеме. — Иди же, любовь моя. Иди ко мне!

Элен сухо взглянула на него:

— Есть связь. Твоя подружка вот-вот появится на третьем мониторе.

Майлз сел в указанное кресло перед головидом, на котором уже мелькали искорки. Пора мобилизовать весь имеющийся у него запас самообладания. Когда точеные черты Кавилло материализовались перед ним, на лице Майлза не было ничего, кроме холодного ироничного интереса. За пределами поля зрения видеокамеры он тем временем вытирал вспотевшие ладони.

Голубые глаза Кавилло светились торжеством, выплеснуться которому мешали плотно сжатые губы и нахмуренные брови: корабли Майлза стояли на пути ее корабля.

— Лорд Форкосиган, что вы здесь делаете?

— Следую вашим указаниям, мадам. Вы приказали, чтобы я возглавил дендарийцев. И ничего не сообщал на Барраяр. Ваше приказание выполнено.

На то, чтобы направленный луч преодолел расстояние от корабля до корабля и вернулся обратно, требовалось шесть секунд. Увы, это давало Кавилло столько же времени на размышления, сколько ему самому.

— Но я не приказывала вам пересекать Ступицу.

Майлз озадаченно нахмурился:

— А где же еще может понадобиться мой флот, как не в центре событий? Только глупец думает иначе.

Пауза Кавилло на этот раз длилась дольше, чем можно было приписать естественным причинам.

— Вы хотите сказать, что не получили послания от Метцова? — спросила она.

«Ну и ну! Какое невероятное переплетение двойных смыслов!»

— А разве вы посылали его в качестве курьера?

Пауза.

— Да.

«Откровенная ложь на откровенную ложь».

— Я его даже не видел. Может быть, он понял, что вы отдали любовь другому, и сейчас заливает свое горе в баре какого-нибудь космопорта? — Как бы увидев воочию эту грустную сцену, Майлз глубоко вздохнул.

Выражение напряженного внимания на лице Кавилло сменилось жгучей злобой.

— Идиот! Я знаю, что он у вас в плену!

— Да, и я все время думаю, почему вы это допустили. Почему не приняли мер предосторожности.

Глаза Кавилло сузились, она решила изменить тактику.

— Я боялась эмоций Станиса — они делали его таким ненадежным — и хотела дать ему шанс реабилитировать себя. Еще одному человеку был дан приказ убрать его, если он попытается разделаться с вами, но когда Метцов промахнулся, этот болван замешкался.

Заменить «если он попытается» на «как только ему удастся», и, вероятно, заявление Кавилло будет правдой. Майлз отдал бы сейчас все на свете за запись беседы Кавилло с этим нерасторопным агентом.

— Вот вам лишний аргумент в пользу того, что вы действительно нуждаетесь в независимых подчиненных. Вроде меня.

Кавилло оскорбленно откинула голову назад.

— Вас? Да я скорее бы легла со змеей, чем взяла бы такого, как вы, к себе на службу.

«Интересный образ», — подумал Майлз.

— И все-таки вам придется привыкать ко мне. Вы хотите войти в мир не известный вам, но прекрасно знакомый мне. Форкосиганы — неотъемлемая часть барраярского общества. Вам может быть полезен такой гид.

Пауза.

— Правильно. Я стараюсь — должна! — доставить вашего императора в безопасное место, а вы загораживаете путь. Уйдите с дороги!

Майлз искоса взглянул на тактический дисплей. Да, все как полагается. «Отлично, иди ко мне».

— Простите, но рассчитывая на меня, вы упустили одну существенную деталь.

Пауза. Лицо Кавилло — как накрашенная маска, только губы шевелятся.

— Позвольте мне точнее обрисовать положение. Император у меня в руках. Целиком и полностью.

— Прекрасно. Дайте мне услышать это от него самого.

Пауза... на этот раз чуть короче.

— Я могу перерезать ему глотку у вас на глазах! Дайте мне пройти!

— Валяйте, — пожал плечами Майлз. — Хотя что будет твориться у вас на палубе!

После очередной паузы она кисло улыбнулась:

— Вы блефуете непрофессионально.

— Я совсем не блефую. Живой Грегор для вас несравненно важнее, чем для меня. Там, куда вы направляетесь, вам без него делать нечего. Он ваш живой билет. Но говорил ли вам кто-нибудь, что в случае смерти Грегора я могу стать следующим императором Барраяра? — Вряд ли сейчас стоит посвящать Кавилло в детали всех шести конкурирующих теорий барраярского наследования.

Лицо Кавилло окаменело.

— Он сказал... у него нет наследников. Вы тоже говорили об этом.

— Нет официального наследника. И только потому, что мой отец отказался стать им. Со знатностью у меня все в порядке. Но игнорируя свою родословную, нельзя от нее отказаться. А я единственный ребенок у отца, который не будет жить вечно. Следовательно... Так что можете сопротивляться моим абордажным отрядам сколько угодно. Угрожайте. Приводите угрозы в исполнение. И дайте мне императорскую власть. Император Майлз Первый. Неплохо звучит, верно? Не хуже, чем императрица Кавилло? Или, — Майлз сознательно замедлил свою речь, — мы будем работать вместе. Форкосиганы всегда знали, что суть важнее, чем название. Мой отец, как вам наверняка доложил Грегор, пользуется своим влиянием и властью, пожалуй, слишком долго. И не вам его сокрушить, хлопая своими ресницами. Женщины его не интересуют. Зато я знаю все его слабости. И все продумал. Это может стать моим самым большим шансом в жизни. Кстати, миледи, не все ли вам равно, за какого императора идти замуж?

Задержка сигнала позволила ему полностью насладиться всей гаммой страстей, пробежавших по лицу Кавилло, когда его правдоподобно звучавшая мерзость попала на благодатную почву. Тревога, отвращение и наконец невольное уважение.

— Кажется, я вас недооценивала. Хорошо... Ваши корабли проводят нас в безопасное место, где мы продолжим наш разговор.

— Я доставлю вас в безопасное место. Это на борту «Ариэля». И здесь мы немедленно продолжим нашу захватывающую беседу.

Кавилло выпрямилась, раздувая ноздри:

— Никогда!

— Хорошо, я согласен на компромисс. Только подчиняться я буду приказам Грегора, одного Грегора. Как я уже говорил, миледи, вам лучше привыкать к этому. Пока вы не упрочите свое положение, ни один барраярец не будет подчиняться вам непосредственно. Если уж вы решили играть в эту игру, начинайте практиковаться. Потом будет труднее. Или — откажитесь от всего. Я готов занять ваше место!

«Старайся выиграть время, Кавилло! Заглатывай наживку!»

— Хорошо. Я приведу Грегора. — Изображение сменилось сероватым свечением, показывающим, что связь сохраняется.

Майлз откинулся на спинку кресла, растирая шею и поводя головой из стороны в сторону, стараясь снять напряжение. Его трясло как в лихорадке. Мэйхью смотрел на него с тревогой.

— Черт возьми, — сказала Элен охрипшим голосом. — Если бы я тебя не знала, то подумала бы, что ты двойник Ури Безумного. Выражение лица... Или мне показалось, или ты действительно сквозь пальцы посмотрел на угрозу уничтожения Грегора, потом предложил наставить ему рога, потом обвинил своего отца в гомосексуализме и сочинил отцеубийственный заговор в союзе с Кавилло... Так что же ты собираешься сделать на бис?

— Это зависит от... Я и сам хотел бы знать. — Майлз с трудом переводил дыхание. — Ну как я выглядел? Убедительно?

— Ты выглядел ужасно.

— Отлично. — Майлз вытер мокрые ладони. — Наш с Кавилло диспут, может статься, предотвратит схватку кораблей... Она ведь жуткая интриганка. Если моя дымовая завеса удалась, и я опутал ее словами, этими «что» да «если», всеми ответвлениями ее дерева стратегий и отвлек ее от единственно важного «сейчас»...

— Сигнал, — предупредила Элен.

Майлз мгновенно выпрямился. В следующий момент в воздухе над пластиной головида появился Грегор. Живой и невредимый. И очень спокойный. Его глаза на мгновение расширились, но только на мгновение. За спиной императора, немного не в фокусе, стояла Кавилло.

— Скажи ему, чего мы с тобой хотим, любимый.

Майлз, сидя, поклонился своему императору, насколько позволяла неудобная поза.

— Сир, позвольте представить вам личную императорскую флотилию дендарийских наемников. Располагайте нами всецело.

Грегор покосился на тактическую схему, аналогичную висящей в рубке «Ариэля».

— Бог мой, ты даже их прихватил с собой. Майлз, ты неподражаем. — Эта вспышка юмора тотчас сменилась сухим повелительным тоном: — Благодарю вас, лорд Форкосиган. Я принимаю эти войска под свою руку.

— Если бы вы соблаговолили прибыть на «Ариэль», сир, то смогли бы лично командовать нами.

Кавилло, наклонившись вперед, вмешалась в разговор:

— Ох, какой же лицемер! Предатель! Разреши мне воспроизвести последнюю часть нашего разговора, Грег. — И Кавилло потянулась куда-то за Грегором, чтобы нажать на соответствующую клавишу, а Майлз таким образом получил возможность увидеть и услышать всю сцену, начиная с разговора об официальном наследнике и кончая предложением себя в качестве альтернативного им-

ператора. Весьма умно выбранный кусок и видно, что не отредактированный.

Задумчиво склонив голову, Грегор прослушал все до конца. Его лицо не изменилось и тогда, когда Майлз произнес свои убийственные заключительные слова.

— Но неужели тебя это удивляет, Кави? — взяв ее за руку, чуточку высокомерно спросил Грегор. Судя по выражению лица Кавилло, кое-что ее действительно удивляло. — В результате мутаций лорд Форкосиган давным-давно свихнулся. Он уже не первый год плетет эту чушь, на которую никто не обращает внимания. Разумеется, я вышвырну его при первой же возможности...

«Спасибо, Грегор. Я запомню эти слова».

— ...но пока лорд понимает, что, способствуя нашим интересам, он тем самым способствует своим, придется терпеть его. Дом Форкосиганов всегда принимал активное участие в барраярских делах — его дед, граф Петер, возвел на трон моего деда, императора Эзара, — и они могут превратиться в могущественных противников. Я предпочитаю править Барраяром при их содействии. Думаю, и ты тоже.

— Но не лучше ли вообще избавиться от них? — Кавилло с ненавистью взглянула на бедного мутанта.

— Время на нашей стороне, любовь моя. Его отец уже старик. Их генеалогическая линия бесплодна. Барраяр, как прекрасно понимает Эйрел Форкосиган — и даже сам Майлз в минуты просветления, — никогда не примет императора-мутанта. Зато во власти Форкосиганов доставить нам массу неприятностей. Интересный баланс сил, не правда ли, лорд Форкосиган?

Майлз низко поклонился:

— Да, сир. Я много думал об этом. — «Очевидно, и ты тоже». Майлз покосился на Элен, которая, представив себе друга детских лет таким, как описал его Грегор, — бормочущим безумные монологи, — сползла с кресла и сидела на полу, уткнувшись в рукав куртки. Ее темные глаза сияли поверх серой ткани рукава: смех высек у нее слезы. Кое-как справившись с приступом

веселья, она снова заняла свое место. «Ард, закрой рот, ради Бога!»

— Так что, Кави, придется смириться с моим «великим визирем». С этого момента я сам буду руководить его кораблями. И любое твое желание, — Грегор поцеловал ладонь женщины, все еще сжимающую его плечо, — будет для меня законом.

— Ты действительно уверен, что это безопасно? Если он такой псих...

— Блестящий... нервный... капризный... неадекватный... Но уверяю тебя: пока он принимает соответствующие препараты, он вполне управляем. Думаю, сейчас, в результате всех наших пертурбаций, ему немного не хватает их.

Временная задержка значительно сократилась.

— Двадцать минут до точки встречи, сэр, — сообщила Элен, войдя в кадр.

— Вам угодно следовать на нашем катере или вы предпочитаете свой, сир? — почтительно произнес Майлз.

Грегор безразлично пожал плечами:

— Выбор за командующим «Бродягами».

— На нашем, — не задумываясь, ответила Кавилло.

— Я жду вас. — «И готовлюсь».

Кавилло отключилась.

ГЛАВА 16

Майлз наблюдал на экране, как первый «бродяга» в боевом скафандре возник в шлюзовом коридоре «Ариэля». За настороженным разведчиком появились еще четверо, сканерами проверявшие пустой коридор, превращенный в камеру посредством опущенных с обеих сторон герметичных переборок. Пусто. Ни вражеских солдат, ни оружия. Озадаченные наемники заняли оборонительную позицию вокруг шлюза.

Затем появился Грегор. Майлз так и знал, что Кавилло не даст императору скафандра. Грегор был в аккуратно отглаженной форме «Бродяг» без знаков различия, и единственной его защитой были ботинки, но даже они не помогут, если один из один из наемников в скафандре наступит ему на ногу. Эти доспехи были чудом военной науки: защищали от парализатора и нейробластера, большинства ядов и биологического оружия; противостояли (до некоторой степени) плазменному огню и радиоактивному излучению; были снабжены встроенным вооружением, системой ориентации и телеметрии. Самое подходящее снаряжение для абордажа. Хотя когда-то Майлз захватил «Ариэль» с горсткой храбрецов, едва вооруженных и без всяких доспехов. Да, тогда ему удалось преподнести несколько сюрпризов...

Кавилло — само собой разумеется, в скафандре, — вошла вслед за Грегором. Шлем она держала под мышкой, и он до отвращения напоминал отрубленную голову. Она осмотрела пустынный коридор и нахмурилась.

— Что за фокусы? — звонко и холодно воскликнула Кавилло.

«Чтобы ответить на твой вопрос...» Майлз нажал на кнопку пульта дистанционного управления, который держал в руках.

Звук приглушенного взрыва отозвался в коридоре, и в следующее мгновение трубу гибкого перехода оторвало от шлюза катера. Из-за резкого падения давления автоматические двери моментально закрылись. Хорошая работа. Перед тем как заложить в захваты катера кумулятивные заряды, техники по приказу Майлза удостоверились, что все сработает на совесть. Он взглянул на экран наружного наблюдения. Боевой катер Кавилло нелепо кувыркался возле борта «Ариэля»: датчики его системы ориентации и ускорители были повреждены взрывом, который отбросил его от корабля. Стало быть, оставшиеся на катере наемники дендарийцам не помеха. По крайней мере до тех пор, пока растерявшийся пилот не восстановит управление. Если сможет это сделать.

— Следи за ним, Бел. Нельзя, чтобы он вернулся, — скомандовал Майлз в переговорное устройство Торну, находящемуся в боевой рубке.

— Если хочешь, я могу уничтожить его.

— Погоди немного. Надо разобраться здесь. — «Да поможет нам Бог».

Кавилло надела свой шлем, и наемники быстро окружили ее. Они были готовы стрелять и обороняться, но стрелять было не в кого. Надо выждать еще немного, достаточное, чтобы уменьшить опасность рефлекторной стрельбы, но при этом не дать им собраться с мыслями...

Майлз взглянул на собственный отряд из шести закованных в боевые скафандры человек и надел свой шлем. Количество людей в таких ситуаяциях не имело значения. Миллионное войско, вооруженное ядерными бомбами, или один парень с дубинкой — какая разница безоружному и беззащитному заложнику? Сведя столкновение к минимуму, с горечью подумал Майлз, он не добился качественного изменения ситуации. Риск неудачи все так же велик. Главным его козырем была плазменная пушка, нацеленная в сторону коридора. Он кивнул Элен, попечению которой было вверено это сверхмощное оружие, не предназначенное для использования в помещениях. Зато пушка могла остановить неприятеля, закованного в космические доспехи. А также пробить корпус корабля. Майлз прикинул, что на такой дистанции, прежде чем дойдет до рукопашной, они смогут вывести из строя лишь одного из пяти людей Кавилло (если те, конечно, будут достаточно проворны).

— Начинаем, — предупредил Майлз по личному каналу. — Помните тренировки. — Он нажал другую кнопку. Переборки, отделяющие его людей от людей Кавилло, начали подниматься. Подниматься неестественно медленно, устрашая странной, а на самом деле тщательно продуманной скоростью, заставляющей цепенеть от страха.

Передача велась по всем каналам и через громкоговоритель в коридоре. Для плана Майлза было абсолютно необходимо, чтобы первое слово осталось за ним.

— Кавилло! — крикнул он. — Дезактивируйте оружие и не двигайтесь, иначе я разнесу Грегора на атомы!

Язык тела более чем красноречив. Просто поразительно, сколько экспрессии могло отразиться на непроницаемой сверкающей поверхности космических доспехов. Маленькая фигурка окаменела, раскинув руки. «Ну, что ты теперь скажешь, дорогая?» Это была рискованная уловка. Майлз знал, что проблема заложника логически неразрешима. Единственное, что ему оставалось, — предоставить ее решение самой Кавилло.

Что ж, по крайней мере одну часть приказа «Бродяги» выполнили — застыли на месте. Но он не мог позволить себе длить это неустойчивое равновесие.

— Бросайте оружие, Кавилло! Одно неосторожное движение превратит вас из невесты императора в пешку. А потом в ничто. Бросайте! Иначе я не отвечаю за себя.

— Ты же сказал, он безопасен! — прошипела Кавилло, повернувшись к Грегору.

— Значит, ему не давали лекарств дольше, чем я предполагал, — озабоченно ответил Грегор. — Нет, подожди... Он блефует. Сейчас я докажу тебе это.

И безоружный Грегор двинулся прямо на плазменную пушку. У Майлза мороз пошел по коже. «Грегор, Грегор, Грегор...»

Грегор не отрываясь смотрел в окошко шлема Элен. Он шел ровно, не убыстряя и не замедляя шаг, и остановился только тогда, когда грудью коснулся заостренного ствола. Момент был убийственный. Майлз до того потерял голову, что только сейчас смог пошевелить рукой и ткнуть пальцем в кнопку на пульте дистанционного управления, которая опускала переборку.

Щит не был приспособлен для медленного закрытия, он упал мгновенно. По другую сторону раздались крики и резкие звуки выстрелов из плазменных ружей. Кавилло закричала на одного из своих людей как раз вовремя: он собрался взорвать мину у стены помещения, в котором они сами находились. Потом наступило молчание.

Майлз отбросил свое плазменное ружье и трясущимися руками отстегнул шлем:

— Боже всемогущий, этого я не ожидал. Грегор, ты гений!

Грегор осторожно поднял руку и отодвинул ствол плазменной пушки в сторону.

— Не беспокойся, — сказал Майлз. — Наше оружие не заряжено. Я не хотел рисковать.

— Я был в этом почти уверен, — пробормотал Грегор. Он посмотрел через плечо на переборку. — А что бы ты делал, если бы я не двинулся с места?

— Продолжал переговоры. Предложил бы кое-какие компромиссы. Потом у меня была еще пара козырей... за дверью напротив стоит команда с настоящим оружием. Если бы Кавилло не клюнула и на это, я бы капитулировал.

— Именно этого я и боялся.

Из-за двери вдруг раздались непонятные глухие удары.

— Элен, разберись с ними, — приказал Майлз. — Если это возможно, возьми Кавилло живой. Но я не хочу, чтобы из-за нее кто-то жертвовал жизнью. Будь крайне осторожна, не верь ни единому ее слову.

— Понятно. — Элен отдала честь и повернулась к своим людям, которые воспользовались моментом, чтобы зарядить оружие. Через встроенную в шлем аппаратуру она принялась совещаться с руководителем группы, расположенной по другую сторону от Кавилло, и с командиром боевого катера «Ариэля», блокирующего шлюз со стороны космоса.

Майлз тем временем вел Грегора по коридору, желая как можно скорее убрать его со сцены — до занавеса еще далеко.

— Пойдем в боевую рубку, я обрисую тебе ситуацию. Тебе придется кое-что решить.

Они вошли в лифт. С каждым шагом, увеличивающим расстояние между Грегором и Кавилло, Майлз чувствовал себя все спокойнее.

— Прежде всего, — начал он, — скажи, Грегор, удалось ли Кавилло затуманить тебе мозги? Это волнует меня

больше всего. Откуда она могла почерпнуть свои бредовые идеи, если не от тебя? Я совершенно растерялся и не понимал, что мне делать, разве только тянуть время, пока не появится возможность передать тебя в более разумные руки на Барраяре. Если бы я дожил до этого. Но ты все-таки раскусил ее. И когда это произошло?

— О, почти сразу, — пожал плечами Грегор. — У нее была такая же голодная улыбка, как у Фордрозы. И у десятка других каннибалов более мелкого пошиба. Теперь я могу учуять властолюбивых льстецов за километр.

— Преклоняюсь перед твоими стратегическими талантами. — Закованной в броню рукой Майлз обозначил поклон. — Знаешь ли ты, что освободил себя сам? Если бы не подвернулся я, она все равно доставила бы тебя домой.

— Невелика хитрость. — Грегор нахмурился: — Все, что от меня требовалось, — это поступиться честью.

Майлз увидел глаза Грегора — безжизненные, невеселые, совсем не торжествующие глаза.

— Но честь отнять невозможно, — неуверенно ответил он. — А если бы она доставила тебя домой? Что бы ты предпринял?

— В зависимости от обстоятельств. — Грегор уставился в пространство. — Если бы Кавилло оказалась виновной в твоей смерти, я, вероятно, казнил бы ее. — Они уже вышли из лифта, и Грегор оглянулся. — Так лучше, как сейчас... А вдруг найдется способ дать ей все-таки шанс...

Майлз опустил глаза.

— На твоем месте я хорошенько бы подумал. Я не прикоснулся бы к ней даже щипцами. Заслуживает ли она человеческого отношения? Понимаешь ли ты, скольких она предала? Погубила?

— Более или менее. Но все же...

— Что все же?

Почти неслышно Грегор произнес:

— Мне так хотелось, чтобы она была настоящей.

* * *

— ...такова на текущий момент ситуация в Ступице и локальном пространстве Вервана, исходя, конечно, из имеющейся у меня информации, — завершил Майлз свой рассказ. Они заняли конференц-зал «Ариэля», Ард Мэйхью стоял на посту в коридоре. Майлз начал свое краткое изложение сразу после того, как Элен сообщила, что вторгшиеся на борт надежно изолированы. Он лишь стащил с себя нелепую космическую броню и переоделся в серую дендарийскую форму. Скафандр был спешно одолжен у той же женщины, которая перед этим дала ему свою одежду, и, естественно, в системе удаления отходов жизнедеятельности имелись некоторые отличия.

Майлз остановил картинку на дисплее головида. Если бы еще остановить время и развитие событий, одним нажатием на клавишу избавиться от этой ужасной гонки!

— Ты, конечно, заметил, что самые большие дыры в нашей информации — это отсутствие точных сведений о цетагандийских силах. Надеюсь, верванцы, если удастся убедить их, что мы не враги, а союзники, смогут заполнить некоторые пустоты, другие лакуны заполнят «Бродяги», так или иначе. Теперь, сир, о вас. Я хоть сейчас могу взять у дендарийцев «Ариэль» и увезти тебя домой, не слишком потеряв от того, что буду избавлен от этой мясорубки — битвы за туннель. Там главное будет не скорость, а плотность огня и качество защиты. Нет никакого сомнения, что именно к такому решению пришли бы мой отец и Иллиан.

— Нет! — Грегор встрепенулся. — Ведь их здесь нет.

— Да. Их здесь нет. Тогда в качестве альтернативы, не хочешь ли ты принять на себя командование? Всю полноту командования? Не только номинально, но и на деле?

Грегор мягко улыбнулся:

— Какой соблазн. Но не чувствуется ли в этом некоторое... высокомерие? Принять командование, не зная, что такое повиноваться?

Майлз слегка покраснел:

— Я... стою перед такой же дилеммой. Ты встречался с нею. Ее зовут Ки Танг. Мы все обсудим с ним, когда вернемся на «Триумф». — Майлз помолчал. — Есть еще кое-что, что ты можешь для нас сделать. Если захочешь. И это была бы самая что ни на есть реальная помощь.

Грегор потер подбородок с таким видом, словно смотрел захватывающий спектакль.

— Выкладывайте, лорд Форкосиган.

— Придай дендарийцам законный статус! Представь их верванцам как барраярскую группу захвата. Я только блефую. Но каждое твое слово освящено законом. Ты можешь заключить законный оборонительный пакт между Барраяром и Верваном — с Аслундом, кстати, тоже, если только мы сумеем с ним договориться. Больше всего пользы, уж извини, ты принесешь в качестве дипломата, а не военного. Отправляйся на верванскую станцию и договорись с этими людьми. Но только наверняка.

— В безопасности, за линией фронта, — сухо продолжил Грегор.

— Если мы выиграем на нашем конце туннеля. В противном случае линия фронта сама подойдет к тебе.

— Хотелось бы мне стать заурядным служакой. Каким-нибудь младшим лейтенантом, на попечении которого горстка людей...

— Уверяю тебя, в моральном плане нет никакой разницы между единицей и десятью тысячами. Не важно, сколько человек погибло из-за тебя, — все равно ты проклят и заклеймен.

— Я хочу участвовать в битве. Возможно, это единственный в моей жизни шанс.

— А риска погибнуть от руки какого-нибудь маньяка, которому ты подвергаешься каждый день, тебе недостаточно? Тебе нужен больший?

— Да. Мне нужен настоящий риск. Активный. А не пассивный. Настоящая служба.

— Ну знаешь, если ты уверен, что наилучшим образом помочь тем, кто рискует жизнью, можно лишь в

качестве младшего лейтенанта, я, разумеется, окажу тебе в этом содействие, — холодно заметил Майлз.

— Постой... — пробормотал Грегор. — Ты можешь повернуть фразу, как нож в ране. — Он помолчал. — Переговоры, да?

— Если вы будете столь добры, сир.

— А, перестань, — вздохнул Грегор. — Я сыграю свою роль. Как всегда.

— Благодарю вас. — Майлзу хотелось утешить Грегора, но он вовремя одумался. — Другая темная лошадка — «Бродяги Рэндола». Они сейчас в полном замешательстве. Заместитель командующего исчез, Кавилло дезертировала в самом начале акции. Кстати, как получилось, что верванцы дали ей уйти?

— Она сказала им, что должна посовещаться с тобой, намекая, будто собирается присоединить дендарийцев к «Бродягам». После чего ринется в бой.

— Ага. Похоже, Кавилло сама подготовила для нас плацдарм... А она отрицает сотрудничество с цетагандийцами?

— Мне кажется, верванцы так и не поняли, что именно «Бродяги» в ее лице открыли дверь цетагандийцам. Когда мы покидали верванскую станцию, они приписывали неудачную оборону другой стороны туннеля чьей-то халатности.

— Вероятно, имели на то основания. Не думаю, что о предательстве знали многие. Иначе тайна недолго осталась бы тайной. А немногие посвященные, те, что имели дело с цетагандийцами, когда Кавилло устремилась к своей имперской цели, прикусили язык. Ты понимаешь, Грегор, что это сделал ты? Что именно ты, своими собственными руками сорвал вторжение цетагандийцев?

— Сдается мне, — вздохнул Грегор, — что здесь понадобились две пары рук.

Майлз решил сменить тему.

— Как бы то ни было, мы с тобой должны нейтрализовать «Бродяг». Взять их под контроль или по край-

ней мере сделать так, чтобы они не маячили у нас за спиной.

— Согласен.

— Я предлагаю сыграть в хорошего и плохого парня. Буду счастлив взять роль плохого.

Кавилло на силовых носилках доставили двое мужчин. На ней все еще были космические доспехи, только в шрамах и вмятинах. Оружие с брони сняли, системы связи отключили, а шарнирные сочленения зафиксировали, что превратило доспехи в стокилограммовую тюрьму, тесную, как саркофаг. Двое дендарийцев прислонили ее к стенке у конца стола и отошли в сторону. Кавилло напоминала статую с живой головой — результат метаморфозы, подобной пигмалионовской, но прерванной и потому ужасающе неполной.

— Благодарю вас, господа, все свободны, — сказал Майлз. — Командор Ботари-Джезек, останьтесь, пожалуйста.

Кавилло молча крутила своей белокурой головой — жест бесполезного сопротивления, единственная оставшаяся у нее степень свободы. Когда солдаты вышли, она остановила полный ненависти взгляд на Грегоре.

— Дрянь, — прорычала она. — Подонок.

Грегор сидел за столом, подперев голову обеими руками. Он посмотрел на пленницу и устало произнес:

— Госпожа командующая, мои родители — оба — погибли насильственной смертью, когда мне не было и шести. Это вам, вероятно, известно. Неужели вы думали, что имеете дело с дилетантом?

— Вы с самого начала попали не на тот уровень, Кавилло, — медленно начал Майлз, обходя ее кругом, словно осматривая выигрыш. Она покорно поворачивала голову следом, чтобы не терять его из виду. — Вам следовало придерживаться первоначального контракта. Или вашего второго плана. Или третьего. Собственно говоря, вам надо было держаться чего-то одного. Чего бы то ни было. Но ваш безграничный эгоизм превращает вас в несомую ветром ветошь, не нужную никому.

Теперь Грегор — хоть я и против — хочет дать вам шанс спасти вашу никчемную жизнь.

— Вы не посмеете выбросить меня из шлюза! — От бешенства ее глаза превратились в ледяные щелки.

— А я и не собираюсь. — Поскольку от напряжения у Кавилло явно шли мурашки, Майлз обошел вокруг нее еще раз. — Нет. Я думаю о будущем. Когда все это кончится, я намерен передать вас цетагандийцам. Приманка для переговоров, которая нам не будет стоить ничего, зато их приведет в восторг. Мне кажется, они захотят с вами встретиться. — Он внезапно остановился перед ней и улыбнулся.

Лицо Кавилло напряглось. На стройной шее выступили сухожилия. Но она промолчала.

Заговорил Грегор.

— Но если вы сделаете то, о чем мы вас попросим, я гарантирую вам беспрепятственный выезд из Ступицы Хеджена через Барраяр. Вместе с остатками ваших людей, если они захотят к вам присоединиться. Это даст вам двухмесячную фору, перед тем как цетагандийцы начнут мстить за поражение.

— Собственно говоря, — продолжал Майлз, — если вы хорошенько сыграете свою роль, вы можете даже показаться героиней! Какая ирония!

Сердитый взгляд Грегора был не совсем притворным.

— Я до тебя еще доберусь, — хрипло выдохнула Кавилло.

— Это лучшая из сделок, которую вы можете сегодня заключить. Жизнь. Трофеи. Новая жизнь далеко отсюда — очень далеко. Саймон Иллиан позаботится об этом. Далеко, но на свободе.

Обезображенное бешенством лицо Кавилло приняло осмысленное выражение.

— Чего вы от меня хотите?

— Сущие пустяки. Вы должны передать командование офицеру, которого мы вам укажем. Возможно, верванскому посреднику — в конце концов, они за вас платят. Затем вы представите своего заместителя вашим

офицерам и на время битвы удалитесь в безопасное место — на гауптвахту «Триумфа».

— Когда все закончится, в живых не останется ни одного наемника!

— Такая возможность существует, — согласился Майлз. — Но заметьте, ведь вы собирались бросить их всех.

Кавилло посмотрела на Майлза так, будто хотела плюнуть ему в глаза, но ограничилась коротким:

— Вы получите то, чего хотите.

— Благодарю вас.

— Но ты... — Ее глаза были похожи на ярко-голубые льдинки, голос звучал низко и злобно, — ты достукаешься, коротышка. Сегодня ты на коне, но время сбросит тебя вниз. Я сказала бы тебе: «Подожди лет двадцать» — но сомневаюсь, что ты проживешь так долго. Твоя бездарная верность не даст тебе ничего: в один прекрасный день тебя просто разжуют и выплюнут. Жаль, я не увижу этого. Не полюбуюсь на то, что от тебя останется!

Майлз позвал солдат:

— Унесите ее. — Это прозвучало почти как просьба. Когда за пленницей и ее носильщиками закрылась дверь, он обернулся и встретил взгляд Элен, значения которого понять не мог.

— Бог мой, Элен, меня просто в дрожь от нее бросает!

— Да? — заметил Грегор, сидевший в той же позе. — А вы с нею, похоже, думаете одинаково.

— Грегор! — протестующе воскликнул Майлз. — Элен?! — Он надеялся, что хоть она защитит его от столь чудовищного сравнения.

— Как тебе сказать? Вы оба такие изощренные, — Элен с трудом подбирала слова. — И низкорослые. — Заметив сжатые губы Майлза и его потемневший от боли взгляд, она пояснила: — Ты не понял. Это скорее вопрос формы, чем содержания. Если бы ты был помешан на власти вместо, вместо...

— Вместо другой мании. Да, продолжай, пожалуйста.

— ...ты мог бы составить подобный план. Мне кажется, ты испытываешь удовольствие от того, что вычислил Кавилло.

— Ну спасибо. — Майлз сгорбился, как старик. Неужели правда? Неужели он таков? Зараженный цинизмом, получающий удовольствие лишь от манипулирования людьми — бронированные доспехи на злобной, насмерть раненной твари?

— Возвращаемся на «Триумф», — сухо сказал он. — У нас много дел.

Майлз нетерпеливо мерил шагами каюту адмирала Оссера. Грегор полусидел на краю стола и наблюдал, как он мечется.

— ...естественно, верванцы будут подозревать нас, но дышащие им в затылок цетагандийцы прибавят им желания поверить. И не только поверить — иметь с нами дело. Только ни в коем случае не уступай больше, чем будет вызвано необходимостью...

Грегор тихо заметил:

— Может, ты отправишься со мной в качестве суфлера?

Смущенный Майлз остановился и закашлялся:

— Извини. Я знаю, ты профессионал в переговорных делах. Просто... когда я нервничаю, начинаю болтать бог весть что.

— Пустяки.

Пока не прозвенел сигнал, Майлз старался держать язык за зубами, хотя метаться не перестал.

— Вы приказывали привести пленных, сэр, — раздался наконец голос Чодака.

— Благодарю вас, войдите. — Майлз наклонился над столом и нажал клавишу.

Чодак и конвой ввели в каюту капитана Унгари и сержанта Овермана. С ними обращались скорее как с почетными гостями, чем с пленными, — оба были умыты, выбриты и причесаны. Оба — в свежевыглаженной форме дендарийцев с соответствующими ран-

гу каждого нашивками. Несмотря на это, оба глядели исподлобья.

— Благодарю вас, сержант, вы и ваши люди свободны.

— Свободны? — Поднятые брови Чодака показывали, что он сомневается в разумности приказа. — Вы уверены в этом? Вы не хотите, чтобы мы заняли пост хотя бы в коридоре, сэр? Вспомните прошлый раз.

— Прошлый раз не повторится.

Судя по взгляду Унгари, такое заявление было преждевременным. Растерявшийся Чодак удалился, до последнего момента держа пленников под прицелом.

Оставшись наедине с Майлзом (Оверман не в счет), Унгари набрал в грудь воздуха и начал:

— Форкосиган! Я отдам вас под трибунал, где с вас сдерут вашу уродливую шкуру, выдубят и набьют чучело, чтобы...

Он не замечал Грегора, молча следившего за происходящим, Грегора, одетого в точно такую же форму, как и они с Оверманом, только без знаков различия — за неимением подходящих его сану.

— Но, сэр... — И Майлз смущенно кивнул в сторону императора Барраяра.

— Ваши чувства разделяют столь многие, капитан, что, боюсь, вам придется встать в очередь и подождать, пока настанет ваш черед, — едва улыбнувшись, заметил Грегор.

Оставшийся запас воздуха Унгари выпустил без слов. Пока он собирался с мыслями, лицо его, меняясь на глазах, неизменно отражало одно — крайнее облегчение.

— Сир...

— Приношу вам свои извинения, капитан, — сказал Майлз, — за столь вольное обращение с вами и сержантом Оверманом, но я рассудил, что мой план освобождения императора слишком своеобразен, чтобы доверить его вам, и решил взять всю ответственность на себя. — «Вам действительно повезло, что вы этого не видели. А мне — что никто не толкал меня под локоть».

— Младшие лейтенанты не несут персональной ответственности за операции такого масштаба. Ее несут командиры, — сдерживаясь, произнес Унгари. — Это первое, на что указал бы мне Саймон Иллиан, если бы ваш план — каким бы гениальным он ни был — провалился...

— Ну что ж, сэр, примите мои поздравления. Вы только что освободили императора, — Майлз был сама сдержанность, — который, будучи вашим главнокомандующим, намерен дать вам несколько распоряжений — если, конечно, вы позволите ему вставить хоть слово.

Унгари стиснул зубы. С видимым усилием он перенес свое внимание с Майлза на Грегора:

— Сир?

Грегор не заставил себя ждать:

— Поскольку вы являетесь единственными сотрудниками Имперской безопасности, доступными в радиусе пары миллионов километров, исключая младшего лейтенанта Форкосигана, у которого своих дел по горло, я закрепляю вас за своей персоной. Среди прочих от вас могут потребоваться услуги курьеров. Перед тем как мы покинем «Триумф», поделитесь, пожалуйста, всей информацией, которой вы располагаете, с оперативным штабом дендарийцев. Это подразделение — частица моих имперских... э-э... сил. Рассматривайте вашу одежду, — Унгари взглянул на нее с отвращением, — как свою военную форму. Вы еще оденетесь в зеленые мундиры Барраяра — когда я надену свой.

В разговор вступил Майлз.

— К личным услугам императора — легкий крейсер «Ариэль» и самый быстрый из двух курьерских катеров, с которыми вы отправитесь на станцию Верван. Для исполнения курьерских обязанностей предлагаю вам забрать катер и оставить «Ариэль» императору. Его капитан Бел Торн — один из самых преданных мне людей.

— Все еще думаешь о моем бегстве, а, Майлз? — усмехнулся Грегор.

Майлз, не отвлекаясь, продолжал:

— Если дело окончится неудачей, кто-то должен остаться в живых и отомстить за нас. Не говоря уж о том, что оставшимся в живых дендарийцам необходимо будет заплатить. Этот факт, надеюсь, не подлежит обсуждению?

— Конечно, — согласился Грегор.

— Я также хочу, чтобы вы взяли с собой мой личный отчет о состоянии дел и передали его Саймону Иллиану, — продолжил Майлз, — на случай если... если вы увидите его прежде меня. — И Майлз передал Унгари диск с данными.

Унгари выглядел несколько ошеломленным.

— Станция Верван? Но ваша безопасность требует, чтобы вы отправились на Пол-6, сир.

— Мой долг призывает меня на станцию Верван, капитан, а стало быть, и вас. Пойдемте, я все объясню по дороге.

— И Форкосиган останется на свободе? — Унгари хмуро посмотрел на Майлза. — Среди всех этих наемников? Меня глубоко тревожит это обстоятельство, сир.

— Извините, — Майлз в свою очередь взглянул на Унгари, — но вопрос, как мне спланировать это сражение и остаться в тени, в чем разница между мной и... бывшим командиром «Бродяг Рэндола», тревожит меня не меньше. Должна же быть между нами какая-нибудь разница — может быть она в этом? Гре... Император меня понимает.

— Пожалуй, — отозвался Грегор. — Капитан Унгари, я официально назначаю младшего лейтенанта Форкосигана нашим представителем во флотилии дендарийцев. Беру на себя всю ответственность за это назначение. Вероятно, это удовлетворит вас.

— Это должно удовлетворить не только меня, сир.

Грегор немного помедлил и произнес чуточку высокомерно:

— Этого требуют высшие интересы Барраяра. Достаточный аргумент даже для Саймона. Пойдемте, капитан.

— Сержант Оверман, — добавил Майлз, — отныне вы становитесь личным телохранителем императора и его ординарцем.

Оверман, однако, не слишком обрадовался.

— Сэр, — испуганно прошептал он Майлзу, — я же не кончал высшие курсы!

Он имел в виду организованные и руководимые лично Иллианом курсы дворцовой охраны.

— Поверьте, сержант, у нас здесь у всех одинаковые проблемы, — пробормотал в ответ Майлз. — Делайте все, на что вы способны.

В боевой рубке «Триумфа» жизнь била ключом. Все кресла были заняты, на каждом головиде светились огни и линии, представляющие корабли и их перемещения. Майлз стоял возле Танга и ощущал себя лишним вдвойне. Он вспомнил шутку, ходившую в академии. Правило первое: вмешивайся в работу тактического компьютера только тогда, когда знаешь что-то, чего не знает он. Правило второе: тактический компьютер всегда знает больше тебя.

Так это и есть битва? Полутемное помещение, мелькание огней, мягкие кресла? Но даже сейчас сердце у него в груди колотилось. Поток информации, обрабатываемый в этой рубке, мог перегрузить и полностью отключить мозг, если, конечно, позволить этому случиться. Мастерство заключалось в том, чтобы отсеивать самое важное и притом не забывать, что картинка — еще не реальность.

В его задачу, напомнил себе Майлз, не входит командование. Он должен наблюдать за тем, как командует Танг, и учиться его тактическому мастерству, столь отличному от барраярских стандартов. Единственной причиной для его вмешательства могла послужить только неожиданность. То есть ситуация, в которой политическая или стратегическая необходимость возобладали бы над внутренней тактической логикой битвы. Майлз молил Бога, чтобы этого не произошло, потому что

более коротким и отвратительным названием подобного вмешательства было просто «предательство».

Внимание Майлза привлек маленький корабль-разведчик, материализовавшийся в апертуре п-в-туннеля. На дисплее тактического компьютера он представлял собой розовую искорку на фоне медленно закручивающегося водоворота тьмы. Телеэкран показывал небольшой удлиненный корабль на фоне неподвижных звезд. С точки зрения сидящего в нем опутанного проводами пилота он был неким необычным продолжением его тела. А еще на одном дисплее он казался просто сгустком телеметрической информации, нумерологией во плоти, некой платоновской идеей. Что есть истина? Все. Ничего.

— Акула-Один вызывает Флот-Один, — раздался голос пилота. — У вас еще десять минут. Приготовьтесь к приему по направленному лучу.

Танг отдал приказ.

— Флотилия начинает переход, строго по очереди.

Первый дендарийский корабль, ожидавший возле точки перехода, заняв нужную позицию, ярко вспыхнул на тактическом дисплее (хотя его изображение на телеэкране не изменилось) — и исчез. Через тридцать секунд (интервал, выдерживаемый по соображениям безопасности) за ним последовал второй корабль.

Когда телеметрическая информация «Акулы» поступила по направленному лучу в тактический компьютер, картинка повернулась так, что темный водоворот, представляющий (а не показывающий) точку перехода, внезапно сменился водоворотом точки выхода из п-в-туннеля. Скопление точек, пятен и линий, возникшее следом, значило очень многое. Это были, во-первых, корабли, сражающиеся, маневрирующие, горящие и бегущие; во-вторых, неподвижно висящая в пространстве военная станция верванцев, точная копия внешней станции, на которой Майлз распрощался с Грегором; затем, в-третьих, атакующие цетагандийские корабли и, наконец, их цель. Правда, картинка была десятиминутной давности.

— Да, — прокомментировал Танг. — Ну и месиво. Только нас там не хватало...

Прозвучал сигнал готовности к переходу. Настала очередь «Триумфа». Майлз вцепился в спинку кресла Танга, хотя и знал, что ощущение движения было иллюзорным. Мозг, казалось, заполнился туманным водоворотом образов: на мгновение, на час — понять невозможно. Какое-то движение в желудке и подступившая волна тошноты точно так же были чистой иллюзией. Это и есть момент перехода. В рубке на мгновение повисло молчание, все старались преодолеть странное чувство потери ориентации. Затем гул голосов возобновился как ни в чем не бывало. «Добро пожаловать на Верван. Приветствуем вас в аду».

Картинка на тактическом дисплее закрутилась и передвинулась, отображая новые данные, новый миниатюрный микрокосм. Точка перехода, у которой они сейчас находились, была защищена осажденной станцией и редкой цепочкой кораблей верванского флота (а также «Бродяг Рэндола»). Цетагандийцы, уже атаковавшие, были отбиты и сейчас сгрудились вне огневой дистанции, ожидая подкреплений для следующего удара. Их дополнительные силы подтягивались с другой стороны системы — от другого п-в-туннеля.

Эта точка, единственно возможная дорога для атакующих, была захвачена на удивление быстро. Хотя первый удар цетагандийцев был для верванцев полной неожиданностью, они смогли бы остановить агрессора, если бы не три корабля «Бродяг», которые, вместо того чтобы контратаковать, вдруг отошли — видимо, неверно истолковав приказ. Цетагандийцы, уже захватившие плацдарм, начали просачиваться в систему.

Вторая точка перехода, у которой находился Майлз, была бы защищена гораздо лучше, если бы запаниковавшие верванцы не оттянули все резервы на оборону своей планеты. Едва ли их можно было за это винить — выбор перед ними стоял тяжелый. Зато теперь цетагандийцы перемещались по системе практически беспрепятственно, обходя стороной защищенную планету и

готовясь прорваться через п-в-туннель в Ступицу. Существовало несколько способов захвата туннелей.

Первым было использование подкупа, различных ухищрений и замаскированная инфильтрация, то есть обман. Вторым, тоже предполагавшим обман, был метод охвата, когда в локальное пространство противника кружным путем (если он, конечно, существовал) посылалась военная экспедиция. Третий способ предполагал атаку с использованием корабля-смертника, разворачивающего «солнечную стену» — плотный рой ядерных ракет, взаимодействующих как единое целое и создающих плоскую волну, выметающую из окружающего пространства все, включая порой и сам атакующий корабль. Но «солнечные стены», безумно дорогие, быстро рассеивались, к тому же эффект их был ограничен. Цетагандийцы попытались объединить все три метода, о чем свидетельствовали разбросанные там и сям корабли «Бродяг» и радиоактивный туман, висящий над местом первой атаки.

Существовал и четвертый способ осуществления лобовой атаки защищаемого п-в-туннеля — расстрел офицера, предложившего ее. Майлз надеялся, что цетагандийцы еще займутся этим вопросом.

Время шло. Майлз уселся в кресло, пристегнулся ремнями и изучал центральный дисплей до тех пор, пока не впал в какое-то гипнотическое состояние и глаза у него не заслезились. Тогда он поднялся, встряхнулся и прошелся по рубке.

Цетагандийцы маневрировали. Абсолютно неожиданное появление дендарийской флотилии привело их в замешательство. Вместо запланированной завершающей атаки на потрепанного противника приходилось начинать еще один раунд изматывающих маневров. Это было так некстати и так накладно. Цетагандийцы уже не могли маскироваться. Их корабли, их маршрут — все было на виду, чего никак не скажешь о дендарийцах. У них могли быть скрытые резервы (И кто знает, какие? Во всяком случае, не Майлз.) на другом конце п-в-туннеля. И бог знает где еще. На мгновение у Майлза затеп-

лилась надежда, что уже одна эта угроза может заставить цетагандийцев прекратить атаку.

— Нет, — вздохнул Танг, когда Майлз поделился с ним этой оптимистической мыслью. — Они зашли слишком далеко. Список жертв с их стороны достаточно длинен, чтобы они могли уверить себя, что просто подурачились. Командир, который решится сейчас отступать, попадет под трибунал. Они станут продолжать атаку даже тогда, когда в этом не будет никакого смысла. Командование всегда пытается скрыть раны под знаменем победы.

— Это... отвратительно.

— Такова система, сынок, и не только цетагандийская. Один из дефектов, изначально присущих ей. И кроме того, — Танг вдруг улыбнулся, — не так все безнадежно, как кажется.

Цетагандийцы снова пришли в движение. Траектории показывали, что готовится сосредоточенный удар. Секрет здесь был в том, чтобы создать локальную концентрацию сил, напасть тремя-четырьмя кораблями на один вражеский и перекрыть оборонительные возможности его плазменных зеркал. Дендарийцы и верванцы ответят тем же, за исключением нескольких отчаянных капитанов, вооруженных новыми гравидеструкторами. С риском превратиться в поджаренных цыплят, они попытаются подобраться к противнику на достаточно близкое расстояние. Майлз старался хоть одним глазом следить за кораблями «Бродяг». Не на каждом присутствовали верванские военные советники, так что спокойнее не терять их из вида.

Тихое бормотание людей и компьютеров едва ли изменило свой темп. Как странно. Пляска смерти должна бы сопровождаться громом барабанов и завыванием волынок. Но действительность, вторгшаяся за этот занавес мнимого спокойствия, означала бы мгновенный и верный конец.

Тишину вдруг нарушил сигнал внутренней корабельной связи — оказывается, их все еще окружает реаль-

ность. И корабль со всеми компьютерами материален. Задыхающийся от волнения офицер сообщил Тангу:

— Говорит гауптвахта, сэр. Будьте осторожнее: случился побег. Исчез адмирал Оссер, выпустивший остальных заключенных.

— Черт побери, — пробормотал Танг, мельком взглянул на Майлза и указал на пульт: — Займись этим. Потряси Осона. — Он снова повернулся к тактическому дисплею, бормоча про себя: — При мне такие штучки не прошли бы.

Майлз немедленно связался с капитанской рубкой «Триумфа».

— Осон! Слышали об Оссере?

Появилось обеспокоенное лицо Осона.

— Да, мы занимаемся этим.

— Поставьте усиленную охрану у боевой рубки, машинного отеделения и возле себя. Не хватало только, чтобы нам помешали именно сейчас.

— Еще бы. Мы видим, как приближаются эти ублюдки. — И Осон отключился.

Майлз начал проверять все внутренние каналы связи, удостоверившись сначала, что в их коридоре установлен вооруженный пост. Оссеру, несомненно, помогли бежать преданные ему офицеры (или офицер). И это заставило Майлза усомниться в безопасности самой службы безопасности. Попытается ли Оссер скооперироваться с Метцовым и Кавилло? Пару посаженных за мелкие проступки дендарийцев обнаружили бродящими по коридорам и водворили обратно на гауптвахту. Некоторые вернулись сами. Один — подозреваемый в шпионаже — был найден прячущимся на складе. Но никаких следов самых опасных...

— Вот он!

Майлз поспешно переключился на нужный канал. От одного из стыковочных узлов «Триумфа» отделился грузовой катер, и в ту же секунду Майлз связался с боевой рубкой.

— Не открывайте, повторяю, ни в коем случае не открывайте огонь по этому катеру!

— Слушаюсь, сэр, — с готовностью ответила рубка. — Есть не открывать огонь!

Откуда у Майлза возникло подсознательное ощущение, что техники и не собирались стрелять? Да, бегство Оссера, несомненно, было спланировано. И хорошо спланировано. Кажется, ко всему прочему им предстоит охота за ведьмами.

— Свяжите меня с этим катером! — потребовал Майлз у офицера связи. — «И, разумеется, поставьте охрану в стыковочных коридорах... Слишком поздно».

— Я пытаюсь, сэр, но там не отвечают.

— Сколько людей у них на борту?

— Неизвестно...

— И все-таки свяжите меня с ними. Даже если они не отвечают, слышать-то должны.

— Я нахожусь на этом канале, сэр, но не знаю, слышат ли меня.

— Я попытаюсь. — Майлз набрал в грудь воздуха: — Адмирал Оссер! Разверните катер и возвращайтесь. Вы направляетесь прямо в зону огня. Я лично гарантирую вашу безопасность в случае возвращения.

Танг заглянул через плечо Майлза.

— Он пытается добраться до «Перегрина». Черт побери, если этот корабль покинет строй, вся линия обороны рухнет.

Майлз обернулся к тактическому компьютеру.

— Думаю, нет. Мы ведь поместили его в резерв. «Перегрин» никогда не казался нам стопроцентно надежным.

— Да, но если «Перегрин» покинет строй, по меньшей мере три других капитана сделают то же самое. А без четырех кораблей...

— ...«Бродяги» побегут, не обращая внимания на своих верванских командиров, и нас здесь поджарят. — Майлз опять взглянул на тактический компьютер. — Но я не думаю, чтобы ему это удалось... Адмирал Оссер! Вы меня слышите?

— Черт! — Танг отвернулся, вновь сосредоточив все внимание на цетагандийцах. Четыре цетагандийских корабля сгруппировались тем временем у края оборо-

нительных построений дендарийцев, остальные пытались проникнуть в середину, явно намереваясь подойти на дистанцию эффективного поражения. И когда грузовой катер, только что отчаливший от «Триумфа», попал в поле их зрения, последовал залп. Во все стороны полетели искры. И погасли.

— Когда Оссер отчалил, он не знал, что цетагандийцы собираются атаковать нас, — прошептал Майлз. — План его был хорош, но не ко времени... Правда, он мог вернуться, но решил рискнуть... Оссер ли виноват в своей смерти? Может быть, думать так просто удобнее?

Завершив очередную атаку, цетагандийцы отошли. Но счет едва ли был в пользу дендарийцев, хотя несколько цетагандийских кораблей получили повреждения, а один был уничтожен. Каналы связи, передающие сообщения о потерях в рядах дендарийцев и «Бродяг», были перегружены. К счастью, дендарийцы не потеряли пока ни одного корабля, зато потери в огневой мощи, технике, системах связи, жизнеобеспечения и защитных силовых экранах могли привести в отчаяние. А следующая атака грозила еще большими неприятностями.

«Они могут себе позволить разменять три своих корабля на один наш. И если будут продолжать в том же духе, то неминуемо выиграют, — хладнокровно отметил Майлз. — Если мы не получим подкрепления».

На переформирование цетагандийцам понадобился не один час. Майлз несколько раз уходил в специально оборудованную для отдыха кают-компанию, но был слишком возбужден, чтобы последовать примеру Танга. Тот уже пару раз прикладывался к подушке — на четверть часика. Старый вояка не просто демонстрировал свое хладнокровие: заслышав его жуткий храп, можно было повредиться в рассудке.

Тем временем на экране откуда-то с другой стороны системы подтягивались цетагандийские подкрепления. Игра была рискованной, и главным козырем в ней было время. Чем дольше тянули цетагандийцы, тем совершеннее становилось их построение, но и у противника появлялись шансы восстановить силы. Наверное,

где-то на борту флагманского корабля цетагандийцев тактический компьютер сейчас вычерчивал кривые с отмеченными оптимумами за «нас» и за «них». Если бы эти чертовы верванцы слаженнее атаковали со своей базы подтягивающиеся подкрепления...

И снова все вернулось на круги своя. Танг углубился в экраны. Его мощные руки бешено мелькали над клавиатурой, когда он, отдавая приказы, тут же корректировал их, предугадывая события, а в короткие мгновения отдыха лежали на коленях, сжимаясь и разжимаясь. Пальцы Майлза подергивались в том же ритме, он старался проникнуть в мысли Танга, запомнить все что можно. Окружающая их реальность воспринималась обоими разрывно, с провалами, как поток данных, то и дело искажаемый поврежденными датчиками. Вот цетагандийцы прорвались сквозь дендарийский заслон, ведя массированный огонь... Взорвался корабль «Бродяг». Еще один, будучи не в состоянии вести огонь, пытался выйти из-под обстрела; три корабля начали отходить плотной группой... Дело, кажется, дрянь...

— Говорит Акула-Три, — сильный голос перекрыл все каналы связи и заставил Майлза подпрыгнуть от неожиданности. — Очистите точку перехода. Подходит помощь.

— Эх, не вовремя, — прорычал Танг, но попытался перестроить ряды, чтобы прикрыть этот небольшой кусок пространства и очистить его от обломков, ракет, вражеского огня и прежде всего от дендарийцев, вооруженных гравидеструкторами. Находящиеся поблизости корабли противника замерли в ожидании: перемещение дендарийской флотилии сигнализировало им, что ситуация меняется. Может быть, флотилия отступает... Или открываются новые возможности...

— Черт побери, что это за штука? — вдруг изумился Танг, когда из глотки п-в-туннеля показалось что-то огромное и непонятное. Он посмотрел на показания датчиков. — Она слишком велика для такой скорости и слишком шустра для такой величины.

Даже не разглядев корабль как следует, Майлз узнал его по энергетическому спектру. Какой же потрясающий крейсер они построили!

— Это «Принц Зерг». Прибыло подкрепление из Барраярской империи. — Он глубоко вздохнул, голова у него вдруг закружилась. — Разве я не обещал тебе...

Охваченный чисто эстетическим восторгом, Танг выругался. Экран заполнили быстро прибывающие корабли — барраярские, аслундские, космического флота Пола. Они четко разворачивались в атакующие — не оборонительные! — порядки.

Рябь, нарушившая стройные до того порядки цетагандийских кораблей, распространялась, как безмолвный вопль ужаса. Навстречу «Принцу Зергу» уже мчался вооруженный гравидеструктором цетагандийский корабль. Его разрезало практически пополам: дальнобойность усовершенствованных орудий «Зерга» была по меньшей мере в три раза больше. Это был смертельный удар.

Затем по всем каналам прозвучало заявление, призывающее цетагандийских агрессоров сдаваться, если они не хотят быть уничтоженными. Меморандум этот направили император Грегор Форбарра и адмирала лорд Эйрел Форкосиган, командующие хедженским союзным флотом.

В какой-то момент Майлзу показалось, что Танг свалится замертво. Он совершенно потерялся от радости:

— Эйрел Форкосиган! Здесь! Черт побери! — Затем по-детски восторженным шепотом произнес: — Как это они умудрились вытащить его сюда? Может, мне удастся увидеть его?

Майлз вспомнил, что почитатель военной истории Танг был буквально помешан на лорде Форкосигане. Он мог часами припоминать малейшие подробности ранних кампаний барраярского адмирала.

— Я постараюсь устроить это, — пообещал Майлз.

— Если ты сможешь устроить это, сынок... — И Танг с тоской оторвался от любимого занятия: размышлений о военной истории, вернувшись к своей работе, собственно говоря и делающей эту историю.

Корабли цетагандийцев, сначала удиравшие в полном беспорядке, начали собираться в группы. «Принц Зерг» и поддерживающий его флот, не медля ни секунды, бросились в погоню, обходя прикрывающие друг друга подразделения и нападая на отбившихся одиночек. Через несколько часов отступление вылилось в разгром, особенно когда верванские корабли, оборонявшие дальние подступы к своей планете, осмелели и наконец-то присоединились к атаке. Как всякие патриоты, они были безжалостны.

Оставалось немногое — прочесать пространство, восстановить нарушенные системы связи и управления, провести спасательные работы. Все это настолько поглотило его внимание, что лишь через пару часов Майлз начал осознавать: для дендарийцев война закончилась. Они свое дело сделали.

ГЛАВА 17

Перед тем как покинуть боевую рубку, Майлз связался со службой безопасности «Триумфа» — выяснить, как обстоят дела с поисками сбежавших пленников. Ими числились Оссер, капитан «Перегрина», два верных Оссеру офицера, Кавилло и генерал Метцов.

Впрочем, Майлз не сомневался, что от Оссера и его офицеров остался пепел. Но были ли Метцов и Кавилло вместе с Оссером на борту похищенного катера? Неужели Кавилло погибла от рук цетагандийцев? Хотя, если вдуматься, не меньшей иронией судьбы было бы для нее погибнуть от рук верванцев, «Бродяг Рэндола», аслундцев, барраярцев и несть им числа — тех, кого она предала за время своей короткой, но бурной деятельности в Ступице Хеджена. По совести, она умерла легкой и своевременной смертью, однако Майлзу не хотелось думать, что ее прощальное проклятие приобрело теперь пророческий оттенок. Он должен бояться Метцова больше, чем Кавилло. Должен, но не боится.

Майлз почему-то поежился и, собираясь к себе в каюту, машинально прихватил с собой охранника.

По дороге он встретил группу раненых, которых везли в лазарет «Триумфа». Будучи в резервной группе, корабль не получил ни одного удара, но остальным кораблям флотилии повезло значительно меньше. В космических битвах пропорция убитых и раненых обратна таковой в наземных сражениях: число убитых превышает количество раненых. Но при благоприятных обстоятельствах, если не нарушается искусственная среда обитания, раненые могут выжить. Майлз неуверенно двинулся вслед за носилками. Чем он может помочь в лазарете?

Легкораненых на «Триумф» не посылали. Во главе процессии несли троих солдат со страшными ожогами и одного — с тяжелой черепно-мозговой травмой. Их с нетерпением поджидал персонал лазарета. Несколько раненых, прикрепленных к своим плавающим носилкам надувными рукавами, были в сознании; глаза их туманились от боли и действия наркотиков.

Майлз постарался сказать каждому хоть пару слов. Иные смотрели на него невидящими глазами, но другие, казалось, понимали его. Возле этих Майлз задерживался, изо всех сил стараясь приободрить их. Потом он отошел в сторону и несколько минут неподвижно простоял у двери, дыша знакомым и столь отвратительным запахом лазарета, где преобладали горечь дезинфицирующих средств и крови, вонь горелого мяса, мочи и пластика. Наконец он настолько отупел от усталости и бессильного сострадания, что почувствовал: еще минута — и он расплачется. Тогда Майлз оторвался от стены и заковылял прочь. Пора в постель. Если он кому-нибудь понадобится, его найдут.

Майлз набрал код на замке каюты Оссера. Если уж он унаследовал ее, не мешало бы перепрограммировать замок. Вздохнув, Майлз переступил порог. И тут же он осознал два неприятных обстоятельства. Во-первых, отослав охрану при входе в лазарет, он забыл снова вызвать ее, а во-вторых, что он не один. Но прежде чем

он выскочил обратно в коридор, дверь закрылась, и Майлз врезался в нее лбом.

Побагровевшее лицо Метцова испугало его даже больше, чем серебристый блеск раструба нейробластера, направленного прямо ему в голову.

Метцов ухитрился раздобыть где-то серую дендарийскую форму, и она была ему маловата. На Кавилло, стоявшей рядом с ним, была такая же, но размера на два больше, чем требовалось. Метцов почему-то выглядел огромным и был откровенно страшен. А Кавилло... В ее лице были горечь, ирония и какая-то злобная радость. На шее виднелись синяки, и оружия в руках у нее не было.

— Вот он, — торжествующе прошептал Метцов. — Наконец-то. — Улыбаясь одними губами, он шаг за шагом надвигался на Майлза, пока тот не оказался прижатым к стене тяжелой ручищей, сдавившей ему шею. Тут Метцов, со стуком уронив бластер, сжал шею Майлза второй рукой.

— Вам не уйти... — Это было все, что успел выдавить из себя Майлз. Он почувствовал, как хрустнула трахея. В глазах потемнело. От этого убийства ему Метцова не отговорить...

Кавилло по-кошачьи незаметно скользнула вниз, подняла оброненный бластер и зашла с левой стороны от Метцова.

— Станис, милый, — проворковала она. Метцову было не до своей соратницы, он даже не повернул головы. Тогда Кавилло, очевидно, передразнивая Метцова, произнесла: — Раздвинь ноги, сука, или я вышибу из тебя мозги.

На этот раз Метцов обернулся. Мутные глаза расширились. И — Кавилло вышибла из него мозги. Голубая молния с треском угодила Метцову прямо между глаз. В смертельной судороге, перед тем как свалиться на пол, он чуть не сломал Майлзу шею, несмотря на усиленные пластиком шейные позвонки. Пахнуло озоном — отвратительным электрохимическим запахом смерти.

Обмякнув, Майлз привалился к стене, не решаясь пошевелиться. Он медленно поднял глаза от трупа на

Кавилло. На ее губах цвела улыбка невыразимого удовольствия. Не была ли процитированная Кавилло фраза произнесена совсем недавно? Чем занималась эта жуткая парочка долгие часы ожидания в каюте Оссера? Молчание затягивалось.

— Не то... — Майлз сглотнул, пытаясь вернуть голос, и проскрипел: — не то чтобы я жаждал этого, но почему вы не хотите продолжить дело и покончить со мной?

Кавилло улыбнулась:

— Быстрая месть лучше, чем никакая. Медленная и постепенная — еще сладостней, но чтобы я могла ею насладиться, я должна остаться в живых. Так что как-нибудь в другой раз, мой мальчик. — Она наклонила бластер, как бы намереваясь засунуть его в кобуру, но потом опустила руку вниз. — Ты поклялся позаботиться, чтобы я беспрепятственно покинула Ступицу Хеджена, лорд фор. И я решила, что ты настолько глуп, что действительно сдержишь слово. Я отнюдь не возражаю против этого. Хотя, если бы Оссер дал нам не один бластер, или дал его мне, а Станису — код своей каюты, а не наоборот, или, если бы Оссер, как я просила, взял нас с собой... все обернулось бы совсем иначе.

Да, совершенно иначе. Очень медленно и осторожно Майлз подошел к пульту и вызвал охрану. Кавилло задумчиво наблюдала за его действиями. Спустя две-три минуты, она подошла к Майлзу вплотную:

— Знаешь, я тебя недооценивала.

— Зато я никогда не недооценивал тебя.

— Знаю. Я к этому не привыкла... Спасибо.

Она с презрением бросила бластер на тело Метцова. Затем с неожиданной усмешкой повернулась, обхватила Майлза за шею и яростно поцеловала. Ее расчет был точным: не успел Майлз оттолкнуть ее, как в дверь ворвались охранники вместе с Элен и Чодаком.

По гибкой трубе стыковочного узла Майлз перешел с катера «Триумфа» на борт «Принца Зерга». Он с завистью и восхищением разглядывал просторный, чистый, ярко освещенный коридор, шеренгу вытянувшихся

в струнку охранников, молодцеватых офицеров в зеленой форме барраярской императорской армии. Тут Майлз озабоченно взглянул на свою серо-белую дендарийскую форму. Не такая уж она и красивая. Да и «Триумф», краса и гордость дендарийской флотилии, как-то усох и казался грязным и потрепанным.

«Да, но вы, парни, не выглядели бы так блестяще, если бы мы малость не обтрепались», — подумал он.

Танг, Элен и Чодак тоже как-то растерялись. Майлз пришел к ним на помощь: губы его скривились в усмешке, но в следующую секунду лицо приняло самое официальное выражение. Его сподвижники принимали приветствия команды «Принца Зерга» с таким же непроницаемым видом.

— Командор Наточини, старший помощник «Принца Зерга», — представился один из офицеров. — Лейтенант Егоров проводит вас, адмирал Нейсмит, и командора Ботари-Джезек к адмиралу Форкосигану. Что касается вас, командующий Танг, я лично покажу вам корабль и сочту за честь ответить на все ваши вопросы, если, конечно, они не коснутся засекреченных объектов.

— Разумеется. — Широкое лицо Танга просто сияло от удовольствия. Собственно говоря, еще немного — и он взлетел бы, как воздушный шарик.

— После нашей экскурсии мы присоединимся к адмиралу Форкосигану и к вам за обедом в кают-компании, — обратился Наточини к Майлзу. — В последний раз, двенадцать дней тому назад, мы принимали там президента Пола и сопровождающих его лиц.

Удостоверившись, что наемники полностью осознали, какую честь им оказывают, барраярский офицер повел лопающихся от гордости Танга и Чодака по коридору. Майлз слышал, как Танг пробормотал про себя:

— Обед с адмиралом Форкосиганом! Ну и ну...

Лейтенант Егоров увлек Майлза и Элен в противоположном направлении.

— Вы барраярка, мадам? — спросил он.

— Мой отец восемнадцать лет был оруженосцем графа Петера, — объяснила Элен. — Он погиб, служа графу.

— Понимаю, — с уважением произнес лейтенант. — Значит, вы знакомы с семьей Форкосиганов. — «И это объясняет твое присутствие здесь», прочитал Майлз его мысли.

— Конечно.

Тут лейтенант с некоторым сомнением уставился на «адмирала Нейсмита».

— А вы, насколько я понимаю, бетанец, сэр?

— По происхождению, — ответил Майлз с ярко выраженным бетанским акцентом.

— Хочу заметить, что мы, барраярцы, смотрим на некоторые вещи более формально, что ли, чем уроженцы Беты, — предупредил лейтенант. — Понимаете, граф Форкосиган привык, чтобы ему оказывали уважение. — С тайным наслаждением Майлз следил, как лейтенант пытается отыскать наиболее вежливую форму для поучения развязному бетанцу: «Зовите графа «сэр», не шмыгайте носом и вообще без всякого там бетанского панибратства...» — Он может показаться вам несколько высокомерным, — корректно заключил лейтенант.

— Настоящий индюк, а?

Лейтенант нахмурился:

— Лорд Форкосиган великий человек.

— О, гарантирую, если за обедом мы вольем в него две-три рюмки, он растает, и из него просто посыплются неприличные анекдоты!

Вежливая улыбка Егорова стала натянутой. Элен, сдерживая смех, наклонилась к Майлзу и громко прошептала:

— Адмирал, ведите себя прилично!

— Да-да, конечно, — с сожалением пообещал Майлз.

Лейтенант поверх его головы с признательностью взглянул на Элен.

Идя по кораблю, Майлз наслаждался окружающей его чистотой и порядком. Не говоря уж о том, что «Принц Зерг» блистал новизной, он был задуман так, что мог использоваться и как военный, и как дипломатический корабль — без ущерба для своей боевой мощи. На таком

корабле мог наносить свои официальные визиты сам император. Майлз заметил в боковом коридоре юного младшего лейтенанта. Там были сняты панели, и молоденький офицер руководил командой техников, что-то ремонтирующих в спешном порядке — хотя нет, там все еще длился монтаж. Кто-то уже упоминал, что «Принц Зерг» покинул орбиту с монтажниками на борту. Майлз оглянулся. «Если бы не воля Божия и не генерал Метцов, я мог бы быть на месте этого мальчика в офицерской форме. Стоило мне тихонько просидеть шесть месяцев на острове Кайрил...» Как ни странно, но Майлз почувствовал, что завидует этому лейтенантику.

Между тем делегация подошла к офицерским помещениям. Лейтенант Егоров провел их через приемную в спартански обставленную адмиральскую каюту — раза в два более просторную, чем любая из тех, что видел Майлз на барраярских кораблях. Когда перед ними открылась дверь, адмирал Форкосиган сидел за своим рабочим столом.

Майлз шагнул в каюту и почувствовал, что у него подгибаются колени. Он быстро и грубовато произнес:

— Вы, имперские улитки, совсем размякнете, если будете жить среди такой роскоши.

— А-а! — Адмирал Форкосиган выбрался из кресла и, торопливо огибая стол, со всего маху ударился об угол. Он крепко обнял Майлза. Майлз, уткнувшись лицом в прохладную ткань отцовского рукава, отчаянно заморгал, но к тому времени, когда граф Форкосиган отстранил его на расстояние вытянутых рук, чтобы получше рассмотреть, справился со своими чувствами. — С тобой все в порядке, мой мальчик?

— Прекрасно. А как прошел твой переход?

— Изумительно, — в свою очередь ответил граф Форкосиган. — Но имей в виду: были моменты, когда некоторые мои советники требовали, чтобы тебя расстреляли. Иногда я был на их стороне.

Лейтенант Егоров, прерванный на середине заготовленной им фразы (Майлз не слышал его, да и отец, вероятно, тоже), все еще стоял, открыв рот, и выгля-

дел смешным до неприличия. Лейтенант Джоул, с трудом скрывая улыбку, поднялся из-за стола и, сжалившись, вежливо выпроводил Егорова за дверь.

— Благодарю вас, лейтенант. Адмирал весьма благодарен вам за службу, но сейчас вы свободны...

Тут Джоул оглянулся через плечо, задумчиво нахмурил бровь и вышел вслед за Егоровым. Перед тем как дверь за ними закрылась, Майлз краем глаза увидел, как лейтенант уселся в прихожей в непринужденной позе человека, собирающегося просидеть так целую вечность. Джоул бывал неправдоподобно вежлив.

— Элен! — С видимым усилием граф Форкосиган оторвался от Майлза и крепко сжал ее руки в ладонях. — У тебя все в порядке?

— Да, сэр.

— Не могу выразить... как это радует меня. Корделия шлет тебе самые горячие пожелания. И я должен был передать тебе, если увижу... э-э... Скажу дословно (это одна из ее бетанских шуточек): «Если хочешь очутиться дома, он там, куда тебя приведут».

— Я почти слышу ее голос, — растроганно улыбнулась Элен. — Поблагодарите ее. Скажите... я запомню ее слова.

— Прекрасно. — Граф Форкосиган отпустил ее руки. — Но садитесь, садитесь. — Он поспешно показал им на кресла, которые самолично придвинул к столу. «Боже, как он устало выглядит, — подумал Майлз с горечью. — Грегор, тебе за многое придется ответить». К счастью, Грегор и сам понимал это.

— Что нового насчет прекращения огня? — спросил Майлз.

— Пока что договоренность соблюдается. Цетагандийский флот ушел, остались только те корабли, где повреждены стержни Неклина или системы управления. И те, на которых ранены пилоты. Мы разрешили им отремонтироваться здесь. Правда, два-три из них повреждены непоправимо. Так что, думаю, недель через шесть уже можно возобновлять коммерческие перевозки.

Майлз покачал головой:

— Значит, Пятидневная война окончилась, а я так и не видел вблизи ни одного цетагандийца. Весь этот сырбор и вся кровь — только для того, чтобы восстановить довоенное статус-кво!

— Не совсем так. Несколько представителей цетагандийского верховного командования отозвано в столицу, чтобы объяснить императору свою «самовольную авантюру». Думаю, для них это интервью плохо кончится.

Майлз фыркнул.

— «Самовольная авантюра»! Кто ж этому поверит? Зачем им вообще это нужно?

— Здесь есть одна тонкость. Побежденному врагу надо предоставлять любую возможность сохранить лицо. Важно, чтобы он не сохранил ничего, кроме лица.

— Я так понимаю, что вы переиграли Пол. Но я ждал, что за нами прибудет лично Саймон Иллиан.

— Он так и хотел, но мы не могли покинуть Барраяр одновременно. Тогда в одночасье рухнуло бы шаткое прикрытие факта отсутствия Грегора.

— Кстати, как вам это удалось?

— Нашли молодого офицера, как две капли воды похожего на Грегора. Сказали ему, что готовится заговор против императора и он должен служить приманкой. К его чести, он согласился не задумываясь. Он и его охрана, которой сказали то же самое, провели несколько недель в замке Форкосиганов, наслаждаясь тишиной и изысканными яствами, что для многих окончилось несварением желудка. Когда же нам принялись докучать из столицы всерьез, мы отправили двойника Грегора отдыхать на природе. Кое-кто догадывается в чем дело, но теперь, когда Грегор нашелся, мы можем дать любые нужные нам объяснения. Нужные *ему* объяснения. — Граф Форкосиган на мгновение как-то странно нахмурился — странно, но совсем не угрюмо.

— Я удивился, хотя и ужасно обрадовался, — заметил Майлз, — что вы так быстро договорились с Полом. Мне казалось, они не пропустят вас до тех пор, пока цетагандийцы не проникнут в Ступицу. А тогда было бы слишком поздно.

— В этом еще одна причина, почему вместо Саймона ты видишь меня. Являясь премьер-министром и в прошлом регентом, я имел все формальные основания нанести Полу официальный визит. Мы прибыли со списком из пяти соглашений, которые они уже давно жаждали заключить с нами, и предложили их в качестве повестки дня. Все было официально, открыто и честно. Вполне естественно выглядел и тот факт, что я приурочил свой визит к рейсу «Принца Зерга». Мы находились на орбите Пола, время от времени спускаясь на катерах ради всевозможных совещаний и приемов. — Эйрел Форкасиган поморщился и машинально приложил руку к животу. — Я все время пытался как-то исхитриться и получить доступ в Ступицу, как вдруг пришло известие о разбойном нападении цетагандийцев на Верван. Разрешение было получено тотчас же. И от фронта нас отделяли дни, а не недели. Сложнее было уговорить аслундцев не нервничать насчет Пола. Тут меня поразил Грегор, который блестяще все устроил. С верванцами проблем не было: к этому времени они уже крайне нуждались в союзниках.

— Говорят, Грегор стал любимцем Вервана?

— Наверное, сейчас, когда мы разговариваем, его чествуют в их столице. — Граф Форкосиган взглянул на часы. — Они прямо с ума по нему сходят. Посадить его за пушку в боевой рубке «Принца Зерга» оказалось более чем удачной идеей. С чисто дипломатической точки зрения. — Граф Форкосиган задумался.

— И все же... я был удивлен, что ты позволил ему появиться в зоне боевых действий, — протянул Майлз.

— Во-первых, если уж на то пошло, боевая рубка «Принца Зерга» самое защищенное место во всем локальном пространстве Вервана. А во-вторых, это было, было...

Майлз с удивлением смотрел, как отец пытается выговорить два слова — «совершенно безопасно» — и не может. Тут он все понял.

— Это была не твоя идея, да? Это Грегор решил так?

— Он привел два-три очень сильных аргумента в поддержку своей позиции, — ответил граф Форкосиган. — Что ж, пропагандистский эффект принес свои плоды.

— Я думал, ты не позволишь ему рисковать.

Граф Форкосиган сосредоточенно изучал свои руки.

— Я был, как ты понимаешь, не в восторге от его идеи. Но некогда я поклялся служить императору. Самый опасный для опекуна момент наступает, когда появляется искушение стать кукловодом. Я всегда знал, что этот момент должен... нет, не то. Я знал, что, если этот момент никогда не наступит, я окажусь человеком, не сдержавшим своей клятвы. — Адмирал помолчал. — Это было в некотором роде потрясением для меня. Освобождением.

«Грегор осадил тебя! Вот, наверное, была сцена!»

— Даже после стольких лет практики с тобой, — задумчиво произнес граф Форкосиган.

— А... как твоя язва?

— Лучше не спрашивай. — Адмирал немного посветлел. — В последние три дня, правда, получше. Во всяком случае, могу есть человеческую пищу, а не хлебать эту медицинскую бурду.

Майлз осторожно кашлянул.

— Как капитан Унгари?

Граф Форкосиган поморщился:

— Не сказал бы, что он от тебя в восторге.

— Очень жаль, что я не могу принести ему свои извинения. Я наделал кучу глупостей, но отказ подчиниться его приказу остаться на аслундской станции не был ошибкой.

— Видимо, ты прав. — Граф Форкосиган нахмурил брови. — И все же... я все более убеждаюсь, что строевая служба не для тебя. Это все равно что затыкать квадратной пробкой... нет, даже хуже — пробовать заткнуть четырехмерным кубом круглое отверстие.

У Майлза потемнело в глазах:

— Но меня не разжалуют?

Элен, рассматривавшая свои ногти, благонравно заметила:

— Что с того? Ты всегда можешь найти себе работу в качестве наемника. Как генерал Метцов. Я думаю, Кавилло уже подыскивает себе людей.

Майлз гневно обернулся к ней, но Элен только усмехнулась.

— Я почти пожалел, когда узнал, что Метцов убит, — сказал граф. — Еще до того как исчез Грегор, мы хотели добиться его выдачи.

— Ага! Значит, вы все-таки решили, что смерть того пленника во время комаррского мятежа — убийство?

Граф Форкосиган показал сыну два пальца:

— Два убийства.

Майлз оторопел:

— Боже мой, неужели он отыскал и убил бедного Ана? — Он почти забыл о горемыке-метеорологе с острова Кайрил.

— Нет, Ан жив и здоров. Мы его отыскали, хотя, к сожалению, после того, как Метцов покинул Барраяр. И оказалось, что тот комаррский мятежник действительно умер под пытками во время допроса. Правда, он еще страдал какой-то скрытой болезнью. Но смерть его не была местью за смерть охранника, как предполагал первый следователь. Все было по-другому. Если верить Ану, барраярский капрал-охранник, который принимал участие в пытках или по крайней мере был их свидетелем, внезапно почувствовал к ним отвращение и стал угрожать Метцову. Тот в приступе ярости прикончил охранника и заставил Ана сфабриковать, а потом и засвидетельствовать всю эту историю с побегом. Так что Ан дважды замешан в этом грязном деле. Метцов держал Ана в страхе, но и сам был в его власти. Когда агенты Иллиана пришли за Аном, он почувствовал облегчение и сам предложил, чтоб его подвергли медикаментозному допросу.

Майлз опечалился. Ему было жаль метеоролога.

— А что теперь грозит Ану?

— Мы собирались выставить его в качестве свидетеля на процессе Метцова... Иллиан даже думал, что мы должны таким способом поправить отношения с Ко-

маррой. Представить им этого неуравновешенного капрала как невоспетого национального героя. А Метцова повесить — во исполнение воли императора и для демонстрации того, что закон един как для барраярцев, так и для комаррцев. Прекрасный сценарий! — Граф огорченно нахмурился. — Думаю, что теперь мы потихоньку замнем это дело. Еще раз.

Майлз фыркнул:

— Этот Метцов! Вечный козел отпущения. Должно быть, у него плохая карма... Хотя нельзя сказать, что он не заслужил ее.

— Бойся желать справедливости. Ты можешь и получить ее.

— Этому я уже научился, сэр.

— Уже? — Граф Форкосиган с сомнением поднял бровь. — Ну-ну.

— Кстати о справедливости, — быстренько сориентировался Майлз. — Меня беспокоит вопрос о плате дендарийцам. У них большие потери. Больше, чем могут себе позволить обычные наемники. Единственной гарантией для них было мое слово. Если... если империя меня не поддержит, я стану клятвопреступником.

Граф Форкосиган улыбнулся:

— Мы с Иллианом уже рассмотрели этот вопрос.

— Но выдержит ли секретный фонд подобные расходы?

— Конечно нет. Бюджет Иллиана лопнул бы, вздумай он расплатиться. Но у тебя, кажется, есть некий высокопоставленный друг. Мы подпишем обязательство, подкрепленное фондами Имперской безопасности, моего флота и личным кошельком императора, и постараемся возместить эти потери специальными ассигнованиями совета министров и совета графов. Представь счет.

Майлз выудил из кармана диск.

— Вот он, сэр. От бухгалтера дендарийской флотилии. Бедняжка не спала всю ночь.

Граф Форкосиган постарался спрятать улыбку, но это ему не очень удалось.

— Ты учишься, мальчик... — Он вставил диск и быстро просмотрел его. — Во время обеда тебе приготовят обязательство. Получишь его перед уходом.

— Благодарю вас.

— Сэр! — Элен подалась вперед в своем кресле. — А что станется с дендарийской флотилией?

— Думаю, теперь она может делать все, что ей заблагорассудится. Только подальше от Барраяра.

— Значит, нас снова оставляют на произвол судьбы? — горько воскликнула Элен.

— Оставляют на произвол судьбы? Не понимаю.

— Когда-то мы получили статус имперского подразделения. Во всяком случае, так мне казалось. И Базу. А потом Майлз покинул нас и... ничего.

— Совсем как с островом Кайрил, — заметил Майлз. — С глаз долой, из сердца вон. — Он меланхолично пожал плечами. — Повсюду одни и те же проблемы.

Граф Форкосиган внимательно посмотрел на него.

— Судьба дендарийцев — как и твоя военная карьера, Майлз — пока еще в стадии обсуждения.

— Могу ли я принять участие в этом обсуждении? А Элен? Баз?

— Мы дадим вам знать. — Граф Форкосиган оперся руками на стол и решительно поднялся. — Это все, что я могу сейчас сообщить. Даже вам. Не пора ли обедать, господа офицеры?

Майлз и Элен поднялись из своих кресел.

— Коммодор Танг не знает о наших истинных отношениях, — предупредил Майлз отца. — Если вы хотите держать их в тайне, мне, когда мы усядемся все вместе за стол, придется играть в адмирала Нейсмита.

Граф Форкосиган понимающе улыбнулся:

— Иллиан и капитан Унгари, без сомнения, предпочли бы не раскрывать столь полезное прикрытие. Ни в коем случае. Это будет даже забавно.

— Должен предупредить вас, что адмирал Нейсмит не слишком почтителен.

Элен и Эйрел Форкосиган вдруг расхохотались. Мобилизовав все свое чувство собственного достоинства, Майлз ждал, пока они успокоятся...

Во время обеда адмирал Нейсмит вел себя крайне сдержанно. Даже лейтенант Егоров не усмотрел никаких огрехов в его поведении.

Верванский правительственный курьер протянул Майлзу кредитное обязательство. Майлз подтвердил получение, сверив отпечаток большого пальца, узор радужной оболочки и поставив размашистую неразборчивую подпись адмирала Нейсмита, совсем не похожую на аккуратные буковки младшего лейтенанта Форкосигана.

— С таким джентльменами, как вы, приятно иметь дело. — Довольный Майлз убрал обязательство в карман и тщательно застегнул его.

— Это самое малое, что мы можем для вас сделать, — горячо отозвался стоявший рядом комендант станции. — Не могу описать вам, что со мной было, когда я, уже зная, что следующая атака цетагандийцев бу́дет последней, увидел вдруг корабли дендарийцев!

— Дендарийцы были не одиноки, — скромно заметил Майлз. — Все, что мы сделали, — это удерживали плацдарм до подхода основных сил.

— Но если бы вы его не удержали, хедженские союзные силы — или основные, как вы их называете, — никогда бы не попали в локальное пространство Вервана.

— Да, пожалуй, — подумав, не без важности согласился Майлз.

Комендант взглянул на часы:

— Что ж, скоро моя планета выразит свою благодарность в более осязаемой форме. Могу я проводить вас на церемонию, адмирал?

— Благодарю. — Майлз поднялся и последовал за ним из кабинета, ощупывая в потайном кармане осязаемую благодарность. «Медаль. Погибших медалями не вернешь».

Он задержался у иллюминатора, заинтересовавшись видом, открывающимся отсюда, а еще — своим собственным отражением. Дендарийская форма сидела превосходно; мягкая серая бархатная куртка с осле-

пительно белой отделкой и серебряными пуговицами, щегольские брюки и серые ботинки из синтетической замши. Майлзу даже показалось, что в этой форме он выше ростом. Надо взять этот фасон на вооружение.

Снаружи виднелась россыпь кораблей: дендарийцы, «Бродяги», верванцы и Союзный флот. «Принца Зерга» среди них не было. Он находился сейчас возле Вервана, где продолжались переговоры на высшем — в буквальном смысле слова — уровне: уточнялись детали договоров о дружбе и ненападении, торговых соглашений, протокола о снижении тарифов и прочая, прочая. Высокими договаривающимися сторонами были Барраяр, Верван, Аслунд и Пол. Грегор, как слышал Майлз, играл свою роль на переговорах просто блестяще — ему не было равных в обсуждении юридических тонкостей. «Лучше уж ты, чем я, парень». Верванская станция приостановила собственные ремонтные работы, чтобы помочь дендарийцам. Баз трудился круглые сутки... Наконец Майлз оторвался от иллюминатора и поспешил за комендантом станции.

Они остановились в коридоре, ведущем в большой конференц-зал, где и должна была состояться церемония. Верванцы пожелали, чтобы выход героев дня был обставлен как можно эффектнее. Правда, зрителей было не густо — слишком много дел навалилось на всех, но верванцы все-таки наскребли небольшую толпу. Майлз пожертвовал для той же цели взводом выздоравливающих дендарийцев. Он решил, что в своей речи обязательно упомянет о них.

Пока он ждал в коридоре, прибыла Кавилло со своей почетной охраной. Верванцы и не подозревали, что охрана имеет приказ стрелять на поражение при малейшей попытке их подопечной к бегству. Две женщины с суровыми лицами, одетые в форму барраярских вспомогательных войск, обеспечивали круглосуточный надзор за Кавилло, которая без труда делала вид, что не замечает их.

Мундиры «Бродяг» были более изящной версией их обычной формы — коричневой с черным и белым. Они

вызвали у Майлза ассоциацию с мехом овчарки. «Эта сука кусается», напомнил он себе. Кавилло между тем только улыбнулась и подошла к Майлзу. От нее несло все теми же ядовитыми духами — наверное, она купалась в них.

Майлз, склонив голову в приветствии, неторопливо полез в карман, вытащил оттуда два фильтра, засунул в ноздри и глубоко вдохнул, чтобы проверить эффект. Фильтры работали прекрасно и могли задерживать молекулы гораздо меньшего размера, чем у мерзкой органики этих чертовых духов. Затем Майлз выдохнул — через рот. Кавилло следила за его манипуляциями с искаженным от бешенства лицом — уловка не удалась.

— Черт бы тебя побрал, — пробормотала она.

Майлз пожал плечами, как бы говоря: «А что ты от меня хотела?»

— Вы готовы убраться отсюда с оставшимися в живых? — спросил он.

— Сразу же после этой идиотской церемонии. Придется бросить шесть кораблей — они слишком повреждены, чтобы совершить переход.

— Чувствительная для вас потеря. Если верванцы сами не раскусят вас в ближайшем будущем, цетагандийцы наверняка выложат им не очень-то красивую правду. Лучше бы вам здесь не задерживаться.

— Еще бы. Чтоб мне больше никогда не видеть этой дыры! Я уж не говорю о тебе, мутант. Если бы не ты... — Она с горечью покачала головой.

— Кстати, — прибавил Майлз, — дендарийцам за эту кампанию заплатили трижды. Один раз — за первоначальный контракт с Аслундом, второй — от Барраяра и третий — от благодарных верванцев. Каждая сторона согласилась полностью покрыть все расходы. В итоге получилась очень кругленькая сумма.

Кавилло прошипела, как змея:

— Молись, чтобы мы никогда больше не встретились!

— В таком случае прощайте.

И они с достоинством вошли в зал, чтобы получить свои награды. Неужели у Кавилло хватит наглости принять медаль за счет «Бродяг», оказавшихся из-за нее у

разбитого корыта? Наглости у Кавилло хватило — и обаяния тоже. Майлз смотрел на нее почти с восхищением.

«Первая полученная мной медаль, — думал он, когда комендант с восторженным восклицанием закреплял ее на серебристом лацкане. — А я даже не смогу носить ее дома». Эта медаль, эта форма и сам адмирал Нейсмит снова отправятся в темный чулан. Наверное, уже навсегда. И жизнь младшего лейтенанта Форкосигана показалась Майлзу не слишком привлекательной. Хотя... солдатская служба везде одинакова. Если и существует разница между ним и Кавилло, то она в том, чему они служат. И как. Не все пути, а единственный путь...

Когда через несколько недель Майлз прибыл на Барраяр, Грегор пригласил его на обед в императорскую резиденцию. Они сидели в Северном саду, за столом из нержавеющей стали, знаменитом тем, что его спроектировал император Эзар, дед Грегора. Летом, вероятно, это место находилось в глубокой тени, сейчас же, весною, было неровно освещено свежим солнечным светом, проникающим сквозь молодую листву. Охрана несла свою службу незаметно, слуги, пока Грегор не звонил в колокольчик, держались вне пределов слышимости. Умиротворенный первыми тремя блюдами, Майлз прихлебывал обжигающий кофе и нацеливался на второе пирожное, покрытое толстым слоем крема. Или он переоценивает свои силы? Что ни говори, императорское угощение вкуснее, чем рационы контрактных рабочих, которые они делили когда-то, не говоря уж о подметке Кавилло.

Но и Грегор смотрел на знакомый с детства мир новыми глазами.

— Знаешь, все-таки космические станции однообразны. Сплошные коридоры, — заметил он, глядя на укромную дорожку, огибающую фонтан и теряющуюся среди пестрых первоцветов. — В один невеселый день я перестал замечать, как красив наш Барраяр. Странно, но чтобы вспомнить о нем, я должен был потерять его. Почти.

— Да, бывали моменты, когда и я не мог вспомнить, на какой станции нахожусь, — согласился Майлз с набитым ртом. — Я против излишеств, но станции Ступицы Хеджена слишком уж утилитарны. — При последнем слове он поморщился.

Разговор коснулся недавних событий в Ступице. Грегор по-детски расцвел, когда узнал, что Майлз тоже не отдавал приказов, находясь в боевой рубке «Триумфа». Этим занимался Танг, а на Майлза свалился кризис с гауптвахтой.

— Когда сражение начинается, большинство офицеров остается без дела: события сменяются молниеносно, и кто в состоянии отреагировать на них? — рассуждал он. — Если у тебя есть хорошо работающий тактический компьютер и, при везении, человек, имеющий нюх на такие вещи, держи руки в карманах и посвистывай. У меня был Танг, у тебя...

— И хорошие глубокие карманы, — отозвался Грегор. — Я все думаю об этом. Мне казалась почти нереальной вся эта заваруха, пока я не навестил лазарет. И не понял, что маленькая искорка на экране отняла у одного руку, а другой из-за нее обморозил легкие...

— Да, с этими огоньками непросто, — согласился Майлз. — Если ты позволишь им себя обмануть. — Он откусил большой кусок пирожного, отхлебнул кофе. — А кстати, ты ведь не сказал Иллиану правды о балконе. — Это был не вопрос, а констатация факта.

— Я сказал ему, что был пьян и сам не знаю, как слез вниз. — Грегор сосредоточился на цветах. — А откуда ты знаешь?

— Когда он говорил о тебе, я не заметил в его глазах страха.

— Я просто... умолчал кое о чем. К чему ворошить старое? Ты ведь тоже не сказал ему об этом, и я тронут твоим молчанием.

— К твоим услугам. — Майлз отхлебнул еще глоток. — Окажи мне ответную любезность. Поговори об этом с кем-нибудь.

— С кем? Только не с Иллианом. И не с твоим отцом.

— А как насчет моей матери?

— Гм. — Грегор откусил наконец от большого куска торта, на котором чертил до этого вилкой замысловатые узоры.

— Она, наверное, единственный человек на Барраяре, который не видит разницы между Грегором-человеком и Грегором-императором. Мне кажется, все наши ранги для нее просто детские забавы. И она умеет молчать, — добавил Майлз.

— Я подумаю об этом, — очень ровным голосом отозвался Грегор.

— Мне не хочется быть единственным, кто... Я чувствую, когда что-то выше моих сил, — тихо добавил Майлз.

— Даже так? — Грегор поднял брови.

— Конечно. Я обычно не обманываю.

— Хорошо, я поговорю с твоей матерью.

Майлз ждал.

— Обещаю, — добавил Грегор.

Почувствовав огромное облегчение, Майлз взглянул на третье пирожное. Порции, пожалуй, маловаты.

— Теперь тебе лучше?

— Гораздо. — Грегор опять принялся чертить борозды на толстом слое крема.

— Честно?

Теперь борозды пошли поперек.

— Не знаю... Не в пример тому бедняге, который разыгрывал тут меня в мое отсутствие, моего согласия никто никогда не спрашивает.

— В некотором смысле все форы — рекруты.

— Другой фор может исчезнуть, и никто его не хватится.

— А разве тебе не будет меня немного не хватать? — жалобным голосом спросил Майлз. Грегор невольно улыбнулся. Майлз оглядел сад. — По сравнению с островом Кайрил твоя работа не кажется такой уж тяжелой.

— Посмотрел бы я на тебя, когда ты один в постели и ждешь, не начнут ли сейчас твои гены превращать

тебя в чудовище. Как было с моим великим дядюшкой Ури Безумным. Или с принцем Зергом. — Грегор зорко взглянул на Майлза.

— Я... знаю о проблемах принца Зерга, — дипломатично ответил тот.

— Кажется, об этом знают все, кроме меня.

Так вот в чем причина попытки самоубийства Грегора! Вот он, ключ, — щелк, и замок открылся! Майлз постарался не обнаружить торжества, вызванного этим открытием.

— Когда ты узнал об этом?

— Во время Комаррской конференции. Я и раньше натыкался на кое-какие намеки, но... относил их на счет вражеской пропаганды.

«Значит, этот танец на балконе не импровизация. Грегору не с кем было поделиться и...»

— Правда ли, что он участвовал в пытках...

— Не все, что говорится о принце Зерге, правда, — торопливо перебил его Майлз. — Хотя правда... достаточно страшна. Моя мать знает об этом. Во время вторжения на Эскобар она была свидетелем таких вещей, о которых даже я не знаю. Но тебе она расскажет. Спроси ее прямо, и она тебе ответит.

— Кажется, в нашей семье это наследственное, — тихо продолжал Грегор.

— Она скажет тебе, чем ты от него отличаешься. Насколько я слышал от матери, у тебя все в порядке. И если уж на то пошло, во мне столько же генов Ури Безумного — по той или другой линии.

Грегор улыбнулся:

— Меня это должно утешить?

— Ну, если считать, что несчастье любит компанию...

— Я боюсь власти... — задумчиво произнес Грегор.

— Ты боишься не власти, ты боишься того, что она будет людям во зло, — догадался Майлз.

— Что ж, ты почти угадал.

— Только почти?

— Я боюсь, это будет доставлять мне удовольствие — причинять зло. Как ему.

Он имел в виду принца Зерга. Своего отца.

— Чушь, — отрезал Майлз. — Я помню, как мой дед пытался вовлечь тебя в охотничьи забавы. У тебя неплохо получалось, — думаю, потому, что ты считал это обязанностью фора, но каждый раз, когда ты ранил животное и нужно было его прикончить, тебя выворачивало наизнанку. Может быть, ты немножко псих, как и все мы. Но ты не садист. Я это точно знаю.

— То, о чем я прочитал... и услышал, — беспомощно сказал Грегор, — так привязалось ко мне! Я не могу не думать об этом. Не могу выкинуть это из головы.

— Твоя голова полна страхов, потому что мир полон ими. Посмотри на все ужасы, которые Кавилло принесла в Ступицу Хеджена.

— Если бы я задушил ее во сне — а у меня был такой шанс, — ничего бы не случилось.

— Но если бы этого не случилось, ее не за что было бы душить. Боюсь, здесь что-то вроде парадокса путешествий во времени. Стрела правосудия летит в одну сторону. Без исключений. Ты не должен жалеть, что не задушил ее до того. Хотя, полагаю, можешь жалеть, что не задушил после...

— Нет... нет... Оставлю это цетагандийцам, если они смогут поймать ее.

— Извини, Грегор, но мне не кажется, что нам угрожает Безумный Император Грегор. Скорее сойдут с ума твои советники.

Грегор взглянул на поднос с пирожными и вздохнул:

— Думаю, охрана не так поймет, если я попытаюсь размазать эти пирожные по твоей физиономии.

— Несомненно. Ты должен был сделать это, когда мне было восемь, а тебе двенадцать. Тогда бы это сошло тебе с рук. Торт с кремом правосудия летит в одну сторону. — Майлз засмеялся.

Потом два великих человека мысленно проделали множество неестественных и забавных трюков с подносом пирожных. Кончилось тем, что оба расхохотались. Майлз сказал:

— Я знаю, ты от похвал лезешь в бутылку, но, черт побери, ты действительно хорош на своем месте. Должен же ты сам чувствовать это после верванских переговоров. Вот и оставайся таким.

— Думаю, так и будет. — Вилка Грегора с новой энергией вонзилась в последний кусок торта. — А сам ты тоже собираешься остаться прежним, а?

— Хотелось бы. Но все зависит от сегодняшней встречи с Иллианом, — сказал Майлз. Он решил воздержаться от третьего пирожного.

— Не слышу в твоем голосе энтузиазма.

— Вряд ли он меня понизит, ниже младшего лейтенанта звания нет.

— Да он тобой доволен! Что тебе еще надо?

— Когда я был у него, он вовсе не выглядел довольным. Казалось, у него болит живот. И он почти ничего не сказал мне. — Майлз с внезапным подозрением взглянул на Грегора: — Ты что-то знаешь, ведь так? Выкладывай!

— Я не могу нарушать субординацию, — нравоучительно ответил император. — Может быть, тебя повысят. Я слышал, место командующего на острове Кайрил еще вакантно.

Майлз содрогнулся.

«Весна в Форбарр-Султане, столице Барраяра, так же прекрасна, как и осень», — подумал Майлз. Прежде чем войти в главный подъезд гигантского прямоугольного здания штаб-квартиры Имперской службы безопасности, Майлз немного помедлил. Знакомый клен с Земли все так же нежно зеленел в солнечном свете. Как он не похож на местную растительность, окрашенную в тусклые красные и коричневые тона. Повидает ли он когда-нибудь Землю? Может быть.

У входа Майлз предъявил охранникам пропуск. Лица были ему знакомы: с личными делами этих людей он возился нескончаемо долгой минувшей зимой. Неужели — всего лишь несколько месяцев назад? Казалось, прошли годы. Однако Майлз до сих пор мог назвать суммы их денежного довольствия. Они обменялись любез-

ностями, но опытные сотрудники Имперской безопасности не задали ему вопрос, который он прямо-таки читал в их глазах. «Где вы были, сэр?» Сопровождающего Майлзу не дали — это было хорошим признаком. Теперь-то уж нельзя сказать, что он не знает дороги.

Майлз прошел по знакомому лабиринту коридоров к лифтам и поднялся. Капитан, сидевший в приемной Иллиана, едва оторвавшись от стула, указал ему на дверь. Кабинет нисколько не изменился: гигантский стол Иллиана, сам Иллиан... выглядевший усталым и бледным. Ему бы погреться на весеннем солнышке. Но, во всяком случае, седины у него не прибавилось, и одет он был по-прежнему безупречно.

Иллиан указал ему на кресло — еще один хороший признак, решил Майлз — и, оторвавшись наконец от своих занятий, поднял голову. Он оперся локтями на стол и взглянул на Майлза с обычным недовольством, словно тот был досадной ошибкой, которой можно пренебречь ради чистоты теории.

— Младший лейтенант Форкосиган, — вздохнул Иллиан. — Кажется, у вас все те же проблемы с субординацией.

— Я знаю, сэр. Мне очень жаль.

— А вы пытались что-нибудь предпринять, помимо сожалений?

— Что я могу поделать, сэр, если мне отдают неверные приказы.

— Если вы не умеете подчиняться приказам, вы не нужны мне.

— Но... мне кажется, я их выполнил. Вы хотели выяснить обстановку в Ступице Хеджена. Я сделал это. Вы хотели узнать, откуда исходит дестабилизирующее воздействие. Я узнал. Хотели убрать дендарийских наемников из Ступицы. Насколько я знаю, они покидают ее недели через три. И вы просили результатов. Вы получили их.

— Не слишком ли много? — пробормотал Иллиан.

— Правда, я не имел приказа освобождать Грегора. Но я решил, что вы этого хотели, сэр, — почтительно добавил Майлз.

Иллиан поискал признаки иронии на его лице и, найдя их, сжал губы. Майлз старался смотреть на шефа бесстрастно, как и подобает примерному офицеру, однако обмануть Иллиана было трудно.

— Насколько я помню, — сказал Иллиан, память у которого благодаря вживленной иллирийской микросхеме была абсолютной, — я отдавал все эти приказы капитану Унгари. Тебе я отдал только один приказ. Помнишь какой? — Вопрос был задан тем подбадривающим тоном, каким обращаются к шестилетнему ребенку, который учится завязывать шнурки. Иллиана так же трудно переиграть на почве иронии, как и что-то скрыть от него.

— Подчиняться приказам капитана Унгари, — неохотно припомнил Майлз.

— Вот именно. — Иллиан наклонился вперед. — Унгари был прекрасным оперативником. Если бы твоя авнтюра не удалась, его карьера рухнула бы. Он и так уже не на прежнем счету.

Майлз сделал протестующий жест:

— Почему же? Он принимал грамотные решения. Вы не можете винить его. Просто... дело было слишком сложным. Я не мог продолжать играть младшего лейтенанта, когда требовалось вмешательство лорда Форкосигана. Или адмирала Нейсмита...

— Быть может, — согласился Иллиан. — И все же... под чье начало я могу теперь тебя отдать? Кому на этот раз ты сломаешь карьеру?

Майлз подумал.

— А почему бы мне не подчиняться непосредственно вам, сэр?

— Ну, спасибо, — усмехнулся Иллиан.

— Я не то хотел сказать... — Майлз начал оправдываться, но остановился, заметив в карих глазах Иллиана искру юмора. «Так ты издеваешься надо мной?»

— Собственно говоря, именно такое предложение и было выдвинуто. Нет нужды говорить, что не мной. Но галактический оперативник должен уметь действовать самостоятельно. Мы решили превратить недостаток в

достоинство... — Загоревшаяся на столе Иллиана лампочка прервала его. Он что-то проверил и нажал клавишу. Справа от стола в стене открылась дверь. Оттуда вышел Грегор. Император оставил одного охранника в коридоре. Второй беззвучно скользнул внутрь и занял позицию у двери в приемную. Иллиан поднялся, чтобы предложить императору кресло, и, кивнув ему, — кивок можно было принять за поклон, — сел на место. Майлз вскочил и отдал честь.

— Вы уже сказали ему о дендарийцах? — спросил Иллиана Грегор.

— Как раз подходил к этому, — ответил Иллиан. — Постепенно.

— А что с дендарийцами? — поинтересовался Майлз, не сумев скрыть нетерпения.

— Мы решили пользоваться их услугами на постоянной основе, — важно сказал Иллиан. — Ты в роли адмирала Нейсмита будешь нашим представителем.

— Консультировать наемников? — Майлз заморгал. «Нейсмит жив!»

Грегор усмехнулся:

— Личных императорских наемников. Я думаю, мы обязаны им большим, чем просто платой за услуги в Ступице Хеджена. И они, без сомнения, продемонстрировали способность действовать там, где, в силу политических аспектов, регулярная армия бесполезна.

Как показалось Майлзу, на лице Иллиана было написано не то что бы осуждение идеи, а скорее глубокая скорбь о бюджете службы.

— Саймон будет подыскивать и обеспечивать возможности их активного использования, — продолжал Грегор. — Должны же они в конце концов оправдывать свое назначение.

— Я думаю, дендарийцы более пригодны для разведывательных целей, чем для тайных операций, — поспешно вставил Иллиан. — И, значит, им нельзя ввязываться в какие бы то ни было авантюры. Собственно говоря, я хочу, Майлз, чтобы ты организовал свою

разведывательную группу. Способности для этого у тебя есть, а я одолжу тебе пару специалистов.

— Надеюсь, не телохранителей-кукловодов, сэр? — с тревогой спросил Майлз.

— Не спросить ли мне Унгари, может быть, он захочет? — Иллиан деланно улыбнулся. — Нет. Ты будешь действовать независимо, да поможет нам Бог. Все равно, даже если если я пошлю тебя к черту на рога, ты снова очутишься здесь. Так что этот план имеет массу преимуществ, даже если от дендарийцев не будет толку.

— Боюсь, недоверие Саймона к тебе вызвано твоим нежным возрастом, — пробормотал двадцатипятилетний Грегор. — Но Мы чувствуем, что на этот раз его предвзятое суждение не подтвердится.

Да, в этих словах прозвучало императорское «Мы». Барраярское ухо Майлза не могло ошибиться. Иллиан тоже ясно услышал его. Человека, привыкшего повелевать, поставили на место. На этот раз в иронии Иллиана чувствовалось скрытое одобрение:

— Эйрел и я двадцать лет работали, чтобы получить возможность удалиться на покой. Может быть, уже пора. — Он помолчал. — В моем деле, мальчики, это называется «успех». И я бы не возражал, — вполголоса добавил он, — чтобы наконец убрали эту чертову штуку из моей головы...

— Надеюсь, вы не собираетесь подыскивать себе домик на берегу моря? — спросил Грегор.

Это прозвучало не как извинение или уступка, а просто как выражение доверия Иллиану. Не больше и не меньше.

— А насчет остального... все в порядке? — Тон, каким император задал этот вопрос, заставил Майлза встрепенуться.

— Пожалуйста. — Иллиан нырнул в ящик своего стола: — Мы решили, что должны тебе кое-что еще, Майлз, — звучно произнес Грегор.

Майлз помедлил, выбирая между «не стоит беспокоиться» и «что там такое?!», и изобразил тревожно-вопросительную мину.

Иллиан между тем уже выпрямился и бросил Майлзу что-то маленькое, сверкнувшее в воздухе красным.

— Лови! Теперь ты лейтенант. Что бы это для тебя ни значило.

Майлз держал их между ладонями — пластиковые петлицы, знаки его нового звания. Он был настолько изумлен, что растерянно пробормотал:

— Что ж, это начало решения проблемы субординации.

Иллиан наградил его колючим взглядом:

— Не витай в облаках. Около десяти процентов младших лейтенантов получают повышение после первого года службы. Правда, ваше форское общество сочтет твое повышение кумовством.

— Я знаю, — уныло сказал Майлз, но расстегнул воротник и начал прикреплять петлицы.

Лицо Иллиана смягчилось.

— Но твой отец знает об этом немного больше. И Грегор. И... э-э... я сам.

Майлз посмотрел на Иллиана и в первый раз поймал ответный взгляд.

— Благодарю вас.

— Ты их заработал. От меня ты никогда не получишь ничего, тобой не заработанного, исключая головомойку.

— Почту за счастье, сэр.

МАЙЛЗ ФОРКОСИГАН-НЕЙСМИТ И ЕГО ВСЕЛЕННАЯ

Краткая хронология

Время	События	Книга хроники
Приблизительно за 200 лет до рождения Майлза	Методами генной инженерии созданы квадди — существа, приспособленные к жизни в условиях невесомости...	*«В свободном падении»*
Во время бетано-барраярской войны	Прямой и честный, контр-адмирал Эйрел Форкосиган стал жертвой изощренных интриг знатных заговорщиков Барраярской империи. Разжалованный, он сослан на только что открытую планету, имеющую для Барраяра огромную стратегическую важность. Там, во время военного конфликта с открывшими планету колонистами Беты, Эйрел встретил Корделию Нейсмит. Враги, они полюбили друг друга. Супруги, они прошли сквозь ад, чтобы спасти Барраярскую империю от надвигающегося кошмара гражданской войны...	*«Осколки чести»*

Попытка дворцового переворота Фордариана	Императорский дворец захвачен заговорщиками. Дворцовый переворот грозит ввергнуть в кровавый хаос всю Барраярскую империю. Казалось бы, предотвратить кошмар невозможно... Но совершить невозможное ценой нечеловеческого усилия удается Корделии, которая во что бы то ни стало должна спасти своего сына Майлза, жестоко пострадавшего от ядовитого газа...	*«Барраяр»*
Майлзу 17 лет	Майлз Форкосиган, не сумевший из-за последствий газового отравления поступить в Императорскую военную академию, создает среди бесчисленных опасностей боевой флот Дендарийских наемников. Отныне вся Галактика будет с восторгом повторять его новое имя — имя адмирала Нейсмита, величайшего из героев космоса...	*«Ученик воина»*
Майлзу 20 лет	Майлз Форкосиган вынужден проводить расследование безжалостного убийства ребенка-мутанта, рискуя собственной жизнью. Сам в детстве чудом избежавший гибели, он дерзает выступить против варварского древнего обычая — уничтожать детей с физическими отклонениями...	*«Горы скорби»* из книги *«Границы бесконечности»*
	Майлз Форкосиган, все же окончивший академию, получает первое назначение — на полярную базу... Назначение, завершившееся абсурдным обвинением в государственной измене. И тем не менее Майлз ставит на карту свою жизнь, чтобы спасти от верной гибели молодого императора Барраяра. Бесстрашные дендарийцы становятся частью Имперских сил безопасности...	*«Игра форов»*

Майлзу 22 года	Майлз Форкосиган отправляется на планету Цетаганда — на похороны Императрицы. Но, прибыв на скорбную церемонию, он помимо своей воли оказывается втянут в самый центр паутины дворцовых интриг, где на кон поставлены власть и могущество, удары наносятся в спину и из-за угла, а доверять нельзя никому...	*«Цетаганда»*
	Доктор Этан Эркхарт с отдаленной планеты Эйтос со сверхсекретным заданием отправляется на космическую станцию — и неожиданно для себя становится соратником Элли Куин, самой верной и бесстрашной из сподвижников Майлза Форкосигана, в смертельно опасной операции — борьбе против лучших сил цетагандийских спецслужб...	*«Этан с планеты Эйтос»*
Майлзу 23 года	Архипелаг Джексона — планета-притон, планета — логово галактических негодяев всех мыслимых мастей. На Архипелаге Джексона действуют лишь два закона — закон денег и закон силы. В такое чудовищное место бесстрашно отправляется Майлз Форкосиган — на новое рискованное задание. Ему предстоит любой ценой похитить и вывезти на Барраяр гениального специалиста по генной инженерии...	*«Лабиринт»* из книги *«Границы бесконечности»*
Майлзу 24 года	На мрачной планете-тюрьме Дагула IV расположен цетагандийский лагерь военнопленных. Именно туда отправляется Майлз Форкосиган. В аду, в котором практически невозможно выжить, он должен не просто уцелеть, но и выполнить новое задание — провести операцию по освобождению заключенных...	*«Границы бесконечности»* из книги *«Границы бесконечности»*

Майлзу 24 года	**Много лет назад, когда Майлз был еще ребенком, террористы с планеты Комарра, похитив из госпиталя его ткани, создали из них клона — двойника Майлза. И вот теперь, когда Майлз оказался на Земле, вдали от Барраяра, комаррцы пытаются подменить его клоном и, ввергнув Барраяр в кровавый водоворот дворцового переворота, возвести клона на императорский трон. Но бесстрашие и хитроумие Майлза опрокидывают все планы террористов...**	***«Братья по оружию»***
Майлзу 25 лет	**После предыдущей операции Майлз госпитализирован. Сломанные кости рук заменены синтетическими. Лежа на больничной койке, Майлз помогает Саймону Иллиану предотвратить еще одну попытку государственного переворота...**	***«Границы бесконечности»***
Майлзу 28 лет	**Марк, брат-клон Майлза, воспользовавшись его отсутствием, прибывает на флагманский корабль Дендарийского флота и выдает себя за адмирала Нейсмита, дабы осуществить нападение на Архипелаг Джексона. Операция завершается катастрофой, во время которой убивают примчавшегося на выручку Майлза. Его тело помещают в криокамеру, но криокамера бесследно исчезает. Поиски ведутся по всей Галактике...**	***«Танец отражений»***

Майлзу 29 лет	Криогенное оживление Майлза привело к неожиданному и трагическому результату: его признали непригодным к военной службе, однако, когда над Барраяром нависает новая опасность, бесстрашный лорд Форкосиган вновь вступает в игру. Трудно даже вообразить, к чему может привести разрушение чипа памяти, вживленного в мозг шефа Имперской безопасности. Кто и зачем это сделал? Только Майлз может найти предателя и спасти империю...	*«Память»*
Майлзу 30 лет	Майлз Форкосиган, ныне — Имперский Аудитор, послан на планету Комарра, на орбите которой при весьма загадочных обстоятельствах взорвался солнечный отражатель, дающий свет этому сумрачному миру. Рутинное расследование? Или смертельно опасная борьба с группой жестоких заговорщиков? Возможно, от отваги и хладнокровия лорда Аудитора зависит судьба не только Комарры, но и всей Барраярской империи...	*«Комарра»*

Содержание

Ученик воина 5
Игра форов 359

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "КООРДИНАТЫ ЧУДЕС"

Лучшие из лучших произведений мировой фантастики, признанные мастера, живые классики жанра и талантливые новые авторы последнего поколения фантастов, буквально ворвавшиеся в литературу...

Величайший фантастический шедевр нашего времени — трилогия Дэна Симонса "Гиперион", "Падение Гипериона" и "Эндимион", неподражаемо оригинальные романы Дугласа Адамса из цикла "Автостопом по Галактике" и остросюжетный, полный приключений сериал Лоис М. Буджолд о космическом герое Майлзе Форкосигане, великолепные Грег Бир, Конни Уиллис, Джонатан Летем, Джордж Мартин и многие другие...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте". Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир леденящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.
Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕРИЯ
"МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ"

Братья Стругацкие... Их знают не только те, кто любит фантастику. Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди - независимо от возраста, образования, убеждений. На этих книгах выросло не одно поколение читателей. Каждый находит в них что-то для себя, каждый черпает из них что-то свое, словно бы предназначенное именно для него. Братья Стругацкие - это "знак качества", фирменная марка, символ и идеал, к которому так хочется стремиться.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ -"Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.
"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ –"Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

В серии "Век дракона" вышли:

К.Андерсон	«Игроземье» - т.1 (Игра начинается)
К.Андерсон	«Игроземье» - т.2 (Ответный ход)
К.Андерсон	«Игроземье» - т.3 (Игра окончена)
Р.Асприн	«МИФтерия жизни»
Р.Асприн	«Корпорация МИФ»
Р.Асприн	«МИФические личности»
Р.Асприн	«Еще один великолепный МИФ»
Л.М.Буджолд	«Кольца духов»
Л.Гамильтон	«Обет колдуньи»
Д.Геммел	«Легенда»
Д.Геммел	«Нездешний»
Р.Гаррет	«Слишком много волшебников»
Т.Гудкайнд	«Второе правило волшебника» - 2 тт. (Камень слез)
Т.Гудкайнд	«Третье правило волшебника» - 2 тт.
Д.Джонс	«Ученик пекаря»
Д.Джонс	«Измена»
Д.Джонс	«Чародей и дурак»
О.Джонсон	«Нашествие теней»

Р.Джордан	«Восходящая тень» - 3 тт.
Р.Джордан	«Огни небес» - 3 тт.
Р.Джордан	«Великая охота» - 2 тт.
Р.Джордан	«Возрожденный дракон» - 2 тт.
Р.Джордан	«Око мира» - 2тт.
Р.Джордан	«Властелин хаоса» - 3 тт.
Н.О'Донохью	«Ветеринар для единорога»
Н.О'Донохью	«Под Знаком Исцеления»
Н.О'Донохью	«Исцеление Перекрестка»
Д.Дункан	«Разбойная дорога»
Д.Дункан	«Седьмой меч» т.1 («Путь воина»)
Д.Дункан	«Седьмой меч» т.2 («Обретение мудрости»)
Д.Дункан	«Седьмой меч» т.3 («Предназначение»)
Д.Дункан	«Красно-розовый город. Тень»
Д.Дункан	«Большая игра, круг первый. Прошедшее повелительное»
Д.Дункан	«Большая игра, круг второй. Настоящее напряженное»
Д.Дункан	«Приют охотника»
Д.Дункан	«Большая игра, круг третий. Будущее неопределенное»
К.Королев	«Энциклопедия мифических существ»

Г.Кук	«Зловещие латунные тени»
Г.Кук	«Ночи кровавого железа»
Г.Кук	«Жалкие свинцовые божки»
Г.Кук	«Золотые сердца с червоточинкой. Сладкозвучный серебряный блюз»
Г.Кук	«Седая оловянная печаль»
Г.Кук	«Смертельная ртутная ложь»
Г.Кук	«Холодные медные слезы»
П.Маллен	«Повелители камней»
Т.Пауэрс	«Врата Анубиса»
Т.Пауэрс	«На странных волнах»
А.Сапковский	«Ведьмак»
А.Сапковский	«Час презрения»
А.Сапковский	«Кровь эльфов»
А.Сапковский	«Крещение огнем»
А. Сапковский	«Башня Ласточки»
К.Сташеф	«Маг при дворе Ее Величества»
К.Сташеф	«Маг, связанный клятвой»
К.Сташеф	«Маг-целитель»
К.Сташеф	«Маг-менестрель»
М.Суэнвик	«Дочь железного дракона»
Д.Тарр	«Замок горного короля»
Д.Тарр	«Владычица Хан-Гилена»
Д.Тарр	«Жребий принцессы»
Г.Тертлдав	«Дело о свалке токсичных заклинаний»

Л.Уотт-Эванс	«Военачальник поневоле. Кровь дракона»
Л.Уотт-Эванс	«Заклинание с изъяном. С единственным заклинанием»
Л.Уотт-Эванс	«Заклятие черного кинжала»
Л.Уотт-Эванс, Э. Фриснер	«Корона на троих»
М.Уэлс	«Стихия огня»
М.Уэлс	«Город костей»
Л.Флевелинг	«Крадущаяся тьма»
Л.Флевелинг	«Месть Темного Бога»
М.Фьюри	«Диамарра»
М.Фьюри	«Арфа ветров»
М.Фьюри	«Ориэлла»
М.Фьюри	«Пламенеющий меч»
К.Худ	«Меч демона»
Д.Чалкер	«Ветры перемен»
Д.Чалкер	«Война вихря»
Д.Чалкер	«Всадники бурь»
Л.Шепард	«Ночь Белого Духа»
П.Энтони	«Источник магии»
П.Энтони	«Чары для Хамелеоши»
П.Энтони	«Замок Ругна»

ЛУЧШИЕ КНИГИ
ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

✦ **Любителям крутого детектива** – романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

✦ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальные серии "Всемирная история в лицах" и "Военно-историческая библиотека".

✦ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

✦ **Поклонникам любовного романа** – произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, К.Коултер, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил – в сериях "Шарм", "Очарование", "Откровение", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву", "Классика любовного романа".

✦ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

✦ **Почитателям фантастики** – циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, Л.Буджолд, С.Лукьяненко, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

✦ **Любителям приключенческого жанра** – "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны, Р.Шекли, М.Дрюона.

✦ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

✦ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

✦ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

✦ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

✦ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

✦ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. «Книги по почте», а также посетив фирменные магазины в Москве: Звездный бульвар, д.21. Тел. 974-1805.

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898. Арбат, д.12. Тел. 291-6101.
Татарская, д.14. Тел. 959-2095. Б.Факельный пер., д.7. Тел. 911-2107.
Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584. Луганская, д.7. Тел. 322-2822

Эти книги вы можете приобрести за рубежом, заказав бесплатный каталог по адресам:

в США – 58 AVE O BROOKLYN NY, 11204, USA, ph.: 718-2346998
в Германии – EXPRESS KURIER GmbH, ZUNFTSTRASSE 26, 77694 Kehl-Marlen, ph.: 0180/5236210, 07854/966411
в Израиле – 2, MENAHEM STREET, HAIFA, ISRAEL, 33505, ph.: 04-8664969, ADAR

Литературно-художественное издание

Буджолд Лоис Макмастер

Ученик воина
Игра форов

Художественный редактор О. Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. А. Кудрявцев
Технический редактор О. В. Панкрашина

Подписано в печать 04.05.99.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 37,80.
Тираж 7000 экз. Заказ 684.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО «Фирма "Издательство АСТ"»
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а.
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Лоис Макмастер Буджолд принадлежит своеобразный рек
она удостоена ТРЕХ "Хьюго" за РОМАНЫ – успех, уступаю
лишь достижению Роберта Хайнлайна. И еще рекорд – вс
романы относятся к одному и тому же циклу – самому, п
луй, популярному циклу в истории научной фантастики –
лу о Майлзе Форкосигане, циклу, который переведен на де
ки языков и покорил миллионы читателей.

Вселенная Лоис Макмастер Буджолд – это Вселенная могу
ственных супердержав и долгих, жестоких войн. Вселе
тонкой политической игры и изощренных придворных ин
И, конечно же, самое главное – это Вселенная одного из са
запоминающихся персонажей научной фантастики – Ма
Форкосигана, полководца, путешественника, дипломата,
дворного и, наконец, просто ГЕРОЯ.

Что же принесло саге о Майлзе Форкосигане такой огромный успех и обеспечило такую популярно
Острый сюжет? Захватывающие приключения? Блестящий замысел, блестяще воплощенный в жи
Искрометный юмор?

Прочитайте – и узнайте сами!!!

ISBN 5-237-02668-0